

И. Г. КОЛОМИЕЦ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЗАКАРПАТЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX СТОЛЕТИЯ**

Том первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1961

И. Г. КОЛОМИЕЦ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ЗАКАРПАТЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX СТОЛЕТИЯ

Том первый

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1961

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Развитие капитализма в сельском хозяйстве по «русскому» пути	13
1. Естественно-географические условия, территория, население	—
2. Отмена крепостного права и экспроприация крестьянства	18
3. Пережитки средневековых отношений в сельском хозяйстве	43
4. Социальная структура сельского хозяйства и разложение крестьянства	51
Глава II. Основные тенденции капиталистической эволюции сельского хозяйства	77
1. Развитие торговых отраслей сельского хозяйства. Концентрация сельскохозяйственного производства	—
Торговое земледелие	—
Торговое животноводство	116
2. Применение машин в сельском хозяйстве. Повышение агротехнического уровня земледелия в помещичье-капиталистических хозяйствах	138
3. Наемный труд в сельском хозяйстве	162
4. Отделение земли, как условия производства, от землевладельца и от землевладельца. Рост земельной собственности на буржуазной основе	189
Арендно-земельные отношения	—
Ипотечный кредит	216
Рост земельной собственности на буржуазной основе	223
5. Развитие сельскохозяйственной кооперации	232
Глава III. Разорение широких масс закарпатского крестьянства	247
1. Налоговый гнет	—
2. Закарпатская деревня в тисках ростовщического капитала	278
3. Пауперизация и вымирание закарпатского крестьянства	301
4. Трудовая заокеанская эмиграция закарпатских украинцев	332
5. «Верховинская акция»	363
Примечания	383

Иван Гаврилович Коломиец

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАКАРПАТЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

(Том первый)

Редактор К. П. Ярошевский
Технический редактор А. П. Осовский
Корректор М. П. Волкова

K301748   Сдано в набор 4/VIII-60 г.   Подписано к печати 31/VIII 61 г.
Бумага 60X92   Объем 25,25 печ. л.; 12,625 бум. л.
Заказ 5084.   Тираж 1000 экз.   Цена в переплете 1 р. 61 к.

Томск. типсаграфия № 1 Полиграфиздата Советская, 47

ВВЕДЕНИЕ

Задача, которую ставил перед собой автор настоящей работы, заключалась в том, чтобы на основе марксистско-ленинского учения об обществе, исследовать основные тенденции развития капитализма в Закарпатье, особенности социально-экономических отношений, классово-борьбы, национально-политического и культурного движения во второй половине XIX столетия.

Развитие капиталистического способа производства составляло главное содержание этой эпохи в истории Венгрии и Закарпатья в том числе. Начало этой эпохе было положено буржуазными революциями 1848—1849 годов в Австрии и Венгрии, приведшими к ликвидации крепостного права. Заключительным этапом этого периода являлся переход капитализма с конца XIX столетия в империалистическую стадию. Своеобразие второй половины XIX столетия как определенного, правда, условного рубежа, отделяющего феодальный способ производства от капиталистического и эпоху домонополистического капитализма от его развитой империалистической стадии, дает научное основание для выделения истории этого периода в качестве темы специального монографического исследования.

Создание обобщающего труда по истории Закарпатья второй половины XIX столетия является назревшей и актуальной задачей. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, одно из крупнейших исторических событий в жизни украинского народа — воссоединение всех украинских земель в единой Украинской Советской Социалистической республике — настоятельно выдвигает задачу создания полного марксистского исследования по истории Украины, по истории всех воссоединенных земель, в том числе и Закарпатья. Во-вторых, вопросы истории Закарпатской Украины второй половины XIX столетия в нашей историографии разработаны еще край-

не слабо, а без всестороннего исследования коренных проблем эпохи становления и развития капитализма нельзя глубоко понять и осветить особенности последующих периодов ее истории. В-третьих, написание обобщающего труда по истории Закарпатья второй половины XIX столетия диктуется также необходимостью решительного разоблачения культивируемых на протяжении многих десятилетий буржуазной историографией антинаучных концепций. Правильное марксистское освещение истории Закарпатья эпохи капитализма и принципиальная критика реакционных взглядов и теорий буржуазных историков является составной частью нашей борьбы с враждебной идеологией, пережитками капитализма в сознании трудящихся Закарпатья, борьбы за победу коммунистического мироздания.

**
*

Закарпатье — исконная восточнославянская область; закарпатские украинцы — составная часть украинского народа. На протяжении многих столетий Закарпатская Украина находилась под гнетом господствующих классов Венгрии и Австрии и была превращена ими в колониальный придаток коронных земель.

Вся история Закарпатья с XI и до второй половины XIX столетия, т. е. с момента подчинения его венгерскими королями и до отмены крепостного права, — это история многовекового угнетения трудящихся закарпатских украинцев и их освободительной борьбы против феодального строя, чужеземного порабощения и католической реакции.

История Закарпатья до XV столетия еще совершенно не исследована и теряется во мгле далекого прошлого¹⁾. Период XV—XVIII веков (отдельные этапы которого освещены в советской литературе)²⁾ характеризуется массовыми восстаниями

---

¹⁾ Кроме разрозненных археологических изысканий, этому периоду посвящена статья М. Лелекача «Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X—XI ст.» (см. Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 2, Ужгород, 1949), представляющая собой первую попытку обоснования исторических связей Закарпатья с древнерусским государством.

²⁾ См. Коломиец И. Г., Очерки по истории Закарпатья, ч. I. Труды Томского государственного университета, т. 121, Томск, 1953; Лелекач М. М., Процес закріпачення закарпатського селянства в XIV—XV ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 24, Ужгород, 1957; Культурні зв'язки Закарпаття з Україною і Росією в XVII—XVIII ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 9, Ужгород, 1954; Мельник В. М., Посилання класової боротьби на Закарпатті у другій половині XVII і на початку XVIII ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957; Шульга І. Г., Втягнення феодальних господарств Закарпаття в товарно-грошові відно-

венгерських і закарпатських крепостних крест'ян, нашедшими своє найбільше ярке вираження в русі «куруцев» XVI і XVIII століть, боротьбою закарпатського крест'янства проти церковної унії. В це же час посилювалася феодальна експлуатація непосредствених виробителів і проявлялись симптоми розпаду феодального господарства під впливом розвивавшихся товарно-денежних відносин.

Перша половина XIX століття в історії Закарпаття в області економічного і соціального розвитку була відзначена углубленням кризи феодально-крепостническої системи, устої котрої із десятиліття в десятиліття все більше піддавалися виривавшим в її недрах капіталістическим способом виробитва. К. Маркс, визначаючи сутність цього процесу зміни феодальної системи виробитвених відносин капіталістическої, указував: «Економіческа структура капіталістического общества виривла із економіческої структури феодального общества. Розпадування останнього освободило елементи першого»³).

Важливішим політическим подією цієї епохи являлись буржуазні революції 1848—1849 років в Австрії і Венгрії, привившие до відміни крепостного права і ліквідації найбільше односторонніх феодальних інститутів і до усунування основних перешкодж, затримувалих розвиток капіталістических відносин.

Економіческе розвиток Закарпатської України естесвенно характеризувалось в общих чортах теми же закономерностями і особливостями, котрі були своїственні Венгрії в цілому. Ці історически сложившіся особливості, коротко говоря, заключались в чрезвычайно затягнутому господстві крепостничества, визначившем собою замедлений темп первоначального накоплення капітала, промисленого розвитку і складывання буржуазних відносин і, в конечном чисе, економіческую відсталість країни. Развитие капіталізму і збільшення спросу на хліб в Западній Європі, привившие в восточноевропейських країнах, де також розвивались товарно-денежні відносини, до «второму виданню крепостничества», в условиях котрого і протекав здесь процес пер-

---

снини в другій половині XIX століття (по архівах Мукачєво-Чинадівської латифундії Шенборна), Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 30, Ужгород, 1957; Становища селян Закарпатської України в 70—80 роках XVIII ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 36, Ужгород, 1958, Штернберг Я. І., З історії спільної боротьби угорських і українських селян підчас визвольної війни 1703—1711 рр., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 38, Ужгород, 1958.

³) К. Маркс, Капітал, т. 1, 1950, стр. 720

воначального накопления капитала, зависимость Венгрии от Австрии являлись наиболее важными факторами, обусловившими эту специфику предыстории капитализма в Венгрии и Закарпатье⁴).

Господство крепостнических отношений в Венгрии привело к тому, что начавшаяся еще в XVII веке экспроприация сельскохозяйственного производителя чрезвычайно затянулась и не сопровождалась внезапным насильственным отрывом массы крестьян от средств их существования и выбрасыванием их на рынок наемного труда как пролетариев. Эта особенность процесса экспроприации крестьянства объяснялась, во-первых, заинтересованностью класса помещиков в сохранении принудительного труда крепостных крестьян как необходимого условия существования барщинного хозяйства, приспособляющегося к требованиям товарно-денежных отношений, и, во-вторых, ограниченными потребностями в наемном труде мануфактурной и фабричной промышленности, развитие которой задерживалось дискриминационной политикой австрийского правительства.

Накопление денежных богатств в форме купеческого и ростовщического капитала в Венгрии, необходимого для создания капиталистических предприятий, вследствие этих же причин протекало сравнительно медленно и отставало от темпов накопления в других более развитых странах Западной Европы.

Таким образом, особенности первоначального накопления капитала в Венгрии, а они были типичными и для Закарпатской Украины, заключались в несоответствии двух сторон этого единого процесса, выразившегося в продолжительном отставании накопления денежного капитала от экспроприации крестьян и в значительном и длительном отставании спроса на наемных рабочих от предложения⁵).

Несмотря на то, что переход от феодальной формы товарного производства к капиталистическому производству в Закарпатье задерживался феодальным и цеховым строем, объективные условия экономического развития неуклонно вели к усилению капиталистических отношений в области сельского

---

⁴) История Закарпатья первой половины XIX столетия (процесс разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений, а также события, связанные с революцией 1848—1849 годов в Закарпатье), освещена нами во второй части «Очерков по истории Закарпатья» (см. Коломиец И. Г., Очерки по истории Закарпатья, ч. 2. Томск, 1959).

⁵) См. Пах П. Ж., Об особенностях первоначального накопления капитала в Венгрии, «Вопросы истории», № 2, 1955.

хозяйства, промышленности и обмена. Все большее вовлечение крепостнических хозяйств в товарно-рыночные отношения, усиление барщинной эксплуатации крестьян, углубляющийся процесс обезземеления крестьянства и его разложение подрывали основу существования барщинной системы — господство натурального хозяйства и наделение непосредственных производителей земель. Ярким проявлением глубокого кризиса феодально-крепостнического хозяйства являлся их экономический застой, обусловленный низкой производительностью труда крепостных крестьян, отсталой техникой производства и невозможностью расширенного воспроизводства на старой крепостнической основе.

Одновременно с этим происходит дальнейшее разложение цехового ремесла и упадок вотчинной промышленности. Возникновение предприятий нового, мануфактурного типа, зарождение фабричной промышленности, требующих вложения капитала и применения свободного наемного труда, а также относительное расширение внешней торговли и внутреннего рынка, рост товарно-денежных отношений свидетельствовали о том, что закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил пробивал себе дорогу, постепенно преодолевая препятствия, создаваемые феодально-крепостнической системой.

**
*

Настоящая работа издается в двух томах. Первый том монографии посвящен проблемам капиталистической эволюции сельского хозяйства и аграрным отношениям; во втором томе исследуется развитие промышленности и внутреннего рынка, а также дается характеристика общественного движения в Закарпатье и борьбы трудящихся против социального и национального угнетения.

На основе изучения статистического и архивного материала автор показывает особенности развития капитализма в сельском хозяйстве и специфику тенденций его капиталистической эволюции. Сущность аграрных отношений в Закарпатье во второй половине XIX столетия определялась развитием капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому» пути, характеризующемуся тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который в силу этого надолго сохраняет полуфеодалные черты.

Капиталистическая эволюция сельского хозяйства в Закарпатье выразилась в развитии его торговых отраслей, концентрации земельной собственности и сельскохозяйственного производства в руках крупных помещиков, капиталистических

предпринимателей и кулаков, в углублении процесса социального расслоения в деревне, разорении и обнищании широких масс закарпатского крестьянства.

Анализ сущности аграрных отношений в Закарпатье целиком и полностью подтверждает положение В. И. Ленина о гнете капитала, тяготеющего над сельским хозяйством и над непосредственными производителями—крестьянами. «Распыление и расхищение труда человека, худшие виды зависимости производителя, истощение сил крестьянской семьи, крестьянского скота, крестьянской земли — вот, что несет капитализм везде и повсюду крестьянину»⁶⁾.

В первой части второго тома дается характеристика особенностей промышленного развития Венгрии и Закарпатья, основных отраслей промышленного производства, выясняются причины промышленной отсталости Закарпатья, господства иностранного капитала и исследуется положение промышленных рабочих, а также рассматриваются вопросы, связанные с развитием внутренней торговли и кредитной системы.

Определение сущности общественного движения и классовый борьбу в Закарпатье составляет содержание второй части этого тома. Автор показывает прежде всего политическую и социальную основу национального угнетения закарпатских украинцев господствующими классами Австро-Венгрии, раскрывает реакционную роль униатской церкви как орудия социального, национального и духовного порабощения народа. Специальная глава этого тома посвящена характеристике особенностей национального движения и умеренно буржуазного национально-политического и культурного течения «будителей».

Исследуя проблемы классовой борьбы в Закарпатье, автор рассматривает следующие основные вопросы: борьба рабочих против капиталистической эксплуатации, аграрно-социалистическое движение в Венгрии и его влияние на Закарпатье, выступления трудящихся против политического бесправия, национального и религиозного угнетения, а также выясняет исторически обусловленные причины неразвитости классовой борьбы в Закарпатье и классово политической отсталости закарпатского крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата.

Заключительная часть монографии «Историография, источники и литература» состоит из двух глав, одна из которых представляет собой историографический очерк, другая — обзор источников и литературы.

---

⁶⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 250

Проблемы социально-экономического и национально-политического развития Закарпатья во второй половине XIX столетия в нашей литературе почти совершенно не разработаны. За исключением трех статей научного работника Ужгородского университета В. И. Илько, характеризующих некоторые вопросы аграрных отношений⁷⁾, и труда венгерского автора И. Перени, освещающего отдельные стороны социально-экономических и национальных отношений⁸⁾, других специальных исследований по этой теме опубликовано не было. Поэтому основные проблемы истории Закарпатья этого периода нам приходилось в значительной мере разрешать самостоятельно. К числу этих проблем относятся: 1) основные тенденции капиталистической эволюции сельского хозяйства во второй половине XIX столетия (развитие торговых отраслей сельского хозяйства, применение наемного труда, агротехнический уровень сельского хозяйства, арендные отношения, ипотека, сельскохозяйственная кооперация); 2) развитие внутреннего рынка и кредитной системы; 3) политика национального угнетения и ассимиляции закарпатских украинцев, осуществляемая правящими классами Австро-Венгрии; 4) особенности национального движения и проблема «будительства»; 5) антинародная роль униатской церкви; 6) особенности борьбы трудящихся против классового и национального гнета; 7) основные направления в историографии Закарпатья.

Из многих факторов, оказавших значительное влияние на содержание и специфику исторического процесса в Закарпатье, необходимо выделить, по нашему мнению, как один из главных — колониальную зависимость Закарпатской Украины⁹⁾. Именно колониальное положение Закарпатья и установленная господствующими классами Австро-Венгрии система колониального угнетения трудящихся масс закарпатских украинцев составляли наиболее существенную черту его социально-эконо-

⁷⁾ См Илько В. И., З історії обезземелення селян Закарпаття в другій половині XIX ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, Ужгород, 1957; До питання розшарування селянства на Закарпатті в другій половині XIX ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 30, Ужгород, 1957; З історії селянських рухів на Закарпатті в другій половині XIX ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 36, Ужгород, 1958.

⁸⁾ См И Перени, Из истории закарпатских украинцев (1849—1914), *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 14, Bdp, 1957

⁹⁾ Венгерский историк И Перени в указанной работе отрицал колониальное положение Закарпатской Украины, признавая, вместе с тем, что политика правящих классов Венгрии по отношению к закарпатским украинцам была угнетательской. Советские авторы (В. Нетоцаев, В. Усенко

мической истории. Это один из главных исторических факторов, определивших собой крайнюю отсталость Закарпатской Украины как в области экономической, социальной, политической, так и в области национальной и культурной.

Распределение населения по роду занятий (преобладание сельского населения, небольшой процент городского населения и промышленных рабочих в целом и незначительный удельный вес закарпатских украинцев в их составе), социальная структура землевладения и землепользования (сосредоточение значительной части земель и сельскохозяйственной продукции в руках крупных немецких и венгерских помещиков и арендаторов-капиталистов из числа еврейской буржуазии), сильные остатки полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве и докапиталистических форм эксплуатации крестьянства, чрезвычайно отсталый агротехнический уровень крестьянского земледелия, глубокий процесс разорения и пауперизации закарпатского крестьянства — все это являлось прямым следствием колониального положения Закарпатья, представлявшего собой аграрно-сырьевую базу и рынок сбыта более развитых в промышленном отношении областей Венгрии и Австрии.

Экономическая, торговая, финансовая, налоговая, тарифная политика венгерского правительства на всем протяжении существования Австро-Венгрии была направлена к тому, чтобы сохранить Закарпатскую Украину на положении отсталой, аграрной области. Промышленное развитие Закарпатья было подчинено не развитию производительных сил края, а исключительно интересам австро-венгерской экономики; естественные богатства его хищнически использовались для получения сверхприбылей австро-венгерским и иностранным капиталом. Структура закарпатской промышленности характеризовалась преобладанием тех отраслей, которые обеспечивали без значительных капиталовложений высокие прибыли (лесная, химическая, пищевая промышленность и предприятия по переработке минерального сырья). Наличие постоянной резервной армии труда и дешевой рабочей силы в условиях колониальной зависимости Закарпатья определили собой чрезвычайно низкий жизненный уровень наемных рабочих, тяжелые формы их эксплуатации, техническую отсталость промышленности и значительный удельный вес ремесленно-кустарного производства. В промышленности, товарообороте, кредитной системе решающую роль играл капитал австрийской, венгерской, немецкой, еврей-

---

и др.), к мнению которых мы присоединяемся, научно обоснованно считают, что Закарпатская Украина находилась на положении внутренней колонии Австро-Венгрии.

ской, английской, французской, американской буржуазии. Удельный вес капиталов закарпатоукраинской промышленно-финансовой буржуазии во второй половине XIX столетия был ничтожным.

Жестокая помещичье-капиталистическая эксплуатация трудящихся Закарпатья дополнялась системой политического и национального угнетения, степень и формы которого были типичными именно для области, находившейся в колониальной зависимости.

Характерной чертой исторического развития Закарпатья являлась традиционная дружба между трудящимися закарпатскими украинцами, венграми, словаками и румынами, закаленная в их совместной многовековой борьбе против общих угнетателей и эксплуататоров. Огромное влияние на освободительную борьбу трудящихся Закарпатья оказывало революционное движение венгерского пролетариата и беднейшего крестьянства.

Необходимо подчеркнуть также, что на всем протяжении нашего исследования мы рассматриваем историю Закарпатья в органической связи с историей Венгрии, в состав которой Закарпатская Украина входила на протяжении столетий. Поэтому основные закономерности и тенденции социально-экономического и политического развития Венгрии и Закарпатья были общими, идентичными, но это обстоятельство не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость выявления специфических черт исторического процесса в Закарпатье, обусловленных конкретно-исторической обстановкой, положением Закарпатской Украины как колониально-зависимой области.

Вместе с тем, исследуя историю Закарпатья, мы неизменно исходили из того положения, что закарпатские русины являются составной частью украинского народа, что идея братства и стремление к воссоединению закарпатских украинцев со всем украинским и русским народами — это жизненно важный фактор в исторических судьбах закарпатских украинцев и решающий момент многовековой освободительной борьбы трудящихся Закарпатья.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией привела к осуществлению вековых чаяний закарпатских украинцев, к воссоединению с братскими советскими народами. Ярослав Галан такими проникновенными словами выразил значение этого события в жизни народных масс Закарпатской Украины: «И вот, сквозь муки столетий, сквозь пекло страданий, через море бедствий народ Закарпатья пришел к своей цели: в кругу свободных народов он нашел и желанную волю, и счастье творческого труда, и богатство, и славу, и силу. Воздвигнутая над Карпатами арка государственного единства

с Советской Украиной и всем Советским Союзом положила конец 800-летнему закарпатскому лихолетию»¹⁰⁾.

Завершение исторического процесса воссоединения украинских земель в едином украинском советском государстве стало возможным благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции и явилось ярким выражением превосходства социалистического общественно-политического строя над капиталистическим, блестящей победой ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

---

¹⁰⁾ Ярослав Галац, Твори, т. 2, К., 1953, стр. 383; перевод с украинского автора

Глава I

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПО «ПРУССКОМУ» ПУТИ

1. ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, ТЕРРИТОРИЯ, НАСЕЛЕНИЕ

Области, населенные закарпатскими украинцами и входившие в состав Венгрии до распада Габсбургской монархии, занимали территорию, расположенную на южных склонах и предгорьях Восточных Карпат и частично в Притиссенской низменности. Закарпатье — преимущественно горная область. В ее пределах расположены горные хребты Карпат—Горганский (север), Полонинский (центр), Вигорлат-Гутинский (юг) и Черные горы (юго-запад). Горные вершины здесь достигают 1000—2000 м над уровнем моря (вершина Гун—1365 м, Полонина-Ровна—1482 м, Стой—1679 м, Стримба—1723 м, Поп-Иван—1946 м, Говерла—2058 м); они покрыты альпийскими лугами—полонинами, которых особенно много в восточной части Закарпатья. Притиссенская низменность занимает примерно 1/4 часть всей территории Закарпатья. Слияние Черной и Белой Тиссы в северо-восточной области Закарпатья образует реку Тиссу, приток Дуная. Из других горных рек Закарпатья, отличающихся резким сезонным колебанием водного режима, наиболее значительными являются Латорица, Уж, Тересва, Теребля и Рика.

Климат Закарпатья — умеренно континентальный. В низменных и предгорных районах средняя температура в июле +19°C, в январе —3°C. Вегетационный период здесь — свыше 250 дней. В горных областях средняя температура в июле понижается до +7°C, а вегетационный период сокращается до 160 и более дней. Среднее годовое количество осадков 600—800 мм, в горах повышается до 1000—1600 мм¹⁾.

¹⁾ См. В. А. Ануцин, А. И. Спиридонов, Закарпатская область, М., 1947, стр. 37.

Почва Притиссенской низменности отличается избыточным увлажнением, кислой реакцией и развитым глеевым горизонтом; для повышения ее плодородия необходимо известкование и создание мелкокомковатой структуры. Склоны гор и плоских полонин характеризуются горно-подзолистыми и горно-луговыми почвами. Нижние склоны гор и предгорья имеют бурые лесные почвы, плодородные желтоземы и красноземы. На вершинах гор и крутых склонах преобладают маломощные скелетные горно-лесные почвы.

В южных районах, расположенных в Притиссенской низменности и в простирающейся на север предгорной области, были наиболее благоприятные почвенно-климатические условия для развития земледелия, сходные с условиями Венгерской низменности. «Здесь успевают созревать не только пшеница или кукуруза, но и абрикосы, персики, виноград и грецкий орех. В горах лето более короткое и прохладное, зима длительная и суровая. В обжитых межгорных долинах и котловинах в лучшем случае возможно выращивание овса, ячменя или картофеля»²⁾). В горном районе пригодные для обработки земли располагались преимущественно в речных долинах; почвы в горах каменисты и малоплодородны. Леса и богатые пастбища на склонах гор создавали возможности для развития скотоводства. В зоне высоких гор земледелие играло второстепенную роль. Высокогорные пастбища позволяли разводить домашний скот. Территории Ужгородского, Бережского и Угочского комитатов, занимавших восточную и центральную части Закарпатья, включали в себя значительные площади низменных и предгорных земель, а Марамарошский комитат (юго-западная часть Закарпатья) представлял собой преимущественно горный район*.

Площадь указанных четырех закарпатских комитатов, населенных преимущественно закарпатскими украинцами, составляла около 18 тыс. кв. км; закарпатские жупы занимали в 1900 году из 324851 кв. км всей территории Венгерского королевства 17945 кв. км³⁾, или 5,5%.

В конце XIX столетия в Закарпатье (четыре комитата) насчитывалось 751528 чел. населения (в Марамарошском комитате проживало 41,1% населения, в Бережском — 27,6%, в Ужгородском — 20,2% и в Угочском — 11,1%)⁴⁾. Население Закарпатья по отношению к общему количеству населения зе-

²⁾ В. А. Анучин, А. И. Спирidonов, Закарпатская область, М., 1947, стр. 35.

³⁾ Magyar statisztikái évkönyv (в дальнейшем сокращенно Msè), IX, 1901, Vdp., 1902, стр. 11—12. (В связи с отсутствием специальных шрифтов написание некоторых иностранных слов передано не точно).

⁴⁾ Там же.

мель венгерской короны⁵⁾ составляло около 4%. Изменение количества населения основных закарпатских комитатов во второй половине XIX столетия характеризуется следующей таблицей⁶⁾.

Таблица 1

Наименование комитатов	Количество населения (чел.)				Прирост (++) или убыль (--) населения, в процентах		
	1869 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1869— 1880 гг.	1881— 1890 гг.	1891— 1900 гг.
Бережский	159250	153377	179455	207647	-3,7	+17,0	+15,7
Марамарошский	220506	227436	268281	308790	-2,3	+6,7	+12,4
Ужгородский	129731	126707	135247	151824	+3,1	+18,0	+15,1
Угочский	67498	65377	75461	83267	-3,1	+15,4	+10,3
Итого	576985	572897	658444	751528	-0,7	+14,9	+14,1

Как видно из приведенных данных, в течение 1869—1880 годов количество населения в закарпатских областях сократилось на 4088 чел., или на 0,7%, что объяснялось как высокой смертностью, являвшейся результатом хронических голодовок широких масс народа и распространения эпидемических заболеваний, так и переселением разоренного крестьянства в другие страны. На протяжении 1880—1900 годов хотя и наблюдался прирост населения (в пределах 14,1—14,9% за десятилетие), но фактический прирост по сравнению с естественным приростом был значительно ниже (в среднем на $\frac{1}{5}$)*, что объяснялось, главным образом, массовой эмиграцией закарпатских украинцев.

Плотность населения Закарпатья была сравнительно небольшой и составляла в 1900 году 41,8 чел. на 1 кв. км⁷⁾; в долинных районах плотность населения достигала 80 чел., а в горных областях не превышала 30—32 чел. на 1 кв. км**.

Официальная венгерская статистика, проникнутая реакционным духом национализма и шовинизма, преднамеренно снижала количество населения из числа невенгерских народов, относя

⁵⁾ В 1900 году в Венгрии (с Хорватией, Словенией и Трансильванией) насчитывалось 19122340 чел. населения (См. Msé, IX, 1901, Bdp, 1902, стр 11—12)

⁶⁾ Hivatalos statisztikai közlemények (в дальнейшем сокращенно His), 1876, Bdp., 1879, стр. 56—57, A M Kir. Kormány 1900 évi működéséről és az ország közállapotairól szóló jelentés és statisztikai evkönyv (в дальнейшем сокращенно Kjsé), Bdp., 1901, стр. 351—352; Msé, III füzet, 1895, Bdp., 1896, стр. 30—33; Msé, IX, 1901, Bdp., 1902, стр 11—12; Msé, 1899, II, Bdp., 1900, стр 336—337

⁷⁾ Msé, VIII, 1900, Bdp, 1901, стр. 11—12; Msé, IX, 1901, Bdp., 1902, стр 11—12

к мадьярам представителей других национальностей. Русский исследователь В. Францев, говоря о тенденциозности венгерских переписей населения, писал: «Мадьярская официальная статистика давно уже пользуется заслуженною печальною известностью «мутного источника», когда дело касается данных ее относительно немадьярских народностей»; давно уже стало общеизвестным фактом, что «статистика эта основана не на математике, а на политике, построена не на фактах, а на фантазиях самого тенденциозного характера»⁸⁾. Словацкий писатель Светозар Гурбан-Ваянский, раскрывая те политические цели, которые ставила перед собой венгерская статистика, указывал: «У нас и статистика имеет главную задачу оправдать не то что гегемонию, а исключительное право мадьяр на жизнь в Угрии, оправдать насильственное омадьярение всех немадьярских народов Угрии и Семиградья»⁹⁾.

Если венгерская официальная статистика и венгерские националистические авторы занижали количество славянских народов в Венгрии, то некоторые буржуазные славянские историки, наоборот, необоснованно завышали их*. Этим объясняется недостоверность статистики закарпатоукраинского населения и значительные расхождения в его исчислении отдельными авторами**.

На основе анализа и сопоставления всех имеющихся в нашем распоряжении данных о количестве и естественном приросте населения Венгрии (данные официальных переписей¹⁰⁾), сведения, приводимые в трудах указанных выше авторов, а также данные об эмиграции русинов и причислении «угроруссов» к другим этническим и вероисповедным группам) динамика закарпатоукраинского населения в XIX веке представлена в табл. 2.

Приведенные данные показывают, насколько венгерская официальная статистика была подчинена политическим целям правящих кругов Австрии и Венгрии. Путем фальсификации данных переписей [включение русинов, проживающих на территории закарпатских, венгерских и словацких комитатов (Земплин, Шариш, Спиш, Абауй, Торна и др.), владеющих мадьярским языком, исповедующих католическую религию, в графу «мадьяры»] официальная статистика искусственно снижала число украинского населения в Венгрии. Грубо тенденциозный характер венгерской буржуазной статистики и ее не-

⁸⁾ В. Францев, Обзор важнейших изучений Угорской Руси, «Русский филологический вестник», № 1—2, Варшава, 1901, стр. 172

⁹⁾ «Славянское обозрение», т. 2, кн. 7—8, СПб., 1892, стр. 405—406

¹⁰⁾ Hıs, 1876, Vdp., 1879, стр. 56—57; Msé, III, 1895, Vdp., 1896, стр. 20—21, 30—33, 36—39, 42—43, 61, 64—65; Kjsé, Vdp., 1901, стр. 352, 366, 367, 394—395, Msé, VIII, 1900, Vdp., 1901, стр. 11—12, 26—27. Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 11—12, 18—19, 22—25

Таблица 2

*Количество закарпатских украинцев в составе Венгрии
в XIX веке (в округленных цифрах)¹¹⁾*

Годы	По данным официальной статистики (в тыс. чел.)	По данным других источников, дающим наиболее близкие к действительности сведения (в тыс. чел.)
1840	436	500
1851	322	540
1869	445	620
1880	352	640
1890	379	670
1900	423	700*

научные приемы статистического исследования особенно наглядно проявляются на примере данных переписей за 1869—1900 годы. За эти 30 лет закарпатоукраинское население, по официальным данным, не только не возросло, а, наоборот, сократилось на 22 тыс. человек. Искусственное снижение числа украинского населения, как свидетельствуют данные таблицы, особенно усилилось во второй половине XIX века. В 1840 году количество «угроруссов» было сокращено против их действительного числа на 84 тыс. чел., в 1880 году на 288 тыс. чел. и в 1900 году—на 277 тыс. чел. Это механическое уменьшение числа закарпатских украинцев в материалах переписей должно было подчеркнуть «успехи» политики их ассимиляции и «торжество» реакционной «святостефанской идеи».

В четырех основных закарпатских комитатах в конце XIX столетия насчитывалось около 425 тыс. чел. закарпатских украинцев, составлявших 57% общего количества населения этих жуп; удельный вес венгров не превышал 26%, евреев—15%¹²⁾.

В конце XIX столетия в Закарпатье числилось 4 города (Ужгород, Марамарош-Сигет, Мукачево, Берегово), 28 местечек и больших сел и 1294 мелких сел, деревень и хуторов¹³⁾. Городское население по отношению к общему количеству населения составляло только 7%. 85% населения Закарпатья и свыше 90% украинского населения в начале XX века было занято в сельском хозяйстве, в промышленности¹⁴⁾ и на тран-

¹¹⁾ В общее число закарпатоукраинского населения в конце XIX столетия не включены 130 тыс. закарпатских украинцев, эмигрировавших в другие страны.

¹²⁾ Msé, IX, 1902, стр. 18—19; «Славянский век», № 62, Вена, 1903, стр. 439

¹³⁾ Kjsé, Vdp., 1901, стр. 731.

¹⁴⁾ В число населения, занятого в промышленности, помимо рабочих промышленных предприятий, включены и ремесленники

спорте — 10%, остальные 5% населения составляли владельцы, рабочие и служащие торговых фирм и финансовых учреждений, а также служащие государственных органов, учителя, священники, адвокаты, врачи и т. д.¹⁵⁾

Данные об удельном весе городского населения и распределении населения по роду занятий свидетельствуют о низком уровне промышленного развития Закарпатья, представлявшего собой отсталую аграрную область.

2. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА И ЭКСПРОПРИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Формирование капиталистического уклада в недрах феодально-крепостнической системы Венгрии относится к XVIII столетию, когда было положено начало ее капиталистическому развитию и складыванию основных классов капиталистического общества. Феодально-крепостнический строй в Венгрии, и в Закарпатье в том числе, являвшийся сильным препятствием на пути к утверждению капитализма, переживал в 40-х годах XIX столетия период глубокого кризиса. К 1848 году обострились противоречия между производительными силами и господствующими феодальными производственными отношениями. Этот конфликт и составил основу революционной ситуации 40-х годов XIX столетия. Однако вследствие стихийности революционного движения и политической незрелости народных масс, лишенных руководства марксистской партии рабочего класса, противоречия между производительными силами и производственными отношениями были разрешены не путем победы народной революции, а путем реформы сверху. Под давлением революционного движения народных масс венгерские помещики вынуждены были отменить крепостное право, сохранив при этом в своих руках земельную собственность и политическую власть. Изданный дворянством закон о крестьянской реформе гарантировал «честью нации» возмещение «потерь» помещикам путем выкупа феодальных повинностей и земельных наделов крестьянами.

Вторая половина XIX столетия в истории Закарпатской Украины отмечена глубокими изменениями в области экономических и социальных отношений, происшедших в результате буржуазных революций в Австрии и Венгрии и освобождения крестьян от крепостной зависимости. Революции 1848—1849 годов, несмотря на свою незавершенность и сохранение многочисленных остатков крепостничества, все же

---

¹⁵⁾ Msé, III, 1895, Vdp., 1896, стр. 42—43; Усенко В., Вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на розвиток революційного руху в Закарпатті в 1917—1919 рр., Київ, 1955, стр. 26; П е р е н и, Из истории закарпатских украинцев (1849—1914), Studia Historica, Vdp., 1957

устранили главные препятствия, тормозившие переход к капиталистическому способу производства. Они подорвали основы феодально-крепостнической системы, ее натуральное хозяйство, замкнутый и самодовлеющий характер дворянских имений, власть помещиков над крестьянами. Капиталистические производственные отношения создали более благоприятные условия для развития производительных сил, превращения средств производства в капитал и развития внутреннего рынка. В политическом отношении революции 1848—1849 годов и происшедшие изменения в экономическом базисе Австрии и Венгрии обусловили превращение империи Габсбургов в буржуазную монархию.

Крестьянская реформа 1848 года, несмотря на то, что ее проводили крепостники, по своему содержанию являлась буржуазной реформой. В соответствии с законом 1848 года крестьяне освобождались от феодальной зависимости; статья VIII этого закона вводила всеобщее налоговое обложение, статья XV отменяла неотчуждаемость дворянской поземельной собственности¹⁶⁾.

Незавершенность буржуазных преобразований и сохранение старого помещичьего крупного землевладения определили чрезвычайно медленный и тяжелый для масс крестьянства процесс ликвидации крепостнических отношений и замены их капиталистическими отношениями. Аграрные законы 1853 (урбариаальный патент¹⁷⁾, 1868 и 1871 годов ставили своей целью «урегулирование» поземельных отношений в интересах помещиков, права и привилегии которых как земельных собственников и господствующего класса признавались «священными» и «неприкосновенными».

История знает два пути объективного возможного развития капитализма в сельском хозяйстве—«прусский» и «американский»; первый путь представляет собой помещичий, а второй—крестьянский тип буржуазной аграрной эволюции. В. И. Ленин, характеризуя особенности двойной формы буржуазного развития сельского хозяйства, указывал, что остатки крепостничества «могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции»¹⁸⁾. Буржуазное развитие

¹⁶⁾ В развитие этого положения в 1852 году был издан закон об отмене аветичить — неотчуждаемости дворянских имений

¹⁷⁾ Текст урбариаального патента, который уточняет и развивает положения закона 1848 года, см в издании: Magyarországot illető országos törvény—és karmánlap, 1853, I, содержание и характеристика закона 1848 года об отмене крепостного права даны в статье венгерского автора Barta Jstvan A kormány parasztpolitikája 1849 — ben, «Századok», Bpd, № 1—2, 1956, стр 4—68

¹⁸⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр 215.

может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплуатации буржуазными,—оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства.

В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого числа «гроссбуаэров». Во втором случае помещичье хозяйство нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов-помещиков—юнкеров. Во втором случае основной фон—перерастание феодального крестьянина в буржуазного фермера.

В экономической истории Австрии и Венгрии, как и России, совершенно явственно обнаруживались оба эти типа эволюции. В эпоху падения крепостного права борьба между помещиками и крестьянами шла из-за способа проведения реформы. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собою разумеется, что при втором исходе «развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и быстрее, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы»¹⁹⁾. Причем источником аграрного капитализма является не только помещичье, но и крестьянское хозяйство. Помещичье хозяйство эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработку вольнонаемным трудом, трехполье—интенсивной культурой и крестьянский стародедовский инвентарь — усовершенствованными орудиями владельческой экономики. Крестьянское хозяй-

---

¹⁹⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 217.

ство также эволюционирует капиталистически, выделяя сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Эти две струи аграрной эволюции имелись налицо и в Венгрии и в Закарпатье. Борьба крестьянских и помещичьих интересов являлась борьбой за тот или другой тип буржуазной аграрной эволюции.

Поражение буржуазных революций 1848—1849 годов в Австрии и Венгрии, аграрная реформа, осуществленная сверху, определили собой развитие капитализма в сельском хозяйстве этих стран по «прусскому» пути; это развитие особенно усиливается после установления австро-венгерского дуализма в 1867 году²⁰). Сельское хозяйство Закарпатья представляло собой яркий пример именно этого, помещичьего, типа буржуазной эволюции, сущность которого, коротко говоря, можно свести к следующему: 1) средневековые отношения не были ликвидированы, а медленно приспособлялись к капитализму, и вследствие этого аграрный строй в Закарпатье, хотя по существу своему он становился капиталистическим, надолго сохранял феодальные черты; 2) помещичье землевладение — капиталистическое в своей основе — широко использует на протяжении длительного времени феодальные, кабальные формы эксплуатации крестьян; 3) процесс экспроприации непосредственных производителей, усугубляемый колониальным положением Закарпатской Украины, длится десятилетиями и носит особенно тяжелый и мучительный характер, сопровождаясь самым зверским угнетением крестьян помещиками, кулаками и ростовщиками, пауперизацией и вымиранием широких масс закарпатского крестьянства.

**

В Венгрии к моменту революции 1848 года 69,5% всей полезной площади земли (свыше 32,5 млн. йохов) принадлежало помещикам, а крестьянам — только 28%²¹). В венгерских областях крестьяне находились в еще более тяжелом положении. В словацких комитатах в пользовании урбаниальных крестьян было 12—14% общей площади земли, в Земплинском комитате, населенном словаками и закарпатскими украинцами, — 17%, в закарпатских комитатах — до 8% (в Бережском комитате крестьянские наделы занимали от 11 до 20% пахотной земли, в Марамарошском и Угочском — от 12 до 27%)²²).

буржуазная революция 1848 года не дала закарпатскому крестьянину ни земли, ни подлинной воли. Изменена была пре-

²⁰) См посвященную этому вопросу статью: Zs Pach. A dualizmus rendszerének első éve Magyarországon, «Századok», 1955.

²¹) S. E. Fényes. Magyarország leírása, т I, Pest, 1847, стр. 161.

²²) См. указ соч. S. E. Fényes, т II, стр. 158—168, 313—319, 366—370, 412 и сл.; Gy. Ember. Jratok az 1848—i magyarországi paraszttorzgalmak történetéhez, Bdp., 1951, стр. 94—100, 147—150 и сл.

имущественно форма отношений между помещиками и крестьянами с возможно меньшим изменением существа прежних отношений. «Кому воля, а дакому неволя», — гласила народная поговорка, отражая подлинный социальный смысл «освобождения» крестьян.

Законом об отмене крепостного права, изданным венгерским сеймом 18 марта 1848 года, от барщины и других натуральных и денежных повинностей в пользу помещиков (статья IX закона) освобождались с землей только крестьяне (йоббади и желлеры), внесенные в «урбариальные списки». Это были крепостные крестьяне, пользовавшиеся наделами земли на праве наследственного держания; их повинности были зафиксированы в «урбариях». В соответствии с законом 1848 года урбариальные йоббади и желлеры и после освобождения от крепостной зависимости должны были нести повинности за пользование лесами и пастбищами до окончательного «урегулирования» вопроса об этих угодьях.

Закон 18 марта 1848 года не распространялся на крестьян—желлеров и поджеллеров, пользовавшихся землей на основе арендного договора с помещиками²³). Эти крестьяне должны были и в дальнейшем выполнять старые феодальные повинности в пользу землевладельцев. Подавляющая часть крестьян в период проведения реформы относилась именно к безземельным желлерам и поджеллерам (в целом по Венгрии желлеры составляли 65%, всех крестьян — 600 тыс. семей урбариальных крестьян и 900 тыс. семей желлеров; в северо-восточных же областях, куда входили и закарпатские жупы, — до 68%)²⁴). Большая часть крестьян в Венгрии была освобождена от крепостной зависимости с мизерными наделами или вовсе без земли²⁵). В соответствии с § 3 статьи XII закона 1848 года за отмененные феодальные повинности и налоги помещики получали компенсацию в размере 20-кратной стоимости годовых натуральных и денежных повинностей крестьян. За полученные крестьянами наделы закон гарантировал помещикам вознаграждение за счет государства, но фак-

²³) К их числу относились так называемые куриалисты, контрактуалисты, таксалисты, куриальные батраки, майоратные желлеры, коморники. Это были разорившиеся крестьяне, желлеры и поджеллеры, сохранившие избу и усадьбу, или бездомные крестьяне, арендовавшие мелкие участки земли у помещиков

²⁴) См K Galgóczi. Magyarország, a szerb Vajdaság s Bánság mezőgazdasági statisztikája, Pest, 1855, стр 103, 104; указ соч S E. Fényes, т. I, стр. 16, 46, 47—49; Július Mészáros. K problémom zrusenia poddanstva na Slovensku. Urbariálny patent z 2 marca 1853, «Historicky casop.s», ročník I, číslo 4, Bratislava, 1953, стр 600, 301

²⁵) Указ соч. K Galgóczi, стр 75.

тически же возмещение «потерь» помещиков осуществлялось за счет крестьян, уплачивавших дополнительный налог. Это была по существу капитализированная земельная рента, обеспечивавшая получение помещиком необходимого капитала для перехода от феодально-крепостнического хозяйства к хозяйству капиталистическому. Мало того, помещики Закарпаття в течение нескольких лет после реформы принуждали урбарильных крестьян выполнять барщину и другие отмененные повинности, а желлеры-куриалисты на протяжении многих лет фактически продолжали оставаться на положении крепостных.

Не случайно в жупные управления и в главное окружное управление в Кошицах поступали многочисленные жалобы крестьян на помещиков, применявших разнообразные методы давления и насилия, чтобы удержать крестьян в феодальной зависимости. Так, например, урбарильные крестьяне села Сейков в своей жалобе указывали, что еще в 1842 году они были лишены помещиком лугов и виноградников, теперь же помещик объявил их куриальными крестьянами и принуждает отбывать барщину. Аналогичную жалобу подали крестьяне на помещика Берзевици (Бережская жупа). От жителя села Поросол, еврея по национальности, Гершко Швамлика помещик требовал выполнения барщины за пользование половиной урбарильного надела под тем предлогом, что якобы закон об отмене барщины на евреев не распространяется. По этим же мотивам в течение трех лет после реформы выполняли барщинные работы в пользу барона Перени (Угоцкая жупа) проживавшие на урбарильной земле с. Вербьяце евреи Штейн Л. и Рознер М.²⁶⁾

Крестьяне села Нижне-Немецкое (Ужгородская жупа) в 1857 году жаловались императору на то, что помещик Панграц перевел 20 чел. йоббади в разряд куриалистов и принуждает за 6 веко земли обрабатывать в год 60 дней барщины²⁷⁾. Куриалисты села Драчина Бережской жупы за пользование небольшими клочками земли должны были вносить девятину, выполнять барщинные повинности и уплачивать денежный взнос (за огород — 1 форинт, за пашню — 1,3 форинта)²⁸⁾. Куриальные батраки сел Гиральтовце, Лучки, Крачуновце и др. (уезд Тополя Шарнишского комитата) отказались

²⁶⁾ Указ соч. П Перени, стр. 28, 29. Государственный архив Закарпатской области (в дальнейшем сокращенно ГАЗО), ф 60 (Фамильный фонд бар. Перени), оп II, 1851 г., д. 873, лл. 1—2.

²⁷⁾ ГАЗО, ф II (Урбарильный суд), оп. I, 1857—1860 гг., д. 11, л. 45 об. Веко—площадь земли, требующая для обсеменения 25 литров зерна (приблизительно 1/4 часть хольда).

²⁸⁾ В Г. Г. Л. К. К., 3 історії обезземелення селян Закарпаття в другій половині ХІХ ст., Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 29, 1967, стр. 73, 74.

выполнять феодальные повинности и обратились в 1862 году с жалобой к императору, в которой просили освободить их от барщины. Помещики в свою очередь потребовали от местных властей принудить крестьян выполнять условия арендного договора. Крестьяне этих сел, как указывали помещики, не числились в наделном регистре ни как йоббади, ни как желлеры и поэтому не могут пользоваться правами наделных крестьян и обязаны за предоставленные им помещиками дома, пахотные земли и пастбища выполнять гужевую и пешую барщину. «Возмущение спокойного и покорного народа» этих сел, поддавшихся, как говорилось в заявлении помещиков, «коммунистической агитации» злонамеренных лиц, было прекращено силами комитатских властей²⁹⁾.

Шаришский солгабиров (исправник) Эде Капи в своем конфиденциальном письме наместнику Венгрии графу Палффи (1862 год) указывал, что экспроприация крестьян этого комитата началась еще в 30-х годах XIX столетия. Размежевание помещичьих и крестьянских земель повсюду привело к разорению крестьян. Помещики, нуждающиеся в рабочих руках, должны были предоставлять безземельным крестьянам землю и пользование, но арендные договоры заключались на тяжелых для последних условиях: за 8 кобёлов земли³⁰⁾ крестьяне выполняли барщину в размере 150 дней или уплачивали за каждый арендованный кобёл земли 3,75 форинта.

Помещики Шариша, стремясь получить больше даровых рабочих рук, отнимали у многих урбариальных крестьян наделы и зачисляли их разряд куриальных, облагая их тяжелыми повинностями и поборами. В 1862 году, по словам Эде Капи, в Шаришском комитате насчитывалось 20 тысяч крестьян-арендаторов, которые за 8 кобёлов земли отрабатывали 150 дней, тогда как до 1848 года они выполняли за такой же участок земли 52 дня барщины, а местами только 17 дней.

Эде Капи рекомендовал установить максимальный предел барщины, так как в противном случае, писал он, в северных жупах произойдет «ужасная катастрофа». Эти области превратятся во «вторую Ирландию», где междуклассовые столкновения смогут быть предотвращены только вооруженной силой. «Близорукие, корыстолюбивые помещики», указывал солгабиров, своим стремлением получить побольше выгоды «подготавливают свою собственную гибель»³¹⁾.

Недовольство «освобожденных» крестьян помещиками, тре-

²⁹⁾ Указ соч П Перени, стр 35

³⁰⁾ Пожонский или братиславский кобёл — мера сыпучих тел, равная 62,5 литра 1 кобёл земли — площадь, засеянная 1 кобёлом зерна; 1 кобёл земли во второй половине XIX столетия составлял площадь в 1200 кв сажень, или 1 большой венгерский хольд

³¹⁾ Указ соч И Перени, стр 36, 37.

бывшими выполнения феодальных повинностей, приняло в 1849 году и в последующие годы острый характер, что заставило местные власти заняться «урегулированием» отношений между крестьянами и их бывшими господами. Это «урегулирование» выражалось обычно в предписаниях полицейским органам строго охранять права помещиков и принуждать крестьян к выполнению своих «обязанностей» по отношению к землевладельцам. Так, в распоряжении главного кошицкого окружного начальника графа Яноша Сирмаи, в частности, говорилось, что куриальные батраки распространяют положение 1848 года о наделных крепостных на самих себя и отказываются от исполнения работ на помещиков. Сирмаи требовал от исправников разъяснить народу, что «хотя крепостные повинности и прекратились, но права помещиков будут защищены. Куриальные крепостные обязаны исполнять свои договоры». Военная окружная комендатура в г. Кошице летом 1849 года в связи с массовым отказом крестьян от выполнения феодальных повинностей издала брошюру, в которой подчеркивалось, что прекращение выполнения повинностей крестьянами является посягательством на «безопасность помещичьей собственности». Комендатура предлагала вылавливать «подстрекателей» происходящих «беспорядков» и наказывать их³²⁾.

**

Урбарный патент 1853 года, выражавший исключительно интересы класса дворянства, первой своей статьей подтверждал закон 1848 года, провозгласив отмену тех прав, отношений и повинностей, «которые вытекали из урбарных отношений и помещичьей юрисдикции»³³⁾. С отменой урбарных отношений, как говорилось в § 2 этого патента, бывшие крепостные пользуются правом «свободной собственности» на урбарные участки, в которые включались только наделы урбарных крестьян и урбарных желлеров, а также земли, которые «таковыми признавались». Эта неясность формулировки, определяющей статус урбарных земель, давала возможность помещикам лишать крестьян земли, так как они нередко не могли доказать, что их участки принадлежат к урбарным землям. Пустые, заброшенные наделы урбарных крестьян (*sessiones desertae*) переходили в собственность помещиков.

Урбарный патент закреплял за помещиками захваченные ими ранее крестьянские земли. Об этом свидетельствует § 7 патента об «узурпированных участках». Чехословацкий историк проф. Луби относил к этим участкам те помещичьи

³²⁾ Указ соч. П. Перени, стр. 28, 29.

³³⁾ Указ соч. J. Mésáros, стр. 609

аллодиальные земли и общинные урбариаальные земли, которые-де «урбариаальные крестьяне присвоили»³⁴). Это утверждение является ошибочным. Как доказал Ю. Месарош, точку зрения которого мы полностью разделяем, «узурпированные участки» — это прежде всего крестьянские земли, захваченные помещиками. Поэтому помещичий урбариаальный патент устанавливал, что «узурпированные участки» остаются в руках их теперешних владельцев, если они пользовались ими до 1820 года³⁵). К числу таких «владельцев» относились главным образом помещики, за которыми урбариаальный патент и признавал право собственности на захваченные ими крестьянские земли.

Реакционный характер урбариаального патента особенно ярко выразался в статьях, относящихся к куриалистам и майоратным желлерам. Как справедливо указывал Ю. Месарош, положение этой категории пореформенного крестьянства и их отношения к землевладельцам можно назвать переходными производственными отношениями: они не были чисто феодальными, но и не являлись чисто капиталистическими. Феодальная сторона их отношений к землевладельцам выражалась в том, что «договорные» крестьяне за пользование землей не уплачивали денежную арендную плату, а выполняли натуральные и барщинные по существу повинности. От крепостных крестьян они отличались тем, что их отношения с помещиками не были определены феодальным законом, как урбариаальных крестьян, а базировались формально на основе частнопрового договора. В этом проявлялся капиталистический характер их отношений к помещикам-землевладельцам. Таким же было и положение майоратных желлеров, которые по существу являлись наемными рабочими, получающими от помещика клочок земли, усадьбу, дом и выполняющими за это барщинные и другие натуральные повинности³⁶).

Урбариаальный патент (§§ 19 и 20) устанавливал, что земли, арендованные крестьянами на основе «договора», если они пользовались ими длительное время, оставались в руках держателей, которые должны выполнять все установленные помещиком повинности до тех пор, пока они не выкупят эти земли.

По поводу других «соглашений» этого рода в патенте говорилось, что они, как частнопровые договоры, в компетенцию урбариаального патента не входят. Другими словами, за-

³⁴) См S. Luby. Dejiny súkromného prava na Slovensku, Bratislava, 1946, стр 345

³⁵) Указ соч J. Mésáros, стр 611.

³⁶) Там же, стр 617.

кон предоставлял помещикам право или расторгнуть арендный договор и лишить крестьянина земли, или продлить срок договора об аренде земли крестьянином, который обязан выполнять установленные помещиками натуральные повинности и вносить денежную плату.

В закарпатских областях выкупленные арендованные земли составляли совершенно незначительную часть крестьянской земли. В большинстве своем куриалисты и майоратные желлеры пользовались землей за выполнение натуральных и денежных повинностей. Так, по земельной книге села Свалявы в 1835 году числилось 12 крестьян-арендаторов, которые за мизерные участки земли в размере от 217 до 950 кв. сажен (от 0,2 до 1 хольда) уплачивали помещику «таксу», т. е. денежную плату. 11 желлеров и поджеллеров села Н.-Верецки в 1848 году за арендованные участки выполняли барщинные работы³⁷⁾.

Помимо куриалистов, крестьяне других категорий и после реформы 1848 года должны были нести феодальные повинности за «иртованные» земли или копаницы³⁸⁾. Известно, что вовлечение помещичьих хозяйств в сферу товарно-денежных отношений сопровождалось увеличением размеров аллодиальной запашки и сокращением размеров крестьянских наделов. Захват крестьянских земель помещиками, указывал Ю. Месарош, привел к тому, что «широкие массы пауперизованного крестьянства, особенно в горных областях, остались без средств к существованию, без земли³⁹⁾. Это вынуждало обезземеленных крестьян или арендовать землю у помещика, или осваивать пустующие отдаленные земли, мало пригодные для земледелия, заросшие кустарником и лесом. Освоение таких земель требовало вложения огромного труда: выжигание леса и кустарника, выкорчевывание пней, перекапывание земли вручную лопатой.

В соответствии с § 9 урбарильного патента в руках крестьян оставались следующие виды «копаниц»: а) отнесенные к числу урбарильных земель, б) отданные в пользование крестьян помещиком исключительно для их пропитания, в) «копаницы», на которых находились возведенные крестьянином постройки, но при условии, что держатель земли не имеет другого имущества на урбарильном наделе, г) «копаницы», которыми их держатели пользовались длительное время, выполняя возложенные на них повинности.

Участки, отнесенные к рубрике а), переходили в собствен-

³⁷⁾ Указ. соч. В. І Ілько, стр. 73.

³⁸⁾ «Иртованные» земли и «копаницы» — культивированные площади земли, ранее заросшие кустарником и лесом.

³⁹⁾ Указ. соч. J. Mészáros, стр. 614.

ность крестьян без выкупа, но они должны были представить доказательства того, что эти участки входят в состав урбариальных земель; доказать же это крестьянам было почти невозможно. «Копаницы» под рубриками б), в) и г) могли перейти в собственность крестьян на основе выкупа. Не выкупленные в течение трех лет «копаницы» подлежали возвращению помещику⁴⁰⁾. В Закарпатье большая часть этой категории участков была отобрана помещиками у крестьян, которые несли за пользование ими определенные повинности. Так, барон Г. Перени потребовал через суд принудить бывших его урбариальных крестьян 9 сел (Влахово, Великая Чонгава, Великая Копаня и др) возвратить ему все «копаницы», которые были освоены крестьянами после 1820 года⁴¹⁾.

Вопрос о «копаницах» в Закарпатье обычно разрешался следующим образом:

а) большая часть этих участков отошла к помещикам без всякой компенсации (владельцы латифундий Шенборн, Перени, Стараи, Телеки и др.)⁴²⁾. В отдельных случаях, для придания видимости «законности» этому акту ограбления крестьян, их «вознаграждали» в соответствии с урбариальным патентом 1853 года деньгами или передачей им части этих земель. Однако эта «компенсация» не покрывала обычно и десятой доли затраченных средств и труда крестьянами для освоения экспроприированных у них иртованных земель. Помещик Клобушицкий, например, отнял иртованные земли, принадлежавшие крестьянам села Беш Ужгородской жупы, и этот захват был подтвержден постановлением урбариального суда в 1864 году. Администрация доминии Шенборна присвоила часть «копаниц», обработанных крестьянами села Бобовище, а в селе Дриснио к помещикам отошло из 557,9 хольда культивированных земель 94,5%⁴³⁾;

б) «копаницы» по «обоюдному соглашению» были разделены поровну между помещиками и урбариальными крестьянами (казенные имения в Ужгородской и Марамарошской жупах), причем соответственно уменьшалась площадь отводимой крестьянам пахотной земли⁴⁴⁾;

в) «копаницы», которыми пользовались «контрактуалисты» на правах аренды, отходили к собственникам земли (в селе Арок, например, 72 хольда иртованных земель, которые арендовали 67 желлеров, отошли к казенному имению)⁴⁵⁾;

⁴⁰⁾ Указ соч. J. Mésáros, стр. 614, 615

⁴¹⁾ ГАЗО, ф 60, оп. II, 1856 г., д 974, лл 1—30

⁴²⁾ ГАЗО, ф 11, оп. I, 1857—1880 гг., д 150, лл 1—4, 6—7, ф 60, оп II, 1851 г., д. 873, лл. 2—3

⁴³⁾ Указ соч. В. I. Илько, стр. 70, 71, 72.

⁴⁴⁾ См. ГАЗО, ф 11, оп. I, 1859—1864 гг., д 2, лл 1—30

⁴⁵⁾ Там же.

г) крестьяне выкупали «копаницы» по ценам, установленным землевладельцами. Это приводило обычно к закабалению крестьян, которые превращались в вечных должников помещиков⁴⁶).

Освобождение крестьян от крепостной зависимости в Закарпатье было прежде всего «освобождением» их от земли. Аграрные законы 50—70-х годов, как указывал венгерский экономист П. Ж. Пах, открывали широкие возможности «для обезземеливания крестьян и укрепления помещичьего землевладения, т. е. объективно создавали условия для развития капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому» пути»⁴⁷). У крестьян были отобраны не только лучшие пахотные земли, но они лишились и своей доли в праве пользования угодьями, раньше принадлежавшими общине. Общинная земля мошеннически была отнята у крестьян частью бывшими их феодальными господами, частью бюрократическим законодательством.

В соответствии с законом о выкупе сервитутов, изданным в интересах земельной аристократии в 1853 году (§ 25 урбарильного патента), и проведением «сегрегации» (отделение урбарильных лесов и пастбищ от помещичьих) крестьяне были лишены возможности пользоваться выпасами, водопоями, лесными угодьями, что ставило их в полную зависимость от помещика-землевладельца. В хозяйственном отношении потеря права на общинную землю с избытком перевешивала отмену феодальных поборов и отнимала у мелкого крестьянина возможность содержать свой рабочий скот без покупки кормов, обеспечивать свои потребности в топливе и строительном материале.

Размер пастбища, выделяемого крестьянам, патентом не определялся, что открывало перед помещиками широкие возможности для присвоения этих общинных угодий или предоставления крестьянам непригодных для выпаса скота площадей. Урбарильный патент (§§ 10—11) устанавливал, что на один телек урбарильной земли (или на восемь желлерий) выделяется от 2 до 8 хольдов леса, однако и выделение лесов зависело от помещиков, которые использовали сегрегацию как для отобрания урбарильных лесов, так и для наделения крестьян непригодными к использованию лесными участками.

⁴⁶) Крестьяне села Тур-Теребеш (Угочская жупа) выкупили в 1867 году у барона Перени 60 хольдов «копаниц» за 2290 форинтов (ГАЗО, ф. 60, оп. II, 1869 г., д. 1124, лл. 1—3). Через 13 лет сумма задолженности крестьян возросла в восемь раз. В 1880 году барон Перени предъявил в суд иск к 160 крестьянам этого села на сумму 18595 форинтов (ГАЗО, ф. 60, оп. II, 1880 г., д. 1223, лл. 1—5).

⁴⁷) Zs. P. Pácz. Über einige charakteristische Züge des sogenannten preussischen Weges der Entwicklung in der Landwirtschaft Ungarns in der 2. Hälfte des 19. Jhs «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Heft 6, Berlin, 1959, стр. 1235.

Крестьяне села Свалявы в своей жалобе на администрацию доминии Шенборна в 50-х годах XIX столетия писали, что им было отведено меньше земли, чем предусмотрено законом 1836 года, леса они не получили вовсе, а выделенные им пастбища низкого качества и недостаточны по размеру⁴⁸). Крестьянам села Шоломонь (Ужгородская жупа) в 1865 году было выделено 110 хольдов площади, непригодной под пастбища. Поэтому они вынуждены были арендовать за 800—900 гульденов пастбища у помещика вдали от своего села⁴⁹). Крестьяне села Голубиное (Ужгородская жупа) получили от казенной доминии такое незначительное по размеру пастбище, на которое нельзя было выпустить, как говорилось в жалобе, не только скот, но «даже кролика, и то без того, чтобы не держать его за уши...»⁵⁰).

Крестьяне села Гаршфалва (Бережская жупа) в своей жалобе, поданной в краевой урбариаальный суд (1877 год), указывали, что администрация доминии Шенборна не только выделила им участок леса, расположенный на каменистом обрыве, но и вырубил значительную часть деревьев до передачи леса крестьянам. На помещика Правника крестьяне села Ростоки жаловались в 1885 году за то, что он еще до проведения сегрегации начал рубку леса на шпалы⁵¹).

Если крестьяне в отдельных случаях и добивались через суд получения пастбищ и лесов, то постановления суда далеко не всегда выполнялись помещиками. Так, крестьянам села Осуи (Бережская жупа) по решению урбариаального суда в 70-х годах было выделено 709 хольдов лесного пастбища, находившегося ранее в совместном пользовании с помещиками. Однако, как видно из жалобы крестьян этого села, решение суда не было выполнено помещиками и в 90-х годах. Крестьяне просили передать им отведенные пастбища, так как основой их хозяйства является скотоводство. Если мы не получим пастбища, писали крестьяне, то «не сможем существовать и вынуждены будем выселиться за границу»⁵²).

**

*

Захват помещиками крестьянских земель начался еще в 30-х годах XIX столетия (закон 1836 года), когда под видом проведения комасации помещики перешли к массовой экспроприации крестьянских земель, но принял особенно широкие размеры в 50—70-х годах. Несмотря на то, что комасация са-

⁴⁸) ГАЗО, ф. 11, оп. I, д. 1192, лл. 1—5

⁴⁹) Газ «Ung», № 17, Ungvár, 9 марта 1884 г., стр. 2—3

⁵⁰) Указ соч. В. И. Ильича, стр. 78, 80.

⁵¹) ГАЗО, ф. 11, оп. I, д. 385, лл. 90—101; д. 247, лл. 16—31

⁵²) Там же, ф. 10 (Наджупан Бережской жупы), оп. I, 1900 г., д. 2445, л. 15

ма по себе могла иметь положительное экономическое значение (ликвидация чересполосности, «принудительных» севооборотов, разбросанности земельных участков и т. д.) и в проведении ее были заинтересованы не только помещики, но и крестьяне, на деле же комасация, осуществляемая помещиками и только в их интересах, привела к еще большему ограблению крестьян, к узурпации лучших крестьянских земель, к распространению кабальных форм эксплуатации крестьян. «Наш руський народ от меры (размежевания земель.—И. К.) почав худобнети», указывал один из закарпатских авторов⁵³),

Большинство договоров, заключенных между помещиками и крестьянами и закреплявших результаты размежевания земель, было навязано последним силой или обманом, хотя в документах обычно указывалось на завершение комасации на «добровольных» началах по обоюдному соглашению сторон. Не случайно поэтому в урбаральные суды Закарпатья поступали многочисленные жалобы крестьян на несправедливое проведение комасации и ущемление их интересов.

Крестьяне села Зняцево (Бережский комитат) в своей жалобе, поданной в урбаральный суд, писали, что нанятый помещиком землемер проводил несправедливо обмер их участков, а землей наделялись те, которые «хорошо платили»⁵⁴). Между крестьянами села Голубино и доминией Шенборна судебный процесс по поводу поземельного урегулирования начался еще в 1843 году. Через 14 лет ведение судебного дела было прекращено в связи с достигнутым между сторонами «соглашением». Однако, как явствует из жалобы крестьян, они подписали договор под давлением администрации доминии, которая отобрала иртованные и пригодные для посева земли, заменив их малопродуктивными и разбросанными участками земли. Крестьяне просили краевой суд ликвидировать старое «соглашение» и провести поземельное урегулирование в соответствии с урбаральным патентом 1853 года⁵⁵). У крестьян села Березное обманутых администрацией казенной доминии при проведении комасации в 1863 году, была отобрана половина земель, которыми они пользовались до реформы. До комасации они владели 36 веко земли, а после ее проведения — 15 веко, однако должны были уплачивать налоги по-старому, за 36 веко. Жалоба крестьян этого села, требовавших отмены урбарального «соглашения» и возвращения им тех земель, которыми они пользовались до комасации, была отклонена судебными органами⁵⁶). Как писали в своем заявлении в урбаральный суд в 1857 году крестьяне села Нижне-Немецкое

⁵³) «Месяцослов» на 1913 год, Унгвар, 1912, стр. 130.

⁵⁴) ГАЗО, ф. 11, оп I, д. 427, л. 5.

⁵⁵) Там же, д. 239, л. 1.

⁵⁶) Там же, д. 838, лл. 120—130.

(Ужгородская жупа), при проведении комасации помещики отвели «газдам» только по 8 кобёлов пахотной земли вместо 16, а пастбищ не дали вовсе. Теперь за выпас одной коровы они требуют отработать 3 дня с тяглом и 1 день «пешей» работы, а за выпас пары волов—10 дней работы с тяглом. Положение наше, указывали крестьяне, стало «нетерпимым». В следующем году староста этого же села Бучко П. в жалобе на имя императора указывал, что помещики Ф. Панграц, И. Томчани, Г. Ольчвари захватили общественное пастбище и запретили пользоваться им крестьянам. «Туда нельзя выпустить одного гуся, а не только наш скот»,—писал староста⁵⁷⁾.

В жалобе крестьян 16 верховинских сел Ужгородской жупы (Вишка, Люта, Ставное, Бистра, Волосьянка и др.), относящейся к 1866 году, говорилось, что проведение комасации без учета особенностей местных условий стало «гибельным» для них. В результате проведения размежевания земель, писали крестьяне, «мы потеряли часть и так малого надела земли, которого нам нехватало; наши луга переданы доминию, а пастбищные участки настолько уменьшены, что сейчас мы не можем содержать и одну четвертую часть поголовья скота». Отобранные у нас пастбища и луга, говорилось в жалобе, мы вынуждены будем выкупить по высоким ценам. Крестьяне этих сел просили короля создать специальную комиссию, которая проверила бы правильность проведения комасации исходя из местных условий, так как достигнутое «соглашение» о размежевании земель ставит под угрозу их существование⁵⁸⁾.

37 крестьян села Гукливого (Порохнавец В., Мотринец В., Смерековский С., Русин М. и др.) в заявлении правительственному комиссару Э. Эгану по поводу притеснений со стороны графа Шенборна, в частности, писали: При проведении комасации крестьяне были обмануты администрацией доминию; лучшие земли и лесные угодья у них были отобраны. Сейчас крестьянские наделы со всех сторон окружены землями Шенборна так, что мы, говорилось в заявлении, «не можем сделать и одного шага, чтобы не платить штраф»⁵⁹⁾.

Директор управления казенных лесов в Марамарош-Сигете М. Томчани в одном из своих докладов об экономическом положении населения горных районов (1899 год) писал, в наиболее тяжелом положении находятся крестьяне на Бережской верховине, «хозяином которой является граф Шенборн». Главная причина бедствий русинов верховины заключается в «не-

⁵⁷⁾ ГАЗО, ф. 11, оп. 1, л. 11, л. 23.

⁵⁸⁾ Там же, д. 1093, лл. 14—16.

⁵⁹⁾ Там же, ф. 772 (Экспозитура горных районов министерства земледелия), оп. 1, 1898 г., д. 20, л. 1.

добросовестном проведении комасации». Большинство урбарильных крестьян получили от Шенборна только незначительную часть лесов и пастбищ: 2—6 хольдов на один урбарильный телек (137 селам было отведено 27 тыс. хольдов пастбищ и лесов)⁶⁰). Кроме того, администрация доминии отняла у крестьян иртованные земли и вырубала все деревья на ответвленных им пастбищах⁶¹).

Как пагубно отразилось на крестьянском скотоводстве проведенное помещиками и властями «урегулирование» поземельных отношений, свидетельствует заявление правительственного комиссара Э. Эгана. В докладе министерству земледелия (1901 год) он писал: до проведения комасации крестьяне на верховине имели в среднем по 4—5 голов крупного рогатого скота и 20 овец на хозяйство, а зажиточные—по 50—60 голов крупного рогатого скота и 200—300 овец; теперь же в связи с недостатком лугов и пастбищ у верховинца 2—3 головы крупного рогатого скота, а овец нет вовсе⁶²).

Помещики при проведении комасации нередко относили урбарильные земли к высшим классам по качеству, уменьшая тем самым площадь отводимой крестьянам земли и искусственно увеличивая размер «излишков»⁶³). Так, например, бывшие крепостные крестьяне села Вишки Великоберезнянского округа Ужгородской жупы в 1863 году владели 1530 хольдами земли [1316 хольдов урбарильной земли (внутренний телек—«валуш», пашня и сенокосы) и 214 хольдов иртован-

⁶⁰) Данные, приводимые М. Томчани, подтверждаются и другими архивными материалами (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 68, лл. 17—21). Утверждение М. Томчани о том, что в отличие от недобросовестно проведенной комасации Шенборном, дирекция казенных имений «бескорыстно» и «полностью» удовлетворила нужды бывших урбарильных крестьян в пастбищах и лесах (на один урбарильный телек, по его словам, эрар отводил от 28 до 110 хольдов лесов и пастбищ; крестьяне 15 сел якобы получили 29 тыс. хольдов этих угодий) не соответствует истине. Правда, крестьяне некоторых сел на территории казенных имений получили сравнительно большие участки земли, чсм йоббади частных владельцев (например, бывшие урбарильные крестьяне села Арок (Ужгородская жупа) на один телек получили от эрара 20 хольдов пахотной земли преимущественно III класса, 15 хольдов пастбищ и 9 хольдов леса (см. ГАЗО, ф. 11, оп. I, 1859—1854 гг., д. 2, лл. 1—90), но такие случаи были редким исключением. Архивные материалы и свидетельства современников (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1903 гг., д. 302, лл. 16—17); ф. 11, оп. I, 1857—1874 гг., л. 1284, лл. 1—50 и др.) неопровержимо доказывают, что урбарильные крестьяне эрара, так же как и частновладельческие крестьяне, были чрезвычайно обделены пахотной землей и другими угодьями. Политика казны по отношению к крестьянам, которую Томчани пытался выдать за «бескорыстную заботу монарха о народе», ничем не отличалась по существу от политики такого феодального хищника, грабителя и душителя закарпатского крестьянства, как граф Шенборн

⁶¹) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 60, лл. 14—41.

⁶²) Там же, 1901 г., д. 95, л. 14

⁶³) Указ соч. J. Mészáros, стр. 613.

ных земель]. Урбарияльные земли по своему качеству разделялись на классы: I хольд пашни I класса составлял 1100, II класса—1200, III класса—1300 кв. сажен; сенокосы I класс—800, II класс—900, III класс—1000 кв. сажен. При проведении комасации в результате завышения качества земли у крестьян было отобрано казенной доминией 93 хольда урбарияльной земли и, кроме того, половина иртованных земель. В общей сложности крестьяне получили меньше земли на 194 хольда⁶⁴).

Можно привести другие многочисленные факты, свидетельствующие о массовой экспроприации закарпатских крестьян помещиками. У крестьян земплинского села Ластомир было отобрано около 800 хольдов земли, а в селе Убля— $\frac{7}{9}$ части земельных наделов. В Ужгородском комитате крестьяне ряда сел (Тернавка, Семан, Палина и др.) потеряли значительную часть наделов, а помещик Русказа отобрал у своих бывших крепостных крестьян почти всю землю⁶⁵).

Крестьяне села Везерсаллаш (Веречанский округ Бережской жупы) были полностью лишены лугов⁶⁶), йоббади села Воловец не получили от графа Шенборна ни пастбища, ни леса⁶⁷), крестьян села Гукливого администрация доминии обманным путем лишила лучших земельных участков⁶⁸), помещик барон Перени отобрал у крестьян села Черный Ардо $\frac{2}{3}$ лесных угодий⁶⁹). Поджупан Марамарошского комитата Л. Михалка, находясь в сговоре с капиталистами-предпринимателями Штаймцеом и Грубером, от которых он получил крупную взятку, при проведении сегрегации лишил крестьян сел Вышово и Борша права на лесные угодья, которыми они пользовались совместно с помещиками, обещая крестьянам отвести вместо леса соответствующее количество пахотной земли. Леса в районе этих сел (несколько десятков тысяч хольдов) под видом компосесоратных (принадлежащих мелким и средним помещикам, которые совместно ими пользовались) были отданы в эксплуатацию Штаймцу и Груберу. Крестьяне сел Вышово и Борша, лишенные права пользо-

64) Указ. соч. В. І. Ілько, стр. 79.

65) Указ. соч. Й. Перени, стр. 37, 38. Ю. Мессарош приводит следующие данные о результатах «урбарияльного урегулирования» в словацкой общине Яблоновой до комасации и сегрегации в общине: численность 3635 йохов земли, а после проведения «урегулирования» — 2551 йох

(см указ соч. J. Мессарош, стр. 624), т. е. у крестьян этой общины было отнято 30% земли

66) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 84, лл. 1—3

67) Там же, ф. 11, оп. I, 1857—1880 г., д. 154, лл. 6—7

68) Там же, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 59, л. 43

69) Там же, ф. 60, оп. II, 1851 г., д. 873, лл. 1—2.

баться лесами и неполучившие вместо этого пахотной земли, были доведены до полного разорения⁷⁰⁾.

В результате проведения комасации, — как говорилось в одном из обзоров экономического положения Закарпатья, — «русский земледелец вместо своих, лежащих в долинах земель, получил ни к чему не годные земли на склонах малодоступных и неплодоносных гор»⁷¹⁾. В связи с этим в конце XIX столетия наблюдается изменение в географии населения Закарпатья. Многие обезземеленные и разоренные крестьяне-русины постепенно вытесняются венгерскими помещиками и кулаками из наиболее плодородных районов и переселяются на земли Верховины.

В сообщении закарпатского корреспондента «Славянских известий» (1899 г.) подчеркивалось, что в комасации имеет «свое начало все зло, приведшее народ... в настоящее поголовное обеднение, которое постепенно задавляет в массах всякое благородное чувство и преданность к верховной власти и в недалеком будущем грозит разрушением государству»⁷²⁾. Комасация, несомненно, ухудшила положение масс крестьянских хозяйств, но не в ней было все «зло», как это утверждал автор корреспонденции. Зло таилось в существовании всей системы экономических и социальных отношений, сложившихся после буржуазной революции 1848 г. Пресловутая комасация, проводившаяся под видом осуществления «законных прав» землевладельцев и прикрываемая «добровольным соглашением» между крестьянскими обществами и помещиками, являлась только одной из форм ограбления крестьян в пользу их вчерашних господ-дворян, выражавшегося в отобрании у крестьян под видом «размежевания» пахотных земель, сенокосов, пастбищ и лесных угодий. «Помещики, — говорилось в приводимой нами корреспонденции, — без различия бесконтрольно поступили с приложением к действительности этой «комасации», производя размежевание земель по собственному произволу настолько, что крестьяне не получили и двадцатой доли земли, принадлежавшей им со времени освобождения... Лучшая часть земли и леса перешла в руки помещиков, и крестьянин должен был удовольствоваться самыми скудными участками, не находя в этом нигде оправдания и защиты. Священник тоже получил свою жирную кость, следовательно, крестьянин остался ни при чем»⁷³⁾.

Одновременно с проведением комасации выявлялись и так называемые «реманентные» земли, т. е. «излишки» урбарналь-

⁷⁰⁾ ГАЗО, ф. 7 (Поджупан Ужанской жупы), оп. III, 1886 г., т. 2603, л. 16—47.

⁷¹⁾ Альманах «Возрождение», Пряшев, 1933, стр. 93.

⁷²⁾ «Славянские известия», № 17, СПб, 1889, стр. 423.

⁷³⁾ Там же.

ных земель, остававшиеся после выделения наделных земель, переходивших к крестьянам. В соответствии с параграфом VIII урбариального патента 1853 года «реманентные» земли могли быть выкуплены крестьянами по соглашению с помещиками. При определении размеров «реманенции», так же как и при проведении комасации, помещики и власти путем насилия и обмана всячески увеличивали размер «излишков», взваливая на крестьян огромную дополнительную тяжесть выкупа и отработок. «Реманенция» в руках помещиков служила одним из средств закабаления крестьян.

Мы имеем многочисленные архивные данные и свидетельства современников, характеризующие способы осуществления «реманенции» и ее последствия для крестьян. Так, в селе Вульшинка крестьяне до проведения комасации (до 1864 года) владели 953,23 хольда земли [117,77 хольда внутреннего телека (огород, сад, усадьба), 559,11 хольда пашни, 177,92 хольда сенокосов и 68,73 хольда иртованных земель]. В результате обмена крестьянских земель было выявлено 491,63 хольда «излишков» (более 53% всей земли), которые по «добровольному» соглашению с крестьянами отошли к казенной доминии⁷⁴).

В корреспонденции из Закарпатья приводился такой типичный пример выявления «реманенции», раскрывающий ее кабальную сущность. В селе К. Шаришского комитата по урбариальным спискам и протоколу 1836 года числилось всей земли 1006,5 кобёла. При проведении комасации помещик направил в село за свой счет землемера, который, получив соответствующее вознаграждение, установил, что в пользовании общины находится только пахотной земли и выпаса 1578 кобёлов, т. е. обнаружил «излишек» земли в размере 572 кобёла. Эти «излишки» и отходили к помещику под видом «реманенции».

Крестьяне этого села, лишённые в результате реманентной махинации пастбищ и лесов, вынуждены были вступить в «добровольную» сделку с помещиком — выкупить у него «реманенцию» — выгоны и лес — по цене, установленной для выкупа земель в соответствии с положением 1848 года, и уплатить 36750 гульденов. Не имея средств для внесения такой огромной суммы, крестьяне обязались погашать ее частями с выплатой соответствующего процента, начиная с 1 мая 1848 года. Таким образом, заключал корреспондент, «крестьяне попали в такую сеть, что выйти из нее потеряли уже всякую надежду»⁷⁵).

Крестьяне села Бруста-Поток (Бережская жупа) должны были выкупить 29,5 хольда «излишков» земли по цене 7 фо-

⁷⁴) Указ соч. В. І. Ілько, стр. 75

⁷⁵) «Славянские известия», № 17, СПб, 1889, стр. 424.

ринтов 68 крейцеров за один хольд и уплатить помещику 208 форинтов 13 крейцеров. Не располагая наличными деньгами, крестьяне получили рассрочку платежа и уплатили вместе с процентами не 208 форинтов, а около 266 форинтов⁷⁶⁾. Крестьяне сел Дубового и Красной (Марамарошская жупа) за 3853 хольда «реманенции» уплатили 28942 форинта, т. е. по 7,5 форинта за один хольд. О том, насколько обременительным для крестьян был выкуп «реманенции», свидетельствует жалоба крестьян села Драгушовцы (Бережский комитат), в которой говорилось, что они вынуждены были уплатить помещику за 110,11 хольда «нзлишков» 937 форинтов 42 крейцера, т. е. более чем по 8,5 форинта за один хольд. Крестьяне указывали на непосильную тяжесть выкупа и просили снизить выкупную сумму до 5 форинтов за один хольд земли⁷⁷⁾.

Экспроприация крестьянских земель в Закарпатье приняла характер массового ограбления землеробов помещиками. Не случайно поэтому в «Петиции сельских громад» одно из главных мест занимала просьба о возвращении крестьянам тех земель, которыми они пользовались до освобождения от крепостной зависимости. «...Народ без маетности (имущества.— И. К.) и земли жити, себе просветити, и так до гражданства приспособити не може»,—говорилось в петиции. Крестьяне просили правительство, чтобы «вси земли ораницы, нивы, луга и лазы во наших руках и нашей властности изостали, от которых до марта 1848 нияку дачку иншу окремешню, крем панщины, подымщины, девятины и древ урбарских не давали есме»⁷⁸⁾.

Свое право на владение землей крестьяне обосновывали прежде всего тем, что они «законно держат» свои участки земли, за которые кметы испокон веков несли повинности в пользу господ. До марта 1848 года, говорилось в петиции, «поданы стояли под панским судом и управлением, паны сами в той час, коли мали власть отнимати своим властным судом земли,— не отнимали, они болшу дачку не налагали,— ай упознали же поданны земли законно держать, следственно, што паны земныи упознали, што в руках народа лишили... сие от народа отяти толико бы было, як народ огорчити, от него средства жития взяти и во горший состав привести, нежели быв перед сим». Господа-помещики,— указывалось в этом документе,— в соответствии с законами 1832—1836 годов утратили право на те земли, которые обрабатывались крестьянами-бар-

76) ГАЗО, ф. 11, оп. I, л. 70, лл. 4—6

77) Указ соч. В. И. Гляко, стр. 75.

78) Указанный исторический документ, названный нами «Петиция сельских громад», хранится в архиве Ужгородского историко-краеведческого музея.

щинниками, так как отмежеванные и поделенные урбарильные земли «на веки переданы суть поданным» и эти земли «рушати не можно».

Заканчивалась эта часть петиции указанием на то, какие бедствия переживают в настоящее время массы крестьянства и что продолжение политики отобрания крестьянских земель поставит их перед угрозой голодной смерти. Если земли, которыми пользовались крестьяне до 1848 года, будут отняты у них, то «народ наш,—говорилось в петиции,— из большей части голодом будет умирати... приде во отнечаянне, бо состояние его горшее буде, нежели было перед марта 1848, а по сему воли и утеснению панов земных подверженный буде,— и так велика часть народа нашего аки неволна, и из другого ласки живущая, во отношениях ко державе не свою волю, но того, из кого ласки жити буде, принужденна будет исполнити». Никакие петиции, конечно, не могли приостановить экспроприации закарпатского крестьянства. Отобрание лучших крестьянских земель и угодий помещиками, разорение крестьянских хозяйств принимало из года в год все более угрожающие размеры.

Вторая половина XIX столетия характеризовалась огромным количеством судебных дел, возникавших на почве «урегулирования» поземельных отношений между крестьянами и помещиками. «Урбарильные процессы», выразившие обострение классовых противоречий в закарпатской деревне тянулись нередко по нескольку лет, даже в течение нескольких десятков лет, как это мы показали, характеризуя судебное дело либертинов села В.-Лучки. В течение 15 лет 44 крестьянина села Форнош (Лесковое) Бережской жупы добивались безуспешно своих прав на 416 хольдов земли, которой они пользовались до отмены крепостного права⁷⁹⁾; только через 16 лет после реформы было заключено соглашение между крестьянами села Ужок и эраром о размежевании земель⁸⁰⁾.

Нередко крестьяне оказывали сопротивление помещикам и властям, отстаивая свои права на надельные земли и луга, а также на находившиеся в общем пользовании пастбища и леса. Власти путем репрессий и экзекуций утверждали незыблемость помещичьей собственности и осуществляли экспроприацию крестьян. В упоминаемой нами брошюре кошицкой военной комендатуры задачи военных и полицейских властей в сложившихся условиях и сущность «свободы», полученной крестьянами, были сформулированы в таких словах: надо «следить за святостью права собственности: свобода состоит не

⁷⁹⁾ Мукачевский филиал Государственного архива Закарпатской области (в тальнейшем сокращенно ГАЗОФ), ф 2, д. 91, л 18

⁸⁰⁾ ГАЗО, ф 11, оп 1, 1857—1874 гг., д. 1284, лл. 1—50.

в том, чтобы мы грабили чужую собственность (имеется в виду, конечно, помещичья собственность.— И. К.), а чтобы каждый человек, согласно его физическим и моральным силам, мог прилежной работой улучшить свою судьбу и чтобы плоды его старания и прилежания стояли под надежной защитой правительства»⁸¹⁾.

«Урбарияльное урегулирование» в Закарпатье продолжалось до развала Габсбургской монархии. К 1864 году землеустройство было завершено только в 60 селах (сведения по трем комитатам) из 478. Таким образом, в большинстве сел поземельные отношения между помещиками и крестьянами даже через 16 лет после отмены крепостного права еще определены не были. Из 60 сел, в которых было проведено размежевание, только в 31 селе между крестьянами и помещиками была достигнута «договоренность», а в 29 селах вопрос о земле разрешался в порядке судебного разбирательства⁸²⁾. К этому же времени из 253 сел Бережского комитата комасация была проведена только в 33 селах (13%), из них в 14 селах (43%) вопрос о размежевании разрешался судебными органами, а в 19 селах на основе «добровольного соглашения».

Однако как и в первом, так и во втором случае это «урегулирование» проводилось в интересах помещиков. Даже буржуазная газета «Kelet» вынуждена была признать, что добровольное соглашение между крестьянами и помещиками являлось фикцией. Газета писала: «Нет такого села, которое не жаловалось бы на доминию Шенборна за нарушение обещаний о размежевании земель по «соглашению»⁸³⁾. Чиновник венгерского министерства земледелия Э. Эган, характеризуя последствия «урбарияльного урегулирования», указывал, что в нем источник всех бедствий закарпатского крестьянства, ибо власти, проводя размежевание, «придерживались буквы закона и не учитывали вовсе хозяйственных потребностей крестьянина. Они не спрашивали, с чего этот крестьянин, привязанный к земле, будет жить. У крестьян отняты сенокосы.

⁸¹⁾ Указ. соч. И. Перени, стр. 23

⁸²⁾ A Debreczeni kereskedelmi es iparkamarai kerület mezogazdasági főbb viszonyainak leírása (в дальнейшем сокращенно Deb) az 1867. évi évtől 1876. éig terjedő időszakra vonatkozólag, Debreczen, 1879, стр. III. По существу поземельные отношения между крестьянами и помещиками в Венгрии на основе аграрных законов 40—70-х годов XIX столетия разрешены не были. По этому поводу один из чешских авторов в 1936 году писал следующее: «Вопрос урегулирования урбарияльных и компосесоративных имуществ на Подкарпатской Руси, за исключением немногочисленных случаев остался нерешенным, так что общий размер 408 урбариятов и компосесоратов еще и ныне составляет около 133 тысяч гектаров...» (см. «Подкарпатская Русь 1919—1936», Ужгород, 1936, стр. 47)

⁸³⁾ Газ. «Kelet», Ungvár, № 19, 11 мая 1899 г

пастбища и даже те угодья, которыми они до этого пользовались как общей собственностью с помещиками»⁸⁴). Закарпатский священник Михаил Сарич в своей брошюре (посвященной церковным вопросам и изданной в Петербурге в 1893 году) по поводу комасации писал, что размежевание земель, осуществлявшееся при посредстве жандармов, привело к обезземелению крестьян. Помощниками и друзьями господ-помещиков в ограблении крестьян выступали униатские священники, ростовщики-корчмари и австро-венгерские власти⁸⁵).

**

По подсчетам венгерского автора К. Галгоци⁸⁶), урбаральные земли между крестьянами Венгрии распределялись после реформы следующим образом.

Таблица 3

Размер урбарального надела	Количество крестьянских хозяйств	% урбаральных хозяйств
Более полного надела	17262	3,2
Полный надел	48599	8,9
Более половины надела	13505	8,1
Половина надела	173119	31,8
От 1/4 до 1/2 надела	239692	44,9
Менее 1/4 надела	22715	4,1
Безземельные желье ры	913962	64,0 (по отношению ко всем крестьянским хозяйствам)

Таким образом, 48% венгерских крестьян, получивших землю, имели менее половины урбарального надела, т. е. в массе своей являлись малоземельными. Только 12,1% крестьян, получивших полный телек или участки земли более полного надела, могут быть отнесены к зажиточной верхушке деревни, обеспеченной необходимым количеством земли. В словацких и закарпатских областях полные наделы получило 12,1% ур-

⁸⁴) Еган Е. Економічне положенє руських селян в Угорщині, Львів, 1901, стр. 44

⁸⁵) См. указ соч И Перени, стр. 94-95

⁸⁶) Указ соч К Galgóczy, стр. 103 По данным венгерского автора Д. Мерея, в 1848 году 69,5% плодородных земель Венгрии (включая леса) находились в руках помещиков и только 28% площади в пользовании крестьян. В течение 1828—1846 годов количество йоббадей в Венгрии возросло на 9,6%, а желлеров — на 32,6%. Накануне революции 1848 года йоббады составляли 36%, а желлеры и курьяльные батраки — 64% всех крепостных крестьян. Свыше 92% йоббадей пользовались участками земли, не превышавшими половину телека. Хозяйства зажиточной верхушки деревни, по подсчетам Д. Мерея, составляли около 3% всех крестьянских хозяйств (см. Mérei Gyula. Mezőgazdasági arútermelés és a parasztság helyzete Magyarországon a feudalizmus válságának elmélyülése idején, «Századok», № 4—6, 1956, стр. 596, 608).

барнальных крестьян, половинные наделы — 39,8% и 48,1% крестьян имели менее половины телека⁸⁷). В основных закарпатских комитатах в 1848 году числилось около 6 тыс. полных урбарнальных наделов⁸⁸), включавших в себя как пахотные земли, так и сенокосы (урбарнальные наделы составляли только $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ находящейся в пользовании крестьян земли), из которых по отдельным комитатам до половины отошло под различными предложениями к помещикам. В начале 50-х годов в отдельных закарпатских жупах из числа крестьян, получивших землю после реформы, от 50 до 70% имели участки земли в размере до $\frac{1}{4}$ телека⁸⁹). У крестьян была отнята большая часть пастбищ и лесов общего пользования, и только в отдельных случаях крестьяне взамен этих угодий, отобранных у них, получили незначительные участки малопродуктивной земли.

К. Галгоци, характеризуя социальную структуру земельной собственности в Венгрии в 50-х годах XIX столетия, подчеркивал, что немало помещиков и после выделения земли крестьянам владели огромными поместьями, насчитывавшими по 150—200 тыс. йохов земли; еще чаще можно было встретить поместья в 30—40 тыс. йохов, а приблизительно 2—3 тыс. помещиков являлись собственниками владений размером от 1 до 5 тыс. йохов⁹⁰). Социальная структура землевладения в Закарпатье в этот период также характеризовалась господством помещичьего крупного землевладения (помещикам и государству принадлежало после реформы более 70% всей земли) и обезземеленном огромных масс крестьянства (65% урбарнальных крестьян были малоземельными; 68% общего числа крестьян составляли безземельные-желлеры).

⁸⁷) Указ соч. S. E. Гепуес, т. I, стр. 47—49; J. Mészáros, стр. 600; K. Galgóczi, стр. 103

⁸⁸) Deb, 1879, стр. 109

⁸⁹) Указ соч. K. Galgóczi, стр. 104—105 В 10 селах, принадлежавших барону Габору Перени (В Севлюш, Великая Копаня, Верхний Шарод, Великая Чонгава, Влахово и др.), в 1855 году числилось 100 урбарнальных крестьян, которые имели 48 телеков земли, и 44 желлера. Урбарнальная земля между крестьянами распределялась следующим образом: 35 чел. имели до $\frac{1}{4}$ телека земли, 31 чел. — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ телека, 21 чел. — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ телека и 13 чел. — от $\frac{3}{4}$ до полного телека. Безземельные желлеры составляли 30,6% всех крестьянских хозяйств (ГАЗО, ф. 60, оп. II, 1852—1855, д. 901, лл. 50—55). В селе Андрашовцы (Ужгородская жупа) в 1859 году из 52 урбарнальных крестьян 37 чел. (71%) имели земли до $\frac{1}{2}$ телека, 14 чел. (27%) — $\frac{3}{8}$ телека и 1 чел. (2%) — полный надел (ГАЗО, ф. II, оп. I, 1859—1898 гг., д. 13, лл. 51—61). В Шаршском комитате, населенном словаками и закарпатскими украинцами, полные наделы и более одного телека получили 6,7% урбарнальных крестьян, более $\frac{1}{2}$ надела — 12,3%, $\frac{1}{2}$ надела — 20,4%, $\frac{1}{4}$ и меньше — 60,6%. Безземельные крестьяне — желлеры составляли 66% всех крестьянских хозяйств (см. указ соч. K. Galgóczi, стр. 104, J. Mészáros, стр. 60)

⁹⁰) Указ соч. K. Galgóczi, стр. 94.

Русский автор М. Д. Лихутин, говоря о положении закарпатских крестьян после реформы, указывал: «Хотя теперь они получили личную свободу, но вся земля, которую они возделывают, принадлежит мадьярам, прежним помещикам, и возделывается (крестьянами) как работниками, за небольшими исключениями»⁹¹). Даже один из венгерских чиновников должен был признать, что русины Шариша и других областей живут на самой плохой земле в Венгрии и испытывают огромную нужду, так как вследствие проведенного землеустройства они потеряли много пахотных земель и пастбищ, которыми пользовались до освобождения⁹²).

Таким образом, в результате «освобождения» крестьян Закарпатья от крепостной зависимости и проведения «урбарнального урегулирования» помещики захватили подавляющую часть лучших земель и угодий и в значительной мере освободились от «подлейшей» земли, отошедшей в основном к малоземельным, беднейшим хозяйствам. Можно сказать словами Ф. Энгельса, что закарпатский крестьянин за свою свободу «заплатил дворянству лучшей частью своих земельных владений. Того, что у него осталось, было слишком много, чтобы умереть с голоду, и слишком мало, чтобы существовать»⁹³).

В свете приведенных нами данных, звучит как издевательство над правдой и бедственным положением масс крестьянства Закарпатья славословие, которое расточали уннатские борзописцы по адресу коронованных и титулованных «освободителей» крестьян. В «Церковной газете» (№ 26, 1857 год) один из греко-католических священников, характеризуя положение крестьян-русинов Спишского комитата, вопреки истине, писал о «благодетельном и спасительном влиянии все милостивейше дарованного освобождения на преуспевание .. русского народа в вещественном, равно как и в духовном благосостоянии...».

Узурпация крестьянских земель, обремененность крестьянства налогами обусловили катастрофическое его разорение во второй половине XIX столетия. Вместе с тем помещичья реформа 1848 года, «урбарнальное» законодательство последующих лет укрепили помещичье землевладение и создали условия для перестройки помещичьих хозяйств на капиталистической основе. Но «прусская» тип буржуазной аграрной эволюции сельского хозяйства Закарпатья определил длительное перерастание крепостнических помещичьих хозяйств в юнкерские буржуазные хозяйства, затянувшееся вплоть до 20-х годов нашего столетия, и живучесть сильных остатков

⁹¹) М. Д. Лихутин, Записки о походе в Венгрию в 1849 году, М., 1875, стр. 34

⁹²) См. указ соч. И. Перени, стр. 32

⁹³) К Маркс и Ф Энгельс, Соч., т. 16, ч II, стр. 30

феодалных отношений в деревне. Закарпатье являлось одной из областей Австро-Венгрии, наиболее обремененной пережитками крепостничества, генетически связывавших новую общественно-экономическую формацию со старой.

3. ПЕРЕЖИТКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Пережитки феодализма в сельском хозяйстве Закарпатья выражались как в характере распределения частной земельной собственности, в наличии крупных частных латифундий и института феодального землевладения — фидейкомиссов, государственных имений, церковной и общинной земельной собственности, так и в распространении крепостнических форм эксплуатации крестьянства.

Для характеристики и оценки распределения земли по группам собственников нами использованы разрозненные официальные статистические данные⁹⁴⁾, которые, несмотря на серьезные недостатки и неполноту их⁹⁵⁾, все же дают общее представление о пережитках средневековья в аграрных отношениях Закарпатья.

Таблица 4

Распределение землевладений по категориям собственников (в процентах)

Период	Категории землевладельцев				
	государство	общественные учреждения и организации	герцогские и сельские общины	церковь	частные лица
70-е годы XIX века	23,4	1,2	6,0	0,7	68,7
90-е годы XIX века	21,0	1,4	7,0	1,0	69,6

Как видно из приведенной таблицы, основная масса земель Закарпатья в конце XIX столетия находилась в собственности частных лиц (около 70%); из других групп землевладений большое место занимало государство (21%), меньшее — общины (7%); на долю остальных групп приходилось только 2,4% земельной площади. В составе государственных и частных латифундиальных владений преобладали лесные площади, во всех остальных — сельскохозяйственные. В течение второй половины XIX столетия в распределении землевладений произош-

⁹⁴⁾ Deb, Vdp., 1879, стр. 115; Msé, Vdp., 1874, стр. 126—129, 134; Msé, XIII, Vdp., 1906, стр. 89—90; Msé, XX, Vdp., 1914, стр. 126—137.

⁹⁵⁾ Значительно занижено общее количество хозяйств и недоучтены майоратные владения

ли незначительные изменения: доля государственных земель сократилась на 2,4% (с 23,4% в 70-х годах до 21,0% в 90-х годах) за счет продажи и передачи их другим владельцам, и естественно увеличились владения частных лиц (на 0,9%), городских и сельских общин (на 0,3%), общественных организаций (на 0,2%) и церкви (на 0,3%).

Государственные имения (в Ужгородской и Марамарошской жупах), занимавшие свыше 21% всех земель и около половины территорий этих комитатов, представляли собой один из остатков феодализма в сельском хозяйстве Закарпатья. В прошлом они находились во владении крупных феодальных магнатов, а в XVIII столетии перешли в собственность эрара—королевской казны. Государству в Закарпатье принадлежало свыше 400 тыс. гектаров земель⁹⁶), из которых большая часть (80%) была занята лесными массивами (в 1894 году в Ужгородском комитате казенные леса занимали 97 тыс. гектаров, а в Марамарошском—225 тыс. гектаров; государству принадлежало более 40% всей площади лесов закарпатских комитатов). Помимо эксплуатации лесных богатств государственными органами (лесная дирекция), часть казенных лесов сдавалась под разработку капиталистам-предпринимателям. Удельный вес своего земледельческого хозяйства в государственных имениях был незначительным. Сельскохозяйственные земли казенных имений обычно сдавались внаем крупным арендаторам, которые, в свою очередь, сдавали землю в аренду мелкими участками крестьянам. Государственная собственность на землю, как и крупная частная земельная собственность, служила средством эксплуатации и угнетения масс крестьянства (сдача пахотной земли, сенокосов и пастбищ в аренду, продажа строительного леса и дров, взимание высокой платы за выпас домашних животных на полонинах и в лесах).

Свыше 100 тысяч гектаров земель (7% всей площади) принадлежало общинам. На долю сельских общин приходилось более половины всех общинных земель, из которых 60% составляли лесные площади. Большая часть сельскохозяйственных земель городов и местечек сдавалась в аренду мещанам, ремесленникам, рабочим и служащим мелкими участками под посевы, виноградники, сенокосы и пастбища.

Земли сельских общин на протяжении XIX столетия систематически сокращались в связи с захватом их помещиками и отчуждениями земель в пользу городов и местечек, население которых хотя и медленно, но возрастало. Как известно, К. Маркс рассматривал захват общинных земель крупными землевладельцами как одну из причин гибели мелкой земель-

⁹⁶) Два государственных имения занимали 47% всей площади Ужгородской и Марамарошской жуп.

ной собственности в условиях капитализма. В результате экспроприации общинной собственности во владении сельских общин Закарпатья остались лишь небольшие угодья, составлявшие 6—7% общей площади лесов и 10—12% всей площади пастбищ.

Сельские общинные земли имели большое значение в экономике крестьянских хозяйств, особенно мелких. В 80-х годах XIX столетия Ф. Энгельс, имея в виду немецкие альменды, писал: «...Без общинного пользования угодьями мелкий крестьянин не может содержать скота; без скота нет навоза; без навоза невозможно рациональное земледелие»⁹⁷). Большая часть общинных угодий (леса и пастбища) находилась в совместном пользовании членов общин; меньшая часть — в пользовании отдельных лиц, преимущественно из числа зажиточной верхушки деревни и ростовщиков.

Земли общественных учреждений и церкви, составлявшие 2,4% всей площади, не имели большого значения в экономической жизни Закарпатья. Отсутствие крупного церковного землевладения объяснялось зависимым положением униатской церкви, служители которой хотя и были уравниены в правах с католическим духовенством, но все же не пользовались в полном объеме всеми правами и привилегиями представительской, школьные, епископские и «парохнальные» — занимали в общей сложности около 20 тыс. гектаров и составляли приходско-церковный земельный фонд (по 20 и более гектаров на приход), земли духовных семинарий, монастырей и консисториальные владения. Последние — монастырские и консисториальные владения — обрабатывались частично силами и инвентарем самих владельцев, частично же сдавались в аренду крестьянам. Церковно-приходские земли, служившие для обеспечения приходских священников, обрабатывались трудом крестьян-верующих.

В еще большей мере пережитки феодальных отношений сохранялись в частном землевладении. В конце XIX столетия крупным землевладельцем с площадью земли свыше 200 хольдов, составившим менее полпроцента всех владений, принадлежало более 4/10 всей собственной земли, в то время как 51% всех землевладений (с участками земли до 5 хольдов) имели в своем распоряжении только 6,4% собственной земли⁹⁸).

Среди всех частных владений по размеру общей площади сельскохозяйственных земель и лесов выделялись латифундии,

⁹⁷) К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 644

⁹⁸) См. Msé, Bd. 1, 1901, стр. 80—90

являвшиеся самым выдающимся воплощением и самой крепкой опорой остатков крепостничества⁹⁹⁾.

Таблица 5

*Частные латифундии Закарпатья (конец XIX столетия)*¹⁰⁰⁾

Показатели	Землевладения по площади всей земли (в тысячах хольдов)			
	1—3	3—5	5—10	свыше 10
Число владений	76	19	16	17
Всей земли у них (в тысячах хольдов).	132	63	102	255
Приходится на 1 владение всей земли (в хольдах)	1736	3316	6375	15000

128 латифундиальных хозяйств Закарпатья держали в своих руках свыше 600 тыс. хольдов земли; на каждое владение приходилось в среднем около 5000 хольдов. Из общей площади латифундиальных земель свыше 40% принадлежало 17 владениям, каждое из которых имело общей площади земли свыше 10 тыс. хольдов. Крупные латифундии представляли собой огромные лесные хозяйства, хотя они имели также и значительные сельскохозяйственные площади*. В группе землевладельцев свыше 1000 хольдов леса занимали 68% всей земельной площади. Большие площади сельскохозяйственных земель и лесов владельцы латифундий сдавали в аренду.

Латифундии, основанные на кабальной эксплуатации крестьян и сдаче земли в аренду, являлись оплотом класса крупных землевладельцев и помещицкой реакции. Они тормозили развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Крупная латифундиальная земельная собственность в Закарпатье служила для ее владельцев не только источником обогащения, но и экономической базой их политического влияния. Сила влияния земельной аристократии на государственную и общественную жизнь определялась не только ее экономической ролью, но и совпадением политических интересов класса помещиков и буржуазии, которая особенно после революции 1848 года встала на путь соглашения с крупными аграриями для совместной борьбы против революционно-демократического движения. Одновременно с этим происходило и сближение экономических интересов обоих господствующих классов на основе вовлечения земледельческого капитала в сферу деятельности торгово-промышленных фирм и финансовых учреждений, с одной стороны, и проникновением финансового и торгово-про-

⁹⁹⁾ См. В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 215

¹⁰⁰⁾ Msé, Vdp., 1901, стр. 80—90. В число земель, принадлежащих частным латифундиям, не вошли майоратные владения.

мышленного капитала в сельское хозяйство — с другой (оптовая торговля, промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов и использованию естественных богатств, кредитная система, сельскохозяйственная кооперация, приобретение земельной собственности буржуазией).

Крупные земельные собственники не только безраздельно господствовали в закарпатской деревне, взимая огромную дань с общества в виде земельной ренты, распоряжаясь через зависимые от них местные органы власти распределением налогов, подчинив себе судебные органы и администрацию, но и совместно с торгово-промышленной и финансовой буржуазией оказывали решающее влияние на политику правительства.

В Закарпатье долго сохранялся институт феодального землевладения — фидейкомисс; майоратные владения занимали значительную часть латифундиальных земель. В экономическом отношении фидейкомиссы, представлявшие собой одну из форм средневековых стеснений земельной мобилизации, создавали серьезную помеху хозяйственному развитию. «Монополия земельной собственности (поземельная рента), право наследства, майораты, — указывал В. И. Ленин, — препятствуют рационализации земледелия»¹⁰¹⁾.

Крупная земельная собственность с ограниченным оборотом¹⁰²⁾ противоречила даже интересам буржуазного общества, ибо капитализм требует свободного торгового оборота с землей, свободной аренды и сдачи ее, соответствующих требованиям рынка и всего буржуазного экономического уклада. Существование системы фидейкомиссов было обусловлено не экономическими, а политическими интересами, стремлением правящих кругов Австро-Венгрии сохранить крупное феодально-дворянское землевладение и особые кастовые привилегии дворянской аристократии, как опоры реакционного режима Габсбургов.

Известно, что на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого преобра-

¹⁰¹⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 81.

¹⁰²⁾ В 1903 году земли с ограниченным оборотом по трем закарпатским жупам (Берег, Марамарош и Унг) занимали более половины площади всей плодородной земли, в Венгрии в 1895 году — 34,86% (Mse, 1895, III, Bdr., 1896, стр. 97; Deb, 1904, стр. 10). В 1895 году в Венгрии насчитывалось 93 владения, отнесенные к фидейкомиссам, которые стали возникать с 1628 года, наибольшее число их было учреждено в 70—90-х годах XIX столетия (до 1871 года — 37, а с 1871 по 1891 год — 51). Все 93 владения имели 1348 тыс. гектаров земель; в среднем на каждое из них приходилось около 15 тыс. гектаров (пахотные земли составляли 28,4%, луга и пастбища — 20,5%, леса — 43,5%. См. Mse, III, 1895, Bdr., 1896, стр. 96).

зующее действие капитализма проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью. Эти традиции старины с особой силой проявились в Закарпатье. Их тормозящее воздействие на весь ход общественно-экономического развития было особенно значительным потому, что колониальное положение Закарпатья обусловило живучесть докапиталистических форм эксплуатации непосредственных производителей, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права, с которым тысячами нитей было связано старое помещичье хозяйство.

Революция 1848 года, как мы указывали, только подорвала основы барщинной системы помещичьего хозяйства, но не уничтожила ее окончательно, оставив нетронутым старое помещичье землевладение. Вследствие этого капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, а барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть, тем более, что в Закарпатье не создались еще все необходимые условия, которые требовались для капиталистического производства (отсутствие класса людей, привыкших к работе по найму, невозможность замены крестьянского инвентаря помещичьим, неспособность помещиков организовать земледелие как торгово-промышленное предприятие, отсутствие организованного кредита и т. д.). Единственной возможной системой хозяйства в этих условиях могла быть переходная система, соединяющая в себе черты и барщинной и капиталистической системы. Можно сказать словами В. И. Ленина, что в Закарпатье отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты «переплетались самым причудливым образом».

В течение первых трех десятилетий после реформы капиталистическое развитие помещичьих хозяйств Венгрии и особенно Закарпатья происходило чрезвычайно медленно, ибо подавляющая часть помещичьих имений основывалась на отработках, т. е. на феодальной эксплуатации крестьян¹⁰³). Отработочная система как докапиталистическая форма экономических отношений получила в Закарпатье значительное распространение¹⁰⁴). Главнейшим базисом ее являлась экспроприация крестьянской земли помещиками, а также «сплетение» крестьянского и помещичьего землепользования.

В. И. Ленин по поводу значения этого «сплетения» землепользования писал: «Фактически, т. е. не по праву владения, а

¹⁰³) См. указ соч. Zs. P. Pach Über einige charakteristische Züge..., стр. 1235, 1236, S. Gy. Mérei. Adalekok a magyar mezőgazdaság kapitalista fejlődésének történetéhez, «Századok», 1950; Parasztságunk a Habsburgon kényuralom korszakában, Bdp, 1951; Zs. P. Pach. Magyar gazdaságtörténet 1849—1900, Bdp., 1950.

¹⁰⁴) Подробнее вопрос о распространении отработочной системы и формах отработок в Закарпатье нами освещен во II главе настоящей работы.

по хозяйственному пользованию, земли и угодья помещиков и крестьян не разделены окончательно, а продолжают оставаться слитыми: часть крестьянской земли служит, напр., для содержания скота, необходимого для обработки не крестьянской, а помещичьей земли; часть помещичьей земли безусловно необходима для соседнего крестьянского хозяйства в данной его системе (водопой, выгоны и т. п.). И это фактическое сплетение землепользования неизбежно порождает (вернее: сохраняет порожденное тысячелетней историей) такие же отношения мужика к барину, какие были и при крепостном праве»¹⁰⁵).

Неизбежным следствием отработочной системы являлась низкая производительность труда, поскольку труд закабаленного крестьянина не мог не приближаться по своему качеству к труду крепостному. Приемы хозяйства, основанного на отработках, могли быть только самыми рутинными. Но особенность отработочной системы заключалась не только в рутинных приемах хозяйства, в низкой оплате труда, но, что особенно важно подчеркнуть, отработки всегда были связаны с личной зависимостью нанимающегося от нанимателя, с большим или меньшим сохранением внеэкономического принуждения. Именно на этой основе, вследствие помещичьей монополии на землю и сильных остатков докапиталистических отношений в деревне, кабальная, личная зависимость масс закарпатского крестьянства от помещиков-землевладельцев, капиталистов-предпринимателей, спекулянтов и ростовщиков во второй половине XIX столетия принимает такие размеры и формы, каких нельзя было встретить ни в одной европейской стране.

Все это являлось прямым выражением и следствием длительного сохранения в Закарпатье элементов крепостничества, ибо, «когда полунищий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег взаймы или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства»,—указывал В. И. Ленин¹⁰⁶).

В Закарпатье очень долго сохранялись такие формы феодальной эксплуатации непосредственных производителей, как повинности урбаральных крестьян, желлеров, куриальных батраков, о которых мы говорили выше, а также натуральные повинности и поборы в пользу церкви.

Хотя закон 1848 года об освобождении крестьян от крепостной зависимости (статья XII) отменял церковную десятину, но не устранял другие повинности в пользу церкви. В распоряжении Кошицкого главного окружного начальника графа Я. Сирмаи, относящемся к 1849 году, по этому поводу указы-

¹⁰⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 111—112.

¹⁰⁶) Там же, т. 20, стр. 220.

валось, что, несмотря на отмену десятины, «народ следует заставить исполнять бывшие законнообходимые обязанности»¹⁰⁷).

В руках униатской церкви Закарпатья в 70-х годах XIX столетия находилось, как мы указывали, 20 тыс. гектаров земли¹⁰⁸), которая обрабатывалась крестьянами, отбывавшими барщинную повинность—«роковину». Кроме того, прихожане уплачивали в пользу духовенства натуральный налог — «коблину». Размер этих повинностей во второй половине XIX столетия был установлен в таких размерах: крестьяне, имевшие землю, должны были с каждой половины телека обработать 1 день в году с упряжкой и внести 2 веко зерна; натуральные поборы с безземельных крестьян заменялись 1 днем пешей работы¹⁰⁹).

Своеобразной формой феодальных пережитков являлось и «огораживание» помещичьих земель, запрещение крестьянам охотиться в помещичьих лесах на зверей и диких животных, приносивших (особенно дикие кабаны) значительный ущерб крестьянским хозяйствам.

В. И. Ленин, говоря о пережитках крепостничества в пореформенной России, указывал: «Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром..., все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка»¹¹⁰). Эта ленинская характеристика целиком применима и к Закарпатью.

Господство крупной земельной собственности и многочисленные остатки докапиталистических отношений создавали серьезные препятствия для развития сельского хозяйства. Это выражалось в том, что покупка земли при условии, когда землевладелец сам ведет свое хозяйство, сужала его производственные возможности, а при аренде земли ограничивала вложения капитала в землю вследствие роста цен на нее, разбухания земельной ренты как за счет высоких норм аренды, так и за счет присоединения к ренте процентов на вложенный в землю арендатором капитал. Земельный голод, испытываемый массами крестьянства, вел к распространению кабальных форм аренды земли у крупных землевладельцев, к прикреплению крестьянина к parcelle, к деградации и упадку мелкого хозяйства. Наконец, господство крупной земельной собственности и сохранение фидейкомиссов затрудняло мобилизацию земли,

¹⁰⁷) Указ. соч. И. Перени, стр. 28—29.

¹⁰⁸) Msé, Vdp., 1874, стр. 138

¹⁰⁹) Legoczky T., Beregvármegye monográphiája, II kötet, Ungvar, 1881, стр. 41.

¹¹⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 96—97.

вовлечение ее в торговый оборот и, таким образом, проникновение капитала в сельское хозяйство.

Сильные пережитки крепостничества в сельском хозяйстве обусловили собой то обстоятельство, что социально-экономические отношения в Закарпатье во второй половине XIX столетия были более феодальными, чем буржуазными. Здесь еще долго продолжали существовать «изумительнейшие допотопные ископаемые», как называл Ф. Энгельс феодальных господ — носителей отжившего способа производства и соответствующих ему общественных и политических отношений, которые затемняли общественную среду атрибутами феодальных пережитков, задерживавших процесс капиталистического преобразования полусредневекового земледелия и свободное развитие классовой борьбы в деревне. Крупные землевладельцы не только экономически закабалляли крестьян, но использовали нужду мелких крестьян в земле и для политического давления на них.

Господство крупного помещичьего землевладения и недостаточное развитие капитализма наложило тяжелую печать отсталости на все стороны общественно-экономических отношений в Закарпатье, обусловив своеобразие социальной структуры аграрного строя, соответствующей «прусскому» пути капиталистической эволюции сельского хозяйства.

4. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

«Капиталистический строй сельского хозяйства характеризуется отношениями, которые существуют между хозяевами и рабочими, между хозяйствами разных типов...», — указывал В. И. Ленин¹¹⁾. Наиболее существенные особенности капиталистического строя сельского хозяйства Закарпатья во второй половине XIX столетия заключались в следующем: 1) значительная концентрация земли и сельскохозяйственного производства в руках крупных помещиков, капиталистических предпринимателей и зажиточных крестьян, широко применявших в своих хозяйствах наемный труд; 2) подавляющее преобладание по численности безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств, игравших совершенно незначительную роль в производстве сельскохозяйственной продукции; 3) усиление разложения крестьянства, сопровождающееся ростом крупнокрестьянских хозяйств, разорением и численным сокращением пролетарских хозяйств, увеличением числа мелкокрестьянских хозяйств и неустойчивостью среднего крестьянства.

Исследователь, поставивший перед собой задачу раскрыть на основе анализа статистических данных классовую струк-

¹¹⁾ В. И. Ленин, Соч, т. 16, стр. 394.

туру аграрного строя, общественно-экономические отношения в закарпатской деревне второй половины XIX столетия, сталкивается с большими трудностями, которые заключаются не только в неполноте и недостаточной разработанности сведений о состоянии сельского хозяйства и положении крестьянства Закарпатья, тенденциозном подходе к статистике, выражавшемся в замалчивании или сглаживании невыгодных для господствующего класса Венгрии явлений и тенденций, характеризующих, в частности, глубокий процесс разорения и пауперизации закарпатского крестьянства, но и в многообразии методов статистических исследований и приемов группировки статистических данных, что не всегда дает возможность сравнивать эти данные за отдельные годы или периоды. Недоброкачественность и неполноценность венгерской статистики, проявляющейся, как выражался В. И. Ленин, в «статистическом кретинизме», когда за горами цифр исчезают экономические типы явлений¹¹²⁾, в значительной мере затрудняют как анализ эволюции аграрных отношений, так и показ явного сосредоточения решающих средств производства в латифундальных и капиталистических хозяйствах.

Венгерская статистика проявляла большой консерватизм в вопросе группировки хозяйств, пользуясь почти единственным группировочным признаком — размером общей земельной площади, но группировка хозяйств по этому признаку явно недостаточна. В. И. Ленин по этому поводу говорил: «...чем шире и быстрее развивается интенсификация земледелия, тем более группировка по земле *прикрашивает* прижатое положение мелкого производства в земледелии, мелкого земледельца, обездоленного и землей и капиталом;—*приглушает* действительную остроту классового противоречия между преуспевающим крупным и разоряющимся мелким производством;—*преуменьшает* концентрацию капитала в руках крупного производства и вытеснение им мелкого»¹¹³⁾.

Таким образом, группировка хозяйств по общей земельной площади не дает полного представления о действительной концентрации капитала в сельском хозяйстве, преуменьшает ее размеры, рост и силу крупного капиталистического хозяйства, его технико-экономические преимущества над мелким крестьянством, приукрашивая вместе с тем экономическое положение низших групп крестьянских хозяйств.

Группировка хозяйств по общей земельной площади не показывает уровня интенсификации сельского хозяйства, смешивая как интенсивные, так и экстенсивные хозяйства, не учитывает размеров вложенных капиталов в хозяйства и ценности

¹¹²⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 68

¹¹³⁾ Там же, т. 22, стр. 69—70.

земли, понижая удельный вес интенсивных капиталистических хозяйств. В частности, в Закарпатье крупные капиталистические хозяйства занимали, несомненно, большее место, чем это показывает официальная венгерская статистика, группирующая хозяйства по общей земельной площади. Известно, что чем выше уровень земледельческой техники, чем интенсивнее хозяйство, чем сильнее влияние рынка, тем чаще встречается крупное производство на мелких участках земли, однако эти хозяйства с крупным производством относились венгерской статистикой по размерам земельной площади к мелким и средним хозяйствам.

Группировка хозяйств по этому признаку не раскрывает полностью социального содержания отдельных категорий хозяйств, которые могут быть выделены при помощи этих данных только приближенно, схематично. Надо указать также, что и сами статистические данные о размерах земельной площади, занимаемой или обрабатываемой отдельными классами группами хозяйств, не являются полностью достоверными. Аграрная статистика распределения земельной площади по группам хозяйств составлялась обычно на основе опроса и заявлений владельцев хозяйств, которые, особенно владельцы крупных хозяйств, приуменьшали действительные размеры принадлежащей им земли с тем, чтобы снизить сумму земельного налога.

Однако и группировку хозяйств по земельной площади нельзя сбрасывать со счетов при анализе аграрных отношений. На основе такой классификации хозяйств, при всех ее недостатках и пороках, все же можно судить, правда, весьма приближенно и с рядом исключений, о соотношении размеров земельной площади, занимаемой отдельными группами хозяйств. Имея в виду, что в Закарпатье уровень интенсификации сельского хозяйства был сравнительно низким, что здесь не получили большого развития специальные отрасли интенсивного земледелия, в которых крупное капиталистическое хозяйство могло вестись и на небольших площадях, — классификация хозяйств по этому признаку все же дает возможность определить сущность некоторых общих тенденций в развитии землеустройства и землепользования в Закарпатье.

Венгерской статистикой обычно было принято делить сельские хозяйства по размерам общей земельной площади на следующие группы: «мельчайшие», имевшие до 5 хольдов земли на двор, «мелкие», имевшие от 5 до 100 хольдов земли на хозяйство, «средние» хозяйства, владевшие площадью земли от 100 до 1000 хольдов каждое, и «крупные» хозяйства с общей площадью свыше 1000 хольдов каждое.

Хотя такая группировка хозяйств по размерам земельной площади и дает возможность вскрыть глубокую пропасть

между мельчайшими, карликовыми хозяйствами, с одной стороны, и крупным землевладением — с другой, но она включает в число «мелких» хозяйств (с общей земельной площадью от 5 до 100 хольдов) совершенно разнородные хозяйства, смешивает крестьянские дворы разной хозяйственной состоятельности, не выделяет полностью малоземельные, бедняцкие хозяйства и категорию средних хозяйств, относя вместе с тем к группе «средних» зажиточные хозяйства. Такой метод группировки хозяйств находится в противоречии с марксистско-ленинским принципом определения классовой структуры сельского хозяйства и как ненаучный не мог быть взят нами за основу при исследовании этого вопроса.

Поэтому мы должны были принять другую группировку хозяйств для выяснения социальной структуры аграрного строя, основываясь на статистических данных¹¹⁴⁾, характеризующих распределение общей земельной площади, пахотных земель, лугов, пастбищ и лесов, обеспеченность хозяйств продуктивным и рабочим скотом, доходность хозяйств и применение ими наемного труда*.

Кроме того, нами определен размер земельной площади, который типичен для отдельных групп хозяйств, и те пределы, за которыми неизбежно применение наемной рабочей силы. Совершенно очевидно, что граница между крестьянским и капиталистическим хозяйством зависит от особенностей естественно-географических районов, отраслевого направления хозяйства и степени его интенсификации. При одной и той же урожайности затрата труда на единицу земельной площади в горных и долинных районах Закарпатья была различной. Поэтому более точное представление о действительном размере хозяйства можно получить только внося известные поправки на географические и экономические особенности района и уровень интенсивности хозяйств. Хозяйства с одинаковой площадью в виноградарстве, садоводстве, табаководстве несравнимы с хозяйствами такой же площади в зерновом и животноводческом хозяйстве. Однако, несмотря на разнообразие условий в от-

¹¹⁴⁾ См. Msé, Bdp., 1874. Msé, IX, Bdp., 1902; Msé, XX, Bdp., 1914. A Magyar Korona országainak mezőgazdasági statisztikája (в дальнейшем сокращенно Mos), IV kötet. A gazdaságok megoszlása jelleg és nagyság szerint, Bdp., 1900; Közgazdasági és statisztikai évkönyv 1892—1893, Bdp., 1895; Selská hromada v Uherske Rusi. Sbornik Československé Jednoty, Praha, 1887; Указ. соч. J. H. Biederman n. Die ungarischen Ruthenen, II, 1867; Kazy J. Az északkeleti hegyvidéki nép gazdasági helyzetének javítására irányuló állami segítő akció hat évi működésének ismertetése, Bdp., 1904; Niderle L. Uherští rusini ve světle maďarské statistiky, Praha, 1904; Указ. соч. J. H. Biederman n. Die ruthenische Nationalität.. Wien, 1863; Karpinec E. A Ruthén nép krízise, Ungvár, 1912; Sládek B. Hospodářské pomery v Podkarpatské Rusi, Praha, 1925.

дельных районах, все же возможно, по нашему мнению, установить преобладающий типичный размер хозяйства в каждой классовой группе.

* * *

Исходя из анализа всех перечисленных нами данных, придерживаясь употребляемого В. И. Лениным распределения крестьянских хозяйств Венгрии в конце XIX столетия по группам в соответствии с обеспеченностью их землей¹¹⁵⁾, нами выделены следующие социальные категории хозяйств, определяющие собой классовый облик закарпатской деревни: пролетарские, крестьянские (мелкокрестьянские, средние, крупные) и помещичье-капиталистические (средние, крупные и латифундиальные).

К пролетарским хозяйствам мы относим такие, для «владельцев» которых самостоятельное ведение земледелия не является главным занятием, а основным средством существования их служит работа по найму. Это в массе своей батраки с наделом. Подавляющее большинство этих хозяйств Закарпатья укладывалось в группы хозяйств с общей площадью земли до 5 гектаров.

К мелкокрестьянской группе отнесены хозяйства, имеющие небольшие кусочки земли, которые они обрабатывают своим трудом. Только для меньшей части этих хозяйств принадлежащие им участки земли являются достаточными для пропитания крестьянских семей. По существу такой «мелкий крестьянин, как и мелкий ремесленник, есть рабочий, отличающийся от современного пролетария тем, что он еще владеет своими средствами труда...»¹¹⁶⁾. Подавляющая масса их входила в группу хозяйств с общей площадью земли от 5 до 10 гектаров.

Под средними хозяйствами в экономическом смысле следует понимать такие хозяйства, владельцы которых имеют на правах собственности или аренды небольшие участки земли, обработка которых в условиях капитализма дает им возможность не только скудно содержать семью, но и получать иногда известный излишек, способный в лучшие годы превращаться в капитал. В. И. Ленин следующим образом определил экономическое положение среднего крестьянства: «Сюда относятся хозяева-земледельцы, живущие исключительно доходом от своего собственного посева», который «покрывает в обрез необходимые потребности семьи. Но недостаток живого и мертвого инвентаря и неравномерное его распределение делают хозяйство крестьян этой группы непрочным, шатким, осо-

¹¹⁵⁾ См В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 407, 408 и т. 19, стр. 277.

¹¹⁶⁾ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, ч. II, стр. 443.

бенно ввиду угрожающей тенденции высшей группы к вытеснению низшей и средней»¹¹⁷).

Высшая, более обеспеченная группа среднего крестьянства прибегает к найму рабочей силы. Верхняя граница среднего хозяйства в Закарпатье в подавляющем большинстве проходила между 15—20 хольдами, а в горных районах с посредственными почвами и экстенсивным пастбищным хозяйством достигала 30 и более хольдов*.

К числу крупнокрестьянских зажиточных хозяйств нами отнесены хозяйства, в которых размер пахотной земли, лугов и пастбищ превышает рабочую норму семьи и требует применения наемного труда. По существу ни одно хозяйство этой группы не обходится без постоянных и сезонных наемных рабочих. У этой группы средства производства значительно выше среднего, и труд в силу этого отличается большей продуктивностью; зажиточное крестьянство является преобладающим производителем сельскохозяйственной продукции над остальными крестьянскими группами.

К крупным крестьянским хозяйствам в Закарпатье в массе своей относились хозяйства с общей площадью земли от 20 до 100 хольдов в долинных районах и до 150 хольдов — в горных**.

По характеру своему хозяйства этой группы коммерческие; владельцы их — капиталистические предприниматели в земледелии, «связанные с «крестьянством» лишь невысоким культурным уровнем, обиходом жизни, личной физической работой в своем хозяйстве»¹¹⁸).

К группе помещичье-капиталистических хозяйств • нами отнесены хозяйства с общей площадью земли свыше 100 хольдов, среди которых выделяются подгруппы: средние (с общей площадью земли от 100 до 200 хольдов), крупные (с общей площадью земли от 200 до 1000 хольдов) и латифундиальные хозяйства (с владениями свыше 1000 хольдов). Эти хозяйства основаны на эксплуатации наемного труда.

Применив принятую нами классификацию, группировку хозяйств Закарпатья по землепользованию в конце XIX столетия мы представляем в табл. 6¹¹⁹).

Приведенные в ней данные показывают, что в конце XIX столетия в Закарпатье пролетарские хозяйства составляли 51% всех хозяйств, мелкокрестьянские — 21,73, средние — 16,51, крупные крестьянские хозяйства — 9,93 и помещичье-капиталистические хозяйства — 0,83% (в том числе сред-

¹¹⁷) В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 46.

¹¹⁸) В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 134

¹¹⁹) Mos, Vdp., 1900, стр. 47—52, 59—64 и сл., Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 60—70 и сл., Msé, XX, Vdp., 1914, стр. 80—87.

ние — 0,39, крупные — 0,32, латифундии — 0,12%). Таким образом, абсолютное большинство крестьянских хозяйств

Таблица 6

Социальная структура землепользования

Социальные категории хозяйств	Количество хозяйств	% хозяйств	Количество всей земли (в кадастр. хольдах)	% занимаемой земельной площади
Пролетарские	58275	51,00	109200	6,37
Крестьянские:				
а) мелкие	24829	21,73	179147	10,45
б) средние	18866	16,51	262902	15,34
в) крупные	11350	9,93	393217	22,94
Помещичье-капиталистические:				
а) средние	948	0,83	769689	44,90
б) крупные	453	0,39	62840	3,66
в) латифундиальные	367	0,32	155131	9,04
	128	0,12	551718	32,20

(около 73% всех хозяйств) должно быть отнесено к числу батрацко-бедняцких, представляющих собой огромную массу экспроприированных крестьян, лишенных средств производства и превратившихся в батраков с наделом.

Наиболее многочисленной являлась группа пролетарских хозяйств, самой малочисленной — группа помещичье-капиталистических хозяйств, но по распределению земли соотношение было обратное. Пролетарские хозяйства, составлявшие свыше половины всех хозяйств, занимали только 109200 хольдов земли, т. е. 6,37% всей земельной площади. В среднем на одно пролетарское хозяйство приходилось 1,9 хольда земли (Марамарошская жупа — 1,7, Угочская — 1,9, Бережская — 2,0 и Ужгородская — 2,2 хольда).

Но средние данные не раскрывают еще полностью обеспеченности отдельных подгрупп пролетарских хозяйств, они сглаживают крайности. Надо иметь в виду, что по всем жупам более 9 тыс. хозяйств этой категории, т. е. 15%, имели только усадебные участки, не превышавшие 0,3 хольда (в Бережской жупе 2005 хозяйств располагали 663 хольдами земли [0,33 хольда на двор], в Марамарошской 3936 хозяйств — 1281 хольд земли, в Угочской 1254 хозяйства — 398 хольдов [по 0,32 хольда на двор], в Ужгородской 1987 хозяйств имели 581 хольд земли, т. е. 0,29 хольда на двор). Им принадлежало только 0,17% общей площади земли, причем в землепользовании этой категории пролетарских хозяйств было до 8% неплодородных земель, в то время как в крупных хозяйствах непригодные к обработке земли составляли 2—3%.

13500 хозяйств с наделом земли до 1 хольда (24% пролетарских хозяйств) выделяли часть клочка своей земли под посев. Размер их участков колебался в пределах 0,4—0,5 хольда. По Бережской жупе, например, 3268 хозяйств этой категории имели только 1595 хольдов земли, в Марамарошской жупе — 6621 хозяйство имело 3015 хольдов, т. е. по 0,4 хольда на двор. В целом эта подгруппа хозяйств занимала 0,38% общей земельной площади. Таким образом, надел 39% пролетарских хозяйств не превышал 0,3—0,5 хольда и включал в себя усадебную землю, огород и отчасти пашню. Остальные 35593 пролетарских хозяйства, или 61%, имели в среднем по 2,6 хольда земли на двор; им принадлежало только 5,83% общей площади земли. Все это показывает, каких огромных масштабов в конце XIX столетия в Закарпатье достигла экспроприация масс крестьянства от земли.

Мелкокрестьянские хозяйства с участками земли от 5 до 10 хольдов, составлявшие 21,73% всех хозяйств, держали в своих руках 179147 хольдов земли, что составляло 10,45% всей земельной площади (Марамарошская жупа — 8, Бережская — 10, Ужгородская — 15%). На одно мелкокрестьянское хозяйство приходилось в среднем 7,2 хольда земли. Половина мелкокрестьянских хозяйств имела участки земли, не обеспечивающие существования крестьянской семьи (6 хольдов на двор)¹²⁰). Две низшие группы хозяйств, пролетарские и мелкокрестьянские, составлявшие 72,73% всех хозяйств, имели в своем распоряжении только 16,82% всей площади земли.

Хозяйства с участками земли от 10 до 20 хольдов, отнесенные нами к средним (16,51% всех хозяйств), располагали 262902 хольдами земли, или 15,34% всей сельскохозяйственной площади (в Бережской жупе — только 13%). На одно среднее хозяйство приходилось около 14 хольдов земли¹²¹). 20% этих хозяйств принадлежали к верхушке среднего крестьянства с участками земли от 15 до 20 хольдов на двор.

Крупных крестьянских хозяйств в Закарпатье насчитывалось 11350¹²²); они составляли 9,93% всех хозяйств. Этой категории хозяйств принадлежало около 400 тыс. хольдов земли,

¹²⁰) И. Перени обоснованно указывал, что если половину крестьянского участка земли в 10 хольдов в Закарпатье занимали пастбище и лес, то содержание семьи из 5—6 чел. за счет своего хозяйства не могло быть обеспечено, так как урожай в крестьянских хозяйствах составлял сам-третьей, сам-четверть, а каждый четвертый год являлся неурожайным, когда крестьянин не возвращал даже зерна, израсходованного на посев (см. указ. соч. И. Перени, стр. 109).

¹²¹) Незначительный размер среднекрестьянских хозяйств показывает, что в этой группе имеются и бедные, мелкие хозяйства, особенно в горных районах.

¹²²) Среди группы крупных крестьянских хозяйств находилась и часть средних хозяйств скотоводческих районов

что составляло почти 23% всей полезной земельной площади закарпатских комитатов (в Угочском — 25, а в Марамарошском — даже 30%). На одно крупное крестьянское хозяйство приходилось около 35 хольдов земли. И в данном случае средние цифры затушевывают удельный вес верхних слоев этой категории хозяйств. По нашим подсчетам, у 85% зажиточных хозяйств, которых можно отнести к числу мелкой и мельчайшей сельской буржуазии, средний размер земли колебался в пределах от 20 до 50 хольдов, у 10% хозяйств, относящихся к средней группе сельской буржуазии, количество земли на одно хозяйство составляло 50—80 хольдов, а у 5% хозяйств крупной сельской буржуазии — 80—100 хольдов. Доля земли крупных крестьянских хозяйств превосходила более чем в два раза процентную долю их в общем количестве хозяйств.

948 помещичье-капиталистическим хозяйствам (0,83% всех хозяйств) принадлежало 769689 хольдов земли, или 44,9% всей земельной площади; на одно хозяйство этой категории приходилось в среднем 812 хольдов земли. Более 71% всей площади земли, находившейся в распоряжении этих хозяйств, занимали латифундии. Они составляли только 0,12% всех хозяйств, но располагали 551718 хольдами земли, или 32,2% общей земельной площади (в Угочской жупе 10 латифундий имели 18831 хольд земли, что составляло 12% всей сельскохозяйственной площади жупы; в Ужгородском комитате 35 латифундий имели 77634 хольда земли, или 28% всей площади жупы; в Марамарошской жупе 52 латифундиям принадлежало 214533 хольда земли (27% общей площади комитата), в Бережской жупе 31 латифундия имела 240720 хольдов земли, что составляло 49% сельскохозяйственных земель жупы).

На одно латифундиальное хозяйство приходилось в среднем 4300 хольдов земли (Угочская жупа — 1883, Ужгородская — 2218, Марамарошская — 4125 и Бережская — 7765 хольдов), что превышало средний размер батрацко-бедняцкого хозяйства в 1000 раз. В руках 128 владельцев латифундиальных хозяйств находилось больше земли, чем у 100 тысяч пролетарских, мелкокрестьянских и средних хозяйств.

Основная масса земель Закарпатья концентрировалась в руках владельцев крупных и латифундиальных хозяйств, обладающих монополией земельной собственности, которая, по определению К. Маркса, «является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме»¹²³).

---

¹²³) К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 630

Неравномерность в распределении пахотных земель в Закарпатье между отдельными группами хозяйств была также значительной. Более половины всех хозяйств, отнесенных нами к пролетарской группе, имели только 10,4% пашни; около 80% всех крестьянских дворов являлись малосекущими, в то время как в руках высших групп (хозяйства с общей площадью земли свыше 20 хольдов) находилось более половины всех пахотных земель. Статистические данные показывают, что среднее количество пахотной земли на одно хозяйство возрастает по мере увеличения общей площади земли и составляет в пролетарской группе 1 хольд, в мелкокрестьянской — 3,7, в средней — 6,5 в крупнокрестьянской группе — 14,4 хольда, а в помещичье-капиталистических хозяйствах — свыше 110 хольдов; каждая латифундия имела в среднем более 420 хольдов пахотной земли.

Огромный разрыв в размерах пахотной земли, приходившейся на одно хозяйство низших и высших групп хозяйств (кулацкие и помещичье-капиталистические хозяйства), свидетельствует о сосредоточении значительной части пахотных земель (почти 52%) в руках последних, хотя они и насчитывали незначительный процент всех хозяйств. На 495 крупных и латифундиальных помещичье-капиталистических хозяйств Закарпатья приходилось столько же пахотной земли, как на 65 тысяч крестьянских хозяйств. В условиях Закарпатья, как справедливо указывал И. Перени, крестьянин, имеющий 5 хольдов земли, не мог прокормить свою семью, даже если бы вся его земля являлась пахотной. Поэтому крестьяне с участками земли менее 5 хольдов и даже с 5—10 хольдами не могли существовать за счет доходов от своего хозяйства¹²⁴), а таких крестьян в Закарпатье было более 70%*. Можно сказать словами В. И. Ленина, что все крестьяне этой группы «более наемные рабочие, чем хозяева-земледельцы», вынужденные «искать чужих средств производства для приложения своего труда, т. е. продаваться»¹²⁵).

Однако группировка хозяйств по размерам обрабатываемой земли не раскрывает еще полностью всей глубины обездоленности масс крестьянства Закарпатья, так как в руках помещичьих и кулацких хозяйств была сосредоточена значительная часть других угодий — сенокосов и пастбищ, имевших для крестьянства, особенно горных скотоводческих районов, жизненно важное значение. Поэтому представляется необходимым дополнить характеристику обеспеченности хозяйств па-

¹²⁴) Указ. соч. И. Перени, стр. 108.

¹²⁵) В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 41.

хотной землей данными о площади сенокосов и пастбищ, принадлежащих отдельным социальным группам хозяйств.

По обеспеченности лугами и пастбищами между высшими и низшими группами хозяйств существовал особенно значительный разрыв. Пролетарско-бедняцкие хозяйства Закарпатья, которых насчитывалось 83 тысячи, или около 73% всех хозяйств, имели 17,5% лугов и пастбищ, незначительному же числу кулацких и помещичье-капиталистических хозяйств (11,59% всех хозяйств) принадлежало овыше 60% этих угодий. В расчете на одно хозяйство распределение сенокосов и пастбищ представляется в следующем виде: батрацкая группа — 0,6, мелкокрестьянская — 2,9, средняя — 6,4, зажиточная — 17,4 и помещичье-капиталистические хозяйства — около 200 хольдов; каждая латифундия имела в среднем 865 хольдов лугов и пастбищ. Сосредоточенные в руках помещичье-капиталистических хозяйств луга и пастбища служили для них неиссякаемым источником обогащения за счет сдачи внаем этих угодий разоренным и обделенным землей крестьянам, которые шли на любые жертвы, чтобы добыть корм для скота, ибо «подбескедный (живущий под Карпатами. — *И. К.*) народ, — писал один из современников, — если не мае где худобу пасти и не мае коснице, голодуе, в ниште валяеся»¹²⁶).

Владение лесами являлось монополией помещичье-капиталистических хозяйств, которым принадлежало в конце XIX столетия свыше 90% всей лесной площади. Латифундии Закарпатья, представлявшие собой, прежде всего, крупнейшие лесные хозяйства, сосредоточили более 80% лесов. Массы же крестьянства были полностью лишены лесов, что ставило их в кабальную зависимость от крупных землевладельцев*.

Таким образом, приведенная нами группировка хозяйств по землепользованию показывает пролетарский характер большинства крестьянских хозяйств Закарпатья, обделенность их землей и сосредоточение значительной части сельскохозяйственных земель и лесов в руках небольшого числа зажиточных крестьянских и помещичье-капиталистических хозяйств, которым принадлежало свыше 67% всей земли, более 1/2 пашни, почти 65% лугов и пастбищ и свыше 90% лесов. Вот тот основной фон, на котором разворачивалась борьба за землю в Закарпатье, вот те причины, которые обусловили собой зависимость и придавленность крестьянских масс, сохранение всевозможных форм феодальной эксплуатации, техническую отсталость сельского хозяйства, культурную и политическую отсталость крестьянства.

---

¹²⁶) «Месяцослов» на 1913 год, Унгаар, 1912, стр. 131.

Группировка хозяйств по количеству и видам сельскохозяйственных животных (конец XIX столетия) дает возможность глубже раскрыть социальную структуру сельского хозяйства и обосновать принятое нами деление хозяйств по социальным категориям¹²⁷⁾

Таблица 7

Хозяйства по общей земельной площади (в хольдах)	Количество голов сельскохозяйственных животных на 1 хозяйство
до 5	2,6
5 — 10	5,2
10 — 20	7,8
20 — 50	13,7
50 — 100	26,1
100 — 200	43,0
200 — 500	87,9
500 — 1 000	237,4
свыше 1000	455,0

Приведенные нами статистические данные показывают, прежде всего, что количество сельскохозяйственных животных в отдельных группах хозяйств находится в прямой зависимости от размеров пахотных земель и посева, так как количество рабочего и всего скота определяет размеры посева и, в свою очередь, определяются ими. Если на одно хозяйство со средней площадью пашни в 1 хольд (пролетарские хозяйства) приходилось 2,6 головы домашних животных, то на одно латифундальное хозяйство — 455 голов. В целом высшим группам хозяйств (кулацким и помещичье-капиталистическим) с площадью посева свыше 20 хольдов принадлежало более 40% всего поголовья сельскохозяйственных животных.

Таким образом, и по количеству сельскохозяйственных животных можно выделить социальные категории хозяйств, совпадающие в основном с группировкой их по общей земельной площади и по пахотной земле: хозяйства, имеющие по 2,6 головы домашних животных на одно хозяйство (свыше 50% всех хозяйств), могут быть отнесены к пролетарским хозяйствам; с количеством сельскохозяйственных животных в 5 голов — к мелкокрестьянским; 7—8 голов — к средним; 16 голов — к крупным крестьянским; от 40 до 240 голов — к средним и крупным помещичье-капиталистическим хозяйствам, и хозяйства, имеющие по 455 голов скота и овиной, — к латифундальным хозяйствам.

Однако эти общие данные об обеспеченности отдельных категорий хозяйств домашними животными не раскрывают глав-

¹²⁷⁾ Mos, Vdp., 1900, стр. 47—64.

ного—распределения животных по видам между отдельными категориями хозяйств. Анализ данных, характеризующих структуру поголовья сельскохозяйственных животных по категориям хозяйств, показывает, что на одно хозяйство с общей земельной площадью до 5 хольдов приходилось 1,4 головы крупного рогатого скота¹²⁸⁾ и 0,2 головы лошадей; в хозяйствах с общей земельной площадью от 5 до 10 хольдов соответственно 2,6 и 0,4 головы. Таким образом, около 73% всех хозяйств Закарпатья имели ничтожное количество крупного рогатого скота и лошадей, не обеспечивающее самостоятельное ведение хозяйства. Бескоровных хозяйств в батрацко-бедняцкой группе было 30%, не имеющих рабочих волов—50% и безлошадных—свыше 70%. В руках высших групп хозяйств (с общей земельной площадью свыше 20 хольдов) находилось около 30% крупного рогатого скота и почти 40% лошадей.

Мелкий рогатый скот и поголовье свиней между отдельными группами хозяйств распределялись еще более неравномерно: хозяйствам с общей земельной площадью свыше 20 хольдов принадлежало 60% поголовья овец и коз и 40% стада свиней.

Группировка хозяйств и по видам сельскохозяйственных животных дает основание отнести свыше 50% всех хозяйств к пролетарским (каждое из которых имело в среднем 1,4 головы крупного рогатого скота, 0,2 головы лошадей, 0,4 головы мелкого рогатого скота и 0,6 головы свиней), около 20% к мелкокрестьянским (в которых на одно хозяйство приходилось 2 головы крупного рогатого скота, 0,3 головы лошадей и по 1 голове мелкого рогатого скота и свиней). Средняя группа хозяйств по обеспеченности сельскохозяйственными животными составляла примерно 15% всех хозяйств, каждое из которых имело 3—4 головы крупного рогатого скота, 0,6 головы лошадей, 2—3 головы мелкого рогатого скота и 2 головы свиней.

К зажиточным крестьянским хозяйствам относилось около 10% хозяйств, каждому из которых принадлежало в среднем следующее количество скота: 5—6 голов крупного рогатого скота, 1—2 головы лошадей, 7 голов мелкого рогатого скота и 3 головы свиней. К средним и крупным помещичье-капиталистическим хозяйствам (исключая латифундии) по количеству сельскохозяйственных животных можно отнести 0,6—0,7% хозяйств, из которых каждое имело 18—20 голов крупного рога-

---

¹²⁸⁾ Относительно высокие средние показатели обеспеченности крупным рогатым скотом пролетарских хозяйств объясняются преобладанием скотоводческого направления хозяйств в горных районах Закарпатья и включением в состав этой категории хозяйств с небольшой земельной площадью некоторого числа владельцев молочных ферм.

Группировка хозяйств Закарпатья по размерам чистого дохода (70-е годы XIX века)

Общее количество хозяйств	Общая сумма дохода в фортах	Размер среднего дохода на одно хозяйство, в фортах	Количество хозяйств по размерам дохода, в фортах						свыше 10000		
			до 50	50—100	100—200	200—500	500—1000	1000—3000		3000—5000	5000—10000
111656	2331861	20,8	106630	3201	862	458	258	180	37	26	4

того скота, 4—5 голов лошадей, 45—50 овец и 15—20 голов свиней. На каждое латифундиальное хозяйство приходилось в среднем 100 голов крупного рогатого скота, до 20 голов лошадей, до 200 голов мелкого рогатого скота и свыше 150 голов свиней.

В. И. Ленин считал, что группировка хозяйств по величине стоимости продуктов также может служить основанием для анализа социально-экономических отношений в сельском хозяйстве. Такая группировка, — указывал он, — «...соединяет вместе хозяйства, действительно отличающиеся одинаковым размером производства независимо от количества земли в них»¹²⁹⁾.

Венгерская статистика дает следующую группировку хозяйств по размерам доходов от сельского хозяйства¹³⁰⁾. (см. табл. 8).

Группировка хозяйств по размерам дохода показывает, что абсолютное большинство хозяйств — свыше 95%, включая все пролетарские, мелкокрестьянские, средние и низшие слои кулацких хозяйств (с общей площадью земли до 30 хольдов), получали доход менее 50 форинтов. Чистый доход от сельского хозяйства из расчета на одно хозяйство в закарпатских комитатах был ниже почти в два раза, чем по Венгрии в целом (в закарпатских областях—20,8 форинта, по Венгрии—40,6 форинта).

Венгерская статистика, стремясь скрыть глубокий процесс разорения масс крестьянства, не выделяла хозяйства по размерам дохода менее 50 форинтов. Основываясь на данных, характеризующих распределение общей площади земли, пашни и скота между

¹²⁹⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 57.

¹³⁰⁾ Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 114; Msé, Bdp, 1874, стр. 130—131.

социальными группами хозяйств, а также учитывая среднюю урожайность хлебов и уровень рыночных цен на сельскохозяйственные продукты, можно приближенно определить размеры доходов отдельных категорий хозяйств с общей площадью земли до 30 хольдов.

Таблица 9

Хозяйства по общей площади земли (в хольдах)	Размер дохода на 1 хозяйство (в форинтах)
до 5	до 2
5—10	от 2 до 10
10—20	от 10 до 30
20—30	от 30 до 50

Доход хозяйств с общей площадью земли до 5 хольдов (53% всех хозяйств) не превышал 2 форинта; половина хозяйств этой группы получала менее 1 форинта дохода, а дворы с участками земли до 1 хольда (20% всех хозяйств с общей площадью земли до 5 хольдов) имели дефицит в денежном балансе. Более 20% всех хозяйств получали доход в размере от 2 до 10 форинтов. В основном сюда относились мелкокрестьянские хозяйства с общей площадью земли от 5 до 10 хольдов. Ресурсы подавляющей массы мелких крестьян (с доходом до 10 форинтов) были ниже ресурсов наемных рабочих. Хозяйства с доходом от 10 до 30 форинтов (17% всех хозяйств) имели общую площадь земли в пределах от 10 до 20 хольдов; они составляли среднее крестьянство¹³¹). К зажиточной группе крестьянства можно отнести хозяйства с доходом от 30 до 200 форинтов (8% всех хозяйств), имевших участки земли от 20 до 100 хольдов.

Хозяйства с общей земельной площадью от 100 до 200 хольдов (средние помещичье-капиталистические хозяйства) получали доход от 200 до 500 форинтов, хозяйства с владением от 200 до 1000 хольдов — от 500 до 3000 форинтов; их можно отнести к крупным помещичье-капиталистическим хозяйствам. Латифундиальные хозяйства имели доход в размере свыше 1000 форинтов каждое; они составляли 0,21% всех хозяйств. Доход латифундий с общей земельной площадью от 1000 до 5000 хольдов колебался в пределах от 3 до 5 тыс. форинтов; с площадью 5—10 тыс. хольдов — от 5 до 10 и более тысяч форинтов. Доход каждого из четырех наиболее обширных маг-

¹³¹) Валовой доход среднего крестьянина в 70-х годах XIX столетия составлял 205—312 форинтов, а расходы достигали 224—264 форинтов (См. Szilágyi I. Magtáros vármegye egyetemes leírása, Bdp., 1876, стр. 287). т. е. в наиболее благоприятных условиях крестьянин этой категории получал в среднем 30 форинтов дохода.

натских владений превышал 10 тыс. форинтов и составлял 200 и более тысяч форинтов. Доходы крупных хозяйств, которые статистикой обычно занижались, так как их размеры устанавливались на основе заявлений самих владельцев, были фактически значительно выше, чем это показано в официальных статистических материалах.

Группировка хозяйств по размерам дохода не только подтверждает обоснованность принятого нами деления хозяйств по социальным категориям, но и показывает концентрацию денежных средств в руках помещиков, арендаторов-капиталистов и кулаков, на долю которых приходилось свыше 75% общей суммы дохода от сельского хозяйства. Если доход одного батрацкого хозяйства в среднем составлял ничтожную сумму в 1 форинт, то доход крупнейших латифундий измерялся сотнями тысяч форинтов. Совершенно очевидно, что при таких незначительных размерах доходов низших групп крестьянства «чистая прибыль» не только мелкого, но и среднего крестьянина являлась, применяя выражение В. И. Ленина, «чищестью фикцией»¹³²⁾.

Если приведенные нами данные, характеризующие экономическое положение отдельных социальных групп хозяйств, дополнить статистическими сведениями об отношении семейного труда к наемному, то можно утверждать, что не менее 50% всех крестьянских хозяйств Закарпатья, получающих мизерный доход от своих хозяйств или ведущих сельскохозяйственное производство в убыток и отнесенных нами к группе пролетарских, существовали исключительно за счет сторонних заработков. Хозяйства с общей площадью земли от 5 до 10 хольдов систематически «отпускали» рабочих; в этих хозяйствах главным средством существования являлось не сельское хозяйство, а работа по найму. Часть хозяйств с общей земельной площадью от 10 до 15 хольдов также поставляла рабочих, преимущественно сезонных. Таким образом, до 80% «владельцев» крестьянских хозяйств Закарпатья—пролетарских и мелкокрестьянских—не могли прокормиться своим хозяйством, и главным источником жизни у них являлись «промыслы» или «заработки», т. е. продажа своей рабочей силы. Можно сказать словами В. И. Ленина: «Это — класс наемных рабочих с наделом, батраков, поденщиков, чернорабочих, строительных рабочих и пр. и пр.»¹³³⁾.

Почти все хозяйства с общей площадью земли свыше 30 хольдов велись при помощи наемных рабочих (в группе с общей площадью от 50 до 100 хольдов—90% хозяйств, в группе с общей площадью свыше 100 хольдов все хозяйства исполь-

¹³²⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 167.

¹³³⁾ Там же, т. 3, стр. 116.

зовали труд наемных рабочих). Около $\frac{1}{4}$ хозяйств с земельной площадью от 20 до 30 хольдов и некоторые хозяйства с площадью менее 20 хольдов также пользовались наемным трудом; к числу последних относились мелкие по размерам сельскохозяйственной площади, но интенсивные капиталистические хозяйства—виноградарские, промыслово-садоводческие и табаководческие, хозяйства, где главным занятием являлось не сельское хозяйство, а промыслы или торговля, а также мелкие хозяйства, вынужденные прибегать к найму рабочих из нужды. Но, как указывал В. И. Ленин, «предпринимательский наем рабочих в крестьянстве далеко превосходит наем рабочих из нужды, по недостатку семейных рабочих...»¹³⁴). «Нейтральная» группа хозяйств, не отпускающая и не нанимающая батраков, в Закарпатье была совершенно незначительной.

Если на одно хозяйство с общей земельной площадью до 5 хольдов приходилось, по нашим подсчетам, 0,01 наемного рабочего, с площадью от 5 до 20 хольдов—0,2 рабочего, в хозяйствах с сельскохозяйственной площадью от 20 до 50 хольдов—0,8 рабочего, то в хозяйствах с общей площадью от 50 до 200 хольдов—от 1 до 8 рабочих, а в хозяйствах с владением свыше 200 хольдов—от 30 до 100 рабочих.

Приведенные данные о применении наемного труда подтверждают обоснованность принятого нами деления хозяйств на социальные группы: хозяйства, отнесенные нами к пролетарской и мелкокрестьянской группе, являлись поставщиками наемного труда, систематически и широко используемого помещичье-капиталистическими хозяйствами, основанными на эксплуатации батраков с наделом и деревенской бедноты.

Ф. Энгельс, определяя сущность тех социально-экономических изменений, которые произошли в Венгрии к концу XIX века (а эти изменения были в известной мере характерны и для Закарпатья), писал: «В Венгрии... капитал все более и более овладевает всем национальным производством. Он не только создает новую промышленность, он подчиняет себе и сельское хозяйство, революционизирует его стародавние методы, уничтожает независимого крестьянина, раскалывает сельское население на небольшую кучку крупных землевладельцев и капиталистических арендаторов с одной стороны, и массу неимущих сельских пролетариев—с другой»¹³⁵).

**
*

Рассмотрим далее какие изменения произошли в соотношении между отдельными группами крестьянских хозяйств во второй половине XIX столетия*. Разрозненные данные вен-

¹³⁴) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 111.

¹³⁵) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, ч. II, стр. 405.

герской официальной статистики по этому вопросу можно свести в следующую таблицу¹³⁶⁾.

Таблица 10

Период	Социальные группы хозяйств			
	пролетарские	мелкокрестьянские	средние	крупные крестьянские
	в процентах к общему числу всех хозяйств			
70-е годы XIX ст. ¹³⁷⁾	53	21	17	8
90-е годы XIX ст.	51	22	16	10

Приведенные данные показывают, прежде всего, усиление процесса экспроприации мелких земледельцев. В. И. Ленин указывал, что этот вопрос, имеющий громадное значение для понимания и оценки развития капитализма в земледелии, буржуазной политэкономией и статистикой не разработан почти совсем или разработан наименее тщательно. Это замечание Ленина целиком относится и к венгерской статистике, которая затушевывала процесс экспроприации крестьянства.

Обезземеление и разорение широких слоев крестьянства Закарпатья после отмены крепостного права, тяжелый груз налогов и долгов, высокие ставки арендной платы, помещичье-ростовщическая кабала привели к полному упадку и ликвидации значительного числа пролетарских хозяйств. В течение рассматриваемого периода количество пролетарских хозяйств в Закарпатье сократилось на 2%¹³⁸⁾, что объяснялось отчасти эмиграцией низших групп крестьянства, но главным образом полным разорением их, сопровождавшимся потерей земельного надела. Совершенно естественно, что и статистика исключала эти «исчезнувшие» хозяйства из общего их числа, а полностью обезземеленных крестьян — из числа «землевладель-

¹³⁶⁾ Msé, Bdp., 1874, стр. 130—133; Mos, Bdp., 1900, стр. 40—50 и сл.

¹³⁷⁾ Данные о распределении крестьянства Закарпатья по социальным группам в 70-х годах XIX столетия являются приближенными, так как в этот период применялся отличный от 90-х годов способ статистической группировки хозяйств по общей площади земли (в 70-х годах крестьянские хозяйства сводились в следующие группы: с общей площадью до 5 хольдов, от 5 до 15 хольдов, от 15 до 30 хольдов, от 30 до 50 хольдов, от 50 до 100 хольдов и от 100 до 200 хольдов, а в 90-х годах — до 1 хольда, от 1 до 5 хольдов, от 5 до 10 хольдов, от 10 до 20 хольдов, от 20 до 50 хольдов, от 50 до 100 хольдов и от 100 до 200 хольдов)

¹³⁸⁾ Такой же процесс сокращения числа пролетарских хозяйств в результате их полного разорения наблюдался и в Венгрии в целом. В 1870 году в Венгрии хозяйства с общей земельной площадью до 5 хольдов составляли 58% всех хозяйств (См. S. K. Keleti, Hazánk és népe a közigazdaság és társadalmi statisztika szempontjából, Pest, 1871, стр. 141—143), а в 1895 году их удельный вес снизился до 53,6% (См. Mos, IV, Bdp., 1900, стр. 27)

цев». Число окончательно разорившихся, полностью обезземельных крестьян, не прибегавших и к аренде земли, возросло из года в год: в конце XIX столетия оно составляло 15, а в начале XX века — 19% всех крестьянских дворов. Так, например, в 1912 году в закарпатских областях насчитывалось безземельных семей свыше 18 тыс.¹³⁹⁾, или 19% всех крестьянских хозяйств, пользовавшихся землей; в отдельных комитатах процент безземельных крестьян был выше среднего: в Бережском — 19,9, в Угочском — 21,9%¹⁴⁰⁾. На деле безземельных крестьян было больше, чем это показывала официальная статистика, так как часть из них, работая по найму в хозяйствах помещиков, получала от последних небольшие участки земли, за счет обработки которых и существовала семья батрака. Такие по существу безземельные крестьяне относились венгерской статистикой к числу «землевладельцев». Таким образом, мы видим уменьшение населения, владеющего землей, и увеличение безземельного населения. Можно сказать словами В. И. Ленина: это ясно показывает, что **идет вперед экспроприация сельского населения** и притом именно мелких землевладельцев, ибо мы знаем..., что наемные рабочие с кусочком земли принадлежат к числу наиболее мелких хозяев¹⁴¹⁾.

Удельный вес мелких хозяйств с общей земельной площадью от 5 до 10 хольдов за этот период увеличился на 1% и достигал в 1900 году 22% всех хозяйств (в Марамарошской жупе — 20, в Бережской — 23 и в Ужгородской — 25%). Возрастание количества хозяйств этой категории происходило, главным образом, за счет разорения средних слоев крестьянства, распространения мелкой аренды и субаренды и переселения венгерских колонистов*. Рост числа этой категории землевладельцев означал рост парцеллярных крестьянских хозяйств, усиление нищеты и разорения крестьянства¹⁴²⁾.

Характерной чертой аграрного строя Закарпатья второй половины XIX столетия являлась пролетаризация парцеллярного крестьянства, выражавшаяся в увеличении числа мелкокрестьянских хозяйств и сокращении площади земли, при-

¹³⁹⁾ Msé, XX, Vdp, 1912, стр. 126—127, 132—133.

¹⁴⁰⁾ В Венгрии безземельных крестьян в 1850 году насчитывалось 1,5 млн., а в 1880 году — 4 млн. (См. П. Гапак, Внески до історії українців в Угорщині у другій половині XIX і початку XX століть, Літературно-художній та громадсько-політичний альманах «Дукля», № 2, Пряшів, 1957, стр. 55—56).

¹⁴¹⁾ В. И. Ленин, Соч, т. 5, стр. 200.

¹⁴²⁾ О пролетаризации крестьянства Венгрии см. E. I e s z e n s z k y. A földbirtokviszonyok alakulása Magyarországon Korunk, I, Vdp., 1936, стр. 207 и сл.

надлежавшей двум нижшим группам крестьянства [по отдельным комитатам в начале XX столетия по сравнению с 70-ми годами XIX века площадь земли пролетарских и мелкокрестьянских хозяйств сократилась на 30—40%; соответственно уменьшилось и количество земли на одно хозяйство (в пролетарской группе—с 2,1 до 1,8 гольда, в мелкокрестьянской—с 8,3 до 7,2 гольда)]. Если в 70-х годах пролетарские хозяйства в Закарпатье занимали 12% всей полезной площади земли, то в конце XIX столетия — только 6,4%¹⁴³⁾.

С развитием капитализма все больше исчезали условия, благоприятствовавшие мелкому производству, и парцеллярная собственность неизбежно приходила в упадок, ибо, как подчеркивали классики марксизма-ленинизма, основная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным как в промышленности, так и в земледелии. К. Маркс указывал на следующие причины гибели парцеллярной собственности: уничтожение сельской кустарной промышленности, постепенное обеднение и истощение почвы, узурпация крупными землевладельцами общинной собственности, конкуренция крупного хозяйства. «Ее гибели, — писал Маркс, — содействуют также улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен земледельческих продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более обильных вещественных условий производства...»¹⁴⁴⁾.

Известно, что процесс, создающий капиталистические отношения, является процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда. В Закарпатье, вследствие роста товарного производства, концентрации земельной собственности, средств производства и централизации капитала в крупных и зажиточных хозяйствах, конкуренции этих хозяйств, экспроприации крестьянской земли посредством ипотеки и ростовщичества, разорения крестьянских хозяйств под гнетом налогов, происходит глубокий процесс отделения непосредственного производителя, парцеллярного крестьянина, от условий своего труда и превращения его в наемного рабочего без земли или в батрака с наделом.

Сокращение размеров земельных наделов нижних групп крестьянства, дробление и измельчание их являлось, прежде всего, результатом упадка парцеллярной собственности вследствие обременения долгами, которые крестьянин вынуж-

---

¹⁴³⁾ В 1870 году в Венгрии хозяйствам с общей земельной площадью до 5 гольдов принадлежало 14,2% всей полезной площади земли (См. указ соч. S. K. Keleti, *Házánok és pére.*, 1871, стр. 141—143), а в 1895 году — только 5,8% (См. *Mos*, IV, *Vdp.*, 1900, стр. 27).

¹⁴⁴⁾ К Маркс, *Капитал*, т III, 1950, стр. 820

ден был покрывать отчуждением части своей земли. Рост числа мелких парцелл объяснялся также распространением системы кабальной натуральной оплаты труда наемных рабочих, в привязывании которых к помещичьим имениям были заинтересованы сами помещики. Парцелляция крестьянской земли способствовала и система наследования, но в раздроблении землевладений она не играла самостоятельной роли.

Процесс упадка и разорения парцеллярных хозяйств в Закарпатье продолжался на всем протяжении господства капиталистических отношений, но не привел к их окончательному вытеснению. Это объяснялось рядом причин. Крупным землевладельцам Закарпатья было невыгодно полное вытеснение мелкого крестьянства, которое доставляло им рабочие руки. «Мелкое земледелие приобретает устойчивость тогда, — писал В. И. Ленин, — когда оно перестает быть конкурентом крупного, когда превращается в поставщика рабочей силы для него. Отношения между крупными и мелкими землевладельцами все более приближаются к отношениям между капиталистами и пролетариями»¹⁴⁵). Известное значение имело также распространение мелкой кабальной аренды и раздробление парцеллярной собственности. Венгерский чиновник Э. Эган в этой связи, характеризуя положение закарпатского крестьянства, указывал: маленький клочок земли, полученный крестьянином при размежевании, быстро распределялся среди детей, и «таким образом создавался аграрный пролетариат, не имеющий достаточно для существования земли»¹⁴⁶). На конец, надо подчеркнуть, что мелкое земледелие держалось не вследствие своей способности конкурировать с крупным, а благодаря крестьянскому «искусству голодать»; владельцы парцелл сохраняли видимость своей хозяйственной самостоятельности путем неограниченной эксплуатации самих себя и членов своих семей, понижая свои потребности ниже уровня потребностей наемных рабочих. Все это, несомненно, задерживало процесс полного вытеснения мелкой крестьянской собственности, придавая ему мучительный и затяжной характер. «К вытеснению относится также могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев, указывал Ленин. Это ухудшение проявляется и в чрезмерном труде или ухудшенном питании мелкого земледельца, и в обременении его долгами, и в ухудшении корма и вообще содержания скота, и в ухудшении условий ухода за землей, обработки, удобрения ее и т. п., и в застое техники хозяйства и т. д.»¹⁴⁷).

¹⁴⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 81.

¹⁴⁶) Цит. по указ. соч. И. Перени, стр. 137

¹⁴⁷) В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 58

В течение второй половины XIX столетия происходит сокращение числа средних крестьянских хозяйств с общей площадью земли от 10 до 20 хольдов. В. И. Ленин, характеризуя социально-экономическую природу среднего крестьянства и процесс его эволюции, указывал: «По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удаётся попасть лишь небольшому меньшинству счастливых, и между низшей, в которую её сталкивает весь ход общественной эволюции... Таким образом происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымывание средних членов и усиление крайностей -- «раскрестьянивание»¹⁴⁸). В 1870 году в Закарпатье удельный вес среднего крестьянства достигал 17% общего числа хозяйств, а в 1900 году снизился до 16%.

Приведенные данные показывают, с одной стороны, растущее обезземеление крестьянства Закарпатья, усиление экспроприации сельскохозяйственного населения, которое вынуждено было бежать в другие страны или превращаться из рабочих с землей в рабочих без земли; с другой стороны, развитие «подсобных заработков» крестьянства, т. е. того соединения земледелия с промышленностью, которое усиливало разложение крестьянства¹⁴⁹).

Подавляющая масса крестьянства Закарпатья, как и Венгрии в целом, представляла собой армию безземельного пролетариата, батраков с наделом. Они, указывал русский автор Н. А. Крюков, «имея лишь оседлость и некоторые продукты, должны добывать средства на прожитие или путем заработка в соседних хозяйствах и городах, или путем занятия каким-либо ремеслом»¹⁵⁰).

Удельный вес кулацких хозяйств в течение этого 30-летия увеличился с 8 до 10%, по отношению к общему количеству хозяйств. Возрастание числа крупных крестьянских хозяйств происходило главным образом за счет переселения в Закарпатье немецких и венгерских кулаков-колонистов, а также за счет возникновения на бывших помещичьих землях новых хозяйств, принадлежащих фермерам-предпринимателям — мелким аграриям, сокращения размеров землевладений средних помещиков и обогащения, незначительной, правда, верхушки среднего крестьянства. О сельской буржуазии Закарпатья можно сказать словами Ленина, что хотя численно крестьянская буржуазия составляла небольшое меньшинство всего крестьянства, но по своему значению во всей совокуп-

¹⁴⁸) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 148

¹⁴⁹) Там же, стр. 327

¹⁵⁰) Н. А. Крюков, Славянские земли, Сельское хозяйство в славянских землях, т. II, ч. II, СПб., 1916, стр. 282

ности крестьянского хозяйства, — в общей сумме принадлежащих крестьянству средств производства, в общем количестве производимых крестьянством сельскохозяйственных продуктов, — крестьянская буржуазия являлась безусловно преобладающей¹⁵¹).

Основной вывод, вытекающий из сопоставления статистических данных, характеризующих динамику крестьянских хозяйств, сгруппированных по социальному признаку, может быть сформулирован следующим образом: углубление процесса пролетаризации основных масс крестьянства Закарпатья, выражавшегося в сокращении числа пролетарских хозяйств в связи с их полным разорением, увеличение числа мелкокрестьянских, парцеллярных хозяйств, которые вместе с батрацкими дворами составляли к началу XX века около 73% всех хозяйств¹⁵²). В рассматриваемый период происходит неуклонное разорение и вымывание среднего крестьянства и снижение его удельного веса при одновременном увеличении числа зажиточных хозяйств.

Появление массы бесхозяйных дворов и увеличение числа их определялось борьбой экономических интересов в крестьянстве, основной причиной возникновения которой являлось «существование таких порядков, при которых регулятором общественного производства является рынок»¹⁵³). На основе этих экономических противоречий в закарпатской деревне происходил интенсивный процесс разложения крестьянства на два полярно противоположных типа, означавший коренное разрушение, вытеснение старого патриархального крестьянства и создание новых типов сельского населения — пролетариата, класса наемных рабочих с наделом — на одном полюсе, сельской буржуазии — класса товаропроизводителей в земледелии — на другом. Промежуточным звеном между ними являлось среднее крестьянство, за счет которого создавались крайние группы.

Расслоение крестьянства в Закарпатье, достигшее в 90-х годах XIX столетия значительной глубины, в дальнейшем протекало очень медленно, так как чем дальше, тем все с большей силой сказывалось действие таких факторов, задерживавших разложение крестьянства, как малоземелье, распространение отработочной системы, наделение батраков землей, кабальные формы эксплуатации крестьянства. В. И. Ленин по этому поводу говорил: «Если в данной мест-

¹⁵¹) См В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 145

¹⁵²) В 1912 году в Закарпатье пролетарские и мелкокрестьянские хозяйства составляли около 75% всех хозяйств (Msé. XX, 1912, Vdp, 1914, стр. 126—137)

¹⁵³) В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 58

ности масса крестьянства состоит из батраков, поденщиков или промысловых наемных рабочих с наделом, то разложение земледельческого крестьянства выразится здесь, разумеется, очень слабо»¹⁵⁴). Это положение Ленина целиком подтверждается данными, характеризующими процесс разложения крестьянства Закарпатья.

**

Буржуазные и буржуазно-националистические авторы распространяли взгляды об отсутствии социального расслоения в закарпатском обществе. Русины, говорили они, представлены только двумя категориями населения — это «пол и хлоп», а чешский автор Кадлец заявлял, что «русский народ» под Карпатами «не мае... соціального поделу на суспельне версты»¹⁵⁵). Полную несостоятельность этой версии подтверждают данные о распределении владельцев сельских хозяйств по национальному признаку в начале XX века¹⁵⁶).

Таблица 11

Группы хозяйств по общей земельной площади (в гектарах)	Распределение владельцев хозяйств по национальному признаку					
	закарпатские украинцы	венгры	евреи	немцы	словаки	румыны
в процентах						
до 5	62,2	14,1	3,8	3,7	4,2	12,0
5 — 10	56,1	15,1	4,0	4,6	8,9	11,3
10 — 50	23,5	27,7	6,0	8,0	10,0	24,8
50 — 100	16,7	25,1	20,8	12,3	1,2	23,9
100 — 1000	6,5	23,5	32,1	23,1	0,4	14,4
свыше 1000	1,5	44,7	28,4	19,4	—	6,0

¹⁵⁴) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 112

¹⁵⁵) К. Кадлец, Подкарпатская Русь (с дополнениями П. Долинского), Ужгород, 1922, стр. 24.

¹⁵⁶) Приводимая выше таблица о национальном составе владельцев хозяйств, сгруппированных по общей земельной площади, основана на официальных данных венгерской статистики за 1910 год. Несмотря на неполноту статистических сведений, а также явно тенденциозный подход статистических органов к определению удельного веса представителей отдельных национальностей (владельцы хозяйств разбивались на национальные группы по признаку «родного языка» и «вероисповедания» с той целью, чтобы искусственно снизить количество невенгерского населения и увеличить удельный вес венгерского населения, путем отнесения к последнему русинов, словаков, румын и др., владеющих венгерским языком или исповедующих католическую религию), все же эти данные дают приближенное представление о национальном составе сельского населения Закарпатья в социальном разрезе. Сведения о национальном составе владельцев хозяйств Закарпатья приводятся на основе данных A magyar szent korona országainak 1910 évi népszámlálása, IV, Vdp., 1911, стр. 434—489 (См. также указ. соч. И. Перени, стр. 107 и П. Гапак, стр. 65—66)

Даже явно заниженные официальные данные свидетельствуют о том, что в начале XX столетия значительная часть низших групп крестьянства Закарпатья (пролетарские и мелкокрестьянские хозяйства) относилась по национальному признаку, по принятой тогда терминологии, к русинам (62,2% пролетарских хозяйств и свыше 50% мелкокрестьянских хозяйств), в то время как венгров среди батрацко-бедняцкого крестьянства было 15—16, румын — 11—12, словаков — 5—8, немцев — 3—5 и евреев 3—4%. Около $\frac{3}{4}$ безземельных крестьян также составляли закарпатские украинцы.

Средняя категория владельцев хозяйств по национальному признаку распределялась следующим образом: закарпатские украинцы — 23, венгры — 28, румыны — 25, словаки — 10, немцы — 8, евреи — 6%. Среди владельцев зажиточных хозяйств закарпатских украинцев было примерно 20, венгров — 25, румын — 24, евреев — 20, немцев — 10, словаков — 1%.

Крупные собственные и арендаторские хозяйства с общей площадью земли от 200 до 1000 хольдов принадлежали преимущественно еврейским (32%), венгерским (25%) и немецким (23%) капиталистам и помещикам (румын среди владельцев этой категории было 15, закарпатских украинцев — 4,5 и словаков 0,5%). Владельцами и арендаторами латифундиальных хозяйств являлись венгерские и немецкие земельные магнаты (среди владельцев латифундий венгров было 44,7 и немцев — 19,4%) и еврейские капиталисты-предприниматели (последние составляли 28,4% всех владельцев латифундий). Латифундиальных хозяйств, принадлежащих крупным румынским помещикам, насчитывалось 4—6% всех владельцев латифундий; одна латифундия принадлежала владельцу из числа закарпатоукраинских помещиков (1,5% всех владельцев латифундий).

Надо указать, что удельный вес закарпатоукраинских кулаков и помещиков на деле был выше, чем это показывают официальные данные, так как значительная часть их была мадьяризована и отнесена к числу венгерских землевладельцев. Особенно значительным было число русинских помещиков, являвшихся потомками мелкого марамарошского дворянства (помещичьих хозяйствах русинов с общей земельной площадью от 100 до 1000 хольдов в Марамарошском комитате было 52, в Бережском — 3 и в Ужгородском — 1).

Приведенная таблица наглядно иллюстрирует именно колониальное положение Закарпатской Украины, обусловившее и своеобразие в распределении землевладения и землепользования по социальному и национальному признакам. Удельный вес закарпатских украинцев среди владельцев хо-

зяйств резко понижается по мере увеличения размеров землевладения и землепользования (62,2% пролетарских хозяйств и 1,5% латифундиальных хозяйств), в то время как среди других национальных групп, особенно среди владельцев хозяйств венгров, евреев и немцев, соотношение обратное: среди владельцев хозяйств венгерской национальности пролетарские хозяйства составляли 14,1, латифундиальные — 44,7%, соответственно среди представителей других национальных групп: еврейской—3,8 и 28,4% и немецкой—3,7 и 19,4%. Крестьяне-русины представляли собой самую многочисленную часть населения закарпатской деревни и в то же время наиболее обездоленную и угнетенную массу крестьянства, подвергавшуюся беспощадной эксплуатации со стороны венгерских, еврейских, немецких, румынских и «своих» помещиков, капиталистов и кулаков.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Закарпатья по «прусскому» пути обусловило своеобразие социальной структуры аграрного строя, которая выражала массовую пролетаризацию крестьянства, глубокий процесс его разложения, концентрацию земли и сельскохозяйственного производства в руках немногочисленной эксплуататорской верхушки— помещиков, капиталистов-предпринимателей и кулаков, сохранение сильных пережитков феодальных отношений. Поэтому борьба крестьянства за землю, против засилья латифундий, помещичье-ростовщической и кулацкой кабалы составляла основное содержание аграрного движения, тесно переплетавшегося с национальным движением, поскольку острием своим борьба крестьян-русинов была направлена, прежде всего, против господства венгерских, немецких и еврейских землевладельцев, с которыми слились в один класс эксплуататоров и угнетателей закарпатского крестьянства русинские кулаки и помещики.

Глава II

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ ОТРАСЛЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. КОНЦЕНТРАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Торговое земледелие

Особенности естественно-географических условий Закарпатья, о которых мы говорили выше, определили собой и своеобразие распределения земель по угодьям, характеристика которого представлена в табл. 1¹⁾.

Таблица 1

*Распределение общей площади Закарпатья
по угодьям (в гектарах)*

Показатели	1870 г.		1905 г.	
	площадь	%	площадь	%
Общая площадь закарпатских комитатов	1794672		1794672	
Плодородные земли	1672750	93,21	1734544	96,65
Неплодородные земли	121922	6,79	60128	3,35
Сельскохозяйственные земли	692537	41,39	883466	50,94
В том числе:				
а) пахотная земля	267809	16,00	360206	20,76
б) пастбища	176871	10,57	220572	12,72
в) сенокосы	228491	13,66	286548	16,52
г) сады	15704	0,94	14494	0,84
д) виноградники	3585	0,21	1564	0,09
Леса	980213	58,61	851078	49,06
Камыши	72	0,01	82	0,01

¹⁾ Таблица составлена на основе данных следующих статистических источников: Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 95—97, 102, Mse, Bdp, 1874, стр. 44—45, Msé, Bdp, 1875, стр. 158—159; Msé, XIII, Bdp, 1906, стр. 89—90

В течение 36 лет, как видно из приведенной таблицы, площадь плодородных земель в Закарпатье возросла на 61794 гектара, т. е. на 3,9% (с 93,21 до 96,65% всей земельной площади), главным образом, за счет осушки болот, окультуривания почвы, использования горных склонов под виноградники и т. п.; соответственно с этим в такой же пропорции сократилась площадь неплодородных земель²⁾. Особенно значительным было увеличение площади полезных земель в Марамарошском комитате (на 35712 гектаров, или на 3,9%) и в Бережском комитате (на 16713 гектаров, или на 4,8%); в остальных жупах прирост плодородных земель колебался в пределах 4—6 тыс. гектаров. Увеличение площади полезных земель шло, главным образом, за счет высших групп хозяйств, которые располагали необходимыми средствами для проведения мелиоративных работ.

В 1870 году сельскохозяйственные земли в Закарпатье занимали 692537 гектаров, или 41,39% полезной площади, а в 1905 году—883466 гектаров, или 50,94%. Таким образом, общая площадь сельскохозяйственных земель за этот период увеличилась на 190929 гектаров, или на 27,6% (Марамарошский комитат—на 39,1, Угочский — на 25,9, Бережский — на 20,2, Ужгородский — на 13,0%). Увеличение площади сельскохозяйственных земель происходило за счет вырубленных лесных площадей и роста фонда полезных земель.

Соотношение сельскохозяйственных земель и лесов в отдельных закарпатских комитатах в конце XIX столетия представлялось в следующем виде: в Бережском комитате сельскохозяйственные земли превосходили площадь лесов в 1,5 раза, в Ужгородском — в 1,2 раза и в Угочском — в 3,5 раза, а в Марамарошском комитате, наоборот, площадь лесов превышала сельскохозяйственные земли почти в 1,2 раза. Особенно значительным был удельный вес лесов в таких географических районах Закарпатья: долина реки Лаборца — 45, долина реки Уж — 64,5, долина реки Латорицы — 69% сельскохозяйственной площади³⁾.

Приводимая ниже табл. 2 характеризует распределение земель Закарпатья и Венгрии отдельно по угодьям (в процентах к производительной площади в начале XX века)⁴⁾.

Таким образом, в Закарпатье на первом месте по размерам занимаемой площади стояли леса (49,06%), затем следо-

²⁾ В 1913 году в закарпатских комитатах плодородные земли составляли 96,85%, а неплодородные — 3,15% всей площади (См «Podkarpatská Rus», Bratislava, 1936, стр. 127)

³⁾ См. V. I. Kubijovyc. *Rossireni kultur a obyvatelstva v severnich Karpatoch*, Bratislava, 1932, табл. 369, 378, 380, 388, 389 и указ. соч. П. Перени, стр. 8.

⁴⁾ *Msé*, 1872, Vdp., 1874, стр. 44—45, *Msé*, XIII, Vdp., 1906, стр. 8⁰—90.

Таблица 2

Виды угодий	Закарпатье	Венгрия
Пахотные земли	20,76	43,70
Леса	49,06	29,24
Пастбища	12,72	13,23
Луга	16,52	11,48
Сады	0,84	1,36
Виноградники	0,09	0,75
Камыши	0,01	0,24

вали пахотные земли (20,76%), луга (16,52%), пастбища (12,72%), сады (0,84%), виноградники (0,09%) и камыши (0,01%). В Венгрии наибольшие площади занимали пахотные земли (43,70%); доля их в производительной площади была выше, чем в Закарпатье, в 2,1 раза. На втором месте в Венгрии стояли леса (29,24% полезной площади); удельный вес лесов в Венгрии был ниже, чем в закарпатских комитатах, в 1,7 раза. Далее по удельному весу занимаемой площади следовали пастбища (13,23% полезной площади), занимавшие почти такую же долю земель, как и в Закарпатье; луга (11,48% производительной площади), доля которых в Закарпатье была выше, чем в Венгрии, в 1,4 раза; сады и виноградники, удельный вес которых в Венгрии был значительно выше, чем в Закарпатье (сады — на 60%, виноградники — более чем в 8 раз).

На протяжении второй половины XIX столетия наблюдается возрастание площади пахотных земель, пастбищ и лугов. Площадь пашни увеличилась за счет освоения «иртованных», непроезжих земель в прошлом и распашки лугов и пастбищ на 92397 гектаров, или на 34,5%; удельный вес пашни повысился с 16 до 20,76% по отношению к общей площади плодородных земель и с 38,7 до 40,8% по отношению к сельскохозяйственной площади земли. По отдельным комитатам площадь пахотных земель возросла в таких размерах: Угочский комитат — на 14625 гектаров (на 38,1%), Марамарошский — на 28400 гектаров (на 36,0%), Бережский — на 29223 гектара (на 34,9%) и Ужгородский — на 20149 гектаров, или на 30,1%. Около 70% пахотных земель было сосредоточено в долинных районах и 30% в предгорьях Закарпатья.

Особенно значительным возрастанием площади пахотных земель было в высших группах хозяйств, а в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах площадь пахотных земель во второй половине XIX столетия сократилась по отдельным комитатам на 10—30%, что являлось результатом дальнейшего упадка этих хозяйств.

Данные, характеризующие удельный вес и средний размер пахотной земли на одно хозяйство по социальным группам в конце XIX столетия, можно представить в следующей таблице⁵).

Таблица 3

Социальные группы хозяйств	% к площади земли своей группы	% к общей площади пахотной земли	Средний размер пахотной земли на 1 хозяйство (в гектарах)
Пролетарские	55	10,4	0,6
Мелкокрестьянские	51	16,1	2,0
Средние	47	21,5	3,8
Крупные крестьянские	42	28,2	8,3
Средние и крупные помещичье-капиталистические	38	14,4	58,0
Латифундии	10	9,1	235,0

Удельный вес пашни, как свидетельствуют статистические данные, был наиболее высоким в пролетарской группе (55% всей находившейся в их пользовании земли), снижаясь до 47% в средней группе; в кулацких, средних и крупных помещичье-капиталистических хозяйствах процентная доля пахотной земли составляла 38—42%, а в латифундиальных хозяйствах пахотные земли занимали только 10% всей площади⁶). Сравнительно большой удельный вес пашни в батрацко-бедняцких хозяйствах выражал собой стремление малоземельных крестьян максимально использовать свои мизерные наделы для выращивания зерновых культур и таким образом покрыть хотя бы в незначительной мере потребности семьи в хлебе за счет своего посева. В кулацких же и помещичье-капиталистических хозяйствах, особенно долинных районов, в которых под посев отводилось около половины всей земли, значительная доля пахотных земель выражала товарный характер сельскохозяйственного производства. Незначительный удельный вес пашни в латифундиальных хозяйствах объяс-

⁵) Таблица приводится на основе данных Мос, IV, Вдп, 1900, стр. 70—96.

⁶) В доминии Шенборна (1892 год) из общей площади земли 240855 хольдов леса занимали 184721 хольд, т. е. 76,6%, а пахотные земли — 15003 хольда, или 6,2% (ГАЗО, ф. 11, оп. 1, 1856—1892 гг., д. 1148, лл. 50—60). Графу Телеки (1899 год) принадлежало 36790 хольдов земли, из которой на долю лесов приходилось 30624 хольда (83,2%), а на долю пашни — только 289 хольдов, или 0,7%. В имении барона Шенберг-Дональда (Марамарошская жупа) леса занимали 75,1% всей площади, а пахотные земли — 2,5%; в хозяйстве Ф. Миллера лес занимал 81,4%, а пахотная земля 0,04% всей площади; в хозяйстве Я. Михали лесные площади составляли 68,3%, а пахотные земли отсутствовали вовсе (ГАЗО, ф. 772, оп. 1; 1899 г., д. 80, лл. 10—17).

нялся огромным преобладанием в них лесных площадей над сельскохозяйственными. Однако и в отдельных латифундиях доля пашни по отношению к сельскохозяйственной земле достигала 40—45%⁷⁾.

Более половины лучших пахотных земель находилось в руках хозяйств с общей площадью земли свыше 20 хольдоз. Средний размер пашни на одно хозяйство в зажиточной группе составлял 9 гектаров, в средних и крупных помещичье-капиталистических хозяйствах—58 гектаров и в латифундиальных—235 гектаров, что свидетельствовало о предпринимательском характере земледелия в этих хозяйствах. Размер пахотной земли в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах (0,6 гектара на хозяйство в пролетарской группе⁸⁾ и 2 гектара в мелкокрестьянской группе) являлся ярким показателем того, что собственное земледелие в этих группах хозяйств играло второстепенную роль и было рассчитано на покрытие только части потребностей семьи в хлебе.

Одновременно с ростом пахотных земель происходит увеличение посевных площадей и сокращение размеров земель, занятых под чистыми парами, перелогами и залежами⁹⁾. Движение посевных площадей, паров, перелогов и залежей характеризуют следующие данные¹⁰⁾.

Таблица 4

Годы	Засеянные земли		Земли под парами, перелогами и залежами	
	площадь (в тыс. гектаров)	% к пахот- ной земле	площадь (в тыс гектаров)	% к пахот- ной земле
1869	177	68,6	81	31,4
1870	184	68,7	84	31,3
1885	232	66,1	119	33,9
1895	269	75,0	90	25,0
1900	284	79,1	75	20,9

7) В доминию Шенборна, например, пахотные земли занимали 46,2% всей сельскохозяйственной площади имения (ГАЗО, ф. 11, оп. I, 1856—1892 гг., д. 1148, лл. 50—60).

8) Более 40% хозяйств с участками земли до 1 хольда (около 16% всех пролетарских хозяйств) вовсе не имели пахотной земли; остальные вынуждены были выделять незначительную долю хольда под посев.

9) Залежные земли занимали значительную часть крестьянских земель в горных районах.

10) Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 98—99, 257; His, IV, I, Pest, 1871, стр. 20—21, 30—39; Msé, 1872, Bdp., 1874, стр. 48—57; His, V, I, Pest, 1872, стр. 14—17, 20—23, 34—35, 68—81, 92—93, 140—142; His, VII, I, Pest, 1874, стр. 12—15, 22—23, 34—35; Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 2—3, 16—19; Msé, III, Bdp, 1896, стр. 108—109; Mos, 1895—1896, Bdp., II, 1897, стр. 2—5; Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 86—87; Kjsé, Bdp, 1901, стр. 419—423; Msé, IX, Bdp., 1902, стр. 80, 82.

Как видно из приведенной таблицы, в 1869 году посевная площадь в Закарпатье составляла 177 тысяч гектаров, т. е. 68,6% пашни (Ужгородский комитат — 86,3%, Бережский — 73%, Угочский — 53,8%, Марамарошский — 43,0%), а в 1900 году — 284 тысячи гектаров, или 79,1% пашни (Бережский комитат — 74,6%, Угочский — 83,5%, Ужгородский — 76,7%, Марамарошском комитатах, занимавших 43% всех пахотных земель Закарпатья, под посев отводилась только половина пашни, а другая половина площади пахотных земель, потерявшая плодородие, находилась преимущественно под перелогам. Это свидетельствовало об отсталом, экстенсивном характере земледелия. В конце XIX столетия удельный вес посевов по отношению к площади пахотной земли повысился по сравнению с 60-ми годами на 10,5% и достигал в 1900 году 79,1% пашни. Это выражало собой известные сдвиги в агрикультуре, в частности, применение более рациональных севооборотов и внедрение системы занятых паров. В венгерских комитатах удельный вес посевных площадей был выше, чем в закарпатских областях (в комитатах правого берега Дуная засеянные земли по отношению к площади пашни составляли в 1880 году 83, в 1885 году — 85, в 1890 году — 87 и в 1895 году — свыше 90%).

Площадь паров и перелогов в течение 1869—1900 годов снизилась как абсолютно, так и относительно с 81 тыс. до 75 тыс. гектаров, или с 31,4 до 20,9% пашни*. Такую же картину мы наблюдаем и в других областях Венгрии. Так, например, в комитатах правого берега Дуная в 1880 году пары занимали 16,7% площади пахотных земель, в 1885 году — 14,8, в 1890 году — 13,4 и в 1895 году — только 9,8%. Однако снижение удельного веса паров здесь компенсировалось более высоким севооборотом, в то время как в закарпатских комитатах в отдельных районах преобладала трехпольная система и очень слабо внедрялся травопольный севооборот.

Данные, характеризующие распределение посевов по социальным группам хозяйств, а такая группировка, по словам В. И. Ленина, «представляется не только удачной, но и наилучшей и безусловно необходимой»¹¹⁾, подтверждают тот основной вывод, сделанный нами выше, что пролетарско-бедняцкие хозяйства играли ничтожную роль в производстве товарной сельскохозяйственной продукции и носили потребительский характер в отличие от высших групп хозяйств, развивавших торговое земледелие.

В конце XIX столетия процентная доля посевов по отношению к пахотной земле была значительно выше в крупных

¹¹⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 10.

хозяйствах (87—92%), чем в батрацко-бедняцких (70—75%), соответственно с этим удельный вес чистых паров, перелогов и залежных земель снижался по мере увеличения размеров пахотной земли на одно хозяйство и составлял в батрацко-бедняцких хозяйствах 25—30%, в зажиточных и крупных—8—13%. Таким образом, не менее 1/4 всей пахотной земли в низших группах хозяйств не засевалось и в большинстве своем находилось под перелогам и залежами; в зажиточных и крупных хозяйствах в среднем только 10% земель составляли клин чистых паров. Эти данные свидетельствовали об отсталости земледелия в крестьянских хозяйствах и более высоком агротехническом уровне полеводства в крупных хозяйствах, все более переходивших к плодопеременной системе земледелия.

Процентная доля и размер посевов на одно хозяйство в низших группах были еще ниже, чем в распределении пахотной земли; наоборот, удельный вес зажиточных и крупных хозяйств в посевной площади заметно возрастает: в пролетарской группе на одно хозяйство приходилось в среднем 0,3—0,4 гектара посева (ей принадлежало только 7,4% всей посевной площади); размер посева на одно мелкокрестьянское хозяйство составлял 1—1,3 гектара, на одно среднее хозяйство — 2,5—3,0 гектара, в то время как высшие группы сосредоточивали в своих руках 52% посева (в среднем приходилось посева на одно хозяйство в зажиточной группе 5—6, в крупных хозяйствах 45—50 и в латифундиальных хозяйствах — 200—220 гектаров).

Мизерный размер посева в пролетарских хозяйствах наглядно показывает, что хозяйства этой категории крестьян, представлявших собой огромную массу сельского полупролетариата, не могли покрыть даже минимальных потребностей батрацкой семьи в хлебе за счет своего земледелия. В. И. Ленин, характеризуя социальное и имущественное положение этой группы крестьянства в пореформенной России, писал, что своим хозяйством ему никогда не прокормиться, и главным источником средств к жизни являются у него «промыслы» или «заработки», т. е. продажа своей рабочей силы. «Ничтожный размер хозяйства па клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке..., в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа»¹²). Эту ленинскую характеристику можно полностью распространить и на положение деревенского пролетариата Закарпатья, к числу которого надо отнести и значительную часть мелкокрестьянских хозяйств с площа-

¹²) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 115

дью посева от 1. до 2 гектаров, которые также не могли существовать без продажи своей рабочей силы.

Среднее крестьянство Закарпатья, составлявшее 16,51% всех хозяйств, являлось промежуточным звеном между мелким крестьянством и кулачеством. Оно отличалось наименьшим развитием товарного хозяйства. При сравнительно небольшом размере посева (3 гектара) среднее крестьянство, особенно его низшие слои, с общей земельной площадью от 10 до 15 хольдов находилось в крайне неустойчивом положении и могло покрыть потребности своего хозяйства только в самых ограниченных размерах за счет самостоятельного земледельческого труда в лучшие годы при особо благоприятных условиях. В большинстве же случаев средний крестьянин не мог свести концы с концами без сторонних заработков и займов. И каждый неурожайный год выбрасывал массы среднего крестьянства в ряды деревенской бедноты.

Размер пашни на одно зажиточное хозяйство составлял 9—10 гектаров, причем 70% этой категории хозяйств имели по 5—6 гектаров посева, 20%—от 6 до 10 гектаров и 10% свыше 10 гектаров. Если средний крестьянин в наиболее урожайный год мог кое-как продержаться за счет доходов своего хозяйства, то зажиточные крестьяне не только оплачивали все расходы за счет самостоятельного хозяйства, но и получали значительные избытки, тем более, что они соединяли с торговым земледелием и торговое скотоводство и торгово-промышленные операции. Размер торговой площади земли в зажиточных хозяйствах свидетельствовал о том, что они производили земледельческие продукты на продажу, т. е. являлись товарными, денежными хозяйствами, тогда как массы несостоятельных крестьян должны были прикупать себе хлеб, продавая свою рабочую силу. Торговое земледелие в зажиточных хозяйствах превращалось уже в капиталистическое, так как размеры посева здесь выходили за пределы рабочей способности семьи и требовали применения наемной рабочей силы. Продукты земледелия крупных и капиталистических хозяйств полностью шли на продажу, что свидетельствовало о товарном характере хозяйств этой группы.

Площадь озимых посевов в Закарпатье была относительно небольшой. Об изменении площади озимых хлебов свидетельствует табл. 5¹³).

Хотя общая площадь озимых посевов в Закарпатье в течение 30 лет, с 1870 по 1900 год, возросла более, чем на 27 тыс. гектаров (на 36%), однако удельный вес озимых по-

---

¹³) His, V, I, Pest, 1872, стр. 14—17, 20—23, 34—35; His, VII, I, Bdp., 1874, стр. 12—15, 22—23; Msé, III, 1895, Bdp., 1896, стр. 108—109; Mos, 1895—1896, Bdp., 1897, стр. 4—5; Kjsé, Bdp., 1901, стр. 419—422.

Таблица 5

Годы	Площадь озимых посевов (в гектарах)	% к посевной площади
1870	48028	26,8
1872	53458	26,9
1894	62687	26,4
1895	71963	20,7
1900	75451	26,6

севов оставался почти на прежнем уровне — 26,5%. Озимь по отношению ко всей посевной площади занимала в 1900 году в Ужгородском комитате до 40%, в Бережском и Угочском — 30—32% и в Марамарошском — только 3,5%. По сравнению с венгерскими комитатами озимые посевы в Закарпатье занимали далеко меньшее место (в венгерских комитатах правого берега Дуная озимые посевы составляли 40,2% засеянной площади, в комитате Темеш — 44,5%, в комитате Кома ром — 50%).

О распределении озимых посевов по культурам можно судить по таким данным:

Таблица 6

Сельскохозяйственные культуры	Годы				
	1869	1870	1885	1895	1900
	в % к общей площади посева данной культуры				
Пшеница	86,7	82,3	89,8	93,8	94,8
Рожь	100,0	100,0	91,5	90,8	92,2
Ячмень	6,7	7,3	7,2	8,6	8,0
Сурепица	95,0	98,0	93,0	98,9	—

Среди озимых посевов в Закарпатье, как видно из таблицы, наибольшее значение имели пшеница, рожь и сурепица; удельный вес таких культур, как ячмень, овес, рыжик, лен и др., был совершенно незначительным. Озимые посевы, требующие вложения дополнительного труда и отрыва тягловой силы в период осенних полевых работ, заготовки кормов и молотбы хлебов, были сосредоточены в зажиточных и крупных хозяйствах, располагавших необходимой рабочей силой, инвентарем, тяглом для одновременного проведения всего комплекса осенних полевых работ. Значительный удельный вес озимых посевов в высших группах хозяйств обеспечивал в сочетании с другими агротехническими мероприятиями более высокую урожайность хлебов. Кроме того, в составе озимых культур в помещичье-капиталистических хозяйствах значительно большее место, чем в крестьянских, занимала пшеница (до 40% в помещичьих и до 30% в крестьянских), ячмень (2 и 0,5%), сурепица (8 и 2%), зато удельный вес посевов ржи в крестьянских хозяйствах был выше, чем в помещичьих.

Площадь сенокосов в Закарпатье, по официальным данным¹⁴⁾, за указанное 30-летие увеличилась на 58057 гектаров, или на 25,4%; удельный вес их по отношению к общей земельной площади повысился с 13,66 до 16,52%, а по отношению к сельскохозяйственной площади — с 33 до 41,38%. Однако эти данные нельзя считать достоверными. Они представляют собой результат одного из недобросовестных приемов венгерской статистики, направленных к затушевыванию истинного, чрезвычайно бедственного положения крестьян, лишенных сенокосных угодий. Именно с этой целью венгерская статистика искусственно увеличивала площадь сенокосных угодий, чтобы создать видимость обеспеченности сеном крестьянских хозяйств, страдавших от недостатка кормов для скота. Это мнимое увеличение площади лугов в Закарпатье было достигнуто путем отнесения к этой категории угодий части горных пастбищ. В результате такой операции площадь «лугов» в Марамарошском комитате, например, возросла на 63692 гектара, или на 51,7%. Полная необоснованность такого приема подтверждается тем фактом, что по другим закарпатским комитатам за этот период площадь лугов не только не возросла (Бережский комитат), а, наоборот, сократилась (Угочская жупа — на 642 гектара, или на 3,4%, Ужгородская — на 5036 гектаров, или на 16,1%).

Вот почему до 40% и более площади Закарпатья, отнесенной официальной статистикой к сенокосам, фактически использовались под пастбища, так как эти площади имели разнотравный и низкорослый травостой. Остальная часть лугов представляла собой сенокосные угодья прямого пользования, занимавшие в конце XIX—начале XX столетий площадь в 200 тыс. гектаров и составлявшие только 30% всей сельскохозяйственной площади. Естественные сенокосы в конце XIX столетия занимали 194 тыс. гектаров (97% всей площади сенокосов), а на долю сеяных сенокосов (залужение)¹⁵⁾ приходилось только 6 тыс. гектаров, или 3%, а по Марамарошскому комитату — только 0,3%. В венгерских комитатах удельный вес сеяных сенокосов был значительно выше, чем в Закарпатье: в 1870 году — 9,7, в 1871 году — 12,9%.

Вследствие превращения лугов в выпасы, стравливания и вытаптывания луговой растительности, интенсивного сенокосения лугов, отсутствия мер по поддержанию их производительности качество лугов и сенокосных угодий систематически

14) См. Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 136, Msè, 1872, Vdp, 1874, стр. 78—79; Mos, 1895—1896, Vdp, 1897, стр. 22—25

15) Залужение — посев многолетних луговых злаков и бобовых трав с целью создания сеяных сенокосов и пастбищ

снижалось, что привело к понижению урожайности трав и ухудшению их кормовых свойств.

Свыше 55% лугов принадлежало зажиточным крестьянским и крупным помещичьим хозяйствам. Батрацко-бедняцкие и значительная часть средних хозяйств были обеспечены лугами крайне недостаточно. Средний размер площади лугов, приходившийся на одно крестьянское хозяйство (в пролетарских хозяйствах 0,3, в мелкокрестьянских — 1,4, в средних — 2,9 гектара), показывает, что за счет собственных ресурсов они не могли покрыть даже в небольшой степени потребности домашнего скота в кормах¹⁶). Этим, в частности, объяснялось широкое распространение в Закарпатье кабальной аренды лугов крестьянами, низкое качество скота и деградация крестьянского животноводства.

Зажиточные хозяйства имели 8—15, средние и крупные помещичье-капиталистические хозяйства — 15—40 и латифундии — свыше 150 гектаров лугов. Размеры луговых угодий в высших группах хозяйств обеспечивали не только развитие товарного животноводства, но сенокосные земли в их руках служили средством закабаления деревенской бедноты, испытывавшей тяжелую нужду в кормах для своего скота.

Площадь кормовых культур в течение 1870—1900 годов возросла с 4 тыс. до 20 тыс. гектаров (в 5 раз). Особенно значительным был прирост сеяных трав (площадь посевов люцерны увеличилась в 4 раза, клевера — в 10 раз). Среди кормовых культур главное место занимали посевы клевера (в 1900 году 64% всей площади кормовых культур) и кормового гороха (26%). Основная масса посевов кормовых культур была сосредоточена в Бережском комитате (в 1900 году 44%) и в Ужгородском комитате (в 1900 году 32%). Удельный вес кормовых культур по отношению к площади пахотных земель в течение 1870—1900 годов повысился с 2,2 до 7,1%. В посевах площадей пролетарских и мелкокрестьянских хозяйств сеяные травы отсутствовали, в средних хозяйствах они встречались крайне редко. Абсолютное большинство площади сеяных кормовых трав принадлежало зажиточным и крупным хозяйствам, обеспечивая в сочетании с естественными сенокосами и пастбищами необходимую кормовую базу для товарного животноводства.

Площадь пастбищ по Закарпатью за указанное 30-летие увеличилась на 43701 гектар, или на 24,7%, но процентная доля их в фонде сельскохозяйственных земель повысилась не-

¹⁶) По нашим подсчетам, на одно пролетарское хозяйство в среднем приходилось своего сена на одну голову скота (в переводе на крупный рогатый скот) 1—2 центнера, а в зажиточных крестьянских и помещичьих хозяйствах — 20—30 центнеров. Своим сеном пролетарские хозяйства не обеспечивали и 1/3 доли потребностей скота в грубых кормах.

значительно — на 4,4%. Площадь пастбищ расширилась во всех комитатах: Марамарошский — на 29783 гектара (на 30,6%), Бережский — на 7238 гектаров (на 19,5%), Угочский — на 4610 гектаров (на 47,4%) и Ужгородский — на 2070 гектаров (на 6,3%). В начале XX столетия естественные пастбища занимали площадь в 220 тыс. гектаров, значительная часть которых приходилась на горные пастбища с альпийской растительностью. Природные пастбищные ресурсы Закарпатья использовались бессистемно; работа по улучшению пастбищ и повышению их плодородия проводилась в ограниченных масштабах, что привело к заметному истощению пастбищ. В горных районах преобладали отгонные пастбища, в долинных — стационарные. Наиболее широко была распространена «вольная» пастьба окота (реже применялась загонная пастьба), при которой лучшие участки подвергались быстрому стравливанию, а худшие участки переставали и превращались в источник распространения сорняков.

Распределение пастбищ между социальными группами хозяйств, как показывают приводимые ниже данные, было еще более неравномерным, чем распределение сенокосных угодий¹⁷⁾.

Таблица 7

Категории хозяйств по общей земельной площади (в хольдах)	% площади пастбищ	Приходится пастбищ на одно хозяйство (в хольдах)
до 1	0,1	0,01
1 — 5	2,8	0,20
5 — 10	7,0	0,50
10 — 20	12,6	1,30
20 — 50	15,9	3,20
50 — 100	6,4	7,50
100 — 200	4,0	17,40
200 — 500	6,7	46,60
500 — 1000	6,5	121,30
свыше 1000	38,0	574,00

Во владении высших групп хозяйств было сосредоточено свыше 77% пастбищ; особенно значительным был удельный вес пастбищ, принадлежавших латифундиям, — 38%. Мизерный размер пастбищ в крестьянских хозяйствах не обеспечивал содержания их скота на подножном корму (так на 22682 хозяйства с общей земельной площадью до одного хольда приходилось только 152 гектара пастбищ) и ставил эти хозяйства в полную зависимость от крупных владельцев пастбищ, которые не только содержали огромные стада крупного и мелкого

¹⁷⁾ На основе данных Mos, IV, Вдр, 1900, стр 70—96

рогатого скота, но и сдавали пастбища в аренду по ростовщицким ценам.

Лесные площади в 1870 году занимали 980213 гектаров, или 58,61% полезных земель (Марамарошский комитат — 66,73, Ужгородский — 53,37, Бережский — 48,79, Угочский — 36,17%), а в 1905 году 851078 гектаров¹⁸⁾; размер лесных территорий уменьшился в 1905 году по сравнению с 1870 годом на 129135 гектаров, или на 13,3%. В начале XX столетия леса занимали 49,06% площади полезных земель (Марамарошский комитат — 54,07, Ужгородский — 46,20, Бережский — 39,39, Угочский — 22,28%)¹⁹⁾.

Значительная часть лесных площадей (свыше 40%) принадлежала государству; в двух казенных имениях в Марамарошском и Ужгородском комитатах, по данным 1894 года, насчитывалось более 350 тыс. гектаров лесов²⁰⁾. Такая же площадь лесов находилась в руках владельцев крупных латифундий (только майоратным владениям принадлежало свыше 10 тыс. гектаров леса, или более 12% всей лесной площади); в распоряжении сельских общин и крестьян находилось менее 10% всех лесов²¹⁾.

В Закарпатье по склонам гор на высоте 800—1600 метров произрастают хвойные леса (лихта, ель, кедровая сосна), ниже, на высоте 200—800 метров, — буковые леса²²⁾; другие породы лиственных представлены грабом, осиной, липой, березой, дубом. В конце XIX столетия леса Закарпатья по породам распределялись следующим образом: хвойные леса занимали 25% лесной площади, дубовые — 11, буковые и другие лиственные — 64²³⁾. Основная масса хвойных лесов (89%) была сосредоточена в Марамарошском комитате²⁴⁾. Дубовые леса распределялись по комитатам более равномерно: Бережский — 42,7, Марамарошский — 25,3, Ужгородский — 21,1, Угочский — 10,9%. Буковые и другие лиственные леса были сосредоточены главным образом в Марамарош-

¹⁸⁾ Леса Закарпатья занимали около 10% всей лесной площади Венгрии

¹⁹⁾ Deb. 1867—1876. Debreczen, 1879, стр. 76—96. 102; Msé, Pest, 1872, стр. 44—45. Msé, Vdp., 1874, стр. 158—159, Msé, III, 1895, Vdp., 1896, стр. 138—141. Kjsé, Vdp., 1901, стр. 462, 463; Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 112—113. Mse, XIII, 1905, Vdp., 1906, стр. 89—90; Msé, XX, 1912, Vdp., 1914, стр. 154—155

²⁰⁾ Государственные леса Марамарош-Сигетского и Ужгородского округов в конце XIX столетия оценивались в 18 млн крон (Kjsé, Vdp., 1901, стр. 465—466. Msé, IX, 1902, стр. 115).

²¹⁾ Mse, III, 1895, Vdp., 1896, стр. 138—141

²²⁾ Бук широко использовался в мебельной промышленности и на химических предприятиях для сухой перегонки с целью получения древесного уксуса.

²³⁾ Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 112—113

²⁴⁾ Там же

ском и Ужгородском комитатах (Марамарошский — 57,9, Ужгородский — 21,1, Бережский — 18,3, Угочский — 2,7%)²⁵⁾.

Лесное хозяйство Закарпатья было чрезвычайно отсталым. В казенных владениях Марамарош-Сигетского и Ужгородского лесных округов из 230 тыс. гектаров лесов, предназначенных для эксплуатации в 1900 году, было отведено под лесоразработку только 8232 гектара (3,6% площади). Однако фактическая вырубка леса была произведена на площади 1854 гектара, что составляло 0,7% общей площади, предназначенной к эксплуатации, и 22,5% запланированной вырубки леса. В 1900 году из заготовленного леса деловой древесины было менее 40%. Расходы на заготовку 1 кубометра древесины составляли в этих лесных округах 4,2 кроны; чистый доход от 1 кубического метра заготовленной древесины не превышал 1,5 кроны (по Венгрии в целом расходы на заготовку 1 кубометра леса составляли 3,3 кроны, а чистый доход — 2,3 кроны)²⁶⁾. Эксплуатация лесов носила бессистемный и хищнический характер, мероприятия по восстановлению лесов почти не проводились. Так, например, в 1901 году было намечено восстановить в государственных имениях площадь лесов в 8170 гектаров, а в действительности облесенная площадь составляла только 2605 гектаров, т. е. менее 32% запланированной²⁷⁾.

Анализ распределения лесов по социальным группам хозяйств показывает: 1) возрастание удельного веса лесов в землевладениях отдельных групп хозяйств по мере увеличения принадлежащей им общей площади земли (в землевладении пролетарских хозяйств леса составляли менее — 1%, в мелкокрестьянских — 1,5%, в средних — 3%, зажиточных — 10%, крупных (с общей земельной площадью от 200 до 1000 хольдов) — 21,9%, в землевладении латифундиальных хозяйств — 67,7%); 2) сосредоточение в высших группах хозяйств абсолютного большинства лесов: зажиточным и крупным хозяйствам принадлежало 92,9% всех лесов, в том числе латифундиальным хозяйствам — 83,2%. Таким образом, небольшая группа владельцев крупных и латифундиальных хозяйств держала в своих руках подавляющее большинство лесов, а массы крестьянства были почти полностью лишены этих угодий. Во владении крестьян, как выражался журнал «Ли-

²⁵⁾ В Венгрии из общей площади лесов (9021850 га в 1901 году) хвойные леса занимали 1889407 га (20,9%), дубовые — 2410225 га (26,7%), буквые и другие лиственные — 4722218 га (52,4%). Из всей площади лесов Венгрии на закарпатские комитаты приходилось около 10% (хвойных — 11,5, дубовых — 3,7, буквых и других лиственных — 11,5%) (Mésé, IX, 1902, стр. 112—113).

²⁶⁾ Kjsé, Vdp, 1901, стр. 465—466, Mésé, IX, Vdp, 1902, стр. 115—116

²⁷⁾ Mésé, IX, Vdp, 1902, стр. 114.

сток»²⁸⁾, «лес по причине комасации сделался целою редкостью» *; 3) огромную неравномерность в распределении лесов на одно хозяйство по социальным группам: пролетарские хозяйства — 0,02 хольда, мелкокрестьянские — 0,15 хольда, средние — 0,3 хольда, зажиточные — 2,6 хольда, средние и крупные помещичье-капиталистические хозяйства — до 100 хольдов и латифундиальные хозяйства — 2916 хольдов.

Крупные хозяйства, монополюльно владевшие лесными богатствами Закарпатья, использовали их для обогащения не только путем организации лесных разработок за свой счет и сдачи лесов в эксплуатацию капиталистам-арендаторам, но и путем закабаления масс крестьянства, которые вынуждены были приобретать по высоким ценам дрова и строительный материал и арендовать лесные угодья для выпаса скота и свиней.

**
*

Земледелие играло главную роль в сельском хозяйстве Закарпатья. Доля земледелия в производстве товарной продукции в конце XIX столетия по отдельным комитатам составляла 60—70%. Состояние земледелия и направление производства сельскохозяйственной продукции отражает, прежде всего, структура посевных площадей, характеристика которой дается ниже²⁹⁾.

Таблица 8

Годы	Общая посевная площадь (в тыс. гектаров) ³⁰⁾	Распределение посевных площадей по сельскохозяйственным культурам (в тыс. гектаров)							
		зерновые		технич. и масличные		кормовые		огородно-бахчевые и картофель	
		площадь	% к пашне	площадь	% к пашне	площадь	% к пашне	площадь	% к пашне
1868—1869	177	140	79,1	7	4,0	5	2,8	25	14,1
1869—1870	184	151	82,1	8	4,3	4	2,2	21	11,4
1884—1885	232	197	85,0	5	2,1	4	3,5	22	9,4
1894—1895	269	214	79,5	5	1,9	18	6,7	32	11,9
1899—1900	284	224	78,8	5	1,8	20	7,1	35	12,3

Общая посевная площадь за этот период возросла со 177 тыс. до 284 тыс. гектаров, т. е. на 60%. В посевной пло-

²⁸⁾ «Листок», № 19, 1 октября 1895 г., стр. 224

²⁹⁾ His, IV, I, Pest, 1871, стр. 14—15, 76—109, 148—153, 162—171, 182—185, Msé, Pest, 1872, стр. 56—57, His, V, I, Pest, 1872, стр. 20—23, 140—147, 264—265; His, VII, I, Pest, 1874, стр. 12—13, 15, 26—29; Msé, III, 1885, Bdp, 1886, стр. 4—7, 12—41; Mos, II, 1895, стр. 6—11; Kjsé, Bdp, 1901, стр. 420—423, Msé, VIII, 1900, Bdp, 1901, стр. 86—87; Msé, XX, 1912, Bdp, 1914, стр. 98—101.

³⁰⁾ В округленных цифрах

щадя зерновые культуры занимали ведущее место: в течение 32 лет, с 1869 по 1900 год, удельный вес их колебался в пределах 78—85% (снижение доли зерновых в 90-х годах по сравнению с предыдущим десятилетием объяснялось возрастанием удельного веса кормовых культур и картофеля в связи с развитием продуктивного животноводства). Таким образом, прирост посевных площадей в Закарпатье происходил преимущественно за счет увеличения посевов зерновых.

Особенно значительный прирост площади зерновых наблюдался в Угочской, Бережской и Марамарошской жупах. Удельный вес зерновых культур в структуре посевных площадей комитатов изменялся следующим образом: Угочский и Марамарошский комитаты—повышение удельного веса зерновых на 3—4%, по остальным комитатам — снижение (Ужгородский — на 1,2%, Бережский — на 7,6%). В 1900 году на первом месте по размеру площади посева зерновых культур стояла Бережская жупа (свыше 70 тыс. гектаров, или 34,4% всей площади зерновых), за ней следовали Марамарошская жупа (27,1% всей площади зерновых), Ужгородская (21,7%), Угочская (16,8%).

На протяжении 1869—1900 годов в составе зерновых культур произошли характерные изменения, сущность которых раскрывает следующая таблица³¹⁾.

Таблица 9

Годы	Хлебные зерновые										Зернобобовые
	в том числе										
	Всего	пшеница	рожь	хлебная смесь	полба	ячмень	овес	просо	гречиха	кукуруза	
в процентах к общей площади зерновых											
1869	98,5	13,2	19,9	2,4	—	4,5	22,5	0,9	1,3	33,8	1,5
1870	99,2	13,2	17,0	1,8	—	5,5	25,7	1,0	1,6	30,4	0,8
1885	99,2	23,1	11,1	0,8	0,1	4,9	24,0	0,4	0,8	33,8	0,8
1895	99,3	24,2	9,6	0,4	—	4,6	26,3	0,2	0,5	34,5	0,7
1900	99,5	26,0	9,7	0,3	0,1	3,5	26,0	0,3	0,5	33,1	0,5

В составе зерновых культур преобладали хлебные зерновые; они занимали в 1900 году 99,5%, а зернобобовые только 0,5% общей площади посева зерновых. В течение 1869—1900 годов наблюдается как абсолютное, так и относительное увеличение площади хлебных зерновых культур: в 1869 году они

³¹⁾ His, IV, I, Pest, 1871, стр. 30—31, 36—39; Msé, Bdp., 1872, стр. 48—57, His, V, I, Pest, 1872, стр. 68—71, 80—81, 92—93, 140—142, 264—265; Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 12—15, 22—37, 38—41; Mos, 1895—1896, II, Bdp., 1897, стр. 4—II, Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 86—87, Kjsé, Bdp., 1901, стр. 420—423

занимали 138 тыс., а в 1900 году — 223 тыс.³²⁾, что дает увеличение на 85 тыс. гектаров, или на 61,6%.

99,5% площади зерновых занимали продовольственные культуры, среди которых наибольшее значение имела кукуруза, площадь которой систематически возрастала (в 1870 году под кукурузой было занято 46 тыс., в 1885 году — 66 тыс., в 1895 году — 72 тыс., а в 1900 году — 74 тыс. гектаров). В целом по Закарпатья площадь кукурузы в течение этого времени увеличилась на 61% (Марамарошский комитат — на 109, Угочский — на 76, Бережский на 36, Ужгородский — на 12%). Наибольшие посевы кукурузы были в Марамарошском и Бережском комитатах (27 тыс. и 23 тыс. гектаров); удельный вес ее по отношению к посеву зерновых колебался в пределах 30,4—33,7%; по отношению к общей площади пашни от 25,3 до 28,8%. Наибольшее значение посевы кукурузы имели в Угочской и Марамарошской жупах, где они занимали в 1900 году от 30 до 40% пашни*.

Возрастание площади посева кукурузы объяснялось развитием продуктивного животноводства в помещичьих и кулацких хозяйствах и потребностями спиртно-водочных заводов. Во многих районах Закарпатья, особенно горных областей, значительная часть кукурузы использовалась крестьянами как продовольственная культура. В одной из корреспонденций, опубликованной в газете «Свет», указывалось, например, что в Марамарошском комитате «не прорастает, кроме кукурузы, почти ничего, не упоминая здесь немного рожу и ячменя»³³⁾. На употребление крестьянами в пищу кукурузной мамалыги указывают многие современники.

Особенно значительным был рост площадей и удельного веса посевов пшеницы, о чем можно судить по таким данным³⁴⁾.

Таблица 10

Показатели	Г о д ы				
	1869	1870	1885	1895	1900
Площадь посева пшеницы (в тыс. гектаров)	19	20	46	52	58
% к общей площади посева зерновых	13,2	13,2	23,3	24,2	26,0

³²⁾ В округленных цифрах. По отдельным комитатам увеличение площади посевов хлебных зерновых выражалось такими данными: Марамарошский — на 36 тыс., или на 147%, Угочский — на 19 тыс., или на 105%, Бережский — на 26 тыс. (на 49%), Ужгородский — на 4 тыс. гектаров, или на 9,2%.

³³⁾ Газета «Свет», № 12, 16 (28) сентября 1867 года.

³⁴⁾ В округленных цифрах. См. His, V, I, Pest, 1872, стр. 264—265, Msé, III, 1885, Vdp., 1886, стр. 12—41; Mos, 1895—1896, II, Vdp., 1897, стр. 4—11 Msé, VIII, 1900, Vdp., 1901, стр. 86—87; Kjsé, Vdp., 1901, стр. 420—423.

Таким образом, посевы пшеницы в закарпатских комитетах в течение указанного периода возросли более чем в три раза (Угочский комитат — в 3,7, Бережский — в 3,4, Ужгородский — в 2,8, Марамарошский — в 2,1 раза), а удельный вес их поднялся с 13,2 до 26% по отношению к общей площади посева зерновых и с 10,9 до 20,5% по отношению к общей площади пашни. На первом месте по площади посевов пшеницы в 1900 году стоял Бережский комитат (25 тыс. гектаров); в других комитетах площадь пшеницы была меньше (Ужгородский — 19 тыс., Угочский — 10 тыс. и Марамарошский — 4 тыс. гектаров). Посевы озимой пшеницы составляли в 1869 году 86,7%, а в 1900 году 94,6% общей площади, занятой под этой культурой*.

Рост площадей и удельного веса посевов пшеницы свидетельствовал об изменении структуры зернового хозяйства, выражающегося в расширении посевов более ценных продовольственных культур, на которые все в большей мере возрастал спрос на хлебном рынке. Однако доля пшеницы в общей стоимости продуктов земледелия в закарпатских комитетах была в два раза меньше, чем в Венгрии в целом.

В течение 1870—1900 годов возросла и площадь, занятая овсом, с 43 тыс. до 58 тыс. гектаров, т. е. на 34,2%³⁵). Из общей площади посева овса на Марамарошский комитат приходилось 43,3, на Бережский — 30,1, на Ужгородский — 14,7 на Угочский — 11,9%. Овес занимал в 1870 году 23,8% общей площади пашни и 28,7% посевов зерновых культур, а в 1900 году его доля снизилась соответственно до 20,5 и 26,1%³⁶).

Возрастание площади посевов овса было обусловлено ростом поголовья лошадей и увеличением расходов фуража на содержание других домашних животных, а также увеличением удельного веса овса в питании бедного крестьянства, особенно горных районов. Закарпатский писатель А. Митрак в своих «Путевых впечатлениях по Верховине» писал: на Верховине Бережского и Марамарошского комитатов кукуруза, «столь любимое растение нашего народа», не созревает, и «только овес и овес повсюду...»³⁷).

Площадь и удельный вес остальных зерновых культур в течение второй половины XIX столетия систематически сокра-

³⁵) См. His, V, I, Bdp., 1872, стр. 264—265; Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 12—41; Mos, 1895—1896, II, Bdp., 1897, стр. 4—11; Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 86—87; Kjsé, Bdp., 1901, стр. 420—423.

³⁶) Изменения площади посева овса по закарпатским комитатам во второй половине XIX столетия можно проследить по следующим источникам официальной венгерской статистики. His, V, I, Pest, 1872, стр. 264—265; Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 12—41. Mos, 1895—1896, II, Bdp., 1897, стр. 4—11; Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 86—87, Kjsé, Bdp., 1901, стр. 420—423.

³⁷) Газета «Свет», № 13, 23 сентября (5 октября) 1867 года

шались: удельный вес посевов ржи уменьшился вдвое (с 19,9% общей площади посева зерновых в 1869 году до 9,7% в 1900 году), зерновой смеси — в 8 раз (с 2,4% общей площади посева зерновых в 1869 году до 0,3% в 1900 году). В конце XIX столетия посевы ржи и зерновой смеси занимали в Бережской жупе 8,4, в Ужгородской — 14,3, в Угочской — 6,1 и в Марамарошской — 2,7% всей посевной площади. Посевы ячменя, гречихи, проса и полбы сократились почти в два раза и составляли к общей площади пашни в 1900 году менее 1%, а к площади посевов зерновых 4,2%.

Удельный вес зернобобовых культур снизился за этот период в три раза, а площадь, занятая ими, уменьшилась вдвое и составляла в 1900 году только 0,5% посева зерновых культур. В составе зернобобовых культур фасоль занимала свыше 50% посева, чечевица — 15%, горох — 5%.

Приведенные нами общие данные, характеризующие развитие зернового хозяйства в Закарпатье, не вскрывают главного — удельного веса отдельных хозяйств в производстве зерновых культур и, что особенно важно, различий в структуре посевных площадей зерновых.

Анализ статистических данных показывает, прежде всего, крайне незначительный размер посевов зерновых в крестьянских хозяйствах и сосредоточение их в высших группах хозяйств: в среднем на одно пролетарское хозяйство приходилось 0,2 гектара зерновых, в мелкокрестьянских — 0,9, в средних — 2, в зажиточных — 6, в помещичье-капиталистических хозяйствах (без латифундий) — 40—50, в латифундиальных — около 160 гектаров. В целом высшим группам хозяйств принадлежало свыше 60% посевов зерновых. Наибольшее развитие зерновое производство получило в крупных арендаторских хозяйствах, где посевы зерновых занимали от 1/2 до 3/4 пахотных земель.

Однако эти данные дают только общее представление о размерах сосредоточения зернового производства в кулацких и помещичье-капиталистических хозяйствах, так как урожайность культур в этих хозяйствах была значительно выше, чем в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах. Это объяснялось не только сосредоточением в помещичье-капиталистических хозяйствах более плодородных земель, но и лучшей обработкой земли благодаря концентрации сельскохозяйственной техники, большим применением минеральных и органических удобрений, лучшими сроками проведения сельскохозяйственных работ.

Структура посевных площадей зерновых в отдельных группах хозяйств характеризовалась преобладанием более ценных культур в высших, кулацких и помещичье-капиталистических хозяйствах. Так, например, если в пролетарских хозяйствах

удельный вес посевов пшеницы составлял только 10,6% площади, занятой под зерновыми культурами, в мелкокрестьянских — 14,8, в средних — 20,9, то в кулацких — 37, а в помещичье-капиталистических хозяйствах — 50—60%. Если пролетарским хозяйствам принадлежало только 3% посевов пшеницы, а мелкокрестьянским 10%, то в зажиточных и крупных хозяйствах было сосредоточено свыше 70% посевов этой культуры. Высшим группам хозяйств принадлежало также более 60% посевов ячменя, свыше 40% кукурузы, 35% овса и более половины зернобобовых. Таким образом, концентрация главной товарной зерновой культуры — пшеницы, а также других хлебных и зернобобовых в руках владельцев зажиточных и помещичьих хозяйств была значительной. В посевах пролетарско-бедняцких хозяйств преобладали кукуруза (36—38% площади зерновых), овес (29%), рожь и хлебная смесь (15—20%), служившие, прежде всего, для обеспечения крестьянских семей продуктами питания.

Сопоставление размеров посева зерновых культур на одно хозяйство красноречиво свидетельствует о потребительском характере подавляющего большинства крестьянских хозяйств и о товарном производстве зерновых в высших группах хозяйств.

Таблица 11

Размеры посевов зерновых на одно хозяйство (в гектарах) в конце XIX ст.³⁸⁾

Социальные категории хозяйств	Пшеница	Рожь и хлебная смесь	Ячмень	Овес	Кукуруза	Другие зерновые и зернобобовые
Пролетарские	0,02	0,04	0,01	0,05	0,07	0,01
Мелкокрестьянские	0,08	0,19	0,02	0,20	0,40	0,01
Средние	0,50	0,40	0,05	0,40	0,60	0,05
Крупные крестьянские	2,10	0,20	0,50	1,1	2,0	0,10
Средние и крупные помещичье-капиталистические	20,4	1,90	4,20	5,4	6,9	1,2
Латифундиальные	84,0	3,00	13,00	20,80	34,20	5,0

Как видно из приведенных данных, пролетарские и мелкокрестьянские хозяйства, составляющие свыше 70% всех хозяйств, имели ничтожные размеры посевов и не могли играть никакой роли в производстве товарной продукции зерновых культур, в то время как в зажиточных и помещичье-капиталистических хозяйствах зерновое производство на сравнитель-

³⁸⁾ Таблица составлена на основе следующих источников: Mos, IV, Вдп., 1900, стр. 70—96; Mse, VIII, 1900, Вдп., 1901, стр. 86—87; Kjc, 1901, стр. 420—423.

но больших площадях носило торговый характер и поэтому являлось более интенсивным по составу возделываемых культур.

Площадь огородно-бахчевых культур и картофеля в течение 1869—1900 годов возросла с 24 тыс. до 35 тыс. гектаров, т. е. на 46%. Среди огородно-бахчевых культур по площади выделялись посевы свеклы (в 1869 году под этой культурой было занято 222, в 1870 году — 492, в 1885 году — 1429, в 1895 году — 1770 и в 1900 году — 1973 гектара); площадь свеклы за эти годы увеличилась почти в 9 раз и составляла в 1900 году 6% общей площади огородно-бахчевых культур и картофеля. Площадь под овощами за этот период увеличилась незначительно (на 15%) и составляла 7% занятых огородно-бахчевыми культурами и картофелем земель³⁹). Овощеводство в Закарпатье, вследствие отсутствия крупных городских центров и предприятий по переработке овощей, не имело серьезного значения. Под овощными культурами в 1895 году находилось 2132 гектара, что составляло 0,8% общей площади посева (Бережский комитат — 0,4, Марамоарский — 1,8, Ужгородский — 0,7, Угочский — 0,1%). Овощеводство велось преимущественно на мелких площадях в крестьянских хозяйствах и носило потребительский характер; только в некоторых кулацких хозяйствах оно имело торговое значение⁴⁰). 80% посадок свеклы и других корнеплодов принадлежало зажиточным и крупным хозяйствам, использовавшим их для откорма скота.

Важное место в земледелии Закарпатья занимала культура картофеля. Площадь под картофелем во второй половине XIX столетия неуклонно расширялась.

Таблица 12

Динамика площадей под картофелем (в гектарах)⁴¹

1870 г.		1885 г.		1895 г.		1900 г.	
площадь	% к площади пашни	площадь	% к площади пашни	площадь	% к площади пашни	площадь	% к площади пашни
18136	9,9	18452	8,0	27212	10,1	29631	10,4

³⁹) Другие огородно-бахчевые культуры занимали совершенно незначительную площадь (в 1900 году кормовая тыква занимала 904, арбузы — 86, брюква—28 гектаров). В 1895 году из 2132 гектаров, находящихся под овощами, площадь, засаженная огурцами, составляла 71, луковичными—288, капустой — 1507, другими овощами — 266 гектаров.

⁴⁰) См. указ. соч. Szilágyi J. Mărmáros vármegye., стр. 378.

⁴¹) См. His, V, 1, Pest, 1872, стр. 264—265; Msé, III, 1885, Vdp., 1886, стр. 12—41; Mos, 1895—1896, II, Vdp., 1897, стр. 4—11; Msé, VIII, 1900, Vdp., 1901, стр. 86—87; Kjsé, Vdp., 1901, стр. 420—423.

Таким образом, за 30 лет (с 1870 по 1900 год) площадь картофеля возросла на 11495 гектаров (на 38,8%) и занимала в 1900 году 10,4% посевной площади*. Посадками картофеля занимались все хозяйства, причем в составе пропашных культур доля посадок картофеля была выше в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах, но роль их в общем производстве картофеля была ниже, чем остальных хозяйств (пролетарским, мелкокрестьянским и средним хозяйствам принадлежало до 60% общей площади, занятой картофелем). Размер посадок картофеля на одно хозяйство был значительно большим в высших группах хозяйств (в пролетарских — 0,08—0,1, в мелкокрестьянских — 0,2—0,4, в средних и помещичье-капиталистических хозяйствах 15 и более и в латифундальных — 50 гектаров и более). В зажиточных и крупных хозяйствах картофель являлся товарным продуктом; как наиболее дешевый продукт народного питания, он находил обеспеченный сбыт на рынке. Картофель в этих хозяйствах широко использовался также для откорма скота и для промышленной переработки (производство крахмала, патоки, спирта). Совершенно иной характер носило производство картофеля в крестьянских хозяйствах — это было производство важнейшего продукта питания крестьянской семьи. Неурожай картофеля вызывал обычно массовые голодовки, охватывавшие прежде всего бедные слои крестьянства.

Высокая доля посевов картофеля в пролетарских, мелкокрестьянских и средних хозяйствах являлась выражением растущего обнищания трудящегося крестьянства. Известно, что потребление картофеля удешевляет рабочую силу как товар и тем самым ведет к увеличению относительной прибавочной стоимости, создаваемой трудом сельскохозяйственных рабочих и поступающей земельным собственникам в форме земельной ренты и капиталистическим фермерам в форме прибыли.

В. И. Ленин, характеризуя значение увеличения производства картофеля, писал: «Увеличение посевов картофеля означает, с одной стороны, повышение техники сельского хозяйства (введение в посев корнеплодов) и рост технической обработки с.-х. продуктов (винокурение и картофельно-крахмальное производство). С другой стороны, оно является, с точки зрения класса сельских предпринимателей, производством относительной прибавочной стоимости (удешевление содержания рабочей силы, ухудшение народного питания)»⁴².

---

⁴²) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 215

Приведем далее данные, характеризующие удельный вес важнейших сельскохозяйственных культур в валовом сборе урожая⁴³⁾:

Таблица 13

Годы	Виды сельскохозяйственных культур					
	пшеница	рожь	ячмень	овес	кукуруза	картофель
	в % к валовому сбору урожая важнейших культур					
1869	9,1	15,2	3,7	14,5	26,5	31,0
1870	12,2	17,9	5,3	22,3	23,5	18,8
1885	11,8	5,8	2,5	15,3	17,3	47,3
1894	14,3	5,0	3,1	21,8	10,4	45,4
1895	16,5	4,6	2,5	12,5	21,9	42,0
1900	14,0	4,4	1,9	11,4	18,2	50,1
1901	14,6	5,2	1,7	11,8	18,5	48,2
1905	17,2	5,7	2,4	11,8	14,6	48,3

Как свидетельствуют данные приведенной таблицы, во второй половине XIX столетия наблюдается увеличение удельного веса пшеницы в валовой продукции земледелия (с 9,1 в 1869 году до 14% в 1900 году) и картофеля (с 31 до 50,1%). Доля других культур заметно снизилась (рожь — с 15,2 до 4,4%, ячмень — с 3,7 до 1,9%, овес — с 14,5 до 11,4%, кукуруза — с 26,5 до 18,2%). Возрастание удельного веса пшеницы в валовом сборе урожая объяснялось увеличением посева пшеницы как наиболее ценной хлебной культуры в крупных хозяйствах, а повышение удельного веса картофеля — ростом потребления его в крестьянских хозяйствах как основного продукта питания и увеличением промышленной переработки картофеля в крупных хозяйствах. Снижение удельного веса других культур было главным образом результатом разорения и упадка земледельческого производства в крестьянских хозяйствах.

**

Одновременно с ростом площади зерновых культур во второй половине XIX столетия наблюдалось сокращение посевов технических культур в Закарпатье. Состав технических и масличных культур и изменение их площади характеризуют следующие данные⁴⁴⁾.

⁴³⁾ His, V, I, Pest, 1872, стр. 264—265; Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 12—41; Mos, 1895—1896, II, Bdp., 1897, стр. 4—11; Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 8i—87; Kjsé, Bdp., 1901, стр. 420—423.

⁴⁴⁾ Там же.

Таблица 14

Виды технических культур	Площадь (в гектарах)				
	1869 г.	1870 г.	1885 г.	1895 г.	1900 г.
Сурепица	1744	2685	1240	1413	723
Табак	391	37	294	163	333
Конопля	3883	6204	3765	3359	3548
Лен	692	360	229	313	371
Другие	—	—	—	88	109
Итого . . .	6710	9286	5528	5336	5084

Площадь технических и масличных культур, как видно из приведенной таблицы, в течение 1869—1900 годов сократилась как абсолютно, так и относительно (с 6710 в 1869 году до 5084 га в 1900 году, т. е. на 24,2%, и с 4 до 1,8% посевной площади). Особенно значительным было сокращение площади посева сурепицы (на 59,5%) и льна (на 46,6%). Размеры посева других культур (подсолнух, хмель, мак, перец, тмин) почти не изменились; они занимали в 1900 году только 2,1% всей площади технических и масличных культур⁴⁵).

По площади посева технических и масличных культур на первом месте стоял Бережский комитат (в 1900 году здесь было сосредоточено 40% посева этих культур). Конопля и лен высевались как на семя, так и на волокно, причем последние посевы занимали до 30% всей площади этих культур. Около 60% всех посевов технических и масличных культур, прежде всего конопли, льна и сурепицы, было сконцентрировано в зажиточных и крупных хозяйствах; в пролетарских, мелких и в значительной части средних крестьянских хозяйств посевы этих культур предназначались главным образом для удовлетворения потребностей крестьянских семей и не имели торгового значения. Только часть зажиточных крестьян производила подсолнечное масло и пряжу на рынок⁴⁶).

Сокращение площади технических и масличных культур во второй половине XIX столетия объяснялось рядом причин: нерентабельностью производства, истощением почвы, ограниченным спросом на эти культуры на рынке, отсутствием сколько-нибудь развитой промышленности по переработке технических и масличных культур, разорением крестьянских хозяйств, упадком кустарной промышленности и политикой правящих классов Австро-Венгрии, препятствовавшей экономиче-

⁴⁵) Незначительные размеры площадей, занятых под техническими и масличными культурами (в 1900 году процентная доля этих культур по отношению к посевной площади составляла: конопля — 1,3, сурепица — 0,3, лен — 0,1%), и систематическое сокращение их являлось показателем отсталости и низкой степени интенсификации земледелия Закарпатья.

⁴⁶) См указ соч. В. И. Илько, До питания розшарування., стр. 28.

скому развитию Закарпатья. Тормозящее действие этих факторов особенно наглядно можно проследить на примере состояния табаководства в закарпатских комитатах.

Посадки табака⁴⁷⁾ были сосредоточены главным образом в Бережской жупе (в 1900 году на Бережскую жупу приходилось 77,5% посадок табака, на Ужгородскую — 18,9% и на Угоцкую — 3,6%). О размерах и изменении площади табачных плантаций можно судить по данным следующей таблицы⁴⁸⁾.

Таблица 15

Годы	Площадь посадок табака (в гектарах)
1867	375
1868	396
1869	396
1870	36
1872	96
1885	232
1895	163
1900	333

С 1870 по 1880 год происходит значительное сокращение площади, занятой под табаком (примерно в 5 раз); в последующие годы посевы табака возрастают и достигают в 1900 году 333 гектаров, что составляло только 85% площади, засаженной табаком в 1869 году.

Резкое сокращение площади табачных насаждений в 70-х годах объяснялось существующей казенной монополией на табак и жесткими ограничениями в отношении его производства и сбыта частными лицами.

В январе 1868 года было издано правительственное распоряжение о выращивании и продаже табака, в соответствии с которым частные лица могли садить табак только для своих потребностей и в пределах собственной усадьбы. Ходатайства о разрешении разводить табак для собственных нужд могли подавать в министерство финансов только лица, «правомочные по закону заключать договоры», не судившиеся за тайную торговлю или контрабанду и доказавшие, что усадьба (сад и огород) являются их собственностью.

Частные лица, получившие разрешение на посадку табака, могли использовать для этой цели участок земли размером 20 квадратных сажен. На каждого члена семьи мужского пола старше 16 лет разрешалось засадить еще 10 квадратных са-

⁴⁷⁾ В Закарпатье производились преимущественно простые сорта табака.

⁴⁸⁾ Msé, XIII Врр, 1906, стр. 173.

жен, но в общей сложности площадь посадок табака на одно хозяйство не должна была превышать 70 квадратных сажень. За каждую квадратную сажень табачной плантации уплачивался налог в размере 1,2 гульдена. Выращенный на приусадебных участках табак мог быть использован только лицом, получившим «позволительный лист», и перечисленными в нем членами семьи, исключительно для курения из трубки.

Лица, получившие разрешение производить посадку табака для казны или иностранных купцов, не могли одновременно производить табак для собственных нужд. Весь выращенный ими табак сдавался на казенные приемные пункты по установленным твердым ценам. По особому разрешению министерства этим производителям табака дозволялось оставлять из урожая текущего года для собственных нужд по 12 фунтов простого табака для себя и каждого члена семьи мужского пола старше 16 лет по цене 20 крейцеров за фунт. Передача или продажа этого табака другим лицам запрещалась. Распоряжением правительства предписывалось местным властям строго следить за неукоснительным выполнением всех статей этого распоряжения, не допуская посадки табака сверх установленной нормы (на лиц, виновных в нарушении этого порядка, налагался штраф в размере 40 крейцеров за одну квадратную сажень посадки табака сверх нормы)⁴⁹).

Мелочная регламентация, ограничения производства и сбыта табака, высокие налоги и штрафы за нарушение установленных правил (налог с лиц, разводивших табак для личных нужд, превышал установленную государством цену⁵⁰) за килограмм табака в 5 раз, а штрафы за самовольное увеличение нормы посадки табака превосходили стоимость выращенного на этой площади табака в два раза) задерживали развитие табаководства.

Некоторое ослабление регламентации и ограничений производства и сбыта табака в начале XX столетия обусловило рост его посевных площадей: в 1900 году посадки табака составляли 333, в 1903 году — 739, в 1904 году — 813, в 1905 году — 1081, в 1912 году — 1461 гектар⁵¹). Таким образом,

---

⁴⁹) См газета «Свет», № 1, 6 (8) января 1868 года

⁵⁰) Государственные закупочные цены на табак во второй половине XIX столетия не превышали 40 крон за центнер

⁵¹) См. Msé, XIII, Vdr., 1906., стр. 173; Deb, Debreczen, 1919, стр. 67 В начале XX столетия в Закарпатье возрастает как количество сел, в которых разводился табак (с 29 сел в 1903 году до 38 сел в 1905 году), так и число табаководческих хозяйств (с 62 в 1903 году до 87 в 1905 году) В Венгрии за это же время количество сел, в которых разводился табак, возросло с 840 до 910, число табаководческих хозяйств — с 11181 до 11848, а площадь под табачными плантациями — с 45909 до 49568 гектаров (см Msé, XII, Vdr., 1906, стр 173).

площадь табачных плантаций в течение 13 лет (с 1900 по 1912 г) возросла более чем в 4 раза (с 333 до 1461 гектара), а количество произведенного табака с 8642 центнеров в 1903 году до 13013 центнеров в 1905 году, т. е. более чем в 1,5 раза.

Одновременно с этим в области производства табака, этой высокоинтенсивной культуры, происходит процесс концентрации, расширение размеров табакочесных плантаций и вытеснение мелких табакочесных хозяйств капиталистическими хозяйствами. Венгерская статистика сильно преуменьшала размеры концентрации сельскохозяйственного производства, смешивая экстенсивные и интенсивные хозяйства, относя, например, мелкие по площади садово-виноградские и табакочесные интенсивные хозяйства, которые являлись крупными капиталистическими хозяйствами, к разряду мелких. Венгерская статистика игнорировала тот общеизвестный факт, что чем выше уровень земледельческой техники, чем интенсивнее хозяйство, чем сильнее влияние рынка, тем чаще встречается крупное производство на мелких участках земли⁵²).

В 1903 году в Закарпатье средний размер посадок табака на одно табакочесное хозяйство составлял 11,9, в 1904 году — 12,3, в 1905 году — 12,4 гектара, соответственно повысилось и количество выращенного табака на одно хозяйство — со 140 центнеров в 1903 году до 150 центнеров в 1905 году, а средняя сумма, вырученная от продажи табака на одно хозяйство, увеличилась за эти годы с 6200 до 6700 крон⁵³).

Подавляющая часть продукции табакочесства принадлежала небольшим по общей площади хозяйствам (20—30 гектаров), но крупным по производству табака. Именно в этой области наиболее ярко проявлялась капиталистическая концентрация сельскохозяйственного производства⁵⁴). Из 100 табакочесных хозяйств в начале XX столетия имели плантации размером от 2 до 5 хольдов — 18 чел., от 6 до 10 хольдов — 10 чел., от 11 до 20 хольдов — 35 чел., от 21 до 50 хольдов — 35 чел. и от 51 до 70 хольдов — 2 чел.⁵⁵). Приведенные данные подтверждают сравнительно высокую степень концентрации производства табака в руках средних и круп-

⁵²) См В И Ленин, Соч., т. 20, стр. 115

⁵³) Msc, XIII, 1906, стр. 173

⁵⁴) Монокультурные интенсивные хозяйства в Закарпатье (табакочесные, садово-огороднические и др.) составляли совершенно незначительную часть хозяйств. Как правило, крестьянские хозяйства являлись поликультурными, с преобладанием зернового хозяйства в долинных областях и животноводческого в горных. Мелкие и средние крестьяне вынуждены были перестраховывать себя одними культурами и отраслями за счет других.

⁵⁵) ГАЗО, ф 262 (Наджупан Бережской жупы), 1906 г., л. 3148, лл 1--63

ных табаководов. Им принадлежали значительные по площади плантации: табаковод Бугази Ж. (село Голюк) имел 10 хольдов табака, Зихерман М. — 15 хольдов, Бернат Д. (село Тарновци) — 20 хольдов, Эренрейх И. (село Сена) — 36 хольдов, Вайс В. (село Буча) — 40 хольдов, Штайнбергер А. (село Мужиево) — 40 хольдов, Фукс М. (село Чарадо) — 48 хольдов, помещица Ясои (село Барабаш) — 50 хольдов, Кассель З. (село В.-Лоня) — 60 хольдов, Гросс Е. (село Тисса-Солко) — 63 хольда, Цайзлер А. (Берегово) — 70 хольдов⁵⁶⁾.

Даже при существовании твердых и сравнительно низких государственных закупочных цен на табак (в 1903 году средняя закупочная цена за один центнер табака составляла 44,5 кроны, в 1904 году — 43,9, в 1905 году — 44,9 кроны)⁵⁷⁾ владельцы крупных плантаций получали значительные прибыли. Доход с одного гектара табачной плантации превышал в 10 раз доход с такой же площади зерновых культур (в 1905 году, например, при среднем урожае 12 центнеров табака с гектара доход владельца плантации в 5 гектаров превышал 2200 крон)⁵⁸⁾.

**
**

Площадь садов во второй половине XIX столетия в целом по Закарпатья, как мы указывали, сократилась на 1210 гектаров, или на 7,7%, что объяснялось не столько климатическими условиями (весенние заморозки) и распространением садовых вредителей, сколько социально-экономическими факторами — разорением масс крестьянства и упадком их хозяйств. В начале XX столетия по площади садов выделялся Ужгородский комитат (6347 гектаров), за ним следовали Бережский комитат (5019 гектаров), Угочский (1755 гектаров); сады в Марамарошском комитате занимали всего 1373 гектара, что составляло 0,15% всей производительной площади жупы⁵⁹⁾.

⁵⁶⁾ ГАЗО, ф. 262, 1906 г., д. 3148, лл. 1—63, и указ соч. В. И. Илько, стр. 29.

⁵⁷⁾ Msé, XIII, 1906, стр. 173

⁵⁸⁾ Там же.

⁵⁹⁾ Восстановление и расширение садов в Закарпатье за счет новых насаждений в промысловых садах жилищных и крупных хозяйств началось в первые годы нашего века. Известное значение в этом имела деятельность экспозитур горных районов министерства земледелия Венгрии, которая создала несколько питомников фруктовых деревьев (в Великом Бычкове, Сваляве, в районе Ужгорода) площадью от 1 до 10 хольдов. Экспозитура поставляла садоводам черенки фруктовых деревьев по цене 10 филлеров за штуку. В течение 1896—1903 годов было продано 100 тысяч саженцев (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1903 г. д. 460, л. 13), в 1905 году — 14 тыс (там же, 1906 г., д. 720, л. 41), в 1911 году — 5 тыс (там же, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 81).

В составе закарпатских садов из семечковых культур преобладали яблоки, из косточковых — сливы и абрикосы.

В 1895 году из всей площади садов (17893 гектара) более 60% принадлежало хозяйствам с общей земельной площадью от 5 до 100 хольдов⁶⁰); здесь преобладали промысловые сады (более 7 тыс. гектаров). В некоторых крупных и латифундальных хозяйствах также отводились значительные площади под фруктовые деревья, как, например, в имении, принадлежавшем «Лесопромышленному акционерному обществу» (село Руська Поляна Марамарошского комитата), где сады занимали площадь в 367 хольдов⁶¹). Это свидетельствовало о концентрации торгового садоводства в руках средних и крупных садоводческих хозяйств. В одном из отчетов экспозитуры горных районов приводился такой расчет доходов от садоводства и зернового хозяйства: если с 1 хольда зерновых культур владелец земли может получить максимальный урожай в 8 метро-центнеров и реализовать его на рынке за 75—80 крон, то 1/2 хольда сада приносит доход не менее 140—150 крон⁶²). В 1903 году урожай фруктов (товарная часть урожая) оценивался экспозитурой в 1 млн. крон, значительная часть которого принадлежала крупным по производству, но небольшим по площади садово-промысловым хозяйствам, получавшим значительные доходы от переработки фруктов (изготовление «сливовицы») и продажи фруктов по сравнительно высоким ценам⁶³) не только на местном, но и на отдаленных рынках, в частности в польских землях и Галиции⁶⁴).

Виноградарство получило известное развитие в трех закарпатских комитатах — Бережском, Угочском и Ужгородском (в 1900 году в Бережском комитате было сосредоточено около 62% виноградных насаждений, в Угочском — свыше 21%, в Ужгородском — 15%; на Марамарошский комитат приходилось только 0,1% площади виноградников). В Закарпатье производились преимущественно такие сорта винограда, как «Шасля», «Мускат», «Отелло».

⁶⁰) Mos, 1895, IV, 1900, стр. 47—64

⁶¹) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 80, лл. 10—17

⁶²) Там же, 1903 г., д. 460, л. 14.

⁶³) Цены на яблоки и груши лучшего качества на будапештском рынке (1897 год) удерживались на уровне 20—30 гульденов за центнер; на другие фрукты — 8—10 гульденов (АВГР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 194). На местном рынке цены на сливы колебались в пределах 2—3 крон за центнер (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1903 г., д. 460, л. 13).

⁶⁴) Га. «Ungvár», № 7 за 1863 год и № 12 за 1885 год.

Об изменении площади виноградных насаждений в Закарпатье во второй половине XIX столетия можно судить по данным следующей таблицы⁶⁵).

Таблица 16

Название комитата	Г о д ы							
	1870	1885	1886	1895	1896	1900	1901	1905
	площадь виноградников (в гектарах)							
Бережский	2060	2303	2235	802	913	1727	1831	792
Марамарошский				1	1	3	3	—
Ужгородский	830	1169	1283	358	424	420	392	446
Угочский	695	1076	837	779	772	647	675	326
Итого . . .	3585	4548	4355	1940	2111	2797	2931	1564

Как видно из приведенной таблицы, начиная с 1885 года площадь виноградников в Закарпатье постепенно сокращается, снизившись через 10 лет более чем в два раза (по Бережскому комитату — в 2,8 раза, а по Ужгородскому — более чем в 3 раза). С 1895 по 1901 год площадь виноградников увеличилась на 51%, но уже в последующие годы наблюдается новое сокращение виноградников, которые в 1905 году составляли только 34,4% площади их в 1885 году.

Основными причинами, обусловившими сокращение площади виноградников, являлись: низкая культура виноградарства, распространение заболеваний виноградных насаждений, высокие таможенные пошлины на вино и конкуренция более дешевых венгерских вин.

Некоторое расширение площади виноградников в конце XIX столетия по сравнению с 80-ми годами шло главным образом за счет посадок виноградной лозы на старых заброшенных участках. Новые насаждения были совершенно незначительными. Так, в Угочском комитате новые насаждения составляли в 1896 году только 9 гектаров (1,1% площади виноградников в комитате), в то время как в венгерских областях правого берега Дуная новые насаждения составляли 12,6% всей площади виноградников⁶⁶).

Виноградные насаждения Закарпатья по степени урожайности распределялись следующим образом⁶⁷).

⁶⁵) Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 96, 98—99, Msé, Pest, 1872, стр. 44—45; Msé, Bdp., 1874, стр. 158—159, Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 68—69; Mos, 1895—1896, Bdp., 1897, стр. 30, Kjsé, Bdp., 1901, стр. 437—438; Msé, IX, Bdp., 1902, стр. 93—94; Msé, XIII, 1905, Bdp., 1906, стр. 89—90.

⁶⁶) Mos, 1895—1896, Bdp., 1897, стр. 32.

⁶⁷) Mos, 1895—1896, Bdp., 1897, стр. 35, Kjsé, Bdp., 1901, стр. 437, 438.

Таблица 17

Годы	Площадь виноградн. дающих полный урожай	Площадь виноградн. дающих неполный урожай	Новые и старые насажд. не дающие урожая	Площадь виноградников, зараженных филлоксерой
	в процентах	ко всей	площади	виноградников
1896	15,1	15,0	20,8	49,1
1900	15,5	20,0	42,3	22,2

Таким образом, в конце XIX столетия площадь виноградных насаждений в Закарпатье, дающих полный урожай, составляла только 15%, в то время как в венгерских комитатах правого берега Дуная площадь полноценных виноградников достигала 30%, а в Венгрии в целом (без Хорватии и Славонии) в 1901 году вся площадь виноградных насаждений занимала 227047 гектаров, из них площадь с полноценным урожаем составляла 110362 гектара, т. е. 48,6% всей площади виноградников⁶⁸).

В закарпатских жупах площадь виноградников с пониженной урожайностью занимала в конце XIX столетия от 15 до 20% (в венгерских комитатах — 12,5%), старые и новые насаждения, не дающие урожая, от 33 до 60% (в венгерских комитатах правого берега Дуная — 24,5%). Значительная часть виноградников Закарпатье была охвачена эпидемией филлоксеры, являвшейся результатом истощения почвы и потери ею минеральных солей. В 1896 году в Закарпатье было заражено филлоксерой 49,1% виноградников, в 1900 году — 22,2%. Виноградарство Венгрии также страдало от распространения заболеваний виноградной лозы⁶⁹). По данным, приводимым в отчете министерства земледелия за 1897 год, в Венгрии возделыванием винограда занимались 5770 сельских общин; на территории 2774 общин (48%) виноградники были поражены филлоксерой. Только в течение 1890—1896 годов филлоксера распространилась на виноградники 1100 общин.

⁶⁸) Mos, 1895—1896, Vdp 1897, стр. 35

⁶⁹) В конце 70-х годов XIX столетия, как указывал А. Хевеши, филлоксера погубила большую часть виноградников Венгрии. Это нанесло тяжелый удар по 1,5 млн. крестьянских хозяйств, которые уже не могли стать на ноги. Крестьяне вынуждены были закладывать свои земельные участки. Государство предоставило заем крестьянам, виноградники которых пострадали от филлоксеры, но они «не вынесли тяжелых обязательств по займу» (См. Акузиус Хевеши, Венгерское крестьянство и его борьба, Госполитиздат, 1927, стр. 27, 28).

Пораженная филлоксерой площадь виноградников в 1897 году достигала 391314 хольдов, что составляло 56,6% всех виноградных насаждений⁷⁰). В 1900 году виноград разводился в 115 населенных пунктах Закарпатья, в 48 из которых насаждения были поражены филлоксерой⁷¹); в 1894—1895 годах только в Угочском комитате было обнаружено 10 новых очагов филлоксеры.

Борьба с вредителями виноградников велась бессистемно. В 1900 году химической обработке против филлоксеры было подвергнуто только 38 гектаров виноградников из 622 гектаров зараженной площади, а в 1901 году из 621 гектара было обработано 49, т. е. около 8% зараженной площади виноградников⁷²). Далекое успешнее велась борьба с виноградными вредителями в венгерских комитатах: в Венгрии в 1901 году было обработано химикалиями 16215 гектаров зараженных филлоксерой насаждений, т. е. 45,7%⁷³).

Помимо филлоксеры, большой ущерб виноградникам нанесли грибковые болезни виноградной лозы (в 1900 году пострадало 679 гектаров, или 24,3% всей площади виноградников, а в 1901 году — 26,5%). Площадь виноградников, обработанная против грибковой болезни, в 1900 году охватывала 1657 гектаров (59,2% всех насаждений), а в 1901 году — 1633 гектара (56,3%), в то время как в Венгрии было обработано более 80% всей площади виноградников⁷⁴). От заболеваний виноградной лозы (филлоксера, акариноз и др.) и от стихийных бедствий в 1900 году в Закарпатье пострадало в большей или меньшей мере 90% всех виноградных насаждений⁷⁵).

Виноградарство в Закарпатье, как и табаководство, отличалось сравнительно высокой степенью концентрации производства в «мелких» по площади хозяйствах, но крупных по производству. Низшим группам хозяйств, в которых размер виноградных насаждений не превышал 0,01—0,02 хольда,

---

⁷⁰) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 188—189; Kjsé, 1901, стр. 437, 438; Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 93—94

⁷¹) Kjsé, Vdp., 1901, стр. 436; Msé, III, 1895, Vdp., 1896, стр. 119.

⁷²) Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 93—94; Kjsé, Vdp., 1901, стр. 437, 438. Помимо химических средств борьбы с вредителями виноградников, в конце XIX столетия была произведена замена части пораженных виноградных насаждений устойчивыми против филлоксеры американскими лозами («*Riparia portalis*», «*Vitis Solonis*», «*Rupestris monticola*», «*Rupestris metallica*» и др.). В 1903 году экспозитурой было продано крестьянам закарпатских жуп 3300 штук, а в 1912 году пяти виноградарям села Дравцы 1000 штук американской лозы (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1906, д. 720, л. 41; там же, оп. III, 1912, д. 12, л. 82; там же, ф. 261, 1899—1900 гг., д. 468, лл. 1—2).

⁷³) Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 93—94, Kjsé, Vdp., 1901, стр. 437, 438

⁷⁴) Там же.

⁷⁵) Там же.

принадлежало около 1/4 площади виноградников; остальная площадь находилась преимущественно в руках капиталистических хозяйств (52% площади виноградников принадлежало хозяйствам с общим количеством земли от 5 до 50 хольдов и 22% с общим количеством земли свыше 50 хольдов)⁷⁶⁾, извлекавших значительные доходы от продажи своей продукции.

О размерах продукции виноградарства и доходах промыслово-виноградских хозяйств, на долю которых приходилось не менее 80% общей суммы дохода, можно судить по таким данным⁷⁷⁾. Общая продукция виноградарских хозяйств в денежном выражении в 1894 году составляла 132298, в 1895 году — 201323, в 1901 году — 518032 форинта, т. е. увеличилась за эти годы в 3,9 раза; соответственно возрос и доход с 1 гектара площади виноградников (с 60 форинтов в 1894 году до 178 форинтов в 1901 году, т. е. почти в 3 раза). Возросло также производство виноградного сока (в 1894 году было получено виноградного сока 4232 гектолитра, в 1895 году — 7607, в 1900 году — 14107 и в 1901 году — 25380 гектолитров, т. е. производство виноградного сока за эти 7 лет возросло в 6 раз) и вина (в 1894 году было получено всего 3808 гектолитров вина, в 1895 году — 6847, в 1900 году — 12696 и в 1901 году — 22840 гектолитров)⁷⁸⁾; выход вина с 1 гектара виноградных насаждений составлял в 1894 году 1,4, а в 1901 году — 7,87 гектолитра; также увеличилась продажа столового винограда (в 1894 году — 111 центнеров, в 1895 году — 623, в 1900 году — 2925 и в 1901 году — 10231 центнер).

Несмотря на некоторое повышение культуры виноградарства в Закарпатье в начале XX столетия (улучшение обработки виноградников, распространение высокопродуктивной виноградной лозы, усиление борьбы с болезнями и вредителями виноградной лозы), все же себестоимость продукции виноградарства в Закарпатье была выше, чем в Венгрии; продажные цены на виноградарскую продукцию удерживались в Закарпатье на более высоком уровне. Об этом свидетельствуют следующие данные за 1895 год⁷⁹⁾.

⁷⁶⁾ Mos, 1895, IV, 1900, стр. 47—64.

⁷⁷⁾ Msé, III, 1885, Vdp., 1886, стр. 66—69; Mos, 1895—1896, Vdp., 1897, стр. 39, 40; Msé, III, 1895, Vdp., 1896, стр. 124—125; Kjsé, Vdp., 1901, стр. 437; Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 95.

⁷⁸⁾ В Закарпатье вырабатывались только простые вина (в 1895 году простое белое и красное вино составляло 96,7% всех выработанных вин, десертные — 0,1% и вино марки «Шиллер» — 3,2%) (Msé, III, 1895, Vdp., 1896, стр. 66—69; Mos, 1895—1896, Vdp., 1897, стр. 39—40).

⁷⁹⁾ Mos, 1895—1896, Vdp., 1897, стр. 39, 40.

Таблица 18

Виды продукции виноградарства	Продажная цена (в форинтах)	
	закарпатские комитаты	венгерские комита- ты правого берега Дуная
Виноградный сок (1 гл)	20	14
Столовый виноград (1 гл)	0,28	0,23
Простое вино (1 гл)	30	15,5
Десертное вино (1 гл)	32	28,7

Все выгоды от высоких цен на продукты виноградарства получали специализированные хозяйства, принадлежавшие капиталистическим предпринимателям.

**
*

Венгерская сельскохозяйственная статистика не дает группировки хозяйств по капиталовложениям, поэтому для выявления степени концентрации капитала в сельском хозяйстве нами использованы другие данные, а именно: данные о размерах валовой и товарной продукции по отдельным группам хозяйств. Анализ этих данных показывает, что в связи с расширением посевных площадей и некоторого повышения агротехнического уровня растениеводства в зажиточных и крупных хозяйствах в конце XIX столетия наблюдается возрастание производства массы сельскохозяйственной продукции. Правда, несопоставимость статистических данных о валовом сборе урожая за отдельные годы (вплоть до 1894 года сбор урожая всех культур, за исключением картофеля, измерялся гектолитрами, картофель — измерялся «мажами», соответствующими центнеру, а с 1895 года — центнерами) затрудняет точное определение размеров увеличения валового сбора урожая. Основываясь на сравнении сопоставимых данных⁸⁰), можно установить, что в 1869 году валовой сбор урожая шести важнейших сельскохозяйственных культур (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза, картофель) составлял 2800 тыс. гектолитров, а в 1894 году — 4800 тыс. гектолитров, т. е.

⁸⁰) Данные о валовом сборе урожая основаны на следующих статистических источниках: His, IV, I, Pest, 1871, стр. 30—37, 88—89, 148—167; His, V, I, Pest, 1872, стр. 78—99, 148—149, 264—265; Msé, III, 1895, Vdp., 1896, стр. 22—33, 38—41, 110—113; Mos, 1895—1896, II, Vdp., 1897, стр. 6—11, 22—25; Kjsé, Vdp., 1901, стр. 428—429, Msé, VIII, 1900, Vdp., 1901, стр. 88—89; Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 86; Msé, XIII, 1905, Vdp., 1906, стр. 96—97.

увеличился за 25 лет на 71%; в 1895 году сбор урожая этих культур достигал 3700 тыс. центнеров, а в 1900 году—4300 тыс. центнеров, возрастание за эти 5 лет составило 16%. Можно примерно определить, что увеличение валового сбора урожая в течение второй половины XIX столетия по закарпатским комитатам составило 70—80%⁸¹). Это увеличение шло главным образом за счет возрастания производства картофеля, пшеницы и овса; производство других культур возросло за этот период незначительно (кукурузы, например, на 5%) или же сократилось (сбор ржи уменьшился на 50%, ячменя—на 20%)*. Подавляющая часть валовой продукции земледелия принадлежала высшим группам хозяйств—свыше 3/4 производства пшеницы и ячменя и более 1/2 производства кукурузы и картофеля.

Доля товарной продукции земледелия, по нашим подсчетам, основанным на сопоставлении количества пахотных земель, скота, размеров доходов и урожайности по социальным группам хозяйств, к концу XIX столетия составляла: крупные хозяйства 70—80%, зажиточные—60—70%, средние—40—50%, мелкокрестьянские—10—15%; пролетарские хозяйства товарной продукции не производили.

Несмотря на некоторые сдвиги в области интенсификации сельского хозяйства и повышение его агротехнического уровня, в целом сельское хозяйство Закарпатья продолжало оставаться малопродуктивным и отсталым по сравнению с уровнем состояния сельского хозяйства Венгрии в целом, о чем можно судить по таким данным, показывающим соотношение доходов от земледелия в закарпатских комитатах и в Венгрии в целом (70-е годы XIX столетия) (см. табл. 19)⁸²).

По всем показателям, характеризующим доходность сельского хозяйства, закарпатские комитаты значительно отставали от венгерских областей. Доход с одного хольда пахотной земли в Закарпатье был ниже на 42%, с хольда естественных лугов—на 20%, с хольда всей сельскохозяйственной площади—на 35%, доход от земледелия и скотоводства на душу населения—на 36%, а чистый доход от сельского хозяйства в расчете на одно хозяйство в Венгрии был выше почти в два раза. Доля доходов от земледелия в общей сумме доходов от сельского хозяйства по закарпатским комитатам составляла 55—59%, а по Венгрии в целом—73,7%, доля дохо-

⁸¹) А Хевеши приводит следующие данные о движении валовой сельскохозяйственной продукции в Венгрии во второй половине XIX столетия (за 00 взяты средние данные за 1911—1915 годы); 1876—1880 гг.—50; 1881—1885 гг., —65; 1886—1890 гг., —69; 1891—1895 гг. —81, 1896—1900 гг. —80, (Указ. соч. А. Хевеши, стр. 143)

⁸²) D·b, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 382—383, 384—385.

Показатели	Закарпатские комитаты	Венгрия
Доход с 1 гольда пахотной земли (в форинтах)	18	21
Доход с 1 гольда естественных лугов (в форинтах)	20	25
Доход с 1 гольда всей сельскохозяйственной площади (в форинтах)	15	23
Доход от земледелия и скотоводства на душу населения (в форинтах)	45	68
Чистый доход от сельского хозяйства на одно хоз-во (в форинтах)	21	41

дов от животноводства в закарпатских комитатах была выше, чем в Венгрии (в Закарпатье 41—45%, в Венгрии — 26,3%).

Особенно отсталыми и малопродуктивными были хозяйства низших групп крестьянства, о чем наглядно свидетельствовали приведенные нами данные о размерах их доходов. Даже в урожайные годы масса крестьянства не могла реализовать свою продукцию со значительной выгодой как вследствие высокой себестоимости ее, низкого качества, так и необходимости продавать продукты сразу же после сбора урожая, когда цены на рынке находились на самом низком уровне. Неурожай же, сокращая размер продукции мелких производителей и соответственно абсолютно уменьшая их выручку, вела неизбежно к упадку и разорению крестьянских хозяйств, хотя цены на продукты в неурожайные годы и повышались.

Известно, что право частной земельной собственности сокращает производительное использование капитала, особенно в мелких хозяйствах, где доля капитала, отвлекаемого от производительного применения, значительно выше, чем в крупных (в мелких хозяйствах Закарпатья земля составляла более 1/2 всех вложений, а в крупных — до 1/4). Это обстоятельство, а также другие факторы, определяющие экономические и агротехнические преимущества крупного производства над мелким, обуславливали более низкую себестоимость сельскохозяйственной продукции, производимой в крупных хозяйствах. Эта разница в себестоимости продукции в крупных и мелких хозяйствах, достигавшая отношения 1:2 в пользу первых, давала возможность крупным интенсивным капиталистическим хозяйствам извлекать из продажи своей продукции значительные прибыли даже в период кризисов. «Сила крупного хозяйства в земледелии, — указывал И. В. Сталин, — является ли оно помещичьим, кулацким или коллективным хозяйством,

состоит в том, что оно, это крупное хозяйство, имеет возможность применять машины, использовать данные науки, применять удобрения, подымать производительность труда и давать, таким образом, наибольшее количество товарного хлеба. И наоборот, слабость мелкого крестьянского хозяйства состоит в том, что оно лишено, или почти лишено, этих возможностей, ввиду чего и является оно хозяйством полупотребительским, малотоварным»⁸³).

Во второй половине XIX столетия цены на некоторые продукты земледелия⁸⁴) на закарпатских рынках (Мукачево, Берегово, Ужгород, Хуст, Марамарош-Сигет) стояли на относительно более высоком уровне, чем на рынках Дебрецена, а в отдельные годы даже превышали цены хлебной биржи Будапешта*. Так, например, в 1870 году средняя цена центнера пшеницы на дебrecенском рынке составляла 1400 филлеров, а на рынке Марамарош-Сигета — 1600 филлеров, соответственно в 1871 году — 1600 и 2000 филлеров; в 1872 году — 1800 и 2300 филлеров. Средняя цена на пшеницу за пять лет (1870—1874 годы) на рынках Бережской и Марамарошской жуп достигала 1900—2000 филлеров, а на рынке Дебрецена не превышала 1500—1600 филлеров. В 1900 году средняя цена центнера пшеницы на будапештском рынке составляла 1400—1500 филлеров, а на марамарош-сигетском рынке — 1900—2000 филлеров**. Цены на рожь на закарпатских рынках также были несколько выше, чем на других рынках Венгрии***.

Относительно более высокие цены на пшеницу на закарпатских рынках являлись не только результатом общей отсталости сельского хозяйства, низкого его агротехнического уровня и отсутствия удобных путей сообщения⁸⁵), что вело к увеличению затрат на единицу производимого продукта, но и монополией владельцев крупных хозяйств на местных рынках, которые поддерживали цены на высоком уровне. Мелкие и средние хозяйства от более высоких цен на пшеницу на местных рынках ничего не выигрывали, так как главными поставщиками ее являлись крупные помещичье-капиталистические и кулацкие хозяйства, сосредоточившие в своих руках до

⁸³) И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 84

⁸⁴) Цены на продукты земледелия приводятся на основе данных следующих источников: Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 322—323, 344—346, 358—360; Msé, IX, Vdp., 1902, стр. 77; Msé, III, 1885, Vdp., 1886, стр. 90—93; Deb, 1894, Debreczen, 1895, стр. 18; Msé, VIII, 1900, Vdp., 1901, стр. 180.

⁸⁵) Венгерский чиновник Э. Эган в своем докладе министру земледелия указывал, в частности, на отсутствие удобных путей сообщения и ужасные условия транспортировки грузов в закарпатских комитатах, что приводило к повышению цен на продукты сельского хозяйства на 15—20% по сравнению с ценами в Будапеште (См. указ. соч. П. Перени, стр. 137).

75% производства пшеницы. Кроме того, как указывал В. И. Ленин, нельзя считать цену продукта при продаже одинаковой во всех разрядах хозяйств⁸⁶⁾, так как вследствие более низкого качества производимой в крестьянских хозяйствах пшеницы, весовое, а значит и ценностное выражение одной и той же объемной единицы пшеницы в крупных капиталистических хозяйствах было на 20—30% выше, чем в мелкокрестьянских хозяйствах.

Цены на другие продукты земледелия в течение второй половины XIX столетия, вследствие покровительственной политики, проводимой правительством в интересах крупных аграриев, или удерживались на одном уровне (картофель, стручковые), или повысились на 20—30% (ячмень, кукуруза, овес)*.

Однако от повышения цен на некоторые зерновые культуры также вытравывали только крупные и зажиточные хозяйства, которые могли выждать с продажей хлеба и использовать резкие сезонные колебания цен для более выгодной реализации его, в то время как нужда заставляла массы крестьянства выбрасывать хлеб на рынок для продажи в невыгодное время, чаще всего ранней осенью, по низким ценам. О сезонных колебаниях цен и о тех выгодах, которые получали крупные хозяева, приурочив продажу хлеба к подъему цен, свидетельствуют следующие данные: в 1891 году осенние цены на пшеницу не превышали 1600 филлеров за центнер, а в ноябре поднялись до 2228 филлеров; в 1895 году соответственно с 1300 до 1600 филлеров. Самые низкие цены на рожь в 1895 году стояли в августе (1070 филлеров за центнер) и самые высокие в ноябре (1264 филлера); в 1898 году в августе средняя цена за центнер ржи составляла 1408 филлеров, а в марте 1899 года — 2016 филлеров. Разрыв между осенними и зимними ценами на ячмень достигал 10%, на кукурузу и овес — 20%, на фасоль — 30%⁸⁷⁾.

В проведении политики аграрного протекционизма и повышении цен на продукты сельского хозяйства были заинтересованы прежде всего помещичьи и капиталистические хозяйства, являвшиеся главными производителями товарного хлеба, а также банки, заинтересованные в поддержании кредитоспособности крупных землевладельцев, пользующихся ипотечным кредитом. В то же время повышение цен на зерно не облегчало, а усугубляло тяжесть положения бедного крестьянина, так как он вынужден был покупать хлеб до нового урожая. Э. Эган в этой связи писал: «До половины зимы каждый

⁸⁶⁾ См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 156.

⁸⁷⁾ Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 90—93, Deb, 1894, Debreczen 1895, стр. 18, Msé, IX, Bdp, 1902, стр. 77.

хозяин съедает свои запасы продуктов и до жатвы живет за счет продуктов, купленных по дорогой цене»⁸⁸). Это же относилось и к сельскохозяйственным рабочим, для которых высокие цены на сельскохозяйственные продукты были особенно разорительными, так как они покупали продукты питания. «...Увеличение доходности земли и увеличение цен на земельные продукты неуклонно и неминуемо увеличивает глубину классовой пропасти между сельским буржуа и сельским пролетарием...», — указывал В. И. Ленин⁸⁹).

Резкое падение цен на сельскохозяйственные продукты в годы аграрных кризисов тяжело отражалось, прежде всего, на положении бедных крестьян, которые вынуждены были продавать свои продукты, не ожидая благоприятной рыночной конъюнктуры, а немедленно по сборе урожая, часто еще на корню, чтобы уплатить налог государству, долг ростовщику, арендную плату помещику.

Все приведенные нами данные, особенно экономический анализ распределения посевных площадей важнейших сельскохозяйственных культур и их товарной продукции по классовым группам хозяйств, показывают, что масса сельскохозяйственной товарной продукции концентрировалась в высших группах хозяйств, что подавляющая часть закарпатского крестьянства являлась парцеллярным крестьянством — разновидностью сельскохозяйственных рабочих с землей, хозяйства которых играли ничтожную роль в производстве товарной продукции, в общей сумме сельскохозяйственного производства, ибо парцеллярному земледелию свойственен технически отсталый опособ производства, полунатуральное хозяйство и поликультура, в противоположность капиталистической специализации и интенсификации производства.

К. Маркс, характеризуя сущность парцеллярного хозяйства, указывал, что так как «сельское хозяйство ведется здесь, главным образом, из-за непосредственных средств существования и так как земля представляет для большинства населения необходимое поле приложения его труда и капитала, то регулирующая рыночная цена продукта лишь при исключительных обстоятельствах достигнет размеров его стоимости; стоимость же эта, вследствие преобладания элемента живого труда, будет, как правило, выше цены производства, хотя этот избыток стоимости над ценой производства ограничивается в свою очередь тем, что в странах преобладающего парцеллярного хозяйства и неземледельческий капитал имеет низкий состав. Пределом эксплуатации для парцеллярного

⁸⁸) Е. Еган, Економічне положення руських селян в Угорщині, Прага, 1922, стр. 48.

⁸⁹) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 157.

крестьянина не является ни средняя прибыль на капитал, с одной стороны, поскольку сам он является мелким капиталистом, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку он сам является земельным собственником. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, по вычете собственно издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, часто до тех пор, пока она покрывает физический минимум заработной платы»⁹⁰).

Таким образом, вследствие агротехнической отсталости и полунатурального характера парцеллярного хозяйства, индивидуальная стоимость продукта здесь обычно выше рыночной цены. Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина является уплачиваемая самому себе заработная плата, спадающая часто до физического минимума. Этим объяснялась экономическая возможность такой низкой производительности труда в парцеллярном хозяйстве, при которой капиталистическое хозяйство существовать не могло.

Парцеллярная собственность задерживала технический прогресс в сельском хозяйстве, процесс его интенсификации и концентрации капитала и производства, препятствовала открытому отделению производителя от средств производства, задерживала рост внутреннего капиталистического рынка: производительных сил вообще. Парцеллярная собственность по своей природе «исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки»⁹¹).

Торговое животноводство

Животноводство, как и земледелие, в Закарпатье представляло собой отсталую и малопродуктивную отрасль сельского хозяйства. Во второй половине XIX столетия, вследствие разорения масс крестьянства, наблюдается сокращение общего числа домашних животных за счет резкого уменьшения поголовья овец, коз, буйволов, ослов и мулов. Поголовье других видов домашних животных за это время хотя и возросло, но увеличение его было незначительным. Первое место по количеству домашних животных занимал Марамарошский комитат, в котором в конце XIX столетия было сосредоточено свыше 45% всего поголовья скота (в 1870 году —

---

⁹⁰) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. II, стр. 368—369

⁹¹) Там же, стр. 370.

332794 головы [42,0%], в 1899 году — 328358 голов [45,1%]; в Бережском комитате в 1899 году находилось 27,1% всех животных, в Ужгородском — 16,6% и в Угочском — 11,2%).

Табл. 20, составленная на основе официальных статистических данных, позволяет судить об изменении структуры и движении поголовья домашних животных на протяжении 70--90-х годов XIX столетия⁹²).

Таблица 20

Период	Крупный рогатый скот	Лошади	Ослы и мулы	Мелкий рогатый скот	Свиньи
	в процентах к общему количеству домашних животных				
70-е годы XIX ст.	35,3	5,5	0,1	43,5	15,6
90-е годы XIX ст.	41,2	6,5	0,0	31,8	20,5

В течение указанного периода изменения в структуре стада домашних животных выразились в увеличении удельного веса крупного рогатого скота (на 5,9%), свиней (на 4,9%) и лошадей (на 1%) при одновременном сокращении доли мелкого рогатого скота (на 11,7%) и ослов и мулов (на 0,1%). Если в 70-х годах первое место среди домашних животных по количеству занимал мелкий рогатый скот, то в конце столетия наибольшее значение приобретает крупный рогатый скот, а овцы и козы занимают второе место.

За этот период общее количество домашних животных в Закарпатье сократилось более, чем на 60 тыс. голов, или на 7,9%. Поголовье овец уменьшилось на 29,5%, коз — на 54,7%, буйволов, ослов и мулов — более чем наполовину. Недостаток кормов в крестьянских хозяйствах, тяжелые условия аренды пастбищ и сенокосных угодий, находившихся в руках помещиков и спекулянтов, а также конкуренция более продуктивного венгерского скотоводства — вот основные причины упадка овцеводства и козоводства в Закарпатье.

Поголовье крупного рогатого скота во второй половине XIX столетия увеличилось только на 7,2% (прирост в Ужгородской, Марамарошской и Угочской жупах составлял 10—16%, а в Бережской жупе, вследствие разорения крестьянских хозяйств и распространения эпизоотии, поголовье крупного рогатого скота сократилось на 4 тыс. голов, т. е. на 4,5%). Поголовье лошадей за эти годы возросло на 9,5%. Из четы-

⁹²) Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр 128—130, Msé, Pest, 1872, стр 98—103; Msé, Pest., 1874, стр. 140—141, Msé, VIII, 1900, Bdp, 1901, стр 150—161, Mos, IV, Bdp, 1900, стр 113—143.

рех закарпатских комитатов рост стада лошадей отмечен только в Бережской и Ужгородской жупах; в Марамарошском комитате поголовье лошадей оставалось стабильным, а в Угочской жупе даже сократилось на 16,7%. Стадо свиней за этот период возросло более чем на 20%.

Таким образом, наряду с резким сокращением поголовья мелкого рогатого скота (более чем на 30%) в течение этого периода поголовье крупного рогатого скота и лошадей возросло только на 7,5%. Ежегодный прирост домашних животных в закарпатских комитатах во второй половине XIX столетия был чрезвычайно низким (крупный рогатый скот и лошади — 0,22%, свиньи—0,73%)*.

Сокращение поголовья сельскохозяйственных животных шло за счет уменьшения количества скота в крестьянских хозяйствах. В хозяйствах с общей площадью земли до 5 хольдов (51% всех хозяйств) количество сельскохозяйственных животных сократилось на 17 тыс. голов и составляло в 1870 году 21,2%, а в 1895 году — 20,9% всего поголовья домашних животных. На один двор этой категории хозяйств в 1895 году приходилось 2,6 головы всех сельскохозяйственных животных.

В хозяйствах с количеством земли от 5 до 20 хольдов поголовье сельскохозяйственных животных уменьшилось на 29 тысяч голов, что привело к снижению удельного веса поголовья животных в этих хозяйствах с 38,4 в 1870 году до 37,6% в 1895 году. На одно хозяйство этой категории приходилось 6,3 головы домашних животных.

В высших группах хозяйств, наоборот, во второй половине XIX столетия наблюдается значительное увеличение числа сельскохозяйственных животных: в хозяйствах с общей площадью земли от 20 до 100 хольдов — на 14%, в хозяйствах с владением свыше 100 хольдов — почти на 22%. Этим хозяйствам, составлявшим менее 11% всех хозяйств, принадлежало более 40% всего поголовья сельскохозяйственных животных; на одно хозяйство с общей площадью земли от 50 до 200 хольдов приходилось свыше 30 голов; с площадью от 200 до 1000 хольдов — около 200 голов и во владениях свыше 1000 хольдов — 455 голов. По данным 1912 года, количество сельскохозяйственных животных в высших группах хозяйств по сравнению с концом XIX в. возросло на 20%. На одно хозяйство с общей земельной площадью от 50 до 100 хольдов приходилось 33,6 головы сельскохозяйственных животных, соответственно с площадью 100—200 хольдов — 55,3 головы, с площадью 200—500 хольдов — 131,1 головы, с площадью 500—1000 хольдов — 331,3 головы и с площадью свыше 1000 хольдов — 468 голов.

Об удельном весе скотоводства и соотношении поголовья с другими показателями в закарпатских комитатах и в Венгрии в 70-е годы XIX ст. можно судить по сопоставлению следующих данных⁹³⁾.

Т а б л и ц а 21

Территория	Приходилось голов скота ⁹⁴⁾			
	на 1 кв. милю площади	на 1000 душ населения	на 1 хоз-во	на 1 хольд лугов и пастбищ
Закарпатские комитаты:				
Бережский	1868	759	4,63	0,810
Марамарошский	818	667	4,15	0,384
Угочский	2134	654	4,83	0,898
Венгрия	1827	658	4,97	—

Из приведенных данных видно, что хотя закарпатские комитаты имели больше скота на 1 кв. милю площади, но зато на 1 хозяйство здесь приходилось меньше скота, чем в венгерских областях. Несколько большее количество голов скота, приходившееся на 1000 душ населения, в Бережской и Марамарошской жупах являлось свидетельством экстенсивного характера скотоводства⁹⁵⁾. Лугами и пастбищами поголовье скота в Закарпатье было обеспечено, за исключением Марамароша, на 20—30% меньше, чем в венгерских областях.

В 1870 году стоимость всех домашних животных по трем закарпатским комитатам определялась суммой 15690058 форинтов; на 1 душу населения приходилось в среднем 33,4 форинта, а в Венгрии — почти 34 форинта⁹⁶⁾. Доля отдельных отраслей животноводства в товарной продукции в конце XIX столетия составляла: разведение крупного рогатого скота — 43, мелкого рогатого скота — 26, свиней — 22, домашней птицы и пчел — 9%.

Сопоставление группировки крупного рогатого скота по видам животных в закарпатских комитатах и в Венгрии⁹⁷⁾ может быть представлено в следующей таблице.

⁹³⁾ Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр 131—133

⁹⁴⁾ В переводе на крупный рогатый скот

⁹⁵⁾ См. В И Л е н и н, Соч., т 3, стр 223

⁹⁾ Deb, 1879, стр 171

⁹⁷⁾ Ded, 1879, стр 151, Msé, 1872, стр 100—101

Т а б л и ц а 22

	Быки	Короны	Волы	Молодняк	Буйволы
	в % ко всему поголовью крупного рогатого скота				
Закарпатье	0,4	34,7	26,9	37,8	0,2
Венгрия	0,6	39,5	24,6	34,9	0,4

В закарпатских областях, как видно из приведенных данных, в структуре стада крупного рогатого скота было меньше коров, чем в Венгрии, но зато больше молодняка, причем темпы увеличения поголовья коров в Закарпатье были ниже темпов роста всего стада крупного рогатого скота, что свидетельствовало об отставании молочного хозяйства. Относительно больший процент волов в Закарпатье не служил показателем мясного направления хозяйства, а отражал только более высокий удельный вес крупного рабочего скота, используемого в качестве тягловой силы. Обеспеченность маточного поголовья производителями в закарпатских комитатах была значительно ниже, чем в Венгрии в целом (в закарпатских областях 1 бык приходился на 103 коровы, в Марамарошском комитате даже на 128 коров, в то время как в Венгрии — на 70 коров⁹⁸). Племенной скот в стаде крупного рогатого скота в конце XIX столетия в Закарпатье составлял не более 5%⁹⁹).

Начиная с 1897 года в связи с проведением «верховинской акции» министерство земледелия Венгрии стало завозить в Закарпатье из Тироля и Швейцарии племенной крупный рогатый скот¹⁰⁰). В течение пяти лет, с 1897 по 1901 год, экспор-

⁹⁸) Deb, 1879, стр 154, Msé, 1872, стр 100—101

⁹⁹) Порода более продуктивного бурого карпатского скота молочно-мясного направления (средний живой вес быков 600—750 кг, коров — 428 кг, средний удой коров — 2900 кг молока жирностью 3,6—3,7%), полученная в результате скрещивания местного закарпатского скота («ришка» и «мокан») с горноинской, ливницкой и альгауской породами, получила распространение во второй половине XIX столетия в некоторых кулацких и помещичье-капиталистических хозяйствах. В самом конце XIX столетия небольшое число коров было завезено из Швейцарии и Тироля; этот скот также был приобретен главным образом зажиточными хозяйствами. В крестьянских хозяйствах по-прежнему преобладал скот местной породы низкого качества.

¹⁰⁰) В Венгрии для содействия развитию скотоводства министерством земледелия было назначено 14 специальных инспекторов, которые занимались завозом из заграницы племенного скота, созданием образцовых животноводческих ферм, организацией переработки молочной продукции, расширением кормовой базы и т. п. С 1894 по 1898 год, как указывалось в отчете министерства земледелия, в Венгрию было завезено из других стран 30 тыс. голов племенного скота (см. АВПР, ф Политархив, 1901 г., д 576, л 194). В Закарпатье эти функции с 1897 года выполняла экспедиция горных районов министерства земледелия в Мукачево.

зитурой было доставлено в закарпатские области 1500 телок, проданных преимущественно зажиточным и средним хозяйствам Бережской и Марамарошской жуп¹⁰¹), так как цены на племенной скот были высокими (средняя цена за одну голову — 70—75 форинтов), недоступными мелким крестьянам. Из 100 голов скота, проданного в 1897 году в Свалявском округе, 17 голов приобрели священники, чиновники и учителя, а остальные — зажиточные крестьяне¹⁰²). Рассрочка платежей за скот, предоставляемая правительством (рассрочка на 3—4 года из 6—12% годовых)¹⁰³), не меняла существа дела, так как бедняцкие хозяйства, приобретавшие племенной скот, через несколько лет лишались его, будучи не в состоянии покрыть задолженность. Даже выкупленный бедняцкими хозяйствами у государства племенной скот через несколько лет нередко переходил в руки ростовщиков за долги по ссудам. По этому поводу священник села Сусково (Бережская жупа) писал в экспозитуру следующее: помощью, оказываемую государством крестьянам, пользуются ростовщики и корчмари, «должниками которых являются крестьяне»¹⁰⁴).

Весь доставленный в закарпатские жупы племенной скот на протяжении 1897—1901 годов был продан экспозитурой за 110 тыс. форинтов; из этой суммы крестьянами было уплачено 78 тыс. форинтов (71%), а задолженность, ложившаяся главным образом на мелких крестьян, превышала 30 тыс. форинтов¹⁰⁵); даже в 1911 году задолженность крестьян за племенной скот достигала 20 тыс. форинтов¹⁰⁶).

Ограниченная помощь со стороны правительства, направленная к развитию животноводства в Закарпатье, а также созданная государственная животноводческая ферма в селе

¹⁰¹) В 1897 году все 100 голов завезенного в Закарпатье племенного скота были проданы в Свалявском округе Бережской жупы, в 1898 году — 500 голов — в Свалявском, Иршавском и Латоричанском округах Бережской жупы, в 1899 году — 388 голов — в Бережской, Марамарошской и отчасти в Ужгородской жупах, в 1900 году — 275 голов — в Бережской и Марамарошской жупах и в 1903 году — 260 голов, проданных только в Бережской жупе (ГАЗО, ф 772, оп I, 1903 г., д 460, лл 14—18).

¹⁰²) ГАЗО, ф. 772, оп I, 1897 г., д. 14, лл 1—5

¹⁰³) В 1897 году 100 племенных телок было продано населению Свалявского округа по цене 46—88 форинтов в рассрочку на 3 года из 12% годовых, в 1900 году за одну голову племенного скота правительство взимало в среднем с процентами 90 форинтов, причем проданный скот до полного погашения покупателем задолженности считался собственностью государства (ГАЗО, ф 772, оп I, 1897 г., д 14, лл 1—5; там же, 1903 г., д 460, лл 14—18)

¹⁰⁴) ГАЗО, ф 772, оп. I, 1898 г., д 24, л. 4

¹⁰⁵) Там же, оп I, 1906 г., д. 720, л 45

¹⁰⁶) Там же, оп III, 1912 г., д 12, л. 79.

Н.-Верецки¹⁰⁷) не способствовали улучшению крестьянского скотоводства и оказали совершенно незначительное влияние на качественный состав всего поголовья крупного рогатого скота, который в массе своей (за исключением стада в специализированных и помещичье-капиталистических хозяйствах) относился к аборигенной малопродуктивной породе.

О качественных показателях животноводства, продуктивности крупного рогатого скота в Закарпатье можно судить по таким данным: среднегодовой удой на одну корову в закарпатских жупах во второй половине XIX столетия составлял 700—800 литров¹⁰⁸); одна корова давала молока в среднем в год на 36 форинтов, а в Венгрии (с Семиградьем) — на 45 форинтов 85 крейцеров¹⁰⁹); другими словами, продуктивность

---

¹⁰⁷) Помимо доставки племенных телок, экспозитура предоставляла суды крестьянским обществам на приобретение племенных быков. В 1905 году 75 сел Бережской, Марамарошской и Ужгородской жуп получили 6,5 тыс. форинтов ссуды и закупили около 100 быков (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1906 г., д. 720, л. 45; там же, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 79). Венский журнал «Славянский век», перевознось «заботу» австро-венгерских властей «об улучшении быта русинов», в частности, писал для поднятия скотоводства на Верховине правительство «роздало множество телят лучшей породы» («Славянский век», № 82, 1904, Вена, стр. 311). Помимо преувеличения размеров правительственной помощи, этот журнал преднамеренно скрывал тот факт, что племенной скот не был «роздан», а продан по высоким ценам и что подавляющая часть его попала в руки деревенских кулаков и униатских священников

В 1903 году министерство земледелия организовало животноводческую ферму в селе Н.-Верецки, которая имела 25 плеченных коров и 40 голов свиноматок. О «показательном» характере этого хозяйства, на содержание которого было затрачено свыше 50 тыс. крон, свидетельствуют такие факты: средний годовой удой на одну корову составлял 859 литров молока, а из 158 поросят погибло свыше 120 штук, т. е. более 77% (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1903 гг., д. 339, лл. 1—60, там же, 1906 г., д. 720, лл. 30—35).

¹⁰⁸) Deb, 1879, стр. 172—173. Данные венгерской статистики о продуктивности домашнего скота весьма приближены и далеко не отражают действительного состояния животноводства, так как качественные показатели, принятые за исходные, распространялись на все области Венгрии и на все социальные категории хозяйств без учета их особенностей, уровня развития скотоводства и качественного состава поголовья скота. Так, в указанном нами выше статистическом сборнике Дебреценской торгово-промышленной палаты (в состав которой входили и три закарпатские жупы) за 1879 год средний удой молока на одну корову в день определялся в 4 итче (итче (хальб) — 0,848 литра), а в год (период лактации 300 дней) — 1200 итче, или 15 ако (ако — 64 итче, или 54,3 литра). Исходя из средней цены молока для всех комитатов (2,4 форинта за ако), определялась стоимость молочной продукции. Удойность коров в низших группах крестьянских хозяйств и доход на одну корову был наполовину ниже, чем в зажиточных и крупных хозяйствах, так как в батрацко-бедняцких хозяйствах, не говоря о низком качественном составе поголовья и недостатке кормов, подавляющая часть коров использовалась в качестве тягловой силы. Все эти факторы буржуазная венгерская статистика преднамеренно игнорировала.

¹⁰⁹) Deb, 1879, стр. 172—173

молочного скота в Венгрии была выше, чем в закарпатских комитатах на 20%.

Средний убойный вес головы крупного рогатого скота в Закарпатье не превышал 1,9 центнера стоимостью в 84,2 форинта; выход мяса и сала по отношению к предубойному весу составлял 40—45%. В Венгрии средний вес мяса и сала с одной головы забитого крупного рогатого скота достигал 2,1 центнера стоимостью в 37,2 форинта. Если прибавить к этому стоимость шкур, то доход с одной головы забитого крупного рогатого скота в Закарпатье составлял 38,9 форинта, а в Венгрии — 43,1 форинта¹¹⁰⁾. Таким образом, даже по сравнению со средними данными по Венгрии в целом закарпатские комитаты значительно отставали и по выходу мясной продукции крупного рогатого скота.

Из общей суммы стоимости продукции животноводства (8645368 форинтов по трем комитатам в 1870 году) на долю молочных продуктов приходился наибольший процент — 31,45% (на убойный крупный рогатый скот — 32,9%), в то время как в Венгрии удельный вес молочных продуктов составлял 26,12% (стоимость убойного крупного рогатого скота — 23,8%)¹¹¹⁾. Тот факт, что в общей сумме стоимости продукции животноводства в закарпатских комитатах наибольшая часть падала на молочные продукты, свидетельствовал не о молочном направлении скотоводства, так как товарное производство молока было совершенно незначительным, а о потребительском характере крестьянского скотоводства, рассчитанного, прежде всего, на удовлетворение потребностей крестьянской семьи в молочных продуктах.

Лошадей улучшенной породы в закарпатских комитатах было только 10%. Жеребцы-производители в общем стаде лошадей составляли в 1870 году 1% (в Венгрии — 3,3%); на одного жеребца-производителя приходилось 39 кобыл (в Венгрии — 12)¹¹²⁾. Об удельном весе и качественном составе поголовья лошадей свидетельствуют и следующие данные. В закарпатских жупах приходилось голов лошадей: на 1 хозяйство — 0,48 (в Венгрии — 1,2); на 1 кв. милю площади — 127 (в Венгрии — 391); на 1000 душ населения — 75,4 (в Венгрии — 140)¹¹³⁾.

Доля конского поголовья в общей стоимости всего скота в Венгрии была почти в 2 раза выше, чем в за-

---

¹¹⁰⁾ Deb, 1879, стр. 172—173

¹¹¹⁾ Там же, стр. 117.

¹¹²⁾ Deb, 1879, стр. 128. Msé, 1872, стр. 98—99. Msé, 1874, стр. 140—141.

¹¹³⁾ Deb, 1879, стр. 131—132

карпатских областях [в Закарпатье — 17%, в Венгрии (с Семиградьем) — 31,9%]¹¹⁴⁾.

Движение поголовья овец в закарпатских комитетах характеризуют следующие данные¹¹⁵⁾.

Т а б л и ц а 23

Комитаты	Количество голов		
	1870 год	1895 год	1912 год
Бережский	64824	38858	56234
Марамарошский	147456	141062	158771
Ужгородский	54320	13208	23374
Угочский	33234	18317	26164
Итого	299834	211445	264511

На протяжении 1870—1899 годов поголовье овец в Закарпатье сократилось на 29,4% (Угочский комитат — на 44,9, Ужгородский — на 76, Бережский — на 40, Марамарошский — на 4,4%). Хотя в течение 1896—1911 годов и наблюдается возрастание поголовья овец (по сравнению с 1895 годом на 53098 голов, т. е. на 25,1%), но оно не достигает уровня 1870 года (в 1912 году стадо овец составляло только 88,2% их числа в 1870 году).

Овец улучшенной породы среди всего поголовья в Венгрии (с Семиградьем) было 31,2%, а в закарпатских жулах — 20,7% (в Марамарошском комитате — только 0,6%)¹¹⁶⁾. Таким образом, в основном овцеводческом районе, Марамароше, 99,4% поголовья овец относилось к простой, местной малопродуктивной породе. О снижении удельного веса овцеводства во второй половине XIX столетия в Закарпатье свидетельствует уменьшение количества овец на 1 кв. милю площади: в 1870 году — 1006 голов, в 1899 году — только 800 голов (в Венгрии на 1 кв. милю площади приходилось около 3000 голов овец); в Венгрии (с Семиградьем) было почти в два раза больше овец на 1000 душ населения (в закарпатских областях — 596 голов, в Венгрии — 1054 головы) и на одно хозяйство (в закарпатских жулах — 3,9 головы, в Венгрии — 8,6 головы). Поголовье овец в Закарпатье оценивалось (1870 год) в 899502 форинта, что составляло по отношению к стоимости всех животных 4,5% (в Венгрии — 9,4%). Продуктивность

¹¹⁴⁾ Deb, 1879, стр. 168—169; Msé, 1872, стр. 102—103. Завоз экспозитурой в начале XX века нескольких племенных производителей (10 жеребцов) из государственных имений Венгрии (ГАЗО, ф 772, оп 1, 1903 г., д 460, лл 14—18, там же, 1906 г., д 720, л 45 об) не мог сколько-нибудь заметно улучшить породность конского поголовья в закарпатских комитетах.

¹¹⁵⁾ Deb, 1879, стр. 130, 159; Msé, 1872, стр. 102—103. Msé, 1874, стр. 140

¹¹⁶⁾ Mos, IV, 1900, стр. 47—64; Msé, XX, 1914, стр. 130—131, 136—137.

овец в закарпатских жупах по сравнению с Венгрией была ниже на 30—40% (выход мяса с одной забитой головы составлял 0,2 центнера, настриг шерсти с одной овцы — 2—3 кг, выход чистой шерсти достигал 50%; шерсть от породистых овец составляла только 12% всего настрига шерсти)¹¹⁷⁾. Если доход от продажи овечьей шерсти в закарпатских комитатах составлял только 5,35% общей суммы дохода от скотоводства, то в Венгрии — 11,74%¹¹⁸⁾.

На протяжении 1870—1895 годов поголовье коз в закарпатских комитатах сократилось с 44775 до 20301 головы¹¹⁹⁾, т. е. более чем наполовину. Хотя в 1912 году количество коз и возросло (до 29890 голов), но и в этот период оно составляло только 66,7% их числа в 1870 году.

О развитии свиноводства можно судить по данным следующей таблицы¹²⁰⁾.

Таблица 24

Комитаты	1870 год	1895 год	1912 год
	количество голов		
Бережский	50387	58055	46272
Марамарошский	33711	38965	28918
Ужгородский	23187	29693	30816
Угочский	15959	22732	13516
Итого	123238	119445	119522

В течение 1870—1895 годов поголовье свиней в Закарпатье возросло с 123238 до 149445 голов, т. е. на 21,3%, но с 1900 года в связи с деградацией крестьянского животноводства стадо свиней сокращается (в 1912 году стадо овиней составляло только 71% их числа в 1895 году). Поголовье свиней также было представлено, главным образом, местной породой низкой плодовитости и низкого качества, что обусловило выход мяса и сала с одной головы забитой свиньи меньше, чем в венгерских комитатах, на 30—40%¹²¹⁾.

¹¹⁷⁾ До начала XX столетия никакой работы по улучшению качества стада овец в Закарпатье не проводилось. В 1900 году экспозитура горных районов продала в рассрочку крестьянам Свалявского округа 144 племенные овцы, а в 1902 году из доставленных 2 тысяч маток, вследствие «бедности крестьян», как указывалось в отчете экспозитуры, было продано только 800 голов (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1903 г., л. 460, лл. 14—18).

¹¹⁸⁾ Deb, 1879, стр. 130—132; Msé, 1872, стр. 102—103; Msé, 1874, стр. 140—141.

¹¹⁹⁾ Deb, 1879, стр. 176—177.

¹²⁰⁾ Msé, 1872, стр. 102—103; Mos, IV, 1900, стр. 47—64; Msé, XX, 1914, стр. 126—137.

¹²¹⁾ Deb, 1872, стр. 102—103, Mos, IV, 1900, стр. 47—64; Msé, XX, 1911, стр. 126—131, 136—137. Мероприятия экспозитуры в области свиноводства также не дали ощутительных результатов. До 1911 года организованно племенные свиноматки в Закарпатье не завозились. Только в 1911 году экспозитурой были доставлены 1125 йоркширских свиней, проданных

Рассмотрим особенности структуры поголовья сельскохозяйственных животных в отдельных группах хозяйств¹²²⁾.

Таблица 25

Социальные группы хозяйств	Распределение сельскохозяйственных животных внутри социальных групп хозяйств			
	крупный рогатый скот	лошади	мелкий рогатый скот	свины
	в процентах			
Пролетарские	53,2	6,4	16,6	23,8
Мелкокрестьянские	51,7	7,1	20,9	20,3
Средние	45,3	7,4	28,3	19,0
Крупные крестьянские	33,7	7,3	43,8	15,2
Средние и крупные помещичье-капиталистические	21,4	4,9	54,9	18,9
Латифундин	21,8	4,0	40,2	34,0

Различия в структуре поголовья сельскохозяйственных животных в отдельных группах хозяйств отражают собой экономические различия в самом характере животноводства — нетоварный в пролетарских и мелких хозяйствах и предпринимательский в помещичье-капиталистических хозяйствах. Если в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах $\frac{1}{2}$ всех животных приходилась на крупный рогатый скот и до $\frac{1}{5}$ — на мелкий рогатый скот и свиней, то в высших группах хозяйств крупный рогатый скот занимал $\frac{1}{5}$ часть поголовья (доля молодняка, нагульных волов и коров в крупных хозяйствах была выше, чем в крестьянских), а мелкий рогатый скот и свиньи — почти $\frac{3}{4}$ поголовья. Относительно высокой удельный вес крупного рогатого скота в структуре поголовья в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах, при незначительном количестве скота на 1 хозяйство, выражал собой именно нетоварный характер животноводства в этих хозяйствах, стремившихся обеспечить себя хотя бы в небольшой мере тягловой силой и молочными продуктами. В структуре поголовья сель-

крестьянам со скидкой до 50% покупной цены, и 100 племенных поросят, проданных по 4 кроны за штуку в рассрочку на 4 года из 3% годовых (ГАЗО, ф. 772, оп. III, 1912, д. 12, л. 80)

¹²²⁾ Mos, IV, 1900, стр. 47—64.

скохозяйственных животных в высших группах хозяйств занимали большое место мелкий рогатый скот и свиньи, разведение которых, если учесть значительные размеры поголовья, приходившегося на 1 хозяйство, носило исключительно торговый характер.

Меньший удельный вес крупного рогатого скота в этих хозяйствах (25—30% всех сельскохозяйственных животных) компенсировался более высоким его качеством, большей продуктивностью.

Статистические данные показывают также, что в расчете на единицу площади скота было тем меньше, чем были крупнее хозяйства по земельной площади. На 100 хольдов общей площади земли приходилось по отдельным группам хозяйств следующее количество голов скота (конец XIX столетия):

Т а б л и ц а 26

Группы хозяйств по общей земельной площади (в хольдах)									
до 1	1—5	5—10	10—20	20—50	50—100	100	500	500—1000	более 1000
290	79	52	41	36	30	25		22	6

Сокращение поголовья скота в расчете на единицу площади по мере увеличения хозяйств по размерам общей земельной площади ни в коем случае не свидетельствует о преимуществах мелких хозяйств, о более высокой степени их интенсификации по сравнению с крупными. Наоборот, эти данные свидетельствуют о том, что животноводство в мелких и мельчайших хозяйствах носило в основном нетоварный, потребительский характер, тогда как в крупных хозяйствах оно являлось высокотоварным, интенсивным, ибо развитие капиталистического скотоводства идет не столько по линии увеличения численности поголовья, сколько по линии повышения качества скота и его продуктивности.

Рассмотрим далее распределение поголовья сельскохозяйственных животных между социальными категориями хозяйств*, сгруппированных по общей земельной площади¹²³⁾ (см. табл. 27).

Приведенные данные показывают, что в руках небольшого меньшинства хозяйств с общей земельной площадью свыше 20 хольдов было сосредоточено почти 30% крупного рогатого скота, около 40% лошадей, почти 60% мелкого рогатого скота и 40% поголовья свиней. Наименее обеспеченными сель-

¹²³⁾ Мос, IV, 1900, стр. 47—64

скохозйственными животными были хозяйства с общей земельной площадью до 5 хольдов; на 1 хозяйство этой категории приходилось в среднем 1,4 головы крупного рогатого скота.

Таблица 27

Хозяйства по общей земельной площади (в хольдах)	Крупный рогатый скот		Лошади		Мелкий рогатый скот		Свиньи	
	%	на 1 хоз. голов	%	на 1 хоз. голов	%	на 1 хоз. голов	%	на 1 хоз. голов
До 5	27,0	1,4	20,4	0,2	10,9	0,4	24,2	0,6
5 — 10	22,0	2,6	19,0	0,4	11,5	1,1	17,4	1,0
10 — 20	22,2	3,6	21,7	0,6	18,1	2,2	18,7	1,5
20 — 50	16,1	5,0	20,5	1,0	23,1	5,5	14,4	2,2
50 — 100	3,7	7,0	6,6	1,3	10,3	14,5	3,6	3,3
100 — 200	1,5	10,2	2,6	2,8	4,9	24,8	1,6	5,2
200 — 500	1,7	18,9	2,5	4,5	6,0	52,1	2,2	12,4
500 — 1000	1,6	46,5	1,8	8,4	5,1	114,1	4,7	68,4
свыше 1000	4,2	99,2	4,9	18,1	10,1	183,1	13,2	154,6

Почти 22% хозяйств с участками земли до 1 хольда были бескоровными (в Марамарошском комитате — до 30%) Кроме того, надо иметь в виду, что известной части сельскохозяйственных рабочих землевладельцы давали по 1—2 головы скота с той целью, чтобы привязать батраков к своему хозяйству и понизить размер их заработной платы.

На каждое мелкокрестьянское хозяйство приходилось в среднем 2,6 головы крупного рогатого скота (в Марамарошском и Угочском комитатах — по 2,5 головы). Средним хозяйствам принадлежало 22,2% крупного рогатого скота; на одно хозяйство этой категории приходилось 3,6 головы скота (в Марамарошском комитате — только 3 головы).

Крупные крестьянские хозяйства, составлявшие менее 10% всех хозяйств, владели почти 20% поголовья крупного рогатого скота; на одно хозяйство здесь приходилось от 5 до 7 и более голов. Основная масса крупного рогатого скота была сосредоточена в тех хозяйствах этой группы, которые обладали наибольшими размерами земельных владений. Хозяйства с общей земельной площадью от 20 до 50 хольдов имели по 5—6 голов скота; хозяйства с площадью земли от 50 до 100 хольдов — 7—8 голов, а наиболее крупные из них — по 20—30 голов.

Помещичье-капиталистическим средним и крупным хозяйствам, составлявшим 0,71% всех хозяйств, принадлежало 4,8% всего поголовья крупного рогатого скота; на каждое хозяйство приходилось в среднем 27 голов (в хозяйствах с общей земельной площадью от 200 до 500 хольдов — 19 голов, а в хо-

зяйствах, владевших площадью земли от 500 до 1000 хольдов, — 46,5 головы).

Латифундиальные хозяйства, составлявшие 0,12% всех хозяйств, владели 4,2% поголовья крупного рогатого скота; на одну латифундию приходилось в среднем 99,2 головы, а на более крупные из них имели по 150—200 и более голов крупного рогатого скота.

Таким образом, в конце XIX столетия разрыв в обеспеченности поголовьем крупного рогатого скота отдельных социальных групп хозяйств был значительным. Многие крупные помещичьи хозяйства имели рогатого скота больше в 50—100 раз, чем батрацко-бедняцкое хозяйство. Количество поголовья крупного рогатого скота, приходившееся на 1 хозяйство, показывает, что высшие группы хозяйств не только были обеспечены тягловой силой волов, но и использовали разведение крупного рогатого скота в коммерческих целях, в то время как крестьянские хозяйства, особенно его низшие слои, не были обеспечены тягловой силой, а разведение коров служило только потребностям хозяйствам.

Рост травосеяния в зажиточных и крупных хозяйствах и переход от пастбищного к стойловому содержанию скота позволили им увеличить количество скота и эффективность его использования не только без увеличения, но даже при сокращении земельной площади хозяйств. Концентрация скота в крупных хозяйствах была значительно выше, чем концентрация по земельной площади. Это обусловило их большую долю в мясной и молочной отраслях хозяйства. В зажиточных и крупных хозяйствах продуктивность скота была значительно выше, чем в батрацко-бедняцких хозяйствах, благодаря лучшим кормам, отбору породистых, более продуктивных животных, использованию зоотехнической и ветеринарной помощи. Удой на одну корову в высших группах хозяйств превышал удой в пролетарско-бедняцких хозяйствах в 2—3 раза [особенно низкие удои были в хозяйствах, использовавших коров как тягловую силу (рабочая корова за время лактации давала 200—300 литров молока)], убойный вес на 30—50%. Высшим группам хозяйств принадлежало до 90% породистых животных, отличавшихся высокой продуктивностью. Наряду с молочным и мясным животноводством, зажиточные и особенно крупные хозяйства занимались также выращиванием племенного скота.

В стаде мелкого рогатого скота в конце XIX столетия овец было 211344 головы (91,2%) и коз — 20400 голов (8,8%). Кулацким и помещичье-капиталистическим хозяйствам принадлежало 59,5% мелкого рогатого скота; 12 тыс. хозяйств этих групп владели таким же количеством мелкого рогатого скота, как 110 тыс. бедняцко-батрацких и средних крестьян-

ских дворов. Крупным помещичьим и латифундиальным хозяйствам в Бережской и Угочской жупах принадлежало более 70% поголовья овец и коз. По мере увеличения размеров землевладения возрастает и количество мелкого рогатого скота на одно хозяйство: в хозяйствах с земельной площадью от 50 до 100 хольдов — 14 голов; с площадью от 100 до 200 хольдов — 25 голов; с площадью от 200 до 500 хольдов — 52 головы; с площадью от 500 до 1000 хольдов — 114 голов. Каждое латифундиальное хозяйство в среднем имело по 183 головы мелкого рогатого скота, а некоторые из них — по 1000 и более голов, в то время как в пролетарских хозяйствах на один двор приходилось 0,4 головы, в мелкокрестьянских — 1,1 головы, в средних — 2,2 головы. В пролетарских хозяйствах в отдельных жупах от 75 до 96% дворов не имели овец. При сокращении общего поголовья овец их число возросло в крупных хозяйствах, что выражало приспособление их к условиям рынка. Овцеводство в высших группах хозяйств носило исключительно торговый характер. Продуктивность овец, как и крупного рогатого скота, в этих хозяйствах была более высокой: настриг шерсти и убойный вес превосходил средние данные на $\frac{1}{3}$; им принадлежало большинство овец улучшенной породы.

В зажиточных крестьянских и помещичье-капиталистических хозяйствах было сосредоточено 39,7% поголовья свиней. На одно хозяйство приходилось следующее количество голов свиней: пролетарские — 0,6, мелкокрестьянские — 1, средние — 1,5, крупнокрестьянские — 3, средние помещичьи хозяйства — 8, крупные помещичьи — 68,4 и латифундии — 154,6. Из числа пролетарских хозяйств с участками земли до 1 хольда не имели свиней 50%, а с участками земли от 1 до 5 хольдов — 30%. В крупных помещичье-капиталистических и латифундиальных хозяйствах, имевших свыше 50 голов свиней, свиноводство являлось торговой отраслью сельского хозяйства.

В пролетарских хозяйствах животноводство, как и земледелие, отличалось низкой продуктивностью и носило в основном потребительский характер. Об этом говорят средние размеры поголовья, приходившегося на 1 хозяйство этой группы. (см. табл. 28).

За последние годы XIX столетия сильно возросло число хозяйств, не имевших скота, сократилось общее поголовье и среднее количество скота на хозяйство в низших группах, что свидетельствовало о продолжавшемся процессе разорения пролетарских хозяйств. Это наглядно видно из табл. 29, касающейся группы хозяйств с общей земельной площадью до 5 хольдов.

Таблица 28

Хозяйства по общей земельной площади (в хольдах)	Приходилось голов животных на одно хозяйство			
	крупный рогатый скот	овцы	козы	свиньи
до 1 без пашни	0,90	0,20	0,03	0,50
до 1 с пашней	1,00	0,20	0,05	0,50
от 1 до 5	1,70	0,50	0,08	0,70

Таблица 29

Изменения в обеспеченности продуктивным скотом хозяйств с общей земельной площадью до 5 хольдов (1870—1909 годы,¹²⁴).

Показатели	Годы	Виды скота			
		крупн. рогатый	овцы	козы	свиньи
Удельный вес хозяйств, имевших данный вид скота (в %)	1870	29,0	14,0	23,0	25,0
	1900	27,0	10,1	18,2	24,2
На одно хозяйство, имевшее данный вид скота, приходилось (голов)	1870	1,5	0,5	0,2	0,7
	1900	1,4	0,4	0,1	0,6

Из всех данных, рассмотренных выше, следует тот основной вывод, что в подавляющей своей массе хозяйства с общей земельной площадью до 5 хольдов, составлявшие свыше половины всех хозяйств, в производстве товарной продукции не играли никакой роли, разведение продуктивного скота служило здесь лишь для удовлетворения потребностей хозяина и его семьи в продуктах питания. Когда мы говорили о «потребительских» целях животноводства в пролетарско-бедняцких хозяйствах, то необходимо подчеркнуть весьма условный характер этого термина, так как на личное потребление семьи крестьянина шла только мизерная часть продуктов животноводства.

¹²⁴) Мос, IV, 1900, стр. 47—64, Мсé, XX, 1914, стр. 126—127, 132—133.

ва, а большую ее часть поглощали налоги. «Скот составляет самое драгоценное состояние местного крестьянина, но его приходится продавать для уплаты налогов», — писал один из современников. Русский автор Г. Де-Воллан, говоря о скотоводстве верховинцев, указывал также, что оно здесь «не имеет целью домашнее хозяйство, но по необходимости служит лишь средством для выручки денег на уплату податей»¹²⁵).

Птицеводство не являлось в Закарпатье крупной товарной отраслью животноводства. В конце XIX столетия здесь насчитывалось около 616 тыс. штук домашней птицы, среди которой преобладали куры; на 100 хольдов общей земельной площади приходилось 34 головы домашней птицы¹²⁶).

Основная масса домашней птицы (76,4%) была сосредоточена в хозяйствах с общей земельной площадью от 1 до 20 хольдов; на долю высших групп крестьянских хозяйств с общей земельной площадью от 20 до 100 хольдов приходилось 18% общего количества птицы; помещичье-капиталистическим хозяйствам принадлежало только 5,6% птицы. Однако в батрачко-бедняцких и средних хозяйствах поголовье птицы на одно хозяйство было незначительным (от 3 до 6 штук), что свидетельствовало о потребительском характере птицеводства в этих хозяйствах, в то время как в отдельных хозяйствах высших групп, а также на небольших по площади земли птицеводческих фермах, имевших по несколько тысяч кур, уток и гусей, птицеводство носило торговый характер¹²⁷).

Пчеловодство в Закарпатье получило распространение во всех комитатах¹²⁸), но наибольшее значение оно имело в Марамарошской жупе, где было сосредоточено до 50% всех ульев. В 1870 году в Закарпатье насчитывалось 26 тыс. ульев, а в 1895 году — 33 тыс. В течение второй половины XIX столетия продуктивность пчеловодства в закарпатских областях заметно повысилась за счет исключения слабых пчелиных семей, перехода от колодно-дупляночного пчеловодства к рамочному и распространения новых видов медоносных растений.

---

¹²⁵) Г. А. Де-Воллан, Угоррусские народные песни. Записки Русского географического общества, т. 13, вып. I, СПб, 1885, стр. 19

¹²⁶) Mos, IV, 1900, стр. 47—64.

¹²⁷) Экспозитурой министерства земледелия в Закарпатье было продано с 1896 по 1903 год около 200 штук породистой домашней птицы по цене 1—3 кроны, что не могло улучшить качество поголовья домашней птицы в крестьянских хозяйствах.

¹²⁸) Deb, 1879, стр. 130; Msé, 1872, стр. 102—103; Msé, 1874, стр. 140—141; Msé, III, 1896, стр. 136, Msé, 1899, II, 1900, стр. 439, Kjsé, 1901, стр. 452; Msé, XIII, 1906, стр. 118; Mos, IV, 1900, стр. 47—64.

О размерах и стоимости продукции пчеловодства в закарпатских жупах в конце XIX столетия свидетельствуют следующие данные¹²⁹⁾.

Т а б л и ц а 30

Годы	Получено продукции пчеловодства		Стоимость продукции пчеловодства (в кронах)
	меда	воска	
	центнеров		
1894	1386	122	107410
1900	1716	127	169594

Выход меда и воска во второй половине XIX столетия по отдельным комитатам увеличился на 15—20% (в конце столетия в среднем с одного улья было получено 5 кг меда и 0,5 кг воска), а стоимость продукции пчеловодства возросла на 20—30% (в отдельных комитатах в 1894 году доход от одного улья составлял 3—5, а в 1900 году — 5—8 крон)¹³⁰⁾. Однако и в начале XX века пчеловодство в Закарпатье оставалось отсталой отраслью сельскохозяйственного производства¹³¹⁾, о чем свидетельствует незначительное количество рамочных ульев, которые составляли только 10% их общего числа (в Венгрии рамочных ульев было более 30%), и распространение болезней пчел (гнилец, голодание, нозематоз и др.)

¹²⁹⁾ Deb, 1879, стр. 130, Msé, 1872, стр. 102—103, Msé, 1874, стр. 140—141, Msé, III, 1896, стр. 136, Msé, 1899, II, 1900, стр. 439; Kjsé, 1901, стр. 452; Msé, XIII, 1906, стр. 118; Mos, IV, 1900, стр. 47—64.

¹³⁰⁾ В Венгрии в 1887 году продукция пчеловодства оценивалась в 292 тыс. гульденов, а через 10 лет — в 1249 тыс. гульденов, т. е. возросла более чем в четыре раза. В 1897 году было получено 34 тыс. метро-центнеров меда на сумму 1025 тыс. гульденов и более 2 тыс. метро-центнеров воска на сумму 224 тыс. гульденов (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., л. 576, л. 195 об.).

¹³¹⁾ Содействие в развитии пчеловодства со стороны экспозитуры было очень ограниченным и не выходило за рамки распространения специальной литературы, посылки в села инструкторов по пчеловодству, обучения пчеловодов на курсах (с 1896 по 1903 год прошли курсы пчеловодов 3 священника, 1 учитель и 6 крестьян) и продажи ульев, центрофуг и т. п. Священникам и учителям Бережской и Ужгородской жуп было продано 38 ульев; сельскому обществу села Буца выдана безвозвратная ссуда в 200 крон для приобретения 8 ульев и 6 семей пчел (ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1903 г., д. 460, л. 18; там же, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 82; A hegyvidéki, Erdélyrészi (Szekelyföldi) és felvidéki gazdasági akciók 1909 évi működésének ismertetése (в дальнейшем сокращенно Akciók), Vdp., 1910, стр. 86). Комический характер приняла «помощь» экспозитуры по развитию звероводства и рыбоводства: в Земплинском комитате одному селу было продано 3 зайца по цене 1 крона за штуку, а одному крестьянину Бережской жупы подарен заяц с клеткой. В целях «обогащения» рек и горных потоков из заграницы было завезено 5819 раков, из которых

в низших группах крестьянских хозяйств, что вело к снижению получаемого ими количества меда и воска.

По социальным категориям хозяйств пчелиные ульи распределялись следующим образом¹³²⁾.

Таблица 31

Социальные группы хозяйств	Количество ульев	% всех ульев	Приходится ульев на одно хозяйство
Пролетарские	6574	20,1	0,1
Мелкокрестьянские	4937	14,7	0,2
Средние	6785	20,2	0,4
Крупные крестьянские	11876	35,3	1,4
Помещичье-капиталистические	3316	9,7	3,5

Как видно из приведенных данных, около 35% всех ульев было сосредоточено в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах, свыше 20% — в средних, остальные 45% — в кулацких и помещичьих хозяйствах. На одно пролетарское хозяйство приходилось в среднем 0,1 улья, мелкокрестьянское — 0,2, среднее — 0,4, кулацкое — 1,4, помещичье-капиталистическое — 3,5 улья. Пчеловодство в Закарпатье носило в основном потребительский характер. Только незначительное число специализированных пчеловодческих хозяйств (13 в Марамарошской жупе, 12 в Бережской, 7 в Ужгородской), имевших по несколько десятков и даже сотен ульев, производило продукты пчеловодства исключительно для продажи на рынке¹³³⁾.

Кулацкие и помещичье-капиталистические хозяйства, в которых была сосредоточена подавляющая часть товарной продукции животноводства, получали значительные доходы от ее реализации по сравнительно высоким ценам на закарпатских рынках. Динамика цен на продукты животноводства на местных рынках во второй половине XIX столетия¹³⁴⁾ показывает, что цены на свиное сало сохранялись примерно на одном

1852 штуки погибли по дороге, а остальные были распределены между всеми закарпатскими комитатами. (Аксзюк, стр. 88). Лучшей сатиры на «верховинскую спасательную акцию» нельзя было придумать

¹³²⁾ Mos, IV, 1900, стр. 47—64

¹³³⁾ ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1906 г., д. 720, л. 49.

¹³⁴⁾ Данные о ценах на продукты животноводства приводятся по следующим источникам. Deb, 1879, стр. 202—203; Msé, VIII, 1901, стр. 107—108. В 60—70-х годах венгерская статистика употребляла в качестве меры веса мяса и жиров фунт (фунт—560,66 г), а с 80-х годов—килограмм. При определении цен на мясо и жиры автором фунты переведены в килограммы.

уровне (150—170 филлеров за 1 кг), на говяжье мясо—возросли на 20—30% (с 64 до 92 филлеров), а на свинину, наоборот, цены снизились со 100 филлеров за килограмм до 60—70 филлеров¹³⁵). Цены на живой скот, особенно на рабочих волов и лошадей, а также на продуктивный крупный рогатый скот повысились в отдельных районах Закарпатья на 10—30%¹³⁶). От повышения и колебания цен на продукты животноводства и живой скот выигрывали только крупные и зажиточные хозяйства, которые держали в своих руках абсолютное большинство скота и лучшей упитанности, цены на который были в 1,5—2 раза выше, чем на крестьянский скот.

**

Выводы, которые, по нашему мнению, следует сделать на основе анализа развития сельского хозяйства Закарпатья во второй половине XIX столетия, можно сформулировать следующим образом.

На протяжении этого периода в Закарпатье происходил чрезвычайно сложный и многогранный процесс разрушения старого, крепостнического, барщинного, отработочного, натурального хозяйства и замены его торговым, капиталистическим земледелием и скотоводством. История закарпатского земледелия во второй половине XIX столетия была историей смены крепостнических производственных отношений буржуазными. Можно сказать словами В. И. Ленина, что изучение экономики сельского хозяйства Закарпатья показывает, что гвоздь вопроса состоит именно в «преобразовании натурального хозяйства в торговое...»¹³⁷). Таким образом, сущность социально-экономических отношений в закарпатской деревне этой эпохи определялась, несмотря на сохранение значительных и устойчивых докапиталистических пережитков, развитием товарного хозяйства со всеми теми противоречиями, которые присущи, как выражался В. И. Ленин, «всякому товарному хозяйству и всякому капитализму»: конкуренция, борьба

---

¹³⁵) В 1900 году на марамарош-сигетском рынке поддерживались следующие цены на продукты животноводства (килограмм в филлерах): говяжье мясо—92, телятина—190, баранина—64, свинина—64, свиное сало—155, сливочное масло—260, литр молока—20 филлеров (Msé, VIII, 1901, стр. 180).

¹³⁶) В 1900 году на рынках Марамарош-Сигета, Мукачева, Ужгорода и Хуста существовали следующие цены на живой скот: пара волов высшего качества—700—817 крон, рабочая лошадь высшего качества—600—1000 крон, верховая лошадь—140—860 крон, дойная корова—218—280 крон, овца—8—16 крон, свинья—40—100 крон (Msé, VIII, 1901, стр. 107).

¹³⁷) См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 68.

ба за хозяйственную самостоятельность, сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатация его меньшинством — помещиками, капиталистическими предпринимателями и кулаками.

Аграрный строй, сложившийся в Закарпатье после революции 1848 года, служил серьезной помехой развитию производительных сил в сельском хозяйстве. Наличие значительных пережитков феодализма в аграрных отношениях накладывало свой отпечаток на все стороны развития сельского хозяйства. Господство латифундий и сохранение докапиталистических форм эксплуатации крестьян задерживали развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, чем и объяснялась его чрезвычайная отсталость и малопродуктивность. Но при всем этом развитие капитализма на первых порах открывало большие возможности для развития производительных сил по сравнению с феодализмом, подрывало барщинно-натуральную систему хозяйства, дало толчок к известному улучшению земледельческой техники, росту крупного торгового земледелия и его специализации. Развитию капитализма в сельском хозяйстве и укреплению экономических позиций крупного землевладения в Венгрии и Закарпатье, сопровождавшемуся разорением и вытеснением мелкого производства крупным, способствовало строительство железных дорог, развитие кредитной системы, внутреннего рынка и экспорта сельскохозяйственных продуктов, а также политика аграрного протекционизма и поддержания высоких цен на сельскохозяйственные продукты на внутреннем рынке¹³⁸⁾.

Анализ экономических типов хозяйств Закарпатья показывает усиление интенсификации и концентрации сельскохозяйственного производства, сосредоточение в руках немногочисленных помещичье-капиталистических хозяйств товарной продукции, которые соединяют с крупным предпринимательским земледелием и капиталистическое скотоводство, и промышленную переработку сельскохозяйственной продукции. Соединение с земледелием технической переработки продуктов сельского хозяйства представляло из себя «один из наиболее рельефных признаков специфически капиталистического прогресса в земледелии»¹³⁹⁾. Крупные капиталистические хозяйства отличались сосредоточением лучших земель, более высокими урожаями, концентрацией машин, удобрений, скота, ростом валовой и товарной продукции и понижением ее

¹³⁸⁾ См. Zs. P. Pach., P. Sándor, A szabadsversenyen alapuló kapitalizmus viszonylagos fellendülése és az ipari proletariátus kialakulása a kiegyezés után «A Marx Károly Közgazdasági Egyetem Evkönyve», Bdp., 1955, стр. 133—189.

¹³⁹⁾ В И Ленин, Соч., т. 5, стр. 189.

себестоимости, что выражало собой интенсификацию сельского хозяйства — главной линии развития капитализма в земледелии. Вот почему, как справедливо указывал Ж. П. Пах, в конце XIX — начале XX столетия именно крупные хозяйства в Венгрии и Закарпатья являлись «главными представителями капиталистического развития в сельском хозяйстве»¹⁴⁰). По отношению к рынку земледельческие и скотоводческие хозяйства в различных социальных группах являлись существенно различными: в высших группах целью сельскохозяйственного производства являлось получение дохода, в низших группах крестьянских хозяйств — удовлетворение насущных потребностей семьи.

В подавляющей массе пролетарские и мелкокрестьянские хозяйства никакой роли в производстве товарной сельскохозяйственной продукции не играли и служили лишь для удовлетворения потребностей хозяина и членов его семьи в продуктах питания. Общественно-экономическое значение низших групп крестьянства было чрезвычайно малым. Ничтожные размеры сельскохозяйственного производства в этих хозяйствах определили собой то положение, что для значительной части бедного крестьянства работа в своем хозяйстве являлась не главным, а лишь дополнительным источником средств существования. Если помещичье-капиталистическое хозяйство развивали торговое, рыночное земледелие и скотоводство, то хозяйства бедных групп крестьянства носили самопотребительский характер. Все приведенные нами данные наглядно показывают их обделенность землей, скотом и т. д., убыточный характер их хозяйства, ибо бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей, безмерное расхищение человеческой силы, прогрессивное ухудшение условий производства и удорожание средств производства является необходимым законом мелкой земельной собственности¹⁴¹).

Темпы капиталистического развития сельского хозяйства Закарпатья значительно отставали от уровня развития сельского хозяйства венгерских областей и особенно от уровня и темпов развития промышленности и торговли в Венгрии в целом. В. И. Ленин указывал, что не может быть такого капитализма, при котором развитие торговли и промышленности не обгоняло бы земледелие, ибо «...везде и всегда ка-

¹⁴⁰) Указ. соч. Zs. P. Pach, Über einige charakteristische Züge, стр. 1246, см также — G. Beksiacs A magyar politika új alapjai és a földbirtokviszonyok, Bdp., 1899. Gy. Rácz, A magyar földbirtokosok anyagi pusztulása, Bdp., 1906

¹⁴¹) В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 250

питализм означает *более быстрое* развитие торговли и промышленности сравнительно с земледелием, *более быстрый* рост торгово-промышленного населения, *большой* вес и значение торговли и промышленности в общем строе общественного хозяйства»¹⁴²). Отставание сельского хозяйства от промышленности, свойственное всем капиталистическим странам, составляет одну из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, застоя и кризисов сельского хозяйства, усиления разорения и пролетаризации мелких крестьян. Главная причина тяжелого положения сельского хозяйства Закарпатья заключалась в аграрном строе, в наличии тех резко выраженных особенностей, которые характеризуют «пруссский» путь капиталистической эволюции сельского хозяйства.

2. ПРИМЕНЕНИЕ МАШИН В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ. ПОВЫШЕНИЕ АГРОТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПОМЕЩИЧЬЕ-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ

Несмотря на то, что вторая половина XIX столетия была отмечена ростом применения машин в земледелии, однако по технической вооруженности сельского хозяйства закарпатские области стояли на последнем месте в Венгрии. В 70-х годах XIX столетия в Закарпатье насчитывалось (в округленных цифрах) 25,5 тыс. плугов¹⁴³ (на 111600 хозяйств), в среднем на одно хозяйство приходилось 0,2 плуга, а в Марамарошском комитате — только 0,1 плуга. По отношению к площади пахотной земли 1 плуг приходился на 18 хольдов (в Ужгородской жупе — на 13, в Бережской — на 17, в Угоцкой — на 20 и в Марамарошской — на 27 хольдов). Количество плугов в Венгрии на одно хозяйство в это же время превосходило в два раза обеспеченность закарпатских комитатов.

По нашим подсчетам, в 70-х годах на одно пролетарское хозяйство приходилось 0,08 плуга, мелкокрестьянское — 0,30 плуга. Высшие группы хозяйств имели от 2 до 10 плугов. Таким образом, плугами, этим необходимым орудием возделывания земли, были обеспечены только крупные крестьянские и помещичье-капиталистические хозяйства, которым принадлежало свыше $\frac{1}{4}$ всех плугов, а также верхушка среднего крестьянства. Низшие группы крестьян в массе своей были безынвентарными (более 80% пролетарских хозяйств и 50% мелкокрестьянских хозяйств не имели плугов). Они вынуждены были обрабатывать свои клочки земли взятым

¹⁴²) В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 189

¹⁴³) Deb., 1879, стр. 214—216, Mésé, 1874, стр. 120—123

знаем инвентарем или применяли примитивные рала и ручные орудия разрыхления почвы. Недостаток рабочего скота и инвентаря в низших группах хозяйств приводил к тому, как указывали современники, что крестьяне, особенно в горных районах, часто должны были вскапывать землю лопатами, получая, естественно, мизерный урожай¹⁴⁴).

Из общего количества плугов в закарпатских комитатах в 70-х годах железных было 8720 и простейших с деревянным дышлом—16780¹⁴⁵); простейшие плуги составляли 65,8%, т. е. почти 2/3 их общего числа. Только в одном Ужгородском комитате железных плугов было более половины, а в остальных жупах значительно меньше (Бережская—39, Угочская—23, Марамарошская—12,5%). В Венгрии железные плуги составляли в это время 60%, их общего числа, т. е. на 25,8% больше, чем в Закарпатье. Железные плуги принадлежали исключительно высшим группам хозяйств (50% помещичье-капиталистическим хозяйствам, 30% — кулацким хозяйствам и 15% — верхушке среднего крестьянства). Батрацко-бедняцкие хозяйства и подавляющая часть средних хозяйств железных плугов не имели.

По переписи 1895 года¹⁴⁶), в Венгрии на 1459893 хозяйства с общей земельной площадью до 5 йохов приходилось 227241 плуг, из них простейших было 196852. 80,5% пролетарских хозяйств Венгрии не имели плугов; из общего числа плугов, принадлежащих этой категории хозяйств, простейших было 86,6%; в среднем на одно хозяйство приходилось 0,16 плуга, или 1 плуг на 6—7 хозяйств. Свыше 40% хозяйств с общей земельной площадью от 5 до 10 йохов также не имели плугов; простейшие плуги в этой группе составляли 86%; на одно мелкокрестьянское хозяйство приходилось 0,6 плуга, т. е. один плуг на 2 хозяйства. В хозяйствах с общей земельной площадью от 10 до 20 йохов простейшие плуги составляли 82%; на одно хозяйство приходилось в среднем 0,9 плуга.

В крупных крестьянских и помещичье-капиталистических хозяйствах обеспеченность плугами резко возрастает. В хозяйствах с общей земельной площадью от 20 до 100 йохов на каждое хозяйство приходилось в среднем 1,3 плуга; из общего числа плугов, принадлежащего этой группе, простейших было 73%. На одно хозяйство с общей земельной площадью от 100 до 1000 йохов приходилось 6 плугов (простейшие плуги составляли здесь 44,1%). 3977 латифундальных хо-

¹⁴⁴) См А Ф Васильев, *Зарубежная Русь*, Петроград, 1915, стр. 6, Lengyel С М *Ruthénékröl, Vdp-Ungv.*, стр. 89

¹⁴⁵) Deb, 1879, стр. 214—216, Msé, 1874, стр. 120—123

¹⁴⁶) Mos, IV, 1900, стр. 202—237

зяйств имели 149750 плугов (из них 34,5% простейших), т. е. на одно хозяйство приходилось 37,6 плуга.

Таким образом, только высшие группы хозяйств Венгрии, т. е. крупнокрестьянские и помещичье-капиталистические хозяйства, были обеспечены плугами, причем только у хозяйств с общей площадью земли свыше 100 йохов (0,9% всего числа хозяйств) преобладали орудия более усовершенствованные. У крестьянских хозяйств преобладали (и чем мельче хозяйство, тем значительнее это преобладание) простейшие орудия, наименее прочные, дающие наихудшую работу. В. И. Ленин, обобщив данные венгерской статистики за 1895 год об употреблении плугов, писал: «Оставляя в стороне карликовые хозяйства, составляющие большинство (52%) всех хозяйств, но занимающие ничтожную долю площади (7%), мы получаем такой вывод:

Свыше миллиона мелко- и среднекрестьянских хозяйств (5—20 йохов) недостаточно обеспечены даже простейшими орудиями для обработки почвы.

Четверть миллиона крупнокрестьянских хозяйств (20—100 йохов) обеспечены сносно орудиями простейшего рода. И только 25 тысяч капиталистических хозяйств (имеющих, правда, 55% всей земельной площади) вполне обеспечены орудиями усовершенствованными»¹⁴⁷⁾.

Еще в меньшей мере были обеспечены орудиями обработки земли крестьянские хозяйства Закарпатья. К концу XIX столетия, по данным венгерской переписи¹⁴⁸⁾, общее количество плугов в закарпатских комитатах возросло в 1,6 раза (в 1874 году—25481 плуг, а в 1895 году—40888 плугов), но уровень обеспеченности крестьянских хозяйств орудиями обработки земли и качество этих орудий существенно не изменились. В 1895 году¹⁴⁹⁾ в пролетарских хозяйствах 1 плуг приходился на 7—8 хозяйств; не имели плугов более 85% хозяйств этой категории; почти 97% принадлежащих им орудий обработки земли относились к простейшим. 24829 мелкокрестьянских хозяйств имели 10572 плуга, из которых усовершенствованных было только 431, т. е. 4%; на 2—3 мелкокрестьянских хозяйства приходился один плуг. В среднем группе один плуг приходился на 2 хозяйства; удельный вес усовершенствованных орудий обработки земли здесь был также совершенно незначительным—5%. Из числа крестьянских хозяйств с общей земельной площадью от 5 до 10 йохов не имели плугов 58%, а в хозяйствах с общей земельной площадью от 10 до 20 йохов—45%. Основная масса усовершенствован-

¹⁴⁷⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 408.

¹⁴⁸⁾ Мос., IV, 1900, стр. 202—237

¹⁴⁹⁾ Там же

ных плугов была сосредоточена в руках владельцев зажиточных и помещичье-капиталистических хозяйств, обладавших необходимым количеством орудий обработки земли; им принадлежало около 30% всех плугов и 62% усовершенствованных; на одно хозяйство с общей земельной площадью свыше 200 хольдов приходилось 4—6 плугов, а на одно латифундиальное хозяйство—11—15 плугов.

Насыщенность металлическим инвентарем мелких крестьянских хозяйств Закарпатья в конце XIX столетия по сравнению с 70-ми годами изменилась мало; в этих хозяйствах преобладал деревянный инвентарь: деревянные сохи, бороны, цепи. В. И. Ленин в своей статье «Железо в крестьянском хозяйстве», основываясь на данных венгерской статистики за 1895 год, сделал вывод, что из 2,8 млн. хозяйств Венгрии 1,5 млн. батрацких хозяйств, имевших до 5 йохов земли на двор, а также 1 млн. мелкокрестьянских хозяйств «осуждены довольствоваться деревянными изделиями»¹⁵⁰). У этих 2,5 млн. хозяйств (из всего числа 2,8 млн.) безусловно преобладали плуги с деревянным дышлом, бороны с деревянной рамой и почти наполовину распространены телеги на деревянном ходу. Еще более низким было потребление железа в закарпатских комитатах, что являлось показателем отсталости, заброшенности и нищеты крестьянских хозяйств.

В закарпатских комитатах в 1895 году насчитывалось 38367 борон, из которых железных было только 1444, или 3,8%, более половины их принадлежало владельцам зажиточных и помещичье-капиталистических хозяйств. Из общего числа 42662 телег с железными осями было 5464, или 12,8%. Более 80% пролетарских хозяйств и 60% мелкокрестьянских хозяйств не имели повозок. В пролетарских хозяйствах одна телега с железной осью приходилась на 72 хозяйства, в мелкокрестьянских — на 35 хозяйств, в средних — на 18 хозяйств, в то время как крупные помещичьи хозяйства располагали 2—6 повозками с железными осями¹⁵¹).

Венгерская статистика приводила следующие данные о количестве пахотной земли, которое приходилось на одно орудие обработки земли и на одну единицу перевозочных средств в хозяйствах Венгрии, сгруппированных по размерам общей земельной площади (конец XIX в.) (см. табл. 32).

В. И. Ленин, анализируя приведенные данные, указывал, что «совершенно *неудовлетворительно* обеспеченные *всеми* земледельческими орудиями, пролетарские и крестьянские хозяйства имеют их *непомерно много* по сравнению со всем ко-

¹⁵⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 277

¹⁵¹) Mos, IV, 1900, стр. 202—237.

Хозяйства по общей земельной площади (в йохах)	Приходится пашни (йохов)		
	на один плуг	на одну борону	на одну телегу
до 5	7	8	7
5—100	12	13	15
100—1000	27	45	40
свыше 1000	28	61	53

личеством пахотной земли в их хозяйствах. Нищенская обеспеченность орудиями и невыносимая дороговизна содержания их — таков удел мелкого производства при капитализме¹⁵²⁾. В Закарпатье эта типичная черта мелкого производства выступала еще более резко*.

Закарпатские области были наиболее отсталыми и в применении других сельскохозяйственных машин. В 1870 году в закарпатских комитатах насчитывалось сельскохозяйственных машин на конной тяге 450, из них сеялок — 133 (24,7%), молотилок—57 (10,6%), уборочных машин—46 (9,0%)¹⁵³⁾. Причем характерно, что абсолютное большинство машин было сосредоточено в Бережском комитате, где находились крупные арендные хозяйства фермерского типа и латифундия графа Шенборна (460 машин из 540, т. е. свыше 80%); на другие комитаты приходилось ничтожное количество машин: Ужгородский — 63, Угочский — 16 и Марамарошский — только 1 машина.

В Закарпатье в 70-х годах одна машина на конной тяге приходилась на 860 хольдов пахотной земли (Бережский комитат—на 300, Ужгородский—на 1850, Угочский—на 4200 и Марамарошский—на 137000 хольдов); одна сеялка—на 3500 хольдов (Бережская жупа—на 1200, Ужгородская—на 8500 хольдов; в Угочском и Марамарошском комитатах сеялок не было); одна молотилка—на 8200 хольдов, одна уборочная машина—на 10000 хольдов. Каждые 100 хозяйств в Закарпатье располагали 0,5 машины. В Венгрии (с Семиградьем) насчитывалось в это время 30816 машин на конной тяге; одна машина приходилась на 500 хольдов пахотной земли (одна сеялка—на 2400 хольдов, одна молотилка—на 5000 хольдов, одна уборочная машина — на 8850 хольдов) и 1,2 машины на 100

¹⁵²⁾ В И Ленин, Соч., т 16, стр. 408.

¹⁵³⁾ Deb, 1879, стр. 214—216; Msé, 1874, стр. 120—123.

хозяйств. Машин с паровыми двигателями в 1870 году в Закарпатье было только 34, из них 30 молотилок. На 10000 хозяйств приходилось 3 машины, на 13700 хольдов пахотной земли — 1 машина; в Венгрии на 10000 хозяйств — 11,7 машины и 1 машина на 5500 хольдов земли.

В конце XIX столетия наблюдается увеличение числа машин на конной и паровой тяге. Особенно быстрое распространение получили молотилки с механическими двигателями, жатвенные машины и сеялки. По переписи 1895 года в закарпатских областях насчитывалось 108 паровых молотилок (в 1874 году—30), 752 конных молотилки (в 1874 году—57), уборочных машин 114 (в 1874 году—46), 46 косилок, 289 сеялок (в 1874 году—133), 210 конных граблей, 111 орудий, 205 культиваторов. Рост применения машин нашел свое выражение также в увеличении числа передвижных и стационарных локомотивов, которых в 1895 году в сельском хозяйстве Закарпатья насчитывалось 176¹⁵⁴); по числу локомотивов закарпатские комитаты значительно отставали от других венгерских областей (в комитате Мошонь, например, было 174 локомотива, в комитате Ноград—224, а в сельском хозяйстве Венгрии в целом — около 12 тыс. локомотивов¹⁵⁵).

Критическое замечание В. И. Ленина об отсутствии в буржуазной экономической литературе социального анализа применения машин в сельском хозяйстве капиталистических стран целиком относится и к Венгрии и к Закарпатыю. Ленин по этому поводу писал: «Значение данных об употреблении машин в сельском хозяйстве обыкновенно не оценивается достаточно в экономической литературе. Во-первых, игнорируют сплошь да рядом (всегда, если речь идет о буржуазном экономисте) капиталистический характер употребления машин, не исследуют соответственного вопроса, не умеют или не хотят даже *ставить* его. Во-вторых, употребление машин рассматривается изолированно, а не как *показатель* различных типов хозяйства, различных приемов культуры, различных *экономических* условий хозяйства»¹⁵⁶).

За общими показателями увеличения машинного парка в Закарпатье скрывались огромные различия между отдельными группами хозяйств как по количеству и качеству, так и по характеру применения машин. Чем были крупнее хозяйства по земельной площади, тем больше на каждое из них приходилось всех видов машин. Мелкие и средние хозяйства, не говоря уже о пролетарских хозяйствах, были до крайности слабо вооружены техникой. Внедрению машин в сельском

¹⁵⁴) Mos, IV, 1900, стр. 202—237.

¹⁵⁵) Msé, 1895, III, 1896, стр. 176

¹⁵⁶) В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 405.

хозяйстве Закарпатья препятствовали многие причины, но, прежде всего, мелкий характер подавляющего большинства хозяйств, разорение и обнищание масс крестьянства, сохранение многочисленных феодальных пережитков, «бесконечное принижение мелкого земледельца, готового «не считать» своего труда, делающего для капиталиста ручной труд более дешевым, чем машинный»¹⁵⁷⁾.

Машинообеспеченность отдельных групп хозяйств в Закарпатье представлялась в следующем виде: в хозяйствах с общей земельной площадью до 5 хольдов (исключая 145 хозяйств, владельцы которых имели паровые и конные молотилки, жнейки, косилки, веялки и сдавали их внаем), т. е. в собственно пролетарских хозяйствах, машины не применялись вовсе. На 1000 хозяйств с общей земельной площадью от 5 до 20 хольдов из всех видов машин приходилось 0,5 уборочных машин, 0,4 конных граблей, 0,1 сеялки. Таким образом, уделом мелкого и среднего крестьянства являлся тяжелый и изнурительный ручной труд.

Подавляющая часть всех видов машин и все сложные и дорогие машины принадлежали хозяйствам с общей земельной площадью свыше 50 хольдов (80% машин с механическими двигателями, 73% уборочных машин, 85% косилок, 95% сеялок; из 210 конных граблей — 179 (85%), из 111 орудий — 100 (90%). Эти данные показывают, во-первых, исключительно слабую техническую оснащенность мелких хозяйств, которые располагали только простейшими, примитивными, наихудшими по производительности орудиями; во-вторых, концентрацию сельскохозяйственной техники и по количеству и по мощности машин в зажиточных и крупных помещичье-капиталистических хозяйствах¹⁵⁸⁾.

В этих хозяйствах были сосредоточены не только машины и более совершенные орудия и сельскохозяйственный инвентарь, но они более эффективно использовались в сельскохозяйственном производстве на больших площадях. «Введение машин, — указывал В. И. Ленин, — с одной стороны,

¹⁵⁷⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 161.

¹⁵⁸⁾ Помощь со стороны государства по обеспечению крестьянских хозяйств Закарпатья машинами была мизерной. На протяжении 1897—1903 годов экспозитура горных районов доставила и продала (со скидкой в 50% с продажной цены, в рассрочку на 3 года) только 5 веялок, 14 сортировок и 18 кукулеотборников (в общей сложности на 2 тыс. крон), которые были приобретены через «газдовские общества» и сельскохозяйственные кружки владельцами «образцовых хозяйств», кулаками и священниками. Так, например, в 1899 году сельскохозяйственный инвентарь в рассрочку получили 22 чел., из них — 21 униатский священник и 1 кулак: Э Косей (село Арданово), Б. Галаткович (село Н.-Верещки) и др. (См. ГАЗО, ф. 772., оп. I, 1902, д. 379, лл. 32—41; там же, 1903 г., д. 460, л. 12; там же, 1899 г., д. 90, лл. 1—17; там же, оп. III, 1912, д. 12, л. 74)

требует значительных размеров капитала и потому доступно только крупным хозяевам; с другой стороны, машина окупается только при громадном количестве обрабатываемого продукта; расширение производства становится необходимостью при введении машин»¹⁵⁹⁾.

Крупные хозяйства утилизировали сельскохозяйственные машины более полно и получали от их использования наибольшую выгоду, тогда как в мелких хозяйствах, если бы даже они могли приобрести машины, вследствие небольших размеров принадлежащей им земельной площади применение машин было экономически невыгодно. Статистические данные и опыт показывают, что только в хозяйствах свыше 100 хольдов сельскохозяйственные машины имели достаточную нагрузку и их применение становилось рентабельным. Отсюда, как указывал В. И. Ленин, вытекает по отношению ко всем капиталистическим странам следующий вывод: «Если данные об употреблении немногих усовершенствованных орудий и сельскохозяйственных машин показывают нам, что их употребление растет с размерами хозяйств, то это значит, что мелкое производство в земледелии плохо обеспечено всеми необходимыми орудиями. Это значит, что в мелком производстве соединяется расхищение труда на содержание необъятной массы плохих и устарелых, годных лишь для крохотного хозяйства, орудий и тяжелая нужда, заставляющая надрываться крестьянина, чтобы кое-как продержаться с этими устарелыми, варварскими, орудиями на своей клочке земли.

Вот о чем говорят столь простые и столь знакомые всем данные об употреблении сельскохозяйственных машин, если вдуматься в общественно-экономическое значение этих данных»¹⁶⁰⁾.

Это ленинское положение полностью подтверждают данные об обеспечении сельскохозяйственными орудиями крестьянских хозяйств Закарпатья, переживавших процесс разорения и деградации, для которых был характерен технический застой, а в пролетарских и мелкокрестьянских хозяйствах наблюдалось даже ухудшение орудий производства.

Кулацко-капиталистические хозяйства использовали машины не только в своих хозяйствах, но и сдавали их напрокат. В Закарпатье наибольшее распространение получила сдача внаем молотилок, которыми пользовались средние и отчасти высшие группы хозяйств. Мелкие крестьяне пользовались, главным образом, наймом инвентаря по обработке земли — плугами, боронами, культиваторами, реке сеялка

¹⁵⁹⁾ В. И. Ленин, Соч., 3, стр. 194

¹⁶⁰⁾ Там же, т. 16, стр. 409.

мн. Сдача внаем мелким крестьянам машин и инвентаря служила для владельцев их средством эксплуатации и закабаления крестьян. Плата за аренду машин и инвентаря обычно взималась с крестьян в натуральной форме (часть урожая и отработки). Таким образом, сдача машин внаем в этом случае представляла собой превращенную форму приобретения рабочей силы.

Все приведенные нами данные свидетельствуют о том, что употребление машин в сельском хозяйстве Закарпатья носило капиталистический характер, способствуя повышению технико-экономического преимущества крупного капиталистического производства, росту концентрации и технической эффективности средств производства в этих хозяйствах и повышению производительности труда, выражающегося в сокращении сроков посева и уборки, уменьшении затрат на рабочую силу, снижении себестоимости продукции и повышении урожайности. Вместе с тем употребление машин вело к сокращению спроса на рабочие руки и к созданию резервной армии безработных в сельском хозяйстве, к усилению применения наемного женского и детского труда в земледелии.

Все выгоды от применения машин шли на пользу крупным землевладельцам—помещикам и капиталистическим предпринимателям, получавшим значительные прибыли от улучшения ухода за землей и повышения производительности труда. Мелкий же производитель, «не имеющий возможности применять усовершенствованных орудий, вынужден,—как указывал В. И. Ленин,—отставать в уходе за землей, а «догонять» крупного хозяина путем вложения большего труда в землю при сохранении старых орудий, путем увеличения «прилежания» и удлинения рабочего дня могут только единицы и десятки из сотен и тысяч»¹⁵¹).

Однако увеличение числа машин в сельском хозяйстве Закарпатья к концу XIX столетия, сосредоточение их в крупных капиталистических хозяйствах, вводивших новую технику в условиях аграрного перенаселения и избытка рабочих рук в весьма ограниченных размерах, не привело к преодолению технической отсталости сельского хозяйства в целом. Об этом свидетельствует значительное отставание закарпатских комитатов от венгерских областей в механизации сельскохозяйственного производства. Характерно, что даже уровень технической оснащенности крупных помещичьих и арендаторских хозяйств в Закарпатье был относительно низким. Так, в хозяйствах с общей земельной площадью свыше 200 хольдов один локомобиль приходился на 6 хозяйств, одна

---

¹⁵¹) В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 406.

паровая молотилка — на 7 хозяйств, конная молотилка — на 8 хозяйств, одна уборочная машина — на 9 хозяйств, одна сеялка — на 2 хозяйства, одна веялка — также на 2 хозяйства.

Для выявления внутренних различий в экономике хозяйств различных групп В. И. Ленин привлекал наряду с данными о машинах сведения о рабочем скоте, которые позволяют заглянуть, так сказать, во внутрь хозяйства, в его оборудование, его постановку. Все остальные данные—о количестве земли, скота—«описывают хозяйство только внешним образом, приравнивая то, что заведомо неравно, ибо обращение с землей, а следовательно, и урожайность ее, качество скота и производительность его различны в различных хозяйствах. Как ни общеизвестен факт этой разницы, в общих статистических выкладках о ней обыкновенно забывают, и только данные о машинах и о рабочем скоте дают хоть некоторую возможность учесть разницу, показывают, в чью пользу (в общем и целом) эта разница»¹⁶²).

Обеспеченность сельского хозяйства Закарпатья тягловой силой животных была очень низкой. В 1870 году, например, на одного вола приходилось 3,6 гектара пахотной земли, на одну лошадь 7,4 гектара, а в 1895 году нагрузка на единицу тягловой силы еще более увеличилась: на одного вола — 4,7, на одну лошадь—9,2 гектара. В Венгрии же на единицу тягловой силы приходилась почти в два раза меньшая площадь¹⁶³). Особенно обделенными тягловой силой были низшие группы крестьянства. Пролетарским хозяйствам принадлежало только 20,4% конского поголовья (в Марамарошской жупе—18,9, а в Ужгородской—16,6%). На 5 хозяйств этой категории приходилась одна лошадь, включая и молодняк (в Марамарошском и Угочском комитатах—1 лошадь на 10 хозяйств); в мелкокрестьянских хозяйствах одна лошадь приходилась на 2—3 хозяйства¹⁶⁴).

Но эти средние цифры затушевывают огромный недостаток лошадей в низших группах хозяйств. Приводимые в

---

¹⁶²) В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 187

¹⁶³) Deb, 1879, стр. 156; Msé, 1872, стр. 44—45, Mos, IV, 1900, стр. 47—64

¹⁶⁴) Особенно низкой была обеспеченность лошадьми крестьянских хозяйств горных районов Закарпатья. Так, в 50 селах Бережской верховины в конце XIX столетия приходилось в среднем на одно хозяйство 0,5 головы лошадей, во многих селах (Ростока-Пастиль, Мокра, Стричава, Костьова-Пастиль, Вульшинка и др.) имела лошадей только 1/10—1/20 часть хозяйств, а в некоторых селах у крестьян не было ни одной лошади (Малая Турица, Липоц, насчитывавшие 136 хозяйств), см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1901 г., д. 198 лл. 6—18)

табл. 33 данные показывают число безлошадных крестьян в закарпатских жупах в конце XIX столетия¹⁶⁵⁾.

Таблица 33

Наименование хозяйств	Название жуп				Всего
	Береж- ская	Марама- рошская	Ужго- родская	Угоч- ская	
Пролетарские хозяйства:					
а) количество безлошадных дворов	12090	20628	8630	7325	48673
б) в % к своей группе	78,5	87,7	79,6	86,0	83,5
в) в % ко всем крестьянским хозяйствам	42,0	43,0	40,0	49,4	43,0
Мелкокрестьянские хозяйства:					
а) количество безлошадных дворов	4001	6705	2935	2135	15776
б) в % к своей группе	59,5	74,1	48,5	70,9	63,5
в) в % ко всем крестьянским хозяйствам	13,9	14,2	13,6	15,6	13,9
Средние хозяйства:					
а) количество безлошадных дворов	1814	5585	80	1056	8535
б) в % к своей группе	39,1	64,1	2,4	48,2	45,3
в) в % ко всем крестьянским хозяйствам	6,3	11,8	0,4	7,0	7,5
Всего:					
а) количество безлошадных дворов	17905	32918	11645	10516	72984
б) в % к хозяйствам своих групп	66,9	79,7	57,6	77,0	71,5
в) в % ко всем крестьянским хозяйствам	62,2	69,4	54,0	70,9	64,4

Таким образом, в конце XIX столетия 64,4% всех крестьянских хозяйств Закарпатья были безлошадными (в Марамарошском комитате — 69,4, в Угочском — 70,9%). В числе средних хозяйств безлошадных было 45,3%. Среди мелкокрестьянских хозяйств с общей площадью от 5 до 10 хольдов безлошадные дворы уже составляли 63,5% (Угочская жупа — 70,9, Марамарошская — 74,1%), а среди пролетарских хозяйств — 83,5% (в Угочской жупе — 86,0, в Марамарошской — 87,7%). В группе пролетарских хозяйств с наделом до 1 хольда безлошадных было: в Бережской жупе — 86, в Угочской — 89,3, в Марамарошской — 89,7 и в Ужгородской — 91,2%. В тяговых ресурсах пролетарско-бедняцких хозяйств, как видно из этого, лошадь занимала ничтожную долю. Взрослых рабочих лошадей имели только

¹⁶⁵⁾ Mos, IV, 1900, стр. 202—237.

10% хозяйств с общей земельной площадью до 5 хольдов (0,1 головы на хозяйство) и 25% с общей площадью от 5 до 20 хольдов (0,4 головы на хозяйство). На одно хозяйство с общей земельной площадью от 20 до 100 хольдов приходилось 1—2 головы лошадей.

Обеспеченность тягловой силой лошадей помещичье-капиталистических хозяйств была значительно выше: на одно хозяйство с общей земельной площадью от 100 до 200 хольдов приходилось от 2 до 3 голов лошадей, на одно крупное хозяйство в среднем — 4—8 голов и в латифундиальных хозяйствах — 18 голов лошадей (в отдельных из них, занимавшихся обработкой земли и заготовкой леса, было по 40—50 лошадей).

Такую же картину мы наблюдаем и в отношении обеспеченности хозяйств рабочими волами. В среднем на одно пролетарское хозяйство приходилось 0,3 головы взрослых рабочих волов; на одно мелкокрестьянское хозяйство — 0,5 головы. Средняя обеспеченность одного зажиточного хозяйства рабочими волами достигала 3—4 голов, крупного 20—30 голов. Распределение тягла по социальным группам хозяйств показывает, что подавляющая масса крестьянских хозяйств с общей земельной площадью до 5 хольдов (свыше 50%) не имела рабочего скота; в группе с общей земельной площадью от 5 до 10 хольдов таких хозяйств было более $\frac{1}{3}$, а с площадью от 10 до 20 хольдов — 25%¹⁶⁶). На каждое пролетарское хозяйство в Закарпатье в конце XIX столетия не приходилось и половины тягловой единицы скота. Если даже допустить, что все лошади, а также весь рогатый скот, включая коров и молодняк, использовались в пролетарских хозяйствах как тягловая сила, то и при этом условии на одно хозяйство этой категории приходилась 1 тягловая единица, составлявшая только 1 или $\frac{1}{2}$ полного «плуга». Мелкокрестьянское хозяйство располагало в среднем 1 тягловой единицей; причем лошади и волы здесь были хуже по качеству, чем в высших группах. Поэтому мелкокрестьянские и пролетарские хозяйства, не имеющие необходимой тягловой силы для обработки земли, вынуждены были прибегать к сунряге, которая являлась «кооперацией падающих хозяйств»¹⁶⁷), или обрабатывать землю рабочим скотом, взятым внаем у зажиточных хозяев, расплачиваясь за это частью урожая и обработками.

¹⁶⁶) На 670659 хозяйств всей Венгрии (начало XX столетия) с общей земельной площадью до 5 хольдов приходилось 425894 хозяйства без рабочего скота (63,5%), а на 442585 хозяйств с общей земельной площадью от 5 до 10 хольдов — 114622 хозяйства (25%) без рабочего скота (см. «Századok», № 2, 1952, стр. 442).

¹⁶⁷) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 56 (подстрочная сноска ***)

Половина средних хозяйств имела только по 2 тягловых единицы. Поэтому, можно сказать словами В. И. Ленина, «хозяйство среднего крестьянина находится в положении неустойчивом, и для обработки своей земли ему приходится прибегать к супряге»¹⁶⁸).

Объединение тягла крестьян для обработки земли получило широкое распространение в горных районах. «На Верховине, — писал один из закарпатских корреспондентов «Славянских известий», — по причине каменистой почвы пахание идет трудно; обыкновенно четырех волов впрягают в плуг, но если волы слабы, тогда орут шестью или даже восемью волами. Разумеется, что у каждого хозяина нет такой силы, поэтому два или три хозяина соединяются, спрягаются для пахания»¹⁶⁹).

Основная масса взрослых рабочих лошадей и волов была сосредоточена в хозяйствах с общей земельной площадью свыше 200 хольдов. В наибольшей мере тягловой силой были обеспечены хозяйства с общей земельной площадью свыше 200 хольдов. Если на одно кулацкое хозяйство приходилось в среднем 6—8 тягловых единиц, то в крупных хозяйствах насчитывалось по 30—50 и более единиц. Рабочие лошади и волы использовались тем полнее, чем крупнее были хозяйства по размерам земельной площади. В хозяйствах с общей площадью до 5 хольдов на одну единицу тягловой силы скота приходилось 2,3 хольда пахотной земли, в хозяйствах с общей площадью от 5 до 20 хольдов — 3,9 хольда, с площадью от 20 до 50 хольдов — 5,4 хольда, с площадью от 50 до 200 хольдов — 9,9 хольда и в хозяйствах с общей площадью свыше 200 хольдов — 12,6 хольда. Таким образом, площадь пахотной земли на единицу рабочего скота возрастает от низших групп к высшим, что свидетельствовало о более эффективном использовании рабочего скота в последних и вело к снижению доли затрат на его содержание в себестоимости сельскохозяйственной продукции.

Отсутствие рабочих лошадей и волов в низших группах хозяйств вынуждало их широко использовать для обработки земли молодняк, коров и нетелей¹⁷⁰), на которых приходилась значительная доля тягового баланса в низших группах хозяйств. 80% хозяйств с общей земельной площадью до 5 хольдов, свыше 50% хозяйств с площадью от 5 до 20 хольдов употребляли коров и нетелей в качестве рабочего скота. Это свидетельствовало об усилении нужды и росте разорения бедного и среднего крестьянства, об ухудшении условий про-

¹⁶⁸) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 56.

¹⁶⁹) «Славянские известия», № 18, 1889, стр. 498

¹⁷⁰) Указ. соч. Gałgóczi K., стр. 235

изводства в этих хозяйствах, так как применение для обработки земли преимущественно волов и особенно коров, работоспособность которых была наполовину ниже работоспособности волов, снижало качество обработки земли, урожайность крестьянских полей и удои коров. В. И. Ленин по этому поводу говорил, имея в виду крестьянские хозяйства России, если увеличивается число безлошадных крестьян, ухудшается состав рабочего скота, то ухудшается и содержание скота вообще, ухудшается обращение с землей, ухудшается питание и обстановка жизни земледельца, ибо в крестьянском хозяйстве, «чем хуже содержится и чем тяжелее работает скот, тем хуже живет и тяжелее работает также и человек, и обратно»¹⁷¹). Все приведенные нами данные, свидетельствующие об отсутствии или огромном недостатке рабочего скота и инвентаря в крестьянских хозяйствах, показывают, какая громадная масса крестьянских хозяйств Закарпатья была лишена возможности вести самостоятельное хозяйство и находилась постоянно на грани полного разорения и пауперизации.

**
#

Сельское хозяйство Закарпатья в целом носило экстенсивный характер. Низкий агротехнический уровень земледелия объяснялся господством отсталых помещичьих татифундий, значительными пережитками феодализма в аграрных отношениях, разорением крестьянских хозяйств, лишенных земли и скота, и наконец дешевой рабочей силы, представляемой пауперизированными низами закарпатской деревни. Если в Венгрии в 70—80-х годах все большее значение приобретала рациональная система севооборота¹⁷²), то в Закарпатье были сделаны еще только первые шаги по внедрению плодопеременной и травопольной систем. В отсталых горных районах преобладало трехполье, местами применялась двухпольная система с принудительным севооборотом, а также встречались «паленницы»—остатки подсечно-земледельческой системы.

В долинных районах, особенно в зажиточных и крупных капиталистических, фермерских хозяйствах, отчетливо видны сдвиги в деле интенсификации сельскохозяйственного производства. Но вследствие сильных остатков средневековых отношений и колониального положения Закарпатской Украины этот процесс здесь протекал сравнительно медленно. Эти же причины усугубляли тормозящее воздействие, оказы-

¹⁷¹) В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 186

¹⁷²) Указ. соч. Zs. P. P. a. ch., Über einige charakteristische Züge, стр. 1236

ваемое самой капиталистической системой рационализации земледелия. К. Маркс по этому поводу писал: Мораль истории, которую можно извлечь из непосредственного исследования земледелия при капитализме, заключается в том, что «капиталистическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой...»¹⁷³). Повышению уровня земледелия при капитализме противоречит и зависимость культуры особых земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду¹⁷⁴).

Погоня за извлечением максимальной прибыли и использование ради этой цели любых средств и, прежде всего хищнического истощения почвенного плодородия, жестокой эксплуатации рабочих и ограбления мелких земледельцев являлись главной помехой рациональной организации земледелия. «Капитализм повышает технику земледелия и ведет его вперед, — указывал В. И. Ленин, — но он не может делать это иначе, как разоряя, принижая и давя массу мелких производителей»¹⁷⁵).

Как мы показали выше, рост производства интенсивных культур в Закарпатье был незначительным: заметно увеличилась только площадь, занятая под картофелем и отчасти под кормовыми корнеплодами, а посевы технических и масличных культур даже сократились. Процесс интенсификации земледелия в известной мере выражал и увеличение степени использования пашни под посевы, возрастание количества сельскохозяйственных машин, мощности двигателей, применения удобрений и т. д. В. И. Ленин считал, что данные о расходах на удобрения и о стоимости орудий и машин «служат самым точным статистическим выражением степени интенсификации земледелия»¹⁷⁶). Такие данные по Закарпатью рассматриваемого периода отсутствуют, но, как видно из сопоставления количества сельскохозяйственных орудий и машин, приходившихся на единицу земельной площади в Венгрии и закарпатских комитатах, последние значительно отставали в этом отношении от степени механизации венгерских областей. О весьма ограниченных масштабах применения удобрений даже в зажиточных и крупных хозяйствах мы можем судить по таким данным. Как свидетель-

---

¹⁷³) К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 127

¹⁷⁴) Там же, стр. 630

¹⁷⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 409

¹⁷⁶) Там же, т. 22, стр. 28—29

ствуют современники и авторы, занимавшиеся этим вопросом, восстановление плодородия почвы путем внесения органических удобрений в Закарпатье во второй половине XIX столетия не было введено в систему¹⁷⁷), а минеральные удобрения применялись только эпизодически в крупных арендаторских капиталистических хозяйствах¹⁷⁸). Даже в 1912 году, например, снабженческо-сбытовая кооперация Закарпатья продавала сельскохозяйственных орудий, машин, удобрений и других товаров, необходимых для сельскохозяйственного производства, только на 271 тыс. крон, из них 39% приходилось на посевной материал, 16% на машины и орудия, 3% на смазочное масло, 2% на минеральные удобрения (5 тыс. крон), 4% на химикаты для уничтожения вредителей виноградников (10 тыс. крон)¹⁷⁹). Сельскохозяйственные машины, орудия, удобрения приобретали исключительно зажиточные и крупные хозяйства, так как высокие цены на промышленные товары сельскохозяйственного назначения исключали возможность покупки их разоренными массами крестьянства.

В отчетах экспозитуры горных районов неизменно фигурировал раздел «помощь населению высокогорными зерном для посева», но на самом деле сортавыми семенами крестьянские хозяйства Закарпатья не обеспечивались, а речь шла исключительно о том, что министерство земледелия в условиях полного отсутствия у подавляющей части крестьянских хозяйств зерна для обсеменения полей вынуждено было оказывать помощь крестьянам путем продажи им на льготных условиях посевного материала.

В течение 1897—1903 годов, по данным экспозитуры, было продано крестьянам 300 сел закарпатских комитатов около 11 тыс. центнеров посевного материала (картофеля 6 тыс. центнеров, овса — 2 тыс. центнеров, пшеницы и ржи — 2 тыс. центнеров, других культур — 700 центнеров) на сумму 109 тыс. крон со скидкой в 20—30% в рассрочку из 5% годовых¹⁸⁰). В 1905 году крестьянам 166 сел было продано около 8 тыс. центнеров зерна на сумму 136 тыс. крон, а в 1911 году — около 6 тыс. центнеров (на 208 тыс. крон)¹⁸¹).

177) См. указ соч D Richard, стр 35

178) В делах экспозитуры горных районов нами обнаружен единственный документ о попытке крестьян приобрести искусственные удобрения. В 1903 году сельское общество села Дешковиче (Бережская жупа) обратилось к акционерному обществу «Гунгария» по поводу покупки одного вагона минеральных удобрений (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1904, д. 340, л. 18) О результатах этих переговоров архивные документы ничего не сообщают

179) Msé, XX, 1912, стр 196—199

180) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1903 г., д. 460, лл 10—12.

181) Там же, оп. I, 1906 г., д. 720, лл 35 об —37; оп. III, 1912 г., д. 12, л. 78

Помощь со стороны правительства посевным зерном не способствовала повышению урожайности крестьянских полей и внедрению интенсивных культур, так как в продажу шли обычно не сортовые, а простые семена; в лучшем случае правительство достигало обсеменения больших площадей, которые без снабжения крестьян посевным материалом остались бы незасеянными. Однако для широких масс крестьянства продажа посевного зерна даже на льготных условиях не приносила избавления от нищеты, так как значительная часть собранного ими урожая шла на покрытие налогов, к тяжести которых присоединялась еще задолженность за взятый в рассрочку посевной материал¹⁸²⁾. Не случайно многие крестьяне избегали получения семенной ссуды от государства.

Опытных сельскохозяйственных станций, которые могли бы содействовать повышению уровня агрикультуры, в Закарпатье не существовало. Шесть «образцовых хозяйств» (в селах Бережской и Ужгородской жуп: Арданово, Н.-Верецки, Марокпопи, Берег-Шом, Бодоло, Тибова), созданные министерством земледелия из числа «лучших хозяйств»¹⁸³⁾, не могли способствовать этому как вследствие своей малочисленности, несоответствия методов ведения хозяйства требованиям агрономической науки, так и ограниченности государственной помощи этим хозяйствам («образцовым хозяйствам» выдавались ссуды в размере 500—1000 форинтов в рассрочку на 5 лет)¹⁸⁴⁾.

Относительно более высокого уровня интенсификации производства, как мы указывали, достигли крупные арендаторские капиталистические хозяйства и часть зажиточных хозяйств. В этих хозяйствах, сосредоточивших в своих руках большую площадь рыночной земли, и техника земледелия стояла значительно выше, чем в крестьянских хозяйствах, и урожай полей был более высоким, так как большой размер хозяйства, более обильный инвентарь и усовершенствованные орудия, наличие свободных денежных средств давали возможность проводить сельскохозяйственные работы в более сжатые сроки, лучше обрабатывать землю, применять удоб-

¹⁸²⁾ Только с 1897 по 1901 год накопилось задолженности по семенным ссудам свыше 15 тыс. крон (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 379, лл. 32—41).

¹⁸³⁾ См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1897 г., д. 9, лл. 1—30.

¹⁸⁴⁾ Там же, 1906 г., д. 720, лл. 28 об.—29; оп. III, 1912, д. 12, л. 72 Созданием «образцовых хозяйств», «газдовских обществ» и сельскохозяйственных кружков, которые в первую очередь и на особо льготных условиях снабжались сельскохозяйственными машинами, сортовым посевным зерном, посадочным материалом, племенным скотом и т. д., венгерское правительство стремилось укрепить экономическое положение кулацких хозяйств в Закарпатье как свою социальную опору.

рения, чистосортный посевной материал, вовремя произвести уборку и обмолот хлеба. Поэтому естественно, что и размер расходов на производство единицы сельскохозяйственных продуктов в этих хозяйствах был ниже, чем в крестьянских.

Особенно низким был агротехнический уровень крестьянских хозяйств и тех крупных латифундий, которые основывались на отработочной системе. Мало того, что крестьянам принадлежали земли низкого качества, выпаханые и истощенные, в результате проведения землеустройства в интересах помещиков возросла чересполосность, раскиданность крестьянских земель, затрудняющая их обработку и применение усовершенствованных севооборотов. Один из закарпатских авторов, указывая на необходимость ликвидации раскиданности крестьянских земель, а в этом он видел панацею от всех бед, переживаемых крестьянством, писал: Бедѣ может помочь «лишь нова мера, котру так можь перевести, абы каждый господарь тоты мале борозды, на котрых газдовати не годен, собрав в едно, и абы из часточок собрали окреме пасовище, лес и проч. и тогды успешно мож газдовати»¹⁸⁵). Как указывалось в одном из экономических обзоров более позднего периода¹⁸⁶), 2/3 площади всей земли в Закарпатье относилось к частновладельческому, государственному, урбанистическому, комбисосортному и общинному, а остальная 1/3 была разделена между крестьянами на мелкие участки. В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 2—3 гектара земли, обработка которой была «весьма примитивной, недостаточной и отсталой», в частности, после уборки урожая, как говорилось в обзоре, земля остается не вспаханной до апреля-мая месяца следующего года. Чешский автор Д. Рихард, характеризуя отсталость земледелия в Закарпатье, подчеркивал, что в крестьянских хозяйствах удобрения не применяются, озимая вспашка, рядковые посевы, мелиоративные работы и улучшения пастбищ не проводятся, а яровой клеи вследствие распространения поверий засеваются несвоевременно¹⁸⁷).

Не удивительно, что в этих условиях каждое стихийное бедствие приносило неимоверные лишения крестьянам, обрекая их на разорение и голод. Отсутствие мер борьбы с вредителями сельскохозяйственных растений¹⁸⁸), агролесомелиоративных мероприятий*, общий низкий уровень агрикультуры

¹⁸⁵) «Месяцослов» на 1913 год, Унгвар, 1912, стр. 131

¹⁸⁶) См. «Подкарпатская Русь 1919—1936», Ужгород, 1936, стр. 34

¹⁸⁷) См. указ. соч. D. Richard, стр. 10—11.

¹⁸⁸) В Закарпатье агротехнические средства защиты растений (лушение стерни и зяблевая вспашка, ранние сроки посева, сортировка зерна, борьба с сорняками и т. д.) применялись в очень ограниченных масштабах в крупных помещичье-капиталистических хозяйствах.

усугубляли тяжесть стихийных бедствий, от которых полностью погибало, даже по официальным заниженным данным, от 3 до 6% посевов*, а в отдельные годы урожай снижался по сравнению с предшествующим годом на 1/4 или даже на 1/3. Так, в результате неблагоприятной погоды, необыкновенного разномыслия полевых мышей и других стихийных бедствий валовой сбор сельскохозяйственных культур в Венгрии, в том числе и в Закарпатье, в 1897 году резко падает. В отчете министерства земледелия приводились такие данные: валовой сбор пшеницы в 1896 году составлял 38 млн. метро-центнеров, а в 1897 году — 22 млн. метро-центнеров (снижение на 40%), сбор ржи и ячменя упал на 30, овса — на 27, кукурузы — на 21%¹⁸⁹⁾.

Особенно тяжелый урон крестьянским хозяйствам нанесли систематически повторяющиеся разливы рек. Так, например, журнал «Листок» в 1895 году сообщал: Над Турянской долиной разразилась 30 июня страшная буря с градом. Около полутора часов падал град величиной с куриное яйцо, потом полил страшный ливень. Реки вышли из берегов, залили всю долину, уносили дома, скот, имущество. «Вся долина представляет днесь печальные останки разрушения. Бедный народ оставался без ничего!»¹⁹⁰⁾. Уполномоченный экспозитуры по Бережской жупе Э. Фишер в одном из своих донесений (октябрь 1902 года) сообщал: Весна, лето и осень были дождливыми и холодными. 22 и 23 сентября наступило резкое понижение температуры; заморозками уничтожены посевы кукурузы и посадки картофеля. Особенно катастрофическое положение в горных районах. Во многих местах Бережской верховины урожай погиб, хлеб и картофель не созрели, яровую рожь нельзя убирать даже в октябре. Урожай овса и картофеля едва покрывает посевной материал. Урожай фруктов очень низкий; убыток садоводства достигает 500 тыс. крон. Сено погибло от дождей и наводнений. Наиболее пострадали от стихийных бедствий верховинские села Свалявского округа (Латурка, Мишкаровице, Верхняя-Бистра, Тиссова, Задилско, Ялова, Шербовцы, Пашково и др.), а в селах, расположенных по течению реки Боржавы (Белки, Сельце, Луково, Полянка и др.), в результате разлива реки поля занесены песком или находятся под водой. Население Бережской верховины, заключал Э. Фишер, стоит перед угрозой массового голода¹⁹¹⁾. Такого рода тревожные сообщения поступали и в другие годы из многих районов Закарпатья.

Низкий агротехнический уровень земледелия в Закарпатье определил собой и низкое экономическое плодородие

¹⁸⁹⁾ АВВР, ф Политархив, 1901 г., д. 576, л. 186 об

¹⁹⁰⁾ «Листок», № 14, 15 июля 1895 года.

¹⁹¹⁾ ГАЗО, ф 772, оп 1, 1902 г., д. 343, лл. 14—85

почвы. К. Маркс указывал, что хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития земледельческой химии и механики, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития¹⁹²⁾. Представление об урожайности сельскохозяйственных культур в Закарпатье дает приводимая ниже таблица¹⁹³⁾.

Таблица 34

*Средняя урожайность основных культур
во второй половине XIX столетия**

В центнерах с одного гектара					
пшеница	рожь	ячмень	овес	кукуруза	картофель
6 8	6 7	7 9	8 9	8 9	40—65

Приведенные данные, естественно, не могут в полной мере отразить колебания урожайности, которые были в отдельные годы весьма значительными и зависели от многих причин как естественно-климатических, агротехнических, так и социальных. О колебаниях урожайности можно судить по таким примерам. Наиболее низкие урожаи пшеницы, ржи и ячменя были зарегистрированы в Угочском комитате (средний урожай пшеницы составлял здесь в 1868 году 5 центнеров с гектара, в 1870 году — 4,7 центнера и в 1900 году — 8,5 центнера; средний урожай ржи в 1870 году — 5,2 центнера, в 1895 году — 8,2 центнера и ячменя в 1868 году — 5,3 центнера, в 1869 году — 6 центнеров, в 1870 году — 5,3 центнера, в 1900 году — 8,7 центнера). В других жупах урожайность этих культур была несколько выше (9—10 центнеров).

Урожай овса по Марамарошской жупе в 1869—1870 годах составлял 5,7 центнера с гектара, в 1900 году — 7,1 центнера. Выше 13,1 центнера (Бережская жупа, 1869 год) урожайность овса в закарпатских комитатах во второй половине XIX столетия не поднималась. Урожайность кукурузы на протяжении 1867—1895 годов колебалась в пределах от 5,2 до 12 центнеров с гектара. В течение многих лет урожайность гречихи была чрезвычайно низкой (в 1867 году по Угочскому

¹⁹²⁾ См К. Маркс, Капитал, т III, 1950, стр 664

¹⁹³⁾ Здесь и в дальнейшем данные об урожайности приводятся на основе следующих источников: Msé, 1872, стр. 68—79; His, V, I, 1872, стр. 68—71, 78—79, 88—89, 92—99, 140—149, 264—269, 272—273; Msé, III, 1886, стр. 22—29, 34—41; Msé, III, 1896, стр. 110—113, Msé, VIII, 1901, стр. 88—89; Kjsé, 1901, стр. 428—429; Msé, IX, 1902, стр. 86; Msé, XIII, 1906, стр. 96—97; His, IV, I, 1871, стр. 148—155; Msé, 1895—1896, стр. 22—25; A Magyar Korona Országainak 1901—1915 évi mezőgazdasági termelése, Bdp., 1924; Statistická příručka Republ. Českosl., I, Praha, 1920, стр. 49.

комитату — 1,5 центнера с гектара, в 1870 году по Ужгородскому и Угочскому комитатам—3,9 центнера, в 1895 году по Бережскому и Марамарошскому комитатам—5,2 центнера). Наивысший урожай гречихи был отмечен в 1867 году по Бережской жупе—15,7 центнера. В 1895 году был собран наиболее высокий урожай проса (9—16 центнеров); в другие годы урожайность его сохранялась на уровне 5—6 центнеров с гектара.

В 70-х годах урожай семян льна не превышал 2—3 центнеров и волокна 1—2 центнеров с гектара; в 90-х годах сбор семян и волокна вместе по Марамарошской и Бережской жупам составлял 5 центнеров, повышаясь по Ужгородской и Угочской жупам до 6 центнеров. В 1870 году конопля давала 3—4 центнера семян и 2—3 центнера волокна; в 1890 году общий сбор семян и волокна по отдельным жупам достигал 7—8 центнеров с гектара. Особенно низким был урожай сурепицы. В 1863 году по Ужгородской жупе было собрано сурепицы по 3,8 центнера с гектара; в 1869 году урожай оценивался выше среднего и дал 5,2 центнера; в последующие годы урожайность этой культуры колебалась в пределах от 3 до 8 центнеров с гектара. Наиболее высокий урожай сурепицы (16,5 центнера с гектара), оцененный как «превосходный», был получен в Бережской жупе в 1869 году; в 1895 году урожай этой культуры достигал 9,5 центнера в Ужгородском и Бережском комитатах, снижаясь в Угочском комитате до 3 центнеров с гектара.

Табак выращивался, как мы указывали, преимущественно в Бережской и Ужгородской жупах, где урожай в отдельные годы был сравнительно высокий (в 1867 году — 6,0—8,2, в 1870 году — 10, в 1895 году — 11—13 центнеров; в других жупах урожай табака не превышал 3—4 центнера с гектара). Урожай винограда колебался в пределах 50—100 центнеров с гектара, косточковых плодовых деревьев — 3—4 тонны с гектара.

Особенно резкими были колебания урожайности картофеля: в 1867 году в Угочской жупе было собрано только 6 центнеров с гектара, а в Марамарошской жупе—37,5 центнера; в 1870 году в Ужгородской жупе 39,2 центнера, а в Угочской — 9,2 центнера; 1895 год дал урожай от 30 до 50 центнеров, а 1900 год — 70—80 центнеров, снизившийся в 1901 году до 50—70 центнеров, а в 1905 году—до 40—60 центнеров с гектара. Неурожай картофеля были частым явлением, особенно в горных районах Закарпатья. Так, в 1879 году в ответ на запрос министра внутренних дел главный жупан Ужгородского комитата доносил, что урожай зерновых, стручковых и овощей в долинных районах средний, а в горных областях картофеля, являющийся основным про-

дуктом питания крестьянства, совершенно не уродился. Крестьяне даже не возвратили посевного материала¹⁹⁴⁾.

Наиболее низкий урожай свеклы был отмечен в 1870 году (Ужгородский комитат—57 центнеров, Марамарошский—45, Угоцкий —9 центнеров); в 1895 году урожай свеклы по отдельным жупам колебался в пределах от 30 до 140 центнеров. Урожайность гороха и фасоли составляла 3—7 центнеров в 60-х годах, 3,5—5,5 центнера в 70-х годах и 4,9—8,7 центнера с гектара в 90-х годах.

В горных районах Закарпатья урожайность хлебов была особенно низкой и неустойчивой. Об этом можно судить по следующим данным, относящимся к Бережской жупе (1869 год)¹⁹⁵⁾.

Таблица 35

Наименование жупы и округа	Урожайность				
	озимая пшеница	хлебная смесь	рожь озимая	озимый ячмень	озимая сурепица
	в центнерах с одного гектара				
Бережская жупа	11,1	12,7	14,7	14,5	7,7
Мукачевский округ	19,6	19,6	26,1	—	19,6
Косоньский округ	13,1	10,9	16,4	21,8	13,1
Тиссагатский округ	10,9	13,1	12,0	12,0	6,5
Бережская верховина	6,5	8,7	12,0	-	6,5

Как видно из таблицы, урожайность указанных культур в горном районе (Бережская верховина) была ниже среднекомитатской почти на 30% (озимая пшеница — на 40, хлебная смесь — на 32, озимая рожь — на 19, озимая сурепица — на 16%), а по сравнению с долинными районами — на 60%.

Анализ данных об урожайности показывает, что во второй половине XIX столетия урожайность таких злаков, как пшеница, рожь, ячмень, овес, повысилась по отдельным комитатам за счет интенсификации помещичье-капиталистических хозяйств на 10—20%, а таких культур, как кукуруза, фасоль, горох, сурепица, просо, оставалась стабильной или даже понизилась. Урожайность озимых хлебов по сравнению с яровыми была выше в среднем на 20—30%.

Урожайность хлебов в Закарпатье была более низкой,

¹⁹⁴⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 29, лл. 5, 7—9.

¹⁹⁵⁾ Таблица составлена на основе данных His, IV, I, 1871, стр. 30—31.

чем в венгерских комитатах¹⁹⁶), о чем свидетельствуют приводимые ниже данные¹⁹⁷):

Таблица 36

Годы	Пшеница		Рожь		Ячмень		Овес	Кукуруза	Картофель	Кормовая свекла	Кормовой горох	Естественн. сенокосы
	озимая	яровая	озимая	яровая	озимый	яровой						
в % к урожайности перечисленных культур в венгерских комитатах												
1870	96	75	66	—	92	85	62	56	50	47	91	62
1885	84	85	98	90	84	63	82	61	130	83	80	81
1894	80		72		70		97	67	99			
1900	87		80		94		73	72	70			
1901	102		96		85		85	73	83			
1905	91		91		93		74	76	76			

Как видно из приведенных сравнительных данных, средняя урожайность важнейших культур в Венгрии превосходила урожайность в закарпатских комитатах по пшенице на 12—15%, по ржи, ячменю и картофелю — на 17—25%, по овсу — на 15—21%, по кукурузе — на 25—30%. По другим культурам урожайность в закарпатских жупах составляла по сравнению с венгерскими областями по хлебной смеси — 70—80%, по гречихе — 90—95%, по крупяным и стручковым — 80—90%, по кормовой свекле — 47%, по льну, конопле, табаку и естественным сенокосам — 80—90%. Урожай сеяных сенокосов был так же ниже, чем в венгерских областях: в 1870 году средний урожай трав составлял в Закарпатье 34 центнера с гектара, а в Венгрии (с Семиградьем) — 34,7 центнера; в 1871 году соответственно — 39,7 и 46 центнеров¹⁹⁸). Более значительный удельный вес скотоводства в Закарпатье при низкой урожайности трав приводил к более низкой обеспеченности скота сеном: в закарпатских комитатах на одну голову скота (в переводе на крупный рогатый скот) в 1870 году приходилось 5,5 центнера сена, а в Венгрии — 6,9 центнера.

Приведенные нами средние данные об урожайности хотя и показывают отсталость земледелия в Закарпатье по срав-

¹⁹⁶) Msé, 1872, стр. 68—69; His, IV, I, 1871, стр. 148—155, His, V, I, 1872, стр. 68—71; Msé, III, 1886, стр. 22—41, Msé, III, 1896, стр. 110—113; Msé, VIII, 1901, стр. 88—89; Kjsé, 1901, стр. 428—429, Msé, XIII, 1906, стр. 96—97.

¹⁹⁷) За 100 взята средняя урожайность в центнерах с 1 гектара по венгерским комитатам.

¹⁹⁸) Deb, 1879, стр. 136; Msé, 1872, стр. 78—79.

нению с венгерскими областями, но не раскрывают главного — различий в уровне урожайности хлебов в отдельных социальных группах хозяйств, а эти различия были значительными. В Закарпатье урожайность крестьянских полей, особенно в батрацко-бедняцкой группе, была ниже на 20—30%, чем в кулацких и помещичье-капиталистических хозяйствах, а в горных районах — на 50—60%¹⁹⁹). Народная поговорка, выраженная в словах «Кілька засіяв — кілька зібрав, а солома даром», — удачно характеризует жалкий размер урожайности крестьянских полей²⁰⁰). В результате технико-экономических преимуществ крупных хозяйств они получали и более высокие урожаи, поскольку различия в хозяйственной организации, технике и проч. суммируются в урожайности.

Наряду с цветущими помещичьими землями в Венгрии, — указывал А. Хевеши, — при тех же климатических и почвенных условиях весьма обычны нищенские, скудные урожаи крестьянской земли²⁰¹). Такое же явление было характерным и для Закарпатья. Неурожаи, повторявшиеся в закарпатских областях систематически через каждые 3—4 года, чрезвычайно бедственно отражались на крестьянских хозяйствах, особенно горных районов, стоявших на исключительно низком агротехническом уровне. Как указывала газета «Свет», земля на верховине самая «убогая», и овес, «сей единственный хлеб верховинцев», нередко давал урожай, не превышавший израсходованного посевного материала. По свидетельству Г. Халаса, урожай в долине Дусина на Бережской верховине даже на лучших помещичьих землях в 90-х годах не превышал 40 гектолитров картофеля, 5—6 центнеров овса и 7—8 центнеров сена с гектара²⁰²), а на крестьянских землях урожай был на 1/5 ниже. В отчете экспозитуры горных районов за 1903 год приводилось такое сравнение урожайности: в Венгрии средней урожай зерновых составлял 8 центнеров с одного гектара, а на верховине только 1,5—2 центнера²⁰³). В течение второй половины XIX и в начале XX столетия наблюдалось систематическое снижение урожайности полей в мелких и средних хозяйствах вследствие разорения их, технической деградации и истощения крестьянских земель.

Из всех приведенных нами данных можно сделать следующий основной вывод: несмотря на некоторый рост интенсификации капиталистических хозяйств во второй половине XIX столетия, ограничиваемой самим капиталистическим спо-

¹⁹⁹) См. указ. соч. А. Хевеши, стр. 143; И. Перени, стр. 109.

²⁰⁰) Указ. соч. П. Гапак, стр. 67.

²⁰¹) Указ. соч. А. Хевеши, стр. 9.

²⁰²) Указ. соч. И. Перени, стр. 133.

²⁰³) ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1903 г., д. 460, л. 9

собою производства и средневековыми аграрными отношениями, отсталость крестьянского земледелия, самые некультурные приемы эксплуатации земли, применяемые ими, а также экстенсивный характер многих латифундиальных хозяйств, принадлежащих дворянской аристократии, наложили печать застойности и экстенсивности на все сельское хозяйство Закарпатья.

3. НАЕМНЫЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Ни в одной области Австро-Венгрии разорение и пауперизация масс крестьянства не достигли таких масштабов, как в Закарпатье. Обездоленному и обезумевшему от вечной маеты закарпатскому землеробу оставалось только одно — нищенское существование и голодная смерть. Это заставляло его искать заработков на стороне. «Весь почти народ наш, заселяющий трущобы Карпатских гор, — писал А. Кралицкий, — живет в бедности, часто голодает от нередко случающихся неурожая зернового хлеба... Поэтому бедный народ принужден прибегать к иному способу пропитания. Марамарошин, например, сплавляет бревенчатые паромы по р. Тисе до Сегедина и Солнока, или казенную соль...». Крестьяне Земплинщины, Шарищины и Ужанщины «ходят ежегодно в дальние страны к мадьярам на жнива, или вымолот зерна. Без этого им бы пришлось умирать с голоду»²⁰⁴).

Р. Кайндль в цитированной нами статье, после посещения Марамароша, указывал, что ему бросалось в глаза многое такое, чего вообще в цивилизованных странах встретить невозможно. «То, что я видел, — писал Кайндль, — было настолько грустно, или вернее сказать ужасно, что некоторые из читателей, пожалуй, с недоверием покачают головой... Как буковинец, я и раньше часто слышал о бедности жителей верхнего Марамароша и о их беспомощности. Во время моих этнографических поездок в Карпатах Буковины и Галичины я неоднократно обращал внимание на то, что сюда приходит множество рабочих из Угорщины, чтобы вдаль от родного села найти скудный заработок в рубке леса и сплаве его. Ясно было, что экономические условия на их родине были тяжелые... Но то, что я видел и слышал в русских селах, было насмешкою над моими даже скромными ожиданиями...»

Население Марамароша, — говорилось в донесении одного из представителей высшего униатского духовенства (конец XIX века), — уже не может существовать за счет своего

²⁰⁴) Н. Н., О современном положении русских в Угрии, «Славянский сборник», т. I, СПб, 1875, стр. 54.

хозяйства и даже «при самой напряженной работе не в состоянии зарабатывать достаточно, чтобы прокормиться и спасти семью свою от голодной смерти...» Поэтому на протяжении многих десятилетий крестьяне мужчины «большую часть года проводят в лесах соседней Галиции, Буковины, Румынии и Трансильвании..., чтобы добыть гроши на содержание проживающей дома семьи»²⁰⁵).

Чрезвычайно слаборазвитая промышленность Закарпатья не могла поглотить и сотой доли выталкиваемых из деревни пауперов. Обездоленный русин не всегда мог найти применение своему труду и в помещичьих хозяйствах, так как предложение на рынках труда в связи с глубоким и интенсивным процессом разорения масс крестьянства превышало спрос на наемную рабочую силу. Все это создавало огромную резервную армию труда за счет деревенского пролетариата и удерживало на чрезвычайно низком уровне заработную плату. «Так в Галичине, Угорщине и Буковине встречаемся с явлением крестьянского пролетариата, — писал Т. Д. Флоринский. — Десятки тысяч сельского люда не имеют никакой земельной собственности, хозяйства и оказываются в положении батраков или даже хуже, в положении людей, лишенных возможности найти какой-либо заработок»²⁰⁶). Число сельскохозяйственного пролетариата среди закарпатских украинцев сравнительно больше, чем у какой-либо другой национальности Венгрии, — указывал И. Перени²⁰⁷).

Разоренный и голодный закарпатский крестьянин-бедняк должен был наниматься на любую работу и на любых условиях. И. Франко называл трудящиеся массы Восточной Галиции «народом-батраком». Их горькую долю, которую разделяла и деревенская беднота Закарпатья, он выразил в таких словах:

С рожденья он — батрак, хоть вольным окричали
Властители его;
В нужде безвыходной, в смиреньи и печали
Сам гнется под ярмо
Чтоб как-нибудь прожить, — он жизнь, и труд, и волю
За корку хлеба продает ²⁰⁸).

По нашим подсчетам, основанным на анализе данных о распределении общей земельной площади, пахотных земель, рабочего скота и доходов от сельского хозяйства между отдельными социальными группами хозяйств, количество крестьянских семей, существовавших, главным образом, за счет работы по найму, в конце XIX столетия превышало 90 тысяч,

²⁰⁵) Цит. по указ. соч. И Перени, стр. 122

²⁰⁶) Указ. соч. Т. Д. Флоринский, стр. 14.

²⁰⁷) Указ. соч. И Перени, стр. 110.

²⁰⁸) И. Франко, Избранные сочинения, т. I, М., 1948, стр. 88.

поставлявших более 150 тысяч годовых, сроковых и поденных сельскохозяйственных рабочих. Венгерская официальная статистика преднамеренно занижала их число, чтобы скрыть факт растущего разорения и обнищания закарпатского крестьянства. Многие тысячи безземельных крестьян, имевших только избу с огородом или с приусадебным участком, бедняки с мизерными клочками земли, вынужденные систематически прибегать к продаже своей рабочей силы и фактически являвшиеся батраками с наделом, венгерской статистикой относились к разряду «собственников» с «самостоятельными» хозяйствами.

В статистических сборниках обычно было отражено только общее число фактически занятых на день переписи сельскохозяйственных рабочих, что не давало точного представления о масштабах рынка сельскохозяйственного труда, о всей массе применяемого наемного труда и вело к недоучету значительной части временных рабочих. В. И. Ленин в этой связи указывал, что для оценки общего размера наемного труда, применяемого в сельском хозяйстве, необходимо учитывать все годовое количество его, а не наличие на день переписи, так как земледелие носит характер сезонного производства.

По официальным данным, общее количество занятых сельскохозяйственных рабочих в закарпатских комитатах в 1870 году достигало 100198 чел.²⁰⁹⁾; в конце XIX—начале XX столетия²¹⁰⁾ их число по сравнению с 70-ми годами сократилось на 1/4 (в 1900 году было занято 76290 чел. и в 1914 году—78046 чел.). Такое же явление мы наблюдаем и в Венгрии в целом: в 1870 году в Венгрии насчитывалось сельскохозяйственных рабочих более 2,6 млн., в 1890 году—3,8 млн., а в 1900 году—менее 2 млн.²¹¹⁾. Удельный вес годовых и сроковых рабочих на протяжении 1870—1914 годов снизился с 44 до 30 %, но соответственно возросла доля поденных рабочих.

Сокращение числа занятых сельскохозяйственных рабочих в конце XIX—начале XX столетия по сравнению с 70-ми годами объяснялось не сокращением предложения труда, так как, несмотря на массовую эмиграцию низших слоев

---

²⁰⁹⁾ Msé, 1872, стр. 118, Deb, 1879, стр. 74—75, 78—79, Msé, 1874, стр. 136, 140.

²¹⁰⁾ A. Magyar Korona országainak 1900 évi népszámlálása, II rész, Bdp., 1904, стр. 40—43; Magyar statisztikai közlemények, т. 67, Bdp., 1913, стр. 48;

Statistická příručka Republiky Československé, Praha, II, 1925, стр. 127.

²¹¹⁾ Msé, 1872, стр. 118; Deb, 1879, стр. 74—75, 78—79; Msé, 1874, стр. 136—140; Mag. statiszt. közlemények, т. 67, 1918, стр. 48—50; Böhm Vilmos. Két forradalom tüzeiben, Bécs., 1923, стр. 13, E Ieszénszky. A földbirtokviszonyok alakulása Magyarországon Korunk, I, Bp., 1936, стр. 212 и сл.

крестьянства, в закарпатской деревне постоянно ощущался не недостаток, а избыток рабочих рук, являвшихся результатом действия имманентных законов развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. В течение второй половины XIX столетия не менее 1/4 всего сельского населения Закарпатья, для которого работа по найму служила основным средством существования, не могла найти применение своему труду и составляла кадры постоянной армии безработных в закарпатской деревне. Как указывалось в меморандуме парламентской комиссии, созданной в 1897 году для разработки мероприятий по осуществлению так называемой «верховинской акции», правительству следует организовать вербовку рабочих в закарпатских комитатах по контрактам ввиду большого количества безработных. Только в одном Свалявском округе, как говорилось в меморандуме, имеется 98 тыс. неиспользованных поденщиков²¹²).

Сокращение числа занятых рабочих в сельском хозяйстве Венгрии явилось, прежде всего, результатом усиления их эксплуатации, капиталистической рационализацией производства за счет рабочих и ростом применения машин. К. Маркс в этой связи указывал: «Как скоро капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того как оно овладевает им, спрос на сельских рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в промышленности неземледельческой, большим привлечением их»²¹³).

Сокращение доли постоянных рабочих* объяснялось не уменьшением их абсолютного числа, а распространением системы «привязывания» рабочих к поместьям путем предоставления им участков земли. Такие сельскохозяйственные рабочие официальной статистикой уже относились к «самостоятельным» карликовым крестьянским хозяйствам.

Удельный вес представителей отдельных национальностей в составе сельскохозяйственных рабочих Закарпатья установить очень трудно, так как венгерская статистика сознательно преуменьшала количество немадьярского населения. По данным переписи 1910 года²¹⁴), в общем числе рабочих, занятых в сельском хозяйстве закарпатских комитатов, русинов было 43,6%, венгров — 28, румын — 17,5, словаков — 5,0, евреев — 3,1, немцев — 2,8%. Удельный вес закарпатских украинцев в составе сельскохозяйственных рабочих был в действительности значительно выше и достигал, по нашим подсчетам, приблизительно 70%.

212) Указ соч. Й. Перени, стр. 135

213) К. Маркс, Капитал, т. I, 1950, стр. 648

214) См. указ соч. Й. Перени, стр. 107.

Известно, что применение наемного труда является главным отличительным признаком развития капитализма в сельском хозяйстве. Поэтому важно установить, в каких социальных группах хозяйств и в каких масштабах использовался труд наемных рабочих, которых поставляли батрацко-бедняцкие слои крестьянства, составлявшие более 70% всех крестьянских хозяйств Закарпатья.

Статистические и архивные данные позволяют утверждать, что почти все хозяйства с общей площадью земли свыше 30 хольдов велись при помощи наемных рабочих (в группе с общей площадью 50—100 хольдов — 90%, в группе с площадью свыше 100 хольдов — все хозяйства). Около 1/4 хозяйств с общей земельной площадью от 20 до 30 хольдов и некоторые хозяйства, имевшие менее 20 хольдов, также пользовались наемным трудом; к числу последних относились мелкие по размеру земельной площади виноградарские, промыслово-садоводческие, табаководческие хозяйства, или хозяйства, где главным занятием являлось не земледелие и скотоводство, а промыслы или торговля.

На одно хозяйство с общей земельной площадью до 5 хольдов приходилось 0,01 наемного рабочего, с площадью от 5 до 20 хольдов — 0,2 рабочего; в хозяйствах с общей земельной площадью от 20 до 100 хольдов — до 5 рабочих. Отдельные кулацкие хозяйства нанимали по несколько десятков сельскохозяйственных рабочих. Так, например, кулак Шолтес из села Дравцы Ужгородской жупы, владевший 50 гектарами земли, эксплуатировал труд 30 батраков²¹⁵). Использование значительного числа наемных сельскохозяйственных рабочих зажиточным крестьянством свидетельствовало о том, что необходимым условием его существования являлось образование контингента батраков и поденщиков.

В хозяйствах с общей земельной площадью свыше 200 хольдов на одно хозяйство приходилось от 30 до 100 и более постоянных и временных рабочих. Крупные арендаторы-предприниматели, как, например, Болейман, Зихерман, Готесман и другие, эксплуатировали труд многих десятков рабочих (в их хозяйствах было занято от 20 до 70 рабочих)²¹⁶).

Подавляющее большинство постоянных и временных рабочих (свыше 90%) концентрировалось в кулацких, крупных арендаторских и помещичьих хозяйствах. При этом характерно, что доля постоянных рабочих, т. е. более квалифицированных по сравнению с временными, была тем выше, чем было крупнее хозяйство по общей земельной площади (в хозяйствах

---

²¹⁵) Газета «Закарпатская правда», Ужгород, № 252, 9 декабря 1947 года.

²¹⁶) Мос, II, 1897, стр. 270—275, 301—309.

с общей площадью свыше 200 хольдов постоянные рабочие составляли 60—70% всех рабочих). Женский и детский труд применялся преимущественно в зажиточных крестьянских и отчасти в средних помещичьих хозяйствах.

В крестьянских хозяйствах Закарпатья отношение числа хозяйств, нанимающих поденщиков, к числу хозяйств, нанимающих постоянных рабочих-батраков, понижается от низших групп крестьян к высшим. В низших группах число хозяйств, нанимающих поденщиков, всегда превышает в 5—6 раз число хозяйств, нанимающих батраков. Наоборот, в хозяйствах с общей земельной площадью 30—100 хольдов число хозяйств, нанимающих батраков, оказывается иногда большим, чем число хозяйств, нанимающих поденщиков. «Этот факт, — писал В. И. Ленин, — явно указывает на образование в высших группах крестьянства настоящих батрацких хозяйств, основанных на постоянном употреблении наемного труда; наемный труд распределяется равномернее по временам года, и получается возможность обходиться без более дорогого, без более хлопотливого найма поденщиков»²¹⁷).

**

Цены на рабочую силу в Закарпатье, вследствие аграрного перенаселения и избытка рабочих рук, были ниже, чем в других областях Венгрии. Средний размер дневной заработной платы сельскохозяйственного рабочего в Закарпатье во второй половине XIX столетия составлял 80—90 филлеров²¹⁸). Некоторое повышение размеров номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в конце XIX столетия, помимо конъюнктурных факторов, объяснялось массовым переселением закарпатского крестьянства в другие страны. «Эмиграция населения в Америку, — писал в своем отчете за 1891 год главный жупан Ужгородского комитата, — привела к повышению цен на труд сельскохозяйственных рабочих»²¹⁹).

Следующая таблица²²⁰) показывает соотношение среднего размера заработной платы поденных сельскохозяйственных

²¹⁷) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 82.

²¹⁸) Данные о среднем размере заработной платы сельскохозяйственных рабочих выведены на основе следующих источников: His, V, 1, 1872, стр. 294—311, 328, Msé, III, 1886, стр. 50—61, 105—106, Msé, VIII, 1901, стр. 77—78; Mezőgazdasági munkábérek Magyarországon 1896—ben, Bdp., 1898, стр. 113, 118 и сл.; Msé, IX, 1902, стр. 78—79; Msé, XIII, 1906, стр. 86—88; Kjsé, 1901, стр. 417, 418; Deb, 1879, стр. 122—127, Deb, 1894, стр. 19—21; ГАЗО, ф. 4, д. 304, л. 23 об.; ф. 5, д. 560, л. 31 об.; ГАЗОФ, ф. 87, л. 1119

²¹⁹) ГАЗО, ф. 7 (Наджупан Ужанской жупы), оп. III, л. 2700, л. 19.

²²⁰) His, V, 1, 1872, стр. 294—311, 328, Deb, 1879, стр. 122—127, Msé, III, 1886, стр. 50—61, 105—106, Msé, VIII, 1901, стр. 77—78, Msé, IX, 1902, стр. 78—79, Msé, XIII, 1906, стр. 86—88.

рабочих по полу и возрасту²²¹), а также колебания заработной платы в зависимости от времени найма рабочих²²²).

Таблица 37

Годы	Весна			Лето			Осень			Зима		
	мужчины	женщины	дети	мужчины	женщины	дети	мужчины	женщины	дети	мужчины	женщины	дети
1871	110	69	50	139	92	60	105	68	56	84	61	49
1900	106	74	51	152	107	67	119	80	53	87	61	44

Из таблицы видно, что заработная плата женщин была на 30—40%, а детей на 50—60% ниже, чем заработная плата мужчин²²³). Наиболее высокая заработная плата естественно удерживалась в летние месяцы, затем по нисходящей линии следовали осенние, весенние и, наконец, зимние месяцы. Если принять средний размер заработной платы сельскохозяйственного рабочего на протяжении 1872—1900 годов за 100, то в осенние и весенние месяцы заработная плата снижалась на 1/4, а в зимние — наполовину и более. В осенние месяцы заработная плата ниже, чем в летние, а зимой и весной «падает до самых минимальных размеров», указывалось в донесении русского консула в Будапеште²²⁴).

Сравнение сезонных размеров заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье в течение 1871—1900 годов показывает, что заработная плата мужчин в весенние месяцы понизилась в среднем со 110 до 106 филлеров, т. е. на 3,6%, в то время как заработная плата женщин повысилась с 69 до 74 филлеров, т. е. на 6,8%, и зарплата детей — на 2%. Причина этого явления заключалась в том, что некоторые виды весенних полевых работ (очистка зерна, вывоз удобрений на поля, боронование и др.), которые ранее считались «мужским» занятием, в конце XIX столетия в связи с усилением эмиграции и сокращением числа рабочих-мужчин стали выполняться трудом женщин и детей, получавших

²²¹) В отдельные годы женщины и дети составляли половину всех сельскохозяйственных рабочих.

²²²) В таблице показана средняя заработная плата рабочих на собственном питании.

²²³) Mésé, XIII, 1906, стр. 447*. В Венгрии в конце XIX столетия заработная плата женщин составляла 60—63% заработка мужчины, а детей — 40% (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115 т. I, л. 441; ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 205).

²²⁴) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 205

в связи с этим несколько большую заработную плату чем обычно. Однако от такого повышения заработной платы выигрывали только наниматели, которые за «мужской» труд платили женщинам и детям 60—70% заработной платы мужчин.

Основными формами заработной платы сельскохозяйственного рабочего, представляющей собой превращенную форму стоимости или цены его рабочей силы, являлись повременная и сдельная. Постоянные рабочие, как правило, получали повременную оплату, сезонные — сдельную. Одна из особенностей оплаты труда сельскохозяйственных рабочих заключалась в том, что их заработная плата состояла обычно из двух частей — денежной и натуральной, в последнюю включались продуктовый паек или питание, одежда и обувь, часть собранного урожая или, наконец, небольшой клочок земли, корм для скота и т. д. Соотношение размеров заработной платы поденных сельскохозяйственных рабочих на хозяйском и собственном питании характеризуют следующие данные (в филлерах)²²⁵.

Таблица 38

Годы	Весна			Лето			Осень			Зима		
	мужчины	женщины	дети	мужчины	женщины	дети	мужчины	женщины	дети	мужчины	женщины	дети
1871	110	69	50*	139	92	60	105	68	50	84	61	49
	80	50	36	99	69	45	67	48	35	44	36	34
1900	106	74	51	152	107	67	119	80	53	87	61	44
	69	50	34	114	74	48	77	54	35	58	41	26
1904	125	86	69	191	134	96	129	113	81	112	81	58
	86	63	44	138	92	67	84	76	55	71	50	31

Приведенные данные показывают, что заработная плата сельскохозяйственных рабочих на хозяйском питании обычно снижалась на 30—40%. Так, в 1871 году весной средний размер заработной платы на хозяйском питании для всех категорий рабочих был ниже заработной платы на своем пита-

²²⁵ His, V, I, 1872, стр. 294—311, 328; Deb, 1879, стр. 122—127; Msé, III, 1886, стр. 50—61, 105—106; Msé, VIII, 1901, стр. 77—78; Msé, IX, 1902, стр. 78—79, Msé, XIII, 1906, стр. 86—88. В приведенной таблице числителем показан размер заработной платы на собственном питании рабочего, в знаменателе — на хозяйском питании.

нии — на 28, летом — на 30, осенью — на 32 и зимой — на 36%; в 1904 году зимой — на 40%. В 1904 году цена продуктового пайка, получаемого рабочим от хозяина, возросла по сравнению с 1871 годом на 10—15%. Имея в виду, что значительная часть рабочих находилась на хозяйском питании, это повышение цены продуктового пайка приводило к снижению в таких же размерах их заработной платы в денежном выражении. Если же учесть, что цена дневного рациона питания сельскохозяйственных рабочих была значительно выше рыночной, то для нанимателей натуральная часть оплаты труда рабочих служила средством снижения их реальной заработной платы. «Во многих местах землевладельцы дают рабочим пищу и в таком случае задельная плата довольно низка» — указывал в своем донесении (1901 год) русский генеральный консул в Будапеште²²⁶). В Венгрии в 1897 году поденный рабочий получал на своих харчах 186 филлеров, а на хозяйских — 140 филлеров (снижение на 23%), а во время уборки урожая соответственно 236 и 178 филлеров (снижение на 25%). В 1901 году средний размер оплаты труда сельскохозяйственного рабочего мужчины летом, при сдельной работе, без питания составлял 166 филлеров, а с питанием — 130 филлеров (снижение на 22%), соответственно оплата труда женщин — 80 и 144 филлера (снижение на 30%) и детей — 50 и 76 филлеров (снижение на 34%)²²⁷).

Приведенные нами средние размеры заработной платы сельскохозяйственных рабочих, как и всякие «средние» данные, не отражают колебания оплаты труда рабочих и сглаживают расхождения между наибольшими и наименьшими ее размерами. Табл. 39 раскрывает именно эту сторону в оплате труда сельскохозяйственных рабочих²²⁸).

В 1870—1871 годах, как показывают приведенные данные, максимальный размер дневной заработной платы мужчин достигал наивысшего предела в летние и осенние месяцы и составлял 260 филлеров, а на протяжении 1884—1885 годов — 300—400 филлеров; наибольший размер заработной платы женщин в 1870—1871 годах составлял 160—170 филлеров и в 1884—1885 годах — 200 филлеров; размер заработной платы детей соответственно колебался в пределах 140 филлеров в 1870—1871 годах и 100—120 филлеров в 1884—1885 годах.

Минимальный размер заработной платы был наиболее

²²⁶) АВПР, ф. Политархив 1901, л. 576, л. 204 об.

²²⁷) Там же, л. 205.

²²⁸) His, V, I, 1872, стр. 294—311, 328, Deb, 1879, стр. 122—127, Msé, III, 1886, стр. 50—61, 105—106; Msé, VIII, 1901, стр. 77—78; Msé, IX, 1902, стр. 78—79; Msé, XIII, 1906, стр. 86—88.

низким в зимние и весенние месяцы. Наименьшая заработная плата мужчин в 1870—1871 годах составляла 28—32 филлера, а в 1884—1885 годах — 24 филлера; соответственно заработная плата женщин составляла 20 и 12 филлеров и детей — 10 филлеров. В 1870—1871 годах наименьший размер зара-

Таблица 39

Годы	Шкала заработной платы (в филлерах)								
	мужчины			женщины			дети		
	наивысшая	наименьшая	средняя	наивысшая	наименьшая	средняя	наивысшая	наименьшая	средняя
В е с н а									
1870—1871	230	32	118	160	20	60	90	12	42
1884—1885	240	24	100	140	12	70	100	10	42
Л е т о									
1870—1871	260	40	129	170	24	68	140	16	52
1884—1885	300	36	146	200	32	88	100	16	58
О с е н ь									
1870—1871	260	30	104	160	20	74	140	10	44
1884—1885	400	30	146	200	32	90	120	16	54
З и м а									
1870—1871	200	28	82	120	10	56	70	8	38
1884—1885	280	24	100	160	12	64	60	10	38

ботной платы был ниже максимального в 6—8 раз, а в 1884—1885 годах — в 6—13 раз; соответственно минимальные размеры заработной платы по сравнению со средними ее размерами были ниже в 3—6 раз. До 7/10 всех рабочих получали минимальный размер заработной платы, 2/10 — средний и только 1/10 — выше средней.

Хотя в 1884—1885 годах по сравнению с 1870—1871 годами средняя заработная плата рабочих несколько повысилась, но вместе с тем снизились минимальные размеры заработной платы (рабочих мужчин в целом с 32 до 28 филлеров, а в зимние и весенние месяцы с 30 до 24 филлеров; заработная плата женщин в зимние и весенние месяцы снизилась с 20 до 12 филлеров), а это означало, что заработная плата почти 75% рабочих в 1884—1885 годах по сравнению с 1870—1871 годами понизилась в зимние и весенние месяцы на 15—20%.

Важнейшими рынками сельскохозяйственного труда являлись закарпатские города Мукачево, Ужгород, Берегово,

Хуст, Марамарош-Сигет и венгерские города Дебрецен, Сатмар, Сольнок, Туркеве и др. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих на венгерских рынках труда была выше, чем на закарпатских. Так, в 1870—1871 годах средняя заработная плата поденных сельскохозяйственных рабочих по четырем закарпатским жупам составляла 80 филлеров, а в венгерских комитетах Бач-Бодрог, Крашшо, Липто, Арад она достигала 89 филлеров²²⁹), т. е. была выше на 11%. В 1873 году дневная заработная плата сельскохозяйственных рабочих мужчин на рынках Мукачева, Берегова и Хуста колебалась в пределах от 114 до 136 филлеров, а в Сатмаре достигала 192 филлеров; в 1874 году соответственно соотношение было 90—126 и 148 филлеров. В венгерском комитате Бихар в 1873—1874 годах заработная плата была выше, чем в закарпатских областях на 39,5%²³⁰). Средняя дневная заработная плата рабочего мужчины в 1876 году составляла в Мукачеве 92 филлера, в Берегове — 132, в Хусте — 82, в Марамарош-Сигете — 142 и в Сатмаре — 162 филлера. В 1884—1885 годах в венгерских комитетах Бекеш и Гонт заработная плата была выше, чем в закарпатских столицах на 27%²³¹).

В 90-х годах разрыв в заработной плате сельскохозяйственных рабочих в закарпатских и венгерских комитетах еще более увеличился, о чем свидетельствуют следующие данные за 1894 год²³²).

Таблица 40

Рынки труда	Размер дневной заработной платы (без питания), в филлерах		
	мужчины	женщины	дети
Хуст	112	82	60
Мукачево	114	94	68
Берегово	142	106	84
Туркеве	143	90	70
Дебрецен	195	108	78
Сольнок	236	186	91

Таким образом, если заработная плата рабочих мужчин на закарпатских рынках составляла в 1894 году 112—142 филлера, то на венгерских рынках она достигала 143—236 филлеров, т. е. была выше на 30—40%²³³). Накануне первой мировой империалистической войны средняя годовая заработ-

²²⁹) His, V, I, 1872, стр. 296—311.

²³⁰) Deb, 1879, стр. 127.

²³¹) Msé, VIII, 1901, стр. 77.

²³²) Msé, VIII, 1901, стр. 77, Kjsé, 1901, стр. 417—420.

²³³) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 205.

ная плата сельскохозяйственных рабочих в отдельных закарпатских комитетах колебалась в пределах 400—496 крон, а в венгерских комитетах она достигала 625 крон.

Совершенно естественно, что вследствие избытка рабочих рук в закарпатских комитетах и более высоких цен на рабочую силу в венгерских областях многие закарпатские батраки в страдную пору устремлялись на ближайшие венгерские рынки, уходили в поисках заработка «на мадьяры», в Альфельд (Венгерская равнина). Русины Верховины большими группами нанимаются на работу к венгерским помещикам для жатвы и молотбы хлеба, — указывал Т. Легоцкий²³⁴).

Экспозитура горных районов министерства земледелия в Закарпатье помимо продажи племennого скота, посевного материала и т. д. осуществляла также и посредничество в найме сельскохозяйственных рабочих, обеспечивая вербовку их для работы в помещичьих имениях Венгрии. Ежегодно, начиная с 1898 года, от 500 до 2000 сельскохозяйственных рабочих из Закарпатья направлялись экспозитурой по заявкам землевладельцев в венгерские области (в 1905 году в комитаты Шариш, Чонад, Арад и др. на полевые работы было послано около 1400 рабочих, а в 1911 году — 2300 чел)²³⁵).

Экспозитура рассматривала посредническую деятельность как свою важнейшую функцию в том смысле, что ее «посредничество» служило интересам венгерских аграриев в использовании дешевого труда закарпатской бедноты. Так, на заявку о вербовке рабочих (1904 год), поступившую в экспозитуру от многих ситательных владельцев латифундий Венгрии [эрцгерцог Иосиф (жупа Арад), графы И. Дражкович (жупа Срем), Ш. Нахо, Герлици (жупа Торонтал), И. Карольи (жупа Чонград), Д. и И. Олмаши (жупа Сольнок) и др.], правительственный комиссар Й. Кази обещал приложить все старания для выполнения этих заявок, подчеркивая вместе с тем, что обеспечение помещичьих хозяйств Венгрии рабочей силой является «святой обязанностью экспозитуры»²³⁶).

Таким образом, не нужды разоренных масс закарпатского крестьянства, а интересы помещиков определяли собой посредническую деятельность экспозитуры. Мало того, надо указать, что это «посредничество» выходило далеко за рамки деятельности обычного бюро по найму рабочих, так как оно не было направлено на обеспечение работой огромной резервной армии безработных (вербовка экспозитурой 2 тыс.

²³⁴) Указ. соч. Lehozky T. Beregvármegeye. II, стр. 321.

²³⁵) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1906 г., д. 720, л. 57; оп. III, 1912, д. 12, л. 92

²³⁶) Там же, 1903—1906 гг., д. 498, лл. 11—21.

рабочих в год не могла даже ослабить безработицу в Закарпатье), а преследовала прежде всего политические цели, а именно: создание из числа самых забытых, темных и политически отсталых закарпатских безработных так называемого «рабочего резерва», точнее — резерва штрейкбрехеров, предназначенного для срыва стачек венгерских сельскохозяйственных рабочих²³⁷⁾

**
*

Жизненный уровень сельскохозяйственного рабочего в Закарпатье был чрезвычайно низким, не обеспечивающим во многих случаях даже нормального воспроизводства его рабочей силы. В конце XIX и особенно в начале XX столетия наблюдалось дальнейшее снижение жизненного уровня рабочих, выражавшегося как в относительном, так и в абсолютном падении реальной заработной платы. Начиная с 90-х годов XIX столетия при некотором повышении номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Венгрии, реальная заработная плата снизилась, так как рост цен на продукты первой необходимости значительно обгонял рост заработной платы²³⁸⁾. Один из реакционных чиновников русского консульства в Будапеште (автор обзора о положении сельскохозяйственных рабочих в Венгрии), защищавший интересы помещиков и враждебно относившийся к рабочим, считая их жалобы на тяжелые условия жизни «преувеличенными», все же должен был признать, что «в общем, сравнительно с доходностью земли, заработные цены слишком малы» и что «доход, получаемый рабочим, не удовлетворяет его потребностей»²³⁹⁾.

О размерах реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье можно судить по таким данным, основанным на сопоставлении размеров дневной заработной платы и средних цен на продукты питания. В конце XIX столетия дневная заработная плата сельскохозяйственного рабочего на своем питании в закарпатских областях, как мы указывали, составляла 80—90 филлеров, а цена килограмма пшеницы на закарпатских рынках достигала 20 филлеров, т. е. за дневную заработную плату рабочий мог приобрести 4 — 4,5 кг пшеницы.

Однако эти средние данные не выражают в полной мере фактических размеров заработной платы, так как заработок

---

²³⁷⁾ Подробнее вопрос о «рабочем резерве» будет рассмотрен нами во втором томе настоящей работы.

²³⁸⁾ См. «Századok», № 2, Vdp., 1952, стр. 501.

²³⁹⁾ АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, л. 442 об

70% рабочих был ниже среднего в 3—4 раза. Поэтому дневная заработная плата 7/10 общего числа сельскохозяйственных рабочих соответствовала цене 1 кг пшеницы. Количество других продуктов питания, которые рабочих мог приобрести на рынке за дневную заработную плату, можно выразить следующим образом: рожь — 5,2 кг при среднем размере заработной платы и 1,8 кг при минимальном размере, или соответственно мука пшеничная — 2,6 и 0,6 кг, мясо говяжье — 0,9 и 0,2 кг, свиное сало — 0,6 и 0,1 кг, сливочное масло — 0,3 и 0,08 кг²⁴⁰). Если в 70-х годах на среднюю заработную плату рабочих мог купить 7 кг ржи или 6 кг пшеницы, то в 90-х годах — только 5,2 кг ржи и 4,3 кг пшеницы.

Как видно из приведенных данных, средняя дневная заработная плата сельскохозяйственного рабочего в Закарпатье во второй половине XIX столетия покрывала только минимальные потребности его в продуктах питания; в лучшем случае рабочий мог сэкономить за счет ухудшения своего питания 10—20 филлеров в день. В. И. Ленин в своем произведении «Заработная плата сельских рабочих»²⁴¹) привел следующие данные, характеризующие изменения реальной заработной платы сельскохозяйственного рабочего в России: в 1902—1904 годах сельский рабочий мог купить на поденную плату 0,93 пуда ржи, а в 1906 году — 0,91 пуда. В Закарпатье в начале XX столетия количество ржи, которое мог купить сельскохозяйственный рабочий за поденную плату, составляло 0,5 пуда, т. е. почти в два раза меньше, чем в России.

На конгрессе сельскохозяйственных рабочих Венгрии (февраль 1897 года) один из делегатов, характеризуя бюджет поденного рабочего, приводил такие данные: в среднем в год поденщик зарабатывает 150 форинтов. Из этого заработка от 11 до 16 форинтов поглощают различного рода налоги, от 25 до 30 форинтов уходит на квартирную плату, до 30 форинтов расходуется на одежду и т. д. На питание рабочего с семьей остается 12 крейцеров (26 филлеров) в день. «Цифра эта несомненно мала», указывал представитель русского консульства в Будапеште, комментируя это выступление рабочего на конгрессе²⁴²). Насколько мизерным был бюджет поденного рабочего в Закарпатье, какая ничтожная доля его заработка шла на самые необходимые нужды, на пита-

²⁴⁰) Msé, VIII, 1901, стр. 80, 180; Msé, IX, 1902, стр. 77. При определении жизненного уровня сельскохозяйственных рабочих необходимо учитывать то обстоятельство, что большинство из них не работало круглый год, а только сезонно, по несколько месяцев. На тот заработок, который рабочий получал за сезон, он должен был прожить с семьей круглый год.

²⁴¹) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 156

²⁴²) См. АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, лл. 441 об.—442.

ние самого рабочего и его семьи, если поденщик мог заработать, при условии полной занятости, не более 90—100 форинтов в год.

По данным Г. Халаса, бедные крестьяне 13 сел долины Верецкой Свалявского округа в 1895 году получили, работая батраками и лесорубами, 10600 форинтов; на каждую семью приходилось в среднем 60—80 форинтов. Такой ничтожный размер заработка, как считал Г. Халас, обеспечивал «сравнительное благополучие»²⁴³). Средний дневной заработок на семью из 4—5 чел. составлял в данном случае 34 филлера, равный рыночной цене 2 кг ржи, или 1,7 кг пшеницы, или 2,8 кг кукурузной муки. Зарботок поденщиков села Свалявы не превышал, по тем же данным, 26—30 форинтов в год на семью, т. е. составлял примерно 15 филлеров в день, не обеспечивая даже полуголодное существование семьи поденщика. В Закарпатье наличие скрытого аграрного перенаселения, приток рабочих из Галиции еще больше снижали и без того низкий уровень жизни сельскохозяйственных рабочих, которые постоянно стояли на грани полной нищеты.

К такому же уровню сводились и заработки рабочих при сдельной и натуральной оплате труда. В Бережской и Угоцкой жупах в конце XIX столетия за уборку урожая хлеба серпом или косой с одного хольда площади рабочий получал от 3 до 5 форинтов²⁴⁴), а при натуральной оплате — 15—16-й сноп при хорошем урожае и 24—25-й сноп при плохом урожае²⁴⁵). Иногда женщины-работницы получали 1/9, 1/10, 1/12 часть урожая, но зато должны были выполнять бесплатно или за низкую плату другую работу в именин²⁴⁶). Как говорилось в обзоре экономического положения Венгрии, составленном русским консульством в Будапеште (1901 год), при работе из доли урожая крестьяне за уборку хлеба (включая жатву, обмолот и засыпку зерна в амбары) получают от 1/3 до 1/9 части урожая. За уборку одного гектара озимой пшеницы, например, рабочие получали 125 кг зерна (рыночная цена полученного зерна в 1881 году составляла 16 форинтов, а в 1895 году только 9 форинтов). Кроме этого, крестьяне обязывались отработать в пользу хозяина в другое время года от 20 до 60 дней. «Обязанность эта известна в Венгрии под именем «robot», которым ранее обозначалась барщина»²⁴⁷).

²⁴³) Указ. соч. Ё. Перени, стр. 133.

²⁴⁴) *Mezőgazdasági munkabérek Magyarországon 1896* — bcn, стр. 113, 118.

²⁴⁵) Указ соч. K. Salgócszi, стр. 221, указ. соч. П. Гапак, стр. 63; указ. соч. Lehoczky T. *Beregvármegye...* II, стр. 321.

²⁴⁶) Указ. соч. Zs. P. Pach, *Über einige charakteristische Züge...* стр. 1242.

²⁴⁷) АВПР, ф. Канцелярия, 1897, д. 115, т II, л 440—441.

Оценивая уровень жизни сельскохозяйственных рабочих в Закарпатье, можно сказать словами К. Маркса, что вследствие скрытого перенаселения в деревне заработная плата сельского рабочего сводится к наименьшему уровню и он «всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма»²⁴⁸).

**
*

Реакционный политический режим в Австро-Венгрии, колониальное положение Закарпатья, сильные остатки феодальных пережитков, разорение масс крестьянства, избыток рабочих рук в деревне обусловили чрезвычайно тяжелое положение сельских рабочих и распространение кабальных условий труда и докапиталистических форм эксплуатации батраков. Дискриминационная политика господствующих классов Австро-Венгрии в отношении сельскохозяйственных рабочих, ущемление их социально-экономических прав выражались, в частности, в том, что до начала XX столетия социальное законодательство на сельскохозяйственных рабочих не распространялось и не предусматривало ни социального страхования, ни охраны труда, ни ограничения применения женского и детского труда. Изданные во второй половине XIX и в начале XX столетия законы «Об отношениях между работодателями и сельскохозяйственными рабочими» (законы XIII, 1876 года, 1898 года, XLII, 1899 года, XLV, 1907 года) были направлены исключительно к закреплению власти помещиков над рабочими и полного бесправия последних.

Рассмотрим некоторые положения закона 1876 года²⁴⁹), в котором наиболее ярко и в неприкрытой форме выражена антинародная, эксплуататорская сущность «рабочего законодательства» буржуазной Венгрии.

Отношения между хозяином и рабочим, говорилось в законе, основываются на письменном или устном договоре (параграф 1 закона); условия договора устанавливаются по соглашению сторон (параграф 12). Уже эти два параграфа закона ставили рабочего в зависимость от нанимателя. Во-первых, устные договоры о найме рабочих (а в Закарпатье большинство договоров заключалось устно) давали возможность «работодателю» произвольно нарушать договор, ухудшать условия труда рабочего и снижать его заработную плату. Во-вторых, определение условий договора «по соглашению сторон» было использовано хозяевами в этих же целях, так как очень часто бедный крестьянин нанимался в батраки в зимнее время, когда он испытывал особенно тяжелую

²⁴⁸) К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 648.

²⁴⁹) ГАЗО, ф. 245 (Наджупан Угочанской жупы), 1885, д. 201, лл. 3—23

нужду и соглашался на самые невыгодные условия. В. И. Ленин называл «зимнюю наемку» «варварской, средневековой, азиатской», и подчеркивал вместе с тем, что при «зимней наемке крестьянин получает за работу в двое и втрое дешевле, чем при летнем найме»²⁵⁰). Наем рабочих в зимнее время по самым низким ценам, которые устанавливались на весь год, получил широкое распространение в Закарпатье. Закон 1876 года, как видно, закреплял такого рода «соглашение сторон», которое явно было невыгодно рабочему.

После заключения устного договора батрак, еще не приступая к работе, получал от хозяина небольшой задаток в счет будущей заработной платы. Закон определял, что получение задатка рабочим юридически является подтверждением заключения договора; возвращение полученного задатка рабочим не может служить основанием для расторжения договора (параграфы 15 и 16 закона). Таким образом рабочий, получивший задаток, лишался права до начала работы расторгнуть даже устный договор, хотя нередко такие сделки заключались с рабочими, попавшими в безвыходное положение, в корчме.

Если батрак в установленный договором срок не приступит к работе, то, как говорилось в законе (параграф 24), «власти должны принудить его к этому»²⁵¹). Если же и после вмешательства властей батрак не приступит к работе, то он должен возвратить задаток, возместить «ущерб», причиненный хозяину отказом начать работу, и уплатить штраф в размере от 2 до 20 форинтов. В случае отсутствия у рабочего денег на покрытие задатка, «ущерба» и штрафа, то он подвергается тюремному заключению [за каждые 2 форинта задолженности 1 день тюрьмы] (параграф 25 закона). Эти полицейские статьи закона не требуют комментариев; они говорят сами за себя: рабочий лишен элементарных гражданских прав, а наниматель пользуется поддержкой государственного аппарата насилия для закабаления нанимающегося, для осуществления по отношению к нему внеэкономического принуждения.

Раздел закона «Обязанности рабочего» представляет собой образчик классово-циничного, феодально-буржуазного кодекса, утверждающего полное бесправие рабочего, принижение его человеческого достоинства, предоставлял вместе

---

²⁵⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 221.

²⁵¹) Так, например, дирекция государственного имения в Мазэгедеше (Венгрия) потребовала от властей Бережской жупы доставить в имение через полицию работницу Пуго Агафию из закарпатского села Станово, которая не явилась на работу в установленный срок, хотя дирекции имения было известно, что после заключения договора А. Пуго вышла замуж за вдовца с пятью детьми, из которых один был грудным (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1904, д. 626, лл. 1—15).

с тем нанимателю право произвольно определять не только условия работы батрака, но и нормы его поведения в личной жизни. Вот содержание некоторых параграфов этого раздела закона. По отношению к батраку «недобросовестно» выполняющему работу или отказывающемуся выполнять другие виды работы, «подобные основной», по заявлению хозяина «власти могут применять принудительные меры», а батрак должен возместить причиненный этим «ущерб» хозяину (параграф 36 закона). Рабочий возмещает также «убыток», нанесенный «халатным или неосторожным отношением к делу» (параграф 38), причем, если «убыток» превышает размер заработной платы батрака, то закон предоставляет право нанимателю «получить вознаграждение за счет личных вещей батрака» (параграф 41).

Рабочий обязан был «строго соблюдать установленный в имении порядок, без разрешения хозяина не оставлять работы и не отлучаться со двора». Батрак не может без согласия хозяина, говорилось в законе, «принимать гостей, особенно ночью» (параграф 43). Нарушение рабочим внутреннего порядка в имении каралось штрафом в размере от 2 до 24 форинов (параграф 108 закона).

Если рабочий, гласил 39 параграф закона, узнает, что его товарищи «не верны хозяину», то он обязан донести ему об этом немедленно, в противном случае виновный «в покровительстве» возмещает принесенный этим «убыток» имению. Все указания и распоряжения хозяина рабочий должен «принимать с уважением». Если хозяин и «выругает рабочего словами, употребляемыми им по отношению к членам своей семьи, то это не считается оскорблением», говорилось в параграфе 45 закона. «Свой сундук, платье и другое движимое имущество рабочий должен хранить у хозяина, который может проверить вещи в присутствии рабочего, а в случае его несогласия в присутствии полицейского» (параграф 44 закона).

Раздел закона «Обязанности работодателя» включал в себя ряд ни к чему не обязывающих его общих фраз об обеспечении рабочего в соответствии с договором жильем, одеждой и пищей (которая должна быть «питательной» и выдаваться «в достаточном количестве»), о запрещении «переобременять батрака тяжелой работой, угрожающей его здоровью или жизни» (параграфы 28 и 30), о предоставлении возможности «малолетним рабочим посещать школу и церковь». В обязанность хозяина вменялось (параграф 30 закона) следить за тем, чтобы рабочий и члены его семьи «не пьянствовали и вели себя нравственно...». Этот раздел, как видно из содержания приведенных параграфов, не только не ограждал рабочего от произвола со стороны хозяина в отношении условий тру-

да, питания и быта, но и предоставлял хозяину «отеческие» права, позволяющие ему вмешиваться в личную, семейную жизнь рабочего.

Социального страхования сельскохозяйственных рабочих в Венгрии во второй половине XIX столетия, как мы указывали, не существовало²⁵²). Рассматриваемый нами закон по существу не обязывал «работодателя» содержать и лечить заболевшего рабочего. Так, параграфы 33 и 34 закона указывали, что если рабочий заболевает «по вине хозяина», то последний обязан лечить рабочего и выплачивать ему заработную плату до полного выздоровления, а заболевшего рабочего «по своей вине» хозяин не обязан ни лечить, ни выплачивать ему заработную плату. Совершенно очевидно, что рабочему было невозможно доказать свою «невиновность» в заболевании. Параграф 32 закона формально только обязывал хозяина лечить и предоставлять питание в течение 1 месяца (без выплаты заработной платы) батраку, заболевшему во время работы «не по своей вине».

Хотя закон 1876 года и провозглашал «равенство стон» — «работодателя» и рабочего, но по существу, как это с очевидностью следует из рассмотренных нами параграфов закона, это «равенство» было чистой фикцией²⁵³). В соответствии с законом (параграфы 51 и 52) хозяин мог в любое

---

²⁵²) В Венгрии только в 1901 году была создана «Касса страхования сельскохозяйственных рабочих и батраков» Учредителями ее являлись члены венгерского парламента — аристократы. Министр земледелия Венгрии Дараньи в одном из своих выступлений по этому поводу (февраль 1901 года) указывал, что участие членов парламента в основании рабочей кассы «свидетельствует о доброжелательстве и искренних симпатиях, которые венгерская палата депутатов питает к честному рабочему сословию» (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 220 об.). На самом же деле создание кассы страхования сельскохозяйственных рабочих было продиктовано не «доброжелательством» и «симпатиями» к ним со стороны помещиков, а подъемом революционного движения пролетариата и стачечной борьбы сельскохозяйственных рабочих Венгрии. В этих условиях 300 членов палаты депутатов и других представителей имущих классов стали членами — учредителями рабочей кассы, преследуя прежде всего ту цель, чтобы показать, что «землевладельцы находятся в истинно-патриотическом нравственном отношении с народом» и таким образом недопустить распространение «аграрного социализма». Как видно из отчета правления кассы, возглавляемой титулованными членами венгерского парламента (председатель правления кассы граф Г. Кеглевич, члены правления графы И. Алмаши, И. Мойлат, Б. Вош и др.), в 1903 году касса насчитывала 65530 членов и располагала капиталом в 2088 тыс. крон, из которых на нужды страхования было израсходовано 288 тыс. крон (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1904 г., д. 626, л. 16—34).

²⁵³) Об этом также свидетельствует и 107 параграф, который устанавливал, что за нарушение закона 1876 года виновный подвергается или штрафу до 25 форинтов или тюремному заключению, причем «работодатель» отбывает наказание в тюрьме один день за каждые 5 форинтов штрафа, а рабочий — за каждые 2 форинта.

время уволить рабочего за «нарушение договора», «недобросовестное выполнение своих обязанностей», проявление «непослушания», «строптивость», «аморальное поведение» и т. п. В частности, женщину-работницу хозяин мог уволить и в том случае, если она стала беременной. Но закон лишал фактически права батрака оставить работу до истечения срока договора. Правда, закон допускал обращение рабочего к властям в случае, если «работа и питание угрожают его здоровью и жизни». Однако уйти с работы, даже в этом случае, батрак мог только с разрешения властей, которые, как известно, стояли на защите интересов нанимателей, а не прав батраков. Рабочего же, «самовольно» оставившего работу, власти, как говорилось в параграфе 57 закона, «возвращают силой», причем батрак, как и в случае отказа приступить к работе после получения задатка, должен был возместить «убыток», причиненный хозяину, и уплатить штраф в сумме от 4 до 24 форинтов.

Закон 1876 года запрещал принимать на работу батрака без трудовой книжки и «отпускного листа» с прежнего места работы (параграфы 76 и 79). Система трудовых книжек и «отпускных листов» служила одной цели—установлению полицейского контроля за сельскохозяйственными рабочими с тем, чтобы подавить их классовое сознание, недопустить распространения среди них социалистических идей и превратить таким образом сельскохозяйственный пролетариат в «послушную властям и хозяевам» и «благонравную» массу наемных рабов. Не случайно, в рабочей книжке батрака, помимо объективных данных о нем самом, о хозяевах, причинах увольнения с работы и т. д., отводились специальные листы для служебной характеристики рабочего, включающие в себя следующие четыре графы: «преданность хозяину», умение работать, «прилежание» и «нравственное поведение». Трудовая книжка с внесенной в нее отрицательной служебной характеристикой, данной хозяином рабочему, превращалась в «волчий билет», а рабочий, владелец такой трудовой книжки—в изгоя, лишённого произволом эксплуататоров даже права «свободно» продавать свою рабочую силу.

«Рабочее законодательство» последующих лет в Венгрии не смягчало, а, наоборот, усиливало власть хозяина над сельскохозяйственным рабочим. Не случайно закон 1907 года был назван «законом кнута», так как он ставил батрака в кабальную зависимость от нанимателя и утверждал систему внеэкономического принуждения рабочего²⁵⁴).

---

²⁵⁴) См указ соч Zs. P. Pach, Über einige charakteristische Züge... стр 1241.

На основе этих законов во многих поместьях Венгрии вводились «домашние законы» или «домашние правила», проникнутые тем же реакционным духом и регламентировавшие до мелочей не только производственную деятельность рабочего, но и его личную жизнь. Центральный орган с.д. партии Венгрии газета «Непсава» от 13 февраля 1891 года приводила текст одного из таких «домашних законов», применявшийся в поместье Пюшпек-Ладаны (Венгерская равнина). Основные статьи этих правил сводились к следующему: батрак должен беспрекословно подчиняться управляющему имением, без всяких возражений работать столько, сколько потребуется и выполнять любую работу. Батрак не имеет права возражать против качества выдаваемого ему натурой хлеба и предоставленного в его пользование пастбища. Все без исключения жены батраков обязаны были работать бесплатно в течение 12 дней в году. Помимо своей основной работы, батраки должны были без дополнительной оплаты пасти волов, выполнять обязанности ночных сторожей и т. д. Батрак не мог ни в праздничные, ни в воскресные дни отлучаться из имения без разрешения администрации. Правила ограничивали рабочего в разведении домашних животных и птицы. За порчу инвентаря или другой ущерб, причиненный рабочим «преднамеренно или по небрежности», за нарушение установленных правил последний подвергался штрафам. «Если кто-либо будет изобличен в краже или в укрывательстве другим кражи, а так же в действиях, противоречащих вышеизложенным правилам, или в деяниях, направленных против этих правил, говорилось в этом «домашнем законе», то он наказывается немедленным увольнением, причем он теряет все следуемое ему в данном имении жалованье и должен возвратить уже полученное им»²⁵⁵).

Закарпатский писатель А. Митрак, характеризуя причины, принуждавшие закарпатскую бедноту искать заработка в помещичьих имениях Альфельда, и условия труда рабочих в этих имениях, писал: алчные и жадные корчмари и ростовщики «чужающими животными питаются на теле твоём и сосут кровь твою... и ты принужден каждого лета покидать свою семью, и на чужине, у иноплеменников искать себе пропитания, которые гнушаются над тобою и смеются над твоёю бедностью»²⁵⁶). Мадьярские помещики Альфельда не только умели, как выразился русский автор Н. Попов, «брать с сельчан двойную работу», но установленной системой штрафов (за поломку и утерю инвентаря, за «нечистую» работу, несвоевременный выход на работу, за празднование дней, не совпадающих с като-

²⁵⁵) Бела С ан то, Борьба беднейшего крестьянства и батраков Венгрии в 90-х годах XIX века. Журнал «Историк-марксист», № 6, 1941 г., стр. 48.

²⁵⁶) Газета «Свет», № 16, 19 (26) октября 1867 г.

лическими праздниками, и т. д.) отнимали у рабочего, подчиненного произволу нанимателя, значительную часть его заработка.

Так, сельскохозяйственные рабочие из закарпатского села Ильтница заключили в 1901 году договор о работе с венгерским помещиком Г. Бано (село Терне, Шаришский комитат), который обещал выплачивать каждому рабочему 1 крону (100 филлеров) в день. Однако помещик за некоторые месяцы уплатил им только по 80 филлеров, обсчитал их на 160 крон, не уплатил за вынужденный простой в дождливые дни и удержал в виде штрафа заработную плату за 10 дней²⁵⁷). Управляющий имением закарпатского помещика барона Ж. Перени не выплатил батраку Э. Нитрои (из села Дьюла), прослужившему в имении один год, 58 форинтов (13 форинтов наличными деньгами и на 45 форинтов заработанного хлеба)²⁵⁸). Батрак обратился с жалобой на незаконные действия управляющего имением к жупным властям. Главный жупан Угочского комитата отклонил жалобу рабочего под тем предлогом, что иск по существующему положению следовало предъявлять не к управляющему, а к владельцу имения, от имени которого был заключен трудовой договор.

Об обстановке, в которой происходили расчеты с рабочими в помещичьих имениях Венгерокой равнины, немецкий автор Леёр писал: «При расплате около стола сидит управляющий и около него гайдук с громадным хлыстом. В случае противоречия или спора с рабочими на сцену является хлыст, и от него разбегается эта забитая запуганная толпа»²⁵⁹). Помимо штрафов и различного рода вычетов из заработной платы сельскохозяйственных рабочих, в некоторых поместьях с них взималась даже плата за доставку в поле питьевой воды²⁶⁰).

В голодные годы, когда наплыв рабочих в венгерские области из Закарпатья был особенно значительным, помещики резко снижали размеры заработной платы. По свидетельству газеты «Ungvár» в голодный 1880 год дневной заработок рабочего-верховинца снижался в 4—5 раз²⁶¹). Вот почему многие батраки-русины возвращались «из мадьяр» к голодной семье после работы в течение нескольких месяцев на уборке урожая с тем, с чем уходили из дому, или приносили с собой такое количество зерна, которое вмещалось в их котомках²⁶²).

²⁵⁷) ГАЗО, ф 772, оп. 1, 1902 г., д. 350, лл. 20—24

²⁵⁸) Там же, ф 245, 1883 г., д. 146, лл. 15—46.

²⁵⁹) Цит. по указ. соч. Г. А. Де-Воллан, Угорусские народные песни, стр. 219—220

²⁶⁰) См. указ. соч. Zs. P. P a c h, Uber einige charakteristische Züge, стр. 1242

²⁶¹) «Ungvár», № 30, 25 июля 1880 г.

²⁶²) См. газета «Ung», № 31, 1888 г.

Один из венгерских сельскохозяйственных рабочих, оценивая результаты труда сезонных рабочих, говорил: «Спустя несколько недель или месяцев измученные мы отправляемся домой с несколькими жалкими крейцерами и сотни раз проклинаям тот час, когда мы родились»²⁶³).

Разглагольствования прислужников венгерской реакции, пытавшихся представить мадьярских помещиков «заботливыми покровителями бедных русинов», дававших им заработок в своих поместьях, являются издевательством над исторической правдой. Один из этих восхвалителей режима насилия и угнетения, установленного господствующими классами Венгрии в Закарпатье, Г. Дараш с беспрецедентной наглостью заявлял, что венгерские помещики «кормили рутенов хлебом», предоставляя им возможность «увозить из Альфельда сотни тысяч крон...». Факты до конца опровергают эти измышления дарашей, показывая, что за счет эксплуатации труда многих тысяч батраков-русинов обогащались только венгерские земледельцы.

Пища, которой обеспечивались сельскохозяйственные рабочие, была настолько малопитательной и недостаточной, что она стала объектом осмеяния многих коломыек...

Поможи ми, пане боже,
Сей год дослужити,
То я буду сесе село
Горами обходити

Не так село, не так село,
Як тоту газдыню²⁶⁴),
Що та мені наварила
Несолену диню.²⁶⁵),—

такими словами одна из коломыек характеризует «наймитский харч» батраков в кулацких хозяйствах. В пище батраков главное блюдо — «мучной суп», говорилось в одном из донесений русского консульства в Будапеште²⁶⁶).

Сельскохозяйственные рабочие в Закарпатье находились в самых нездоровых жилищных условиях: они ютились в шалашах, на сеновалах, в сараях вместе со скотом или в переполненных общежитиях и в полуразвалившихся хижинах в условиях большой скученности²⁶⁷). Только незначительная часть постоянных рабочих в крупных поместьях получала возможность жить в относительно благоустроенных бараках или небольших домиках. Русский автор Н. А. Крюков, характеризуя бытовые условия сельскохозяйственных рабочих Венгрии в на-

²⁶³) Указ. соч. Б. Санто, стр. 52.

²⁶⁴) Газдыня — хозяйка

²⁶⁵) Указ. соч. Г. А. Де-Воллан, стр. 219—220

²⁶⁶) См. АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 205

²⁶⁷) Mérei Gyula, Adalékok a magyar kapitalista fejlődésének történetéhez, «Századok», № 1—4, 1950, стр. 285.

чале XX столетия, в частности, писал: «В больших казенных поместьях и экономиях частных лиц рабочие имеют помещения хотя небольшие, но чистые, здоровые, довольно удобные, часто даже лучше, чем у рабочих западных стран. Почти всегда рабочий имеет свой домик из двух, самое большее — из трех комнат и некоторые хозяйственные постройки: сарай, свинной хлев и двор²⁶⁸»). Это, несомненно, идеализированное описание условий жизни сельскохозяйственных рабочих в Венгрии. Н. А. Крюков распространяет условия жизни единиц, наиболее квалифицированной рабочей верхушки на условия существования массы постоянных рабочих. Приведем только один пример, показывающий, в какой бытовой обстановке действительно находились сельскохозяйственные рабочие. В одном из помещичьих имений Закарпатья (село Черто Бережской жупы) работала группа батрачек-женщин. Они размещались не в крюковских «домиках», а в старом полуразрушенном сарае, спали на соломе под прогнившей крышей. Во время бури, поднявшейся ночью, это подгнившее сооружение рухнуло и придавило работниц. Двое из них (Гокняник София и Яцканич Анна) погибли под обломками сарая²⁶⁹).

Условия труда сельскохозяйственного пролетариата были более тяжелыми даже чем условия труда промышленных рабочих. Они получали только 1/2, 2/3 заработной платы последних и находились в большей степени личной зависимости от нанимателя, чем фабрично-заводские рабочие. Особенно бесправным и униженным было положение женщин-работниц и детей. Иногда по отношению к «нерадивым» и «зловредным» рабочим применялись даже телесные наказания²⁷⁰).

Продолжительность рабочего дня батраков не ограничивалась; они должны были работать столько, сколько требовал хозяин (17, 18 и более часов)²⁷¹). От сверхурочных и ночных работ батрак не имел права отказываться. Профессиональные организации сельских рабочих запрещались. Забастовки рассматривались властями как «антигосударственное» деяние и подавлялись силой полиции, а участники стачек подвергались судебному преследованию²⁷²).

²⁶⁸) Указ соч. Н. А. Крюков, стр. 347.

²⁶⁹) ГАЗО, ф. 245, 1883, д. 152, л. 1.

²⁷⁰) См. «Századok», № 2, 1952, стр. 502; М. Ф. Лебович, Венгрия накануне буржуазно-демократической революции 1918 года и провозглашение республики, Наук. зап. Львівського державного університету ім. Івана Франка, т. XXV, серія історична, випуск п'ятий, Львів, 1953, стр. 115.

²⁷¹) Указ. соч. Mégei G., стр. 285; указ. соч. Б. Санто, стр. 48; АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, лл. 441, 442.

²⁷²) О докапиталистических формах эксплуатации сельскохозяйственных рабочих в Венгрии см. S. L. Ecseri, Az alföldi munkáskérdés és a mezőgazdasági válság, Bdp., 1898, S. Millhoffer, A mezői munkáviszonyok hazánkban, Bdp., 1898, указ. соч. М. Ф. Лебович, стр. 115.

Хозяева-наниматели широко использовали для усиления эксплуатации рабочих удлинение рабочего дня, повышение интенсивности труда и норм выработки. Неимоверное напряжение труда самым губительным образом отражалось на здоровье рабочих. В результате отсутствия охраны труда и чрезвычайно-го переутомления рабочих число несчастных случаев на сельскохозяйственных работах, сопровождавшихся тяжелыми травмами и даже смертельным исходом, год из году возрастало. По официальным данным, явно преуменьшенным, в 1905 году в Венгрии получили травмы 8385 сельскохозяйственных рабочих, а в 1912 году — 12269 рабочих (в закарпатских областях соответственно 407 и 503), из них в тяжелой форме в 1905 году 6766 чел. (80,7%), а в 1912 году — 10142 чел., или 80% по отношению ко всем случаям травмирования (соответственно в закарпатских областях 329 чел., или 80%, и 426 чел., или 84,6%). В 1905 году было зарегистрировано несчастных случаев со смертельным исходом 322, а в 1912 году — 266 (в закарпатских комитатах соответственно 12 и 9)²⁷³).

**

Насажение парцелльных хозяйств и развитие мелкой аренды в Закарпатье давало возможность землевладельцам обеспечивать себя зависимой рабочей силой и удерживать на низком уровне заработную плату батраков. Грядка картофеля, клочок земли, корова позволяли батраку с наделом продавать свою рабочую силу ниже существующей цены; они принуждали его к этому, потому что приковывали рабочего к земле, которая была в состоянии прокормить его лишь отчасти. В конце XIX столетия в Закарпатье помещики и капиталистические арендаторы стали широко применять систему натуральной оплаты труда сельскохозяйственных рабочих с той целью, чтобы обеспечить себя постоянной, закрепленной за ними и дешевой рабочей силой. Подобное явление наблюдалось и в Венгрии. Русский автор Н. А. Крюков указывал, что в Венгрии очень распространен «обычай платить часть вознаграждения натурой»²⁷⁴). Это находило свое выражение в наделении рабочих земельными участками и иногда даже скотом и инвентарем в счет их заработной платы. Нередко постоянные рабочие, помимо заработной платы и жилья, получали продукты питания, дрова, обувь, одежду и т. п.

²⁷³) Msé, XIII, 1906, стр. 130, Msé, XX, 1914, стр. 159.

²⁷⁴) Указ соч. Н. А. Крюков, стр. 347. По данным русского консульта в Будапеште (1897 г.), в заработную плату годового рабочего в помещичьих имениях, не превышавшую в среднем 200 форинтов, включалась денежная оплата (60 форинтов) и различного рода другие, натуральные виды оплаты труда, в том числе обычно урожай с небольшого участка земли (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, лл. 441, 442).

Так, например, в Марамарошском комитате в 70-х годах некоторые батраки получали в год 40—60 форинтов заработной платы и 0,5 хольда земли под посев кукурузы. Старшие пастухи овец, помимо заработной платы от 30 до 50 форинтов в год, получали питание и обувь; заработная плата рядового пастуха составляла 10—15 форинтов в год²⁷⁵). Крупный владелец винограднака в районе Будапешта И. Мольнар предлагал экспозитуре горных районов в Закарпатье заключить договоры с рабочими-русинами на следующих условиях: 1 крона заработной платы в день и 3 тыс. квадратных сажен земли под картофель²⁷⁶).

В одном среднем дворянском поместье Венгрии, которое посетил представитель русского консульства в Будапеште, квалифицированный рабочий получал в год 62 форинта заработной платы, 12 центнеров пшеницы, 50 кг сала, 1 йох земли, засеянной кукурузой, 100 кв. сажен всаханного огорода и корм для одной свиньи²⁷⁷). В поместье графа Карольи годовая заработная плата батрака в 90-х годах слагалась из следующих элементов: 12 центнеров ржи, 8 кг пшеницы, 2 центнера ячменя, 14 кг сала, 120 квадратных сажен кукурузного поля, 100 квадратных сажен огорода, 1 свиньи с 2 поросятами и 100 крейцеров деньгами²⁷⁸).

В конце XIX столетия, по нашим подсчетам, в Закарпатье было не менее 10 тысяч сельскохозяйственных рабочих, получивших от нанимателей-землевладельцев небольшие участки земли размером до 1 хольда; они составляли по отношению к общему числу постоянных рабочих 15—20%. Все это подтверждает ленинский тезис о том, что совершенно неимущий сельский рабочий является редкостью, потому что в земледелии сельское хозяйство, в строгом смысле, связано с домашним хозяйством. «Целые категории сельскохозяйственных наемных рабочих, — указывал В. И. Ленин, — владеют или пользуются землей. Когда мелкое производство слишком сильно вытесняется, — *крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его посредством продажи или отдачи в аренду земли*»²⁷⁹).

Включение в заработную плату батраков стоимости жилья, урожая с земельного участка, продуктов питания вело к закабалению постоянных рабочих и к дополнительному снижению их заработной платы, так как цены на участки земли чрезвычайно завышались, продукты, выдаваемые батракам в счет заработной платы, были низкого качества, а цены на них

²⁷⁵) См указ соч Szilágyi J. стр 383 и Mezőgazdasági munkalérek..., стр. 119.

²⁷⁶) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 350, лл 8 16

²⁷⁷) АВПР, ф Канцелярия, 1897 г., д. 115, т II, л. 442

²⁷⁸) Указ, соч Б. Санто, стр 47

²⁷⁹) В И Ленин, Соч, т I, стр 120.

устанавливались выше рыночных. Как указывала газета «Bereg»²⁸⁰), батрак за полученное жилье и участок земли должен был отработать бесплатно 200 и более дней в году. Как правило, постоянный рабочий, «облагодетельствованный» хозяином, получив от него кусочек земли и избу, должен был высылать на работу членов своей семьи без оплаты или с мизерной оплатой их труда. В Ужгородской жупе, например, жены батраков отработывали бесплатно по 40—70 дней в году²⁸¹). Крупный капиталист-арендатор Ш. Клайн (жупа Шариш) просил экспозитуру выслать для работы в его хозяйстве несколько человек батраков, обещая каждому из них уплатить 26 форинтов в год, выдать по 12 центнеров ржи, предоставить квартиру с отоплением, по 1000 кв. сажен огорода и корм для одной коровы. Жена батрака должна была отработать в имении без оплаты 64 дня²⁸²).

В хозяйственном обзоре Венгрии за 1913 год²⁸³) приводились следующие примеры, характеризующие условия труда и систему оплаты «законтрактованных» рабочих в помещичьих хозяйствах. В одном случае за предоставленную помещиком рабочему на год глиняную хижину и $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ йоха земли последний должен был выполнять любую работу в течение 25—30 дней, а в остальное время работать за ранее установленную низкую плату. В другом случае помещик отводил рабочему $\frac{1}{2}$ йоха пахотной земли и давал ему двухнедельного поросенка, зимнюю одежду, а в большие праздники по 0,2 гектолитра пшеницы. За это рабочий отработывал бесплатно 36 дней в году и обязан был работать в любой другой день за плату на 20 филлеров ниже обычной. Жены таких «законтрактованных» рабочих должны были отработать бесплатно в хозяйстве помещика от 10 до 60 дней в году²⁸⁴). Система отработок батраков и членов их семей («gobot») стала во второй половине XIX столетия повсеместным явлением в Венгрии. Не случайно на конгрессе сельскохозяйственных рабочих Венгрии в 1897 году выдвигалось требование упразднить «gobot» как средневековую, кабальную форму эксплуатации рабочих²⁸⁵).

Положение рабочего, привязанного к наделу, было хуже, чем положение рабочего, свободного от привязи, не говоря уже о том, в какой громадной степени прикрепление к наделу

²⁸⁰) Газета «Bereg», № 26, 20 июня 1866 г.

²⁸¹) Mezőgazdasági munkabérek Magyarországon., стр. 119

²⁸²) ГАЗО, ф 772, оп. 1, 1902, д. 350, л. 2.

²⁸³) «Magyar Gazdák Szemléje», Bdp., 1913, стр. 311.

²⁸⁴) См. указ. соч. Zs Pácz, Über einige charakteristische Züge.., стр. 1241.

²⁸⁵) АВПР, ф Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, лл. 441—442

развивало «отношения кабалы и личной зависимости»²⁸⁶). Такого рода отношения несомненно представляли собой пережитки крепостничества, при котором, в отличие от капитализма, непосредственный производитель наделялся землей, получая натурой или сам производя на своем «наделе» средства для жизни.

Таким образом, развитие капитализма в сельском хозяйстве Закарпатья характеризовалось широким применением наемного труда в кулацких и помещичье-капиталистических хозяйствах. Колониальное положение Закарпатской Украины, сильные остатки феодальных пережитков, аграрное перенаселение и разорение широких масс крестьянства обусловили распространение кабальных форм эксплуатации в сельском хозяйстве, тяжелые условия труда и чрезвычайно низкий жизненный уровень сельскохозяйственных рабочих — этой самой угнетенной, забитой и отсталой части пролетариата.

4. ОТДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ, КАК УСЛОВИЕ ПРОИЗВОДСТВА, ОТ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ОТ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦА. РОСТ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА БУРЖУАЗНОЙ ОСНОВЕ

Арендно-земельные отношения

После падения крепостного права, по мере развития капиталистического способа производства меняется и форма частной собственности на землю, происходит разрушение сословности землевладения, капиталистическая мобилизация земли, усиливается процесс отделения земельной собственности от производства, отделение земли как условия сельскохозяйственного производства от земельного собственника посредством развития аренды земли и ипотеки. Арендная система и ипотечная система выражают в сущности один и тот же процесс, а именно: процесс отделения сельского хозяина от земли, — указывал В. И. Ленин²⁸⁷), так как и при одной и при другой системах получатели ренты — землевладельцы отделяются от получателей предпринимательской прибыли — сельских хозяев, сельских предпринимателей. Разрывая связь земельного собственника с сельскохозяйственным производством, капитализм превращает землевладельца в земельного ростовщика, простого получателя ренты, присваивающего результаты общественного производства, создаваемые без какого бы то ни было его участия.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что аренда земли является одним из наиболее характерных признаков развития капитализма в сельском хозяйстве. «Чем отличается капиталистический (и полукапиталистический) способ производства:

²⁸⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 137

²⁸⁷ Там же, т. 4, стр. 100.

в земледелии?»; — спрашивал В. И. Ленин, — и отвечал: «Везде и повсюду—развитием аренды»²⁸⁸). При всем разнообразии типов аренды (предпринимательская, субаренда, продовольственная, «голодная» аренда крестьян, фермерская, испольщина, отработки и т. д.) рост арендных отношений так или иначе выражает развитие капитализма в сельском хозяйстве и присущие ему противоречия, проявляющиеся в усилении классового расслоения крестьянства, в распространении различных форм зависимости и подчинения непосредственных производителей, в усилении капиталистического гнета в деревне.

Основываясь на данных венгерской статистики²⁸⁹), можно приближенно установить, что в Закарпатье сдавали землю в аренду около 10 тыс. хозяйств, из которых 2,5 тыс. не вели своего хозяйства, а сдавали всю землю внаем. По нашим подсчетам, основанным на данных переписи 1895 года и архивным материалам фонда экспозитуры горных районов министерства земледелия, арендный фонд земель в Закарпатье достигал примерно 400 тыс. гектаров. Из общей площади угодий, сдаваемых в аренду по отдельным комитатам, пахотные земли занимали 50—60%, пастбища и луга — 30—40% и леса—10—20%.

Что же представляли собой с точки зрения социально-экономической хозяйства, сдающие землю в аренду? Наиболее характерны в этом отношении хозяйства, сдающие всю землю внаем. Группировка этой категории хозяйств по общей земельной площади представлена в следующей таблице²⁹⁰).

Таблица 41

Группы хозяйств по общей земельной площади (в гектарах)	Количество хозяйств	Общая площадь сдаваемой в аренду земли (в гектарах)
До 1	852	333
1—5	714	1896
5—10	249	1810
10—20	308	4355
20—50	298	9167
50—100	39	2587
100—200	14	1856
200—500	2	470
500—1000	1	717
Более 1000	8	195440
Итого	2485	218631

²⁸⁸) В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 313.

²⁸⁹) Мос, 1895, IV, 1900, стр. 22, 47—64.

²⁹⁰) Там же.

Как показывают статистические данные, к категории сдатчиков, не ведущих своего хозяйства, принадлежали в абсолютном большинстве пролетарские, мелкокрестьянские и средние хозяйства с общей земельной площадью до 20 хольдов каждое; они составляли свыше 85% всех сдатчиков этой категории (34,3% сдатчиков с общей земельной площадью до 1 хольда, 28,7% — от 1 до 5 хольдов, 10,0% — от 5 до 10 хольдов и 12,4% — от 10 до 20 хольдов); удельный вес крупнокрестьянских хозяйств с общей земельной площадью от 20 до 100 хольдов составлял 13,6%, помещичье-капиталистических хозяйств (с общей земельной площадью от 100 до 1000 хольдов) — 0,7% и латифундиальных хозяйств (с общей земельной площадью свыше 1000 хольдов) — 0,3%.

Таким образом, среди сдатчиков этой категории преобладали в количественном отношении бедные группы крестьянства, однако удельный вес сдаваемой ими земли в аренду был совершенно незначительным; абсолютное большинство земли принадлежало латифундиальным хозяйствам (пролетарским хозяйствам принадлежал 1% сдаваемой в аренду земли, мелкокрестьянским — 2,8%, а латифундиям — 89,4%).

Группировка «смешанных» хозяйств (сдающих большую часть земли внаем) по общей земельной площади также показывает количественное преобладание сдатчиков земли из числа низших групп крестьянства и незначительный удельный вес сдаваемой ими в аренду земли (к категории «смешанных» хозяйств относилось 40,9% хозяйств с общей земельной площадью до 5 хольдов и 40,5% с общей земельной площадью от 5 до 20 хольдов); этим хозяйствам, составлявшим 81,4% всех хозяйств данной категории, приходилось сдаваемой в аренду земли по отдельным комитатам от 2 до 10%, в то время как зажиточным и крупным хозяйствам (6% хозяйств этой категории) принадлежало свыше 75% сдаваемой внаем земли.

Земли арендного фонда, в соответствии с данными официальной статистики, по социальным категориям хозяйств-сдатчиков распределялись следующим образом: земли пролетарских хозяйств составляли 1,8% арендного фонда, мелкокрестьянских — 5,4, средних — 6,5, зажиточных — 6,9, крупных — 12,2 и латифундиальных — 67,2%. Таким образом, подавляющее большинство земель арендного фонда (почти 80%) находилось в руках владельцев крупных и латифундиальных хозяйств²⁹¹),

---

²⁹¹) Фактически доля крупных и латифундиальных хозяйств в сдаче земли в аренду была еще выше, так как распространение устных арендных договоров вело к тому, что не все случаи аренды учитывались статистикой. Кроме того, земельные магнаты преднамеренно скрывали факты сдачи земли в аренду с той целью, чтобы избежать уплаты налога с земельной ренты.

причем почти $\frac{1}{4}$ часть латифундий не вела хозяйства за свой счет вовсе или получала доходы, сдавая большую часть своих земельных угодий в аренду [из 111 самых крупных латифундий сдавали всю землю в аренду 8 хозяйств (7,2%) и большую часть земли 17 хозяйств (15,3%); в Бережской жупе из 17 латифундий 6 хозяйств (2%) сдавали всю землю в аренду; в Марамарошском комитате «смешанные» латифундиальные хозяйства составляли 20% их общего числа; в Ужгородском комитате — около 28% латифундий сдавали большую часть или полностью свои земли в аренду]. В этом ярко проявлялось характерное для капитализма явление — отделение земли от землевладения и землевладельца.

К. Маркс, характеризуя великие результаты капиталистического способа производства, указывал, что капиталистический способ производства превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству, занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно при условии частной земельной собственности, что он, с одной стороны, совершенно отделяет землевладение от отношений господства и рабства, а, с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от землевладения и от землевладельца, для которого она не означает ничего больше, кроме определенного денежного налога, взимаемого им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера. Капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность лежит в Шотландии. Так собственность на землю, — заключает К. Маркс, — «получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей...»²⁹²).

Пролетарские, мелкокрестьянские и значительная часть средних хозяйств — сдатчиков земли принадлежала к числу бесхозяйных, несееущих и малосееущих, не имеющих средств для обработки земли за свой счет. В крестьянских хозяйствах, особенно в его низших группах, сдача земли в аренду диктовалась необходимостью, обусловленной отсутствием рабочей и тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря, посевного материала, упадком и разорением хозяйств. Размеры участков земли, сдаваемых в аренду этими хозяйствами, были незначительными. Так, в среднем на 1 пролетарское хозяйство приходилось 1—1,2 хольда сдаваемой в аренду земли. Многие хозяйства этой категории сдавали внаем клочки земли разме-

---

²⁹²) К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 630—631.

ром менес 0,5 хольда (в Угочской жупе 21 хозяйство сдавало в аренду 7 хольдов земли, в Ужгородской 90 хозяйств — 29 хольдов, в Марамарошской 570 хозяйств — 216 хольдов, в Бережской 97 хозяйств — 44 хольда). Сдатчики земли, принадлежавшие к этой группе хозяйств, почти полностью были лишены рабочего скота: на одно хозяйство этой категории приходилось по отдельным комитатам от 0,05 до 0,5 тягловой единицы. В Бережской жупе, например, на 97 хозяйств, сдающих всю землю в аренду с общей земельной площадью до 1 хольда, 85 хозяйств (87,6%) не имели тягловой силы; из 47 «смешанных» хозяйств 43 (91,5%) были бестягловыми; в Марамарошской жупе сдатчики земли в аренду этой категории, не имевшие тягловой силы, составляли свыше 95% (из 576 «смешанных» хозяйств 557 были бестягловыми), в Ужгородской жупе — 97% (на 146 хозяйств, сдающих всю землю в аренду с общей земельной площадью до 1 хольда, приходилось только 4 тягловые единицы; все 54 «смешанных» хозяйства не имели рабочего скота), в Угочской жупе — свыше 90% (на 39 хозяйств, сдающих всю землю в аренду, приходилось 3 головы рабочего скота; все 12 «смешанных» хозяйств были лишены рабочего скота).

На каждое мелкокрестьянское хозяйство, полностью сдающее свою землю в аренду, приходилось в среднем 5 хольдов земли; на среднее хозяйство — 10—15 хольдов.

В зажиточных и крупных хозяйствах сдача земли внаем служила источником наживы и обогащения, средством эксплуатации и закабаления безземельных и малоземельных масс крестьянства. Земля в их руках была «машиной для добывания денег»; сдача земли в аренду в этих хозяйствах превращалась в земельное ростовщичество.

Размер сдаваемой в аренду земли зажиточными и крупными хозяйствами резко повышался. В среднем по закарапатским комитатам на 1 зажиточное хозяйство (в группе, сдающей всю землю внаем) приходилось 84 хольда сдаваемой земли (в Бережском комитате 11 хозяйств с общей земельной площадью от 50 до 100 хольдов сдавали внаем 662 хольда; в Марамарошской жупе 11 хозяйств с общей земельной площадью от 100 до 200 хольдов сдавали 1541 хольд земли). В крупных хозяйствах с общей земельной площадью от 200 до 1000 хольдов размер сдаваемой внаем земли составлял в среднем 396 хольдов, достигая в отдельных хозяйствах 700 хольдов.

В латифундиальных хозяйствах сдаваемая в аренду земля измерялась тысячами и десятками тысяч хольдов. В среднем на 1 хозяйство этой категории приходилось свыше 24 тыс. хольдов сдаваемой внаем земли. Только 6 латифундий Бережского комитата, которые не имели своего хозяйства вовсе или

вели его в очень ограниченных размерах, сдавали в аренду 191453 хольда земли, т. е. на каждое хозяйство приходилось более 30 тыс. хольдов земли. К числу таких хозяйств относились латифундии барона Перени, Л. Будаи, графа Телеки (владевшего 37 тыс. хольдов земли, из которой пахотные земли, обрабатываемые отчасти средствами латифундии, занимали только 300 хольдов (0,7%), а остальная площадь — леса, пастбища и луга — сдавались в аренду), барона Шенберг-Дональда, сдававшего в аренду более 90% принадлежавших ему лесов и пастбищ, хозяйство Ф. Миллера [из 11233 хольдов земли этого владельца пашня составляла только 4 хольда, а остальные угодья (9150 хольдов леса и 2012 хольдов пастбищ) сдавались внаем], хозяйство Я. Михали, состоящее исключительно из лесных, пастбищных и сенокосных угодий, полностью сдавалось в аренду и т. д.²⁹³). Но самой крупной частновладельческой латифундией в Закарпатье являлась доминия графа Шенборна, получавшая огромные доходы от сдачи большей части своих земель в аренду. Как свидетельствует Т. Легоцкий (занимавший должность юрисконсульта доминии) в своей «Монографии Бережской жупы», начиная с 60-х годов XIX столетия граф Шенборн сдавал в аренду земли 14 экономий, составлявших десятки тысяч хольдов, сроком на 9—12 лет²⁹⁴).

Это свидетельствовало о паразитическом характере крупной земельной собственности, являвшейся излишней и вредной даже с точки зрения капиталистического производства. Владелец латифундии, превратившийся в сдатчика земли, продолжал оставаться ненужной фигурой в капиталистическом производстве. В. И. Ленин, определяя социальный характер крупных земельных собственников, указывал, что они «прибегают, непосредственно или через своих фермеров, к систематической эксплуатации наемной рабочей силы и окрестного мелкого (частью нередко и среднего) крестьянства, не принимают никакого участия в физическом труде, принадлежат большей частью к потомкам феодалов (дворяне в России, Германии, Венгрии...) или к особо разбогатевшим финансовым магнатам, или к помеси обеих этих категорий эксплуататоров и тунеядцев»²⁹⁵). Крупное латифундиальное землевладение, основанное на сдаче земли в аренду, служило серьезной помехой в развитии капитализма. Не случайно Ленин называл монополию частной собственности на землю «некапиталистической».

---

²⁹³) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 80, лл. 10—17, указ соч Лешоцку Т., стр. 342.

²⁹⁴) Указ. соч. Лешоцку Т., стр. 341

²⁹⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 136

Свыше половины всех хозяйств Закарпатья прибегали к аренде земли. Статистические данные показывают, что процент арендующих хозяйств тем выше, чем меньше их размеры по земельной площади. Аренда земли имела разное экономическое значение в отдельных группах хозяйств. Аренда земли «в высшем разряде... коммерческое предприятие, а в низшем — может быть, операция, вызванная горькой нуждой», — указывал В. И. Ленин²⁹⁶). Таким образом, если для низших групп крестьян наем земли являлся арендой из-за нужды, выражавшей собой бесплодные стремления безземельных и малоземельных масс крестьянства ценой невероятных лишений удержаться на поверхности, предотвратить неминуемую свою гибель как мелких собственников, то наем земли кулаками и капиталистами-арендаторами носил предпринимательский характер, являлся средством извлечения прибыли и обогащения за счет разоренных и обезземеленных масс крестьянства.

В соответствии с классовой структурой аграрного строя в Закарпатье, системой землевладения и землепользования складывались и рентные отношения между помещиками и арендующими у них землю капиталистами, эксплуатирующими наемных рабочих; между помещиками, кулаками, ростовщиками и арендующими у них землю трудящимися крестьянами; между капиталистическими арендаторами и крестьянами, берущими землю внаем на основе субаренды.

В Закарпатье особенно широкое распространение получила парцелльная аренда земли в размере от 0,1 до 0,5 хольда. В системе землепользования этих хозяйств она занимала более половины всей земли. Арендаторами этих крохотных участков являлись в основном разоренные крестьяне-батраки. Тенденция к росту сельскохозяйственных рабочих с землей не могла не увеличить значения аренды из-за нужды. Когда мелкое производство слишком вытесняется, то крупные хозяйства, как указывал В. И. Ленин, стремятся укрепить или возродить его посредством продажи или отдачи в аренду земли. Поэтому в пределах капиталистического способа производства «невозможно рассчитывать на полное вытеснение мелкого производства в земледелии, ибо сами капиталисты и аграрии стремятся возродить его, когда разорение крестьянства зашло чересчур далеко»²⁹⁷). Это ленинское положение целиком относилось и к Закарпатью, где парцелльная аренда земли служила способом привязывания к помещицкому хозяйству рабочих рук из числа соседних обнищавших крестьян. Поэтому большинство мелких арендаторов в Закарпатье по

²⁹⁶) В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 14

²⁹⁷) Там же, т. 4, стр. 120

существом являлись рабочими, аренда участка земли для них была одной из форм заработной платы

К парцелльной аренде в Закарпатье прибегало более 70% всех хозяйств с общей земельной площадью до 5 хольдов, которые брали внаем землю под огороды, виноградники и реже под другие сельскохозяйственные культуры. Парцелльная аренда земли за редким исключением носила потребительский характер и служила подспорьем к бюджету семьи арендатора. Рост и распространение парцелльной аренды при сохранении почти неизменной общей площади арендованной земли (в течение второй половины XIX столетия число арендаторов с общей площадью до 5 хольдов возросло на $\frac{1}{4}$, а площадь арендованной ими земли только на 2—3%) свидетельствовало об ухудшении материального положения трудящихся Закарпатья и дальнейшем разорении низших групп крестьянства.

Значительно была распространена также и мелкая крестьянская аренда. Свыше половины хозяйств с общей земельной площадью от 5 до 10 хольдов и 35% хозяйств с общей земельной площадью от 10 до 20 хольдов прибегали к найму земли; в первой подгруппе размер арендованной земли составлял 1—4 хольда, во второй—3—6 хольдов. В Мара-марошском комитате, например, в конце XIX столетия из общего числа арендаторов около половины брали внаем участки земли размером менее 5 хольдов. Из 41 тыс. хольдов арендованной крестьянами земли на мелкую аренду приходилось 23292 хольда, т. е. 56,7%²⁹⁸). Можно сказать словами В. И. Ленина, что мелкому крестьянину из общей крестьянской аренды перепали «жалкие крупички»²⁹⁹). Мелкая крестьянская аренда также носила потребительский характер, и некапиталистические арендаторы в Закарпатье являлись в большей своей части или рабочими с землей или закабаленными мелкими крестьянами — скрытыми рабочими у землевладельцев.

В хозяйствах с общей земельной площадью от 20 до 50 хольдов арендованная земля занимала в землепользовании от 20 до 30%; размеры арендованной земли колебались в пределах 8—15 хольдов. Здесь, наряду с потребительской арендой, имела место и предпринимательская аренда (особенно в подгруппе с общей земельной площадью от 40 до 50 хольдов) с целью увеличения товарной продукции. Из числа крупных крестьянских хозяйств с общей земельной площадью от 50 до 200 хольдов к аренде земли прибегало свыше $\frac{1}{3}$ хозяйств; размеры арендованных участков здесь достигали 100—120

²⁹⁸) Negre László, Marmaros megye, Bdp., 1900, стр. 15.

²⁹⁹) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 116.

хольдов. Аренда земли в этой группе хозяйств носила исключительно коммерческий характер.

В. И. Ленин на основе анализа данных, характеризующих поземельные отношения в царской России, пришел к выводу, полностью относящемуся и к Закарпатыю, что «размер аренды с полной правильностью возрастает по мере большего обеспечения крестьян, что, след., чем обеспеченнее крестьянин своей землей, тем более арендует он земли, лишая таким образом беднейшие группы необходимой для них земельной площади»³⁰⁰). «Перебивание» аренды земли кулаками и капиталистами служило для них одним из способов закабаления и экспроприации деревенской бедноты.

Наряду с хозяйствами земельных собственников, являющихся одновременно и арендаторами, в конце XIX столетия в Закарпатые насчитывалось 3076 чисто арендных хозяйств с земельным фондом 84437 хольдов³⁰¹). Табл. 42 характеризует социальный состав этой категории арендаторов и размеры находящейся в их пользовании земли³⁰²). Таблица 4:

Группы арендаторов по земельной площади (в хольдах)	Количество хозяйств	Количество арендованной земли (в хольдах)	Среднее количество арендованной земли на 1 хозяйство
до 1 без пашни	1230	356	0,3
до 1 с пашней	630	282	0,4
1—5	664	1523	2,0
5—10	204	1418	7,0
10—20	127	1738	14,0
20—50	68	2131	31,0
50—100	31	2393	77,0
100—200	34	5097	149,0
200—500	48	15118	315,0
500—1000	23	17004	739,0
свыше 1000	17	37377	2199,0
Итого	3076	84437	27,0

³⁰⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 13.

³⁰¹) По сравнению с 70-ми годами число арендных хозяйств возросло на 60% (см. Мсѣ, 1874, стр. 140—141), что свидетельствовало как о росте обезземеления и разорения крестьянства, так и о распространении капиталистических отношений в закарпатской деревне, тесно переплетавшихся с докапиталистическими отношениями, что находило свое выражение, в частности, в распространении аренды на буржуазной основе, с одной стороны, и кабальных форм натуральной аренды — с другой.

³⁰²) Мос, IV, 1900, стр. 47—64.

Из приведенных данных видно, что среди арендных хозяйств преобладали мельчайшие хозяйства с участками земли размером до 1 хольда, составлявшие 60,5% всех хозяйств этой категории. В массе своей они принадлежали сельскохозяйственным рабочим и низшим слоям городского населения, нанимавшим небольшие участки земли (в среднем размером 0,3—0,4 хольда) под огороды, виноградники или пашню. К этой категории примыкали и арендаторы участков земли от 1 до 5 хольдов (в среднем на 1 хозяйство — 2,3 хольда), составлявшие вместе с первой группой 82,1% всех арендных хозяйств. Однако им принадлежало только 2,6% арендованной земли (0,8% хозяйствам с площадью до 1 хольда и 1,8% — хозяйствам с площадью от 1 до 5 хольдов). Мелкая аренда участками от 5 до 20 хольдов (в среднем на 1 хозяйство 10 хольдов) распространялась на 10,7% всех арендных хозяйств и 3,7% земли. Таким образом, почти 93% всех чисто арендных хозяйств составляли мельчайшие, мелкие и средние хозяйства, пользовавшиеся 6,3% всей арендованной земли.

Зажиточным арендным хозяйствам (2,2% всех арендных хозяйств) принадлежало 2,5% земли; в среднем на 1 хозяйство этой категории приходился 31 хольд арендованной земли. Остальные земли (91,2%) принадлежали 153 крупным капиталистическим арендаторам, составившим 5% всех арендных хозяйств. На одно крупное хозяйство приходилось в среднем от 315 до 739 хольдов земли, а 17 наиболее крупных арендных хозяйств брали внаем 37377 хольдов, т. е. на 1 хозяйство приходилось около 2200 хольдов земли (в Бережской жупе 8 арендаторов нанимали 17943 хольда земли, в Марамарошской жупе 2 арендатора — 4407 хольдов, в Ужгородской жупе 6 чел. — 10644 хольда, в Угочской жупе 1 арендатор брал внаем 4383 хольда земли).

Количество крупных арендаторов в течение второй половины XIX столетия увеличилось почти на 50%. Только с 1894 по 1904 год по трем закарапатским комитатам (Бережский, Марамарошский, Ужгородский) их число возросло с 68 до 89, т. е. на 30,9%, а размер арендуемой ими земельной площади на 22 тыс. хольдов, или на 27,8%³⁰³). Подавляющее большинство крупных арендаторов принадлежало к числу еврейской буржуазии³⁰⁴).

Около 60% капиталистических арендных хозяйств с общей земельной площадью свыше 50 хольдов вели самостоятельные хозяйства фермерского типа; остальные арендаторы использовали землю в целях спекуляции. По уровню интенсификации

³⁰³) «Görög Katholikus Szemle», № 7, Ungvár, 6 марта 1904 г.

³⁰⁴) См. указ соч П Перени, стр 108, Msé, 1874, стр 140—141.

фикации сельского хозяйства (применение машин и удобрений, внедрение более интенсивных культур, применение наемного труда, увеличение вложения капитала) фермерские хозяйства стояли значительно выше многих кулацких и помещичьих хозяйств. Помимо производства пшеницы и технических культур, они отводили значительные земельные площади под посевы кормовых трав и кронеплодов, используя их для откорма товарного скота. В горных районах большая часть земель арендных хозяйств представляла собой пастбища и сенокосные угодья, обеспечивающие развитие товарного животноводства. Интенсивные хозяйства (табаководческие, виноградарские, садово-огородные, животноводческие) велись и на меньших площадях. Их удельный вес во вложении капитала и в объеме производства был гораздо выше, чем в земельной площади хозяйств.

В качестве примеров, иллюстрирующих сравнительно высокий уровень развития сельскохозяйственного производства в передовых арендных хозяйствах, можно привести следующие: 8 хозяйств Бережской жупы с общей земельной площадью свыше 1000 гектаров каждое сочетали производство зерновых культур с высокотоварным скотоводством. Они имели в среднем по 200—220 голов рабочего скота; в посевах зерновых преобладали пшеница и кукуруза, часть земель отводилась под пастбища и сенокосы. На 1 хозяйство этой группы приходилось в среднем 270 голов крупного рогатого скота, 660 голов овец и 680 голов свиней. Такие сельскохозяйственные предприятия давали возможность соединять самые доходные отрасли торгового земледелия и скотоводства и в наибольших размерах пользоваться выгодами крупного хозяйства. В Ужгородском комитате 6 фермерских хозяйств с общей земельной площадью от 500 до 1000 гектаров имели преимущественно зерновое направление: посевы пшеницы занимали до 70% общей площади зерновых культур; на каждое хозяйство этой группы приходилось до 50 голов рабочего скота; в этих хозяйствах применялись усовершенствованные машины и минеральные удобрения. Однако такого рода предприятий в Закарпатье было немного.

Известно, что арендное хозяйство фермерского типа являлось наиболее передовой и развивающейся формой капиталистического земледелия. Но развитие его основывалось на беспощадном расхищении труда сельскохозяйственных рабочих и земли, что свидетельствовало о несовместимости капитализма с рациональным земледелием и об экономической абсурдности земельной собственности. Капиталист-арендатор, стремясь получить максимальную прибыль на вложенный капитал в самый короткий срок, расхищал плодородие земли, совершенно не заботясь об улучшении качества почвы.

Поэтому, как указывал К. Маркс, «всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия»³⁰⁵).

Хищническое ограбление почвы объяснялось не только противоречием интересов землевладельцев и арендаторов, но и всей капиталистической системой хозяйства. Фермер-арендатор не мог делать серьезных вложений капитала в землю из-за высокой арендной платы, и, кроме того, он не был заинтересован в этих вложениях, так как результаты улучшений в арендованной земле, особенно при краткосрочной аренде, доставались землевладельцу «в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли»³⁰⁶). В период действия арендного договора прибыль от вложенного земельного капитала достается капиталисту-арендатору. По окончании срока аренды и при заключении арендного договора землевладелец присоединяет к собственно земельной ренте процент на земельный капитал. Вследствие этого рента увеличивается, повышается также цена земли. Таким образом, землевладельцы «кладут в свой карман то, что является результатом общественного развития, получающимся без содействия с их сторон»³⁰⁷). Это являлось одной из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегал всяких улучшений и затрат, раз нельзя было ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока его аренды.

Отсюда вытекало стремление арендаторов использовать до предела плодородие почвы без его восстановления, требующего дополнительных затрат капитала. Рост товарной специализации в сельском хозяйстве, развитие монокультурных хозяйств, массовое уничтожение лесов в погоне за увеличением производства сельскохозяйственной продукции на рынок вело к истощению земли от чрезмерной эксплуатации, к распространению эрозии, нарушению водного режима и падению плодородия почвы в закарпатских комитатах. Так, проверка качества земельных угодий, сдаваемых в аренду бароном Перени, показала, что в течение 10—15 лет плодородие этих земель (в районе сел Верьяцо, Кралево, В. Тарна, Баторч, Комлош, Севлюш и др.) снизилось в несколько раз. В частности, береговские виноградники Перени оценивались до сдачи в аренду в 18 тыс. форинтов, а после истечения арендного договора — в 3 тыс. форинтов³⁰⁸).

³⁰⁵) К. Маркс, Капитал, т. I, 1950, стр. 509

³⁰⁶) Там же, т III, 1950, стр. 633

³⁰⁷) Там же

³⁰⁸) ГАЗО, ф 60, оп II, 1884 г., л 1208, лл 1—10

Как показывала практика, для осуществления арендатором полного севооборота и повышения производительности арендованного участка за счет улучшения почвы необходим длительный срок — 12—16 лет. Крупные арендаторы в Закарпатье заключали договоры на 12—18 лет, что давало им возможность наиболее полно и эффективно использовать арендованную ими землю. В большинстве же случаев договоры заключались на срок от 3 до 6 лет, т. е. на сроки, обусловленные господством трехпольной системы в земледелии. Обычно с арендаторами парцелл землевладельцы заключали устные краткосрочные договоры сроком на 1 год. Эта система договоров давала владельцу земли не только возможность уклониться от уплаты налога на ренту, но, что особенно важно подчеркнуть, открывала широкий простор для эксплуатации и закабаления мелкого арендатора. В случае споров между землевладельцем и арендатором дело решалось свидетелями, зависимыми от землевладельца, которые, как правило, высказывались в пользу первого. Землевладелец в любой момент по своему произволу, когда это ему было выгодно, мог прервать устный договор и лишить арендатора земли. Задержка арендной платы, отказ от улучшений земли и т. п. вели за собой расторжение арендного договора. Помещики часто нарушали договоры об аренде, произвольно повышая размер арендной платы. При неурожаях помещики никаких скидок арендатором обычно не делали, за улучшения, произведенные на арендованном участке, последние не получали никакой компенсации. За малейшие отступления от договора землевладельцы требовали с арендаторов уплаты неустойки.

По нашим подсчетам, более 30% владельцев арендных хозяйств с общей земельной площадью свыше 100 хольдов являлись земельными ростовщиками; им принадлежало около $\frac{1}{4}$ всей земли, находящейся в пользовании арендных хозяйств. Из числа 17 арендаторских хозяйств, имевших свыше 1000 хольдов земли, 3 хозяйства (17,7%) сдавали внаем 7790 хольдов земли (20,8% земли, находящейся в пользовании этой группы арендных хозяйств). В Марамарошском комитате 2 крупных земельных спекулянта, арендовавшие 4407 хольдов земли, почти полностью сдавали ее внаем крестьянам, оставляя небольшую часть пастбищ и сенокосов для своего скота (на каждое хозяйство приходилось только 50 голов крупного рогатого скота, 40 овец и 3 головы лошадей); 4 хозяйства этого же комитата с общей земельной площадью от 200 до 500 хольдов не вели хозяйства за свой счет (они имели 2 головы крупного рогатого скота, 8 голов лошадей и 1 свинью), а занимались маклерством землей, сдавая всю землю (1101 хольд) внаем крестьянам.

Субаренда в Закарпатье, достигающая пятикратности, приняла широкие размеры. Ее распространению способствовала земельная нужда, испытываемая массами крестьянства, повышение цен на землю и высокие ставки арендной платы за мелкие участки. Как указывал в одном из своих донесений русский консул в Будапеште, характеризую экономическое положение Венгрии (1897 год), «...большое недовольство возбуждает высокая арендная цена», которая колеблется от 25 до 100 гульденов за йох. Помещики берут с крестьян больше, чем с крупных арендаторов. Так, по заявлению делегатов конгресса сельскохозяйственных рабочих в Будапеште, Чанадский епископ взимал с крупных арендаторов по 12 гульденов за йох, а с крестьян требовал от 25 до 40 гульденов. В Арадском комитате, который посетил представитель консульства, средняя арендная плата составляла 22 гульдена, т. е. 10% средней цены земли, и «эта цена весьма высока», заключал консул³⁰⁹).

Владельцы латифундий в Закарпатье также предпочитали сдавать землю крупными участками кредитоспособным арендаторам, предоставив последним все хлопоты по сбору платежей с мелких субарендаторов. Очень часто, писал один из чешских авторов, владелец латифундии в Закарпатье «не имел интереса сдавать землю мелким землевладельцам непосредственно, а потому часто встречаем целые серии поднаемщиков, которые эксплуатировали сельский люд»³¹⁰). Чиновник венгерского министерства земледелия Э. Эган в своем докладе также указывал, что крупные помещики Закарпатье сдают свою землю в аренду преимущественно крупным нанимателям-спекулянтам, а те в свою очередь сдают внаем крестьянам необходимые им для существования и прокормления скота земли, пастбища и сенокосы, взимая с них неслыханно высокую арендную плату³¹¹), превосходящую в 3—4 раза обычные ставки³¹²). Пока на крестьянскую семью, подчеркивал Эган, приходилось по 6—10 хольдов земли, она могла еще кое-как существовать. Однако с течением времени, когда на том же участке должно было жить 4—5 семейств*, положение крестьянина резко ухудшилось. Он превратился в нищего, которому стало нечем жить³¹³). Закарпатский крестьянин вынужден был или погибать с голоду, не находя заработка, или на

³⁰⁹) АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, л. 442

³¹⁰) «Подкарпатская Русь 1919—1936», Ужгород, 1936, стр. 48

³¹¹) Так, в 1868 году группа крупных спекулянтов в Закарпатье («генерал-пехтеры», как их называла местная печать) взяла в долгосрочную аренду огромное казенное имение в Ужгородской жупе («Свет», № 10, 9 марта 1868 года, стр. 1). Земли имения были сданы в аренду «генерал-пехтерами» более мелким спекулянтам, у которых, уже из третьих рук, арендовали землю бедные крестьяне

³¹²) Указ соч. Е. Эган, стр. 44

³¹³) Там же, стр. 46.

любых условиях арендовать клочок земли из вторых рук, попадая в кабалу к земельному ростовщику.

В условиях тяжелой земельной нужды, высоких цен на землю и сохранения латифундиальных владений с ограниченным оборотом, основанных на полукрепостной эксплуатации крестьян, в Закарпатье, естественно, должны были получить развитие, наряду с арендой на чисто буржуазной основе, докапиталистические формы аренды земли — *испольщина* и *отработки*. Венгерские авторы Ж. П. Пах. и А. Хевеши указывали, что после освобождения крестьян от крепостной зависимости натуральная форма аренды в Венгрии была общераспространенной³¹⁴). Такое же положение мы наблюдаем и в Закарпатье. «Крупные землевладения обрабатывались в большинстве случаев за натуральное вознаграждение в размере одной трети или половины. Только в отдельных случаях возделывал крупный помещик свою землю за договорную плату», указывали авторы сборника «Подкарпатская Русь»³¹⁵). *Испольщина* охватывала прежде всего горные районы Закарпатья, для которых была характерна незначительная подвижность населения и застойность производства, базирующегося на ручном труде крестьянской семьи. Натуральные формы аренды сильнее всего были развиты в беднейших группах крестьян. Это — аренда из нужды, аренда окончательно разоряющая крестьянина, который уже не в силах сопротивляться превращению его в наемного рабочего. Нередко *испольщик* нанимался как обычный рабочий и уже затем переводился на оплату долей урожая. Переходный ступенью часто являлась оплата рабочего определенным количеством продуктов. Это показывает, как капитализм приспособляет старые формы эксплуатации и возрождает их на новой основе, отделяя производителя от средств производства. При этой форме найма земли крестьянин-арендатор получал обычно $\frac{1}{2}$ урожая, другая же $\frac{1}{2}$ шла в пользу землевладельца. В тех случаях, когда крестьянин, не имея зерна для обсеменения арендованного поля и рабочего скота для обработки его, а это наблюдалось сплошь и рядом, занимал зерно или нанимал скот, то он получал только $\frac{1}{3}$ ³¹⁶) или даже $\frac{1}{4}$ урожая³¹⁷). Доля *испольщи-*

---
³¹⁴) См. указ соч. А. Хевеши, стр. 23, Zs. P. P. a. c. h., Über einige charakteristische Züge, стр. 1239, 1240.

³¹⁵) См. указ соч. «Подкарпатская Русь 1919—1936», стр. 48.

³¹⁶) Указ. соч. Zs. P. P. a. c. h., Über einige charakteristische Züge, стр. 1236.

³¹⁷) Иногда крестьянин получал $\frac{1}{3}$ урожая с участка, вспаханного орудиями и тяглом землевладельца (Mezőgazdasági munkabérek Magyarországon 1896—1898, стр. 113—114, 130—131). Обычно при посеве более ценных культур землевладелец получал 90% урожая (см. В. Г. Илько, Допитання розшарування селянства на Закарпатті, стр. 35).

обрабатываемых земель низшими группами крестьян в отдельных жупах превышала размеры их собственной земли.

Начиная с 80-х годов, издольная аренда³¹⁸⁾ из первых рук в Закарпатье все более заменяется субарендой. Вместо того, чтобы иметь дело с сотнями и тысячами крестьян арендаторов-издольщиков, владельцы латифундий предпочитали сдавать землю крупным арендаторам, которые, в свою очередь, отдавали землю внаем мелкими участками нуждающимся крестьянам из доли урожая. По этому поводу газета «Bereg», имея в виду латифундию Шенборна, писала в 1888 году: «До этого времени доминия практиковала сдачу малопродуктивной земли малоземельным крестьянам за арендную плату или отработки... Сейчас стали редкие случаи, чтобы целые села или отдельные крестьяне были арендаторами, а земли за низкую арендную плату отдаются известным ростовщикам, которые потом за половину или третью часть урожая обрабатывают их трудом крестьян»³¹⁹⁾.

Помимо пахотных земель, крестьяне вынуждены были арендовать также пастбища и сенокосы, чтобы обеспечить свой скот кормом³²⁰⁾. О том, как погубно отражалась на состоянии крестьянских хозяйств, к каким тяжелым последствиям для них приводила широко распространенная система аренды и субаренды этих угодий, мы имеем многочисленные свидетельства современников. После освобождения крестьян от крепостной зависимости, — писал анонимный кошицкий корреспондент «Славянского обозрения», — лучшие земли, «особенно же горные леса и полонины, необходимые для пастбищ, остались или за казною или в руках крупных землевладельцев, налагающих на крестьян произвольную плату за пользование ими, да еще вдобавок при посредстве... арендаторов³²¹⁾. Обезземленный крестьянин, как говорил Эган, мог бы найти средства к существованию в скотоводстве, но для этого у него нет ни сенокосов, ни горных полонин для пастбищ, которые он вынужден нанимать у землевладельца через посредника, при-

---

³¹⁸⁾ Издольщина, как правило, сочеталась с отработками. За один хольд арендованной земли, помимо доли урожая, арендатор должен был отработать несколько дней в страдную пору (Mezőgazdasági munkabérek Magyarországon 1896—ben, стр. 113—114, 130—131).

³¹⁹⁾ Газета «Bereg», № 11, март 1888 года.

³²⁰⁾ Владельцы латифундий не только предпочитали сдавать пастбища крупным арендаторам, но нередко отказывали в аренде крайне нуждающимся крестьянам, находя более выгодным для себя использовать эти угодья для других целей. Так, например, администрация доминии Шенборна отказалась сдавать в аренду пастбища крестьянам сел Нижняя Визница, Верхний Шенборн и др., отдавая эти земли под залесение (см. ГАЗО, ф. 262, 1896 г., д. 46, лл. 26—30).

³²¹⁾ «Славянское обозрение», т. II, СПб, май—август 1892 года, стр. 161.

сваивающего себе весь доход³²²). Указывая на тяжелые условия «экономического быта» крестьян, закарпатский автор Матисов подчеркивал, что помещичья монополия на пастбища и леса³²³) ставит крестьян в полную зависимость от землевладельцев, с которыми они «беспреданно сталкиваются» на этой почве, «разоряясь, разумеется, в конце концов»³²⁴).

Начальник Свалявского округа М. Болайти в отчете за 1897 год по этому поводу писал следующее: Земледелие в округе играет второстепенную роль; главный источник существования крестьян — скотоводство, но крестьяне не могут обеспечить и $\frac{1}{3}$ потребности своего скота в кормах, так как не имеют ни пастбищ, ни лугов. Граф Шенборн, располагающий огромными площадями пастбищ, сдает их в аренду крупным арендаторам, у которых крестьяне снимают пастбища из вторых рук. «Субаренда обходится дороже в 2—3 раза, чем крупная аренда из первых рук», — указывал начальник округа³²⁵). В ограблении крестьян, нуждающихся в пастбищах, от частных землевладельцев не отставала и казна. Так, за аренду 163 хольдов пастбищ, принадлежавших казенному имению в Ужгородской жупе, крестьяне села Перечин уплачивали 392 форинта (4,8 кроны за хольд); с крестьян села Пасека за 989 хольдов пастбищ администрация имения взимала 6124 форинта арендной платы (12,4 кроны с хольда)³²⁶). Это были разорительные для крестьян арендные ставки.

Безземельные и малоземельные крестьяне, поставленные в безвыходное положение в связи с отсутствием пастбищ и сено-

³²²) Указ соч. Е. Эган, стр. 46

³²³) Э. Эган в одном из своих докладов министерству земледелия предлагал изменить «лесной закон» 1897 года, применение которого приносило большой ущерб крестьянским хозяйствам. В соответствии с параграфом 4 этого закона лесными площадями считались и под залесение отводились все земли, непригодные для использования в качестве пашни, лугов, садов и виноградников, в частности, пастбища относились к лесным площадям.

Казенные имения и латифундия Шенборна, как указывал Э. Эган, использовали этот параграф закона в своих выгодах, лишив крестьян пастбищ, отнесенных к разряду лесных площадей. Это, писал Э. Эган, «нанесло смертельный удар крестьянскому овцеводству, а поголовье крупного рогатого скота в крестьянских хозяйствах сократилось на одну треть» (ГАЗО ф. 772, оп. I, 1901 г., д. 253, лл. 1—5).

Э. Эган считал необходимым также изменить закон о «лесных преступлениях», предусматривавший не только возмещение нанесенного ущерба владельцам лесов, но и предоставлял им право налагать на крестьян за самовольную вырубку леса и потравы огромные штрафы, на покрытие которых нередко, как указывал Э. Эган, «продается с торгов вся земля крестьянина, а лесные сторожа, получающие в свою пользу штрафы за потраву, захватывают крестьянский скот, если он и не приносил ущерба, наживаясь на этом» (там же).

³²⁴) Указ соч. Матисов О, «Беседа», кн. VII, 1871, стр. 247.

³²⁵) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1897 г., д. 4, лл. 2—3

³²⁶) Там же, ф. 7, оп. III, 1887 г., д. 2368, лл. 40—44.

косов, должны были или продавать скот, не имея возможности его прокормить, или арендовать, а иногда приобретать целыми обществами выпасы и участки леса. В первом случае крестьяне, лишившись домашнего скота, лишались важнейшего источника существования своей семьи, разорялись и попадали в кабалу к ростовщику. Во втором случае, последствия были те же самые. Не имея наличных средств и дешевого кредита³²⁷⁾, целые крестьянские общества становились должниками помещиков, спекулянтов и кулаков, нередко теряя в конце концов не только уплаченные по частям деньги за арендованные или купленные пастбища и леса, но и сами приобретенные угодья. Так, например, крестьяне села Спишский Сулин на Прешовщине приобрели у помещика Духа за 34000 гульденов пастбище и лес. С большими трудностями крестьяне внесли половину этой суммы в установленные договором сроки. Когда же очередной взнос был просрочен, то крестьянское общество лишилось купленной земли, проданной с публичных торгов, и 17000 гульденов, выплаченных уже помещику³²⁸⁾.

Наряду с денежной арендой лесов и пастбищ широко была распространена и натуральная аренда. Так, в 1852 году 22 крестьянина сел Шебелевцы и Загатысь, арендовав пастбище у графа Шенборна, уплатили 56 форинтов 12 крейцеров деньгами и отработали 35 дней. За выпас одного вола отработки составляли 2 дня, за выпас теленка — 1 день; при замене отработок денежной платой с одного вола взимался 1 форинт, с теленка — 40 крейцеров³²⁹⁾. На таких же условиях арендовали пастбище и крестьяне сел Ростока и Подобоц Бережской жупы³³⁰⁾. Крестьянин села Чепе М. Фюлеп за арендованный у барона Перени участок земли уплачивал 1 форинт деньгами и отработывал 50 дней³³¹⁾. Один из современников, профессор Черновицкого университета Р. Кайндль, посетивший в

---

³²⁷⁾ Единственным кредитором в закарпатской деревне в 70—80 х годах выступал ростовщик Банковский кредит был недоступен крестьянину, а создаваемые кредитные общества не могли удовлетворить и ничтожной доли потребности крестьян в деньгах. Отдельные случаи предоставления ссуд крестьянам культурно-филантропическими обществами, как, например, «Обществом Иоанна Крестителя» на Прешовщине, располагавшим совершенно незначительными капиталами, не избавляли крестьянина от необходимости обращаться за ссудой к ростовщику

³²⁸⁾ Указ соч Матисов О., стр 247

³²⁹⁾ См. указ соч. В. И. Илько, До питання розшарування, стр 84,85. Как писала газета «Kelet», пастбища, принадлежащие казенному имению в Марамароше, арендуют спекулянты, которые сдают эти угодья крестьянам по цене, в 10 раз превышающей существующие арендные ставки. За выпас одной головы крупного рогатого скота крестьянин должен уплатить 13—14 гульденов деньгами и отработать 5 дней (см «Kelet», № 14, 7 апреля 1898 года, стр. 1).

³³⁰⁾ См. ГАЗО, ф 772, оп 1, 1897 г., л 10, л 1

³³¹⁾ Там же, ф 60, оп. 11, 1901 г., л 900, лл 5—8

1898 году Марамарош, указывал, что за выпас одной коровы на помещицьем пастбище крестьянин должен был уплачивать непомерно высокую плату — 10—13 гульденов за сезон и отрабатывать два дня в господском хозяйстве; за выпас овцы владельцы полонин взимали от 1 до 2 гульденов³³²); за пользование «жирным» (желудевым) пастбищем с каждой свиньи крестьяне уплачивали 2—3 гульдена в лето. «Крестьяне не имеют также леса, — писал Кайндль, — ибо все почти леса принадлежат или правительству, или опять-таки немногим богачам. Последние неумолимо эксплуатируют и в этом случае бедняка-крестьянина»³³³).

Министерство земледелия Венгрии в порядке осуществления плана «верховинской акции» арендовало у графа Шенборна сроком на 25 лет около 18 тыс. хольдов земли³³⁴), которую в свою очередь сдавало в аренду крестьянам³³⁵). Это были преимущественно пастбища (в том числе полонины) и луга, занимавшие свыше 14 тыс. хольдов (около 80%); остальные земли (3700 хольдов) относились к пахотным. Большая часть пастбищ сдавалась в аренду мелкими участками отдельным крестьянским хозяйствам, меньшая (более 6 тыс. хольдов,

³³²) Об этом же говорил и Н Бахтин (см Н Бахтин, Угорская Русь, Петроград, 1915, стр. 26).

³³³) Статья Р Кайндля «Aus dem ungarischen Marmarosch» была опубликована в литературном приложении к мюнхенской газете «Allgemeine Zeitung», № 50, 1898 год

³³⁴) По этому вопросу см. ГАЗО, ф 772, оп I, 1898 г., д 39, л 1; 1903 г., д 460, лл 1—6; Kémény G. G., Jratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában, II, 1892—1900, Bdp., 1956, стр 849—850. Сборник консульских донесений (в дальнейшем сокращенно СКД), вып IV, СПб, 1899, стр. 292; «Славянский век», № 82, 1904 год, Вена, стр. 310; В. И. Неточаев, Колоніальна політика угорського буржуазного уряду на Закарпатті в кінці XIX і на початку XX ст., Наук. зап. Ужгородського державного університету, т 36, 1958, стр 35, указ соч П Гапак, стр 59

³³⁵) Характерно, что министерство земледелия арендовало пастбища у графа Шенборна, в то время как казенные имения в Закарпатье располагали десятками тысяч хольдов этих угодий. По нашему мнению, это была сделка, заключенная между правительственными органами и владельцем огромной латифундии, своего рода субсидия, которой государство обещивало за счет крестьян представителя аристократической верхушки землевладельцев Венгрии в виде ежегодной арендной платы, приносившей графу Шенборну от 50 до 100 тыс. крон чистого дохода. Об этом свидетельствует и тот факт, что министерство земледелия не скупилось на расходы, связанные с арендой земли у Шенборна, переплачивая по сравнению с обычными ставками арендной платы по полкрона за каждый хольд. Только в 1903 году по плану «верховинской акции» казенное имение в Ужгородской жупе стало сдавать крестьянам 14 тыс хольдов лугов и пастбищ самого низкого качества по сравнительно низким ставкам (1,3 кроны за хольд) (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1906 г., д 790, л. 15), в то время как граф Шенборн получал по договору, заключенному экспозитурой, за землю низкого качества в среднем 3,6 кроны за хольд (см. ГАЗО, ф 772, оп I, 1898 г., д. 39, лл. 4—5).

главным образом полонин) — отводилась под общественное пастбище для выпаса крестьянского скота за плату³³⁶). В 1897 году экспозитура сдавала в аренду пастбища крестьянам сроком на 1 год, а позднее — на 11 лет³³⁷).

На правах субаренды земельные парцеллы от экспозитуры в 1897 году получили 2872 крестьянских хозяйства, а в 1903 году число субарендаторов-крестьян (преимущественно Бережской жупы и Воловецкого округа Марамарошской жупы) возросло до 7140 чел., т. е. в 2,5 раза, а площадь арендованной земли за эти годы увеличилась только на 5100 хольдов, т. е. на 40%³³⁸). В результате этого средний размер арендованной крестьянином парцеллы значительно уменьшился и составлял в 1897 году 4,4 хольда, а в 1903 году — только 2,5 хольда. Предоставленные экспозитурой в аренду крестьянам пастбища и луга не удовлетворяли даже 1/10 части их потребностей, так как свыше 80 тыс. батрацко-бедняцких хозяйств испытывали крайнюю нужду в обеспечении своего скота подножным кормом и сеном. Даже в районах, где основой крестьянского хозяйства являлось скотоводство, крестьянам было отведено ничтожное количество пастбищ. Так, например, в Свалявском округе отдельные села получили только по 10 хольдов пастбищ; из 4527 бедных крестьянских хозяйств этого округа (по 43 селам) получили в аренду мелкие участки пастбищ и лугов (1—2 хольда) в 1897 году только 1882 хозяйства, т. е. 41%³³⁹). Крестьяне сел Нодь-Модьорош и Болашфалва (110 хозяйств) арендовали 88 хольдов пахотной земли (в среднем 0,8 хольда на хозяйство) и 309 хольдов общественных пастбищ (в среднем 2,8 хольда на хозяйство). Из 110 крестьян 68 чел. (62%) получили в аренду ничтожную часть хольда (Шуга М. — 230 кв. сажен, Телиха М. — 247 кв. сажен и т. д.)³⁴⁰).

Мало того, что арендованные экспозитурой земли были низкого качества³⁴¹), а часть из них (свыше 2 тыс. хольдов) оказалась совершенно непригодной для пастбищ и была возвраще-

³³⁶) В 1911 гду из 15246 хольдов земли было сдано в аренду отдельным крестьянским хозяйствам 9101 хольд и отведено под общественные пастбища 6145 хольдов, в том числе 5390 хольдов полонин (см. ГАЗО, ф 772, оп III, 1912 г., д. 12, л. 68).

³³⁷) ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1903 г., д. 460, лл. 1—6. Некоторые луговые угодья в виде исключения сдавались в аренду на 4 года (см. ГАЗО, ф 772, оп I, 1902 г., д. 356, лл. 1—12).

³³⁸) См. там же, 1898 г., д. 39, л. 3, 1903 г., д. 460, лл. 1—6

³³⁹) Там же, 1898 г., д. 36, лл. 1—2; д. 39, л. 1

³⁴⁰) Там же, 1899 г., д. 81, лл. 1—4.

³⁴¹) Многие участки земли, отведенные под пастбища, были завалены камнями, заросли кустарником и сорняком и имели бедную растительность. Намеченный план улучшения пастбищ (удобрение, посев трав, очистка пастбищ) экспозитурой не выполнялся. В 1905 году, например, было очищено только 132 хольда пастбищ (см. ГАЗО, ф 772, 1906 г., д. 720, л. 13).

на владельцу доминии³⁴²), немалая доля этих земель передавалась в аренду не мелким крестьянам, а кулакам, священникам, частным акционерным обществам, государственным фермам, сельскохозяйственным школам и т. д. Так, из 80 хольдов лугов, предоставленных в аренду 47 жителям села Свалывы в 1897 году, получили почти половину земли 12 чел. из числа кулаков, священников и чиновников. В селах Нодь-Модьорош и Болаш-фалва, как мы указывали выше, большинство крестьян получило в аренду менее 1 хольда земли, а священники, учителя, кулаки по 6—12 хольдов (В. Добра, М. Зейган и др.). В 1911 году лесопромышленному акционерному обществу было отведено около 100 хольдов пастбищ и лугов, государственной животноводческой ферме в Нижне-Верецках — около 400 хольдов и т. д.³⁴³).

Арендные ставки, установленные экспозитурой, были не только относительно высокими, но размер их год из году увеличивался, что приводило к отягощению крестьян арендными платежами и к росту задолженности по ним. Крестьяне должны были за свой счет не только покрыть арендную плату Шенборну, но и все другие административно-хозяйственные расходы экспозитуры, связанные с содержанием землемеров, чиновников, сторожей, с улучшением пастбищ и т. д. В 1897 году арендная плата крестьян-съемщиков в среднем составляла 3,9 кроны за хольд, а в 1911 году — 6 крон за хольд³⁴⁴). Земли низкого и среднего качества сдавались по цене 1—4 кроны за хольд, а лучшие за 8—10 и больше крон за хольд. По сравнению с ростовщинскими арендными ставками, которые установили крупные арендаторы-спекулянты, арендная плата, взимаемая экспозитурой, была ниже, но по сравнению с «нормальными» ценами, уплачиваемыми, в частности, крупными арендаторами владельцам латифундий, а также по сравнению с доходом, получаемым крестьянами от выпаса скота, они были высокими³⁴⁵).

В 1897 году на крестьян экспозитурой было начислено 49228 крон арендной платы (что превышало сумму арендной платы, выплачиваемой государством Шенборну, на 3800 крон), в 1903 году было начислено на крестьян-арендаторов 66500 крон, а государство уплатило графу Шенборну 59533 кроны (превышение на 7 тыс. крон), в 1911 году арендная плата крестьян со-

³⁴²) ГАЗО, ф. 772, 1906 г., д. 720, л. 13; оп. III, 1912 г., д. 12, л. 68

³⁴³) Там же, 1898 г., д. 41, л. 40, 1899 г., д. 81, лл. 1—4, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 68.

³⁴⁴) Там же, 1898 г., д. 39, л. 3; оп. III, 1912 г., д. 12, лл. 67—68

³⁴⁵) Так, например, крупный арендатор Г. Розенберг арендовал у Шенборна 1 хольд пастбищ в среднем по 3,5 кроны, а крестьяне, как мы видели, уплачивали государству за те же земли в среднем от 3,9 до 6 крон (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 39, лл. 4—5).

ставляла уже 100435 крон³⁴⁶). Как видно из всех данных, приведенных нами, нет и не было никаких оснований преувеличивать значение этих мероприятий экспозитуры. Однако клеветы министра земледелия Дараньи поспешили самыми радужными красками расписать «благодетельные последствия для угроруссов» аренды земли у Шенборна. Один из высших венгерских чиновников Гегедюш, выступая в «Политико-экономическом обществе» с серьезным видом заявлял: «Благодетельность этой меры обнаружилась уже по истечении года, и ни один колонист не задержал арендной платы...». В действительности же задолженность крестьян-арендаторов к 1902 году достигла 16 тыс. крон³⁴⁷).

Цены за выпас скота на арендованных крестьянами отгонных пастбищах на полонинах (под которые ежегодно отводилось экспозитурой от 4 до 5 тыс. хольдов из числа земель, взятых в аренду у Шенборна, и 20 тыс. хольдов пастбищ, принадлежащих казенным имениям) были установлены весьма высокие: за выпас одной головы взрослого крупного рогатого скота 6—8 крон, одного теленка 4,5—8 крон, одной лошади 7—12 крон, одной овцы 0,5—1 крона³⁴⁸).

Вследствие высоких цен, взимаемых за выпас скота, дополнительных поборов, установленных администрацией доминии Шенборна за прогон скота через ее земли³⁴⁹), низкого качества горных пастбищ³⁵⁰), а также резкого сокращения поголовья крестьянского скота в результате отсутствия корма, распространения эпидемий и продажи скота для покрытия налогов, недоимок и долгов,—количество скота на отгонных пастбищах из года в год падало. В 1903 году, например, на полонинах, арендованных у Шенборна, находилось 5200 голов крупного рогатого скота; в 1904 году — 4500 голов, в 1905 году — 3600 голов, а в 1911 году — менее 2 тыс. голов³⁵¹).

³⁴⁶) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., л. 39, л. 3, д. 460, лл. 1—6, оп. III, 1912 г., д. 12, лл. 60—68

³⁴⁷) Там же, 1902 г., д. 379, лл. 32—41

³⁴⁸) Там же, 1903 г., д. 460, лл. 6—7; 1906 г., д. 720, л. 14 об

³⁴⁹) В 1898 году крестьяне села Гукливого обратились с жалобой в экспозитуру на администрацию доминии Шенборна, которая установила за выпас на арендованных экспозитурой пастбищах дополнительный сбор с каждой головы овцы по 6 крейцеров (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 20, л. 1 об).

³⁵⁰) Полонины в Закарпатье находились в чрезвычайно запущенном состоянии, однако министерство земледелия не проявляло никакой заботы об их улучшении. С 1897 по 1905 год было очищено от камней и сорняков только 200 хольдов и засеяно травами 75 хольдов, а созданная небольшая опытная станция (с общей площадью «опытной» земли в 6,5 тыс. кв. сажен) никакой роли в оздоровлении горных пастбищ сыграть не могла (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1906, д. 720, л. 25)

³⁵¹) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1903 г., д. 460, лл. 6—7; 1906 г., д. 720, л. 23; оп. III, 1912 г., д. 12, л. 69.

В течение второй половины XIX столетия натуральные формы аренды все более вытеснялись капиталистической ее формой, но еще и в конце XIX столетия многие пролетарско-бедняцкие хозяйства Закарпатья прибегали к исполнительной аренде; вплоть до падения монархии Габсбургов не были вытеснены и другие формы докапиталистической аренды земли³⁵²). Крестьяне села Драчин Бережского комитата, например, выполняли по существу феодальные повинности за арендованную землю графу Шенборну до 1890 года, когда эти земли были наконец выкуплены крестьянами³⁵³).

Натуральная аренда в форме издольщины и отработок, представлявшая собой остаток докапиталистических отношений³⁵⁴), была связана с различного рода повинностями и поборами и приводила к тяжелой экономической, политической и личной зависимости от владельца земли. Боязнь мелкого арендатора получить отказ в возобновлении договора принуждала его брать на себя тяжелые обязанности, как, например, возмещать часть суммы земельного налога, начисленного на землевладельца, доставлять собственнику земли его долю урожая, бесплатно предоставлять транспорт, поставлять продукты питания³⁵⁵) и корм для скота, предоставлять землевладельцу право первоочередного найма членов семьи арендатора и т. п. Оплата труда при отработках была в 3—4 раза более низкой, чем при вольном найме. Более высокая оплата труда при чисто капиталистическом найме сравнительно со всяческими формами кабалы и других докапиталистических отношений, «есть факт, установленный не только для земледелия, но и для промышленности, не только для России, но и для других стран», — отмечал В. И. Ленин³⁵⁶).

Хозяйственная самостоятельность исполщика была чрезвычайно ограничена и по существу сведена на нет. Он не мог продавать произведенную продукцию без разрешения землевладельца. Собственники земли часто посещали хозяйства

³⁵²) Если в центральных областях Венгрии такая форма отработок, как обработка полей помещиков крестьянским инвентарем, потеряла свое значение в 70-х годах XIX столетия и ее можно было встретить изредка только в некоторых средних помещичьих хозяйствах (см. В. I. Balassa, *Adatok a Békés—és Csongrád megyei részesmunka és ledolgozás kérdéséhez*, *Etnographia*, 1955 г.) и удельный вес отработок вообще снизился, то, как справедливо указывал Ж. П. Пах, этого нельзя сказать об областях Словакии и Закарпатской Украины, где долгое время еще сохранялись феодальные пережитки (см. указ соч. Zs. P. Pásch, *Über einige charakteristische Züge*., стр. 1240)

³⁵³) См. указ. соч. В. И. Илько, *До питання розшарування...*, стр. 74.

³⁵⁴) См. В. И. Ленин, *Соч.*, т. 20, стр. 221

³⁵⁵) Указ соч. В. И. Илько, стр. 35

³⁵⁶) В. И. Ленин, *Соч.*, т. 3, стр. 167

арендаторов, следили за ходом производства и коммерческими операциями. Наконец, свои чрезвычайно ограниченные политические права арендатор должен был также подчинять интересам землевладельца, в частности, он вынужден был при выборах в сейм и местные органы власти голосовать за кандидатов, поддерживаемых землевладельцем.

Натуральные формы аренды, условия которой все более ухудшались, и целый ряд связанных с ней непосильных натуральных и денежных повинностей— вот факторы, которые ускорили процесс пролетаризации венгерского крестьянства,— указывал А. Хевеши³⁵⁷). Это положение полностью относилось и к Закарпатья. Издольщина и отработки создавали кадры сельских пролетариев и полупролетариев, представляющих собой самых забитых, униженных и эксплуатируемых производителей, придавленных грузом различного рода зависимостей. Вот почему В. И. Ленин подчеркивал, что крестьянская аренда часто прикрывает лишь «переживание барщинных отношений»³⁵⁸).

В арендную плату за наем парцеллы включался помимо ренты ростовщический процент на капитал, что в совокупности поглощало не только прибавочную стоимость, но и часть заработной платы испольщика. К. Маркс в этой связи писал, что если фермер не является промышленным капиталистом, а мелким крестьянином, и характер его хозяйства не является капиталистическим, то в этом случае арендная плата земельному собственнику зачастую поглощает не только часть его прибыли, т. е. его собственного прибавочного продукта, на который он имеет право как владелец своих собственных орудий труда, но часть нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда «Кроме того, земельный собственник, который здесь совершенно ничего не делает для улучшения почвы, экспроприирует у арендатора его маленький капитал, присоединенный им к земле по большей части собственным трудом,— точно так же, как сделал бы ростовщик при аналогичных условиях»³⁵⁹). Но рента, включающая весь прибавочный продукт, есть феодальная рента, и это сближает испольщину с крепостничеством.

Вместе с тем испольщина отделяет производителя от средств производства. Исполщик — это скрытый рабочий, отличающийся от обычного рабочего с наделом тем, что если для последнего участок земли являлся подсобной формой заработной платы, то для издольщика это составляло весь его заработок. Кроме того, испольщина связана с наймом целой

---

³⁵⁷) Указ. соч. А. Хевеши, стр. 87.

³⁵⁸) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 229

³⁵⁹) К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 638—639

семьи арендатора. Для землевладельца испольтщина являлась способом обеспечения себя наиболее дешевыми руками. Заработная плата в этом случае, как и при всякой натуральной оплате, была гораздо ниже; в стоимость рабочей силы здесь в общем не включались расходы на содержание семьи, которая почти целиком работала на нанимателя. Уделом испольтщика являлся не переход в ряды собственников, а переход в ряды сельскохозяйственного пролетариата, лишенного каких бы то ни было средств производства. Насквозь лживы утверждения буржуазных экономистов о том, что испольтщина якобы является своеобразной формой классового сотрудничества землевладельца с арендатором. На деле же испольтщина низводит арендатора на положение зависимого паупера и приводит к обострению классовых противоречий в деревне.

К. Маркс и В. И. Ленин неоднократно подчеркивали реакционный и непроизводительный характер издольтщины. «Испольтщина, обработка земли из половины урожая или уборка сенокосов из третьей копны («на третьяк») представляет собой... прямое переживание крепостничества», — указывал Ленин³⁶⁰). Улучшение в земледелии, писал К. Маркс, возможно только с помощью предвратительных затрат капитала, которые надо удерживать из валового продукта, чтобы иметь возможность употребить их на производство следующего года. Всякое деление валового продукта становится поэтому непреодолимым препятствием для всякого улучшения³⁶¹). При испольтной аренде землевладелец относительно избавлен от подтягивающего влияния конкуренции, так как вместо повышения техники он понижает долю испольтщика³⁶²).

Размер арендной платы определялся многими факторами: существующими ценами на землю, конъюнктурой на сельскохозяйственном рынке, формами аренды и т. д. В Закарпатье в конце XIX — начале XX веков все большее значение приобретает аренда земли в денежной форме, но ее размеры определялись обычно известным количеством сельскохозяйственной продукции в натуре, поэтому естественно, что колебания рыночных цен на сельскохозяйственные продукты отражались и на размерах арендной платы, как правило, в сторону ее увеличения. Часто землевладельцы применяли скользящую шкалу арендной платы, поышая ставки соответственно с ростом цен на продукты. Особенно тяжело разрыв между движением земельных цен и движением арендной платы отражался на положении мелких арендаторов. Земельный голод, все возрастающий спрос на землю, и прежде всего на мелкие участки, так-

³⁶⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 221

³⁶¹) К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. I, 1936, стр. 121.

³⁶²) В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 106

же влияли на повышение ставок арендной платы и цены на землю.

В течение второй половины XIX столетия цены на землю в Закарпатье повысились в 2—3 раза — с 50—100 до 100—200 и более форинтов за хольд пашни³⁶³). Особенно возросли цены на мелкие участки в связи с превышением спроса над предложением. «...В том случае,— писал К. Маркс,— где собственность на землю составляет жизненное условие для большей части производителей и необходимую сферу для приложения их капитала, цена земли повышается, независимо от уровня процента и часто в обратном отношении к нему, благодаря перевесу спроса на земельную собственность над предложением. За землю, продаваемую парцеллами, часто получают здесь гораздо более высокую цену, чем при продаже крупными массивами, так как здесь число мелких покупателей огромно, а число крупных покупателей мало»³⁶⁴). Такое же положение сложилось и в Закарпатье. Мелкий крестьянин, не имея средств для приобретения земли в собственность, вынужден был прибегать к разорительной натуральной аренде.

Совершенно очевидно, что натуральная аренда обходилась дороже денежной. Поэтому состоятельные крестьяне старались арендовать землю за деньги и этим не только удешевить стоимость аренды, но и избавиться от кабального найма. Денежная аренда среди крестьянской бедноты и низших групп среднего крестьянства Закарпатья была распространена меньше потому, что эти категории сельского населения всегда испытывали нужду в деньгах, а арендная плата в течение второй половины XIX столетия возросла в отдельных комитатах в 2—3 раза и достигала 60 и более форинтов с хольда пахотной земли³⁶⁵). Разоренные бедные хозяйства и наименее товарные средние хозяйства часто не могли покрыть денежных податей государству, тем более среди них не могла получить широкое распространение денежная аренда земли.

В тех же случаях, когда денежная аренда в низших группах крестьянства и имела место, то она вела к тем же последствиям, что и натуральная аренда. Арендные ставки в усло-

---

³⁶³) По данным Т. Легоцкого, в 80-х годах XIX столетия цена 1 хольда пахотной земли по Бережской жупе в среднем составляла 50—100 форинтов, в районе Берегово — 60—150 форинтов, в районе Мукачева — 152—200 форинтов, а на верховине — 5—40 форинтов (см указ соч. Lehoszky T., стр. 317).

³⁶⁴) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. II, стр. 374—375

³⁶⁵) В 60-х годах XIX столетия граф Шенборн сдавал земли экономии Рафайна за 800 форинтов, а в 80-х годах — за 1400 форинтов, за земли экономии Горонда в 70-х годах взималась арендная плата в сумме 1700 форинтов, а в 80-х годах — 2000 форинтов (см. указ. соч. Lehoszky T., стр. 342).

виях «перебивания» найма земли кулаками и распространения субаренды в Закарпатье взвинчивались до предела. Можно сказать словами Ф. Энгельса, что «при среднем урожае крестьянин едва в состоянии прокормить себя и свою семью, при плохом же урожае он почти умирает с голода, не может принести арендной платы и благодаря этому попадает в полную зависимость от милости землевладельца»³⁶⁶). Безземельные и малоземельные крестьяне, не имеющие необходимых средств, сельскохозяйственного инвентаря и тягловой силы, не могли брать в аренду крупные земельные участки; они вынуждены были арендовать карликовые участки, ставки арендной платы за которые в Закарпатье были в несколько раз выше, чем за крупные. Ленинский вывод на примере аренды в земледелии России о том, что «низшие группы дороже платят за землю, иногда даже вчетверо дороже сравнительно с высшим разрядом»³⁶⁷), целиком и полностью относится и к арендно-земельным отношениям в Закарпатье. Поэтому нередко доходы от земледельческой продукции на арендованной парцелле не покрывали полностью даже арендной платы. При парцелльной аренде арендная плата в несравненно большей мере, чем при других отношениях, заключала в себе часть прибыли и даже вычет из заработной платы, т. е. не только прибавочный продукт мелкого производителя, но и значительную часть необходимого продукта.

При крупнокапиталистическом найме земли арендная плата, как правило, не превышала 10—20% валового дохода; при мелкокрестьянской аренде она составляла 30—40%, а при парцелльной аренде—свыше половины валового дохода. Это объяснялось как более высокими ставками арендной платы за мелкие участки, меньшей производительностью труда в хозяйствах мелких арендаторов, так и тем, что свою продукцию они вынуждены были реализовать по более низким ценам, чем крупные производители. Нужда в деньгах заставляла мелкого арендатора продавать свои продукты сразу же после уборки урожая, т. е. в самое невыгодное для реализации время, когда рыночные цены были наиболее низкими. Кроме того, не имея средств для обсеменения земли улучшенными семенами, очистки зерна, мелкий производитель вывозил на рынок низкосортные продукты, сбывая их, естественно, по более низким ценам.

Помощники-собственники земли в Закарпатье взимали с общества огромную дань в виде земельной ренты, являющейся особой формой части прибавочной стоимости. «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство,— писал К. Маркс,— что присвоение ренты есть

³⁶⁶) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, ч. 1, стр. 374.

³⁶⁷) В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 14

экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность...»³⁶⁸). Но не всякая земельная собственность реализуется в этой форме. Так, условием ведения парцеллярного хозяйства является не получение их владельцами средней прибыли и тем более земельной ренты и даже нормальной заработной платы, которую они уплачивают сами себе, а получение такой оплаты своего труда, которая удовлетворяла бы минимальные их потребности. Поэтому подавляющая часть мелких земледельцев не получает ренты как особой формы прибавочной стоимости. Однако, чем больше крестьянские хозяйства втягиваются в сферу товарного производства, тем в большей мере применимы к ним общие законы теории капиталистической ренты. В. И. Ленин, говоря о зажиточном крестьянстве России, указывал, что элементы капиталистической ренты в нем даны наперед.

Крупные землевладельцы получали в виде поземельной ренты огромные прибыли. По нашим подсчетам, основанным на сопоставлении данных о размерах арендного фонда земли, ценах на землю и норме банковского учетного процента, земельная рента, получаемая помещиками Закарпатья, ежегодно превышала 2,5 млн. гульденов. Гнет земельной ренты всей своей тяжестью ложился на непосредственных производителей, на массы безземельного и малоземельного крестьянства, и задерживал развитие сельского хозяйства. В. И. Ленин в этой связи писал: «Поземельная рента есть та часть прибавочной стоимости, которая остается за вычетом средней прибыли на вложенный в хозяйство капитал. Монополия земельной собственности дает возможность землевладельцу присваивать этот излишек, причем цена земли (==капитализированная рента) закреплена достигнутую однажды высоту ренты. Понятно, что рента «затрудняет» полную рационализацию земледелия: при арендной системе ослабляется импульс к усовершенствованиям и пр., при ипотечной системе большую долю капитала приходится вкладывать не в производство, а в покупку земли»³⁶⁹).

Ипотечный кредит

Одним из показателей проникновения капитала в сельское хозяйство, усиления эксплуатации деревни городом, растущей экспроприации крестьянства и разорения большинства деревенского населения при капитализме является развитие кредитной системы. Наибольшее значение в кредитовании сель-

³⁶⁸) К Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 646

³⁶⁹) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 129—130

ского хозяйства Закарпатья имели ипотечные банки, выдававшие ссуды под залог земли и недвижимого имущества.

«Долг, тяготеющий на земле,— писал К. Маркс,— и называется ипотекой, закладной на землю»³⁷⁰). «Залог земли есть залог или продажа поземельной ренты», — писал В. И. Ленин³⁷¹). Земельная собственность, как известно, реализуется в форме земельной ренты. Следовательно, фактическим владельцем земли, независимо от юридического права на нее, является тот, кто получает земельную ренту. При аренде земельная рента поступает земельному собственнику в форме арендной платы, при ипотечном кредите — банку или ростовщику в форме процентов на ссуженный капитал. Вот почему В. И. Ленин указывал, что к числу основных тенденций капиталистической эволюции сельского хозяйства принадлежит и «отделение земли от сельского хозяина в форме роста ипотечной задолженности»³⁷²).

В Закарпатье банковская форма кредита получила распространение только в конце XIX столетия. Относительно слабое ее развитие, помимо общих причин (частная собственность на землю, более длительные сроки оборота капитала в сельском хозяйстве, отсутствие достаточных гарантий, в частности, риск из-за неурожая, большие колебания цен на сельскохозяйственную продукцию, меньшая прибыльность по сравнению с вложениями капитала в промышленность или торговлю), объяснялось и специфическими условиями Закарпатья, его колониальной зависимостью, длительным сохранением сильных остатков средневековья, замедленным приспособлением крупных латифундиальных хозяйств к капиталистическим отношениям и наличием значительного числа владений с ограниченным оборотом.

Расширению банковского кредита и особенно мелкого кредита через сберегательные кассы и кредитную кооперацию препятствовало также усиление ростовщического капитала в закарпатской деревне. Э. Эган по этому поводу в 1898 году писал: «Банк или сберкасса не может действовать в этом крае. Ни аграрного кредита, ни другого организованного кредита здесь фактически не существует»³⁷³). Попытки некоторых кредитных учреждений «вкорениться» в Закарпатье и предоставлять ссуды под залог недвижимого имущества терпели неудачу из-за противодействия ростовщиков. «В этих случаях, указывал Эган, местные торговцы объединялись, чтобы как можно скорее разорить данного получателя кредита. Когда же его земля

³⁷⁰) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 75.

³⁷¹) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 101.

³⁷²) Там же, стр. 102.

³⁷³) Указ. соч. И. Перени, стр. 139.

продавалась с молотка, они снова договаривались таким образом, что на торги никто не являлся, и кредитное учреждение теряло свои деньги». С тех пор, заключал Эган, получить деньги от кого-либо взаем, кроме местных ростовщиков, стало невозможным. Поэтому финансовое учреждение не может здесь работать нормально и спешит отрясти «прах с ног своих»³⁷⁴).

Первые кредитные учреждения в форме банков, кредитных товариществ и сберегательных касс стали возникать в 70-х годах XIX столетия³⁷⁵). Главную роль в ипотечном кредите играли банки, а доля кредитных товариществ и сберегательных касс в этих операциях была незначительной. В 1889 году ипотечные ссуды, выданные закарпатскими сберегательными кассами, составляли 780 тыс. форинтов (в Венгрии свыше 170 млн. форинтов), в 1893 году соответственно — 1,2 млн. и 224 млн. форинтов³⁷⁶). Кредитные общества Закарпатья располагали совершенно незначительными собственными средствами, достигавшими в 1900 году 664 тыс. крон. Сумма выданных обществами ссуд главным образом под залог земли и недвижимого имущества составляла 1,7 млн. крон. Кредитные общества выдавали только краткосрочные ссуды (100—180 крон), взимая 3—4 и более процентов годовых³⁷⁷). Таким образом ссуды, выдаваемые сберегательными кассами и обществами кредитной кооперации, составляли по отдельным закарпатским комитатам 10—15% банковских ссуд.

Венгерским банком в Закарпатье под залог земельных владений было выдано в 1900 году 18,6 млн. крон (Бережская жупа — 9,8 млн., Марамарошская — 2,1 млн., Ужгородская — 3,7 млн., Угочская — 3 млн. крон) и венгерско-австрийским банком — 2 млн. крон³⁷⁸), т. е. общая сумма ипотечных ссуд превышала 20 млн. крон. В 1901 году ссуды венгерского банка составляли 18 млн. крон и венгерско-австрийского — 2 млн. крон. По Венгрии в целом в 1901 году этими двумя банками было выдано ипотечных ссуд 1393 млн. крон³⁷⁹). Доля ипотечных ссуд, выданная закарпатским землевладельцам в общей сумме ссуд этого рода по Венгрии в целом, составляла только 0,02%.

Ограниченность статистических данных не дает возможности всесторонне исследовать вопрос о распространении ипо-

³⁷⁴) Указ. соч. Й Перени, стр. 140.

³⁷⁵) Данные о кредитных учреждениях и ипотечной задолженности приводятся на основе следующих источников: His, V, V, 1872, стр. 108, 111, Kjsé, 1901, стр. 627, 636, Msé, VIII, 1901, стр. 287, Msé, IX, 1902, стр. 275, 283; Akcziók, стр. 150; указ. соч. А. Хевеши, стр. 27

³⁷⁶) Msé, 1889, VI, 1891, стр. 21—49, Msé, 1895, III, 1896, стр. 300—302; His, V, V, 1872, стр. 108, 111

³⁷⁷) Akcziók, стр. 150.

³⁷⁸) Kjsé, 1901, стр. 625—627, 636; Msé, VIII, 1901, стр. 287.

³⁷⁹) Msé, IX, 1902, стр. 275, 283.

течного кредита в Закарпатье, определить размеры ипотечной задолженности и динамику ее, но несомненным остается тот факт, что во второй половине XIX столетия задолженность землевладельцев ипотечным банкам и другим кредитным учреждениям год из году возрастала. Если к 1878 году непогашенная задолженность по ипотечным ссудам в закарпатских комитетах составляла 5,5 млн. крон, то к 1900 году она возросла до 17,6 млн. крон, т. е. увеличилась в 3,2 раза³⁸⁰). Все это свидетельствовало об усилении проникновения и подчинения сельского хозяйства капиталом. Концентрация ипотечных учреждений в Закарпатье, которую мы наблюдаем в конце XIX столетия, влекла за собой концентрацию земельной ренты и усиливала контроль финансового капитала над землевладением. «Концентрация гипотек указывает, что концентрация землевладения идет «по Марксу», — писал В. И. Ленин³⁸¹).

Увеличение ипотечной задолженности отнюдь не всегда указывает на угнетенное состояние сельского хозяйства. Прогресс и процветание сельского хозяйства равным образом как и упадок могут выражаться в росте ипотечной задолженности. В первом случае задолженность растет вследствие растущей потребности прогрессирующего сельского хозяйства в капитале и роста поземельной ренты, дающей возможность расширять сельскохозяйственный кредит; во втором случае она растет в силу того, что сельское хозяйство не может вовремя и в нормальных размерах погашать задолженность. В Закарпатье рост ипотечной задолженности объяснялся сочетанием этих двух тенденций, но первая из них — возрастание потребности в капитале и рост земельной ренты — имела преобладающее значение. Австро-венгерский финансовый капитал открыл более широкие возможности для ипотечного кредита в Закарпатье прежде всего потому, что земельная рента в конце XIX столетия возросла более чем в два раза, повысились цены на землю, поднялась арендная плата, особенно на мелкие участки. Таким образом, рост ипотечных долгов выражал собой продажу возросших сумм возросшей ренты и концентрацию их в руках финансового капитала.

К росту задолженности приводило также и употребление заемщиками, прежде всего крупными помещиками, кредитов на цели, не имеющие прямого отношения к сельскому хозяйству. Как можно судить по данным, приводимым некоторыми авторами, непроизводительное расходование кредитов достигало в отдельных крупных хозяйствах до половины ссуд, а обращения ссуд на пополнение основного капитала составляло около

³⁸⁰) Msé, 1899, II, 1900, стр. 600—602

³⁸¹) «Ленинский сборник», XIX, стр. 38.

20%. Крупные землевладельцы-помещики значительную часть полученных займов расходовали на поддержание «привычного образа жизни», приобретение акций промышленных предприятий и т. д. Ф. Энгельс по этому поводу, имея в виду немецкое дворянство, писал: «Здесь дворянство заключало займы под предлогом улучшения своих поместий, но на самом деле тратило большую часть полученных денег на поддержание привычного образа жизни... Дворянство считало своим первым долгом — жить сообразно достоинству своего сословия, а первым долгом государства — помогать ему выполнять эту задачу»³⁸²). Эта характеристика расходования займов дворянством относится целиком к Венгрии, и в частности к Закарпатью.

Непроизводительное употребление кредитов имело место и среди заемщиков-крестьян, но здесь оно вызывалось совершенно другими причинами. Они расходовали ипотечные займы на уплату процентов по ранее взятым ссудам и на внесение очередных платежей для их погашения, а также на уплату многочисленных налогов (на уплату налогов крестьянами-заемщиками тратилось до 1/3 всех кредитов, что вызывалось как отсутствием у них денежных средств, так и высокими размерами пени по налоговой задолженности, которые превышали процентные ставки по ссудам).

Вопрос о влиянии ипотеки на развитие сельскохозяйственного производства, на положение землевладельцев нельзя решать безотносительно к тому, какие классовые группы сельских хозяйств получают ссуды под залог земли, ибо значение ипотеки различно для различных групп сельского населения. Ссуды под залог земли крупными помещиками в Закарпатье, как мы указывали, расходовались в значительной мере на личные потребности, а также на приобретение акций промышленных монополий, на расширение и усовершенствование своих собственных предприятий, и в самых незначительных размерах вкладывались в сельскохозяйственное производство.

Ссуды, получаемые капиталистическими хозяйствами, в большей своей части направлялись на увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, способствуя тем самым росту его интенсификации, дальнейшей концентрации земли и всего сельскохозяйственного производства в их руках и росту эксплуатации сельскохозяйственных рабочих.

Венгерская статистика преднамеренно скрывала данные о количестве земли, заложенной в кредитных учреждениях, совершенно обходила вопрос о частных, ростовщических ипотечных ссудах и их губительном влиянии на хозяйства мелких крестьян. Публикуемые же статистические данные о выдан-

³⁸²⁾ К Маркс и Ф Энгельс, соч., т. 26, стр. 6

ных ипотечных ссудах банками, кредитной кооперацией и сберегательными кассами давались суммарно и не отражали распределения ссуд по различным классовым группам хозяйств. Это делалось с той целью, чтобы скрыть социальную направленность кредита и затушевать глубину разорения масс крестьянства.

По нашим подсчетам, общая сумма ипотечной задолженности закарпатских землевладельцев банкам в начале XX столетия превышала 30 млн. крон; на 1 хольд плодородной земли по закарпатским комитатам приходилось ипотечной задолженности от 11 до 58 крон³⁸³).

Банковским долгосрочным кредитом пользовались прежде всего крупные помещичье-капиталистические и зажиточные хозяйства; мелким краткосрочным организованным кредитом пользовалась только небольшая часть крестьян. В Венгрии в конце XIX столетия 65% заемщиков (из общего числа 532 тысячи) получали ссуды размером до 1000 крон, 30% — от 1 до 10 тыс. крон и только 5% свыше 10 тыс. крон, однако эта небольшая группа крупных заемщиков получила почти 70% всей суммы ипотечной ссуды (из 1600 млн. крон ссуды на их долю приходилось свыше 1000 млн. крон)³⁸⁴).

Организованный кредит крестьянам обходился значительно дороже, чем крупным хозяйствам. По долгосрочному ипотечному кредиту банки взимали с крупных владельцев земли по 4—5%, но пока ссудный капитал спускался до низовых кредитных учреждений, которые обслуживали мелких заемщиков, процентная ставка по ссудам возрастала, достигая 8—10%. Массы крестьянства Закарпатья, испытывавшие постоянную нужду в деньгах, которую не могли удовлетворить кредитные общества вследствие недостаточного размера капиталов и засилья кулаков в этих учреждениях, вынуждены были обращаться к ростовщикам.

Как известно, эпоха капитализма характеризуется не только ростом капиталистических форм эксплуатации трудящихся в деревне, но и значительным распространением докапиталистических форм эксплуатации, в частности, через распространение «низших худших форм капитала, торгового и

³⁸³) Ипотечная задолженность венгерских землевладельцев в 60-х годах XIX столетия, по данным А. Хевеши, была совершенно незначительной. В 1866 году на 33 млн. кадастровых йохов обработанной земли ипотечная задолженность (исключительно почти крупных землевладельцев) составляла 140 млн. крон. В конце XIX—начале XX столетия ипотечная задолженность резко возросла и составляла к 1903 году сумму в 4692 млн. крон (см. указ. соч. А. Хевеши, стр. 27; Deb, 1904, стр. 10; Msé, 1899, II, 1900, стр. 602). По данным Ж. П. Паха, в 80-х годах XIX столетия 38% всей ипотечной задолженности ложилось на бедное крестьянство Венгрии (см. указ. соч. Zs P P a c h, Ueber einige charakteristische Züge, стр. 1247).

³⁸⁴) Msé, 1899, II, 1900, стр. 602.

ростовщического»³⁸⁵). В. И. Ленин связывал значение роли ростовщичества в земледелии с частной собственностью на землю. Он писал: «...и залог земли и ростовщичество являются, так сказать, формами обхода капиталом тех затруднений, которые ставит частная поземельная собственность свободно-проникновению капитала в земледелие»³⁸⁶).

Частые стихийные бедствия и недороды, постигавшие Закарпатье, а также и обильные урожаи, когда крестьянин вынужден был продавать продукты сельского хозяйства за бесценок, ставили его в безвыходное положение. Крестьянин, не имея средств для уплаты налогов и покрытия старых долгов, вынужден был прибегать к наиболее тяжелому ростовщическому кредиту. В условиях Закарпатья, в обстановке тяжелого безземелья, испытываемого массами крестьянства, хищнической фискальной системы, чрезвычайной ограниченности организованного кредита, разорения и упадка крестьянских хозяйств ростовщичество получило чрезвычайно широкие размеры и приняло самые чудовищные формы³⁸⁷).

Ростовщический капитал в Закарпатье оказался той силой, которая в первую очередь отделила собственника-крестьянина от его производства. Многие крестьяне Закарпатья стали потомственными должниками ростовщиков, потерявшими всякую надежду на избавление от ростовщической кабалы, ибо на старую задолженность наслаивалась еще бо́льшая новая, погасить которую крестьянин был не в силах. Это явление, распространенное в Закарпатье, подтверждало слова К. Маркса, который указывал, что с каждым новым поколением задолженность крестьян рождает новую задолженность³⁸⁸).

Рост ипотечной задолженности крестьян кредитным учреждениям и особенно ростовщикам вызывался усилением разрушительного действия основного экономического закона капитализма в отношении трудящихся крестьян, общей антикрестьянской политикой правящих кругов Венгрии, ведущей к росту налогов, к общей задолженности трудящегося крестьянства, вынужденного прибегать к ипотеке, ростом арендной платы и цен на землю, повышающих спрос на ипотечный кредит. Мелкий крестьянин не мог достать необходимые ему для ведения хозяйства, уплаты налогов и старых долгов средства иначе, как путем займов под залог земли, поскольку земля являлась главным средством производства и только она могла служить гарантией при получении займа. Деньги парцеллярный крестья-

³⁸⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 53—54.

³⁸⁶) Там же, т. 13, стр. 287.

³⁸⁷) Более подробно вопрос о распространении ростовщичества в Закарпатье и ростовщическом гнете, тяготевшем над массами крестьянства, нами рассматривается в III главе.

³⁸⁸) См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 75

нин добывает «по большей части под ипотеку», указывал К. Маркс³⁸⁹). Поэтому кредит для крестьянина, как не обладающего постоянной платежной способностью, по необходимости чаще всего являлся «личным», т. е. ростовщическим и ипотечным.

Прямым последствием распространения ипотечной задолженности крестьян ростовщикам в Закарпатье являлся упадок parcelлярной собственности — разорение должников, превращение их в рабочих, арендаторов, издольщиков. Ростовщик не только взимал непомерные проценты за выданные ссуды, но и принуждал крестьянина выполнять различного рода повинности и работы в его хозяйстве, т. е. ставил кредитора в положение кабально зависимого. К. Маркс в этой связи указывал, что ростовщичество, подрывающее все формы хозяйства, в которых производитель является собственником средств производства, действует «...как разрушитель мелкобуржуазного, мелкокрестьянского производства...»³⁹⁰). Помимо этого, ростовщичество обладало и другой особенностью — консервировать старый способ производства, присасываясь к нему, как паразит. Формально самостоятельный, но задолжавший крестьянин фактически превращался в скрытого кабального работника — полукрепостного у ростовщика³⁹¹).

Все приведенные нами данные показывают, что ипотечная система являлась, наряду с арендой, одной из форм отделения земельной собственности от производства. Мелкие крестьяне «...в большинстве случаев так обременены ипотеками, что находятся в такой же зависимости от ростовщиков, как арендаторы от землевладельцев»³⁹²).

Рост земельной собственности на буржуазной основе

Капитализм наследовал старую феодальную земельную собственность. Помещики и после революции 1848 года в Венгрии обладали монополией частной собственности на землю и держали в своих руках подавляющую часть сельскохозяйственных и лесных угодий. Монополия частной собственности на землю в условиях капитализма представляла собой модифицированную феодальную собственность. Если последняя, крепостническая форма земельной собственности в условиях феодализма экономически реализовалась на основе феодальной эксплуатации, то первая — на основе капиталистической эксплуатации.

³⁸⁹) К. Маркс, Капитал, т. III, 1938, стр. 709

³⁹⁰) К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. III, 1936, стр. 381.

³⁹¹) См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 75—76.

³⁹²) Там же, т. 13, ч. I, стр. 374—375

Развитие капитализма в сельском хозяйстве с неизбежностью вело к превращению феодальных форм землевладения, феодальной собственности на землю в буржуазную. В Закарпатье этот процесс выражался в приспособлении капитала к крепостническим поместьям, в перестройке помещичьих хозяйств на капиталистической основе, в медленном превращении их в юнкерские хозяйства³⁹³). Стихийное развитие капиталистических отношений, несмотря на постоянную экономическую и политическую поддержку, оказываемую правительством крупному землевладению, и сохранение феодальных форм наследования земельной собственности постепенно разрушало сословность землевладения, старое барщинное, отработочное, натуральное хозяйство, вовлекало землю в торговый оборот, вело к возрастанию частной собственности на землю, приобретенной за деньги, т. е. к росту земельной собственности на буржуазной основе, к ослаблению пережитков феодализма и все большему приспособлению крепостнических и патриархальных форм землевладения к потребностям капиталистического способа производства и рынка, т. е. усиливало процесс преобразования его в торговое, капиталистическое землевладение. Часть латифундий Закарпатья перестроилась и вела капиталистическое хозяйство в больших размерах, но значительная часть латифундий была распродана за долги или сдавала землю в аренду капиталистическим предпринимателям, и в этом смысле можно сказать словами В. И. Ленина, что латифундии служили «базисом для одной из высших форм крупного капиталистического земледелия»³⁹⁴).

Как указывал венгерский автор А. Хевешн, в Венгрии в результате капиталистического развития определились три типа крупных владений: 1) капитализированное крупное предприятие, ведущее под руководством капиталиста-арендатора или владельца интенсивное хозяйство; 2) майоратные земли и прочие владения с ограниченным оборотом, которые, если не сданы в аренду капиталисту-арендатору, являлись твердынями экстенсивной феодальной системы; 3) переходный тип хозяйств, который все больше сближается с первым или со вто-

³⁹³) Развитию помещичьих хозяйств, особенно крупных, по капиталистическому пути способствовало получение помещиками выкупных платежей за землю, перешедшую к крестьянам, и отмену феодальных повинностей (см. Gy Mérei, *Mezőgazdaság és agrártársadalom Magyarországon 1790—1848*, Bdp., 1948; I. Szántó, *A parasztság kisajátítása és mozgalmái a dunántúli Festetics — birtokokon 1711—1850*, Bdp., 1954, стр. 117 и сл), устранение таможенных границ между австрийскими и венгерскими областями и увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции из Венгрии в промышленные области Габсбургской империи (см. Gy Szabad, *A tatai és gesztési Eszterházy—uradalom attérése a robotrendszerrel a tókes gazdálkodásra*, Bdp, 1957).

³⁹⁴) В. И. Ленин, Соч, т 4, стр 80

рым типом³⁹⁵). В Закарпатье имелись налицо все три формы крупных владений, но преобладали хозяйства второго и особенно третьего типов.

Примером переходного типа хозяйства в Закарпатье может служить латифундия графа Шенборна. Еще в 60-х—70-х годах XIX столетия, т. е. через 15—20 лет после крестьянской реформы, как показывают архивные данные³⁹⁶), доминия Шенборна получала значительную часть своих доходов за счет источников, не связанных с собственным сельским хозяйством и промышленным производством.

Так, например, в 1867 году важнейшими источниками доходов латифундии Шенборна являлись:

Т а б л и ц а 43

Статьи дохода	Сумма (в тыс. форинтов) ³⁹⁷	% к общей сумме дохода по перечисленным статьям
1. Сдача в аренду «регального права» [„Regalia benefitia“]	106	30,3
2. Выкупные платежи и поборы с контрактуалистов	50	14,2
3. Сдача в аренду земельных и лесных угодий	42	12,0
4. Доходы от собственного сельского хозяйства	123	35,0
5. Доходы от лесного хозяйства и промышленности	30	8,5

Таким образом, если сумму доходов по перечисленным нами статьям принять за 100, то доходы латифундии Шенборна от собственного сельского хозяйства и промышленного производства составляли менее половины общей его суммы. По-прежнему значительный удельный вес в доходах этой латифундии (30,3%) занимала сдача в аренду «регального права», представлявшего собой пережиток старого феодального права. К числу объектов «регального права» относились: 40 корчем, 27 мельниц, 6 рынков, до 60 мясных и других лавок, свыше 70 домов и усадеб в городах и местечках, 6 мостов, при переезде через которые взималась пошлина, а также доходы от сдачи в аренду лесов с целью охоты, рыбных угодий и т. д. Главным арендатором объектов, включаемых в эту статью,

³⁹⁵) Указ. соч. А. Хевеши, стр. 23.

³⁹⁶) ГАЗОФ, ф. 87, дд. 1151, 1497, 1514, 1524

³⁹⁷) Из общей суммы доходов нами исключены такие их виды, как суммы, перешедшие с предшествующего года, проценты на вложенный в банки капитал, возвращенные авансы и ссуды, и т. п.

являлся еврейский купец и предприниматель Готесман, уплативший в 1867 году свыше 77 тыс. форинтов арендной платы.

Вторая, указанная нами статья, приносящая 50 тыс. форинтов дохода (14,2%), в кассовых книгах доминии выделялась под рубрикой «Возмещение урбарильной ренты», т. е. представляла собой также статью доходов, определяемых феодальным правом. Сюда относились поступления выкупных платежей с бывших урбарильных крестьян (35 тыс. форинтов), платежи контрактуалистов (12 тыс. форинтов) и штрафы, пени и другие начисления на бывших урбарильных крестьян, контрактуалистов и майоратных желлеров за несвоевременную уплату возложенных на них денежных и других видов поборов. В общей сложности доходы, основанные на феодальном праве владельца доминии, занимали 44,5% доходов по выделенным нами статьям.

Доходы от сдачи в аренду земельных и лесных угодий превышали 40 тыс. форинтов и составляли 12% общей суммы доходов имения Шенборна по указанным статьям. Доминия сдавала в аренду свыше 30 тыс. хольдов пахотных земель и пастбищ, из которых большую часть брали внаем крупные арендаторы-спекулянты, сдававшие, в свою очередь, земли мелкими парцеллами по повышенным ставкам безземельным и малоземельным крестьянам. Как показывают размеры уплачиваемой спекулянтами арендной платы, они брали внаем по несколько тысяч хольдов пахотных земель и полонин. Так, арендаторы братья Кро уплачивали 1823 форинта арендной платы, Барух Мейзельс—1325 форинтов, Самуил Феерштейн—1175 форинтов, Вениамин Фридман—978 форинтов, Мартин Ицкович—693 форинта и т. д.

Доходы от собственного сельского хозяйства составляли только 125 тыс. форинтов, т. е. 35% общей суммы доходов по указанным нами статьям. Из общей суммы доходов доминии от собственного сельского хозяйства более 1/2 приходилось на доходы от скотоводства (продажа живого крупного рогатого скота — 20 тыс. форинтов, свиней — 23 тыс. форинтов, овец — 6 тыс. форинтов). Удельный вес доходов от земледелия составлял менее 40%. Наибольшее значение среди сельскохозяйственных культур имели зерновые (доходы от продажи пшеницы составили 10252 форинта, кукурузы — 8717 форинтов, ржи — 3585 форинтов), технические и масличные (9 тыс. форинтов).

Таким образом, анализ данных, характеризующих источники доходов доминии Шенборна за 1867 год, показывает, что 56,5% всех доходов были получены ею на основе феодально-владельческого права. Если же учесть, что и собственное хозяйство доминии в этот период в значительной мере основывалось на отработочной системе и испольной аренде, то латифундия Шенборна предстанет перед нами как крупное хозяй-

ство отсталого, именно переходного типа, сочетающего в хозяйственной деятельности и в производственных отношениях черты феодальной и капиталистической систем.

Общая сумма доходов латифундии Шенборна с 1850 по 1867 год увеличилась в два раза³⁹⁸). По отдельным экономиям доминию увеличение было еще более значительным³⁹⁹). В последующие годы в связи с дальнейшим развитием собственного сельского хозяйства, базирующегося главным образом на эксплуатации вольнонаемного труда, что свидетельствовало о перестройке сельскохозяйственного производства доминию на капиталистической основе, а также в связи с расширением фонда сдаваемых в аренду пастбищ и лесов доходы доминию продолжали возрастать и достигали в конце XIX столетия суммы 500—600 тыс. форинтов. Но и в этот период однако до $\frac{1}{4}$ суммы всех доходов доминию составляли поступления, основанные на пережиточно сохранившемся феодально-владельческом праве. Это же самое можно сказать и в отношении латифундии Перени⁴⁰⁰).

В Закарпатье к концу XIX столетия наблюдалось значительное сокращение числа помещичьих крупных и латифундиальных хозяйств и возрастание удельного веса капиталистического землевладения, которое складывалось путем превращения некоторых крупных помещичьих хозяйств в интенсивные предприятия по производству продуктов земледелия и скотоводства и путем концентрации земли в руках капиталистических предпринимателей в сельском хозяйстве. Это главная линия развития крупного капиталистического землевладения в Закарпатье. Мобилизация земли частноправовыми объединениями в аграрных отношениях существенного значения не имела.

Табл. 44, составленная на основе официальных статистических данных⁴⁰¹), характеризует динамику крупных и латифундиальных хозяйств Закарпатья во второй половине XIX столетия.

Из приведенной таблицы видно, что на протяжении 70-х—90-х годов число крупных и латифундиальных хозяйств сократилось на 35% (с 761 хозяйства в 1870 году до 495 хозяйств в 1900 году). Особенно значительным было сокращение числа латифундиальных хозяйств с общей земельной площадью

³⁹⁸) ГАЗОФ, ф. 87, л. 1157, лл. 6—17; л. 1497, лл. 4—8 и сл

³⁹⁹) В 1850 году Мукачевская экономия дала 16 тыс. форинтов дохода, а в 1860 году — 53 тыс. форинтов, соответственно Бережская — 0,5 тыс. форинтов и 12 тыс. форинтов, Подгорянская — 8 тыс. форинтов и 11 тыс. форинтов, Фогарашская — 0,6 тыс. форинтов и 3 тыс. форинтов и т. д. (ГАЗОФ, ф. 87, лл. 1151, 1497)

⁴⁰⁰) См ГАЗО, ф. 60, 1856, л. 979, лл. 5—10.

⁴⁰¹) Deb, 1879, стр. 113. Msé, 1874, стр. 126—129, Mos, IV, 1900, стр. 120—140; Msé, XX, 1912, стр. 126—137.

Период	Количество хозяйств по общей земельной площади (в кадастровых хольдах)			
	200—500	500—1000	свыше 1000	всего
70-е годы	315	159	287	761
90-е годы	264	103	128	495

свыше 1000 хольдов. Если данные за 1870 год принять за 100, то в 1900 году хозяйства с общей земельной площадью от 200 до 500 хольдов составляли 83,8%, с площадью от 500 до 1000 хольдов — 64,8% и латифундиальные хозяйства — только 44,6%*.

Сокращение числа крупных и латифундиальных хозяйств в Закарпатье объяснялось двумя основными причинами: во-первых, упадком тех крупных феодально-помещичьих имений, которые оказались неспособными перестроиться на новой, капиталистической основе; во-вторых, интенсификацией сельскохозяйственного производства как в крупных помещичьих хозяйствах, приспособившихся к капиталистическим отношениям, так и особенно в хозяйствах капиталистов-предпринимателей, к которым и переходят в массе своей крупные помещичье-дворянские владения.

Многие владельцы закарпатских латифундий, принадлежащие к потомственной венгерской и немецкой феодальной аристократии, продолжали и в новых условиях, порожденных капиталистическим способом производства, сохранять барское, аристократическое отношение к сельскому хозяйству. «Трудно предположить,—писал Ф. Энгельс в конце XIX столетия,—что вышедший из недр феодализма владелец дворянского поместья... когда-нибудь научится хозяйничать, как буржуа, и станет подобно последнему считать своим первым долгом при всех обстоятельствах капитализировать ежегодно часть присвоенной прибавочной стоимости; это противоречит всему опыту во всех некогда феодальных странах»⁴⁰²). Вот почему к концу XIX столетия значительная часть латифундиальных хозяйств венгерской и немецкой земельной знати в Закарпатье, благодаря расточительности их владельцев, неспособности реорганизовать свои хозяйства в соответствии с требованиями капиталистических отношений, не только не приносила дохода, удовлетворяющего аристократические потребности их сиятельных владетелей, но производство сельскохозяйственной продукции в этих хозяйствах становилось убыточным.

⁴⁰²) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 235.

Барское отношение к сельскому хозяйству этих землевладельцев-тунеядцев вело к подрыву экономики латифундий, к обременению их долгами и сводило к нулю их преимущества как крупных хозяйств. Вот некоторые примеры. В 1858 году к наследникам владельца закарпатской латифундии барона Ж. Перени 33 кредиторами был предъявлен иск о взыскании 291 тыс. форинтов долга⁴⁰³). В последующие годы имение Перени так же было отягощено ипотечными и обычными долгами кредитным учреждениям и ростовщикам. В 1880 году, например, барон Перени получил ссуду от мукачевского ростовщика Я. Майзеля в сумме 8600 форинтов из 10% годовых и за три года уплатил 2257 форинтов процентов⁴⁰⁴). Помещик Уйгели (село Тисса-Уйгель Угочской жупы) получил от австро-венгерского банка ссуду в размере 12382 форинта под залог принадлежавшей ему земли в седе Фанчиково, которая оценивалась в 27 тыс. форинтов. В 1887 году была объявлена продажа этих земель с публичных торгов за долги банку⁴⁰⁵).

Имения земельной аристократии в Венгрии и Закарпатье могли существовать не вследствие их жизнеспособности и преуспеваемости как крупных, интенсивных хозяйств, а главным образом благодаря экономической, финансовой и политической поддержке со стороны правительства, которая только и давала им возможность до поры до времени выходить из кризиса и сохранять свои владения.

Характеристика, данная Ф. Энгельсом состоянию юнкерских хозяйств Германии конца XIX столетия и значению для них государственной помощи, может быть полностью распространена и на латифундиальные хозяйства Закарпатья. Ф. Энгельс писал: «...Все юнкерство постоянно находится на краю пропасти; всякое бедствие, будь то война, неурожай или торговый кризис, грозит ему крахом, и не удивительно, что за последние сто с лишним лет его спасала от гибели только государственная помощь в разных видах и что в действительности оно продолжает существовать только благодаря государственной помощи»⁴⁰⁶).

К концу XIX столетия для многих крупных помещичьих хозяйств Венгрии и Закарпатья, обремененных долгами, государственная помощь уже была недостаточна. Она не спасала их от разорения. Русский консул в Будапеште, характеризуя это явление, указывал, что венгерские дворяне, «получив выкупную ссуду в виде облигаций, принуждены были продать их по весьма низкой цене и разом лишившись, благодаря курсу, значительной части своего состояния вскоре потеряли и ос-

⁴⁰³) ГАЗО, ф 60, оп. II, 1858 г., д 928, лл 1—4

⁴⁰⁴) Там же, 1883 г., д 1203, лл 1—3

⁴⁰⁵) Там же, ф 245 (Поджупан Угочанской жупы), д 225, лл 11—24.

⁴⁰⁶) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т 16, ч 1, стр. 495.

тальную при попытке устроить новое хозяйство»⁴⁰⁷). На этой основе происходит сокращение числа дворянских крупных хозяйств и занимаемой ими земельной площади, все более переходившей в руки буржуазии, купцов и ростовщиков. Так капиталистический способ производства разрушал сословность землевладения, изменял или подчинял юридические формы собственности, усиливая процесс мобилизации, «собирания земли» буржуазией.

В Венгрии, как и в Закарпатье, в конце XIX столетия поступали в продажу главным образом крупные дворянские земельные владения и возрастал удельный вес землевладений, перешедших в порядке покупки или отчуждения за долги в руки банков и буржуазии, что свидетельствовало о росте земельной собственности на чисто буржуазной основе. «В настоящее время в Венгрии, как доносил русский консул в Будапеште, представляется весьма трудным приобретение средних и мелких земельных участков, так как к продаже по большей части предлагаются лишь большие имения-латифундии... Банки пользуются этим и, скупая такие земли по сравнительно дешевой цене, продают их мелким и средним покупателям много дороже, получая на свой капитал до 100%»⁴⁰⁸). В 1885 году в Венгрии переменяла хозяев 1/11 часть всех владений, в 1890 году—1/9 часть, а в 1903 году — 1/6 часть⁴⁰⁹). В Закарпатье в течение 70—90-х годов перешла из рук в руки 1/5 часть всех владений и 1/3 часть крупных владений; в среднем ежегодно переходило из рук в руки по тысяче земельных владений⁴¹⁰).

Значительная часть этих владений перешла в собственность капиталистов-предпринимателей, торговцев и ростовщиков. Так, из 16 хозяйств Марамарошской жупы с общей земельной площадью свыше 500 хольдов 9 были приобретены в 70—80-х годах XIX столетия представителями буржуазии [С. Вейс (село Майданка) приобрел имение площадью 510 хольдов, Э. Каган (село Руська Поляна)—590 хольдов, Я Пикель (села Тороня и Майданка)—725 хольдов, Л. Давидович (село Колоча)—1074 хольда, Л. Лазарович (село Сольма) — 1284 хольда и т. д.]. Из общей площади земли 60 тыс. хольдов, принадлежащей всем 16 хозяйствам, на долю капиталистов-предпринимателей приходилась одна треть⁴¹¹). Только за 10 лет, с 1894 по 1904 год, количество землевладельцев из числа еврейской буржуазии в Закарпатье с общей земельной площадью свыше 100 хольдов возросло со 192 до 249, т. е. на 29,7%, а количество

⁴⁰⁷) АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, л. 433.

⁴⁰⁸) Там же, ф. Политархив, 1911 г., д. 584, л. 60

⁴⁰⁹) Msé, 1899, II, 1900, стр. 401; указ соч А Хевеши, стр. 28

⁴¹⁰) Msé, 1877, VII, 1879, стр. 74—89; Msé, 1895, II, 1896, стр. 580—590.

⁴¹¹) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., л. 80, лл. 10—17.

принадлежащей им земли, со 142 тыс. до 223 тыс. хольдов, или на 56,7%⁴¹²).

Одновременно с уменьшением абсолютного числа крупных и латифундиальных хозяйств во второй половине XIX столетия в Закарпатье сократилась и общая площадь принадлежащей им земли по отдельным комитатам на 20—30% и соответственно размеры земли на одно хозяйство. Вместе с тем, наблюдается возрастание числа хозяйств с общей земельной площадью от 50 до 200 хольдов (в 1870 году хозяйств с общей земельной площадью 100—200 хольдов насчитывалось 377, а в 1900 году — 453, соответственно хозяйств с общей земельной площадью от 50 до 100 хольдов насчитывалось 838 и 1646), земельные владения которых по отдельным комитатам увеличились на 50—80% и более.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что во второй половине XIX столетия в Закарпатье наблюдается возрастание абсолютного числа и экономического значения хозяйств с общей земельной площадью от 50 до 200 хольдов за счет дробления латифундий и крупных земельных владений и концентрации земли в хозяйствах, отнесенных нами к категории зажиточных. Круговорот концентрации и раздробления земельной собственности, в которой доминирует тенденция капиталистической концентрации сельскохозяйственного производства, является характерной чертой капиталистического способа производства в земледелии⁴¹³). К. Маркс и Ф. Энгельс по этому поводу писали: «...Пока существует вообще буржуазный строй земледелие должно постоянно вращаться в этом круге из концентрации и раздробления»⁴¹⁴).

Однако уменьшение абсолютного числа крупных и латифундиальных хозяйств в Закарпатье, сокращение доли принадлежащих им земель и размеров земли на одно хозяйство нельзя рассматривать как показатель вытеснения крупного хозяйства средним и мелким землевладением. Во-первых, надо иметь в виду, что даже в конце XIX столетия крупное землевладение продолжало оставаться господствующим. В руках владельцев латифундий и крупных хозяйств с общей земельной площадью свыше 200 хольдов находилось 41,2% всей зем-

⁴¹²) «Gözög-Katholikus Szemle», Ungvár, № 7, 6 марта 1904 года

⁴¹³) Подтверждением этого положения может служить тот факт, что накануне первой мировой войны усиливается процесс концентрации земли и производства в хозяйствах с общей земельной площадью от 200 до 1000 хольдов, о чем свидетельствует увеличение их числа. В 70-х годах хозяйств с общей земельной площадью от 200 до 500 хольдов насчитывалось 315, а в 1914 году — 423, хозяйств с общей земельной площадью от 500 до 1000 хольдов соответственно 159 и 203 (Mész, 1874, стр. 126—129; Magyar statisztikai közlemények, т. 67, 1918, стр. 120—130).

⁴¹⁴) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 316

ли и более 90% лесных угодий. Многие существовавшие в этот период крупные земельные владения в Закарпатье представляли собой капиталистические предприятия, принадлежавшие как капиталистам-предпринимателям, так и дворянам-помещикам, хозяйства которых приспособились к условиям капиталистического производства. К числу их относились: хозяйство графа Лоньаи (село Шолом Бережского комитата), барона Дитвурда (села Березники и Керещко Иршавского округа), графа Шертоса (села Драгово и Вильшана Хустского округа), Силадьи (село Драгово Хустского округа), С. Горвата (село Гете Бережского комитата), поместье крупного капиталиста Готемана (село Бакта Бережского комитата) и др.

Во-вторых, уменьшение площади крупных хозяйств, несомненно, было связано с их интенсификацией, с увеличением вложения капитала в землю. В условиях перехода от экстенсивного хозяйства к интенсивному, требующему дополнительного вложения капитала, продажа части земли или сдача ее в аренду крупными землевладельцами служила для них источником получения необходимых средств для перестройки своего хозяйства. Переход к более интенсивному капиталистическому производству, но на меньших площадях, являлся одной из важных причин уменьшения удельного веса земельных владений крупных и латифундиальных хозяйств Закарпатья и свидетельствовал не о деградации крупного производства, а, наоборот, об его усилении, ибо рост размеров предприятия в сельском хозяйстве не всегда тождественен с ростом земельной площади хозяйства⁴¹⁵).

Все приведенные нами данные подтверждают положение В. И. Ленина, сформулированное им в словах: «Во всех европейских странах наблюдаем мы, после падения крепостного права, разрушение сословности землевладения, мобилизацию земельной собственности, обращение торгово-промышленного капитала на сельское хозяйство, рост аренды и ипотечной задолженности»⁴¹⁶).

5. РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

В системе аграрных отношений в Закарпатье во второй половине XIX столетия известное место занимала сельскохозяйственная кооперация, возникновение которой было связано с развитием капитализма. В. И. Ленин, характеризуя сущность кооперации при капитализме, указывал, что она является «коллективным капиталистическим учреждением»⁴¹⁷).

⁴¹⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 116

⁴¹⁶) Там же, т. 5, стр. 106

⁴¹⁷) Там же, т. 33, стр. 433.

Предприятия кооперативные при частном капитализме отличаются от предприятий капиталистических как предприятия коллективные от предприятий частных, т. е. отличаются по форме, при полной однородности тех и других, по их общественно-экономической сущности.

Насквозь фальшивым является утверждение буржуазных экономистов, превращавших кооперацию в панацею от капитализма, о том, что благодаря кооперации мелкие хозяйства в условиях капитализма вооружаются преимуществами крупного хозяйства и могут успешно конкурировать с частным капиталом и обеспечить улучшение материального положения масс мелких производителей, в то время как на деле кооперативные товарищества не уменьшали, а усиливали превосходство крупного производства в земледелии над мелким⁴¹⁸). Расписывая «демократичность», «народность», «автономию» кооперации, они затушевывали тот факт, что кооперация при капитализме является орудием эксплуатации трудящихся деревни. Проповедники «кооперативного социализма» сеяли среди трудящихся вредные иллюзии о возможности мирного преобразования капиталистического строя без классовой борьбы и революции.

Кооперативные объединения сами по себе не определяют характера экономического строя общества и не могут его изменить. Наоборот, характер кооперации определяется господствующим экономическим строем. В условиях капитализма при сосредоточении в руках частных собственников основных средств производства кооперация бессильна уничтожить эксплуатацию трудящихся капиталистами.

Если кооперация может в какой-то мере избавить крестьянина от посредника-торговца, то она не может избавить его от капитала вообще. Наоборот, в кооперации капитал находит подходящую форму для усиления эксплуатации деревни. Кооперативы в обстановке капиталистического государства являются небольшим привеском к механизму буржуазного строя⁴¹⁹). Оптовая торговля сельскохозяйственными продуктами, пищевые фабрики, производство и продажа средств труда для сельского хозяйства, кредит находятся в руках крупного капитала, который использует кооперацию для увеличения своих прибылей. Как правило, сами кооперативы при покупках и продаже товаров не могут обойтись без посредника и таким образом попадают в зависимость от того же крупного капитала.

---

⁴¹⁸) См В И Ленин, Соч, т. 4, стр. 80.

⁴¹⁹) Там же, т. 27, стр. 189

Реальными преимуществами, которые дает кооперация (большая регулярность сбыта, устранение посредников при продаже продуктов на местных рынках, уменьшение расходов на переработку продуктов, употребляемых в крестьянской семье, получение «нормального» кредита и т. д.), пользуются не массы крестьянства, а прежде всего капиталистические элементы деревни, располагающие большей частью товарной продукции и преобладающей частью капиталов кооперативов.

В Венгрии и Закарпатье получили распространение преимущественно два вида кооперации — кредитная и снабженческо-сбытовая. Возникновение первых кредитных кооперативов в Венгрии относится к 60-м годам XIX столетия. С 1875 года, когда был издан закон о кооперативах, количество кредитных кооперативов значительно возрастает: в 1885 году их насчитывалось уже свыше 400. Главное место в операциях кооперативов занимала выдача ипотечных ссуд сельским хозяйствам. В 1886 году было создано кооперативное кредитное общество Пешта⁴²⁰).

Значительное влияние на дальнейшее развитие кредитной кооперации оказал закон о кооперации, относящийся к 1898 году. В этом законе указывалось, что сельскохозяйственные или промысловые кооперативы могут создаваться только с разрешения соответствующих государственных органов при наличии 14 членом-основателей. Уставы кооперативов должны были определять: максимальную сумму кредитования и условия его получения, размеры пая (не менее 100 крон), материальную ответственность члена кооператива по обязательствам последнего (материальная ответственность члена кооператива устанавливалась в размере, превышающем в 5—10 раз сумму внесенного пая; в случае выхода из состава кооператива член его нес материальную ответственность еще в течение 6 месяцев), условия образования резервного капитала, который составлялся из ежегодных отчислений 10% с суммы чистого дохода.

Органами управления кооперативов являлись общее собрание членом кооператива, из которых каждый формально мог иметь только один голос, дирекция, избираемая общим собранием на три года, и наблюдательный совет. Законом 1898 года кооперативы освобождались от обложения налогами и денежными сборами⁴²¹).

В соответствии с этим законом была создана «Национальная кооперативная кредитная ассоциация», призванная со-

⁴²⁰) См. С В Бородаевський, Історія кооперації, Прага, 1925, стр. 386

⁴²¹) Там же, стр. 387

действовать развитию сельскохозяйственных и промышленных кооперативов главным образом путем предоставления им денежных кредитов. В состав ассоциации входили члены-основатели, участвующие в формировании паевого капитала, и обычные члены — земледельческие, промышленные и кредитные кооперативные общества.

Минимальный паевой капитал ассоциации определялся суммой в 1 млн. крон. Члены-основатели несли материальную ответственность по обязательствам ассоциации только своими паями, по которым они могли получать не более 4% дивидендов. Номинал пая определялся в 1000 крон. Каждое принадлежащее к ассоциации общество должно было иметь не менее одного пая в 2 тыс. крон. Обычные члены по обязательствам ассоциации несли материальную ответственность в размере 5-кратной суммы вложенного ими паевого капитала. Резервный капитал ассоциации создавался путем ежегодных отчислений от прибылей. Ассоциации предоставлялось право выпускать облигации, обеспеченные специальным фондом в сумме не менее 3 млн. крон; общая сумма облигаций не могла превышать более чем в 10 раз сумму этого фонда.

Помимо банков и представителей торгово-финансовых кругов, в состав членов-основателей входило и государство, участие которого в ассоциации выражалось в следующем: государство как член-основатель внесло в фонд паевого капитала 1 млн. крон, в фонд, гарантирующий облигации, — 3 млн. крон, выделяло 100 тыс. крон на расходы по управлению ассоциацией и покрывало другие ее административные расходы. Кроме того, государство освобождало ассоциацию от всяких налогов и сборов.

Высшим органом ассоциации являлось формально собрание пайщиков, фактически же руководство ассоциацией возглавляло правление, состоящее из председателя, заместителя председателя и 12 членов, причем два члена правления назначались министерством финансов, четыре члена избирались другими членами-основателями и шесть — обычными членами. Общий контроль за деятельностью ассоциации принадлежал министру финансов, который помимо двух членов правления ассоциации назначал еще специального государственного комиссара, обладающего правом налагать вето на решения собрания, если они противоречили закону об ассоциации или ее уставу⁴²²).

Ассоциации предоставлялось право назначать по одному члену в состав правлений и ревизионных комиссий каждого кооператива, пользующегося кредитом со стороны ассоциа-

---

⁴²²) См. указ. соч. А. Хевеши, стр. 133

ции, а также производить ревизию деятельности кооператива—члена ассоциации, без согласия которой кооператив не мог вносить изменения в свой устав⁴²³).

Принципы, лежащие в основе организации и деятельности ассоциации, и взаимоотношения ее с кооперативными обществами свидетельствуют о том, что сельскохозяйственная кооперация в Венгрии носила капиталистический характер, являясь составной частью капиталистической банковской системы, и была подчинена интересам финансового и торгово-промышленного капитала. Полная зависимость кооперативов от членов-основателей давала последним наживаться за счет эксплуатации трудящихся масс деревни.

Размеры кредитов, предоставляемых ассоциацией кооперативным обществам, обычно не превышали двукратной суммы собственных капиталов последних. В 1899 году ассоциация предоставила кредиты 712 кооперативным обществам, в 1904 году — 1653 кооперативам, а в 1913 году — 2400 обществам, насчитывавшим 700 тысяч членов. Сумма предоставленных ассоциацией кредитов кооперативным обществам в 1904 году составляла 46,5 млн. крон, а в 1912 году — 300 млн. крон.

Ассоциация предоставляла обычно краткосрочные ссуды (на срок от 3 до 6 месяцев), по которым взимался ссудный процент выше ссудной ставки Венгерского государственного банка на 1%. Местные кооперативные общества взимали с заемщиков до 3% сверх ссудной ставки, установленной ассоциацией. Ипотечные ссуды выдавались ассоциацией из 8% годовых.

Табл. 45 дает представление о развитии кредитной кооперации в Венгрии⁴²⁴).

Таким образом, за 35 лет, с 1880 по 1914 год, количество кредитных обществ в Венгрии и членов в них возросло более чем в 11 раз, сумма паевого капитала — в 8,4 раза, сумма вкладов — почти в 10 раз, а запасный капитал более чем в 24 раза. Половина всех денежных средств кредитных кооперативов составлял паевой капитал и свыше 40% вклады.

Экономическая отсталость закарпатских областей, сильные пережитки средневековья, дискриминационная политика венгерского правительства по отношению к русинам, разорение масс крестьянства и засилье ростовщиков определили собой чрезвычайно слабое развитие сельскохозяйственной кооперации во второй половине XIX столетия. Даже в начальный период осуществления программы «верховинской акции» (ко-

⁴²³) Указ соч. С. В. Бородаевський, стр. 388.

⁴²⁴) Msé, 1889, VI, 1891, стр. 72—81, Msé, 1895, III, 1896, стр. 300—314; Msé, 1899, II, 1900, стр. 598—602; указ. соч. Бородаевський, стр. 389.

Годы	Колич.-во кредитн. обществ	Членов кредитн. обществ (в тыс.) ⁴²⁵⁾	Денежные средства кредитных обществ (в млн. крон)		
			паевой капитал	вклады	запасный капитал
1880	271	76	30	23	1,5
1895	916	256	85	71	6,0
1905	2579	720	181	152	21,0
1910	2941	820	237	214	27,0
1914	3108	870	252	223	37,0

нец XIX столетия), предусматривавшей создание сети кредитных обществ, положение изменилось мало⁴²⁶⁾.

Первые кредитные общества в форме ссудо-сберегательных товариществ стали возникать в конце 70-х годов XIX столетия. Как сообщал в своем донесении главный жупан Бережского комитета (1879 год), крестьяне некоторых сел вступили в члены «Мадьярского кредитного союза мелких крестьян», председателем которого являлся граф П. Фештетик⁴²⁷⁾. Однако до конца XIX столетия кредитная кооперация развивалась очень медленно. В 1895 году в Бережском и Марамарошском комитетах было создано по одному кредитному обществу типа Шульце-Делича, устав которых устанавливал значительный размер паевого взноса и предоставление краткосрочных

⁴²⁵⁾ Количество членов кредитных обществ установлено нами приближенно, исходя из данных о среднем количестве членов на одно общество.

⁴²⁶⁾ Помимо указанных нами общих причин социально-экономического и политического характера, развитие кредитной кооперации в Закарпатье задерживало противодействие ростовщиков и местных властей. Как можно судить по отчетам Э. Эгана, сообщениям местной печати и донесениям, поступавшим в экспозитуру из отдельных сел (см. указ. соч. Е. Еган, *Економічне положення...* стр. 58; ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1897 г., д. 5, л. 1; ф. 262 (Поджупан Бережской жупы), 1901 г., д. 3058, лл. 1—60), ростовщики использовали все средства — угрозы, подкуп, обман, давление на зависимых от них крестьян, поджоги домов и имущества активных участников кредитных обществ и т. п. — с той целью, чтобы задержать распространение организованного кредита в деревне.

Как сообщал Э. Эган, подкупленные ростовщиками старосты и нотари (села Доробратово, Дусино, Загатье и др.) препятствовали проведению собраний крестьян представителем кредитного союза, отговаривая их от вступления в члены кредитных обществ, запугивая крестьян тем, что «газда», приложивший руку к протоколу собрания пайщиков кооператива, «станет опять крепостным». Священники и представители интеллигенции — организаторы кредитных обществ, если они не поддавались запугиванию со стороны ростовщиков или отказывались получить взятку, иногда расплачивались потерей своего имущества, которое ростовщики поджигали.

⁴²⁷⁾ ГАЗОФ, ф. 2, оп. I, д. 1, лл. 1—2.

ссуд как членам, так и нечленам кооператива, возлагая на членов кооператива и заемщиков материальную ответственность за обязательство кооператива, но зато не требовал объяснений об использовании взятой ссуды. Значительное увеличение числа кредитных кооперативов в Закарпатье наблюдается только в начале XX столетия.

Рост числа сельскохозяйственных кредитных кооперативов и членов в них по закарпатским жупам представлен в табл. 46⁴²⁸⁾.

Таблица 46

Годы	Число кооперативов	Количество членов ⁴²⁹⁾
1895	2	500
1897	3	750
1898	5	1200
1899	15	3550
1900	31	7900
1902	74	13500
1903	93	17000
1906	120	25000
1907	127	28000
1911	139	40000

В течение 1895—1900 годов, как видно из приведенной таблицы, число кооперативов значительно возросло, однако охват крестьянства кредитной кооперацией в этот период оставался незначительным (членами кооперативов состояло около 9% всех хозяйств). С 1900 по 1911 год темпы роста кредитной кооперации усиливаются: число кооперативов возрастает в 4,5 раза⁴³⁰⁾, а количество членов — в 5 раз; охват крестьянских хозяйств кредитной кооперацией достигает по отдельным комитатам от 20 до 30%. На одно кредитное общество приходилось в сред-

нем в 1895 году 250 членов, в 1900 году — 255, а в 1911 году — 285.

Финансовое состояние кредитных обществ Закарпатья в конце XIX столетия характеризовалось следующими данными⁴³¹⁾ (см. табл. 47).

Хотя собственные средства кредитных обществ (паевой капитал, проценты по ссудам, запасный капитал и другие по-

⁴²⁸⁾ ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898—1912 гг., л. 53, лл. 16—70; 1904, л. 690, лл. 1—32, оп. II, 1907—1908 гг., л. 157, л. 2; оп. III, 1912 г., л. 202, л. 64; оп. III, 1912, л. 12, л. 92; Akciók, стр. 150.

⁴²⁹⁾ В округленных цифрах.

⁴³⁰⁾ В последующие годы рост кредитной кооперации в Закарпатье происходит более медленно, а в период первой мировой войны число кооперативов сокращается (см. Statistická príručka Republiky Československé, I, Praha, 1920, стр. 79). В 1918 году в закарпатских жупах насчитывалось 154 кредитных общества (см. Е. Б. Про хліборобске сполки (дружества), Ужгород, 1923, стр. 33).

⁴³¹⁾ Akciók, стр. 150.

Таблица 47

Годы	Собственные средства		Вклады		Заемный капитал	
	сумма (в тыс. крон)	%	сумма (в тыс. крон)	%	сумма (в тыс. крон)	%
1895	18	15,1	17	14,3	84	70,6
1897	30	16,7	18	10,0	132	73,3
1898	74	22,1	29	8,6	233	69,3
1899	142	13,5	119	11,3	788	75,2
1900	430	19,9	234	10,7	1512	69,4

ступления) за эти годы значительно возросли (с 18 тыс. крон в 1895 году до 430 тыс. крон в 1900 году, т. е. почти в 24 раза), но их удельный вес в общей сумме средств, которыми располагали общества, составлял только 15—20%, доля вкладов — 10—15%, зато средства, занятые для кредитных целей у банков, достигали 70—75%⁴³²). Эти данные свидетельствуют о сильной зависимости кредитных обществ от банков, которые целиком подчинили себе финансовую деятельность кредитной кооперации.

Кредитные общества Закарпатья располагали, как мы указывали, ограниченными средствами, достигавшими в 1900 году 664 тыс. крон. В среднем на одного члена кооператива приходилось только 54 кроны паевого и запасного капитала и 30 крон вкладов. Ссуды, выданные обществами по векселям и под залог земли и имущества, составляли в 1900 году 1700 тыс. крон⁴³³). Эта сумма превосходила в

⁴³²) Финансовая помощь со стороны правительства кредитным кооперативам Закарпатья была мизерной. Так, например, в 1911 году кредитные общества четырех жуп получили только 13,5 тыс. крон государственной ссуды (менее 100 крон на одно кредитное общество), из которых было израсходовано на заработную плату священникам (председателям обществ) и счетным работникам 6 тыс. крон и на премирование жупных чиновников за «содействие» в развитии кредитной кооперации 1 тыс. крон (см. ГАЗО, ф. 772, оп. III, 1912, д. 201, лл. 3—5).

⁴³³) Даже в 1907 году на одного члена кредитного кооператива в Закарпатье приходилось от 30 до 41 кроны паевого капитала, от 20 до 95 крон вкладов, от 15 до 66 крон ссуды под векселя и от 150 до 190 крон ссуды под залог земли и имущества. Чистый доход на одного члена кооператива составлял 2—3 кроны (см. ГАЗО, ф. 772, оп. II, 1907—1908 гг., д. 157, л. 3). В 1911 году собственные средства кредитных кооперативов достигали уже 1,8 млн. крон (увеличение по сравнению с 1900 годом почти в пять раз), вклады — 2,7 млн. крон (увеличение в 11 раз), а заемный капитал, полученный только от кредитной ассоциации, превышал сумму паевого капитала в 3 раза. Общая сумма выданных ссуд составляла 9 млн. крон (увеличение по сравнению с 1900 годом более чем в 5 раз) (см. ГАЗО, ф. 772, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 92; д. 202, л. 64).

2,5 раза сумму собственных средств и вкладов. Недостаток капиталов покрывался за счет занятых средств у банков. Кредитные общества Закарпатья выдавали главным образом краткосрочные ссуды (на срок от 2 до 18 мес.) незначительных размеров (от 3 до 180 крон) обычно из 3—4% годовых, взимаемых сверх банковского ссудного процента; реже кооперативы выдавали среднесрочные (до 15 мес.) и долгосрочные (до 30 мес.) ссуды⁴³⁴).

Для получения даже краткосрочного кредита необходимо было представить гарантии или в виде поручительства кредитоспособного лица, или в виде варранта (закладная на то же ар). По среднесрочному кредиту гарантией обычно являлась земля; долгосрочные ссуды являлись исключительно ипотечными с погашением ссуды на случай смерти заемщика. Все это, а также высокий уровень процента, взимаемого кредитными кооперативами, опека кооперации над использованием ссуды заемщиком, регламентация сбыта сельскохозяйственной продукции должником, засилье в кооперации кулаков, помещиков и чиновников затрудняли получение ссуды мелкими крестьянами и вынуждали их обращаться за ссудами к ростовщикам⁴³⁵). Э. Эган в одном из своих докладов министру земледелия писал, что «мелкий крестьянин протягивает руку, чтобы получить кредит от кооператива, но ему нечем уплатить даже проценты по ссуде»⁴³⁶). Как сообщал в письме к Э. Эгану священник М. Табакович, в селе Иргольц (Марамарошская жупа) из трех тысяч крестьян в члены кредитного кооператива не могут вступить даже 50 человек, так как они не имеют средств для уплаты паевого взноса⁴³⁷). Другой священник, Г. Тегезе, в письме экспозитуре указывал, что хотя в селе Н.-Бистра (Бережская жупа) и создано кредитное общество, но оно не избавляет крестьян от гнета ростовщиков, так как общество располагает небольшим капиталом и взимает за ссуду 7,5% годовых, поэтому многие из крестьян поневоле обращаются к частному кредиту⁴³⁸).

⁴³⁴) В 1904 году размер выданной ссуды на одного члена кооператива колебался в пределах от 4 до 190 крон (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898—1912 гг., д. 53, лл. 16—70).

⁴³⁵) Еще более строгими требованиями было обставлено получение ссуды крестьянами в кредитных банках. Так, сельское общество села Комлош обратилось в «Кредитный банк мелких хозяев» в Будапеште с просьбой выдать ему ссуду в сумме 18 тыс. крон для покупки пастбища. Однако правление банка отказало в предоставлении ссуды, мотивируя тем, что крестьянское общество этого села не является «кредитоспособным» и не может гарантировать погашение ссуды и уплату процентов, так как на крестьянах числятся 16 тыс. крон недоимок по государственным налогам (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 410, лл. 1—15).

⁴³⁶) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 22, л. 6.

⁴³⁷) Там же, 1900, д. 116, лл. 16—19.

⁴³⁸) Там же, 1897 г., д. 5, л. 1.

В условиях Закарпатья «нормальным» капиталистическим кредитом, при котором процент поглощал только часть прибыли, но не всю прибыль и часть заработной платы, как при ростовщическом кредите, могла пользоваться только незначительная часть крестьянства. Средний размер пая, составлявший 50—60 крон, закрывал доступ в кооперативы деревенской бедноте и низшим слоям среднего крестьянства. Не случайно, в кассы кредитных обществ к концу XIX столетия поступила только половина номинальной суммы паевых взносов, что свидетельствовало о росте задолженности трудового крестьянства и усиливавшемся его разорении.

Венгерская официальная статистика не приводит данных, характеризующих социальный состав членов кредитных обществ. По нашим подсчетам, основанным на сопоставлении данных о размерах выданных ссуд, сумме внесенных паев, численности и доходности хозяйств отдельных социальных групп, в числе членов кредитных обществ мелких крестьян было 20%, средних 30—40% и остальные 2/5 относились к зажиточным хозяйствам. Всеми выгодами, предоставляемыми крестьянину кредитными обществами, пользовались прежде всего зажиточные элементы деревни⁴³⁹).

Убедительным доказательством этого является сосредоточение в руках отдельных кулаков нескольких паев, что давало им право не только иметь несколько голосов на собрании пайщиков, но и получать ссуды в первую очередь и в больших размерах. В 1902 году на 13500 членов кредитных кооперативов приходилось 17700 паев⁴⁴⁰), т. е. в среднем 1,3 пая на одного члена, а в ряде сел (Боршо, Берегшом и др.) — по два и более паев. Из общего числа членов кредитных кооперативов в 1902 году имели по 1 паю 8 тыс. чел., по 2 и более паев — 5500 чел., принадлежавших к кулацким слоям деревни. В отдельные годы количество паев резко увеличивалось (в 5—9 раз), что объяснялось как возрастанием удельного веса кулацкой верхушки в числе членов кредитных товариществ, так и особенно тем, что некоторые крупные помещики под видом «содействия» развитию крестьянской кредитной кооперации приобретали огромное количество паев с целью усиления своего влияния на массы крестьянства, их закабаления и использования средств кредитной кооперации в собственных нуждах. Так, например, в 1904 году в кредитном

⁴³⁹) Большинство крупных землевладельцев в кредитных обществах участия не принимало, так как размеры кредита, выдаваемого обществами, не могли их удовлетворить. Крупные землевладельцы обычно пользовались банковским кредитом, хотя, как об этом свидетельствуют приведенные нами факты, отдельные помещики использовали в своих целях членство и в крестьянской кредитной кооперации.

⁴⁴⁰) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1904 г., д. 690, лл 1—35.

кооперативе села Ороскё на 169 членов приходилось более 12 тыс. паев, из которых крестьянам принадлежало только 200, а остальные помещикам и кулакам. В селе Березник-Керецке (Марамарошская жупа) на 180 членов кредитного кооператива приходилось свыше 11 тыс. паев, из которых абсолютное большинство принадлежало барону Шенберг-Дональд, крупному землевладельцу из села Чолнок⁴⁴¹).

Кредитные общества в закарпатских селах не являлись органами крестьянской кооперации, так как охват кооперативами трудящихся масс крестьянства и удельный вес получаемых ими ссуд были совершенно незначительными. Кроме того, крестьянство не допускалось к руководству кооперативами. Во главе кредитных учреждений стояли священники, помещики, кулаки, чиновники, торговцы и т. п.; они же преобладали и в составе правлений кооперативов. Вот некоторые примеры, подтверждающие это положение. Председателем кредитного общества в селе Березник-Керецке (Марамарошская жупа) являлся барон Шенберг-Дональд, в селе Берегшом (Бережская жупа)—помещик Б. Гетен, в селе Дьяково (Угочская жупа)—помещик Б. Ковач, в селе Великие Лазы (Ужгородская жупа)—помещик Н. Плотени, в селе Черноте (Угочская жупа)—помещик К. Воленский, в селе Голми (Угочская жупа)—адвокат Й. Нодь, в селе Долгое (Марамарошская жупа)—окружной врач К. Черно, в городе Марамарош-Сигете—крупный торговец А. Феер, в селе Великие Геевцы (Ужгородская жупа)—бывший поджупан комитата Ж. Кенде и т. д., и т. д.⁴⁴²). Вот почему закарпатские крестьяне, как говорилось в одном из донесений, с недоверием относятся к кредитной кооперации⁴⁴³), которая не спасала их от разорения и ростовщической кабалы.

Во многих закарпатских кредитных товариществах получали ссуды только состоятельные хозяева. Финансирование зажиточных хозяйств осуществлялось кредитной кооперацией в значительной мере за счет сбережений трудящихся крестьян. Кулаки использовали средства кооперации не только для своих хозяйственных нужд, но и для ростовщических целей, передавая полученные ссуды бедняцким и середняцким хозяйствам на кабальных условиях.

.
*

Снабженческо-сбытовая кооперация в Венгрии во второй половине XIX столетия не получила значительного разви-

⁴⁴¹) ГАЗО. ф 772, оп I, 1898—1912 гг., л 53, лл 16—70

⁴⁴²) Там же.

⁴⁴³) Там же, 1900 г., д. 116, лл. 16—19

тия⁴⁴⁴). В конце 90-х годов в Будапеште было основано центральное кооперативное общество «Hangya» («Пчела»), ставшее своей задачей развитие потребительской кооперации, основанной на так называемых роцдельских принципах⁴⁴⁵).

Местные потребительские кооперативы, вступающие в члены общества «Пчела», должны были располагать определенным капиталом для торговых операций, приобретать товары только в центральном кооперативе и за наличный расчет, ограничить дивиденды на паевой капитал 5% и выделять часть своих средств на цели просвещения и кооперативной пропаганды. Наконец, все местные кооперативы — члены центрального кооперативного общества — подлежали ревизии и контролю со стороны последнего.

В 1898 году кооперативному обществу «Пчела» принадлежало 16 местных кооперативов, закупивших товаров на 50 тыс. крон, а через пять лет, в 1903 году, число кооперативов возросло до 383, а сумма закупленных ими товаров достигла 4,7 млн. крон⁴⁴⁶).

---

⁴⁴⁴) Попытки организации потребительских кооперативов в венгерских городах относятся к 70-м годам, но они на первых порах не имели успеха. Первое потребительское общество возникло в Будапеште в 1892 году (общество государственных служащих); через два года подобные товарищества создаются для обслуживания шахтеров и фабричных рабочих. В селах потребительские кооперативы возникают только в конце 90-х годов (см. указ. соч. С. В. Бородаевский, стр. 389).

⁴⁴⁵) Потребительский кооператив этого типа впервые возник в 1844 году в городе Рочдейле в Англии и был основан на следующих принципах: 1) кооператив ведет дело на собственные средства, 2) капитал кооператива образуется за счет паевых взносов; 3) небольшой размер пая; допускается внесение пая частями, 4) продажа товаров по среднерыночным ценам; 5) продажа товаров членам кооператива только за наличные деньги, 6) распределение чистой прибыли между членами кооператива производится не в соответствии с размером внесенного пая, а пропорционально стоимости приобретенных в кооперативе товаров; 7) равенство членов кооператива (каждый член кооператива на общем собрании, независимо от числа паев, имеет только один голос); 8) нейтральность в политических и религиозных вопросах (см. указ. соч. С. В. Бородаевский, стр. 39—41).

Сторонники роцдельской системы, подчеркивая «демократизм» этого рода кооперации, утверждали, что применение ее принципов дает возможность за счет продажи товаров по среднерыночным ценам за наличный расчет приобретать товары по более низким ценам и создавать, таким образом, необходимые накопления капитала и успешно конкурировать с капиталистами — предпринимателями и торговцами. Этим, а также ежегодной выплатой «премий» членам в зависимости от стоимости купленных товаров проповедники роцдельской системы создавали у представителей трудящихся — членов кооперативов ложное представление о возможности коренного улучшения их материального положения через кооперацию в условиях капитализма.

⁴⁴⁶) В конце XIX столетия в Венгрии стали возникать так называемые «Христианские потребительские кооперативы», имевшие свой закупочный центр. К 1910 году насчитывалось 300 кооперативов этого рода. Позднее

В Закарпатье снабженческо-сбытовые кооперативы райфайзеновского типа⁴⁴⁷⁾ стали возникать в самом конце XIX столетия. Состояние снабженческо-сбытовой кооперации в Закарпатье, ее хозяйственной, финансовой и коммерческой деятельности характеризовалось следующими данными (1912 год)⁴⁴⁸⁾.

Таблица 48

Число кооперативов	Количество членов	Сумма паевого капитала, в тыс. крон	Общая сумма проданных кооперативами товаров, в тыс. крон	Из общей суммы (в тыс. крон) приходится на		
				снабженческие операции		сбытовые операции
				потребительские товары	машины, орудия и др. товары, необходим. для сельск. хозяйства	сельскохозяй. продукты, принадлеж. членам кооперативов
32	4048	181	3518	3183	272	63

Приведенные данные свидетельствуют прежде всего о том, что и в начале XX столетия снабженческо-сбытовая кооперация в Закарпатье была развита очень слабо: всего насчитывалось 32 кооператива⁴⁴⁹⁾, охватывающих 4048 членов, что со-

закупочный центр «Христианской потребительской кооперации» слился с кооперативным обществом «Hangya». В 80-х годах создавались и другие виды снабженческо-сбытовой кооперации, объединившиеся в 1891 году в «Венгерское сельскохозяйственное кооперативное общество», которое занималось прежде всего поставкой сельскохозяйственных машин, орудий, удобрений и т. п. (см. указ. соч. С. В. Бородаевский, стр. 390)

⁴⁴⁷⁾ Райфайзеновские кооперативы принимали в число своих членов только сельских хозяев и проводили кредитные, закупочные и сбытовые операции (в том числе продажа продукции сельского хозяйства, произведенной членами кооператива) в пределах узких районов (община, приход). Кооперативы этого типа предоставляли кредиты только своим членам, практиковали выдачу долгосрочных ссуд, расходование которых подвергалось контролю со стороны правления кооператива. Члены райфайзеновских кооперативов не могли принимать участия в других кооперативах и пользоваться ссудами у ростовщиков. Размеры пая в этих кооперативах и дивиденды были минимальными. Члены райфайзеновских товариществ несли неограниченную ответственность по обязательствам своих кооперативов (см. указ. соч. С. В. Бородаевский, стр. 129).

⁴⁴⁸⁾ Msé, XX, 1914, стр. 196—199.

⁴⁴⁹⁾ Магазины потребительских обществ существовали в 146 закарпатских селах, однако многие из них вследствие незначительного оборота были закрыты (в Бережской жупе из 88 магазинов функционировало 11, в Ужгородской жупе из 21—12, в Марамарошской жупе из 33—15; в Свалявском округе были закрыты магазины в селах Зуго, Скотарское, Верхне-Верецки и др. (см. ГАЗО, ф. 772, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 92; оп. I, 1906 г., д. 720, л. 63; ф. 262, д. 3127, лл. 16—41).

ставляло менее 4% всех сельских хозяйств. Наибольшее число этого рода кооперативов находилось в Ужгородской и Бережской жупах (27 кооперативов и 2395 членов); в среднем на один кооператив в Закарпатье приходилось 125 членов.

Реальный паевой капитал всех обществ составлял 181 тыс. крон; номинальный размер одного пая был установлен в сумме 17—20 крон, а количество всех паев достигало 11200; таким образом, на одного члена в среднем приходилось по 2,5 пая. Классовая дифференциация внутри кооперативов была значительной. Подавляющее большинство членов кооперативов составляло зажиточные и отчасти средние крестьяне (среди членов кооперативов было свыше половины зажиточных и одна треть средних хозяйств). Члены кооператива—зжиточные крестьяне имели от 3 до 10 паев на хозяйство и соответственно с этим несколько голосов на собрании членов кооператива, что давало возможность кулацкой верхушке деревни держать в своих руках руководство кооперативами и получать наибольшие выгоды. «...Когда бедному и среднему крестьянину говорят,—указывал В. И. Ленин,—что улучшение хозяйства и удешевление плугов поможет им всем из нужды выбиться и на ноги встать, не трогая вовсе богатых людей,—то это обман. От всех этих улучшений, удешевлений и коопераций (союзов для продажи и закупки товаров) гораздо больше выигрывают богатые»⁴⁵⁰).

Общая сумма проданных кооперативами товаров превосходила в 20 раз сумму паевого капитала, что достигалось как за счет полученных кредитов из кассы «Всеенгерского сельскохозяйственного общества», так и за счет оборачиваемости средств, вкладываемых в снабженческие и сбытовые операции. В деятельности закарпатских кооперативов преобладали снабженческие операции над сбытовыми, последние занимали в общей сумме проданных товаров совершенно незначительное место (1,8%). Сбыт крестьянской сельскохозяйственной продукции ограничивало ее низкое качество и нестандартность. В снабженческих операциях первое место занимала продажа потребительских продовольственных и промышленных товаров, а удельный вес суммы, вырученной от продажи инвентаря, удобрений и других товаров, необходимых для сельскохозяйственного производства, составлял только 9,5%. Среди проданных кооперативами продовольственных и промышленных товаров преобладали продукты питания и бакалея, алкогольные напитки и пиво⁴⁵¹). Торговая деятельность сельскохозяйственной кооперации тесно пере-

⁴⁵⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 354.

⁴⁵¹) Msé, XX, 1914, стр. 196—199.

плеталась с деятельностью частных капиталистических торгово-промышленных фирм, через которые осуществлялось до половины всех закупок и сбыта сельскохозяйственной продукции кооперативами. Так, три центральных склада потребительской кооперации в Закарпатье в 1910 году отпустили местным кооперативам товаров на 1,8 млн. крон, а в 1911 году—на 2 млн. крон, что составляло только 53—60% суммы проданных потребительской кооперацией товаров, а остальная часть их была закуплена у частных торговых обществ и компаний⁴⁵²).

Другие виды сбытовой кооперации не играли никакой роли в экономике крестьянских хозяйств Закарпатья. В 1895 году в селе Богдан-Луки (Марамарошская жупа) был создан первый молочный кооператив, членами которого состояли несколько десятков хозяйств. Переработка молока (от 80 до 100 литров в день) производилась только в течение трех летних месяцев, когда скот выгонялся на горные пастбища. О весьма ограниченном размере производственной деятельности этого кооператива свидетельствует совершенно незначительное количество выработанной им продукции (в 1898 году было изготовлено 510 кг масла на сумму 577 форинтов⁴⁵³). Другому молочному кооперативу такого же масштаба (село

---

⁴⁵²) На центральных складах потребительской кооперации были сосредоточены главным образом такие товары, как ткани, обувь, продукты питания, керосин (ГАЗО, ф. 772, оп III, 1912 г., д. 12, л. 100; Msé, XX, 1914 г., стр. 196—199).

⁴⁵³) В Венгрии в это же время молочная кооперация сделала значительный шаг вперед в своем развитии. В 1897 году в Венгрии насчитывалось 33 молочных кооператива (6 тыс. коров), переработавших 4,8 млн. литров молока (см. указ соч. С. В. Бородаевский, стр. 390). Через два года число молочных кооперативов увеличилось до 116 [10402 члена кооператива, имевших (по числу коров) 19700 паев]. В 1898 году члены кооперативов сдали 10,5 млн. литров молока, а количество изготовленного масла достигало 430 тыс. кг.; доходы кооперативов составили 577 тыс. крон (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 55, лл. 1—2). В 1901 году число этого рода кооперативов возросло до 248 (см. АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, лл. 214—215), а в 1903 году до 547 (95 тыс. коров, 89 млн. литров переработанного молока, которое оценивалось в 10,5 млн. крон) (см. указ. соч. С. В. Бородаевский, стр. 390—391).

Характерной чертой в развитии производства молочных продуктов в Венгрии в конце XIX столетия являлось образование крупных монополистических акционерных обществ, на долю которых приходилось более половины всей продукции. В отчете министерства земледелия за 1897 год приводились такие данные: 29 крупных молочных акционерных обществ заготовили 4,8 млн. литров молока и изготовили 191,2 тыс. кг. масла и 296,6 тыс. кг. сыра. «Хотя большие общества и наносят некоторый ущерб мелким землевладельцам, говорилось в отчете министерства, тем не менее, благодаря им, производство молока, масла и сыра сделало большие успехи» (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 194).

Лонка Бережской жупы) экспозитура горных районов предоставила в 1911 году ссуду в размере 1200 крон⁴⁵⁴).

В начале XX столетия в Закарпатье стали возникать снабженческо-сбытовые кооперативы по образцу немецких «христианско-народных братств», задача которых состояла (как указывалось в одном из закарпатских изданий) в том, чтобы «членов в духовном и газдовском житю все на перед вести»⁴⁵⁵). Эти товарищества занимались сбытом крестьянского хлеба, продажей крестьянам машин, инвентаря и посевного материала, а также проводили операции по страхованию крестьянских посевов и имущества. С целью заимствования «опыта» по организации и разворачиванию деятельности этих «братств» в Германию был послан один из закарпатских священников, который «попозерав, же як там е». Рекламуя успехи «христианских братств» в Германии, униатская печать указывала, что немецкий крестьянин получает большие доходы потому, что «мудрейшим способом обробляе свою землю и мудрейше кохае (годуе) худобу, як наш человек», продает свои продукты через «средоточие» без посредников, а созданные «братствами» школы учат «газдовати мудро». Особенно греко-католическая печать рекомендовала использовать опыт баварского союза «газдовских братств», который ведет снабженческо-сбытовые операции широких размеров, имеет 145 чиновников, которые занимаются тем, что «пишут книги для газд», дают «фишкалишские порады» (юридические советы. —И. К.) и обеспечивают «благобыт» немецкого крестьянства. Этого рода кооперативные «братства» находились целиком в руках униатского духовенства, закарпатской городской и деревенской буржуазии, использовавших их в целях эксплуатации и затемнения классового сознания закарпатского крестьянства.

Кооперативы Закарпатье объединяли, как видно из всех приведенных данных, весьма ограниченное число крестьян, главным образом зажиточную верхушку, заинтересованную в дешевых кредитах и в продаже сельскохозяйственной продукции без посредника-скупщика. Роль кооперации в систе-

⁴⁵⁴) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 55, лл. 1—2; оп. III, 1912, д. 12, л. 79; Msé, 1899, II, 1900, стр. 437. Не получили также распространения в Закарпатье и созданные при содействии экспозитуры товарищества по заготовке яиц (из 10 небольших яичных кооперативов в 1905 году функционировало только 4) и переработке фруктов. В 1900 году несколько владельцев крупных садоводческих хозяйств в Мукачеве объединились в «кооператив» по производству «сливовицы». Здесь под вывеской кооператива подвизались спекулянты, использовавшие полученную от правительства ссуду для скупки слив у крестьян по дешевой цене (3 кроны за гектолитр) и производства алкогольных напитков (см. ф. 772, оп. I, 1903 г., д. 460, л. 13; оп. III, 1912, д. 12, л. 49).

⁴⁵⁵) «Месяцослов» на 1913 год, Унгвар, 1912, стр. 123

ме кредита и товарообороте, как мы указывали, была незначительной. Кредитные общества удовлетворяли около 20% потребностей крестьян в заемных средствах, а удельный вес снабженческо-сбытовой кооперации в сельском товарообороте составлял 10—15% и возрастал в начале XX столетия медленно, а в отдельные годы товарооборот кооперативов даже падал. Так, потребительские кооперативы Бережской жупы в 1904 году продали товаров на 233 тыс. крон, в 1905 году — на 248 тыс., а в 1906 году — на 300 тыс. крон (возрастание товарооборота за эти годы составило 28%); в Ужгородской жупе товарооборот на протяжении 1904—1906 годов увеличился на 23%, а в Марамарошской жупе, наоборот, снизился с 336 тыс. до 333 тыс. крон. Чистая прибыль потребительских кооперативов в отдельных жупах не превышала 1—2 тыс. крон, что свидетельствовало о весьма ограниченных их возможностях в отношении накопления средств и расширения товарооборота⁴⁷⁶).

Все кооперативы Закарпатья находились в полной зависимости от финансового и торгово-промышленного капитала, все больше превращаясь в простой придаток монополистического капитала. Кооперативы все больше теряли свою хозяйственную самостоятельность и автономность. Нарушался принцип выборности руководящих органов, публичность в деятельности кооперативов, т. е. нарушались буржуазные свободы кооперативного движения. Сельскохозяйственная кооперация таким образом стала каналом проникновения капитала в сельское хозяйство, средством подчинения закарпатской деревни безраздельному экономическому и политическому господству помещиков и буржуазии. Вместе с тем сельскохозяйственная кооперация тормозила развитие классового самосознания крестьянства, создавая иллюзию общности интересов всех ее членов.

---

⁴⁷⁶) См. Г 130, ф. 772, оп. 1, 1906 г., л. 720, л. 67

Глава III

РАЗОРЕНИЕ ШИРОКИХ МАСС ЗАКАРПАТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

1. НАЛОГОВЫЙ ГНЕТ

Капитализм, как известно, сыграл определенную преобразующую, прогрессивную роль в сельском хозяйстве. Он освободил сельское хозяйство от феодализма, втянул его в торговый оборот и мировое экономическое развитие, вырвал из застоя и заскорузлости средневековья. Но капитализм не только не устранил подавленности и нищеты трудящихся масс, а, напротив, углубил их, создавая новые и используя старые формы эксплуатации. «Над земледелием все сильнее и сильнее тяготеет гнет капитала...», — указывал В. И. Ленин¹). Капиталистическая эволюция сельского хозяйства Закарпатья полностью подтверждает это положение Ленина.

Вторая половина XIX столетия — это эпоха катастрофического разорения и обнищания широких масс непосредственных производителей — крестьян Закарпатья, явившегося прямым следствием всей совокупности социально-экономических отношений, сложившихся при переходе от феодального способа производства и натурального хозяйства к капиталистическому способу производства и товарно-денежным отношениям. В условиях колониального положения Закарпатской Украины, сильных остатков феодальных отношений в земледелии, аграрного перенаселения и земельного голода, вызванного концентрацией земли и сельскохозяйственного производства в руках крупных аграриев, — этот процесс разорения масс крестьянства протекал особенно мучительно, приняв характер страшного социального бедствия, приведшего к неслыханному росту нищеты и в физическом, и в социальном смысле и

---

¹) В И Ленин, Соч, т 22, стр. 82

к вымиранию полумиллионного крестьянского населения Закарпатья.

Буржуазные авторы, стремясь скрыть подлинную, социально-экономическую обусловленность бедствий закарпатского крестьянства, грубо извращали причины этого явления, не останавливаясь перед клеветническими выпадами против закарпатоукраинских трудящихся. Обычно, говоря о причинах разорения закарпатского крестьянства, они ссылались на климатические условия, порождающие стихийные бедствия, истощение почвы и упадок ее плодородия, а также на «некультурность», «плодовитость» и «лень» русинов. Один из венгерских чиновников, опровергая выводы А. Добрянского о том, что бедствия крестьян-русинов Шаришского и Земплинского комитатов являются результатом их обезземеления, указывал: причину нужды надо искать «в местных условиях, в образе жизни русинов и их лени»²). Закарпатская униатская газета «Наука» писала: «Несознательность, культурный упадок приводят к тому, что последние клочки земли наших крестьян переходят в руки ростовщиков, распространяется алкоголизм, нужда, дегенерация, голод, всякие болезни угрожают гибелью всему народу»³). Народ наш «вследствие своего плодovitого размножения, будучи принужден делить поземельные участки между членами своей семьи, более и более обнищает и лишается средств к пропитанию...», — писала другая закарпатская газета «Свет»⁴). Нечего доказывать, что такого рода объяснения причин разорения закарпатского крестьянства ничего общего с действительностью не имели и представляли собой самое беспардонное издевательство над истиной.

Ф. Энгельс, оценивая положение русских крестьян в пореформенный период, указывал, что крестьянин получил меньше земли и в большинстве худшего качества, чем занимал прежде. Право пользования общинным выгоном у него было отнято, что лишало его базы для разведения скота. Налоги были значительно повышены, и крестьянин должен был везде уплачивать их деньгами; кроме того, он должен был делать взносы тоже деньгами — в уплату процентов и погашения авансированной государством выкупной суммы; словом, к крайнему ухудшению общего экономического положения крестьянина присоединился еще внезапный вынужденный переход от натурального хозяйства к денежному, сам по себе достаточный для того, чтобы разорить крестьянство целой

---

²) Указ. соч. И Перени, стр. 33

³) Газета «Наука», № 19, 21 мая 1908 г

⁴) Газета «Свет», № 31, 10 (22) августа 1869 г.

страны. В результате пышно расцвела эксплуатация крестьянина сельскими капиталистами, местными богатеями и шинкарями, мироедами и кулаками. «И словно всего этого было мало, появилась еще новая крупная промышленность, разорившая натуральное крестьянское хозяйство до тла»⁵⁾. Эта блестящая характеристика последствий перехода крестьянских хозяйств России от натуральных отношений к денежным может быть полностью отнесена и к Венгрии в целом и к Закарпатыю, в частности, тем более, что «Венгрия, как известно, всего ближе к России не только географически, но и по всесилую помещиков-реакционеров, сохранивших от средневековья гигантские количества земли»⁶⁾, — указывал В. И. Ленин.

Русский автор В. И. Пономарев, говоря о положении закарпатского крестьянства в начале XX столетия, писал: «Экономическое состояние Угорской Руси очень тяжелое. Поля, пастбища и леса принадлежат почти исключительно помещикам. У крестьян земли очень мало, промышленность совсем не развита, а потому крестьянам обыкновенно приходится идти в наймиты к помещику и обрабатывать его поле, причем работа оценивается очень низко. Благодаря всему этому угорская деревня очень бедна, и жизнь крестьянина в ней неприглядна»⁷⁾.

Крестьянство Венгрии и Закарпатья испытывало на себе тяжелый налоговый гнет. Эксплуатация крестьянства отличается от эксплуатации фабричного пролетариата лишь своей формой, — указывал К. Маркс. — Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян с помощью ипотек и ростовщичества, класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов⁸⁾.

Налоговая система в Венгрии была построена таким образом, чтобы создать возможно большие льготы помещичье-капиталистическим хозяйствам и переложить все бремя налогов на крестьян. Так, при обложении поимущественным налогом стоимость имущества определялась в кратном отношении к годовому доходу. Причем налоговые органы исходили из того, что качество земли якобы понижается по мере увеличения размеров хозяйства. Это вело к тому, что налоговая оценка земель крупных помещиков чрезвычайно занижалась, а кре-

---

⁵⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, ч. II, стр. 353

⁶⁾ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 277

⁷⁾ В. И. Пономарев, Австро-Венгрия и с'я славянские народы, Баку, 1915, стр. 51

⁸⁾ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 76.

стьянских, наоборот, завывшалась⁹⁾. Кроме того, из общей суммы оценочной стоимости имущества вычитались долги, тяготеющие над крупными хозяйствами. Нормы обложения крупных хозяйств всеми налогами, которые исчислялись на основе оценки всего имущества (подходный и поземельный налоги), были в три и более раза ниже, чем нормы обложения крестьянских хозяйств. Наконец, надо указать, что при обложении налогами крупных хозяйств их доход определялся данными бухгалтерского учета, что давало возможность владельцам латифундий скрывать размеры действительных доходов и тем самым избегать обложения, соответствующего полученным прибылям.

На закарпатского крестьянина ложился огромный груз многочисленных налогов и поборов¹⁰⁾, как то: поземельный налог, подходный, подворный, дополнительный, церковный, подушный, общий сельский налог, местные налоги и поборы (на здравоохранение, дорожное строительство, содержание администрации, общественные работы и т. п.), налоги с домов, окон, собак¹¹⁾ и т. д. Хищническая фискальная система венгерского правительства вконец подрывала и так нищенское хозяйство крестьянина.

Увеличение тяжести налогов было тесно связано и с выплатой выкупных платежей помещикам за полученную крестьянами после «освобождения» землю и отмену феодальных повинностей. Русский консул в Будапеште по этому поводу писал следующее: в Венгрии после 1848 года земля в размере прежних подворных наделов поступила в частную собственность крестьян, но «взамен этого земля была обложена значительными налогами. Помещики же получили выкупную ссуду в виде облигаций особого займа, выпущенного государством». Таким образом, «государство как бы купило у помещиков землю и передало ее крестьянам, которые взамен этого стали выплачивать ежегодный налог. Акт этот послужил исходной точкой обеднения, близкого к полному разорению, в котором находятся теперь как венгерское среднее дворянство (Gentry), так и венгерское крестьянство»¹²⁾.

---

⁹⁾ См Дзендзелівський П. О., Штернберг Я І, Публікація, «Угорщина й угри» (Неопублікована стаття невідомого автора про селянські виступи в Угорщині в 90-х роках ХІХ ст.), Наукові записки Ужгородського державного університету, т. 38, 1959, стр. 141

¹⁰⁾ См указ соч А. Хевеши, стр. 28, 29 и сл., «Славянские известия», № 17, 1889, стр. 420 и сл., М. Ф. Л е б о в и ч, Венгрия накануне буржуазно-демократической революции 1918 года, Наукові записки Львівського державного університету, т. 25, 1955, стр. 115 и сл.

¹¹⁾ В 1891 году в закарпатских жупах был произведен учет собак с целью обложения их владельцев налогом (см. ГАЗО, ф. 245, оп. III, 1891 г., д. 314, л. 4)

¹²⁾ АВПР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, лл. 432 об.—433.

В закарпатских комитатах, по неполным данным, выкупные платежи (в соответствии с параграфом 5, статьи XXXIII закона 1868 года) получили 1044 землевладельца-помещика (в Ужгородской жупе — 195, в комитате Берег-Угоча — 420, в Марамарошской жупе — 429). Общая сумма выкупных платежей достигала 4,4 млн. форинтов (Ужгородский комитат — 1,5 млн., Берег-Угоча — 1,8 млн. Марамарошский — 1,1 млн. форинтов). В отдельных селах насчитывалось от 20 до 40 дворян, предъявлявших протензии на возмещение «потерь» в связи с отменой крепостной зависимости (в селе Билки — 23 чел., в селе Илонча — 28 чел., в селе Нодь-Ракош — 35 чел., в селе Хидег-Поток — 42 чел. и т. д.)¹³⁾. За каждый отошедший к крестьянам «орек»¹⁴⁾ помещики Венгрии получали от 313 до 735 форинтов¹⁵⁾ (в Земплинском комитате — от 420 до 585, в Шаришском, Спишском и Ужгородском — от 367 до 472, в Бережском и Угочком — от 315 до 420, в Марамарошском — от 315 до 367 форинтов)¹⁶⁾.

Многие помещики Закарпатья, особенно крупные, стремясь любой ценой получить большую сумму выкупных платежей, завывали количество выделенной крестьянам земли¹⁷⁾, предъявляя в судебные органы ни на чем не обоснованные требования о дополнительном «вознаграждении». Так, барон Перени за выкупленные земли и феодальные повинности крестьянами села Зняцево (Бережская жупа) получил государственных облигаций на сумму 26108 форинтов, однако, не удовлетворенный этим, он предъявил в суд новый иск, требуя дополнительно уплатить ему еще 6850 форинтов. Урбариаальный суд отклонил иск барона Перени, указав в своем решении, что он «уже получил больше, чем следовало по закону»¹⁸⁾. Граф Шенборн получил огромную сумму выкупных платежей, достигавшую 700 тыс. форинтов¹⁹⁾. В 1896 году урбариаальный суд удовлетворил иск, предъявленный графом Шенборном к населению города Берегово, требовавшим уплаты ему (за «потерю» девятины с зерновых и виноградников, доходов с торговых пошлин и т. п.) 27088 форинтов. Мало того, по решению суда, население Берегово должно было уплатить проценты с

¹³⁾ См указ. соч. Biedermann J, стр. 107.

¹⁴⁾ Орек (porta, telek) — полный крестьянский надел размером от 23 до 59 артаков усадебной, пахотной земли и сенокоса Артак — 0,575 га

¹⁵⁾ Закарпатские области по качеству земли были отнесены к числу комитатов VI—VIII разрядов, для которых устанавливались более низкие ставки выкупных платежей (см. «Славянские известия», № 17, 1889, стр. 423).

¹⁶⁾ См «Славянские известия», № 17, 1889, стр. 423.

¹⁷⁾ См. ГАЗО, ф. 11 (Урбариаальный суд), оп. 1, 1859—1898 гг., д. 13, лл. 12—15.

¹⁸⁾ Там же, лл. 16—20.

¹⁹⁾ Там же, 1856—1892 гг., д. 1148, лл. 50—60.

этой суммы (5% годовых) за 48 лет (с 1848 по 1896 год). В общей сложности граф Шенборн получил дополнительно с населения Берегово круглую сумму в 80 тыс. форинтов²⁰). Капитал «возмещения», предназначенный для покрытия «убытков» дворян-землевладельцев, составлял на 1 мая 1860 года по всем областям, населенным русинами, по данным венгерского автора Э. Шнедара, свыше 10 млн. форинтов²¹).

В. И. Ленин, характеризуя сущность выкупа земли и барщинных повинностей крестьянами в России, писал: «Выкуп есть дань, возлагаемая на общественное развитие, дань владельцам крепостнических латифундий. Выкуп есть бюрократически, полицейски обеспеченная реализация крепостнических приемов эксплуатации в виде буржуазного «всеобщего эквивалента»²²). Эта дань всей своей тяжестью ложилась на массы трудящегося крестьянства.

Начиная с 60-х годов XIX столетия в Венгрии значительно возрастают размеры налогового обложения. Указом наместника Венгрии от 12 января 1863 года устанавливалось повышение в два раза налогов на землю, с доходов и с аренды домов и строений²³). За 60 лет, с 1847 по 1907 год, сумма прямых налогов в Закарпатье возросла более чем в 6 раз²⁴), а налоговое обложение помещичьих хозяйств вместе с тем снизилось на 1/3²⁵). Так, на барона Перени, как свидетельствуют сохранившиеся в архиве его налоговые книжки, в 1855 году было начислено 475 форинтов налога, в 1880 году—472, а в 1883 году—256, т. е. сумма налогового обложения имения Перени, принадлежавшего к числу крупных землевладельцев, в 1883 году по сравнению с 1855 годом снизилась почти наполовину²⁶).

Поземельный налог, взимаемый в размере от 30 до 96 крейцеров с одного хольда, поглощал более 1/4 чистого дохода крестьянина от урожая²⁷). Причем при оценке крестьян-

²⁰) ГАЗО, ф. 11, оп. I, 1896—1899 гг., д. 1149, лл. 1—30.

²¹) Из крепостной зависимости крестьяне Венгрии, как указывал А. Хевеши, вышли с тяжелой ношей выкупа, достигавшего 378 млн гульденов (см. указ. соч. А. Хевеши, стр. 26).

²²) В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 220.

²³) ГАЗОФ, ф. 2, д. 112, л. 1.

²⁴) В Венгрии, по данным русского консульства в Будапеште, сумма прямых налогов с 1868 по 1896 год возросла с 54 млн. форинтов до 110,5 млн. форинтов, т. е. более чем в два раза (см. АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 225).

²⁵) См. Чубуков Я., Відгуки в Закарпатській Україні на російську революцію, Літературно-художній альманах «Радянське Закарпаття», № 1, Ужгород, 1956, стр. 87.

²⁶) См. ГАЗО, ф. 60, оп. II, 1855 г., д. 968, лл. 1—4, 1883 г., д. 1205, лл. 1—2.

²⁷) «Славянские известия», № 17, 1889, стр. 424.

ской земли, как основного объекта обложения, проводимой венгерскими чиновниками, стоимость ее завышалась. Кроме того, в расчете на один хольд сельскохозяйственной площади крупные хозяйства венгерских и немецких помещиков в Закарпатье облагались поземельным налогом вдвое и втрое ниже, чем мелкие крестьяне. Если крестьянин уплачивал с одного хольда земли в среднем 60—80 крейцеров налога, то барон Перени только 20—30 крейцеров²⁸). Ставки поземельного налога в закарпатских жупах устанавливались безотносительно к качеству земли. Размеры налогового обложения на верховине, как писал Э. Эган, такие же, как и в Западной Венгрии, где сельское хозяйство более развито и культура земледелия стоит на несравненно более высоком уровне²⁹). В одном из донесений марамарошского благочинного указывалось, что в долине реки Тиссы земля, на которой произрастает только овес и картофель, не может прокормить крестьянина, а «обложение налогами очень высокое по сравнению с низким качеством земли»³⁰).

Помимо поземельного налога, крестьянин уплачивал поимущественный и подоходный налоги³¹), которые в низших группах крестьянства отнимали до половины дохода от сельского хозяйства, вносил подушную подать, достигавшую двух флоринов с каждого члена семьи старше 16 лет³²). Крестьяне, признанные негодными к военной службе*, уплачивали «военный» налог в размере 5 флоринов. В 80-х годах ежегодная сумма государственных налогов по закарпатским комитатам составляла, приблизительно, 1100 тыс. флоринов, а в 90-х годах — 1600 тыс. флоринов, т. е. возросла на 45%³³).

Значительная часть жалких доходов крестьянина шла на покрытие жупных (общинных) налогов³⁴): содержание дорог³⁵), школ и учителей, старост, писарей, врачей и больницы,

²⁸) См. ГАЗО, ф. 60, оп. II, 1851 г., д. 888, лл. 1—4.

²⁹) Там же, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 21, л. 96.

³⁰) Указ соч. Й. Перени, стр. 122

³¹) Сумма подоходного налога (с забитого на мясо скота и с выработанного крестьянами из своих фруктов вина) в 1901 году по 33 селам Бережской жупы возросла по сравнению с предшествующим годом на 20—25% (см. ГАЗО, ф. 10 (Наджупан Бережской жупы), оп. I, д. 2945, л. 63).

³²) «Славянские известия», № 17, 1889, стр. 424.

³³) ГАЗО, ф. 245, оп. III, 1883 г., д. 139, лл. 17—41; 1900 г., д. 783, лл. 7—9; ф. 5 (Административная комиссия Ужанской жупы), 1894 г., д. 560, л. 64; 1900—1901 гг., д. 1945, лл. 15—20; ф. 7 (Поджупан Ужанской жупы), оп. III, 1886 г., д. 2597, лл. 24—46.

³⁴) Размер жупного налога составлял определенную долю государственных налогов. Обычно от налога на землю жупный налог не превышал 10% и 20% от суммы других государственных налогов.

³⁵) О тяжести дорожного налога свидетельствует тот факт, что задолженность по нему только по Ужгородской жупе в 1894 году превышала 30 тыс. флоринов (см. ГАЗО, ф. 5, 1894 г., д. 436, л. 96; д. 435, л. 86), а по всем закарпатским жупам достигала 150 тыс. флоринов.

комиссаров и сторожей дорожного ведомства, лесничих, уездных курьеров и т. п. Размеры общинных налогов на протяжении 70-х—90-х годов возросли почти вдвое и составляли в 70-х годах в среднем 20%, а в 90-х годах 40—50% суммы государственных налогов. О соотношении государственных и общинных налогов в 1894 году можно судить по следующим данным, заимствованным из отчетов податных органов Ужгородской жупы³⁶⁾.

Таблица 1

Округа	Сумма государственных налогов (в форинтах)	Сумма общинных налогов (в форинтах)	Общинные налоги по отношению к государственным налогам (в %)
Ужгородский	61316	21619	35,3
Собранецкий	54683	21744	39,8
Капушанский	78084	26193	33,5
Велико-Березнянский	37025	19041	51,4
г. Ужгород	78601	48972	62,4
Итого	309709	137569	44,4

Сотни сел Закарпатья вследствие перекладывания на крестьян расходов по содержанию школ, больниц, лесничеств, сельской администрации, по выплате пенсий учителям, по строительству церквей и школ и т. д. были чрезвычайно отягощены общинными налогами, значительно превосходившими сумму государственных налогов. Народ наш, — писала газета «Свет», — «чрезмерно обременен государственной податью и притом своими средствами сооружает храмы божие, дома для священников и школьные здания...»³⁷⁾. Приводимые ниже данные по некоторым селам Закарпатья дают наглядное представление о возрастании размеров общинных налогов³⁸⁾ (см. табл. 2).

Как видно из приведенных данных, в 1894 году по этой группе сел общинные налоги составляли 76,3% суммы государственных налогов, а через год — уже 96,1%. В ряде сел (Липоц, Мерче, Смереково, Черногорова) размер общинных налогов превышал сумму государственных налогов на 2—5%, а в селах М.-Пастиль и Мочар общинные налоги составляли от 116 до 124% суммы государственных налогов.

На крестьянские хозяйства тяжелым грузом ложилась и трудовая повинность, выражавшаяся в выполнении «общественных работ» по строительству и поддержанию в порядке до-

³⁶⁾ ГАЗО, ф. 5, д. 560, л. 64 об

³⁷⁾ Газета «Свет», № 31, 10 (22) августа 1869 года.

³⁸⁾ ГАЗО, ф. 5, д. 560, л. 63.

Таблица 2

Наименование сел	Сумма госу- дарств. налогов (в форин- тах)	Сумма общин- ных налогов (в форин- тах)	Общин. налоги по отнош. к госуд. налогам (в %)	Сумма госу- дарств. налогов (в форин- тах)	Сумма общин- ных налогов (в форин- тах)	Общин. налоги по от- нош. к гос. уд. налогам (в %)
	1894 год			1895 год		
Липоц	159	142	89,2	173	178	102,9
Мокра	274	187	68,5	287	227	79,1
Поляна	191	128	67,0	198	160	80,8
Вульшика	402	265	65,9	407	297	71,2
Чорноголова	1267	711	56,1	1005	982	97,6
Мерче	543	573	105,5	484	510	105,4
Мочар	262	201	76,7	247	308	124,7
Пастиль	294	181	61,6	304	299	98,4
М.-Пастиль	246	177	72,0	258	301	116,2
Ростока-Пастиль	306	493	161,1	314	319	101,5
Смереково	403	304	75,4	425	443	104,2
Лубня	235	164	69,8	151	141	93,3
Луг	336	213	63,4	243	191	78,6
Гусина	336	297	88,1	355	304	85,6
Итого . .	5254	4006	76,3	4851	4660	96,1

рог и мостов. Помимо ремонта дорог, проходящих возле крестьянских полей, каждый крестьянин должен был отработать в среднем 4 дня в году в порядке трудовой повинности³⁹). В 1879 году крестьяне Ужгородской жупы отработали более 75 тыс. дней. Крестьяне Угочской жупы в 1880 году на строительстве дороги Сельце—Влахово—Великая Копань, имеющей стратегическое значение, и жупных дорогах (Севлюш—Комьяты, Вербоц—Матьфалва, Севлюш—Фанчиково и др.) отработали с тяглом 9654 дня и без тягла—26123 дня (в среднем на одного «газду» приходилось 6 дней трудовой повинности, на одного желлера — 3 дня)⁴⁰). В 1900 году дорожная трудовая повинность крестьян этого же комитата измерялась 30 тысячами дней; произведенные крестьянами работы оценивались в 22 тыс. форинтов⁴¹). В 1881 году крестьяне Бережской жупы должны были отработать на строительстве дорог около 81 тыс. дней⁴²). Выполнение «общественных работ» особенно тяжело отражалось на низших группах крестьянства, в то время как зажиточная верхушка деревни имела воз-

³⁹) «Славянские известия», № 38, 1889, стр. 301

⁴⁰) ГАЗО, ф. 245, оп. III, 1880 г., д. 18, лл. 35—40.

⁴¹) См. там же, 1900 г., д. 783, л. 4.

⁴²) См. указ. соч. Lehoszky T., II, стр. 291.

возможность откупиться от этой повинности⁴³). Крестьяне, не отработавшие установленное количество дней на строительстве дорог, привлекались к судебной ответственности, а задолженность по «трудовой повинности» взыскивалась так же, как и задолженность по государственным налогам, через нотариёв и эскуперов. Так, например, в 1901 году староста и жандармы отобрали у крестьян села Пацканьово (Бережская жупа) за невыполнение дорожной повинности плуги и бороны и продержали этот инвентарь в сельском правлении во время весенних полевых работ в течение четырех недель⁴⁴).

На массы крестьянства с огромной силой давили и косвенные налоги, связанные с установлением государственной монополии на соль, сахар, табак, керосин и другие предметы народного потребления. Размер косвенных налогов, являвшихся одной из форм ограбления трудящихся, в течение второй половины XIX столетия возрос в несколько раз. В Венгрии, по данным русского консульства в Будапеште, в 1868 году сумма прямых налогов составляла 54 млн. форинтов, а косвенных—52 млн., в 1878 году соответственно 84,7 и 81 млн., в 1888 году — 101 и 124 млн., в 1896 году — 110,5 и 163,2 млн. форинтов⁴⁵). Таким образом, за 28 лет, с 1868 по 1896 год, прямые налоги в Венгрии возросли в 2,1 раза, а косвенные в 3,1 раза; в 1868 году косвенные налоги по отношению к прямым составляли 96,3%, в 1878 году — 96,8, в 1888 году — 122,7, в 1890 году — 159,2, в 1896 году — 147,6%⁴⁶). Такое же соотношение между косвенными и прямыми налогами установилось и в Закарпатье. В 1896 году в Ужгородском округе, например, косвенные налоги составляли около 150% прямых налогов⁴⁷).

**

За счет крестьянства обогащалось и жирело также и униатское духовенство. «Парохиальные» земли обрабатывались трудом верующих. Кроме того, с каждого двора священники получали определенное количество хлеба, или вместо хлеба деньги⁴⁸). Нередко униатские священники, не желая затруднять себя сбором «коблины», сдавали ее в аренду торговцам-ростовщикам. «Помимо высокой платы за требы,—

---

⁴³) В 1881 году в Бережской жупе было выкуплено 14586 дней работы с тяглом и 37696 дней без тягла; уплаченная сумма превышала 40 тыс. форинтов (см. указ. соч. Lehoszky T., II, стр. 291).

⁴⁴) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1901 г., д. 197, лл. 26—34

⁴⁵) АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 225

⁴⁶) Там же.

⁴⁷) ГАЗО, ф. 5, д. 415, лл. 2—4.

⁴⁸) См «Славянские известия», № 17, 1889, стр. 424

писал русский автор С. Троицкий, — крестьянин обязан доставить «приходнику» сено, дрова, хлеб, капусту, яйца. Все это составляет так называемую «коблину», часто отдаваемую священником в аренду торговцу, который умеет выжать все, что нужно»⁴⁹).

Как можно судить по данным приходной ведомости мукачевской епархии за 1883 год, крестьяне села Волосянки (Ужгородская жупа) отработали на «парохиальной» земле 361 день без тягла, крестьяне села Вильшанки — 353 дня, прихожане села Дравци — 110 дней пешей работы и 40 дней с упряжкой, крестьяне села Довгого — 412 дней без тягла и т. д. Кроме этого, крестьяне села Волосянки сдали священнику 90 кобёлов овса и доставили 125 кубометров дров; прихожане села Вильшанки — 87,5 кобёла ржи и овса и 125 кубометров дров; верующие села Дравци внесли 57 кобёлов кукурузы и ржи; крестьяне села Довгого, кроме 113,5 кобёла кукурузы и 48 кубометров дров, должны были доставить 40 подвод сена⁵⁰). Крестьяне сёл Перечин и Красна на протяжении 1898—1903 годов отработывали ежегодно в пользу священника по одному дню с тяглом и по 2 дня без тягла; батраки отработывали по одному дню. Иногда «роковина» отнимала у крестьян до 10 дней в году⁵¹).

В примечании к «Положению об установлении заработной платы священникам» указывалось, что каждый верующий, владеющий рабочим скотом, должен отработать в пользу священника столько дней, сколько от него требовалось раньше. Эта оговорка давала основание священникам доводить размер «роковины» до 3—4 дней; причем отработки должны были выполнять взрослые крестьяне, а не дети. В тех же районах, указывалось в этом примечании, где поставки священникам сена и дров «вошли в обычай», там эти повинности сохраняются и в дальнейшем⁵²).

В связи с тем, что феодальные натуральные повинности в пользу церкви во второй половине XIX столетия стали экономически невыгодными, священники выдвинули требование о замене натуральных поборов денежными. Так, собрание священников, происходившее в 1872 году в селе Ильница, высказалось за установление денежного налога на верующих, причем священники фарисейски заявляли, что духовные пастыри руководствуются при этом только стремлением «облегчить» положение крестьян. В обращении к епископу священники просили «вместо платы, подаваемой верниками, опреде-

⁴⁹) С. Троицкий, Православие, уния и католичество у славян и румын в Австро-Венгрии, Петроград, 1914, стр. 60.

⁵⁰) Указ. соч. В. І. Ілько, З історії обезземелення. ., стр. 85.

⁵¹) См. указ соч. В. Усенко, стр. 21

⁵²) См. указ соч. В. І. Ілько, стр. 86

лить нам жалование в готовых грошах... взявши во внимание наше важное поприще... и потребности»⁵³). К концу XIX столетия натуральные повинности в пользу церкви все более заменялись денежным налогом, размер которого определялся в соответствии с существующими ценами на зерно и рабочую силу на рынке. По этому поводу С. Троицкий в начале XX века писал: «Прежде крестьянин был обязан доставить священнику воз дров, воз сена, меру овса или кукурузы или отработать два дня в год. Ныне он должен выплатить это деньгами по рыночной цене»⁵⁴).

Помимо «узаконенных» поборов, священники принуждали верующих приносить различного рода продукты в церковь или собирали «подавания», разъезжая на подводах по селам. Значительная часть этих «даров» шла в пользу мукачевского епископа. Как указывала одна из закарпатских газет, священники и певчоучителя доставляли в епископский дворец «что бог дал», а соборные наместники собирали по селам пшеницу, рожь, ячмень, овес, кукурузу, масло, яйца, вино, яблоки, сливы, орехи, грибы и прочий «дар божий», доставляемый под «страстной четверг во владычную палату»⁵⁵). Обычно собранные таким образом «приношения» продавались духовенством спекулянтам или употреблялись для откорма свиней. «В пасху священник получает по одному хлебу с души и продает их целыми возами... или отдает своим свиньям», — указывал венгерский чиновник Б. Ришко⁵⁶).

Униатская печать Закарпатья была заполнена статьями и корреспонденциями о «бедственном» положении не голодающих крестьян, а ...священников, «скудное бытие», которых, мол, не может не вызвать сожаления... В одном из номеров журнала «Листок», например, указывалось, что священники «...в духовном звании видят простой заработок хлеба и весьма довольны, если за свое ремесленное отправление духовных должностей получают соответное материальное вознаграждение, и соразмерно малым трудом обеспечат себе довольно сносное существование»⁵⁷). Другая газета, «Свет», поместила специальную статью «О материальном состоянии нашего сельского духовенства», в которой обращала внимание правительства и «епархиального начальства» на «скудное и недостаточное содержание его», указывая вместе с тем, что многие священники «занимаются земледельством в большем размере, так что, не довольствуясь приходскими поземельными участками, берут в арендное содержание землю и возде-

⁵³) Газета «Новый свет», № 29, 1872 год.

⁵⁴) Указ. соч. С. Троицкий, стр. 60

⁵⁵) См. газету «Карпаторусский голос», 14 октября 1933 года.

⁵⁶) Указ. соч. С. Троицкий, стр. 60.

⁵⁷) «Листок», № 1, 1 января 1895 года, стр. 5.

львают ее, иные производят торговлю лошадьми, скотом и свиньями и из сего получают средства для улучшения быта своего»⁵⁸).

Некоторые авторы оправдывали увеличение поборов с верующих тяжелым материальным положением духовенства. Так, К. Кадлец писал: «Не маючи доста материальных средств мусели руське священники домагатися от своих парохиян великих дань и работ, чим очевидно причинювалися також до их руины»⁵⁹). Однако многочисленные факты опровергают эти измышления и свидетельствуют о том, что жадное и корыстолюбивое униатское духовенство бессовестно наживалось на эксплуатации верующих, не брезгая никакими средствами и приемами для увеличения своих богатств. В частности, недоимки по церковным налогам и поборам, как и государственные налоги, взимались духовенством при содействии экзекуторов и жандармов. Многие современники, характеризуя «бытие» униатских «превелебных отцов» словами «катаются как сыр в масле», указывали, что они «живут только ради своего кармана и своего тела»⁶⁰). О подлинных размерах доходов приходских священников и условиях их существования начальник Хустского округа Б. Ришко в газете «Az Est» («Вечер») писал: униатский священник получает в год 5—6,5 тысячи крон дохода и «живет в роскоши»⁶¹).

За выполнение религиозных обрядов священники взимали с верующих тяжелые поборы⁶²). Униатский священник, как писал русский автор Л. Василевский, «дерет с мужика за требы немилосердным образом»⁶³). Только за похороны умершего священника взимали по 120 крон⁶⁴). «Епископ не заезжал в эти глухие края. Он не проверял, как взимаются поборы за церковные требы», указывал Э. Эган. Епископ Фирцак, управлявший епархией в конце XIX столетия, как свидетельствовали современники, проводил свое время обычно в Будапеште, но самым строгим образом контролировал поступление доходов в епископскую кассу, поощряя ограбление верующих духовенством. Бухгалтер Бережско-Угочского округа в своем донесении властям (1852 год), указывая на безраз-

⁵⁸) Газета «Свет», № 31, 10 (22) августа 1869 года.

⁵⁹) К. Кадлец, Подкарпатска Русь (с допол. П Долинского), Ужгород, 1922, стр 24

⁶⁰) «Podkarpatskà Rus», Bratislava, 1936, стр 38

⁶¹) См указ соч С Троицкий, стр 60

⁶²) Все современники отмечали исключительно высокие поборы, взимаемые униатскими священниками за отправление религиозных обрядов. Униатское духовенство «берет с прихожан слишком много», — отмечал С. Троицкий (см указ соч. С. Троицкий, стр 60).

⁶³) Цит. соч Л. Василевский, стр. 382

⁶⁴) См. указ соч С Троицкий, стр. 60

личное отношение к страданиям крестьян греко-католического духовенства, которое ничего не делает для улучшения их положения на земле, а обещает облегчение только в загробной жизни, писал: «Часто случается, что крестьянин зимой в мороз пробирается пешком в город за свечой, чтобы обеспечить спасение души своей на следующее воскресенье. За похороны надо платить то коровой, то быком». Были случаи, когда священники, стремясь увеличить свои доходы за отправление церковных треб (штола, епитрахиль), «женили 14—16-летних детей». Русины-верующие, говорилось в этом донесении, «часто назначают священника своим наследником»⁶⁵).

Об отвратительных способах ничем не прикрытого ограбления верующих униатскими священниками сообщал правительственный чиновник Б. Ришко. «Священник, говорил он, отбирает последнюю пару волов или корову в уплату за погребение, составляя первый пункт завещания в свою пользу... Не только за проводы покойника, но и за всякую остановку погребального шествия, за зонтик в случае дождя священник выговаривает особую плату...»⁶⁶). Не случайно поэтому в отдельных округах Закарпатья, как свидетельствуют современные, церковные поборы превосходили в 2—3 раза сумму государственных налогов⁶⁷).

Многочисленные жалобы крестьян на увеличение поборов в пользу духовенства не достигали цели. Окружные и комитатские органы власти всегда поддерживали священников. Отказ крестьян от уплаты «коблины» или от выполнения «роковины» рассматривался властями как бунт и пресекался административными мерами и судебными репрессиями. Крестьяне сёл Невицкого и Коменца, например, направили в 1890 году жалобу главному жупану Ужгородского комитата на священника И. Валковского, который произвольно увеличил натуральные и денежные повинности, взимаемые с крестьян, и поборы за требы⁶⁸). В жалобе крестьян, подписанной старостой М. Вихтой, крестьянами Я. Данко, П. Долинаем, Ю. Карбованцем и др., указывалось, что бывший до Валковского священник, помимо доходов с церковной земли размером в 43 хольда, установил следующие повинности и поборы: крестьяне с наделом отрабатывали в пользу священника 2 дня без тягла и вносили по одному веку (до 32 кг) зерна священнику и по 1/2 веку дьячку от двора в год. Безземельные крестьяне отрабатывали 1 день и вносили 1/2 веку зерна.

⁶⁵) См указ соч. П. Перени, стр. 25, 26.

⁶⁶) Цит. по указ. соч. С. Троицкий, стр. 60

⁶⁷) СКД, вып IV, 1899, стр. 290, указ соч С Троицкий, стр. 60; газета «Наука», № 10, 20 мая 1909 года.

⁶⁸) ГАЗО, ф. 4, д. 172, лл 1—2.

На покрытие расходов, связанных с приобретением вина и хлеба для причастия, община выделила священнику 2 «каса-ша»⁶⁹⁾ луга. За похороны умершего священник взимал 3 фори-нта.

Новый священник И. Валковский стал требовать от крестьян с наделом вместо 2 дней пешей работы — 1 день ра-боты с тяглом и уплаты 2 веко зерна священнику и 1 веко— дьячку. Безземельные крестьяне должны были вносить 1 веко зерна. За похороны умершего священник взимал 5 форинтов, а за хлеб и вино, помимо двух сенокосов, требовал уплаты с каждого верующего 3 форинтов. Жалоба крестьян на священ-ника Валковского, рассмотренная административной комис-сией Ужгородской жупы только через 2 года, была откло-нена как необоснованная. Министр культа в конце 1893 года утвердил решение этой комиссии⁷⁰⁾.

Недовольство крестьян-верующих, избираемых своими «ду-ховными пастырями», выразившееся в отказе от уплаты цер-ковных налогов и поборов и в требовании «более дешевых и более христианских священников»⁷¹⁾, принимало во второй половине XIX столетия все более широкие размеры. Газета «Свет» должна была признать, что среди крестьян нарастал «ропот». Она писала: «Народ наш, соображая, что по прекра-щении панщины, не требуется от него исполнения никаких повинностей зерном и работою, странным находит, что он обя-зан священнику работать день тяглом или два дня пеше и дать пресбургскую мерку зерна без различия более или ме-нее зажиточен дающий и исполняющий установленную повин-ность». Поэтому «на многих местах охота к добровольным приношениям вовсе прекратилась у народа; даже и самые узаконенные подаяния неохотно исполняются... Священниче-ские дани ...со дня на день с большим и большим ропотом ис-полняются ими»⁷²⁾.

К концу XIX столетия движение за «дешевую» церковь приняло такие размеры, что жупаны закарпатских комита-тов, основываясь на указаниях правительства, издали распо-ряжения об аресте и привлечении к судебной ответственности лиц, выступающих против «роковины» и уплаты «коблины» в пользу духовенства⁷³⁾.

Задолженность по церковным налогам предписывалось взимать так же, как и по государственным налогам при по-

---

⁶⁹⁾ Касаш — участок луга, скашиваемый одним косарем за один день работы

⁷⁰⁾ ГАЗО, ф. 5, д. 256, лл. 13 об., 18.

⁷¹⁾ Г а л а н Я Твори, т II, Київ, 1953, стр. 40

⁷²⁾ Газета «Свет», № 31, 10 (22) августа 1869 года.

⁷³⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 282, л. 5

моши экзекуторов и через судебные органы. «Власти обязаны взыскать эти подати (в пользу духовенства.—И. К.) согласно указаниям священника, которые принимаются без проверки»,— подчеркивал С. Троицкий⁷⁴). Сербская газета «Застава», издававшаяся в городе Новый Сад, в статье «Русины перед судом», опубликованной 23 декабря 1913 года, писала: «...униатские священники не питают любви к русинам—они высасывают из этого народа все соки. Недостаточно того, что церковь дает им по 4000 крон в год, а государство приплачивает 1200 крон,—они увеличивают свои доходы еще иными способами. Русины выплачивают церковных налогов на большую сумму, чем государственных». Каждый русин, имеющий 4 йоха земли, должен отдать священнику в год один воз дров, один воз сена, 50 кг овса, отработать два дня и в каждый праздник дать по одному хлебу. «Священник превращает все это в деньги, а если русин не может уплатить эту сумму, с него она взыскивается при помощи полиции»⁷⁵).

**
*

Если налоги, указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, не могут в основе изменить отношения распределения, то они могут складываться благоприятно для одних классов и неблагоприятно для других, причем они разоряют только промежуточные между буржуазией и пролетариатом слои общества, положение которых не позволяет им свалить бремя налогов на другой класс⁷⁶).

В условиях Венгрии, по данным известного статистика Юлиуса Рау, удельный вес налогов, уплачиваемых крупными землевладельцами, был по отношению к сумме доходов в 6—7 раз ниже налога на крестьянские хозяйства. Кроме того, крупные землевладельцы могли освободиться от уплаты общинных налогов, так как закон предоставлял им право выделять свои владения из состава сельских общин в качестве самостоятельной административной единицы (так называемые «идеальные общины») и, таким образом, целиком возложить на крестьян свою долю общинных налогов.

По подсчетам Ю. Рау, чистый доход с 1 йоха крестьянской земли в Венгрии составлял в среднем 13,8 кроны, а налоговые обложения такого участка земли достигали 10,9 кроны, т. е. 79% чистого дохода⁷⁷). Однако эти средние данные не дают полного представления о тяжести налогового бремени,

---

⁷⁴) Указ соч С Троицкий, стр 60

⁷⁵) Цит. по АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д 15, л 14

⁷⁶) См К. Маркс и Ф Энгельс, Соч., т 8, стр 311.

⁷⁷) См указ соч А Хевеши, стр 28

ложившегося на малоземельное крестьянство, доходы которого были ничтожными и нередко не могли покрыть даже сумму налога.

Венгерский автор А. Хевеши приводит следующие данные⁷⁸⁾, характеризующие размер налогов, ложившихся на пролетарские и мелкокрестьянские хозяйства Венгрии в конце XIX столетия. Крестьянин Венгерской равнины, имеющий участок земли в 1 йох и дом, уплачивал налоги в таких размерах (в золотых кронах):

Поземельный	6,87
Подворный	1,60
Подоходный	6,00
Общий дополнительный	3,04
Подушный	1,20
Дорожный	3,00
Военный	0,31
Общий сельский	8,42
Налог на здравоохранение	0,72
Налог на общественные работы	3,20

Приведенный пример показывает, что батрак с наделом в один йох должен был уплатить сумму налогов в размере 34,36 кроны, которая в 2,5 раза превышала средний чистый доход с принадлежащего ему участка земли. Нередко налог с парцеллярного крестьянского хозяйства превышал в 5—10 раз валовой доход от сельского хозяйства⁷⁹⁾. Этот разряд крестьян выплачивал налоги и различного рода поборы за счет сокращения и сведения до крайнего предела жизненно необходимых средств существования.

Налоги на мелкокрестьянское хозяйство с общей земельной площадью в 14 йохов составляли 280,06 кроны (поземельный—80,30 кроны, подворный—4,00, сельский—61,82, подушный — 1,20, военный — 1,47, дорожный — 11,82, церковный — 26,00, налог на общественные работы — 32,75, налог на здравоохранение — 5,50, налог на собак — 1,00 крона). Доходы мелкого крестьянина в приведенном примере, владевшего участком земли в 14 йохов, венгерские специалисты оценивали в лучшем случае в 500 крон. Таким образом, только прямые налоги поглощали 56% его доходов. Крупные же землевладельцы уплачивали в виде налогов мизерную часть своих доходов (3—10 процентов)⁸⁰⁾; это же относилось и к фабрикантам, торговцам, к представителям буржуазной интеллигенции (фабрикант с доходом в 100 тыс. крон уплачивал 2872 кроны

⁷⁸⁾ См. указ соч. А. Хевеши, стр. 29

⁷⁹⁾ См. «Katholikus Szemle», XIII, 1894, стр. 487; газета «Kelet», № 31, 1898 год.

⁸⁰⁾ ГЛЗОФ, ф 2, дд 538, 707

прямых налогов, т. е. 2,8% дохода; адвокат с годовым доходом в 16 тыс. крон облагался налогом в сумме 250 крон (1,5 процента дохода); врач с доходом в 8 тыс. крон уплачивал 60 крон налога (0,75 процента дохода)⁸¹).

Груз налогов был настолько огромным, что, по свидетельству современников, закарпатский крестьянин, который бьет, как рыба об лед, буквально задыхался под его тяжестью. «...Прямые и косвенные налоги,—указывал Т. Д. Флоринский,— настолько велики, что были не под силу плательщикам даже при лучших экономических условиях, чем те, какие наблюдаются в Галиции и Угорской Руси. Отсюда неудивительно, что многие русские крестьяне не в состоянии удерживать за собой свои надель; они их продавали и продают добровольно или по нужде для уплаты недоимок и долгов. Те же из них, которые еще сидят на своей земле, вынуждены бороться с крайней нуждой»⁸²).

Другой закарпатский автор в таких словах выразил бедствия закарпатского хлебороба, отягощенного налогами: «Бедный мужик, который и так голодает, принужден платить 20 и больше гульденов в год. Это, в буквальном смысле слова, превышает физические силы бедного угрорусса... Кажется, этот бедный народец для того и создан, чтобы быть обремененным всякого рода налогами, чтобы трудиться и работать для других, чтобы беспрекословно слушаться других, а самому голодать и ходить оборванному»⁸³).

Крестьяне ряда сел Бережского комитата в своей жалобе правительству указывали, что они не имеют никакой возможности покрыть сумму начисленных на них налогов и старой задолженности⁸⁴). В другой жалобе крестьяне писали: «Мы платим налоги, даем солдат, выполняем тяжелые повинности под различными названиями и некуда нам самим деться... У нас нет ни земли, ни пастбищ, ни лесов, даже нет кладбища...»⁸⁵). Венгерский финансовый советник В. Сабо и другие чиновники должны были признать, что материальные условия жизни населения северных и северо-восточных горных областей Венгрии были хуже, чем при крепостном праве⁸⁶), и

⁸¹) См. указ. соч. А. Хевеши, стр. 31 По свидетельству современников (1898 год), закарпатский крестьянин, получавший с $\frac{1}{8}$ телека земли доход в 20 крон, уплачивал только поземельного и подворного налога 24 кроны, в то время как сельский торговец, еженедельно продающий товара на 200 крон и получающий до 30% чистого дохода, уплачивал подоходный налог в размере 12 крон (см. ГАЗО, ф. 772, он. I, 1898 г., д. 23, л. 3 об.).

⁸²) Цит. соч. Т. Д. Флоринский, стр. 13—14.

⁸³) «Славянские известия», № 43, 1889, стр. 1002

⁸⁴) Газета «Bereg», № 11, 1904 год.

⁸⁵) Указ. соч. В. И. Неточаев, Колониальная политика, стр. 44.

⁸⁶) См. указ. соч. Кé t é p u G., стр. 872

что русины Закарпатья «не только не могут платить налоги, но не могут даже существовать»⁸⁷⁾.

В условиях углубляющегося разорения закарпатской деревни, обостряемого аграрными кризисами 60—90-х годов⁸⁸⁾, систематически, из десятилетия в десятилетие, возрастает налоговая задолженность крестьян. По сообщениям венгерской печати, в конце 60-х годов недоимки по налогам в Венгрии достигали 40 млн. гульденов⁸⁹⁾. В Закарпатье, по нашим подсчетам, сумма задолженности только по государственным налогам в течение 70—90-х годов XIX столетия возросла более чем в два раза и составляла 3,5 млн. форинтов⁹⁰⁾. Депутат венгерского парламента Э. Барта указывал, что русин не в состоянии производить даже столько, чтобы уплатить налоги. Он имеет жалкое имущество, которое можно оценить в 50 гульденов, а задолженность по налогам достигает 70—80 гульденов⁹¹⁾.

О возрастании налоговой эксплуатации крестьян можно судить по приводимым в табл. 3 данным, основанным на мате-

Таблица 3

Годы	Сумма задолженности по государственным налогам (в тыс. форинтов)
1875 (конец года)	159
1877 (конец года)	196
1878 (первое полугодие)	308
1892 (на 1 октября)	339
1895 (первое полугодие)	384

⁸⁷⁾ D. Richard, Podkarpatská Rus jindi a nyní, Mukaceve, 1927, стр. 48. Начальник Голмиского округа (Угочская жупа) в своем отчете за 1899 год писал, что он не производил взыскания жупного налога, так как «население неспособно его уплачивать» (см. ГАЗО, ф. 245, 1900 г., д. 785, л. 5).

⁸⁸⁾ См. Ján Sveton, Slovenské vystehovalectvo v období kapitalizmu «Ekonomicky casopis», № 2, Bratislava, 1956, стр. 174.

⁸⁹⁾ «Свет», № 47, 1 (13) декабря 1868 года

⁹⁰⁾ См. ГАЗО, ф. 245, оп. III, 1883 г., д. 139, лл. 17—41; 1900 г., д. 783, лл. 7—9; ф. 5, 1875—1895 гг., дд. 13, 49, 335, 404, 560; оп. I, 1900 г., д. 1945, лл. 15—30; ф. 262, 1901 г., д. 3046, лл. 1—15. Если же учесть недоимки по жупным налогам, а также задолженность экспозитуре за семенные ссуды, племенной скот, аренду земли [на протяжении 1897—1901 гг. задолженность крестьян экспозитуре превышала 50 тыс. форинтов (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 379, лл. 32—41)], то общая сумма задолженности закарпатских крестьян к концу XIX столетия превысит 4 млн. форинтов.

⁹¹⁾ Указ. соч. D Richard, стр. 45

риалах финансовых органов Ужгородской жупы⁹²⁾ и характеризующим рост налоговых недоимок.

Таким образом, за 20 лет, с 1875 по 1895 год, сумма задолженности по государственным налогам только по одной Ужгородской жупе возросла со 159 тыс. до 384 тыс. флоринтов, т. е. почти в 2,5 раза, а задолженность по всем налогам достигала 719 тыс. флоринтов⁹³⁾. Такую же картину мы наблюдаем и в других комитатах. В Угочской жупе недоимки по государственным налогам в 1882 году составляли 308 тыс., в 1898 году—423 тыс., а в 1899 году—438 тыс. флоринтов, т. е. возросли за 16 лет почти в 1,5 раза, а задолженность по всем видам налогов за эти же годы увеличилась с 515 тыс. до 811 тыс. флоринтов, т. е. в 1,6 раза⁹⁴⁾. В Бережской жупе недоимки этого рода в конце 1901 года составляли 600 тыс. флоринтов, а к половине 1902 года достигали 750 тыс. флоринтов⁹⁵⁾.

В течение 70—90-х годов австро-венгерским властям, несмотря на применение всех мер давления на крестьян, не удалось собирать в отдельные годы даже половины установленной суммы налогов и старой задолженности. Так, в 1878 году население Ужгородской жупы должно было уплатить 477 тыс. флоринтов государственных налогов, включая задолженность за прошлые годы. В течение первого полугодия было собрано 169 тыс. флоринтов (36%) и в течение второго полугодия—77 тыс. флоринтов (16%); на 1879 год была перенесена сумма недоимки в 231 тыс. флоринтов, т. е. 48% предназначенной к сбору в 1878 году суммы⁹⁶⁾. В 1892 году налог с задолженностью был определен в сумме 626 тыс. флоринтов, фактически же было получено только около 300 тыс. флоринтов, т. е. 48%⁹⁷⁾. В 1893 году было собрано 50,6% суммы налога и недоимки⁹⁸⁾, а за первое полугодие 1895 года поступление налогов и недоимок составило только 23% общей их суммы⁹⁹⁾. В Угочской жупе на 1883 год было начислено, включая старую задолженность, 766 тыс. флоринтов всех налогов, а фактически было взыскано только 113 тыс. флоринтов, т. е. 14,8%¹⁰⁰⁾;

---

⁹²⁾ См. ГАЗО, ф. 4, д. 8, лл. 3—6; ф. 5, д. 13, л. 3; д. 49, л. 2, д. 335, л. 6; д. 404, л. 19; ф. 7, оп. III, 1886, д. 2597, лл. 24—46.

⁹³⁾ Там же, ф. 5, д. 560, л. 48 об.

⁹⁴⁾ Там же, ф. 245, оп. III, 1883 г., д. 139, лл. 17—41, 75—76, 1900 г., д. 783, лл. 7—9.

⁹⁵⁾ Там же, ф. 262, 1901 г., д. 3046, лл. 1—15.

⁹⁶⁾ Там же, ф. 5, д. 49, лл. 6, 30, 34.

⁹⁷⁾ Там же, д. 335, лл. 6, 30, 34.

⁹⁸⁾ Там же, д. 399, л. 7.

⁹⁹⁾ Там же, д. 404, л. 19.

¹⁰⁰⁾ Там же, ф. 245, 1900 г., д. 783, лл. 7—9.

в 1899 году по этой же жупе было собрано государственных налогов с недоимками 27% и других налогов — 21,3%¹⁰¹⁾.

Несмотря на значительную задолженность налогоплательщиков, сумма государственных и других налогов год от году увеличивалась: по Ужгородской жупе в 1894 году сумма государственных налогов была установлена в размере 408 тыс., в 1895 году—414 тыс., в 1899 году—433 тыс., в 1900 году—449 тыс. форинтов¹⁰²⁾; по Угочской жупе сумма поземельного и подворного налога на 1883 год составляла 100 тыс. форинтов, а на 1899 год увеличилась более чем в два раза и достигала 204 тыс. форинтов¹⁰³⁾.

Крестьяне многих сёл Закарпатья были настолько отягощены налоговыми недоимками, что сумма их далеко превы-

Таблица 4

Название села	Задолженность за текущие годы, в форинтах	Сумма налога на 1891 год, в форинтах	Общая сумма налогов и недоимок на 1891 год, в форинтах	Фактически внесено в 1891 году форинтов	Сумма задолженности, перенесенная на 1892 год (в форинтах)	Задолженность за ис- текущие годы в % к налогу на 1891 год	Задолженность по на- логам на 1892 год (в %) по отношению к общей сумме, подлежащей уплате
Соля	228	488	716	351	365	59,0	51,0
Глубокое	396	614	1010	396	614	64,5	60,8
Середне	3101	3010	6111	2005	4106	103,0	67,2
М.-Солотвино	505	250	755	207	548	205,0	72,6
В.-Березное	3815	2825	6640	1816	4824	135,0	73,0
Анталовци	826	500	1326	356	970	165,2	73,1
Стричава	907	402	1309	351	958	225,6	73,2
Княгинино	984	444	1428	363	1065	221,6	74,6
Иглинци	1106	846	1952	496	1456	130,8	74,6
Андрашовци	628	595	1223	291	932	105,5	76,2
Забродь	1426	640	2066	437	1629	222,8	78,9
Дергло	425	1360	1785	340	1445	31,3	80,6
Домашина	784	277	1061	204	857	283,0	80,8
В.-Солотвино	1897	826	2723	517	2206	229,6	81,0
Хелмец	2726	1462	4188	784	3404	186,5	81,3
Чертеж	1419	733	2152	395	1757	193,6	86,3
Кебляр	4722	1060	5782	750	5032	445,5	87,1
Гайдош	3317	536	3853	63	3790	618,8	98,4
	29212	16868	46080	10122	35958	173,2	78,1

¹⁰¹⁾ ГАЗО, ф. 245, 1900 г., д. 783, лл. 7—9.

¹⁰²⁾ Там же, ф. 5, оп. I, 1894—1895 гг., д. 560, л. 47; 1900—1901 гг., д. 1945, лл. 15—20.

¹⁰³⁾ Там же, ф. 245, оп. III, 1883 г., д. 139, лл. 75—76; 1900 г., д. 783, лл. 7—9.

шала годовой размер государственных налогов. Об этом можно судить по данным табл. 4, относящимся к 1891 году¹⁰⁴).

Из приведенных данных следует, что по указанной группе сёл налоговые недоимки за истекшие годы составляли 173,2% суммы налога на 1891 год. Только в 3 селах из 18 приведенных в этой таблице (16,7% всех сел этой группы) налоговые недоимки составляли от 31,3 до 64,5% суммы налога на 1891 год; в 7 селах (38,9%) задолженность колебалась в пределах от 103 до 193,6%; в 6 селах (33,3%) недоимки составляли свыше 200%; в селе Кебляр задолженность превышала сумму налога на 1891 год в 4,5 раза, а в селе Гайдош более, чем в 6 раз. В 1891 году правительственными органами было собрано по этой группе сел 21,9% налога и недоимок, в 6 селах — 12—19%, а в селе Гайдош только 1,6%.

По селам Угочской жупы старая задолженность по всем видам налогов превосходила в 3 раза сумму налога, установленную на 1883 год. Задолженность, перешедшая на 1884 год, возросла по сравнению с предшествующим годом на 13%¹⁰⁵). Недоимки по государственному налогу на 1898 год составляли 423 тыс. форинтов, что превышало сумму установленного налога на 1899 год более чем в два раза; задолженность по государственному налогу в 1899 году по сравнению с 1898 годом возросла на 4%, а по другим видам налогов на 15%¹⁰⁶). На крестьян села Верьяце в 1884 году было наложено 600 форинтов государственных налогов, а задолженность за предшествующие годы составляла 2978 форинтов, т. е. превосходила сумму установленного налога на 1884 год почти в 5 раз. В 1884 году крестьяне этого села смогли внести только 44 форинта, т. е. 1,2% установленной суммы государственных налогов и недоимок¹⁰⁷).

Многие крестьяне были не в состоянии покрыть даже часть налога, не говоря уже о задолженности, которая накапливалась из года в год, превращая крестьянина в потомственного должника-паупера. Так, хозяйство крестьянина села Великие Комьяты (Угочская жупа) Д. Шоркади на 1887 год было обложено налогом в сумме 11,13 форинта (поземельный налог 5,21, подоходный—5,12, подворный—0,8 форинта), кроме старой недоимки, которая превышала сумму нового налога в 4 раза. В 1887 году крестьянин Д. Шоркади уплатил 12,58 форинта; недоимка, перешедшая на 1888 год, увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 5%¹⁰⁸). Другой крестья-

¹⁰⁴) ГАЗО, ф. 5, д. 254, лл. 89, 91, 93

¹⁰⁵) Там же, ф. 245, 1883 г., д. 139, лл. 17—37

¹⁰⁶) Там же, 1900 г., д. 783, лл. 7—8

¹⁰⁷) Там же, 1884 г., д. 173, лл. 15—46

¹⁰⁸) Там же, ф. 245, 1887 г., д. 236, лл. 20—50.

нин-бедняк этого же села И. Кобаль должен был уплатить в 1887 году 7,34 форинта налога (поземельный налог 2,32, доходный 4,22, подворный 0,8 форинта), а недоимка за прошлые годы составляла 34,58 форинта, т. е. превосходила сумму нового налога почти в 5 раз. В 1887 году этот крестьянин уплатил 3,29 форинта налога (менее 8% суммы налога и задолженности). Таким образом налоговая задолженность крестьянина И. Кобалья не только не уменьшилась, а наоборот, возросла на 11%¹⁰⁹).

**

Австро-венгерское правительство до предела завинчивало налоговой пресс, добиваясь самыми жестокими мерами принуждения и репрессий взыскания налогов и недоимок. В многочисленных циркулярах министерства финансов за вторую половину XIX столетия неизменно подчеркивалась необходимость, несмотря ни на что, взыскать налоги и недоимки по ним в установленные сроки. Закарпатская газета «Свет», комментируя мероприятия властей по ликвидации задолженности, указывала, что правительство «строгие меры намеряет предпринять для собирания численного недобора»¹¹⁰).

Министерство финансов своим распоряжением, датированным 21 июня 1879 года, предлагало немедленно начать сбор налогов за первое полугодие, имея в виду, что некоторые хлеба уже собраны, и крестьяне приступили к продаже их на рынке. С этой целью предписывалось мобилизовать весь налоговый аппарат в городах и селах, проинструктировать сборщиков налогов с тем, чтобы они подходили к делу «строго и тактично»¹¹¹). Через полтора месяца, напоминая о сроках взимания налогов, министр финансов указывал, чтобы жупаны комитатов старались недопускать к взысканию задолженности экзекуторов, на действия которых со всех областей Венгрии поступают многочисленные жалобы¹¹²).

Но указания о взимании налогов, придерживаясь принципа действовать «строго и тактично», фигурирующие в циркулярах министра финансов в 70-х годах XIX столетия, сменяются в 80—90-х годах требованием неукоснительно придерживаться при сборе налогов и недоимок «строгости и экзекуции». Так, в распоряжении министра финансов от 7 августа 1899 года указывалось: 1) задолженность за прошлые годы и за первое полугодие текущего года должна быть собрана

¹⁰⁹) ГАЗО, ф. 245, 1887 г., д. 236, лл. 20—50.

¹¹⁰) «Свет», № 47, I (13) декабря 1868 года.

¹¹¹) ГАЗО, ф. 4, д. 28, лл. 9—10.

¹¹²) Там же, лл. 12—13

во что бы то ни стало; 2) по отношению к лицам, неуплатившим своевременно налоги, применить экзекуцию, а имущество должников продать с аукциона в месячный срок; взимание налогов проводить со всей строгостью, чтобы недопустить накопления задолженности в дальнейшем¹¹³⁾.

Начиная с 1876 года, в комитатах были созданы специальные комиссии по ликвидации налоговых недоимок¹¹⁴⁾, которым предоставлялись в этой области самые широкие полномочия. Через год министр финансов специальным циркуляром обязал жупанов комитатов привлекать к ответственности окружных начальников, допустивших накопление задолженности по налогам¹¹⁵⁾. Нажим сверху вызывал еще большее давление со стороны жупанов комитатов и окружных начальников на старост и нотарией, непосредственно отвечавших за поступление налогов, а последние, в свою очередь, с беспощадностью осуществляли фискальные функции в селах, подвергая крестьян полному разорению. Административные комиссии комитатских управлений на своих заседаниях принимали многочисленные решения о наложении взысканий, привлечении к административной ответственности и снятии с должностей сельских старост и писарей, которые не обеспечивали выполнение плана сбора налогов.

В 1891 году только по Ужгородской жупе были привлечены к административной ответственности 6 старост и писарей¹¹⁶⁾, среди них районные нотари Д. Гауптман, собравший по 6 селам из 13 тыс. форинтов налога только 3 тыс., В. Кецер (из 12 тыс. форинтов—2 тыс.), писарь Среднянского района (из 21 тыс. форинтов—4 тыс.), писарь М.-Березнянского района, собравший из 2300 форинтов недоимок только 903 форинта, и др. В 1904 году в этом же комитате было отстранено от исполнения своих обязанностей 7 районных нотарией¹¹⁷⁾.

Многочисленные архивные материалы, сообщения печати и свидетельства современников говорят о том, что разгул экзекуторов в закарпатской деревне принимал самые разнузданные формы. К безусловно тяжелому положению закарпатских крестьян, как указывали авторы «Протеста», привела хозяйственная политика австро-венгерского правительства, «соединенная с налоговым грабежом, с экзекуциями, неслыханными ни в одной цивилизованной стране». Один из высших венгерских чиновников приводил следующие данные

¹¹³⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 137, л. 2.

¹¹⁴⁾ Там же, д. 8, л. 3.

¹¹⁵⁾ Там же, д. 4, л. 20.

¹¹⁶⁾ Там же, ф. 5, д. 253, лл 59, 60; д. 254, л. 89.

¹¹⁷⁾ Там же, д. 414, л. 127. В Бережской жупе на протяжении 1898—1900 гг. было отстранено от должности 9 нотарией (см. ГАЗО. ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 31, л. 2 об; ф. 10, 1900 г., д. 2945, л. 20).

о случаях продажи эзекуторами крестьянского имущества в 1899 году. Если в четырех словацких жупах (Новоместской, Банскобистрицкой, Тренчанской и Ружомберской), как указывал этот чиновник, было зарегистрировано огромное число эзекуций — 12447, то в четырех закарпатских жупах было продано для погашения недоимок имущество 13 тыс. крестьянских хозяйств¹¹⁸⁾.

Представители бюрократического государственного аппарата, чиновники всех рангов бесконтрольно господствовали в закарпатской деревне, издеваясь, притесняя и беспощадно обирая население. «Администрация,—писал Э. Эган,—очень мало заботится о школах, о помощи русинам, о контроле над низшими агентами власти, которые, особенно в глухих горных местностях, позволяют себе всякие злоупотребления и эксплуатируют народ безбожно». Нотари и священники, как выражался Э. Эган, являются «проклятием для народа»¹¹⁹⁾. В частности, нотари и старосты нередко устанавливали дополнительные поборы с крестьян в свою пользу, не вносили в книги взысканные налоги или присваивали их себе, а крестьян, уплативших налоги, подвергали эзекуции¹²⁰⁾. Как указывала венгерская газета «*Hazánk*»¹²¹⁾, нотари и старосты «дерут шкуру с крестьян», растрачивают собранные налоги на свои нужды, а крестьян принуждают покрывать растрату. В селе Бутфалва, по свидетельству газеты, нотари и староста присвоили 596 крон налога, в селе Шомфалва — 272 кроны, в селе Серфалва староста И. Ципле растратил 107 крон из налоговых сумм, в селе Фельше-Калинфалва староста А. Береш и нотари И. Инди присвоили из собранных налогов 198 крон и т. д.

Аресты, избияния, заключения в тюрьмы, «испытание дымом»¹²²⁾, разгром жилищ должников, продажа имущества с молотка, — вот те способы, при помощи которых чиновники и жандармы выколачивали недоимки и налоги с населения Закарпатья¹²³⁾. «Сборщики налогов,—писал А. Белгород-

118) См. указ. соч. K é t é p u G., стр. 868.

119) Цит по указ. соч. И. Перени, стр. 137.

120) ГАЗО, ф. 5, д. 253, л. 61 об.

121) Газета «*Hazánk*», № 122, 23 июля 1902 года.

122) Испытание дымом — один из способов принуждения к уплате долга. Должника в этом случае деревенские власти запирали на чердаке хаты, отапливаемой по-черному, и держали до тех пор, пока должник не начинал задыхаться от скапливавшегося там дыма.

123) Совершенно иным было отношение властей к помещикам, крупным арендаторам, священникам и кулакам, которые систематически уклонялись от уплаты налогов. К их числу относились помещики: барон Перени, граф Карольи, Уйгели, В. Горти, И. Латор, Козани, Ратони, арендаторы Грюнберг, Браун и многие другие. Барон Перени, например, на протяжении пяти лет, с 1879 по 1884 год, не платил налогов во-

ский,—забирали не только последнюю скотину, но даже собранное зерно и срезанную капусту. В результате полное разорение и обнищание, голод и болезни»¹²⁴).

Из большого числа актов «лицитаций» (продажи имущества должников с аукциона), хранящихся в закарпатских архивах, приведем только некоторые примеры. Полностью лишились своей земли крестьяне Ужгородской жупы М. Галайчик (село Безе; задолженность 80 форинтов), И. Голич (село Дравци; задолженность 68 форинтов), Мария Поляк, Елена Танчак, А. Кундрик и другие. В 1892 году только за неуплату дорожного налога было продано имущество крестьян сел Винна и Стройна (Я. Бигань, Г. Янош, Я. Драчулин и др.)¹²⁵. В 1900 году в Ужгородской жупе были проданы за долги по государственным налогам земельные участки 504 крестьян на сумму 18361 форинт¹²⁶. За недоимки по церковному налогу в сумме 10 форинтов было описано имущество крестьянина с. Голми (Угочская жупа) Д. Курмана¹²⁷; за долги по государственному налогу (42 форинта) продано недвижимое имущество крестьянки села Тисса-Вилок Юлианны Цапович¹²⁸. Имущество многих крестьян села Ильница (Бережская жупа), получивших в неурожайный год зерновую ссуду от государства из 2% годовых сроком на 20 лет, было подвергнуто лицитации, хотя срок уплаты задолженности по ссуде еще не истек¹²⁹). Экзекуторы Ф. Мондо и Ю. Тудоши отобрали и

все; его задолженность по государственным налогам превышала 3 тыс. форинтов (см. ГАЗО, ф. 60, оп. II, 1883 г., д. 1205, лл. 1—2). За крупными налогоплательщиками Угочской жупы в 1882 году, только по земельному налогу числилась недоимка в 61 тыс. форинтов, а в 1883 году в 57 тыс. форинтов (см. ГАЗО, ф. 245, оп. III, 1883 г., д. 139, лл. 75—76).

Нередко жупные административные комиссии снижали крупным землевладельцам размер установленных налогов, списывали «за давностью» накопившиеся за ними недоимки, а объявления о продаже имущества таких лиц за неуплату налогов носило чисто формальный характер. Местные власти, зависящие от крупных землевладельцев или подкупленные ими, обычно не доводили дело до лицитации и составляли акты о несостоявшемся аукционе «в связи с отсутствием желающих приобрести имущество». Так, например, за недоимку по государственным налогам в сумме 468 форинтов были описаны и назначены к продаже 4 вола помещика И. Латора (село Шашвар), но торги были отменены вследствие того, что «купцы на аукцион не явились» (см. ГАЗО, ф. 245, 1900 г., д. 804, лл. 1—29). По этой же причине не состоялась продажа 100 поросят, принадлежащих барону Р. Перени, описанных за неуплату 695 форинтов налога (см. ГАЗО, ф. 245, 1884 г., д. 172, лл. 1—3).

¹²⁴) А. В. Белгородский, Порабощенное славянство в Австро-Венгрии и Германии. Угорская Русь, Петроград, 1915, стр. 38.

¹²⁵) См. ГАЗО, ф. 5, дд. 162, 440, 1409, 1411, 1417, 1685.

¹²⁶) Там же, оп. I, 1900—1901 гг., д. 1945, лл. 21—30.

¹²⁷) Там же, ф. 245, 1900 г., д. 813, лл. 61—63.

¹²⁸) Там же, 1890—1900 гг., д. 245, л. 3.

¹²⁹) Там же, ф. 772, оп. I, 1903—1909 гг., д. 468, лл. 40—44.

продали с торгов сено и мебель крестьянки Белаки (село Шошуйфалу Угочской жупы), хотя она фактически задолженности не имела¹³⁰⁾, а Голмиский окружной начальник описал имущество почти всех крестьян села Турц за недоимки по налогам в сумме 11 тыс. форинтов¹³¹⁾.

Будапештская газета «Hazánk»¹³²⁾ в статье «Погибшие села» на примере одного села Средняя Апша (Марамарошского комитата) нарисовала кошмарную картину бесчинств и грубого произвола экзекуторов в закарпатской деревне, подвергавших варварскому разгрому дома и имущество должников по государственным налогам, и унижений беззащитных людей.

В этом селе, как указывала газета, нотариус и местный ростовщик, выступающий в качестве понятого, взломали двери хат крестьян Д. Волоса, Я. Гузо, М. Марина, Я. Дана и других, забрали всю обстановку, посуду, постели, белье, тряпки, иконы, сняли двери, вынули окна и отнесли в сельское правление, а жену крестьянина М. Шимана с двухнедельным ребенком выбросили из разгромленной избы.

У крестьян И. Шимана, Д. Марина и И. Попшо нотариус отнял от коров телят-сосунков и держал их голодными, принуждая таким образом должников уплатить недоимки. За неуплату государственных налогов экзекуторы избили крестьянина П. Перец, забрали детские пеленки у крестьян М. Попшо и Я. Влада, а у бездомных нищих Д. Михая и И. Дона и у крестьян М. Тополя, В. Марина, М. Шимана и других последнее белье; на просьбу вдовы М. Попп вернуть ей хотя бы сорочку, нотариус ответил: «ходи голая»...

Отобранное у крестьян-должников имущество экзекуторы продавали за бесценок спекулянтам и ростовщикам, наживавшимся на разорении крестьян. Так, за долг в размере 110 крон было описано и продано сено крестьянина Л. Текзе (село Фертиш-Олмаш Угочской жупы), рыночная цена которого достигала 368 крон; за 84 кроны недоимок, числившихся за крестьянином Д. Шепши (село Голми), было описано сена на 200 крон; корова и мебель, принадлежащие крестьянину села Чепе М. Сербак, стоимостью 85 крон, пошли на уплату долга в 12 крон¹³³⁾. У крестьян села Зняцево Ужгородской жупы было продано с аукциона 100 возов сена по цене в 5 раз ниже рыночной¹³⁴⁾.

В делах административных комиссий закарпатских комитатов хранится большое число так называемых «отрицатель-

¹³⁰⁾ ГАЗО, ф. 245, 1882 г., д. 102, лл. 10—15

¹³¹⁾ Там же, 1900 г., д. 813, лл. 109—110.

¹³²⁾ Газета «Hazánk», № 121, 22 июля 1902 года

¹³³⁾ ГАЗО, ф. 245, 1900 г., д. 804, лл. 1—44.

¹³⁴⁾ Газета «Ungvár», № 4, 1883 год.

ных экзекуционных актов», свидетельствующих о полном разорении многих крестьянских хозяйств. В этих актах указывалось, что вследствие отсутствия имущества у налогоплательщиков-должников произвести опись и продажу его не представляется возможным. Иногда нотари предлагали списать такого рода задолженность, как «безнадежную»¹³⁵).

В 70—80-х годах задолженность крестьян по налогам достигла огромных размеров. Крестьяне были истерзаны экзекуциями и оказывали сопротивление нотариам и жандармам. Нотарь села Боторч (Угочская жупа), обращаясь в 1880 году к начальнику пандуров (сельская полиция) с просьбой выделить вооруженную охрану для сопровождения его в поездке по селам своего округа, писал, что «население приходится силой принуждать к уплате налогов»¹³⁶). Министерство финансов, обеспокоенное нарастанием недовольства крестьян, запрсило у главных жупанов комитатов сведения о тех селлах, в которых следует приостановить сбор налогов и продажу крестьянского имущества¹³⁷).

В 90-х годах составление «отрицательных экзекуционных актов» стало обычным явлением¹³⁸), так как разорение крестьянства под тяжестью налогового бремени приняло катастрофические размеры. Начальник В.-Березнянского округа, характеризуя в своем отчете за 1891 год положение крестьян, вынужден был признать, что вследствие массовых экзекуций и огромной задолженности государству и ростовщикам-корчмарям крестьяне находятся в состоянии «тяжелой нужды»¹³⁹). Анонимный закарпатский корреспондент «Славянских известий» в одной из своих статей указывал, что налоги с крестьян-русинов взимаются «с бездушной жестокостью... писарями да экзекуторами, которые, при содействии жандармов, держат народ в крайнем терроре, под которым он стонет и который рождает в нем ненависть и месть к властям...»¹⁴⁰).

Обострение социальных противоречий в закарпатской деревне, резкое сокращение поступления налогов, вследствие разорения масс крестьянства, вынудили правящие круги Венгрии и местные власти пойти на некоторое «облегчение

---

¹³⁵) ГАЗО, ф. 5, оп. I, 1878 г., д. 49, л. 171 об.; 1900—1901 гг., д. 1945, лл. 15—20. В 1887 году по Угочской жупе была списана задолженность с крестьян (умерших, переселившихся в другие места, пропавших без вести, полностью разорившихся и т. п.) более чем на 10 тыс форинтов (см. ГАЗО, ф. 245, д. 236, лл. 1—16).

¹³⁶) ГАЗО, ф. 245, 1880 г., д. 17, л. 33.

¹³⁷) Там же, ф. 4, д. 28, л. 32.

¹³⁸) Там же, ф. 5, дд. 440, 1409, 1411, 1417.

¹³⁹) Там же, д. 252, л. 10.

¹⁴⁰) «Славянские известия», № 17, 1889, стр. 423

участи» русинов. В 1897 году, когда встал на очередь вопрос о проведении «спасительной верховинской акции», епископ Ю. Фирцак и некоторые депутаты венгерского парламента обратились к правительству с предложением об отсрочке сбора задолженности в русинских комитатах и содействии в погашении ипотечной задолженности.

Министр финансов распорядился предоставить некоторым селам, особенноотягощенным недоимками, рассрочку в уплате задолженности по налогам на 10 лет. В отношении ипотечного долга министр обещал «обсудить» вопрос о предоставлении крестьянам беспроцентной ссуды для освобождения от ипотеки их земельных участков¹⁴¹⁾. Однако эти полумеры и ничтожная помощь со стороны правительства разоренным вконец крестьянам ни в коей мере не могли изменить положение в закарпатской деревне. Пролонгация же задолженности и связанное с этим некоторое снижение ежегодной доли платежей означала на деле удлинение сроков этих платежей на 10 и более лет, т. е. беспросветную зависимость мелких и средних крестьян от ростовщического капитала.

Надо подчеркнуть вместе с тем, что предоставление министерством финансов рассрочки в погашении задолженности по государственным налогам именно в 1897 году было связано с начальным периодом проведения пресловутой «верховинской акции». Обычно же финансовые органы Венгрии не допускали не только списания недоимок, но и отсрочки проведения экзекуций даже в тех округах, которые пострадали от недородов или стихийных бедствий. В конце 1899 года административная комиссия Бережской жупы обратилась в министерство финансов с представлением о временном прекращении (на полгода) продажи крестьянского имущества с торгов за неуплату налогов на территории Мукачевского, Иршавского и Свалявского округов. Свое предложение комиссия мотивировала тем, что крестьяне этих округов «питаются только кукурузой, но ее даже в лучшие годы не хватает, а в 1899 году в результате плохого урожая крестьяне лишились и этого единственного источника питания. Вследствие бедности крестьяне не могут платить налоги. Им необходимо оказать помощь с тем, чтобы патриотически-настроенное русинское население не впало в полную нищету»¹⁴²⁾. На это представление министр финансов В. Лукаш дал ответ только через три месяца, в котором говорилось, что «отсрочка сбора налогов на территории целого края является незаконной и вредной, так как невежественное население этим будет введено в заблуждение...»¹⁴³⁾. В

¹⁴¹⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 303, лл. 2—5.

¹⁴²⁾ Там же, ф. 10, оп. 1, 1900 г., д. 2946, л. 60.

¹⁴³⁾ ГАЗО, ф. 10, оп. 1, 1900 г., д. 2946, л. 61.

этом щиничном ответе министра финансов была выражена классовая сущность налоговой политики правящих кругов Венгрии, опиравшейся на «закон», устанавливавший тяжелый гнет фискальной системы, которая, подобно гигантскому спруту, с беспощадной жестокостью высасывала каплю за каплей все жизненные соки из целых поколений поработенных трудящихся.

2. ЗАКАРПАТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ТИСКАХ РОСТОВЩИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Характерной чертой социально-экономических отношений в закарпатской деревне второй половины XIX столетия являлось развитие ростовщического капитала и усиление ростовщического гнета. К. Маркс указывал, что капитал, приносящий проценты, или,—как мы можем назвать его по его старинной форме,—капитал ростовщический, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в разнообразнейших общественно-экономических формациях. Чтобы ростовщический капитал мог существовать, необходимо лишь одно: по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары и наряду с товарной торговлей деньги должны развиваться в своих различных функциях. Развитие ростовщического капитала связано с развитием купеческого капитала и специально денежноторгового капитала¹⁴⁴).

Помимо этих необходимых условий существования и развития ростовщического капитала, применительно к Закарпатью рассматриваемого нами периода надо учитывать ряд других факторов, а именно — колониальное угнетение, тяжелую экономическую, политическую и культурную отсталость Закарпатской Украины, сильные пережитки феодальных отношений, разорение огромных масс крестьянства, обусловившие распространение ростовщичества в русинских комитатах в таких масштабах, каких нельзя было встретить ни в какой другой области Австро-Венгрии¹⁴⁵). Закарпатье, можно сказать

¹⁴⁴) См. К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 607.

¹⁴⁵) Указ. соч. И. Перени, стр. 118. В конце XIX—начале XX столетия ростовщический капитал получил распространение и в венгерской деревне. Газета «Magyar Hírlap» (25 июня 1911 года) по этому поводу писала следующее: «У нас часто нуждающиеся в земле хозяева покупают участки земли по очень высокой цене на заемные деньги, по которым платят громадные проценты, и, не имея достаточного капитала для правильной эксплуатации приобретенной земли, входят в неоплатные долги» (цит. по АВПР, ф. Политархив, 1911 г., д. 584, л. 81). Однако венгерское крестьянство не испытывало такого исключительно тяжелого гнета ростовщического капитала, какой переносили массы закарпатских и словацких крестьян.

без преувеличения, было отдано на поток и разграбление ростовщикам и корчмарям. Как справедливо указывал венгерский автор Й. Перени, ростовщики «покрыли сетью всю землю, заселенную закарпатскими украинцами и держали в своих руках значительную часть крестьянства»¹⁴⁶⁾.

Обладавшие мизерными средствами производства, придавленные грузом налогов, крестьянские массы Закарпатья стали объектом самой дикой ростовщической эксплуатации. Э. Эган по этому поводу писал: Как паразиты набрасываются на ослабевший организм, так и ростовщики огромной массой накинулись на закарпатскую деревню, ставшую для этих тунеядцев выгодным поприщем наживы и грабежа. В Закарпатье не было ни одного села, насчитывавшего только 8 хат, где не обосновался хотя бы один из этих «посредников во всем». Каждый ростовщик, указывал Э. Эган, имеет «своих» русинов; каждый русин имеет «своего» ростовщика. В Свалявском округе, по его свидетельству, семьи ростовщиков и корчмарей, торговцев и спекулянтов составляли 16%, украинского населения (в селе Воловцах — 20%, в селе Верещки — 42%)¹⁴⁷⁾. В 50 селах Ужанской верховины в 1900 году насчитывалось более 350 торговцев, ростовщиков и корчмарей (в селе Мирче — 7 чел., в селе Турья-Ремета — 27 чел., в селах Вишка и Малая Березна — по 10 чел., в селе Великое Березное — 70 чел. и т. д.)¹⁴⁸⁾. От «благоденний» ростовщиков, писал А. Митрак, «народ везде беднеет, а они размножаются и богатеют».

Говоря о характерных формах, в которых ростовщический капитал существовал в период, предшествовавший капиталистическому способу производства, К. Маркс выделял две формы (которые повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы): во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям — крестьянам и ремесленникам¹⁴⁹⁾.

Ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, указывал К. Маркс, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких ремесленных мастеров. Там, где — как при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды

¹⁴⁶⁾ Указ соч. Й. Перени, стр. 117.

¹⁴⁷⁾ Указ соч. Э. Эган, стр. 54.

¹⁴⁸⁾ ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1901 г., д. 198, лл. 6—18

¹⁴⁹⁾ См. К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 608.

занимать деньги... Но там, где рабочий является собственником — действительным или номинальным — условием своего труда и своего продукта, он как производитель находится в определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противостоящего ему в качестве ростовщического капитала¹⁵⁰).

В условиях Закарпатья характерной формой существования ростовщического капитала являлось предоставление денежной ссуды мелким производителям, владеющим условиями своего труда.

Норма ростовщического процента, как известно, обычно не ограничивается нормой прибыли, а значительно превосходит ее. Самый низкий ростовщический процент в Закарпатье, по свидетельству современников, составлял 16—20 годовых; «нормальный» же процент колебался в пределах 30—50 годовых. Нередко должник уплачивал 100—200 и более процентов с заемной суммы в год. За взятые 10 гульденов, указывал Р. Кайндль, крестьяне сплошь и рядом отдают 15 гульденов, и «бедный народ в этом отношении остается совершенно беззащитным». Еще «счастлив был тот русин», писал И. Конратович, который за 100 крон в неделю уплачивал 2 кроны процентов. Но как только должник запутывался в сетях кабалы, то местный ростовщик, по словам Э. Эгана, сразу же повышал размер процента до уровня 1 гульдена еженедельно с 10 гульденов ссуды¹⁵¹). Местами этот процент повышался до 2 гульденов еженедельно¹⁵²).

Архивные документы и сообщения местной и венгерской печати свидетельствуют о том, что ростовщический капитал в Закарпатье стал одним из факторов губительного разрушения крестьянских хозяйств и одной из важнейших причин пауперизации крестьянства. Не было предела эксплуатации должников ростовщиками, не было границ, определяющих размеры прибылей этих хищников, обогащавшихся за счет разорения народных масс. Закарпатские архивы и периодическая печать этого периода изобилуют вопиющими фактами, подтверждающими это.

По данным жандармерии, ростовщики М. Сольсбергер и М. Гутман в 1901 году заключили более 80 кабальных сделок с крестьянами сел долины Турья (Ужгородская жупа); ростовщики А. Шпигель, Г. Лебович, В. Лейб и др. (село Орлово) получали с должников свыше 20% годовых за предоставленные ссуды¹⁵³). На ростовщика Г. Егера в 1899 го-

¹⁵⁰) См. К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 608

¹⁵¹) Ростовщик Г. Готесман за ссуду в 10 крон, предоставляемую крестьянину села Доманинцы А. Шулеку, взимал по 1 кроне процентов в неделю (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1903 гг., д. 298, лл. 16—17)

¹⁵²) Указ соч. Е. Эгана, стр. 59

¹⁵³) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1903 гг., д. 298, лл. 16—69.

ду поступило 52 заявления от крестьян села Н.-Верецки, взявшего по ссудам свыше 25% годовых¹⁵⁴).

Будапештская газета «*Hazánk*»¹⁵⁵) только по одному селу Средняя Апша (Марамарошская жупа) приводила многочисленные примеры ростовщических операций, закабаливавших крестьян. Так, крестьянин Т. Кадар за ссуду в 20 крон уплачивал ежегодно ростовщику М. Фуксу такую же сумму процентов, а крестьянин Г. Дорвои за 20 крон ссуды уплатил 32 кроны процентов; ростовщик А. Вагнер взимал с крестьянина Перл Л. 155% годовых, а М. Вайс за ссуду в сумме *2,6 кроны получил за год процентов 19,96 кроны, т. е. более 700% заемной суммы. Один из закарпатских крестьян, как сообщала газета «*Bereg*», взял у ростовщика ссуду в размере 27 форинтов. Через некоторое время сумма долга возросла во много раз и кредитор предъявил к получателю ссуды иск на 266 форинтов¹⁵⁶).

Многие крестьяне села Воловец обратились в 1899 году в краевой суд в Берегове с жалобой на ростовщика С. Готесмана, который довел их до полного разорения. Вот некоторые факты, характеризующие деятельность одного из многих паразитов на теле народном. Как заявил крестьянин А. Волошин, он получил от Готесмана ссуду в размере 5 форинтов и взял в кредит водки на 3 форинта. За эти 8 форинтов долга ростовщик взыскал с него при помощи властей 25 форинтов.

Жители этого села Тимкович и Лях были по подозрению в краже арестованы, но вскоре освобождены из заключения. После их возвращения в село ростовщик Готесман заявил, что он «их освободил из тюрьмы», дав окружному судье взятку в сумме 150 форинтов. Забитые, запуганные и деморализованные «преступники» под давлением ростовщика подписали ему вексель на 150 форинтов. По иску, предъявленному Готесманом, была продана с публичных торгов земля Тимковича и Ляха для покрытия этого фиктивного долга.

Крестьянин М. Чекан за ссуду в 30 форинтов передал Готесману в залог свой луг сроком на 12 лет. В 1885 году Чекан уплатил долг, но Готесман не только не возвратил ему обратно сенокосный участок, а взыскал с него сверх суммы долга 25 форинтов. Вдова П. Худан за 20 форинтов ссуды отдала Готесману в пользование 1 хольд луга на 10 лет. Однако после истечения этого срока ростовщик отказался возвратить ей землю.

Крестьянину Славенку Ивану Готесман предоставил ссуду в 40 форинтов при условии уплаты процентов в размере 3 фо-

¹⁵⁴) См. ГАЗО, ф. 772, оп 1, 1899 г., д 66, лл. 90—92.

¹⁵⁵) См. газету «*Hazánk*», № 173, 24 июля 1902 года.

¹⁵⁶) См. газету «*Bereg*», № 15, 1876 год.

ринтов в год за каждые 10 фори́нтов ссуды. Через 10 месяцев, когда крестьянин хотел рассчитаться с ростовщиком, уплатив ему долг и процент по договору в сумме 50 фори́нтов, то Готесман предъявил к нему иск на 70 фори́нтов, заставил содержать бесплатно 3 волов и передать на 8 лет принадлежащие Славенку 2,5 хольда земли. В 1896 году крестьянин В. Тимкович получил от Готесмана ссуду в сумме 8 фори́нтов с условием, что через два года он уплатит 15 фори́нтов, однако Готесман взыскал с должника 32,7 фори́нта, т. е. получил в год более 200% прибыли. С крестьянина Лахивского В. за ссуду в 12 фори́нтов Готесман взыскал через 14 месяцев 50 фори́нтов; ростовщический доход достигал в данном случае 360% годовых¹⁵⁷⁾.

В погоне за наживой ростовщики не останавливались ни перед чем. Подлог и обман, угрозы, лжесвидетельство и вымогательство, все средства грабежа и насилия применялись ими для достижения своих сугубо корыстных целей. Торговец М. Вайс, например, обманным путем получил от крестьян села Гукливого (Бережская жупа) Ф. Меллеша и В. Козика 935 крон, обещая им за эти деньги купить по дешевой цене землю. Но Вайс не только не сдержал своего обещания и не возвратил полученные деньги, но еще возбудил против обмануемых крестьян судебное дело, требуя взыскать с них 304 кроны «комиссионных»¹⁵⁸⁾.

В 1894 году крестьянин села Ясиня (Марамарошская жупа) Василий Агапчук продал срубленные деревья своего леса торговцам за 90 крон. Последние, обвинив безосновательно Агапчука в «обмане», потребовали через суд возвратить им уплаченные деньги. Судебное дело тянулось 18 лет. За это время судебные издержки достигли 2008 крон, на покрытие которых властями были проданы с торгов 8 хольдов земли и дом крестьянина Агапчука¹⁵⁹⁾. Ростовщики Ш. Якубович, Я. Штерн и др., основываясь на подложных долговых обязательствах, предъявляли судебные иски к крестьянам, добиваясь продажи их имущества за фиктивные долги¹⁶⁰⁾.

В конце XIX столетия правительство Венгрии под давлением общественности и печати, предавшей гласности многие жалобы крестьян на произвол ростовщиков, вынуждено было издать ряд распоряжений об ограничении ростовщического процента, о расследовании и привлечении к ответственности особо

---

157) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 66, лл. 1—90.

158) Там же, оп. III, 1912—1913 гг., д. 227, л. 21.

159) Там же.

160) Там же, оп. I, 1904—1905 гг., д. 531, лл. 2—6, 1902—1903 гг., д. 298, лл. 16—18.

злостных ростовщиков¹⁶¹). Однако все эти распоряжения не могли ослабить ростовщический гнет, а судебные дела против ростовщиков обычно заканчивались их оправданием. Так, заявление крестьян сёл Воловец и Н.-Верецки на ростовщиков С. Готесмана и Г. Егера были отклонены Бережским краевым судом за «недоказанность обвинений»¹⁶²). Газета «Назáнк»¹⁶³) в статье «Ты слепа, святая справедливость» сообщила, что на ростовщика из села Средняя Апша (Марамарошская жупа) Д. Давидовича было подано 88 заявлений о незаконных ростовщических операциях, из которых 53 были отклонены «за давностью», а за остальные он был привлечен к судебной ответственности. После длительного разбирательства этого дела краевой суд в Марамарош-Сигете приговорил Д. Давидовича к 1,5 года тюремного заключения и штрафа в 6 тыс. крон. Однако по апелляции Давидовича кассационный суд (табула) в Дебрецене оправдал ростовщика. Комментируя это решение суда, будапештская газета «Magyarország»¹⁶⁴) обвиняла главного жупана Марамарошского комитата и «либеральных» судей табулы в «покровительстве ростовщикам»¹⁶⁵).

Мелкий закарпатский крестьянин вынужден был идти на самые кабальные условия ростовщического кредита, так как у него не было другого выхода. К. Маркс, имея в виду французское крестьянство, писал, что крестьянин в виде процентов на тяготеющие на земле ипотеки, в виде процентов на неипотезированные ссуды у ростовщика, отдает капиталистам не только земельную ренту, не только промышленную прибыль, одним словом, не только весь чистый до-

¹⁶¹) Как указывал в одном из своих выступлений депутат венгерского парламента Ф. Бузат, за 6 месяцев 1902 года в Бережской жупе было возбуждено 737 судебных дел против ростовщиков, взимавших с должников недозволенно высокие ссудные проценты (см. ГАЗО, ф 772, оп. I, 1903 г., д. 469, лл 4—5).

¹⁶²) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 66, лл 90, 92.

¹⁶³) См. газету «Назáнк», № 178, 27 июля 1902 года.

¹⁶⁴) См. газету «Magyarország», № 178, 27 июля 1902 года.

¹⁶⁵) Только в редких случаях крестьяне-должники добивались судебного решения в свою пользу. Так, когда вопрос о незаконных операциях ростовщика И. Розенберга был поднят в местной и венгерской печати, прокуратура привлекла его к судебной ответственности. Среди обвинений, предъявленных ростовщику, фигурировало и следующее: И. Розенберг предоставил крестьянину села Верхне-Вишово (Марамарошская жупа) Д. Розничуку ссуду в 60 форинтов под залог земли, которой и пользовался в течение 20 лет. Помимо этого, кредитор получал от должника ежегодно 8 центнеров кукурузы и картофеля. После истечения 20-летнего срока ростовщик И. Розенберг не только не вернул крестьянину земельный участок, но еще предъявил к нему иск на 200 форинтов. За незаконные ростовщические операции И. Розенберг был приговорен к штрафу, а земля, которой он пользовался много лет, была возвращена крестьянину Д. Розничуку (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1904—1906 гг., д. 580, лл 1—5).

ход, но даже часть своей заработной платы¹⁶⁶). Это в полной мере относилось и к закарпатскому мелкому крестьянину находившемуся постоянно на грани нищеты и голодной смерти. У него не было выбора, он должен был соглашаться на любые условия, продиктованные торговцем-ростовщиком, так как перед ним, по словам Л. Василевского, стояла дилемма: «либо помереть с голоду, либо идти в кабалу к торговцу, так как только благодаря ему он может получить заработок и деньги»¹⁶⁷).

Для ростовщиков, торговцев и спекулянтов в Закарпатье открывалось самое широкое поле деятельности. Они наживались как арендаторы помещичьих лугов, лесов, пастбищ и пахотных земель, как подрядчики по перевозке леса и сельскохозяйственных продуктов. Они получали бешеные барыши от ростовщических операций, спекулируя кукурузой, скотом, пшеницей, скупая крестьянский урожай на корню или закабалая мелких землевладельцев выдачей авансов под урожай. Эта форма закупок сельскохозяйственной продукции по чрезвычайно низким ценам и спекуляция зерном получили распространение во всех областях Венгрии, но особенно широкие масштабы система авансирования приняла в закарпатских комитатах.

Председатель «Всевенгерского общества сельских хозяев» («OMGE») Г. Форстер, обеспокоенный ущемлением интересов венгерских помещиков спекуляциями торговцев на хлебном рынке, обратился в 1899 году с письмом к жупанам комитатов, в котором просил их принять меры к ограничению спекуляции пшеницей. Торговцы, как указывал Г. Форстер в своем письме, выдают авансы нуждающимся крестьянам под будущий урожай пшеницы, скупают ее за гроши, сбивают цены на рынке и наносят этим «ущерб» землевладельцам, получая вместе с тем огромные барыши. В ответе Г. Форстеру наджупан Бережского комитата сообщал, что ему известно более 100 случаев спекуляции пшеницей на территории жупы. Торговцы, пользуясь тяжелым положением крестьян, скупают зимой, в январе-феврале, урожай пшеницы будущего года по 4,5—5 форинтов за метро-центнер, а продают ее по 10—11 форинтов метро-центнер. Для иллюстрации деятельности спекулянтов пшеницей в Бережском комитате главный жупан приводил такой пример: у одной бедной крестьянки торговец купил из будущего урожая 6 метро-центнеров пшеницы за 27 форинтов и в виде «гарантии» принудил ее подписать вексель на 72 форинта¹⁶⁸).

¹⁶⁶) См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 75.

¹⁶⁷) Указ соч Л. Василевский, стр. 428.

¹⁶⁸) См. ГАЗО, ф. 262, 1897—1899 гг., д. 2838, лл. 7—8.

Торговцы и ростовщики наживались на продаже промышленных товаров и предметов первой необходимости, принуждая зависимых крестьян—должников покупать товары в своих лавках по повышенным ценам¹⁶⁹). Кроме того, для них неиссякаемым источником обогащения служили кабаки. Торговцы и ростовщики, указывал Э. Эган, «держат в своих руках все корчмы, где спаивают крестьян и этим подрывают их моральное и материальное существование. Деморализованный и разорившийся крестьянин становится их жертвой... Они распоряжаются всей жизнью крестьянина, всем его годичным заработком, его будущим. Крестьянин стал рабом торговцев-корчмарей в прямом смысле этого слова»¹⁷⁰).

Алкоголизм был страшным бичом Закарпатской Украины. Его распространение явилось следствием многовекового социального и национального угнетения, ведшего к разорению и деморализации масс крестьянства, к чудовищному закабалению их корчмари-ростовщиками. Алкоголем обездоленный закарпатский крестьянин, как указывал Де-Воллан, «старается заглушить в себе сознание своего бедственного положения». Он хватается за стакан «паленки», чтобы тем самым продлить питательность своей скудной и тяжелой пищи и по возможности отдалить новый приступ голода»¹⁷¹).

В статье анонимного автора «О бедности русского народа на Ужанской верховине», опубликованной в закарпатской газете «Свет», подчеркивалось, что «всеобщим источником» бедности русинов является «регальное право корчмовое», а просто говоря — «употребление напоев». После перехода ужгородской казенной домини в аренду к спекулянтам-ростовщикам, корчмари, как говорилось в статье, «бросились на народ, возвышали самовольно цену напоев, не позволяли доносить напитков из городов, где те напитки дешевле получить можно было»¹⁷²), отворили для народа неограниченный кредит, после собирали долги правотным (принудительным. — *И. К.*) путем». Крестьяне, попавшие в лапы корчмарей, несут им, по вы-

¹⁶⁹) Торговцы, говорилось в одном из писем из села Сусково Бережской жупы, в муку высшего сорта подмешивают муку низкого качества и продают крестьянам по высоким ценам как первосортную (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 23, л. 3 об.), а торговец Ш. Якубович заставил крестьянина-должника Ф. Иванчо уплатить за куль муки в 5 раз выше рыночной цены (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1904—1905 гг., д. 581, лл. 2—6).

¹⁷⁰) Указ. соч. Е. Эган, стр. 54, 56.

¹⁷¹) Указ. соч. Г. А. Де-Воллан. Угрорусские народные песни, стр. 25.

¹⁷²) Как сообщал главному жупану Бережской жупы священник из села Сусково (1898 год), корчмари не только разбавляют водку водой и продают ее по обычной цене 48 крейцеров за литр, но и не допускают завоза более дешевой водки из города. Крестьян, возвращающихся с базара, корчмари и жандармы обыскивают и при обнаружении у них водки налагают на «контрабандистов» от 10 до 40 форинтов штрафа (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 23, лл. 3 об.—4).

ражению автора этой статьи, «урожай, хлебные запасы мехами (мешками. — И. К.)», нередко крестьяне отдают «за напой или за долг урожай свой, сено, овес, даже и едва что народившуюся скотину»; за долги «волы, коровы, безрогие... спродаются»¹⁷³).

Поджупан Бережского комитата в своем отчете за 1898 год о пагубном влиянии корчем на крестьянское население жупы говорил следующее: Многие русины «рабы водки, корчма — их храм божий; каждый день они несут туда тяжелым трудом заработанные гроши». Корчмарь — это «господин деревни», споенные крестьяне являются «слепым орудием в его руках»¹⁷⁴). В донесении марамарошского благочинного (конец XIX столетия) указывалось, что в некоторых селах помимо пяти «лицензионных» кабаков водку продают в 25—30 местах. Часто корчмари преднамеренно спаивают крестьян и «заклучают самые безжалостные юридические сделки с пьяными людьми», в результате чего бедный русин, «предавшись на минуту забвению, вдруг теряет гнездо предков и его выгоняют со двора»¹⁷⁵).

Ряд архивных документов и других источников свидетельствует о том, какую огромную силу имели корчмари в закарпатской деревне, как они использовали зависимых от них крестьян в своих торгашеских целях. Так, один из этих мироедов Иосиф Ленорович открыл в селе Палин Капушанского округа в своем доме, сданном в аренду под школу, корчму. Учительница К. Турчани обратилась с жалобой к окружным властям, в которой указывала на недопустимость существования в одном помещении кабака и школы. Кроме того, учительница сообщала, что корчмарь и его жена терроризируют учеников и избивают их. Учительница просила убрать корчму из школьного помещения и привлечь корчмаря к ответственности за избивание детей. Дело закончилось тем, что корчмарь уплатил небольшой штраф и перенес кабак в сарай, находившийся в одном дворе со школой¹⁷⁶).

В декабре 1900 года группа крестьян села Дубриничи подала заявление жупану Ужгородского комитата, в котором просила не выдавать разрешения на открытие М. Мовшовичем четвертой в селе корчмы. В заявлении, подписанном священником И. Кондратовичем и десятью крестьянами, указывалось, что открытие нового кабака приведет к полному разорению крестьян и будет разлагающе влиять на детей, так как Мовшович предполагает занять под корчму дом рядом со школой.

¹⁷³) Газета «Свет», № 10, 9 (21) марта 1868 года.

¹⁷⁴) ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1898 г., д. 24, лл. 15, 16

¹⁷⁵) Цит. по указ. соч. И. Перени, стр. 122

¹⁷⁶) ГАЗО, ф. 5, д. 587, лл. 7, 9, 17, 22, 31

Главный жупан предписал начальнику округа не выдавать разрешения на открытие новой корчмы в селе Дубриничи, считая недопустимым увеличение числа кабаков в то время, когда осуществляется «спасительная верховинская акция». Через пять дней после этого распоряжения корчмарь сочинил новое «прошение» от имени сельского общества (подписанное уже 29 крестьянами, в том числе и подавшими первое заявление) об открытии новой корчмы в селе Дубриничи.

В этом «прошении» указывалось, что крестьяне подписали первое заявление «вслепую» под влиянием священника и что Мовшович имеет в селе не три, а только одну корчму, так как две другие принадлежат его сыновьям. Дом, в котором предполагается открыть новую корчму, находится не рядом со школой, а в 150 метрах от нее¹⁷⁷). Можно не сомневаться в том, что «законное» право торговца Мовшовича, подкрепленное «приговором» сельского общества, было удовлетворено властями.

Не случайно в Закарпатье распространилась народная ненависть к ростовщикам, торговцам-спекулянтам и арендаторам кабаков, которые принадлежали к различным национальным группам (евреи, венгры, немцы, русины и др.). Однако венгерские помещики и буржуазия, закарпатоукраинское кулачество и униатское духовенство, стремясь направить эту ненависть только против еврейских ростовщиков и корчмарей, придавали ей антисемитскую окраску. В народном творчестве — поговорках и коломыйках — запечатлены отвратительные типы шинкарей-кровососов, которые изображаются паразитами на теле народном, вурдалаками без души и сердца. С глубоким ожесточением и ненавистью отзываются коломыйки об этих «хриstopродавцах», упивающихся кровью и слезами своих жертв. Их обличают как трутней, их обвиняют в бедствиях народных как свору лютых врагов, жиреющих за счет спавания и разорения русинов...

Ой шо будеш, орендарю, дїяти, робити,
Як бідніі руснаки та не будуть пити?
Перестанеш красно їсти, хороше ходити. .

Бедствия, которые приносили корчмы и шинкари народным массам, являлись сюжетами многих коломыек. В одной из них, записанной в Шаришском комитате, говорилось:

Сивий голубоньку сидить на дубоньку,
Кличе, кличе мамка сына з корчми до домоньку,
Ей, сине, синочку, подь же до домоньку,

---

¹⁷⁷) ГАЗО, ф. 4, д. 400, лл. 3—5

Бо про твою недзбалоньку беруть коровоньку¹⁷⁸⁾.
Знаю, мамко, знаю, же худобу трачу,
Як я прийду до домоньку, горенько заплачу¹⁷⁹⁾.

Опутанный долгами закарпатский крестьянин становился в положение холопа своих кредиторов. Он превращался, как писал А. Будилович, в «бездомного бобыля, илота, по рукам и ногам связанного своею зависимостью от шинкаря или ростовщика... Если причину разорения было пьянство, то подобный крестьянин так и погибает жертвою искусственно развитого местными шинкарями алкоголизма»¹⁸⁰⁾.

Униатская печать, рекламируя показное «народолюбие» духовенства, превозносила «заслуги» тех священников, которые выступали в церквах с проповедями против пьянства или создавали по распоряжению епископа общества трезвости. Мукачевский епископ Ю. Фирцак своим «пастырским посланием» (26 февраля 1900 года) обязал священников создавать в селах общества трезвости¹⁸¹⁾. Крестьянин, вступающий в общество, принимался с испытательным сроком на один месяц, в течение которого он должен был регулярно посещать богослужения, в заключение испытательного срока, после исповеди, дать «торжественную присягу», текст которой гласил: «Я, грешный человек, присягаю святой троице, живому богу и богородице, Иоанну Крестителю и всем святым, что в течение трех месяцев воздержусь от употребления алкогольных напитков, если даже буду на свадьбе, похоронах или ярмарке... и до корчмы ходить зарекаюсь. Религиозные обязанности буду исполнять по совести и пусть милость божья поможет мне в этом...»¹⁸²⁾.

Ужгородская униатская газета «Свет» предлагала, обращаясь к правительству, принять принудительные меры против

¹⁷⁸⁾ Другая коломыйка эту мысль выражала такими словами

Журилася мамка мною
Як риба водою,
Не пий сине горілочку
Не будеш з бідою.

А я мамку не послулав
Яв ся напивати,
Прийшли корчмарі, взяли воли
Нічим весновати («Месяцослов» на 1911 год,

Унгвар, 1910, стр. 69).

¹⁷⁹⁾ Указ, соч. Г. А. Де-Воллан, стр. 211.

¹⁸⁰⁾ А. Будилович, Червонорусская эмиграция, «Славянские известия», т. 3, сентябрь-декабрь 1892 года, стр. 26.

¹⁸¹⁾ Членами общества могли состоять лица старше 15 лет, уплачивающие членские взносы от 3 до 6 крейцеров в год. Председателем общества трезвости являлся приходский священник (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1900 г., д. 179, лл. 1—20).

¹⁸²⁾ ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1900 г., д. 179, лл. 1—20.

распространения алкоголизма путем издания закона, запрещающего продавать спиртные напитки в кредит или под залог земли и имущества¹⁸³). Местные власти, обеспокоенные огромным ростом задолженности крестьян ростовщикам и корчмарям, что вело к увеличению недоимок по государственным и жупным налогам, а также к сокращению числа рекрутов, годных к военной службе, пытались было административными распоряжениями ограничить продажу алкоголя. В 1883 году поджупан Ужгородской жупы П. Кенде издал распоряжение об ограничении продажи водки в кредит 2 форинтами и предупредил корчмарей, что иски к должникам за взятую в долг водку более чем на 2 форинта судами в соответствии с законом о борьбе с ростовщичеством (закон XXV 1883 года) приниматься не будут¹⁸⁴).

Такого же рода распоряжения, карающие за продажу водки в кредит или за беспатентную торговлю спиртными напитками штрафами, закрытием корчем, лишением их владельцев патентов и т. д., были изданы и в других закарпатских жупах. Только по Ужгородской жупе в 1900 году было составлено 480 актов на корчмарей за нарушение правил торговли спиртными напитками, а в 1902 году — 1600 актов. 35 корчмарей были оштрафованы, причем многие из них по несколько раз [Я. Якубович (село Черноглова) — 9 раз, Л. Рог (село Люта) — 10 раз, Л. Нидерман (село Волосянка) — 13 раз, М. Гросс (село Ужок) — 16 раз и т. д.¹⁸⁵].

Разумеется, что все эти полумеры, предпринимаемые местными властями и униатским духовенством, не затрагивающие существующих социально-экономических отношений, не могли изменить обстановку в закарпатской деревне. Штрафы, налагаемые на корчмарей, составляли ничтожную часть их доходов, предписания о запрещении продажи напитков в праздничные дни и в кредит обходились корчмарями, а распоряжение министерства финансов о лишении злостных нарушителей закона о продаже спиртных напитков патентов, как указывал начальник жандармерии в Ужгороде, окружными начальниками не выполнялось. Попытки экспозитуры горных районов организовать продажу алкоголя через потребительскую кооперацию и этим ослабить засилье корчмарей в деревне ничего не дали, так как крупные арендаторы корчем (Готесман, Гринберг, Коц, Фридман, Найман и др.) добились через министерст-

¹⁸³) Газета «Свет», № 10, 9 (21) марта 1868 года

¹⁸⁴) ГАЗО, ф. 7, оп III, 1883—1885 гг., д. 2546, лл. 11—16

¹⁸⁵) Там же, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 335, лл. 1—20 В некоторых селах по распоряжению властей часть корчем была закрыта: в селе Рахово (Марамошская жупа) в 1902 году из 14 корчем было закрыто 7, в селе Ясиня из 23 корчем — 6 и т. д. (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 337, лл. 1—17).

ва торговли и финансов, заинтересованные в увеличении поступления пошлин с продажи вина, отмены распоряжений экспозитуры¹⁸⁶). Никакие общества трезвости и «торжественные присяги», изобретенные мукачевскими канониками, не достигали цели, так как распространение корчмарства и алкоголизма являлось социальным бедствием, порожденным капиталистической системой, на страже которой стояли и чиновники и духовенство¹⁸⁷).

**

Ф. Энгельс, говоря о положении мелкого крестьянина, попавшего в сети ростовщической кабалы, указывал: «Как сам он, так и его дом, его двор, его поле принадлежат ростовщику; его существование более безнадежно, чем существование пролетария, который, по крайней мере хоть изредка, имеет спокойные деньки, чего никогда не бывает с измученным рабом задолженности»¹⁸⁸). Таких рабов задолженности в Закарпатье среди деревенской бедноты насчитывалось десятки тысяч.

Не имея средств для погашения ссуды, крестьяне-должники обычно обязывались отработать либо весь долг, либо проценты по ссуде, или работой возместить стоимость взятой «паленки» на условиях, продиктованных ростовщиком. Если нормальная поденная плата батрака удерживалась на уровне 60—70 крейцеров, указывал Эган, то ростовщик заставлял своего должника работать за 30 крейцеров, зимой же в местах, где трудно найти работу, платил только 3 крейцера¹⁸⁹). Здесь особенно ярко выступал кабально-ростовщический характер отработок, при которых должник попадал в тяжелую личную зависимость от кредитора. Но никакие отработки в большинстве случаев уже не могли помочь крестьянину, скатывающемуся по наклонной плоскости. Он становился потомственным должником, потерявшим всякую надежду на избавление от кабалы; он терял свою землю, имущество, скарб, которые продавались с молотка за долги.

¹⁸⁶) См ГАЗО, ф 10, оп I, 1900 г., д. 2946, лл 51—54, 1902 г., д 335, лл 1—20

¹⁸⁷) Епископ Ю. Фирцак, в упоминаемом нами «пастырском послании», приводил такой пример «благотетельного» влияния общества трезвости на «экономический быт» крестьян: в селе Русково (Бережская жупа), указывал епископ, крестьяне прекратили употребление алкоголя и на протяжении 1896—1900 годов выкупили свои земельные участки у ростовщиков за 5 тыс форинтов (см ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1900 г., д 179, лл 1—20). Однако архивные данные о таких случаях ничего не говорят. Наоборот, все материалы экспозитуры горных районов и донесения жупанов комитатов свидетельствуют о том, что конец XIX столетия в истории Закарпатья был периодом массового разорения и обезземеления крестьянства под гнетом налогов и ростовщического капитала

¹⁸⁸) К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т 16, ч II, стр 448

¹⁸⁹) См указ соч П. Перени, стр 139

Закарпатский учитель Георгий Яцина в своем стихотворении «Давно и днесь», указывая на невиданное размножение шинкарей в закарпатской деревне, наживающихся на ограблении народа, писал:

Корчмы так ся намножили,
Что страх позирати.
И русски прадедны земли
Чужими видати.
Двадцать и пять годов тому
Корчмарь земли не мал,
А теперь уже от села
И третью часть отнял¹⁹⁰⁾.

В отдельных селах Закарпатья, особенно в отдаленных горных районах, 80—90% крестьянских дворов являлись должниками ростовщиков. На 4 тыс. крестьянских хозяйств Свалявского округа приходилось, по данным Г. Халаса, 60 тыс. форинтов задолженности по налогам и 90 тыс. форинтов долгов ростовщикам¹⁹¹⁾. Как сообщал священник села Сусково (Бережская жупа) Н. Ромжа (1898 год), села Молмош, Дусино, Росож, Ормод, Ганьковица и Сусково «находятся целиком во власти ростовщиков»¹⁹²⁾.

Крестьянин-должник, попадая в зависимость от ростовщика, лишался своего имущества, уходившего на покрытие долга¹⁹³⁾. Русин, измученный непосильными поборами и кабальными процентами за взятый в заем десяток-другой гульденов, писал Т. Д. Флоринский, должен был отдавать ростовщику «не только плоды своих трудов, но и самый труд, не только весь домашний скарб и последнюю скотину, но и свою кормилицу—землю»¹⁹⁴⁾. В конце XIX столетия в отдельных округах Закарпатья в руки ростовщиков и корчмарей перешло 60% крестьянской земли¹⁹⁵⁾. Э. Эган в своем докладе министру земледелия указывал, что в горных районах Закарпатья 1/3, 1/2

¹⁹⁰⁾ «Крестный месяцеслов» на 1894 год Унгвар 1893. стр 116.

¹⁹¹⁾ Указ соч. П Перени, стр 123

¹⁹²⁾ ГАЗО, ф 772, оп I, 1898, д 23, л 1 об.

¹⁹³⁾ Газета «Ungvár», № 8, 1881 год

¹⁹⁴⁾ Указ соч Т Д Флоринский, стр 14

¹⁹⁵⁾ См. указ соч Л Василевский, стр 382, П. Перени, стр. 79, 171, П Гапак, стр 56 Э Эган в своем докладе министру земледелия (1898 год) указывал «Земля не может обеспечить существования верховинца, так как ее крайне мало. Своего урожая у крестьян хватает обычно до 1 января. В руках крестьян осталось от 30 до 60% принадлежавшей им ранее земли и половина скота, который сплошь дегенеративный» (ГАЗО, ф 772, оп I, 1898 г, д 22, л 4) Утверждение Г Халаса о том, что потеря земли крестьянами объяснялась «отсталостью» народа, не понявшего «блага свободного землевладения» (см указ соч П Перени, стр. 131), не выдерживает никакой критики, так как именно «свободное» землевладение в условиях помещичьего и ростовщического гнета и привело к экспроприации масс крестьянства Закарпатья, к их обезземеливанию

или даже более половины крестьян «не имеют уже никакой земельной собственности, ибо вся их земля перешла в руки торговцев. Крестьяне живут лишь за счет заработков по найму, а землю берут в аренду у тех же торговцев. Ни скот, ни зерно, ни сено не принадлежат им, хотя они возле всего того ходят»¹⁹⁶).

Дела экспозитуры горных районов, донесения жупанов, начальников округов, священников буквально заполнены сообщениями о массовой продаже с торгов крестьянской земли по искам ростовщиков. Вот некоторые примеры. За неуплату долга в сумме 182 форинта ростовщику Ш. Лейба была описана земля крестьянина села Коморзань (Марамарошская жупа) П. Дороша¹⁹⁷), за семенную ссуду и долги ростовщику Б. Ротенштейну продано имущество крестьянки Эрнст (село Виллок) за 490 форинтов; лишился своего земельного участка крестьянин села Тисса-Керестур Б. Ганзулович — должник ростовщика Л. Штайнбергера¹⁹⁸).

Ростовщик Г. Рот потребовал через суд, опираясь на показания подкупленных им свидетелей, передать ему землю крестьянина села Ракова (Ужгородская жупа) А. Стегуры под тем предлогом, что он купил эту землю у родителей Стегуры еще 60 лет тому назад¹⁹⁹). Как сообщала газета «Mágaros», один из крестьян-русинов получил вызов в суд по иску, предъявленному к нему ростовщиком, но вследствие разлива реки не мог явиться на судебное заседание. Через несколько дней крестьянин получил решение суда о продаже принадлежащей ему земли на покрытие долга ростовщику. На самом же деле этот крестьянин ссуды от ростовщика никогда не получал. Несмотря на это, его земля была продана за фиктивный долг. Так ростовщик стал владельцем крестьянской земли, а крестьянин — его рабом-испольщиком²⁰⁰). За ссуду в 160 форинтов ростовщик М. Липшиц принудил крестьянина села Буковец И. Ришко передать ему свой земельный участок стоимостью в 500 форинтов²⁰¹).

В ряде сёл Бережской верховины (Ракоцисаллаш, Вереш, Новая Ростока, Н.-Верецки, Воловец, Гукливое, Скотарское), по данным экспозитуры горных районов, к ростовщикам перешла не только большая часть полевой земли крестьян, но и их усадьбы²⁰²). Крупные ростовщики Марамарошской жупы З. Фикслер и его зять Л. Маерович завладели всеми землями

¹⁹⁶) Указ. соч. Е. Еган, стр. 84.

¹⁹⁷) ГАЗО, ф. 245, 1890—1900 гг., д. 299, лл. 1—5.

¹⁹⁸) Там же, 1882 г., д. 104, лл. 12—15.

¹⁹⁹) Там же, ф. 772, оп. III, 1912—1913 гг., д. 227, л. 3.

²⁰⁰) См. газету «Mágaros», № 9, 26 февраля 1902 года.

²⁰¹) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 66, лл. 80—90.

²⁰²) Там же, 1898 г., д. 24, л. 4.

и скотом крестьян села Сольма, которые превратились в арендаторов-издольщиков²⁰³). Есть села, говорилось в протоколе совещания священников Свалявского и Нижне-Веречанского дистриктов (1897 год), «в которых у крестьян осталась только 1/4 часть их земли»; свою же землю, захваченную ростовщиками и спекулянтами, они обрабатывают исполу. Крестьяне «стали крепостными» ростовщиков и корчмарей²⁰⁴). Начальник Свалявского округа М. Болайти в своем докладе за 1897 год указывал, что в руках крестьян осталась только половина принадлежавшей им земли²⁰⁵), а в отчете за 1900 год добавлял: «Через несколько лет ростовщики и торговцы отберут у крестьян все движимое и недвижимое имущество и превратят их в бездомных»²⁰⁶).

По данным экспозитуры горных районов, на протяжении 1890—1899 годов по приговорам Марамарош-Сигетского и Ужгородского окружных судов в двух закарпатских жупах (Марамарошская и Ужгородская) было продано за долги свыше 4 тысяч земельных участков крестьян, из которых 1338 участков подверглись лицитации по искам ростовщиков²⁰⁷). Только за 9 месяцев 1900 года в одном Голмиском округе Угочской жупы было продано за долги ростовщикам, торговцам и корчмарям имущество 138 крестьян²⁰⁸).

В Закарпатье ростовщики и спекулянты широко использовали для захвата крестьянской земли закон LX 1881 года о продаже с публичных торгов за долги земельных участков, принадлежащих нескольким совладельцам, но числящихся в поземельной книге под одним номером. Параграф 156 этого закона устанавливал, что если продаже за долги подлежит доля земли одного совладельца участка²⁰⁹), записанного под общим номером, и другие совладельцы не смогут или откажутся приобрести продаваемую часть с торгов на общих основаниях, то экзекуция распространяется на весь участок, т. е. продаже с аукциона подлежит не только земельная доля должника, но весь участок, включая земли других совладельцев²¹⁰).

Указанный параграф закона LX 1881 года открывал неограниченный простор для самой бессовестной спекуляции зем-

203) ГАЗО, ф. 772, оп I, 1902—1903 гг., д. 298, лл 16—69.

204) Там же, 1897 г., д. 3, л. 2

205) Там же, д. 4, л. 1 об.

206) Там же, ф. 10, оп I, 1900 г., д. 2945, л 9 об

207) Там же, ф. 772, оп I, 1900 г., д. 118, лл 1—40.

208) Там же, ф. 245, 1900 г., д. 804, лл 1—44

209) Этот закон распространялся на те участки земли, цена которых не превышала 400 крон.

210) Совладельцы, не имевшие задолженности, получали от покупателя всего участка за свои доли земли соответствующую денежную компенсацию по ценам на землю, установленным на аукционе.

лей и разорения мелких землевладельцев ростовщиками-спекулянтами. Последние, став собственниками одной или нескольких долей земельного участка, записанного под одним номером, путем фиктивных сделок с ипотечными кредитными учреждениями и другими ростовщиками добивались продажи с молотка крестьянской земли, скупая ее за бесценок²¹¹⁾.

Как сообщила газета «Magyarország»²¹²⁾, в селе Нижняя Кольчава (Марамарошская жупа) имели общий номер земельного участка три ростовщика (И. Каган, З. Шафар и М. Якубович) и два крестьянина-русина. Указанные спекулянты, вступив в сговор со своими кредиторами, продали с торгов весь участок. В селе Борша (Марамарошская жупа) одним участком земли владели 8 крестьян и один ростовщик (М. Каган). За долги последнего сберегательной кассе в Марамарош-Сигете в сумме 1185 форинтов был продан с торгов весь участок земли, приобретенный подставными покупателями — агентами Кагана. Таким образом, спекулянт Каган не только покрыл за счет крестьян свою задолженность, но еще и приобрел по цене в 2—3 раза ниже существующей их земельные участки.

В том же селе, как сообщала другая будапештская газета «Hazánk»²¹³⁾, 30 декабря 1901 года были проданы на покрытие 2370 крон задолженности одного совладельца М. Кагана 50 земельных участков, записанных под одним номером, в каждом из которых он имел свою долю. Спекуляцию землей в селах Марамарошской жупы таким способом, как указывала газета, ведут братья Израиль и Мендель Каганы, которые находятся в связи с директором сберегательной кассы в Марамарош-Сигете Э. Роснером (занимавшим одновременно и должность главного жупана комитата) и выступают на земельных аукционах в зависимости от обстоятельств то кредиторами, то должниками.

Та же газета в статье «Школа грабежа»²¹⁴⁾, характеризует деятельность спекулянтов землей в Марамарошской жупе, писала, что в селе Нижняя Кольчава за долги двух ростовщиков-миродов М. Якубовича и З. Шафара проданы сотни крестьянских парцелл. Публичный торг, указывала газета, — это «комедия», а банки и спекулянты — «одна компания»²¹⁵⁾.

²¹¹⁾ См. ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1902—1903 гг., д. 302, лл. 1—21

²¹²⁾ См. газету «Magyarország», № 308, 31 декабря 1902 года

²¹³⁾ Газета «Hazánk», № 3, 3 января 1902 года

²¹⁴⁾ См. газету «Hazánk», № 3, 3 января 1902 года и № 5, 5 января 1902 года.

²¹⁵⁾ В ответ на эти выступления венгерской печати, платный агент ростовщиков адвокат из Хуста Л. Гамван опубликовал в газете «Budapesti Napló» (№ 7, 8 января 1902 года) статью под заголовком «Каган Израиль и его компаньоны», в которой оправдывал грабительскую спекуляцию

Так посредством ростовщического кредита и спекуляций торговцы, ростовщики и кулаки централизовали в своих руках экспропрированную крестьянскую землю; к ним же этими путями перешла и значительная часть крестьянского скота. По данным Э. Эгана, только в Свалявском округе из 6500 коров и волов торговцам и ростовщикам принадлежало 3192 головы, т. е. 49,1%. Во многих селах в их руках было больше скота, чем у крестьян. Так, в селе Ганьковице у крестьян было 33 головы скота, а у ростовщиков — 229 голов, соответственно в селе Воловец — 122 и 226 голов, в селе Гукливом — 160 и 165 голов, в селе Кичорне — 35 и 81 голова, в селе Латорице — 61 и 150 голов, в селе Завадка — 46 и 150 голов и т. д. В 17 сёлах этого округа крестьянам принадлежала только 721 голова скота, а ростовщикам — 1622 головы, т. е. количество скота, перешедшего в собственность последних, превосходило в 2,2 раза количество скота, сохранившегося у крестьян²¹⁶). В целом крестьяне Свалявского округа к концу XIX столетия лишились от 2/3 до 3/4 принадлежащего им скота²¹⁷), а в отдельных селах количество крестьянского скота сократилось на 9/10²¹⁸).

Драматические картины экзекуций, продажа с молотка крестьянского имущества, увод последней коровы²¹⁹), выселение крестьян из отобранных за долги хат, семьи которых пушались по миру, были, как мы указывали, обычным явлением в закарпатской деревне. Современники имели все основания говорить о том, что «жизнь и будущее крестьянина находится в руках ростовщиков», при виде которых «народ трепещет».

Нередко ростовщик оставлял землю и скот, отобранные за долги, бывшему их владельцу, который превращался в потомственного должника-испольщика, обязанного значительную часть продуктов, произведенных на этой земле, или выручки

землей в Марамарошской жупе ссылками на «закон» и, утратив всякое чувство порядочности, доказывал, что в бедственном положении находятся не столько крестьяне-русины, сколько.. дельцы типа Каганов, Шафаров, Якубовичей, «имущество которых также продается с торгов.»

²¹⁶) Указ. соч. Е. Эган, стр. 86.

²¹⁷) Указ соч. Й Перени, стр. 133

²¹⁸) ГАЗО, ф 772, оп. I, 1898 г, д 24, лл 10—11

²¹⁹) Закон LX 1881 года запрещал продавать за долги последнюю корову крестьянской семьи, однако на деле этот закон, как указывал депутат венгерского парламента от Бережской жупы Я Недецеи, в Свалявском и других округах Закарпатья не выполнялся (см. ГАЗО, ф 10, оп I, 1900 г., д. 2946, л. 60). Не допускалась также продажа за долги племенного скота, приобретенного крестьянами в рассрочку у государства, до полного погашения полученной ссуды (см ГАЗО, ф. 772, оп I, 1899—1904 гг., д 92, лл 32—33).

от продажи откормленных крестьянином домашних животных отдавать ростовщику в счет погашения процентов по ссуде²²⁰).

Своеобразная форма ростовщичества в виде «скотоводства исполу», как ее называли современники, получила, особенно в горных районах Закарпатья, чрезвычайно широкое распространение²²¹). Э. Эган, характеризую эту форму ростовщичества, приводил такой типичный пример: ростовщик покупает двух бычков за 70 форинтов и отдает их зависимому крестьянину на откорм исполу за 100 форинтов. Через год-два они продают бычков за 140 форинтов (нередко тайно от крестьянина ростовщик продает их фактически за 160 форинтов). Из этой суммы ростовщик высчитывает 100 форинтов, предоставленные крестьянину в кредит, а 40 форинтов они делят пополам. Но, указывал Эган, «я не помню ни одного случая, чтобы крестьянин получил хоть что-нибудь из полагающихся ему денег», так как он уже заранее занимал у ростовщика по 1—2 форинта на уплату налогов, покупку хлеба и т. д.²²²). При окончательном расчете крестьянин, как правило, «не только ничего не получает, но еще и остается должен ростовщику», который наживается на этой операции, говорилось в протоколе совещания священников Бережской жупы²²³). Нередко случается, указывал Э. Эган, что при плохом урожае, когда у крестьянина не хватает фуража для откорма скота, взятого исполу, он вынужден покупать сено или арендовать пастбище у того же ростовщика по цене в 3—4 раза выше обычной²²⁴).

Ростовщики—торговцы скотом применяли и другие методы эксплуатации должников. Так, например, крестьянин, купивший корову за полученную ссуду, обязан был до погашения задолженности отдавать кредитору молоко и приплод — телят или, если крестьянин приобретал за деньги, взятые в кредит, свинью, то нередко, помимо погашения ссуды и уплаты процентов, заемщик должен был отдавать ростовщику и поросят.

Мы располагаем данными, характеризующими распространение ростовщичества скотом по 37 селам Ужанской верховины за 1900 год²²⁵). В общей сложности крестьяне этих сел содержали исполу около 2500 голов крупного рогатого скота (на одно село приходилось в среднем до 70 голов). Скот, взя-

²²⁰) См. газету «Ungvár», № 3, 1881 год; указ. соч. Е. Эган, стр. 61, 62. П. Перени, стр. 120, 134

²²¹) Крестьяне держали исполу главным образом крупный рогатый скот, реже — овец, коз и свиней

²²²) См. указ. соч. Е. Эган, стр. 86; П. Перени, стр. 133, 138, 139.

²²³) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1897 г., д. 3, л. 6.

²²⁴) Указ. соч. Е. Эган, стр. 86, П. Перени, стр. 133, 138, 139

²²⁵) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1901 г., д. 198, лл. 6—18.

тый исполу, составлял около 20% крупного рогатого скота, принадлежащего крестьянам, а во многих сёлах доля его была значительно большей. Так, в селе Новая Стужица на 68 хозяйств приходилось 110 голов исполно откармливаемого скота, или 52% числа крестьянского крупного рогатого скота; в селе Старая Стужица 77 хозяйств содержали исполу 110 голов скота (60% по отношению к крестьянскому скоту); в селе Загорб на 63 хозяйства приходилось 150 голов исполного скота, составлявшего 70% поголовья скота, принадлежавшего крестьянам; в селе Ростока-Пастиль 52 хозяйства содержали исполу 210 голов скота, или около 93% крестьянского скота и т. д.

По подсчетам Г. Халаса, более половины скота в Свалявском округе находилось в пользовании крестьян исполу²²⁶). В этом округе, как отмечалось в докладе экспозитуры за 1898 год, 3316 мелких хозяйств крестьян имели 300 тыс. форинтов долгов, из которых большая часть падала на задолженность ростовщикам—торговцам скотом²²⁷).

Крестьяне-испольщики находились в беспросветной зависимости от ростовщиков и спекулянтов скотом, которые беспощадно их эксплуатировали и обманывали. Крестьянин села Буковец (Бережская жупа) М. Мадьяр, например, содержал исполу в течение года 13 телят ростовщика Готесмана, который не уплатил ему за это ни одного филлера. Крестьянин В. Тимкович также не получил условленной доли за содержание скота²²⁸). В селе Нодь-Гайдош (Ужгородская жупа) спекулянты скотом братья Шпигель дали крестьянину В. Забродскому большую корову, которая вскоре околела, и исполщик должен был возместить понесенный торговцами «убыток». Крестьянин Ф. Погань получил от ростовщика Б. Шпигеля кредит в сумме 160 крон с условием, что вместо уплаты процентов по ссуде он будет содержать до полного погашения долга корову кредитора. Когда же долг крестьянином Погань был погашен, то ростовщик предъявил к нему иск, требуя уплатить 80 крон процентов по ссуде²²⁹). Если иногда крестьянину-испольщику и удавалось добиться через суд получения условленной доли за содержание скота, то ее поглощали судебные издержки. Так, крестьянин села Нодь-Гайдош Ю. Железняк возвратил ростовщику Шпигелю взятую у него на содержание исполу корову, находя для себя это обременительным. Ростовщик потребовал через суд уплатить ему 160 крон «неустойки». Суд, учитывая затраты крестьянина на содержание

²²⁶) См указ соч. Е Еган, стр 86, Й Перени, стр. 133, 138, 139.

²²⁷) ГАЗО, ф 772, оп I, 1898 г, д 24, лл. 10 об —11

²²⁸) Там же, 1889 г, д 66, лл. 91—93.

²²⁹) Там же, 1904—1905 гг., д 581, лл 10—15

коровы, вынес решение о взыскании с ответчика 37 крон. Но крестьянин-испольщик Ю. Железняк, «выигравший» судебное дело, ничего от этого не получил, так как за «помощь» со стороны адвоката экспозитуры он должен был уплатить гонорар в сумме 84 кроны²³⁰).

Многочисленные способы, применяемые ростовщиками для эксплуатации масс крестьянства Закарпатья, являются ярким подтверждением положения, выдвинутого К. Марксом и сформулированного им в словах: Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится прямо его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния²³¹).

Э. Эган в своем «мемориале» указывал, что мероприятия венгерского правительства, направленные на ограничение деятельности ростовщиков в закарпатской деревне (выдача крестьянам авансов под новый урожай из расчета 4,5 гульдена за метро-центнер, распоряжение министерства юстиции о привлечении к ответственности особо злостных ростовщиков и т. п.), не были действенными. «Должник сам не сделает доноса в суд, так как тогда он потерял бы всякий кредит, а если какого-нибудь ростовщика разоблачит священник или чиновник, то ростовщики или совершат поджог его дома или просто убьют его»²³²). Депутат венгерского парламента от Бережской жупы Ф. Бузат, выступая в нижней палате через пять лет после доклада Эгана, также отмечал, что ростовщики грабят и терроризируют население Бережской верховины, не останавливаясь ни перед какими средствами. «Они используют угрозы, поджоги, подкуп властей и свидетелей и даже покушаются на жизнь тех, кто пытается противодействовать их пагубной деятельности»²³³).

Э. Эган и уполномоченные экспозитуры горных районов приводили не мало фактов организованного насилия, применяемого ростовщиками для утверждения своего безраздельного господства в деревне²³⁴). Дом и хозяйственные постройки священника села Вербязи, пытавшегося организовать крестьян для получения в аренду государственных полонин, находившихся в руках крупных арендаторов-спекулянтов, были, по свидетельству Э. Эгана, подожжены три ра-

²³⁰) ГАЗО, ф 772, оп I, 1904—1905 гг. д 581, лл 10—15

²³¹) См К Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр 623

²³²) Указ. соч. Е. Эган, стр. 84.

²³³) ГАЗО, ф 772, оп I, 1903 г., д 469, лл 4—5

²³⁴) См там же, ф. 262, 1901 г., д 3058, лл 1—60, ф 772, оп I, 1897 г., д. 5, л. 1.

за в течение трех лет подряд. Священнику села Н.-Верецки так же за участие крестьян его прихода в торгах, назначенных дирекцией казенного имения на пастбищные угодья, ростовщики угрожали поджогом, а когда он застраховал свое имущество от огня, то спекулянты отомстили ему тем, что в одну ночь отрезали языки четырем лошадям священника. В Бережском комитате в селе Н.-Бистра местные ростовщики потребовали от председателя правления кредитного общества священника Г. Тегзе прекратить деятельность кооператива. Священник отказался выполнить это требование; вскоре принадлежащее ему сено, а затем и дом были подожжены²³⁵).

В 1898 году министр земледелия поручил благочинному в Н.-Верецках произвести в селах его деканата учет крестьянского скота и выяснить обеспеченность крестьянских хозяйств пастбищами и сенокосами. Явившиеся к священнику представители местных ростовщиков и арендаторов пастбищ и сенокосов посоветовали ему оставить эту затею, так как «злому человеку недолго пустить его добро с дымом». Напуганный священник отказался от выполнения задания министерства. На главного судью Свалявского округа, вынесшего несколько решений в пользу должников, дважды были совершены покушения²³⁶).

Если спекулянты и ростовщики действовали такими средствами по отношению к священникам и чиновникам, то «можно себе представить,—указывал Э. Эган,—какой тиранической властью они пользуются в деревнях, где староста, писарь и судья находятся в полной зависимости от них, или где ростовщик сам является судьей...²³⁷). Подкуп государственных органов и судей здесь настолько обычное явление, что редко когда крестьянин, затеявший судебное дело против ростовщиков, добьется своего»²³⁸).

Разгул ростовщичества в Закарпатье, особенно в Бережской жупе, принял в начале XX столетия такие масштабы и формы, что стал предметом обсуждения в венгерском парламенте²³⁹). В Мукачевский окружной суд поступили многочисленные заявления со стороны ростовщиков, требовавших продажи крестьянского имущества и земли за долги. Местные

²³⁵) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1897 г., д. 5, л. 1; указ соч. Е. Еган, стр. 66

²³⁶) Указ. соч. Е. Еган, стр. 68, 74.

²³⁷) Ярким свидетельством того, какой огромной силой являлись ростовщики и корчмари в закарпатской деревне, может служить тот факт, что в 37 селах (только по трем жупам) они были «избраны» крестьянами старостами (ростовщик А. Шпигель был старостой в селе Иглинц, торговец И. Тейтенбаум — в селе Ильница, корчмарь М. Фельдман — в селе Дусино, ростовщик Е. Готесман — в селе Долгом, корчмарь М. Видер — в селе Брустура и т. д.) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 307, лл. 16—18

²³⁸) Указ. соч. Е. Еган, стр. 70, 72.

²³⁹) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1903 гг., д. 302, лл. 1—50.

власти в условиях массового недовольства крестьян засильем ростовщиков и экзекуциями²⁴⁰) обратились к правительству с просьбой принять меры к ограничению ростовщичества.

Как сообщала будапештская газета «Magyarország²⁴¹», предложения выступавших по этому вопросу депутатов сейма сводились по существу к одному: ограничить наплыв евреев в Венгрию. В этом духе высказался граф Я. Эстергази и другие депутаты верхней палаты. Премьер-министр К. Селль заявил, что правительству известно о тяжелом положении населения Бережской жупы, которому независимо от национальности и вероисповедания правительство оказывает помощь в порядке осуществления «верховинской акции», но, помимо этого, указал Селль, необходимо в соответствии с высказанными соображениями в тронной речи Франца-Иосифа «урегулировать вопрос о переселении евреев из Галиции». Правительство, заключил премьер-министр, подготавливает по этому вопросу законопроект.

Министр юстиции Ш. Плош высказался за изменение существующего закона о продаже с публичных торгов земельных участков (параграф 156 закона LX 1881 года) и за дополнение его статьей о долговых обязательствах, возникших в результате «нечистых операций». Такими же общими рассуждениями и юдофобской направленностью отличались и выступления других членов правительства и венгерского парламента. Только депутат нижней палаты сейма Грабарь предложил для ослабления земельного голода и ростовщического гнета в Закарпатье продать малоземельным крестьянам по дешевым ценам 200 тыс. хольдов казенных земель²⁴²), но это предложение не встретило сочувствия со стороны членов правительства и венгерских магнатов. Никаких реальных последствий обсуждение этого вопроса в венгерском парламенте не имело. Имущество и земли многих сотен и тысяч крестьян Бережской и других закарпатских жуп были проданы за долги ростовщикам.

Распространение ростовщичества в Закарпатье чрезвычайно пагубно отражалось на развитии производительных сил, углубляя нищету и бедствия масс крестьянства, консервируя и возрождая кабальные, средневековые формы зависимости непосредственных производителей. Ростовщический капитал в той форме, в которой он присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя самого

²⁴⁰) Это вызвало, как указывал Кемени, массовое недовольство крестьян и многочисленные жалобы с их стороны (с жалобами к местным властям обращались крестьяне сел Брустура, Руська Мокра и др.). (См. указ соч Kémény G, стр 868).

²⁴¹) Газета «Magyarország» от 5 февраля 1902 года

²⁴²) См «Славянский век», № 37—38, Вена, 1902, стр 373, 374

способа производства; в которой существенной предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противопоставит ему как промышленный капитал, — такой ростовщический капитал, — указывал К. Маркс, — приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает это злополучное состояние, при котором общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве, за счет самого труда²⁴³).

3 ПАУПЕРИЗАЦИЯ И ВЫМИРАНИЕ ЗАКАРПАТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Веками закарпатоукраинский крестьянин мечтал о свободной жизни на своей земле; с нею он связывал свои чаяния о лучшей доле. Но освобождение от крепостной зависимости не принесло крестьянину ни подлинной воли, ни земли. Земля, простиравшаяся вокруг него, которую он обрабатывал своими натруженными руками, поливал своим потом, никогда не была его землей. Она принадлежала другим — знатым и богатым. Плоды земли, взращенные его трудом, никогда не были его достоянием. Он не знал вкуса пшеничного хлеба и жил впроголодь. Плоды земли присваивали другие, те же — богатые и знатные, а русину, как говорила пословица, «оставалось только горе». Труд закарпатского хлебороба на жалком, истощенном клочке земли, на «власнім ґрунті» никогда не был радостным. Земля была источником его существования, недостижимой мечтой поколений, впитавших в себя вековую приверженность к ней, и в то же время земля была проклятием его жизни, обездоленной, нищенской и голодной.

Крестьяне Венгрии, как говорилось в донесении русского консула в Будапеште (конец XIX столетия), «получив землю в свою частную собственность, стали быстро делиться. Земли, которой было достаточно поколению 40-х годов, стало совершенно недостаточно поколению 70-х. Кроме того, получив право распоряжения своею землею, которую прежде только пользовались, они получили вместе с тем и кредит под нее, и путем залога и продажи, значительная часть ее перешла в руки денежных людей... Оставшиеся же еще в руках крестьян наделы настолько измельчали, что не дают уже средств к существованию»²⁴⁴). Тем не менее, закарпат-

²⁴³) См. К. Маркс, Капитал, т III, 1950, стр. 610

²⁴⁴) АВГР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т. II, л. 433 об.

ский, как и венгерский крестьянин, продолжал с фанатической приверженностью цепляться за свою парцеллу, за свое номинальное право на нее. Но неумолимый ход общественно-экономического развития с железной необходимостью вел к разорению и вытеснению мелкого крестьянина. Казна, помещик, ростовщик — эта эксплуататорская «троица», — превратила его в батрака с наделом, в паупера.

Закарпатский писатель Е. Фенцик в своем стихотворении «На 1-е января 1880 года» в таких словах обрисовал нищету разоренных и голодных масс крестьянства Закарпатской Руси:

И хлеба просила Карпатская Русь,
Лишь ломоть насущного черного хлеба,
И хоть работала, трудилася, — ужь
В лохмотьях трясется голодна и бледа.
Забрали (корчмари), налоги, фискали,
При душечке теплой, что было у ней,
И с голым ребенком из избы своей
В мороз далеко в чужой мир отогнали.
Вот что нам дал ныне скончавшийся год!
Не знал он пощады, скупой и жестокий;
Служил он неправде, грабил наш народ,
И горе рассеял повсюду широко.

1880 год не являлся исключением. Эту характеристику положения Закарпатской Руси можно было бы без изменений распространить и на последующие десятилетия беспросветного прозябания закарпатской деревни. Через 15 лет после опубликования приведенного нами новогоднего стихотворения Е. Фенцика журнал «Листок», издававшийся им же, писал: «Народ нашей веры самый бедный народ в нашем отечестве»²⁴⁵).

«Тяжелая нужда», «невиданная нищета», «хронический голод», «вымирание угроруссов» — вот лейтмотив всех объективных исследований экономического положения закарпатоукраинских трудящихся во второй половине XIX столетия. Путешественники, этнографы, корреспонденты газет, даже некоторые венгерские чиновники — все, кому приходилось наблюдать условия жизни и быта русинов Закарпатья, рисовали поистине кошмарную картину.

Закарпатский писатель А. Митрак в своих «Путевых впечатлениях на Верховине» описывал одно из закарпатских сёл, Тюшку; в таких словах: «Тюшка, Тюшка, что за смутное, печальное место! Никогда я не видел такого смутного места. Кругом пустые горы; в узенькой долине бедные, дымом закуренные хижины, убогий деревянный храм... пустыньность, мертвенность...» Обращаясь к русинам Верховины, А. Митрак восклицал: «О, русский народ, чудную отчизну избрал

²⁴⁵) «Листок», № 1, 1 января 1895 года, стр. 4

ты себе!» и спрашивал: «Сам ли ты полюбил сии дикие горы, избрал себе тут жилище, или злые люди загнали тебя сюда? Или ты видел злобу и ненависть людскую, запрятал себя тут, чтобы под защитою гор сохранить свою веру, свой язык и обычаи?». Но Карпаты не защитили русина от беды и горя... «Алчность и жадность» торговцев, ростовщиков и корчмарей проникла и за горы; они, писал А. Митрак, «чужеядными животными питаются на теле твоём и сосут кровь твою...»²⁴⁶).

Закарпатская «экзотика» оставалась только в слащаво-приторных и лживых творениях наемных пиитов, прислужников венгерских господствующих классов, наблюдавших «красочно-красивый» край, «патриархальную жизнь привольных гуцулов-номадов» из окон вагона или из дворянского дормеза. Подлинная жизнь трудящихся Закарпатской Украины, превращенной чужеземными угнетателями в одну большую Тюшку, была настолько бедственной, что некоторые авторы с полным основанием сравнивали ее с условиями существования порабощенного капитализмом населения колоний. Можно сказать словами И. Франко, что русины Закарпатья с колыбели и до домовины жили с бедою «точно брат с сестрою» и их уделом была «вечная человеческая кручина»²⁴⁷).

Проходили десятилетия, столетия, а условия жизни и быта трудящихся Закарпатья, особенно верховинских областей, оставались неизменными. Даже в конце прошлого и в начале нашего века закарпатские крестьяне удовлетворяли свои насущные и бытовые потребности за счет изделий домашней промышленности, обрабатывали землю деревянными орудиями, одевались в изготовленную домашним способом одежду, освещали жилища свечными светильниками с овечьим жиром. Убогая обстановка верховинских лачуг, нищенская одежда и обувь — домотканые «киптары», «лейбики», грубые «гуни»²⁴⁸), «керпцы» или «ходаки» из сыромятной кожи²⁴⁹), измученный каторжной жизнью народ, забитый, приниженный, темный — вот как выглядела неприукрашенная закарпатская действительность.

Профессор Черновицкого университета Р. Кайндль в своей статье «Марамарошский край Венгрии» указывал, что население этой области поражало его своим жалким видом, убожеством одежды и домашней обстановки: «У всех этих людей в очах было видно горе и страдание. Впалые щеки и болезненно-бледные лица служили неопровержимым доказатель-

²⁴⁶) Газета «Свег», № 16, 14 (26) октября 1867 года

²⁴⁷) И. Франко, Избранные сочинения, т. I, стр. 49, 69.

²⁴⁸) Гуня, лейбик, сердак — виды верхней одежды.

²⁴⁹) Керпцы, ходаки, постолы — обувь из сыромятной кожи.

ством, что эти люди голодали даже во время жатвы... Нищета виднелась в каждом углу: в бедных хатах полное отсутствие малейших признаков зажиточности, в хлевах пустота...». Если русины Марамароша, заключал Р. Кайндль, не найдут работы на лесозаготовках, то «они погибнут, как это произошло уже с населением долины Рика»²⁵⁰). Русский автор В. И. Пономарев, побывавший в Закарпатье в конце XIX столетия, в таких словах выразил беспросветную нужду закарпатского крестьянина-верховинца: «...Покосившийся бревенчатый сруб с жалкими подслеповатыми окошками словно сам стыдится своего убожества, а внутренность избы подтверждает, что это нищета не показная, а настоящая, которую нечем прикрыть...»²⁵¹).

Г. А. Де-Воллан в своем этнографическом исследовании гуцульских районов Закарпатья, отмечая неописуемую бедность населения, наложившую тяжелую печать на все стороны их быта, указывал: «Верховинские сёла живописно лепятся на откосах гор и общий вид их издали очень красив. Но на самом деле, при близком рассмотрении, бедность и грязь бросается в глаза на каждом шагу. Жилище верховинца обыкновенно тесно, мрачно и неприятно. Воздух от копоти и от скота, который находится то же в хате, спертый, удушливый и крайне тяжелый. Заменяющие окна отверстия, величиной не более квадратного фута, не пропускают такого количества воздуха и света, чтобы атмосфера в комнате, особенно в зимнее время, была сносна для здоровья»²⁵²). И. Франко, рисуя картину нищеты гуцульской деревни, состоящей из черных хижин, писал:

Незаметно и трубы на крыше,
Утром дым всю хату заполняет,
Из-под стрех валит, клубится ниже,
Ест глаза и слезы выжимает ²⁵³

Некоторые авторы называли закарпатских русинов «вечно постыщимся народом». Это было правильно не только в переносном, но и в прямом смысле слова, ибо крестьяне-русины, выполняя предписания церкви, постились 238 дней в году, а хроническое недоедание было уделом целых поколений закарпатской деревенской бедноты. «Самоотречение нашего народа в некотором отношении удивительно. В ядении и одежде он так не разборчив, что с ним ни один туземный на-

²⁵⁰) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 21, лл. 96, 97.

²⁵¹) Указ. соч. В. И. Пономарев, стр. 52.

²⁵²) Указ. соч. Г. А. Де-Воллан, стр. 19. «Русины часто живут вместе с животными в деревянном доме размером в 8 сажень, где никогда не открывается окно», указывал И. Иллинь (указ соч. И. Перени, стр. 25).

²⁵³) И. Франко, Избранные сочинения, т. I, стр. 317.

род не может соперничать», — указывал с удовлетворением униатский журнал «Листок»²⁵⁴).

Пища гуцулов состояла обычно из овсяного пресного хлеба, называемого «отсыпкой», и из овсяного же киселя, а в праздники к этому добавлялись овсяные пироги с картофельной начинкой²⁵⁵). В южной части Верховины «отсыпку» заменял «токан» или «кулеша» — мамалыга — каша из кукурузы без всякого «помаста»²⁵⁶), заправленная «жетницей»²⁵⁷). Упоминаемый нами Иоганн Иллици, описывая нужду и бедствия крестьян-русинов, говорил, что местные власти «считали русина существом (стоящим) между человеком и животным и соответственно с этим обходились с ним. Венгерское дворянство угнетало и полностью обобрало их... Они очень плохо питались, едва знали другую еду, кроме овсяного хлеба... а мамалыга считалась лакомым кушаньем»²⁵⁸).

Большая часть крестьян, как свидетельствуют современники, употребляла мясо и «солонину» (сало) только по таким праздникам, как рождество и пасха, а пищевые жиры обычно заменялись овечьей сывороткой. Многие семьи не имели средств для того, чтобы приобрести соль и уксус²⁵⁹). Мясо диких животных, которыми изобиловали верховинские леса, дикая птица и рыба были совершенно не доступны крестьянам, так как охота и рыбная ловля являлись монополией помещиков-землевладельцев, и крестьянин, посягнувший на это право помещика или арендатора угодий, как браконьер, подвергался судебному преследованию.

У русинов Верховины, указывала газета «Свет», «каждоденного пропитания не выстает по скудости материальных средств»²⁶⁰). Своих продуктов питания у большинства закарпатских крестьян хватало в лучшем случае на полгода, а там наступал так называемый «передновок», т. е. 6—7 голодных месяцев²⁶¹). «До половины зимы каждый хозяин проедает все свои запасы, — писал Л. Василевский, — а с этого времени

254) «Листок», № 1, 1 января 1895 года, стр. 5.

255) См. указ. соч. В. И. Пономарев, стр. 52.

256) Помаст — жир.

257) Жетница — овечья сыворотка.

258) См. указ. соч. И. Перени, стр. 25.

259) Некоторые советские авторы, некритически восприняв приукрашенное изображение жизни и быта верховинцев буржуазными и униатскими прислужниками Габсбургов, идеализировали жизнь гуцулов в прошлом. См. этнографические главы книги В. Анучина и А. Спиридонова «Закарпатская область» (Географиздат, 1947), стр. 95, 96.

260) Газета «Свет», 8 (20) июля 1867 года.

261) Чтобы уплатить налоги, писала ужгородская газета «Kelet», крестьяне еще осенью продают урожай за бесценок, а оставшегося у них хлеба хватает только до рождества («Kelet», № 50, 14 декабря 1899 года, стр. 3).

вплоть до следующей жатвы он должен жить, покупая пищевые продукты в сельской лавке, где ему придется платить на 8—10% больше, чем в городе»²⁶²).

В 1896 году Г. Халас издал в Мукачево брошюру на венгерском языке под названием «Жизненный вопрос пятидесяти тысяч русских Бережской жупы»²⁶³), которая начиналась такими характерными для положения закарпатского крестьянства словами: «Тот, кому приходилось видеть семидесятилетнего русского крестьянина, который ест обваренный лопух, видеть людей уже три года не евших зернового хлеба, где только в исключительно хорошие годы достается кое-кому мяса. — тот ясно видит, что такое нищенское существование может привести лишь к вырождению или, в лучшем случае, к эмиграции и что здесь в первую очередь нужны не школы, а пища, если бы она и не была бы сразу воскресной курицей Генриха IV»²⁶⁴).

Беспристрастно описывал Э. Эган тяжелую нужду закарпатских крестьян и последствия их бедственного положения в своем докладе венгерскому правительству. «Русский крестьянин, — указывал он, — не видит целый год ни мяса, ни яйца, разве выпьет несколько капель молока, а в день пасхи съест кусок ржаного или пшеничного хлеба. Обычно его питанием является овсяная похлебка и, когда есть, картофель. Не удивительно, если в других горных краях мы видим рослых, крепких и здоровых людей, то в русском Подкарпатье встречаем людей, похожих на привидения: малокровных, изнуренных, пожелтевших, бессильных, шатающихся, непригодных к военной службе, золотушных, карликовых, приверженных с отчаяния к пьянству, обездоленных... и темных»²⁶⁵).

Депутат венгерского сейма Э. Барта издал в 1901 году в Клууже книгу под названием «В земле хазар», в которой определял положение закарпатских украинцев одним словом — «голод»... В хлебородной Венгрии, указывал он, есть область, где народ из года в год голодает. Всю жизнь он трудится в поте лица, чтобы поесть один раз досыта. Люди в горных районах Закарпатья, заключал Э. Барта, «сведены на положение скота»²⁶⁶). Даже парламентская комиссия, созданная для разработки мероприятий по оказанию помощи вымирающему населению Верховины, должна была признать, что жизненный уровень закарпатских верховинцев был в 3—4 раза ниже уровня крестьян долинных областей Венгрии. Если в равнинных районах, указывалось в меморандуме этой комис-

²⁶²) Указ соч. Л. Василевский, стр. 381.

²⁶³) Halász Géza, Ötvenezet Beregmegyei orosz letkérdése, Munk, 1896.

²⁶⁴) Цит. по указ соч. И Перени, стр. 131.

²⁶⁵) Указ. соч. Е. Эган, стр. 50

²⁶⁶) Указ соч. D. Richard, стр. 6

син. пища, потребляемая одним человеком в год, оценивалась в 103 форинта, то пища, потребляемая русином, — в 29 форинтов²⁶⁷).

Орган венгерской социал-демократической партии газета «Népszava» в статье «О состоянии питания населения Венгрии» указывала, что если население венгерских и румынских областей находится в сносных условиях, то русины и словаки питаются только капустой, фасолью и картофелем. Мясо они едят только в большие праздники, но часто можно встретить целые села, где на протяжении многих лет население даже не видит мяса. Если среднегодовое потребление мясных продуктов на душу населения Венгрии составляло 34,47 кг, а пшеничного хлеба — 43,91 кг, то в словацких и закарпатских жупах Нитранской, Оравской, Липтовской, Марамарошской, Тренчинской и Шаришской — только 8,25 кг мясных продуктов и 2,30 кг пшеничного хлеба²⁶⁸). Из валового сбора урожая зерновых в 1900 году на одну душу населения Закарпатья приходилось около 300 кг, а в венгерских областях почти в два раза больше.

В условиях тяжелого безземелья и разорения крестьянства Закарпатья огромные массы его влачили нищенское существование даже в лучшие годы, а неурожай, которые повторялись в закарпатских областях через 3—4 года, приводили неизбежно к голоду со всеми его драматическими последствиями. Голод во второй половине XIX столетия в Закарпатье стал явлением обычным. Урожай хлебов в крестьянских хозяйствах был мизерным. Даже министр земледелия Венгрии Игнац Дараньи в своем докладе императору от 24 января 1900 года вынужден был признать, что не только в неурожайные годы, но и в годы пониженных урожаев «рутенским» подданным угрожает голод, так как во многих местах крестьяне собирают только 2/3 посеянного зерна²⁶⁹). В лучшем случае мелкий крестьянин получал со своей земли 8—10 центнеров хлеба, в то время как в обыкновенный год даже беднейший крестьянин потреблял около 13 центнеров хлеба на семью в 5—6 человек²⁷⁰). И этот нищенский урожай закарпатский крестьянин нередко должен был, не имея средств к существованию, продавать спекулянтам за бесценок на корню, или собранный уже хлеб отдавать скупщику за полученный для уплаты налога аванс. «Благодаря барышничеству ни один земледелец не в состоянии продать свой хлеб сам», — признавался высокопоставленный чиновник министерства

²⁶⁷) См. указ. соч. Й. Перени, стр. 135

²⁶⁸) «Népszava», 20 апреля и 25 мая 1890 года (приводится по указ. соч. П. Гапак, стр. 57).

²⁶⁹) См. указ. соч. Кётёпу Г, стр. 849—850

²⁷⁰) См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 215

земледелия, говоря о положении крестьян северных областей Венгрии. Можно представить себе обеспеченность малоземельного закарпатского крестьянина хлебом в этих условиях после уплаты многочисленных налогов и поборов. Закарпатскому землеробу, как и его собрату венгерскому мелкому крестьянину, обычно обремененному большой семьей, оставалось только одно — голодать. Неизвестный украинский автор статьи «Венгрия и венгры» (конец XIX столетия) приво-дил выступление на съезде крестьянского союза одного из мадьярских крестьян, который в таких словах обрисовал по-луголодное существование венгерских землеробов: «Мы уже доведены до такой нищеты, что иногда просто сидим голод-ные. Мы работаем, трудимся, а что же нам за это? Где мы имеем тот хлеб насущный? Только разве в отчужде: «Отче наш, хлеб наш насущный даждь нам днесь...». Ну да тем не наешься»²⁷¹).

Многие разоренные вконец закарпатские крестьяне, не на-ходя заработка, вынуждены были одевать суму и с семьями идти по миру. Ни в одной области Венгрии, как свидетельст-вуют современники, не было столько пауперов, существую-щих только за счет подаяний. Еще И. Иллици в 50-х годах указывал на огромное количество нищих в русинских обла-стях²⁷²). В 1871 году в связи с разорением широких масс кре-стьянства Венгрии и ростом пауперизации министерство внутренних дел издало распоряжение, обязывающее крестьян-ские общины установить опеку над нищими. В 80-х годах чи-сло пауперов в закарпатской деревне, буквально вымиравших от хронического недоедания, настолько возросло, что местные власти должны были произвести учет их и оказать им сроч-ную помощь хлебом. В отдельных селах семьи полностью ра-зоренных крестьян, оставшиеся без хлеба, составляли от 10 до 30% всего населения. В селе Комлош (Угочская жупа), например, таких семей было 16 (59 душ), в большинстве сво-ем батраков с наделом (в числе их А. Чорба, имеющий 1 хольд земли и 8 чел. семьи, Я. Давид—безземельный и без-домный поденщик с 7 членами семьи); в селе Саразпоток в крайне бедственном положении находились 22 семьи в коли-честве 84 душ (наемные рабочие Л. Бугай, П. Кардон и др., обремененные большими семьями); в селе Боторч системати-чески голодали 48 семей (в числе 148 душ) сельскохозяйст-венных рабочих (Г. Гусат, П. Мартон, Л. Чорба, Д. Кречун и многие другие)²⁷³).

---

²⁷¹) Указ. соч. Дзендзелівський П. О., Штернберг Я. І., стр. 151.

²⁷²) Указ. соч. И. Перени, стр. 25.

²⁷³) ГАЗО, ф. 245, оп. III, 1880 г., д. 41, лл. 4—8.

Приводимые нами сравнения, характеризующие жизненный уровень крестьянства закарпатских и венгерских областей, отражают только общую тенденцию развития, но ни в коей мере, разумеется, не дают оснований для вывода о том, что положение мелкого земледельца в Венгрии существенно отличалось в лучшую сторону от условий жизни закарпатского крестьянина²⁷⁴). В Венгрии, как это научно доказано современными мадьярскими историками и советскими исследователями, происходил свойственный эпохе капитализма интенсивный процесс вытеснения и пауперизации мелкого крестьянства. Социально-экономическая сущность этого процесса как в Венгрии, так и в Закарпатье была одна и та же. Однако в Закарпатье, как колониальной области, угнетение масс трудящихся было возведено в квадрат, а разорение их, можно сказать словами В. И. Ленина, проходило «с невиданной быстротой, грубостью и жестокостью».

* *

Во второй половине XIX столетия гибель урожаев от стихийных бедствий, недороды, эпидемии растений и животных, вызывавшие голод, отмечены в закарпатских комитатах в 1851—1852, 1853—1854, 1863, 1865—1868, 1872—1873, 1880, 1889, 1891, 1892, 1894, 1896, 1899 годах. Архивные данные, свидетельства современников и другие источники рисуют кошмарные картины бедствий трудящихся закарпатских областей, особенно горных районов, охваченных голодом. «Счастливым был тот, писал один из современников, кто умирал»²⁷⁵).

В прошении на высочайшее имя прешевского греко-католического епископа Гаганца (1851 год) указывалось, что русинское население епархии находится в тяжелой нужде след-

---

²⁷⁴) Немецкая газета «Münchener Allgemeine Zeitung» (3 марта 1898 года) в статье «Венгрия как устрашающий пример» писала: В Венгрии 1,9 млн. безземельных сельскохозяйственных рабочих и 1,6 млн. мелких крестьян-собственников, которые страшно обременены долгами. «Нигде в Европе, говорилось в заключение статьи, крестьяне не живут в такой нужде, как в Венгрии». Вопреки этим общеизвестным фактам, реакционный чиновник русского консульства в Будапеште коллежский ассесор Приклонский, преклонявшийся слепо перед «высокой» западноевропейской буржуазной культурой, в своем обзоре аграрных отношений в Венгрии пытался не только преуменьшить масштабы разорения венгерского крестьянства, но и выдать его действительную нищету за какой-то «европейский» образец нищеты, которую-де в условиях России конца XIX столетия крестьяне рассматривали бы как «благдеяние». Он писал. «Прошлым летом я посетил несколько венгерских деревень, видел дома крестьян и их инвентарь, видел, как они живут. Они называют свое положение нищетой. В нищете их считают даже их принципиальные противники. Но если бы в такой нищете жили наши крестьяне, то они благословили бы свою судьбу..» (АВГР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 115, т II, л 443).

²⁷⁵) Газета «Bereg». № 37, 1888 год

стве повторяющихся из году в год недородов и полного отсутствия заработков. Урожай в 1846—1847 годах, сообщал епископ, был очень плохим. Из сел епархии бежало 18 тыс. чел. населения, спасаясь от голода и смерти. В 1848—1849 годах сёла епархии снова постиг неурожай. «...Несчастный народ питался листьями деревьев, молотыми корнями и травой, и счастлив был тот, кто мог заправить эту пищу горсткой овсяной муки». Люди пухли от голода и умирали; они съели всех животных, и дело дошло до того, что в селе Лехнице Спишской жупы голодные убили и съели 14-летнюю девочку²⁷⁶). Последующие годы (1849—1850) были также неурожайными; за это время умерло и переселилось из епархии в Банат и Трансильванию 25 тыс. человек. В 1851 году много посевов было уничтожено сильными дождями и наводнениями. Население осталось без всяких запасов продовольствия. Епископ просил правительство оказать помощь бедствующим крестьянам зерном и освободить их от уплаты податей на 1852 год²⁷⁷).

Газета «Magyar Hirlop» (от 10 февраля 1852 года) сообщала, что Ужгород наводнен огромным количеством нищих, бездомных и голодных людей, которые бежали, спасаясь от смерти, из верховинских областей Закарпатья и Галиции. Власти высылают их в административном порядке на места прежнего жительства, но это не помогает. Газета, ссылаясь на материалы расследования, проведенного местными властями, сообщала, что зимой 1851 года в Ужгороде много «бетьяров» (босяков) умерло от «простуды».

Зимой 1853—1854 годов горные районы Марамароша и Бережского комитата снова были охвачены голодом. Пострадавшим была оказана незначительная помощь мукой и зерном из военных складов. В Марамарошском комитате помощь получили 3 тыс. чел., а в Бережском — 5 тыс. чел., в то время как число голодающих измерялось десятками тысяч человек²⁷⁸). Характерно, что когда военные власти выделили голодающим пшеничную муку, то жупные управления потребовали заменить ее кукурузной, мотивируя это тем, что русинский мужик (ragaszt) не имеет понятия о пшеничной муке и не знает как ее употреблять в пищу...

На Ужанской верховине, особенно в Турянской долине, как сообщала газета «Свет» за 1868 год, распространился голод вследствие «большелетних неурожаяев и прошлогоднего наводнения и морозов»²⁷⁹). Отмечая, что предпринятое мест-

---

²⁷⁶) Цит. по указ соч. И Перени, стр. 39

²⁷⁷) Там же.

²⁷⁸) Там же, стр. 40.

²⁷⁹) «Свет», № 4, 24 января (8 февраля) 1868 года

ными властями «собрание даров у заможнейших» в пользу голодающих никаких результатов не дало, газета указывала: «Голод, который и доселе уже многих бедных обывателей здешних принудил питаться отрубями и сечкою, если помощь свыше не приспее, смертоносным сделается»²⁸⁰).

Особенно широкие размеры принял голод в 1880 году, охвативший многие районы Закарпатья. Крестьяне сёл Оленово, Росош, Душино и других, как сообщала газета «Bereg», перемалывали на муку кукурузные кочаны, а многие, не имея и такой пищи, ходили с сумой, собирая милостыню. На Ужанской верховине, по сообщениям местной печати, только $\frac{1}{3}$ населения была обеспечена кукурузным хлебом; остальные питались суррогатами. Среди крестьян распространился брюшной тиф, и многие умирали от голода²⁸¹). Сведения об этом проникли и в заграничную печать. В частности, издававшиеся в России газеты «Голос» и «Moskauer Zeitung» сообщали, что голод в русинских комитатах превратился в народное бедствие. Население, вынужденное продавать для приобретения хлеба свое последнее имущество, разорено; в сёлах неизмеримо развилось нищенство, многие умирают от голодного тифа, экзекуторы неистовствуют, население массы эмигрирует в Америку. Частные благотворительные общества не могут удовлетворить потребности голодающих, а правительство ассигнует на эти цели незначительные средства. В частности, указывали русские газеты, мукачевский епископ, получающий в год 40 тыс. форинтов дохода, пожертвовал в пользу голодающих только 50 форинтов²⁸²).

Жупан Ужгородского комитата доносил правительству в феврале 1880 года, что в селе Фекете-Мезе на почве голода умерло 2 человека²⁸³). На предложение министра внутренних дел представить данные для опровержения сообщений иностранных газет о тяжелых последствиях голода, Ужгородское жупное управление в августе 1880 года подтвердило широко распространенное голода на Ужанской верховине. В донесении жупана говорилось, что в сёлах комитата зарегистрировано 3 случая голодной смерти, а 153 крестьянина, гонимые нуждой и голодом, эмигрировали за океан²⁸⁴). В донесении главного жупана Бережского комитата также указывалось, что в сёлах свирепствует голод и, «несмотря на принятые меры, поступили сведения о смертных случаях. К сожалению,

²⁸⁰) «Свет», № 6, 10 (22) февраля 1868 года. Через три года Ужанскую верховину постиг новый голод, охвативший тысячи крестьянских семей (ГАЗО, ф. 7, оп. III, 1890 г., д. 2693, лл. 14—16).

²⁸¹) Газета «Bereg», № 2, 1880 год, «Ungvár», №№ 4 и 7, 1880 год.

²⁸²) ГАЗО, ф. 4, д. 43, л. 1.

²⁸³) Там же, д. 44, л. 12.

²⁸⁴) Там же, д. 43, лл. 3—5.

проведенное расследование в трех случаях установило голодную смерть»²⁸⁵).

Вопреки этим фактам, австро-венгерские правительственные органы заявили о «несоответствии» действительности сведений, опубликованных в русских и других газетах. В опровержении, опубликованном министерством иностранных дел Австро-Венгрии, по поводу голода 1880 года и его последствий в русинских областях говорилось: «Согласно вполне достоверным официальным донесениям в бедствующих областях каждая семья, каждое лицо без различия национальности совершенно обеспечено хлебом. Случаев голодной смерти не было и не могло быть». Сообщение русских газет по поводу голода в русинских областях, говорилось в этом «опровержении», следует рассматривать как «клевету панславистских агитаторов...»²⁸⁶).

Начальник Свалявского округа М. Болайти в своем докладе за 1897 год указывал, что крестьяне его округа, лишённые земли, превратились в земледельческий пролетариат, который не может найти применение своему труду. Большинство крестьян, еще сидящих на земле, имеет участки размером в 2—3 хольда и только немногие — по 6 хольдов. Даже «лучшие хозяева» не собирают столько урожая, чтобы обеспечить пропитание семьи и обсеменение своих полей. Нищета русинов приняла такие размеры, писал начальник округа, что я «каждый год должен стараться получить от государства помощь, так как иначе народ погиб бы от голода»²⁸⁷).

В отчете жупному собранию поджупан Угочского комитета Э. Бечки отмечал, что положение крестьян в 1899 году было очень тяжелым вследствие недорода, и дело «дошло до того, что на протяжении нескольких месяцев население голодало»²⁸⁸), а начальник Голмиского округа доносил в декабре 1899 года о том, что в ряде сёл (Комлош, Нодь-Торна, Чорнатё и др.) свирепствует голод и населению нужна срочная помощь продовольствием²⁸⁹).

В 1900 году голод распространился на Иршавский округ Бережской жупы²⁹⁰), а в 1902 году на все закарпатские комитаты. Ужгородские газеты сообщали, что русинам Закарпатья угрожает ужасный голод. В некоторых местах народ не имеет уже ни хлеба, ни картофеля, а в других — имеющиеся запасы хлеба дадут возможность дотянуть только до рождества. В Бережской жупе голод свирепствует в десятках сел, в кото-

²⁸⁵) Цит по указ. соч. И. Перени, стр 25

²⁸⁶) Там же

²⁸⁷) ГАЗО, ф. 772, оп 1, 1897 г., д. 3, лл 1 об—2.

²⁸⁸) Там же, ф. 245, 1900 г., д. 783, л. 2.

²⁸⁹) Там же, д. 785, л. 1.

²⁹⁰) Там же, ф. 772, оп. 1, 1900 г., д. 113, лл 5—6

рых крестьяне не имеют ни хлеба, ни одежды²⁹¹). Уполномоченный экспозитуры горных районов по Бережской жупе Э. Фишер доносил, что запаса хлеба у населения Бережской верховины хватит только до нового года. С января нужна срочная помощь голодающим, число которых достигнет 100 тыс. человек. Уже сейчас (октябрь 1902 года), как указывал Э. Фишер, крестьяне некоторых сёл вынуждены покупать у мукачевских торговцев в кредит кукурузную муку и рожь под залог земли или за летние отработки, что является «прямым путем к полному разорению»²⁹²). Будапештская газета «Alkotmány»²⁹³) в статье «Голод 20 тысяч человек в горных краях» писала: в 30 сёлах Бережской жупы 20 тысяч человек остались без хлеба, ходят в лохмотьях и «с отчаянием взирают на свое будущее».

Уполномоченный экспозитуры по Ужгородской жупе Н. Рохлитц также указывал в своем донесении, что на Ужанской верховине вследствие ранних заморозков погибла $\frac{1}{4}$ посевов овса и картофеля. В феврале, писал уполномоченный, население исчерпает запас своих продуктов питания и начнется голод²⁹⁴). Я. Мишкольци, уполномоченный экспозитуры по Марамарошскому комитату, сообщал в октябре 1902 года, что населению жупы угрожает голод, так как значительная часть посевов погибла. Спекулянты уже подняли цены на кукурузу до 16,8 кроны за центнер. Население находится в тяжелом положении и не может уплачивать налоги. Крестьяне, писал Я. Мишкольци, говорят: «Через 2—3 недели нам нечего будет есть, как же мы можем вносить еще налоги. Пусть паны забирают нашу последнюю кукурузу и пусть видят, какой горький хлеб мы едим, но и этого скоро не будет»²⁹⁵).

В 1903—1904 годах, вследствие сильной засухи, в закарпатских жупах погибла кукуруза, являвшаяся главным продуктом питания многих крестьян. Голод охватил ряд районов В селе Гетинь (Угочская жупа), как писал в местной газете учитель Ш. Теслович, из 98 крестьян имеют запасы хлеба только 4—5 человек. Дети приходят в школу голодными. Из 38 учеников имели по куску хлеба только 7 человек; они, как писал учитель, «вырывают хлеб друг у друга прямо изо рта»²⁹⁶).

²⁹¹) См. «Известия С.-Петерб. славянского благотворительного общества», № 3, декабрь 1902 года, стр. 45—55; «Славянский век», № 57, 1902 год, стр. 274.

²⁹²) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 343, лл. 14—85.

²⁹³) «Alkotmány», № 268, 11 ноября 1902 года.

²⁹⁴) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 343, лл. 17—21.

²⁹⁵) Там же, л. 51.

²⁹⁶) Газета «Ugocsa», № 10, 8 марта 1903 года

Распространяемые официальной венгерской печатью и мадьярскими буржуазными авторами данные о размерах государственной помощи голодающим крестьянам Закарпатья были чрезвычайно преувеличены. Так, Иоганн Иллинец в этой связи писал: «Ввиду того, что в этих краях обычно каждые 5 лет происходят неурожай, все доходы от налогов употребляются на распределение пособий»²⁹⁷). Это утверждение не соответствует истине, так как помощь со стороны правительства сёлам, пострадавшим от стихийных бедствий, крестьянским хозяйствам в неурожайные годы была мизерной по своим размерам и составляла сотую долю собранных с населения Закарпатья налогов. Пожертвования из личных средств императора селам, пострадавшим от пожара (Комаровци, Стрипа, Кеменец, Дарац, Дубровка и др.), в размере 200—300 форинтов²⁹⁸) преследовали чисто пропагандистские цели — показать «отеческую заботу» монарха о своих подданных, и не имели никакого практического значения в восстановлении хозяйств крестьян-погорельцев.

Незначительные ссуды со стороны государства крестьянам районов, охваченных неурожаями, и ассигнования для помощи голодающим не могли сколько-нибудь серьезно облегчить нужду и бедствия масс крестьянства. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные данные. Так, крестьяне сёл Ярок и Ореховица жаловались в 1849 году на администрацию ужгородской казенной доминиции, которая требовала с крестьян полной оплаты стоимости хлеба, полученного ими в виде помощи три года тому назад²⁹⁹). В 1873 году, как сообщала газета «Карпат», император пожертвовал 3 тыс. форинтов «в вспомоществование убогих и бедствующих жителей Унгварской верховины»³⁰⁰), на которые можно было приобрести в лучшем случае 3 тыс. пудов хлеба. Если учесть, что голодающего крестьянского населения в этом районе насчитывалось не менее 25 тыс. человек, то царское пожертвование могло обеспечить хлебом голодающих только в течение недели, а голод свирепствовал там на протяжении двух лет.

В 1880 году для помощи голодающим горных областей Закарпатья правительством было выделено также 3 тыс. форинтов ссуды³⁰¹). В течение четырех лет, отмеченных мас-

²⁹⁷) Цит по указ соч. И. Перени, стр. 25

²⁹⁸) ГАЗО, ф. 4 дд. 18, 27, 59, 72, 93, 108, 178.

²⁹⁹) См. указ. соч. И. Перени, стр. 29. За выданную ссуду зерном в 1871 году за крестьянами Ужгородской жупы числилась недоимка в 4 тыс. форинтов, которую через 20 лет было предписано властями взыскать в принудительном порядке (ГАЗО, ф. 7, оп III, 1890 г., д. 2693, лл. 14—16)

³⁰⁰) Газета «Карпат», № 4, 2 августа 1873 года

³⁰¹) ГАЗО, ф. 4. д. 33, л. 4.

совыми голодовками (1852, 1865, 1866 и 1880), крестьянам 28 сёл В.-Березнянского округа выдавались денежные ссуды из 3% годовых. Однако эти ссуды во многих случаях не только не облегчали, а, наоборот, ухудшали и так тяжелое положение крестьян. Как доносил начальник этого округа, из государственных ссуд, выданных в 1852, 1865 и 1866 годах, крестьяне получили мало, так как «бессовестные чиновники подсунули крестьянам подписать расписки в получении ссуды, а деньги присвоили себе»³⁰²). К 1891 году по ссудам предшествовавших лет за крестьянами округа числилось еще 5648 форинтов задолженности, из них ссуды 4232 форинта и процентов по ссуде—1416 форинтов (село Турья Пасика — 278, село Турья Ремета — 169, село В.-Турица — 203 форинта и т. д.)³⁰³). Доведенное до крайней нищеты население. — писал начальник В.-Березнянского округа, — «готово питаться как скот, только, чтобы не прибегать к ссудам. Многие крестьяне переходят в Галицию, в горные области, нищенствуют и ищут работы на стороне, чтобы им только не получать государственной помощи»³⁰⁴).

В 1880 году, после тяжелого недорода, главный жупан Ужгородского комитата просил выделить для приобретения посевного материала крестьянами ссуду в размере 80 тыс. форинтов³⁰⁵), но министерство финансов ассигновало для этой цели только 15 тыс. форинтов, повысив процент по ссуде в два раза (вместо 3% взымалось 6% годовых). Эта ссуда была распределена между крестьянами 65 сёл небольшими суммами по 100—150 форинтов. Несмотря на строгие меры, принимаемые правительственными органами, разоренные крестьяне Ужгородской жупы даже через 17 лет не могли погасить взятую ссуду и проценты по ней. К 1898 году задолженность по ссуде 1880 года составляла 6508 форинтов (ссуды 3122 и 3386 форинтов процентов)³⁰⁶); так как возмещение процентов по «человеколюбивым пособиям» было не под силу крестьянам³⁰⁷).

В 1894 году, несмотря на значительный недород, правительством была выделена мизерная ссуда для закупки посевного материала крестьянами Ужгородской жупы в размере 500 форинтов³⁰⁸). На эти средства было приобретено 69 центнеров посевного материала, распределенного между 580 крестьянскими хозяйствами 32 сел³⁰⁹); в среднем на одно

³⁰²) ГАЗО, ф. 5, д. 252, лл 9—10.

³⁰³) Там же, л. 16.

³⁰⁴) Там же, л. 10.

³⁰⁵) Там же, ф. 4, д. 44, л 3 об.

³⁰⁶) Там же, д. 326, лл 10—11

³⁰⁷) Указ соч. П. Перени, стр 131

³⁰⁸) ГАЗО, ф. 4, д. 246, л 1

³⁰⁹) Там же, лл. 14—42.

хозяйство приходилось 7 кг кукурузы, 0,7 кг овса и 0,3 кг клевера. Крестьяне Капушанского округа, как доносили местные власти, отказались получить посевной материал в виде ссуды, считая это для себя невыгодным³¹⁰). Как указывал в своем донесении уполномоченный экспозитуры по Ужгородской жупе (1902 год), «народ отказывается брать хлеб в кредит, так как за розданную голодающим кукурузу еще в 1871 году нотари принуждали крестьян покрывать несколько раз одну и ту же задолженность», а крестьяне села Малая Стужица, крайне нуждающиеся в помощи, также отказались получить государственную ссуду, так как они «не расплатились еще за хлеб, полученный ими в 1880 году»³¹¹). Как сообщала газета «Ungvár Közlöny»³¹²), некоторые села в 1903 году отказались от государственной помощи, так как с них взыскивают старую задолженность по два-три раза. Из проданной в этом году кукурузы немало было куплено священниками, нотариами и кулаками, которые продавали кукурузу по спекулятивным ценам голодающим крестьянам*.

Все приведенные нами данные свидетельствуют о том, что голод в закарпатской деревне во второй половине XIX столетия был явлением обычным, а государственная помощь голодающим не только не избавляла население закарпатских комитатов от новых лишений и бедствий, но ложилась дополнительной тяжестью на крестьянские хозяйства, увеличивая их задолженность.

**

Закарпатская Украина являлась одной из областей самой высокой смертности в Европе. Инфекционные заболевания, принимавшие формы эпидемий и уносившие тысячи и тысячи жизней, являлись следствием нищеты, хронического недоедания, голодовок и каторжного труда, на которые были обречены массы крестьянства правящими классами Австро-Венгрии. Мелкий крестьянин, указывал В. И. Ленин, «может работать и работает с той сверхнормальной напряженностью, которая изматывает его нервы и мускулы гораздо быстрее нормального»³¹³). Даже буржуазная венгерская газета

³¹⁰) ГАЗО, ф. 4, д. 246, л. 5

³¹¹) Там же, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 343, лл. 17—28 В 1902 году экспозитурой было продано голодающим 23 тыс. центнеров кукурузы по цене 13,7 кроны за центнер (часть кукурузы была продана в рассрочку на 4 года), а в 1903—1904 годах было продано 27 тыс. центнеров, но уже по цене 15 крон за центнер (часть хлебной ссуды была дана в рассрочку на один год из 6% годовых). См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902 г., д. 343, лл. 1—17; 1902—1903 гг., д. 347, лл. 1—50; 1903 г., д. 496, лл. 60—70; «Славянский век», № 60, 1903, стр. 377.

³¹²) Газета «Ungvári Közlöny», № 10, 5 марта 1903 года

³¹³) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 113.

«Határszéli újság» должна была признать, что «нигде в мире крестьяне не работают так тяжело», как в Закарпатье, и «только для того, чтобы не умереть с голода»³¹⁴).

Официальная венгерская статистика приводит следующие данные, характеризующие общую смертность в Закарпатье³¹⁵).

Таблица 5

Название жупы	Число умерших на 1000 душ населения		
	1876 год	1894 год	1900 год
Бережская	33,8	31,7	28,1
Марамарошская	29,0	36,1	30,1
Ужгородская	34,2	34,4	25,9
Угочская	31,7	32,8	28,8

Таким образом, в 1876 году общая смертность в закарпатских комитатах колебалась в пределах 29,0—34,2, в 1894 году 31,7—36,1 и в 1900 году 25,9—30,1 на 1000 душ населения, достигая в конце XIX столетия в Марамароше 30—36 чел. Смертность в Закарпатье была значительно выше не только по сравнению с европейскими странами, где в XIX веке смертность составляла в среднем 20—25 чел. на 1000 душ населения, но и по сравнению со смертностью в Венгрии в целом. В начале XX столетия, по данным «Славянских известий», в Венгрии на 1000 душ населения умирало от 17 до 31,4 чел. (среди еврейского населения смертность составляла 17 чел. на 1000 душ, немецкого — 24,1 чел., мадьярского — 24,8 чел., румынского — 28,1 чел., словацкого — 29,6 чел., сербского — 31,4 чел.)³¹⁶).

Многочисленные архивные документы и статистические данные свидетельствуют о том, что закарпатские области в XIX веке представляли собой постоянно действующий очаг эпидемий. Приводимая табл. 6, показывающая причины смертных случаев, подтверждает это положение³¹⁷).

Как видно из приведенных данных, в конце XIX столетия смертность от инфекционных заболеваний по закар-

³¹⁴) Газета «Határszéli újság», № 23, 1916 год.

³¹⁵) His, 1879, стр. 49, 62; Msé, III, 1896, стр. 57—58; Kjsé, 1901, стр. 366, 367.

³¹⁶) См. «Славянские известия», № 8, ноябрь-декабрь 1906 года, стр. 646. По официальным данным, в 1899 году в Венгрии умерло 27 человек на 1000 душ населения (Msé, 1899, II, 1900, стр. 352).

³¹⁷) Msé, III, 1896, стр. 78—85; Kjsé, 1901, стр. 387, 388; Msé, IX, 1902, стр. 48—49.

Таблица 6

Годы	Общее число умер- ших	Из них умерло					
		от инфекц. болезней		от других болезней		нестественной смертью	
		коли- чество	%	коли- чество	%	коли- чество	%
1894	29292	7477	25,5	21627	73,8	188	0,7
1900	21322	6442	30,2	14174	67,9	399	1,9

патским комитатам возросла с 25,5 до 30,2% (Угочский комитат — с 23,4 до 29,0%, Бережский — с 25,5 до 28,4%, Марамарошский — с 23,6 до 30,4%, Ужгородский — с 31,3 до 34,0%)³¹⁸). Увеличение за пять лет, с 1894 по 1900 год, более чем в два раза умерших неестественной смертью надо отнести главным образом за счет возрастания самоубийств на почве безысходной нужды, разорения и голода. По Венгрии в целом в 1901 году удельный вес умерших от инфекционных заболеваний составлял 24,7%, т. е. на 5,6% меньше, чем в закарпатских комитатах.

Эпидемии холеры, поражавшие закарпатские области на протяжении многих столетий, прекращаются только в конце XIX века. Особенно губительной была эпидемия 1872 — 1873 годов. Как писала газета «Карпат», «зараза холерична густо берет жертвы свои на нашей верховине Ужанской, и то можно казати по всем селам, до сих пор найтвердше в селлах: Камяница, Перечин, Раково, Пасека, Мокрое, Поляна Быстрая. В Унгваре также сильно действует»³¹⁹). Последняя вспышка холеры в Закарпатье отмечена в 1894 году, когда только в Марамарошском комитате умерло 230 человек.

Особенно высокую смертность давали желудочно-кишечные заболевания, ангина, тифы, оспа и туберкулез. От желудочно-кишечных заболеваний в 1894 году умерло 1493 чел., в 1895 году — 1506, что составляло 20% всех умерших от инфекционных болезней в закарпатских комитатах (в Венгрии смертность от этого вида заболеваний не превышала 5%). От 30 до 50% заболевших ангиной умирали. Так, например, с ноября по февраль 1890 года в селе Люга из

³¹⁸) См. Statistická príručka R. Cs., 1920, стр. 25

³¹⁹) «Карпат», № 1, 12 (29 июля) 1873 года. По официальным данным, в 1872—1873 годах в закарпатских жупах больных холерой считывалось 25679 чел. (3,8% всего населения), из них в Бережской жупе — 9529 чел. (5,98% населения) и в Ужгородской жупе — 8306 чел. (6,38% населения). Из общего числа заболевших холерой умерло 11617 чел. (42,24%). В Венгрии в целом заболело холерой 400345 чел. (3,6% всего населения), из них умерло 170028 чел., или 42,47% (см. Msé, 1873, III, 1874, стр. 84—91).

106 чел., заболевших ангиной, умерло 56 (52,8%), в селе Вышка — из 54 чел. умерло 25 (46,3%)³²⁰. За вторую половину 1895 года³²¹) заболевание ангиной было зарегистрировано в 36 селах Ужгородской жупы; из 129 больных умерло 38 (29,5%)³²²). За первое полугодие 1899 года в 16 селах этой же жупы заболело ангиной 27 чел., из которых умерло 10 (30,7%)³²³).

Систематически из года в год многие села Закарпатья охватывала эпидемия тифа, уносившая сотни жизней³²⁴). Медицинской помощи больные не получали, а пользовались домашними средствами лечения — уксусом и луком, как это было, например, зимой 1904—1905 годов, когда эпидемия тифа распространилась среди рабочих, занятых на строительстве железной дороги в районе села Березное³²⁵). Высокой также была смертность и от оспы. Так, в декабре 1891 года в пяти селах (Анталовци, Малая Солотвина, Горльо, Андрашевци, Арок) из 3406 чел. населения заболело оспой 166 чел., из которых умерло 35 (21%)³²⁶). В апреле 1892 года из 1623 чел. населения сел Ярок, Кеменце и Рамезан заболело оспой 290 чел., из них умерло 108, т. е. 37%³²⁷).

Страшным бичом закарпатской деревни являлся туберкулез, распространявшийся особенно в среде низших, беднейших слоев населения. В 1894 году умерло от туберкулеза в закарпатских областях 4263 чел., а в 1895 году—4360 чел.³²⁸), что составляло по отношению ко всем умершим соответственно 14,6 и 15,9%, а по отношению к умершим от инфекционных заболеваний — 57,0 и 57,2%³²⁹). Только в декабре 1904 года в одной Ужгородской жупе умерло от туберкулеза 36 чел.³³⁰).

³²⁰) ГАЗО, ф 5, д. 240, л 8 об; д. 560, л 44

³²¹) Там же, д. 560, лл. 64—68.

³²²) Там же

³²³) Там же, д. 1388, л 15.

³²⁴) В 1899 году от брюшного тифа умерло 494 чел., что составляло 8% к числу умерших от инфекционных заболеваний (см. Msé, 1899, II, 1900, стр 340—345).

³²⁵) См. «Ungvári Közlöny» от 13 апреля 1905 года.

³²⁶) ГАЗО, ф 5, д. 336, лл. 62—73.

³²⁷) Там же, л 54

³²⁸) В Венгрии умерло от туберкулеза в 1900 году более 60 тыс. человек (см указ. соч. А Хевеши, стр. 153)

³²⁹) Мероприятия по борьбе с туберкулезом, как сообщал в своем отчете за 1899 год поджупан Угочского комитета, сводились к тому, что в некоторых селах были проведены врачами лекции, а в присутственных местах установлены плевательницы (см. ГАЗО, ф 245, 1900 г., д. 783, л. 3). В течение 1900—1910 годов из 69717 умерших от инфекционных заболеваний в закарпатских комитатах скончалось от туберкулеза 27894 чел., т. е. 40,4%

(см. Statistická príručka R. Cs., стр 25).

³³⁰) См. «Ungvári Közlöny» от 13 апреля 1905 года.

Тяжелейший колониальный гнет, давивший на массы закарпатского крестьянства в течение столетий, обусловил распространение патологических явлений и рост числа больных, относимых официальной статистикой к числу «дефективного населения». Еще М. Д. Литухин в своих воспоминаниях в конце первой половины XIX столетия указывал, что он нигде не встречал столько, как в Закарпатье, «больных, горбатых, хромых и других разных калек: народ видимо бедный, забитый, загнанный»³³¹). Иоганн Иллици подчеркивал распространение в русинских областях венерических болезней³³²) и «общей дегенерации»³³³). Об этом же говорил в своем докладе и Э. Эган. По данным официальной статистики, в закарпатских областях в конце XIX столетия «дефективное население» (слепые, глухонемые и умственно неполноценные) составляло 0,6% общего числа населения, а в Венгрии в целом — 0,48%. В 1895 году в закарпатских областях насчитывалось больных этой категории 2460 чел., а в 1900 году — 4027 чел.³³⁴). В Ужгородском комитате слепых, глухонемых и умственно отсталых приходилось 8,3 чел. на 1000 душ населения³³⁵).

Здравоохранение в закарпатских комитатах стояло на самом низком уровне в Европе. Об этом свидетельствует приводимая ниже табл. 7³³⁶).

Как видно из приведенных данных, в конце XIX столетия в закарпатских областях свыше 30% населенных пунктов не входило в состав врачебных округов, т. е. примерно 1/3 населения была лишена всякой медицинской помощи. На 10000

³³¹) Указ. соч. М. Д. Литухин, стр. 39.

³³²) По официальным данным, в 1872 году в трех закарпатских жупах было зарегистрировано 1373 чел. больных венерическими болезнями (1071 чел. в Марамарошской жупе), из которых больные сифилисом составляли 88,5% (наследственным сифилисом страдало 4,2% больных). В Венгрии из 17304 чел. больных венерическими болезнями сифилитики составляли 78,3%. (см. Msé, 1873, II, 1874, стр. 108—114).

³³³) Приводится по указ соч. И. Перени, стр. 25

³³⁴) Msé, III, 1896, стр. 44, Msé, IX, 1902, стр. 26

³³⁵) Убедительным свидетельством того, насколько были подорваны жизненные силы закарпатских трудящихся, являются данные о физическом состоянии рекрутов. Как указывал Э. Эган, в горных областях Закарпатья многие молодые крестьяне были непригодны к военной службе (см. указ соч. Е. Эган, стр. 50), а И. Бидерман по этому поводу писал: спишаки (русины Спишского комитата. — И. К.) и крайние (русины Земплинского, Шарнишского и Абауйского комитатов. — И. К.), вследствие нищеты, голода и распространения алкоголизма, отличаются слабым телосложением, болезненным видом и низкорослостью. Они давали самый незначительный процент принятых в армию (см. указ. соч. Biedermann I., I, стр. 92). В Ужгородской жупе в 1883 году из 2467 рекрутов оказались годными к военной службе только 522, или 21,2% (см. ГАЗО, ф. 7, оп. III, 1883—1884 гг. д. 2337, лл. 15—32).

³³⁶) Msé, III, 1896, стр. 69, 75; Kjsé, 1901, стр. 402—403; Msé, IX, 1902, стр. 64—65

Таблица 7

Годы	% населенных пунктов, входящих в состав врачебных округов	Количество врачей	Количество акушерок	Количество аптек	Больницы		Колич. инфекц. ка-раитинов
					колич. больниц	колич. коек	
1895	—	102	242	56	8	531	—
1900	68	108	222	54	13	673	7
1901	67	110	239	55	13 ³³⁷⁾	695	7

душ населения Закарпатья приходилось 1,4 врача, 3 акушерки, 0,7 аптеки, 0,2 больницы и 9 больничных коек³³⁸⁾. Если Венгрия занимала одно из последних мест в Европе в области здравоохранения³³⁹⁾, то закарпатские жупы были наименее обеспечены медицинскими кадрами и лечебными учреждениями среди других комитатов Венгрии (на 10000 душ населения Венгрии, включая Хорватию, Словению и Семиградье, приходилось в конце XIX столетия в 2—3 раза больше медицинских работников, аптек, больниц и больничных коек, чем в закарпатских областях)³⁴⁰⁾. Стационарное лечение было недоступно крестьянам. За каждый день пребывания в больнице взималась плата в размере от 42 до 84 крейцеров³⁴¹⁾. Поэтому крестьяне вынуждены были обходиться без медицинской помощи или даже скрывать больных, чтобы избежать непосильных расходов, связанных с их лечением³⁴²⁾.

³³⁷⁾ Накануне первой мировой войны в Закарпатье насчитывалось 12

больниц с 1302 койками (см. Statistická príručka R. Cs., стр. 32), причем все больницы были сосредоточены в Ужгородском и Бережском комитатах; в верховинских районах и в Угоцкой жупе больниц не было.

³³⁸⁾ На излечении в городской больнице Ужгорода в течение года находилось в среднем от 1500 до 2000 больных, а в городе Берегове — от 600 до 900 человек; больные в Берегове обслуживало только два врача (см. ГАЗО, ф. 245, 1882, д. 124, лл. 20—30, ф. 7, оп. III, 1886 г., д. 2597, лл. 11—13; ф. 262, 1898 г., д. 2894, лл. 1—16).

³³⁹⁾ Лидер «Национальной партии» граф Аппони, выступая в венгерском парламенте (март 1898 года), указывал на «жалкое состояние народного здоровья» в Венгрии (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 110, л. 23 об.).

³⁴⁰⁾ В 1872 году в закарпатских жупах насчитывалось 67 врачей, а в Венгрии (с Семиградьем) — 2945; на 1000 душ населения приходилось в Закарпатье менее 1 врача, а в Венгрии — более 2 врачей (см. Msé, 1873, II, 1874, стр. 121—124). По данным А. Хевеши, в начале XX столетия в Венгрии один врач приходился на 2700 человек населения (см. указ. соч. А. Хевеши, стр. 154).

³⁴¹⁾ См. ГАЗО, ф. 245, 1882 г., д. 124, л. 35. В городской больнице Ужгорода за один день лечения взималось 67 крейцеров.

³⁴²⁾ См. «Подкарпатская Русь 1919—1936», стр. 37. Все больные, независимо от возраста и материального положения, обязаны были вносить

Дети русинских крестьян были обречены с малых лет на недоедание, нищету и непосильную работу, задерживавшие их физическое развитие, так как мелкое крестьянское хозяйство могло существовать только благодаря отчаянному понижению потребности семьи и тяжелому труду. «Крестьянин не в силах держаться, не надрываясь над работой сам и не заставляя вдвое тяжелее работать своих детей»³⁴³), — указывал В. И. Ленин.

Писатель А. Митрак, предпринявший поездку по горным районам Закарпатья, описывал такой типичный факт, характеризующий жизнь и заботы верховинских детей. А. Митраку повстречались на дороге два мальчика 10 и 12 лет, с которыми он вступил в разговор. «Несмотря на детские годы их, — писал Митрак, — житейская забота, бедная жизнь так печально развили их, что они говорили будто взрослые. Вопрошаю их, как они поживают? «Тесно, паночку, нема хлеба», — был смутный их ответ»³⁴⁴).

Молодое крестьянское поколение русинов Закарпатья не знало детства и разделяло страшную судьбу своих родителей, чувства отцовства и материнства которых отравляла наполненная горем и страданиями жизнь. Крестьянские дети были лишены света и солнца и, подобно молодым порослям, прибитым морозом, преждевременно вяли, чахли и гибли, не испытав радости жизни. Закарпатский автор И. Сильвай эту мысль выразил в таких словах своего стихотворения «Иза гор»:

Ах, напрасно всходишь, солнце,
Всеу изливаєшь свет,
Тут в моей родной деревне
Смерть царит и жизни нет.

Вместо радости, восторга
В час родная мать
Своего ребенка станет
Больно в горе проклинать³⁴⁵)

плату за лечение в больницах, причем задолженность за лечение взыскивалась наравне с недоимками по налогам. В делах жупных управлений сохраняется огромное количество дел о задолженности за лечение, о розыске должников, привлечении их к ответственности, принудительном взыскании задолженности и т. д. Вот некоторые примеры. С крестьянки села Керещке (Марамарошская жупа) Полины Сленко поджупан комитата предписал взыскать принудительно 15 форинтов за лечение, с Елены Бабики (село Влахово) — 36 форинтов, с крестьянина Д. Гааль (село Сирма) — 31 форинт, к бездомному 14-летнему подростку-нищенке Елене Роман из села Великие Раковцы (Ужочская жупа) администрация больницы предъявила иск на 40 форинтов (см. ГАЗО, ф. 245, 1882, д. 124, лл. 1—16; 1885—1887 гг., д. 209, л. 6).

³⁴³) В. И. Ленин, Соч. т. 19, стр. 184

³⁴⁴) «Свет», № 14, 30 сентября (12 октября) 1867 года.

³⁴⁵) Цит. по «Календарю Общества им А. Духновича» на 1941 год, Ужгород, 1940, стр. 65.

Закарпатье являлось областью исключительно высокой детской смертности³⁴⁶): в 70-х годах XIX века на 100 живорожденных умирало в возрасте до одного года до 40 детей, а в конце XIX столетия эта цифра снизилась до 30³⁴⁷). Следующая таблица дает представление о детской смертности в Закарпатье³⁴⁸).

Таблица 8

Годы	% умерших детей до 5-лети. возраста по отношению к живорожденным	% умерших детей до 5-лети. возраста по отношению ко всем умершим
1876	40—45	50—52
1894	33—42	54—57
1895	32—42	54—60
1900	28—33	48—54
1901	29—33	46—51 ³⁴⁹)

Таким образом, от 30 до 40% детей в Закарпатье умирало в возрасте до 5 лет; по отношению ко всем умершим в отдельных комитатах в конце XIX столетия дети этого возраста составляли свыше 60%. Корь, коклюш, скарлатина, дифтерия, оспа и другие болезни уносили огромное количество детских жизней³⁵⁰). Из заболевших корью детей умирало до 15%³⁵¹). В 1894 году умерло от кори 240, в 1895 году — 402, в 1899 году — 518 чел.³⁵²). В 14 селах Ужгородской жупы

³⁴⁶) His., 1879, стр. 62, 67, Msé, III, 1896, стр. 57, 58.

³⁴⁷) В Венгрии в конце XIX столетия на 100 живорожденных умирало 20 детей (см. указ. соч. А. Хевеши, стр. 154). По данным Центрального статистического управления при Совете Министров СССР, опубликованном в 1958 году, число умерших детей в возрасте до одного года на 1000 душ, родившихся в царской России, в 1913 году составляло 273, а в СССР в 1957 году — 45.

³⁴⁸) His., 1879, стр. 51, 52, 67, Msé, III, 1896, стр. 57—58; Kjsé, 1901, стр. 381; Msé, IX, 1902, стр. 43.

³⁴⁹) В 1913 году дети до 7 лет по отношению к общему числу умерших составляли 52% (см. Statistická príručka R. Cs., стр. 27).

³⁵⁰) В селах Дьюло и Гемлец (Угочская жупа) из 38 детей заболевших оспой в 1882 году, умерло 15 (около 40%), в Ужгородской жупе (1885 год) умерло 32,8%, за 6 месяцев 1891 года в селах Антал и Малая Слатина из 46 чел. больных оспой умерло 16 (35%); из 23 детей села Ставна, заболевших дифтерией, умерло 7, или 30% (см. ГАЗО, ф. 245, 1882 г., д. 123, лл. 1—40; ф. 7, оп. III, 1886 г., д. 2597, лл. 11—13; 1891 г., д. 2700, лл. 14—16).

³⁵¹) В 1888 году из 195 детей, заболевших корью, умерло в закарпатских жупах 22 (11,3%), а в Венгрии умерло 9,3% (см. Msé, 1888, II, 1892, стр. 33).

³⁵²) Msé, III, 1896, стр. 78—85; Kjsé, 1901, стр. 387—388; Msé, IX, 1902, стр. 48—49.

за вторую половину 1895 года заболело корью 290 чел., из которых умерло 24 (8,3%)³⁵³; за первую половину 1899 года в 20 селах из 346 больных детей умерло 50 (14,4%)³⁵⁴.

Особенно тяжелыми последствиями сопровождалось заболевание детей скарлатиной³⁵⁵). В 1894 году от скарлатины умерло 174, в 1895 году — 221, в 1900 году — 465, а в 1901 году — 760 человек³⁵⁶). В течение декабря 1891 года в шести селах Ужгородской жупы (Перечин, Малая Турица, Березка, Турья Пасика, Турья Поляна и Заричево) заболело 259 детей, из которых умерло 64 (24,7%)³⁵⁷). В селе Люта за два месяца 1892 года из 82 больных детей умерло 50%³⁵⁸). Только за первое полугодие 1899 года в 27 селах Ужгородской жупы заболело скарлатиной 470 детей, из которых умерло 360, т. е. свыше 76%³⁵⁹).

Приводимая ниже таблица, основанная на официальных данных³⁶⁰), свидетельствует о том, что медицинское обслуживание детей в Закарпатье находилось на чрезвычайно низком уровне.

Таблица 9

Название жупы	Из общего числа умерших детей до 7 лет находилось под наблюдением врача (в %)	
	1900 г.	1901 г.
Бережская	37,4	30,5
Марамарошская	16,2	15,3
Ужгородская	26,7	27,2
Угочская	26,7	24,6

В закарпатских комитетах, как свидетельствуют приведенные данные, в конце XIX—начале XX веков под наблюдением врачей находилось не более 20% детей, в то время как в Венгрии врачебной помощью обслуживалось 50—60% детей³⁶¹).

³⁵³) ГАЗО, ф. 5, д. 560, лл. 64—68.

³⁵⁴) Там же, д. 1388, л. 15.

³⁵⁵) В 1885 году из 137 детей, заболевших скарлатиной в Ужгородской жупе, умерло 44 (32%) (см. ГАЗО, ф. 7, оп. III, 1886 г., д. 2597, лл. 11—13).

³⁵⁶) Msé, III, 1896, стр. 78—85; Kjsé, 1901, стр. 387, 388, Msé, IX, 1902, стр. 48—49.

³⁵⁷) ГАЗО, ф. 5, д. 336, лл. 62—63.

³⁵⁸) Там же, л. 85 об.

³⁵⁹) Там же, д. 1388, л. 15; ф. 7, оп. III, 1891 г., д. 2700, лл. 14—16.

³⁶⁰) Kjsé, 1901, стр. 386; Msé, IX, 1902, стр. 46.

³⁶¹) Лечение детей затруднялось тем, писал в своем отчете за 1899 год поджупан Угочской жупы, что «врачей мало, а население бедно» (см. ГАЗО, ф. 245, 1900 г., д. 783, л. 2 об.)

Не случайно некоторые авторы называли Закарпатскую Русь «царством смерти» и указывали, что она представляла собой «кладбище, где покоятся мертвецы, и только изредка среди гробов ходят замученные и заплаканные люди»³⁶²), а Эдмунд Еган в заключительной части своего «мемориала» в таких словах охарактеризовал ближайшее будущее закарпатских русинов: «В земледельческой Венгрии вымирает земледельческий народ... Этот народ, если ему не будет оказана помощь, будет падать материально и морально все ниже, пока не погибнет окончательно... Отчаяние охватывает, когда смотришь на этот вырождающийся народ. Теперь можно было бы заранее предсказать день, когда последний русин убежит из своего края...»³⁶³).

Закарпатская Украина вплоть до воссоединения с Советской Украиной оставалась наиболее убогой и отсталой во всех отношениях славянской областью. «Певно в целой Европе нема так убогого и культурно занедбанного народа, як русины бывшое Угорщины», — указывал чешский автор К. Кадлец³⁶⁴). Массы закарпатского крестьянства были обречены господствующими классами Австро-Венгрии не только на разорение и нищету, но и на муки затаянного, ужасающего своей длительностью вымирания от голода и болезней*.

**

Естественно возникает вопрос, что же делали для спасения вымирающих масс крестьянства Закарпатья «богобойные» правители, которых как «отцов народа» превозносила раболепствующая перед властью имущими униатская печать? Их политика была направлена только к сохранению незыблемости существующего строя угнетения и рабства. Их помыслы неизменно были направлены на удовлетворение ненасытной жажды к обогащению, к роскоши и праздной жизни, в жертву которой эта разложившаяся паразитическая верхушка общества, подчинявшаяся все только классовым, грубоэгоистическим интересам, приносила миллионы жизней своих подданных, вымиравших из поколения в поколение в неволе и нищете. Как же можно было ожидать от цивилизованных рабовладельцев мер, направленных к улучшению доли «рутенгов» — этих, с их точки зрения, «неполноценных существ», «естественным» и «прирожденным» положением которых могло быть только рабство, созданных только для того, чтобы трудиться на господ и, умирая голодной смертью, восхвалять «доброту» своих угнетателей?

³⁶²) Указ. соч. А. В. Белгородский, стр. 38

³⁶³) Указ. соч. Е. Еган, стр. 50

³⁶⁴) Указ соч К. Кадлец, стр. 24.

О вотчине Габсбургов, в которой бесконтрольно хозяйничали земельные магнаты и капиталисты, державшие в цепях неволи миллионные массы трудящихся, И. Франко словами гневного обличения говорит:

О, средневропейское болото,
Подернутое плесенью густою,
Рассадник безнадежного застоя
И тупоумия! Ты — символ гнета,
Где станешь ты ногой — там стон народа,
Там с подданных сдирают третью шкуру
Ты давишь всех, крича «Даю свободу!»
И грабишь с воплем. «Двигаю культуру!»³⁶⁵).

В свете всех приведенных нами данных, какой насмешкой звучит над правдой заявление промадьярского реакционного автора Евгения Голли, который в своей брошюре «Im Lande der Kabalisten der Religionskämpfe und der Hungers» (изданной в Братиславе в 1927 году) писал, что в прошлом мадьярские власти заботились по-отечески о русинском населении, теперь (после насильственного включения Закарпатской Украины в состав буржуазной Чехословакии. — И. К.) жители Верховины находятя на положении скота; они умирают от голода медленно, но неуклонно, как мухи, без всякой помощи³⁶⁶). «Отеческая забота» о русинах чехословацкой буржуазии ничем не отличалась от «заботы» господствующих классов Венгрии, но таких огромных размеров и таких ужасных форм бедствия трудящиеся Закарпатья, каких они достигли во второй половине XIX столетия под властью венгерских помещиков и капиталистов, никогда в условиях капиталистического угнетения не принимали. В гневных словах И. Франко «Лаокооном среди змей народ в незримых путах бьется...»³⁶⁷) выражены поистине нечеловеческие страдания русинов под властью чужеземных работодателей.

Закарпатские украинцы, по словам одного из современников, представляли собой «печальнейший и типичнейший

³⁶⁵) И. Франко, Избранные сочинения т. I, стр. 165—166 Ярким подтверждением этой характеристики политики правящих кругов Австро-Венгрии, данной И. Франко, является выступление в венгерском парламенте министра земледелия И. Дараньи, известного душителя венгерского крестьянства, который, прикидываясь «другом трудящихся», лицемерно заявлял: правительство и парламент много занимаются теми вопросами, которые касаются «беднейших классов населения, потому что внимание законодательной власти должно быть обращено главным образом на людей, наименее способных к самозащите и наиболее нуждающихся в покровительстве» (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л. 213) На деле же это «покровительство беднейшим классам населения» со стороны венгерского правительства привело к неслыханному разорению венгерского и закарпатского крестьянства

³⁶⁶) См указ соч D Richard, стр. 6.

³⁶⁷) И Франко, Избранные сочинения, т. I, стр. 85.

образец угнетенного народа. Это образ срама и насмешки на ХI столетие, это кровавая сатира на лозунг: «Гуманизм, либерализм, прогресс, современность, реализм!» Это... пятно на чести народов, что смотрят немые на то, как вытягивают желы из доброго, умного и способного народа»³⁶⁸).

Где же были греко-католические епископы и многочисленные пастыри «стада христова», восхвалявшие до небес «новую эру», наступившую после «освобождения» крестьян? Что делали они для предотвращения бедствий своего народа? Нельзя сказать, чтобы высшее униатское духовенство было безучастным свидетелем драматических событий, происшедших в закарпатской деревне. Оно ревностно выполняло свою служебную роль орудия эксплуататорских классов в духовном закабалении трудящихся и в «филантропических акциях», долженствовавших показать его «заботу» о «бедной братии». Мукачевский униатский епископ С. Панкович, как сообщала газета «Свет», собирался было совершить «пастырскую визитацию» по Ужанской верховине, охваченной голодом. Однако каноники отсоветывали ему ехать туда, «ибо там, меж голодающим народом, с великим кошельком (*ezszény*) надо ходити»³⁶⁹) Епископ, вняв гласу своих клеветов, ограничился пожертвованием нескольких гульденов в пользу голодающих. Так же поступал и прославляемый греко-католической печатью «епископ-народолюбец» Ю. Фирцак³⁷⁰).

Униатское духовенство, слившееся в одно неразрывное целое с паразитическими правящими классами притеснителей и угнетателей своего народа, продало его коренные интересы и вместе с «богобойными» светскими правителями довело пасомых до пауперизации и вымирания. Орава греко-католических священников, приравненная в своих правах к католическому духовенству, поглощенная жадной стяжательством, была занята прежде всего тем, чтобы ценой пресмыкательства перед властями и Ватиканом получить доходную синектуру. Оно превозносило в церковных проповедях «милости» императора, освящая авторитетом церкви и именем бога существующий эксплуататорский строй. «Теперь вы, возлюбленные братья, — разглагольствовал униатский священник перед верующими с. Горян, — такие же самостоятельные владельцы вашей земли, как и сами помещики. Над собственностью и жизнью вашею бодрствует то самое правосудие, которое обуздывает своеволие вельмож и дворян. Теперь вы стоите под защиту тех же законов, которые покровительству-

³⁶⁸) Указ. соч А. В. Белгородский, стр. 34

³⁶⁹) «Свет», № 29, 27 июля (8 августа) 1868 года.

³⁷⁰) Там же, № 4, 27 января (8 февраля) 1868 года.

ют и иных жителей державы. Государственные повинности, тяжести, подати не обременяют больше вас одних, а они наравне распределяются на всех подданных... Итак, теперь вы пользуетесь полною гражданской свободой, истребившее прежнее унижительное состояние ваше и доставившее вам достоинство государственного гражданства...»³⁷¹).

Эта фарисейско-циничная проповедь, относящаяся к 1858 году, когда совершенно отчетливо определились «благотельные» последствия «освобождения» крестьян, раскрывает подлинное обличье служителей закарпатской униатской церкви, как габсбургских холопов.

И. Франко в стихотворении «Хлебороб», представляющем собой пародию на вирши униатского священника М. Устияновича, в которых тот восхвалял «крестьянский рай» под эгидой Габсбургов, раскрывая подлинное положение масс крестьянства в габсбургском «раю». иронически спрашивал:

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто пашет землю пресвятую?
Потом се в залоге оставляет,
В долги впадая, как в пучину злую,
Кто тщетно ищет правды и закона,
А дом и плуг идут с аукциона,
Кого нужда батрачить приучает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?»³⁷²).

В годы страшных народных бедствий закарпатские церковники лезли из кожи вон, чтобы скрыть от народных масс подлинные причины их разорения и страданий, затемнить классовое сознание крестьянства, предотвратить рост социального недовольства помещичьим и кулацким гнетом в деревне и сохранить, вместе с тем, безграничное влияние церкви на умы верующих.

Страдающим на земле священники обещали вечное блаженство на небе. Вместо хлеба голодающему крестьянину они преподносили сомнительный эквивалент, составленный из плоских поучений и гарантированный божественными догматами.

С этой же целью в различных комбинациях и вариантах пускался в ход истасканный христианский тезис о «греховности жизни», как причине всех бед. Этот тезис, распространенный с амвонов униатских церквей, переведенный на язык русинской «прощавы» облекался в форму такого изречения: «Не грішив би, то не страдав би...»

Проповедью смирения («гордым бог противится, а смиренным дает благодать»), терпения, покорности и непротив-

³⁷¹) «Церковная газета», № 11, 2 мая 1858 года, стр. 85.

³⁷²) И. Франко, Избранные сочинения, т. I, стр. 135.

ления злу, ибо «бессильный той, кто на свою силу надеется», униатское духовенство культивировало в массах народа рабскую психологию слепого подчинения «богоданным властям» и своим «духовным пастырям». Оно выдвинуло и настойчиво вклинивало в сознание масс как «основной закон» христианской земной жизни «дайте цесарю и богу», нарушители которого, как учила церковь, будут обречены на вечные мучения, а безропотно умирающие голодной смертью, но выполняющие христианские заповеди, получают вечное блаженство.

Забитые, темные, отгороженные от света и знаний, беспощадно эксплуатируемые массы крестьянства Закарпатья, не видя реального выхода из вечной нищеты и спасения от угнетения, попадали под сильное влияние церкви, которое наложило тяжелую печать на всю жизнь и мышление крестьянства, нашедшее свое яркое выражение, в частности, в устном народном творчестве.

«З богом лягай, з богом вставай, з богом берись до роботи», «З богом не загинеш», «Най буде твоя воля, боже, а не моя», «З гори далеко, на гору високо; лучче ніяк», «Де нужда велика, там помощь божа не далека», — эти и многие другие поговорки, вошедшие в быт закарпатского крестьянства, отражали глубоко пагубное, растлевающее влияние христианско-фаталистической идеологии на сознание народных масс, идеологии, принижавшей человеческую личность и человеческое достоинство, утверждавшей рабскую покорность судьбе, уготованной каждому верующему непостижимым божественным провидением.

Религиозный ритуал, церковные правила и обычаи преследовали ту же цель — социальное и идеологическое закабаление трудящихся. В частности, выступления против «чревоугодия», «мирских утех», сформулированные в словах: «Тело твое души ворог, бо не робить що хоче бог», проповеди аскетизма, подвижничества и строжайшего соблюдения постов верующими выражали стремление духовенства отвлечь массы от «греховной» земной жизни и обеспечить выполнение ими «основной заповеди» перед государством и церковью.

Но то, что было полезно «богобойному стаду», что провозглашалось непреложным законом «праведной» жизни масс, не было полезным, а тем более обязательным для духовных пастырей. «Великий пост» закарпатские крестьяне соблюдали строго и считали великим грехом нарушить его. Напротив, униатское духовенство придавало «мало значения правилам поста», — писал закарпатский корреспондент «Славянских известий». Духовенство, продолжал он, «проводит всю четырехдесятницу по белу», т. е. ест молоко, сыр, яйца,

приправляет пищу... свиным жиром... и ест мясо. Между простым народом и панами-священниками замечается по соблюдению постов резкая противоположность. Мужу не велено есть скоромное, а пан-отец кушает!.. Можем добавить: даже не затрудняя себя подражанием примеру средневекового монаха, превращавшего в таких случаях «пороса в караса»...

«Де хліб та вода там не є голода», «Худобство не ганьбить нікого», «Без біди і цар не живе», «Бог дав, бог взяв», «Де голий бере? Бог йому дає!»—в этих и других подобного рода поговорках выражено примирение с социальными бедствиями, насаждавшееся униатской церковью, объявлявшей святыми добродетелями нищету и голодовки трудящихся, оправдывая их библейской ложью: «страждуци да спасенни будут...»

В статье «Отчего нам живется тяжело?», опубликованной в униатском журнале «Листок», в таких словах описывалось «волнение умов», вызванное «неправедной» жизнью: «Жалуется крестьянин на недостатки и тяжелую жизнь; жалуется купец на застой в торговых делах; жалуется хозяин на то, что честных работников не легко найти, жалуется и работник, что хозяин ему за труд не платит или обсчитывает, притесняет его...» Люди недовольны, но они сами не знают, чего хотят. Они хотят «полной свободы от всех податей и повинностей! Но разве это возможное дело! Разве какое общество может существовать спокойно при таких условиях! Как будто может быть царство без войска, без судей и т. п.!»³⁷³⁾

В чем же причины «брожения умов»? Где же выход из этих «бедствий века»? Причины, поучал «Листок», заключаются в том, что люди не молятся богу и поста не соблюдают. «Вместо поста и покаяния устроят праздники и гулянье, и поют, и пьянством сугубо бога прогневливают»³⁷⁴⁾. «Молитесь богу», «поститесь», «смирненно переносите бедствия, не ропщите», — вот к чему сводится смысл всех этих «социальных поучений» униатского духовенства.

Где же были, как воспринимали бедствия своего народа, как облегчали его страдания «народолюбцы» из числа закарпатской интеллигенции? Одна часть ее, сросшаяся органически с чужеземными господствующими классами, поувала всякие связи с народом и была не только далека от его нужд и социальных интересов, но и с презрительным высокомерием относилась к «прощаве-руснаку», к его языку и национальной культуре.

Другая часть закарпатской интеллигенции принадлежала к числу тех «печальников о народе», которые, по словам

³⁷³⁾ «Листок», № 8, 15 (27) апреля 1888 года.

³⁷⁴⁾ Там же.

А. Кралицкого, «обманывали народ как сирены своими сладкозвучными словами» и дальше вздохов о бедствиях народа не шли. Признавая, что «нищета с каждым днем все в более и более ужасающем виде предстает нам»³⁷⁵⁾, эти мнимые «радетели народные» не находили ничего другого, кроме призывов приучить голодающих к «самоотвержению, бережливости и умеренности, особенно к последнему...»³⁷⁶⁾. Именно об этой интеллигенции А. Кралицкий писал: «Ее скорбь звучит очень часто фальшиво, в ней нет искренней нотки». Эти «кормчие народа», которым следовало бы вести корабль по пути прогресса и просвещения, «сами укрываются по норам как кроты, да у них и нет, по выражению современного угрорусского поэта, «серьезной воли помочь лихой народной доле...»³⁷⁷⁾.

Оторванные от коренных социальных интересов своего народа, занятые спорами о «материнском» языке и церковных обрядах, эти «ревнители Руси», увлекшись «очищением» и «облагораживанием» народного языка, применительно к требованиям «господинов», барахтаясь в тине мелких провинциальных интересов, не видели и не хотели видеть того, что массы трудящихся вымирали от чудовишной эксплуатации и нищеты. У них для народа не было ничего, кроме платонических утешений и пожеланий возбудить в народе «охоту к жизни разумной», которой можно достичь, мол, только верою, «верою живою, деятельною, сознательною...»³⁷⁸⁾.

И только немногие из числа закарпатской интеллигенции выражали искреннее сочувствие страданиям своего народа, правдиво описывали его тяжелую жизнь. Они стремились к распространению грамотности среди народных масс, продвигали книгу и знания в деревню, приобщали русинов к великой культуре русского народа. Но и эти «будители» не были подлинными борцами за народное счастье, обличителями существующего социального строя. Они не могли указать народным массам единственно правильный и единственно возможный путь к освобождению от социального и национального угнетения — путь совместной революционной борьбы трудящихся масс Закарпатской Украины с рабочим классом и крестьянством Венгрии, Галиции, Словакии и других областей Габсбургской империи.

---

375) «Листок», № 1, 1 января 1895 года, стр. 6.

376) Там же.

377) Указ. соч. Путник, стр. 630.

378) «Листок», № 1, 1 января 1895 года, стр. 4.

4 ТРУДОВАЯ ЗАОКЕАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ЗАКАРПАТСКИХ УКРАИНЦЕВ

Прямым следствием интенсивного и глубокого процесса разорения закарпатского крестьянства явилась массовая заокеанская эмиграция русинов. Буржуазные и буржуазно-националистические авторы, рассматривая проблему эмиграции односторонне, в отрыве от всей совокупности социально-экономических и политических отношений, сводили все дело к упадку производительности труда при переходе от экстенсивного к интенсивному хозяйству (П. Маслов, Н. П. Огановский) или к общему перенаселению (О. Мицюк). Венгерские реакционные авторы, стремясь скрыть подлинные причины этого явления, объясняли массовое переселение закарпатских украинцев или «агитацией» агентов пароходных компаний, или «недисциплинированностью русинского элемента», «непоседливым характером подкарпатских славян», их «исконной страстью к отхожим промыслам...». Нечего доказывать грубую тенденциозность этих насквозь лживых утверждений.

Со второй половины XIX столетия в связи с усилением процесса разложения и упадка мелких крестьянских хозяйств выталкиваемые из деревни низшие слои крестьянства — сельский пролетариат, безземельные и малоземельные крестьяне, спасаясь от социального и национального угнетения, безработицы, нищеты и голодной смерти, пытаются найти средства к существованию в чужих краях. На этой основе возникает трудовая эмиграция закарпатских украинцев в другие области Австрии и Венгрии, в соседние и особенно в заокеанские страны.

И. Бидерман в своем сочинении «Die ungarischen Ruthenen...» указывал, что «карпатских русинов неоднократно посещает голод и своим смертельным жалом принуждает их к эмиграции»³⁷⁹). Закарпатский журнал «Листок», характеризуя положение крестьян словами «трудная жизнь», подчеркивал, что они не могут найти в своем отечестве средств для «владения бедной жизни»³⁸⁰) и вынуждены поэтому искать спасения в других землях. В таком же духе высказывалась и ужгородская газета «Kelet»³⁸¹). Словацкая «Народная газета» в этой связи указывала, что вследствие угнетательской политики австро-венгерского правительства Словакия, а в таком же положении находилась и Закарпатская Украина, «давно истощилась, обеднела, обнищала», а население ее зарабатывает деньги так «легко», что ежегодно тысячами выселяется в Аме-

³⁷⁹) Указ соч. Bieder mann I H., Die ungarischen Ruthenen. I, стр. 72.

³⁸⁰) «Листок», № 17, 1 сентября 1895 г.

³⁸¹) «Kelet», № 51, 22 декабря 1898 г.

рику³⁸²). И. Свенцицкий о прикарпатских и закарпатских русинах-переселенцах писал: «Только крайняя нужда заставляет их покидать родину, и они являются, следовательно, на чужбину с очень ничтожным запасом как материальных, так и душевных сил»³⁸³).

Многочисленные архивные документы, представляющие собой донесения местных властей (начальников округов, жупанов комитатов, представителей лесного и горнорудного управлений, городских советов и др.) правительственным органам по поводу эмиграции крестьян, рабочих, ремесленников, мелких торговцев из закарпатских комитатов, также указывают как на главные причины переселения — отсутствие земли, бедность, голод, огромную задолженность крестьян по государственным налогам и ссудам, высокие арендные ставки, ростовщические проценты и пошлины³⁸⁴).

Так, в одном из докладов министра финансов (1901 год), основанном на донесениях жупанов комитатов, среди причин, обусловивших массовую эмиграцию населения из Закарпатья, выделялись следующие: необеспеченность дешевым кредитом, неоднократно повторяющиеся неурожаи, аграрное перенаселение, а также сокращение лесозаготовок, незначительное количество промышленных предприятий, не обеспечивающих занятость свободных рабочих рук³⁸⁵). Все это, говорилось в докладе, «еще больше ухудшает тяжелое материальное положение» населения и толкает его к переселению³⁸⁶). В другом отчете представителя местной власти указывалось, что крестьяне-русины, разоренные и обремененные долгами, утратили доверие к властям и священникам. Среди крестьян «угасает патриотизм», и их без особых трудностей вербуют агенты пароходных компаний³⁸⁷). Даже такой известный в Закарпатье проводник «святостефанской» идеи, как Иринея Кондратович, и тот должен был признать, что тяжелая нужда гнала закарпатского крестьянина, опутанного сетями кабалы ростовщиков и корчмарей, за океан. «Корчмарь с паленкой³⁸⁸», писал он, выманивал у русина сначала только скот, потом постепенно поле и надел и, в конце концов, русин мог

³⁸²) Цит по «Известиям СПб. славянск благотворит общество», № 10, 1888 г., стр. 568.

³⁸³) «Славянский век», № 44, Вена, 1902, стр. 555

³⁸⁴) ГАЗО, ф. 4, д. 43, лл 3—5, д 66, лл 7, 9 об, 11 об, 13 об, 16, ф 5, д 560, л. 41 об.

³⁸⁵) Тяжелые экономические условия жизни крестьян, необеспеченность работой приводят к тому, как указывал Кé m é n y, что тысячи людей так легко поддаются агитации эмигрантских агентов (см указ. соч. Кé m é n y G. G., Iratok a nemzetiségi.. стр. 869—874).

³⁸⁶) См. указ. соч. И. Перени, стр 123.

³⁸⁷) См. указ. соч. Кé m é n y G G, Iratok a nemzetiségi стр 872—873.

³⁸⁸) Паленка—водка.

себе выбрать или палку нищего, или за счет взаймы взятых денег выселиться в Америку»³⁸⁹). Но И. Кондратович преднамеренно умалчивал о том, что, помимо ростовщиков, закарпатоукраинских крестьян эксплуатировали и угнетали господствующие классы Венгрии и, прежде всего, помещики.

В народном творчестве, в коломыйках этой эпохи, ярко выражены источники бедствий трудящихся русинов, которых сила неумолимых обстоятельств заставляла покидать свой край, свою родину.

Ой чого ти поскрипуєш, ялова хато?
Нема добра в нашім селі, бо панів багато —

говорилось в одной из них. В другой коломыйке действительные мотивы, побуждавшие русинов к эмиграции, раскрывались в таких словах:

Ой цесарю, цесарочку, шапочка ті срібна,
Не вважаєш, цесарику, яка та Русь бідна,
Ой бідна, кажу бідна, бо пани зідрали,
Ой мали ми по корові, й то шинкарі забрали,
Корчмар забрав коровоньку, цесар бере діти,
Не маємо, цесарику, що в Русі сидіти

В 50—80-х годах XIX столетия переселенческий поток из закарпатских комитатов направлялся главным образом в соседние области Венгрии и Австрии. Основную массу эмигрантов в эти годы составляли обездоленные русины Шаришской, Земплинской, Абауйской столиц, бросавшие насиженные места в поисках лучшей доли. По данным И. Бидермана, из этих комитатов выехало в другие области в течение 1850—1860 годов не менее 5 тысяч крестьян, включая и их семьи. В 1838 году, например, в Маковицком округе насчитывалось около 13 тысяч русинского населения, а через 20 лет количество его уменьшилось до 8 тысяч; многие погибли от эпидемии тифа, свирепствовавшего на протяжении 1847—1848 годов, а другие переселились в соседние области. Из Свидницкого округа (Земплищина) после 1853 года до 30% населения, гонимого нуждой, устремилось на юг — в венгерские области и особенно в плодородную Бачку, но, не найдя и здесь средств к существованию, многие из переселенцев возвратились на родину. На протяжении 1870—1875 годов из четырех основных закарпатских комитатов переселялось ежегодно в другие области Австро-Венгрии по 100—200 семей³⁹⁰).

³⁸⁹) Газета «Нова неделя», № 21, Ужгород, 25 июня 1939 г. стр. 2.

³⁹⁰) Вывод сделан автором на основе сопоставления статистических данных о количестве населения и естественном приросте его за эти годы (Hús, 1879, стр. 60—61; Kjsé, 1901, стр. 351—352)

Усиление процесса «раскрестьянивания» в закарпатской деревне после отмены крепостного права привело к тому, что «...о всей украинско-русской территории именно угорские руины первыми начали эмигрировать за море», — говорилось в «Протесте»³⁹¹). Заокеанская эмиграция русинов, начавшаяся во второй половине XIX столетия, вначале была совершенно незначительной. Из трех комитатов Закарпатье (Ужгородский, Угочский, Марамарошский), как свидетельствуют данные переписи за 1870 год, в страны американского континента не выехало ни одной семьи. Общее количество эмигрантов, выбывших в другие страны морем из комитатов, населенных руинами, за этот год не превышало 100 человек (из Бережского комитата эмигрировал 1 мужчина, из Шаришского — 26 мужчин и 2 женщины, из Земплинского — 26 мужчин и 4 женщины)³⁹²).

До 1880 года эмиграция в Соединенные Штаты шла, главным образом, за счет переселенцев из старых культурных стран — Англии, Германии, частью Швеции, т. е. в это время преобладала так называемая «старая» иммиграция⁴. Но начиная с 1880 года, чрезвычайно быстро возрастает «новая» иммиграция из Восточной и Южной Европы, из Австрии, Италии и России. Особенно много переселенцев давали славянские страны, что дало повод американской печати говорить о «славянском нашествии (the slav invasion)**». В этот же период в связи с углублением процесса разорения русинского крестьянства, вызванного сельскохозяйственным кризисом 80-х годов в Венгрии, «урбарнальным урегулированием», налоговым гнетом, эмиграция из Закарпатье в Америку³⁹³), истислявшаяся до этого единицами переселенцев, становится массовой и, нарастая из десятилетия в десятилетие, достигает своего наивысшего предела в начале XX столетия***.

Русский буржуазный автор В. И. Пономарев, говоря о «национальном характере» закарпатского украинца, писал: «Угрорусс удивительный домосед; он сильно привязан к своей хижине, к своей земле, редко-редко уходит он из своего родного села. Пусть ему угрожает бедность, но он ни за что не покинет «исконной земли русской промысла» земледелия. Это кажется ему изменой своему имени»³⁹⁴). Нельзя отрицать того, что закарпатский украинец был привержен к своей ро-

³⁹¹) «Протест», стр. 7.

³⁹²) Наук. збірн. т-ва «Просвіта», річн XIII—XIV, Ужгород, 1938, ст. 23.

³⁹³) Заокеанская эмиграция из Венгрии на протяжении 1871—1888 годов проходила преимущественно через немецкие порты Гамбург, Бремен и отчасти Штеттин, а с 1889 года также и через голландские и итальянские порты Антверпен, Амстердам, Геную и Неаполь.

³⁹⁴) Указ. соч. В. И. Пономарев, стр. 52

дине, к своей земле, но «домоседство», как главная черта характера русина-крестьянина, о которой говорит В. И. Пономарев, во второй половине XIX — в начале XX столетия не являлась уже типичной. Развитие капитализма в сельском хозяйстве неизбежно вело к усилению «подвижности» населения, не только к развитию «отхожих промыслов», но и к массовому бегству обездоленного крестьянства в другие страны. Тысячи голодных, измученных людей продавали за бесценок свое добро, становившееся достоянием спекулянтов и ростовщиков, и со скудным скарбом устремлялись в неизвестное, за океан, в надежде обрести там «счастливую жизнь». Их гнала нужда с родной земли, их сопровождало горе...

Ой, расплескалось ты, русское горе,
Вдоль по Европе, далече за море!... —

писал И. Франко.

Закарпатские мелкие крестьяне, не имея средств для приобретения заграничных паспортов и оплаты проезда, прибегали к ростовщическому кредиту, отдавали в залог или продавали за бесценок свою землю и имущество ростовщикам, спекулянтам, кулакам, наживавшимся на нужде и горе обездоленных эмигрантов. Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что только в редких, единичных случаях крестьяне выезжали в другие страны за счет своих сбережений или за счет полученной ссуды, по которой они уплачивали менее 20% годовых³⁹⁵). В большинстве своем крестьяне оплачивали расходы, связанные с переселением, за счет заемных средств у ростовщиков, взимавших свыше 30% годовых³⁹⁶), или должны были продавать в спешке свое имущество по ценам во много раз ниже существующих. В этом отношении показательным является судебное дело, возбужденное крестьянами-реэмигрантами из села Тершел-Поток (Марамарошская жупа) против ростовщиков, в руки которых перешли дома, земли и скот крестьян, проданные ими перед отъездом за границу.

Несколько семей из этого села в 1902 году эмигрировали в Бразилию, продав ростовщикам, корчмарям и кулакам свое имущество. В том же году переселенцы, обманутые агентами-вербовщиками, не найдя работы в Бразилии, возвратились с семьями (в количестве 134 человек) в родное село в надежде получить обратно за прежнюю цену свое добро и земельные участки. Однако ростовщики, воспользовавшись бедственным положением крестьян, или вовсе отказывались возвратить прежним владельцам их имущество, или требовали упла-

³⁹⁵) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1904—1905 гг., д. 581, лл. 2—6

³⁹⁶) Там же, 1902—1903 гг., д. 298, лл. 16—69.

тить за него в несколько раз больше покупной цены. Так, например, крестьянин Ф. Могай продал землю и имущество, которое оценивалось в 2 тыс. форинтов, за 300 форинтов торговцу А. Гутману, который отказался возвратить имущество крестьянину за прежнюю цену. С переселенцев Ю. Могай, И. Куса, В. Герича и др. ростовщик С. Клайн потребовал за купленное им имущество доплатить сверх покупной цены по 100—150 форинтов. Ростовщик Г. Давидович часть имущества возвратил по прежней цене крестьянину Л. Пилату, а за parcelлу, которую он купил за 25 форинтов, установил цену в 200 форинтов.

Братья Могай Ф. и Могай И. продали торговцу А. Гутману участок земли и другое имущество (дом, 7 голов рогатого скота, 12 овец, 20 возов сена, 15 центнеров кукурузы и т. д.) за 550 форинтов, однако Гутман потребовал от них уплатить только за землю 1500 форинтов. Крестьяне-реэмигранты обратились в Марамарош-Сигетский краевой суд, настаивая на возвращении принадлежавшего им имущества и земли по продажной цене, однако суд отказал в иске крестьянам, мотивируя свое решение тем, что выкуп проданного имущества прежними владельцами не был предусмотрен договором, заключенным между переселенцами и покупателями³⁹⁷).

В условиях массовой эмиграции населения из Австро-Венгрии развернули широкую деятельность многочисленные агенты, вербовавшие эмигрантов для пароходных компаний и эмиграционных контор. В Австро-Венгрии, как говорилось в «Справочной книге по вопросам эмиграции»³⁹⁸), «полноправными хозяевами положения оказались агенты, а так как нет никакого контроля за их деятельностью, то злоупотребления их здесь особенно многочисленны и велики»³⁹⁹). Они распространяли, как выражался один из современников, «самые превратные представления» о заморских странах, «преувеличенно заманчивые слухи о девственной почве Америки и о блестящих условиях тамошнего труда»⁴⁰⁰). Крестьяне, писав

³⁹⁷) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1902—1905 гг., д. 306, лл. 10—21.

³⁹⁸) Справочная книга по вопросам эмиграции (под редакцией С. Я. Яновского и А. И. Костелянского), СПб, 1913 (в дальнейшем сокращенно СК).

³⁹⁹) СК, стр. 6

⁴⁰⁰) Распространению фантастических представлений о странах американского континента, «удобствах» проезда на «льготных» условиях в эти страны способствовали также и многие венгерские газеты. Так, газета «Vidapest» (№ 14, 14 января 1904 года), рекламируя на все лады «комфортабельность» и «дешевизну» питания и проезда из Фиуме до Нью-Йорка на пароходах «Augánia» и «Kárpátia» (стоимость питания и проезда одного человека по этому маршруту составляла 408 крон в I классе, 288 крон во II классе и 180 крон в III классе), подробно описывала «изобильное меню» (мясные блюда, кексы, кофе, вино, апельсины и т. п.),

русский консул в Вене Л. Иславин, «поддавшись соблазнам, распродают свое последнее имущество и вносят вырученные деньги для покрытия путевых расходов эксплуатирующим их агентам. На этом обычно и оканчивается деятельность последних. Собрав крестьянские деньги, они тотчас же скрываются, нисколько не заботясь о дальнейшей судьбе своих жертв»⁴⁰¹).

Помимо официальных агентов пароходных компаний, подвизалось немало и тайных агентов, которые «являлись самым большим злом в эмиграционном деле... Не было той лжи, к которой бы не прибегал тайный агент с целью завербовать эмигранта... Перечислением агентских злоупотреблений, писали редакторы «Справочной книги по вопросам эмиграции», можно было бы заполнить многие страницы»⁴⁰²).

С тяжелым чувством горечи расставались изгнанники-русины со своим родным и благодатным краем, поработленным и разоренным чужеземными эксплуататорами и ставшим поэтому для них мачехой...

Тепер добре все минуло,
Прийшло в світі нарікати,
Рідну землю опускати...—

говорилось в русинской коломыйке.

В одной из народных песен, опубликованной В. Гнатюком, в уста эмигранта-русина, расстающегося со своей родиной, вкладывались такие слова:

Коли жінка в ту дорогу мене виряджала,
Покотились сльози з жалю, гірко заплакала...
Бувай здорова, руська земле, ой ти наша мати,
Годувала нас з маленьку, тре тя покидати

И. Франко в своем стихотворении «В Бразилию», опубликованном в 1896 году, такими словами нарисовал вопиющую

предназначенное для переселенцев. На самом же деле, как свидетельствуют современники, пассажиры III класса совершали путешествие через океан в условиях большой скученности, не получали никакой медицинской помощи, а «изобильное» питание оставалось только в воображении продажных писак

⁴⁰¹) Сборник консульских донесений (в дальнейшем сокращенно СКД), вып. IV, СПб, 1899, стр. 231.

⁴⁰²) СК, стр. 7, 8. Тайные агенты за нелегальную переправу эмигрантов через границу взимали значительную плату (закарпатские агенты Ю. Маркович и И. Ришко получали с каждого эмигранта по 600 крон. См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899 г., д. 64, лл. 36—37; газета «Наука», 15 марта 1912 года). Представители местных властей также облагали крестьян-эмигрантов различного рода поборами. Нотарь из села Кальник (Бережская жупа) Бороштани, например, незаконно взимал за выдачу документов, необходимых для получения заграничного паспорта, с крестьян села Нодь-Модьорш (И. Телига, М. Изак, С. Михалинец и др.) по 9,2 кроны, а четырем переселенцам выдал фальшивые заграничные паспорта, получив за каждый паспорт по 20 крон (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1901 г., д. 196, лл. 16—32).

картину бедствий обездоленных эмигрантов-галичан на пути их следования по железной дороге к морскому порту:

Когда услышишь, что в тиши ночной
По черным рельсам тарахтят вагоны,
А в них не молкнет, как мушинный рой,
Плач детворы, болезненные стоны,
Проклятия и брань со всех сторон,
Глухая песня, девичьи дисканты,
Не спрашивай чей это эшелон?
Кого везет? Куда? Откуда он?

То — эмигранты. .

Когда увидишь, как людей таких,
Вписав в реестр, толкают и ругают,
Как матери в отхожее детей
Укачивать и пеленать таскают,
Как их жандармы гонят прочь от касс,
Как сбрасывают с поездных площадок,
Пока толпой не кинутся все враз
«Бери нас или раздави всех нас!» —
Вот наш порядок⁴⁰³).

**
*

Отсутствие полных статистических сведений не дает возможности установить точную цифру эмигрировавших за океан и осевших там закарпатских украинцев на протяжении второй половины XIX века. Но, во всяком случае, имеющиеся в нашем распоряжении архивные и статистические данные, свидетельства современников и отдельные исследования по этому вопросу дают основание говорить о массовой заокеанской эмиграции закарпатских украинцев, направлявшейся, главным образом, в страны американского континента.

Как можно судить по данным официальных и других источников (данные венгерской статистики, пароходных обществ, американских эмиграционных властей, консульских органов, а также сведения, содержащиеся в отдельных исследованиях, посвященных этому вопросу), за 30 лет, с 1871 по 1900 год, из Венгрии эмигрировало в другие страны свыше 450 тыс. чел.⁴⁰⁴).

За 15 лет, с 1881 по 1895 год, только через порты Гамбург и Бремен эмигрировало из Венгрии около 258 тыс. чел. Масштабы заокеанской эмиграции из венгерских комитатов по пятилетиям за этот период характеризует следующая таблица⁴⁰⁵).

⁴⁰³) И. Франко, Избранные сочинения, т. I, стр. 337

⁴⁰⁴) His, 1879; Kjsé, 1901; Msé, III, 1902; Msé, XIII, 1906, Közgazdasági és statisztikái évkönyv 1892—1893, Vdp., 1894; P Balogh, A nérfajok Magyarországon, Vdp., 1902; указ Науковий збірник т-ва «Просвіта», річн. XIII—XIV, 1938; СКД, вып III, IV, VI, 1899, вып III, VI, 1900; вып. III, 1901, указ соч. Крюков Н. А., т. II, ч. II.

⁴⁰⁵) Там же

Таблица 10

Годы	Количество эмигрантов из Венгрии, проследовавших через порты Гамбург и Бремен (в округленных цифрах)
1881 — 1885	70000
1886 — 1890	110000
1891 — 1895	78000

За первое пятилетие количество эмигрантов колебалось в пределах 11—17 тысяч в год, за второе пятилетие — 17—27 тысяч и за третье—5—21 тысячи. Наибольшее количество эмигрантов через эти порты проследовало в 1890 году, достигнув цифры 27268 чел. Сокращение эмигрантов в течение пятилетия с 1891 по 1895 год объясняется ограничительными мерами, предпринимаемыми австро-венгерским правительством.

Основываясь на статистических данных, опубликованных в венгерской, немецкой и русской печати, в отдельные годы до половины всех эмигрантов, переселившихся из некоторых комитатов Венгрии и Словакии за океан, давали русинские округа. Так, из Шаришского комитата с 1870 и до весны 1883 года выселилось 10 тыс. чел., из которых около 30% составляли переселенцы-русины. Из этого же комитата эмигрировало на протяжении 1880—1888 годов в общей сложности 17768 чел.; русинские округа (В. Тароц, Маковица, Пряшев, Бардиев) дали 8586 чел., т. е. более 48% всех эмигрантов.

Из Земплинского комитата в течение 1879—1902 годов эмигрировало 52444 чел. Из 23940 чел., выехавших из этого комитата через морские порты, на русинские округа (Вранов, Гуменное, Сечевцы, Михайловцы, Стропков, Снина) приходилось 21881 чел., или свыше 90% всех эмигрантов⁴⁰⁶).

На протяжении трех лет, с 1880 по 1882 год, из Ужгородской жупы эмигрировало за океан свыше 1200 чел., т. е. в среднем 400 чел. в год. Как доносил главный жупан, в 1880 году из Ужгородского комитата в связи с голодом выехало в Америку 153 чел.⁴⁰⁷); из Капушанского, Ужгородского, Собранецкого и Великоберезнянского округов в течение 1880—1882 годов переселилось 553 сельскохозяйственных рабочих вследствие бедности, безработицы и задолженности ростовщикам⁴⁰⁸); из г. Ужгорода, по сообщению бургомистра, за эти же годы эмигрировало за океан 500 ремесленников и мел-

⁴⁰⁶ «Славянские известия». № 7, 1889, стр. 163, указ соч. П Гапак («Дукля», № 3, 1958), стр. 53.

⁴⁰⁷ ГАЗО, ф. 4, д. 43, л. 5.

⁴⁰⁸ Там же, д. 66, лл. 11, 13 и сл.

ких торговцев, обремененных высокими налогами и ростовщическими процентами⁴⁰⁹). Сотни заявлений о желании выехать в Америку поступали от закарпатских крестьян в административные комиссии жупных управлений и в последующие годы⁴¹⁰). Количество переселившихся в Америку в 1890 году по сравнению с 1880 годом возросло на 20%; только из Ужгородского комитета выехало в 1890 году 500 семей⁴¹¹).

Магьярский историк П. Балог указывал, что в 50—90-х годах XIX столетия наблюдалось значительное сокращение населения в северных, горных районах Венгрии. По его данным, уменьшение населения имело место в 1955 сельских общинах. Особенно резко сократилось население в 203 из 612 русинских общин, главным образом на Шаришине и Земплиншине, вследствие эмиграции. Другой исследователь, В. Гнатюк, лично посетивший русинские комитаты, писал, что в некоторых селах Земплинской жупы «остались одни женщины и дети, так как мужчины разбрелись по миру за хлебом».

Переселенческое движение в 90-х годах XIX столетия в закарпатских комитатах приняло еще более широкие размеры: в отдельные годы число эмигрантов по четырем основным комитатам, населенным русинами, достигало, включая семью переселенцев, 3—4 тысяч человек. По сведениям дирекции государственных лесов Ужанщины, в течение 1891 года только из шести сел выехало на заработки в Америку 1215 лесорубов (из с. Радванки — 550 человек, Турья Ремета — 340, Коменце — 144⁴¹²). За первое полугодие 1900 года из Ужгородской жупы, где крестьяне особенно страдали от малоземелья, эмигрировало 2641 чел., из которых 2639 чел. выехало в страны американского континента, а из Бережской жупы выехало в Америку 1140 чел.⁴¹³). На протяжении 1892—1901 годов из Ужгородской жупы выехало в Америку 19368 чел.⁴¹⁴).

Приводимые ниже данные венгерской статистики за 1900—1901 годы характеризуют дальнейшее нарастание эмиграции из Закарпатья, о чем можно судить по количеству выданных заграничных паспортов (см. табл. 11).

По отношению к общему числу паспортов, выданных в целом по Венгрии в 1901 году (132257 паспортов), на закарпат-

⁴⁰⁹) ГАЗО, ф. 5, д. 560, лл. 40—41

⁴¹⁰) Там же, ф. 4, л. 83, лл. 7, 9, 11, 13, 26, л. 126, лл. 2—39

⁴¹¹) Там же, ф. 4, д. 163, л. 41

⁴¹²) Там же, ф. 4, д. 205, л. 3

⁴¹³) Там же, ф. 4, д. 66, лл. 10—16 и сл., ф. 722, оп. 1, 1900—1901 гг. д. 117, лл. 26—30. Несколько сот крестьян эмигрировало и из Угочской жупы. Начальник Голмиского округа этой жупы сообщал в 1900 году, что среди населения округа «началось массовое движение за выселение в Америку» (см. ГАЗО, ф. 245, д. 785, л. 11).

⁴¹⁴) Указ соч. В. И. Илько, До питания розшарування..., стр. 43

Таблица 11

Количество выданных заграничных паспортов ⁴¹⁵⁾

Название комитета	1900 г.	1901 г.	1903 г.
Бережский	1314	1907	3020
Марамарошский	1632	1923	2710
Ужгородский	4167	4841	—
Угочский	175	201	1173

ские комитаты приходилось 8872, т. е. 6,7%. В 1900 году по закарпатским комитатам было получено 7228 заграничных паспортов, в 1901 году — 8872⁴¹⁶⁾, а в 1903 году — более 11 тысяч⁴¹⁷⁾, что дает увеличение по сравнению с 1900 годом на 52%. По-прежнему первое место по количеству эмигрантов занимала Ужгородская жупа (57% всех полученных паспортов в 1900 году и 54,5% — в 1901 году). Количество лиц, получивших паспорта в 1900 году по закарпатским комитатам, в три раза превышало их число во всех венгерских комитетах правого берега Дуная⁴¹⁸⁾.

Таблица 12

Показатели		Количество эмигрантов	
		1900 г.	1901 г.
Распределение эмигрантов по полу	Мужчины	3443	4162
	Женщины	1114	1090
	Всего	4557	5252
Распределение эмигрантов по родному языку	Мадьярский	1249	1458
	Немецкий	243	260
	Словацкий	1141	1253
	Украинский	1919	2278
	Хорватский и сербский	2	—
Другие языки	3	3	
Направление потока эмигрантов	Европейские страны	18	36
	Америка	4537	5207
	Другие континенты	2	9

⁴¹⁵⁾ Kjsé, 1901, стр. 92; Msé, XIII, 1906, стр. 50—60, Deb, 1904, стр. 50—51.

⁴¹⁶⁾ Kjsé, 1901, стр. 92.

⁴¹⁷⁾ Msé, XIII, 1906, стр. 50—60

⁴¹⁸⁾ Там же

Однако не всем получившим заграничные паспорта удалось выехать из Венгрии; обычно 30—40% из них не получали разрешения на выезд вследствие различного рода ограничений, введенных венгерскими властями. О фактическом количестве переселенцев из закарпатских комитатов в течение 1900—1901 годов, распределении их по национальному признаку и о направлении потока эмиграции можно судить по данным табл. 12⁴¹⁹).

Из приведенных данных можно сделать следующие выводы:

1) в течение двух лет, 1900 и 1901 годов, из четырех закарпатских комитатов эмигрировало в общей сложности 9809 чел. (в 1900 г. — 4557 чел., в 1901 г. — 5252 чел.); число эмигрантов возросло в 1901 году по сравнению с 1900 годом на 13,3% (Бережский — на 52%, Ужгородский — на 13,5%); число эмигрантов из Угочского комитата оставалось стабильным (125 чел. в год), а количество переселенцев из Марамарошского комитата сократилось с 647 до 541 чел., т. е. на 19,6%, и составляло по отношению ко всему населению этих комитатов 0,6% (Бережский — 0,3, Ужгородский — 2,0, Марамарошский — 2,0, Угочский — 0,1%).

Мужчины в составе эмигрантов составляли в 1900 году 75,5%, а в 1901 году — 79,2%. Можно предполагать, что в эти годы свыше 20% эмигрантов отправлялись в другие страны со своими семьями, имея намерение поселиться там навсегда;

2) основной поток переселенцев из закарпатских комитатов направлялся в страны американского континента, и прежде всего в США (в 1900 году из общего числа эмигрантов-русинов в Америку переселилось 99,6, а в 1901 году — 99,1%; по Венгрии в целом в 1901 году в Америку переселилось 83,4% всех эмигрантов)⁴²⁰);

3) по национальной принадлежности, в соответствии с данными венгерской статистики, эмигранты распределялись следующим образом: мадьяры составляли в среднем 27, немцы — 5, словаки — 24, закарпатские украинцы — 43% всех переселенцев.

Надо указать на то, что официальная венгерская статистика стремилась искусственно уменьшить количество русинов, причисляя известную часть их по разговорному языку к мадьярам. Поэтому указанное в официальных источниках количество эмигрантов-русинов не является точным. Исходя из распределения населения Закарпатья по вероисповедному

⁴¹⁹) Msé, XIII, 1906, стр. 50—60.

⁴²⁰) Из 10596 человек, эмигрировавших из закарпатских комитатов в 1905 году, выехало в страны американского континента 10377 человек, т. е. 97,9% (Msé, XIII, 1906, стр. 55—56).

признаку, можно считать, что закарпатских украинцев в составе эмигрантов было не 43, а 55%. Таким образом общее количество эмигрантов-русинов, переселившихся в другие страны на протяжении 1900—1901 годов, составляло не 4197 человек, как это утверждала официальная статистика, а не менее 5400 человек. Если же учесть, что по пяти венгерским и словацким комитатам (Бач-Бодрог, Абауй-Торна, Шариш, Спиш и Земплин) число эмигрантов-русинов составляло 2400 человек, то общая цифра эмигрантов закарпатских украинцев в 1900—1901 годах достигала 7800 человек*.

Среди переселенцев, бежавших из Закарпатья, преобладала деревенская беднота, сельскохозяйственные рабочие. По официальным данным, среди эмигрантов, выехавших из закарпатских комитатов в 1905 году, было сельскохозяйственных рабочих 57,7, крестьян—23,3, промышленных рабочих—4,1 и других—4,9%⁴²¹).

По свидетельству одного из современников, к концу XIX столетия эмиграция из закарпатских комитатов, несмотря на чинимые властями препятствия, год из года возрастала. Возвратившиеся из «Нового света» русины редко остаются на родине. Через некоторое время они снова уезжают в Америку и, наконец, выписывают туда и свои семьи. «Теперь в Америке,—писал он,—до девяти угрорусских приходов и до 100 тысяч угорских русинов»⁴²²).

Принятая отдельными авторами цифра 100 тысяч эмигрантов из закарпатских комитатов, переселившихся к началу XX столетия в страны американского континента и натурализовавшихся там, как показывают наши подсчеты, является несколько заниженной. Анализ имеющихся в нашем распоряжении статистических материалов позволяет утверждать, что в течение 30 лет, с 1871 по 1900 год, из закарпатских комитатов эмигрировало 170 тысяч чел. населения**.

Из этого количества русины составляли не менее 55%, что подтверждается данными, характеризующими распределение населения Закарпатья по родному языку и вероисповеданию. Таким образом, можно утверждать, с большой долей вероятности, что в течение этих 30 лет из Закарпатья эмигрировало свыше 90 тыс. украинцев. Эмигранты-русины из других венгерских и словацких комитатов составляли в среднем 35—40% общего числа переселенцев из основных закарпатских жуп. Исходя из этого, можно считать, что в течение 1871—1900 годов из Венгрии эмигрировало 130 тыс. закарпатских украинцев, из них не менее 90%, т. е. приблизительно 120 тыс.,

---

⁴²¹) Msé. XIII, 1906, стр. 57.

⁴²²) Указ Наук. збірн. т-ва «Просвіта», річн. XIII—XIV, стр. 23—24.

переселились в страны американского континента. В 1900 году эмигранты-русины составляли 1/5 часть общего количества населения основных закарпатских комитатов*.

**

Заокеанская эмиграция стала доходной статьей для различного рода капиталистических компаний, агентств и банков. а обездоленные эмигранты — объектом эксплуатации и наживы для агентов, посредников и маклеров, наводнивших села Галиции, Буковины и Закарпатской Украины. По словам депутата венгерского парламента Э. Миклоша, агенты судовладельцев вели «настоящий торг» эмигрантами, получая за каждого из них определенный процент вознаграждения. «Такие же проценты получают и парходные общества и центральные агентства», — говорил он⁴²³).

В Гамбурге перевозкой эмигрантов в конце XIX—начале XX столетия занимались 12 парходных обществ: «Hamburg—Amerikanische — Packertfahrt — Actien — Gesellschaft («Hamburg — Amerika Line»), «Hamburg — Südamerikanische — Dampfschiffsgesellschaft»⁴²⁴), «White Star — Line», «Cunard — Steamship — Company», «International — Navigation — Company», «Kosmos» и др. В руках этих компаний было сосредоточено все гамбургское эмиграционное дело.

Весьма существенную роль в поддержании русской и австро-венгерской эмиграции, как указывали русские дипломатические представители в Германии, играли немецкие парходные общества «Ллойд» и «Гамбургская компания», занимавшиеся также перевозкой переселенцев. Для привлечения пассажиров эти общества действовали через особые, концессионированные германским правительством предприятия, главным из которых являлось агентство Мисслера, через которое проходило до 9/10 славянской эмиграции. За каждого поставляемого «Ллоиду» пассажира агентство получило по 15 марок комиссионных. Учреждение Мисслера имело многочисленные конторы в Европе и Америке, огромный штат служащих, свои гостиницы; оно проводило широкую эмиграционную пропаганду⁴²⁵) и, наконец, занималось банковыми опера-

⁴²³) СКД, вып IV, 1899, стр 294.

⁴²⁴) Морской флот, принадлежавший этим двум компаниям, состоял из 194 парходов (СК, стр. 50).

⁴²⁵) Представитель министерства земледелия Де-Поттерс, выступая на съезде председателей «Союзов землевладельцев» (1902 год), между прочим, указывал, что фирма Мисслера имеет своих агентов во многих селях Венгрии, наводняет их эмиграционной литературой, рассылает именные приглашения отдельным крестьянам, предлагая воспользоваться услугами агентства для «дешевого» и «удобного» проезда в Америку (см. ГАЗО, ф 772, оп. I, 1902 г., д. 305, лл. 15—25).

циями и переводами денежных сумм, пересылаемых поселившимися в Америке славянскими эмигрантами своим семьям на родине. Валовой доход агентства Мисслера в 1900 году определялся суммой 1600 тыс. марок⁴²⁶), а германские пароходные общества, как доносил русский министр-резидент в Гамбурге, «реализовали прекраснейшие барыши»⁴²⁷). В Гамбурге и Бремене⁴²⁸) действовало также отделение общества «Hanseatische Colonisations Gesellschaft», которое имело концессию на заселение Южной Америки.

На протяжении 1881—1895 годов через Гамбург проследовало 104 тыс.⁴²⁹), а через Бремен 154 тыс. эмигрантов из Венгрии. Причем характерно, что до 1885 года основной поток переселенцев проходил через Гамбург (от 60 до 92%), а с 1886 года доля Гамбурга в перевозке эмигрантов снижается до 13%, зато соответственно возрастает значение Бременского порта, через который проходило свыше 80% всех переселенцев, следовавших через Германию (в 1885 г. — 66, в 1890 г. — 80, в 1893 г. — 86%)⁴³⁰).

В 1894 году в Вене образовалось частное общество «Österreich — Ungarische Colonial Gesellschaft» во главе с князем Вреде, ставившее своей целью «оказывать помощь и покровительство австро-венгерским эмигрантам как в самой империи, так и за пределами ее». Это общество имело агентов во всех важнейших портах Европы и в различных американских городах, свои ночлежные дома и столовые для эмигрантов, наводило справки об имущественном и семейном положении лиц, желающих эмигрировать из Австро-Венгрии, давало советы относительно выбора места жительства, оказывало им «всевозможное вспомоществование» и направляло их в Америку «кратчайшим и наиболее дешевым путем». Большое место в деятельности общества занимала пропаганда эмиграции. «С целью ознакомления местного населения с деятельностью общества,—писал русский вице-консул в Вене,—им рассылаются особые циркуляры начальникам округов, общин и проч., преимущественно в Галицию»⁴³¹).

Эмиграция из Венгрии поддерживалась и поощрялась также «Венгерско-словацким банком» в Америке, который,—как указывалось в донесении русского генерального консула

---

⁴²⁶) СКД, вып. III, 1901, стр. 213—214.

⁴²⁷) Там же, вып. III, 1900, стр. 250

⁴²⁸) В Бремене морской транспорт был монополизирован немецким пароходным обществом «Norddeutscher Lloyd», располагавшим 79 океанскими пароходами (СК, стр. 38).

⁴²⁹) СК, стр. 50

⁴³⁰) Там же, стр. 38

⁴³¹) СКД, вып. IV, 1899, стр. 233.

в Будапеште,—«делает громадные денежные обороты, ссужая эмигрантам требуемые от них законом 30 долларов⁴³²). взимая их по частям и занимаясь переводом переселенческих денег на родину»⁴³³).

Основной поток заокеанской эмиграции русинов направлялся в США и Канаду. В течение 15 лет, с 1881 по 1895 год, по данным американских властей, в США эмигрировало из Венгрии 255700 чел. Нарастание переселения из Венгрии в США можно проследить по таким данным⁴³⁴).

Таблица 13

Годы	Количество лиц, переселившихся из Венгрии в США (в округленных цифрах)
1881 — 1885	50500
1886 — 1890	86000
1890 — 1895	119200

В первом пятилетии в среднем число эмигрантов достигало 10—12 тыс. чел. в год, во втором — 15—25 тыс., а в третьем — 25—30 тыс. чел. В 1892 году в США прибыло 32683 эмигранта из Венгрии. Из общего количества эмигрантов женщины составляли около 30% (в 1882 г.—21%, в 1894 г.—35,8%), что свидетельствовало о намерении переселенцев избрать США своим постоянным местом жительства.

Меньшая часть переселенцев следовала в Бразилию, Уругвай и Аргентину. Как сообщал в своем отчете за первое полугодие 1892 года начальник Великоберезнянского округа Ужгородского комитета, эмиграция в Америку приобрела массовый характер. Многие из крестьян сел Порошково, Турья Поляна и Турья Бистра получили паспорта для выезда в Бразилию⁴³⁵). В мае 1899 года тот же начальник округа доносил о намерении большой группы крестьян Турянской долины переселиться в Бразилию⁴³⁶). В Аргентину русинам Закарпатья в 1897 году было выдано только 5 паспортов, а в 1900 году—уже 637 паспортов.

Русины, оседавшие в США, пополняли кадры рабочих промышленных предприятий; в Канаде переселенцы занимались

⁴³²) В 1893 году в США был издан закон, в соответствии с которым каждый эмигрант должен был иметь при въезде в страну не менее 30 долларов

⁴³³) СКД, вып. IV, 1899, стр. 295

⁴³⁴) Указ. Наук збірн. т-ва «Просвіта», річн XIII—XIV, стр. 23

⁴³⁵) ГАЗО, ф. 4, д. 163, лл. 41—45

⁴³⁶) Там же

главным образом земледелием, в южноамериканских странах они выступали как наемные рабочие плантаций и мелкие арендаторы-земледельцы⁴³⁷). Привлекая славянских переселенцев,—писал А. Будилович,—северо- и южноамериканские капиталисты, спекулянты и плантаторы стремились иметь «в русских, словенских и польских эмигрантах дешевую рабочую силу, как бы второе издание африканских рабов-негров⁴³⁸). И действительно, русины-эмигранты, как и другие переселенцы, обманутые крикливой пропагандой американских эксплуататоров, вместо «свободной» и «привольной» жизни попадали в условия, в которых они массами умирали «от голода и несносного климата»⁴³⁹).

Если положение эмигрантов—заводских рабочих, шахтеров и особенно батраков фермерских и плантаторских хозяйств современники сравнивали с положением рабов-невольников, то в не менее тяжелых условиях, чем на родине, находились переселенцы в Канаде, ставшие «собственниками» значительных земельных участков.

Переселенческое движение в Канаду поддерживалось и поощрялось самим канадским правительством, заинтересованным в заселении огромных неосвоенных пространств восточных и северо-западных областей. Незначительная в начале эмиграции русинов Закарпатья и Галиции в Канаду, начавшаяся в 60-х годах XIX столетия, на протяжении последующих 40 лет все более усиливалась. К 1900 году переселенцев-русинов в Канаде насчитывалось свыше 60 тысяч человек; только в одном Эдмонтском округе их число превышало 14 тыс. чел.⁴⁴⁰).

Получив на льготных условиях земельные участки (нередко малопригодной к обработке земли) в размере 160 акров на каждого, достигшего 18 лет, работника, эмигранты в Канаде, однако, не стали фактическими владельцами этих земель, так как отсутствие средств, тягловой силы, инвентаря, посевного материала, неблагоприятные климатические условия не давали возможности завести собственное хозяйство. Как указывал в своем донесении русский консул в Монреале Н. Струве, лично ознакомившийся с положением эмигрантов в районе г. Миннедозы провинции Манитоба, переселенцам «живется здесь не легко, так как они, в большинстве случаев, прибыли в страну на последние деньги, и хотя получили даровые земли, но находятся еще в довольно затруднительных ус-

⁴³⁷) И. Свенцицкий, Славяне в Америке, «Славянский век», № 44, 1902, стр. 555.

⁴³⁸) А. Будилович, Червонорусская эмиграция, «Славянское обозрение», т. 3, СПб, сентябрь-декабрь 1892 г., стр. 18.

⁴³⁹) Указ. соч. Путник, стр. 643.

⁴⁴⁰) СКД, вып. VI, 1900, стр. 486.

ловнях. Земли достались им не особенно хорошие и они жаловались мне на весенние и ранние осенние морозы»⁴⁴¹).

Материальное положение русских духоборов в Канаде, а в таких же условиях находились и эмигранты-русины, консул охарактеризовал, как «весьма незавидное». Вследствие недостатка тягловой силы вспаханные и засеянные поля встречались чрезвычайно редко. В лучшем случае переселенцы, установившиеся на общинных началах, смогли обработать приусадебные участки. «Еще печальнее вид тех деревень,—писал Н. Струве,—в которых каждая семья должна вести отдельное хозяйство за свой счет; никакого хозяйства она, конечно, еще не ведет и вести не может, за неимением на это необходимых средств; у кого есть лошадь, у кого корова, у кого плуг, а у другого и ничего нет. В огородах посеяно немного пшеницы и овса для опыта и на семена; земли часто вскапывали лопатами, а иногда впрягали в плуг женщин и пахали». Вот почему,—заключал Н. Струве,—я не думаю, «чтобы им вскоре удалось распахать свои земли и встать на ноги»⁴⁴²).

Абсолютное большинство эмигрантов-русинов в Канаде вынуждено было в этих условиях добывать средства к существованию не за счет обработки полученной земли, а за счет сторонних заработков. В деревнях эмигрантов с ранней весны и до поздней осени оставались только пожилые женщины и дети. Все остальные уходили на заработки, нанимаясь батраками на фермы или существовали за счет поденной работы в городах. Ничтожные заработки не давали возможности накопить средства, необходимые для ведения своего хозяйства. Как ни сильна была приверженность эмигранта-русина к собственной земле, но большинству из них так и не удавалось стать «господарями», а приходилось влачить многие годы нищенское существование батраков на чужой земле и в чужом краю. Надежды на «американское счастье» развеивались, как дым. Вот почему в Канаде, как писал Н. Струве, встречалось «множество покинутых ферм; видно люди попытались счастье и ушли»⁴⁴³).

Оставшиеся в Канаде эмигранты-русины в массе своей стали сельскохозяйственными и строительными рабочими, испытывающими на себе всю тяжесть капиталистической эксплуатации. Только в течение нескольких месяцев, в страдную пору, батрак мог найти работу, получая за свой тяжелый и ненормированный труд 20—30 рублей в месяц. В зимние месяцы он жил впроголодь, так как в это время «работу

---

⁴⁴¹) СКД, вып VI, 1900, стр 481.

⁴⁴²) Там же, стр. 483, 484.

⁴⁴³) Там же, стр. 481.

найти трудно, в лучшем случае можно рассчитывать на заработок в 10—25 рублей в месяц»⁴⁴⁴). Рабочие на строительстве шоссейных и железных дорог из своей заработной платы (3—5 рублей за 9—10 час. рабочий день) должны были уплачивать комиссионные агентствам по найму рабочих и подрядчикам. Мало того, агентства нередко «вводят рабочих в заблуждение и отправляют их в крайне отдаленные пустынные местности с весьма тяжелыми условиями существования»⁴⁴⁵).

Не менее тяжелым было положение эмигрантов, переселившихся в Аргентину⁴⁴⁶), которая хотя и представляла собой «прекрасное поле для иммиграции»⁴⁴⁷), но только не для обездоленных и нищих русинов, которые с первого же дня пребывания на аргентинской земле попадали в кабалу к местным землевладельцам, крупным капиталистам-скотоводам и спекулянтам. В Аргентине закарпатские украинцы-эмигранты являлись главным образом сельскохозяйственными рабочими и арендаторами-издольщиками.

За 13 часовая рабочий день сельскохозяйственный рабочий летом получал, кроме питания, 2—3 рубля в день. В зимнюю пору он мог только изредка заработать 20 рублей в месяц. Значительную часть его заработка поглощала квартирная плата. Семейный рабочий за квартиру из двух комнат уплачивал в месяц 10—12 рублей⁴⁴⁸).

Правда, аргентинское правительство, заинтересованное в освоении новых земель, в ряде областей (Санта-Крус, Чубут, Рио-Негро, Чако, Неукен, Формоса, Мисионес, Ла-Пампа, Тьерра дель Фуэго и др.) предоставляло поселенцам участки земли (до 100 гектаров для земледелия и до 2,5 тыс. гектаров для скотоводства) на льготных условиях (от 1 до 2,5 бумажных пэсо⁴⁴⁹) за гектар с рассрочкой на 6—8 лет и с начислением 6% годовых)⁴⁵⁰). Однако тяжелые климатические условия, частые засухи, нашествия саранчи, а также непригодность большинства отводимых аргентинским правительством участков для земледелия обусловили собой то, что «до последнего времени поселенцы мало пользовались этими казенными участками»⁴⁵¹).

---

⁴⁴⁴) СК, стр. 85.

⁴⁴⁵) Там же, стр. 84.

⁴⁴⁶) В штате Мисионес, в городке Colonia de Apostelos и в его окрестностях находилось перед первой мировой войной до 40 тыс. украинцев из Галиции, Буковины, Подолья и Закарпатья (см указ. соч Мицук О., Аграрна політика, стр. 175).

⁴⁴⁷) СК, стр. 17.

⁴⁴⁸) Там же, стр. 70

⁴⁴⁹) Бумажный пэсо в начале XX столетия—0,82 рубля

⁴⁵⁰) СК, стр. 19.

⁴⁵¹) Там же, стр. 20.

Эмигранты-русины в абсолютном большинстве своем не имели средств для приобретения земли в собственность в областях Аргентины с более благоприятным климатом. По свидетельству редакторов «Справочной книги по вопросам эмиграции», для организации самостоятельного земледельческого хозяйства (основанного на производстве пшеницы или маиса), которое могло бы дать средства к существованию семье в 4—5 душ, необходимо было приобрести не менее 100—150 гектаров земли по средней цене 40—50 рублей за гектар. Сельскохозяйственные орудия, скот, семена, жилище и другие постройки обходились в 3—3,5 тыс. рублей. Таким образом, для организации земледельческого хозяйства необходимо было вложить капитал в 10 тыс. рублей. Вот почему обзаведение собственным хозяйством в Аргентине было «доступно только переселенцам с некоторым капиталом. Для людей с капиталом здесь открываются наиболее широкие перспективы»⁴⁵²).

Какие же перспективы открывались перед эмигрантами-русинами, продавшими последнее добро для приобретения шифскарты в Аргентину? У них не было выбора. Они вынуждены были или превратиться в потомственных батраков и кабальных арендаторов чужой земли, или возвратиться на родину. За взятую внаем землю эмигрант-арендатор отдавал половину урожая землевладельцу. «Так как подати и земельные налоги в Аргентине чрезвычайно высоки, то понятно, что при такой системе аренды... поселенцу остается сравнительно мало»⁴⁵³). Не случайно, испытав всю тяжесть подневольной жизни в Аргентине, большинство эмигрантов из этой страны возвращалось на родину. В начале XX столетия реэмигранты составляли около 70% всего числа эмигрантов, прибывших в Аргентину⁴⁵⁴).

В Бразилии русины-эмигранты попадали в невероятно тяжелые условия. Они страдали от губительного климата, безработицы или влачили нищенское существование рабочих-рабов на кофейных плантациях. Многие из них после длительных мытарств и бедствий должны были возвращаться на родину без всяких средств к существованию. В 1901 году из Бразилии в Фиуме прибыла группа крестьян-русинов из села Терешел-Поток с семьями, насчитывавшая более 130 душ. Как сообщили крестьяне-реэмигранты, они выехали в Бразилию, гонимые нуждой, в надежде получить там постоянный заработок, как это обещали им эмиграционные агенты. Однако они обманулись в своих надеждах и, не най-

⁴⁵²) СК, стр. 19.

⁴⁵³) Там же.

⁴⁵⁴) Там же, стр. 172—173.

дя работы в Бразилии, решили в том же году, продав все свои пожитки, возвратиться в родное село. Венгерские власти в Фиуме обеспечили этой группе реэмигрантов, не имевших средств даже на питание, бесплатный проезд по железной дороге в Марамарошскую жупу⁴⁵⁵).

Будапештская газета «Az Újság»⁴⁵⁶) в статье «Возвращение эмигрантов из Бразилии» писала: В 1899 году агенты эмиграционных обществ из Генуи ходили по селам Марамарошской жупы и вербовали эмигрантов в Бразилию «на льготных условиях», расхваливая «благодатную землю» и суля им значительные заработки — 4—5 форинтов в день. «Несчастливые люди поверили им». 29 семей русинов-верховинцев из Марамароша продали свое имущество, и отправились морем через Фиуме, Геную в Рио-де-Жанейро. По дороге 6 человек эмигрантов умерло. Остальные были доставлены на кофейную плантацию в районе города Сан-Пауло, с владельцем которой они заключили договор о работе на 4 года. Работа на плантации продолжалась с раннего утра и до позднего вечера. Причем в течение первого года рабочие-эмигранты получали только питание, а заработная плата удерживалась на покрытие издержек по «льготному» проезду в Бразилию. На второй год взрослые рабочие за 14 часовой рабочий день получали 75—80 крейцеров, а дети—20—25 крейцеров. «За непослушание рабочих били кнутами». В начале 1904 года закончился срок кабального договора. Рабочие-русины выехали домой и прибыли в Будапешт, как писала газета, «без гроша в кармане».

Другая венгерская газета «Budapesti Hirlap»⁴⁵⁷) в статье «Тяжелая нужда» сообщала: Эмиграционный агент из Генуи Стефан Описо обманным путем завербовал в 1900 году 31 семью из Мукачевского округа, которые выехали в Бразилию. На протяжении 4 лет они работали на кофейной плантации. В течение первого года, как и эмигранты из Марамароша, они заработной платы не получали. Со второго года заработок мужчин не превышал 1 кроны за 17-часовой рабочий день. Владелец плантации Кунга Буэно установил более низкую заработную плату, чем это было предусмотрено договором, но зато принуждал рабочих покупать одежду в его лавке по высоким ценам. Рабочие жили в тяжелой нужде, а когда они попытались было оставить работу, то их избili надсмотрщики и заставили остаться на плантации. Эмигранты обратились за помощью к австро-венгерскому консулу, кото-

⁴⁵⁵) См. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1901 г., д. 196, л. 34; 1902—1905 гг., д. 306, лл. 10—21.

⁴⁵⁶) Газета «Az Újság», 19 февраля 1904 года.

⁴⁵⁷) Газета «Budapesti Hirlap», 18 февраля 1904 года

рый на их жалобы ответил: «Если имеете деньги, то возвращайтесь домой, а не имеете, — то делайте, что хотите». Рабочие-эмигранты, как они заявили, «голодали, собирая деньги на обратную дорогу». Так, после 4-летнего пребывания в «благодатной» Бразилии на кофейной каторге возвратились на родину 9 семей крестьян-русинов из села Фелелешфалва (Д. Бобыль, Д. Сосинда, М. Кость, Д. Ломбард, М. Слевко и др.), уделом которых по-прежнему оставались нищета и голод.

В США главными районами русинской колонизации являлись штаты Пенсильвания, Нью-Йорк (Нью-Йорк, Бруклин), Огайо [Кливленд, Марблегат (Marblehead)], Нью-Джерси [Джерси-Сити, Пассейк (Passaic), Юнкерс], Иллинойс [Чикаго, Штитер (Steator), Кенгли (Keangly), Вайтинг (Whiting)], Миннесота (Сен-Поль, Миннеаполис), Вайоминг, Колорадо (Пуэбло, Данвер), Канзас, Калифорния, Айова [Осколуза (Oscaelvosa), Эксцельсиор]. Особенно много выходцев из Закарпатья и Галиции оседало в «славянском штате» Пенсильвания. В 1890 году здесь насчитывалось до 80 тыс. русинов, создавших свои колонии в городах Уилкс-Барре, Аллентауне, Крентоне, Кингстоне, Фриланде, Шенандоа (Shenandoah), Магони-Сити, Лейзенринге, Осцеола-Мильсе, Олифанте, Трентоне, Ландсфорте, Юнгстоуне (Joungstoun), Шамокине, Джерсей-Уитти и др.

Закарпатские русины, которых буржуазная американская печать и «работодатели» презрительно называли «hungarian», были наиболее отсталыми, забитыми, приниженными существами, подвергавшимися, подобно неграм и индейцам, зверской эксплуатации американскими капиталистами, фермерами и спекулянтами. «Ища себе заработка и соглашаясь на всякие условия, указывали «Славянские известия»⁴⁵⁸), славянские иммигранты понижают заработную плату, удовлетворяясь и плохим жилищем и скудной пищей». Если отдельным «счастливым» из числа эмигрантов удавалось теми или иными путями получить настоящий заработок, сколотить небольшую сумму денег или даже приумножить ее за счет розничной торговли или мелких спекуляций, то масса эмигрантов-русинов в Америке, как писал Т. Д. Флоринский, «гибнет в борьбе с непреодолимыми житейскими невзгодами»⁴⁵⁹).

Однако неумолимый ход социально-экономического развития, голод и нищета гнали тысячи и тысячи обреченных на вымирание закарпатских украинцев из родного края. Делали свое дело и крикливая реклама «американского образа жизни» и лживые посулы агентов пароходных компаний и об-

⁴⁵⁸) «Славянские известия», № 6, сентябрь 1906 года, стр. 482

⁴⁵⁹) Указ. соч. Т. Д. Флоринский, стр. 15.

ществ по вербовке рабочей силы для промышленности и фермерских хозяйств США, беззастенчиво вводивших эмигрантов в заблуждение расхваливанием «благоденствия» трудящихся в «Новом свете»⁴⁶⁰) и пресловутой «американской свободы»*. Один из закарпатских авторов, характеризуя усиление эмиграции русинов за океан в конце XIX столетия, писал: «Жалко, что на улучшение положения дома теперь нет надежды, и поэтому число эмигрантов в последние годы возрастает. Это отчасти можно приписать тому, что выбывшие, хоть и в меньшей части, получают лучшие заработки в Америке, чем на родине, и присланными домой деньгами побуждают других к эмиграции. Количество эмигрантов возрастает потому, что между народом распространяется представление о сказочных заработках в Америке».

Но статистические сведения, факты и свидетельства современников говорят о другом. «Американская свобода» и «сказочные заработки» оказывались мифом. Жестокая действительность американских условий жизни трудящихся разбивала вдребезги иллюзии, навеянные лживой проамериканской пропагандой. Сокращение поступлений средств, пересылаемых переселенцами на родину, являлось ярким свидетельством того, что слухи о баснословных накоплениях эмигрантов в Америке были лишены всяких оснований и рассчитаны только на обман общественности. Из Америки в Венгрию было вывезено эмигрантами в 1895 году 9 млн. гульденов, в 1896 году — 7,5 млн. и в 1897 году — 6,5 млн. гульденов.

В. И. Ленин, характеризуя иммиграцию в США и Германию, указывал: «Чем более отстала страна, тем больше она дает необученных, «черных», сельских рабочих. Передовые нации захватывают себе, так сказать, лучшие виды заработков, оставляя полудиким странам худшие виды заработков»⁴⁶¹). Это положение целиком относилось и к русинам-эмигрантам. Украинцы Галиции и Закарпатья, как писал русский автор А. Васильев, «занимающиеся на родине исключительно земледелием, в Америке, за немногими исключениями, работают в каменноугольных копях, на железных дорогах или на лесопильных и других заводах. Торговля и промыслы доступны только немногим единицам...»⁴⁶²).

Русины-эмигранты, неприспособленные к жизни в условиях американской индустрии, не имеющие промышленной

---

⁴⁶⁰) В Закарпатье широко распространялся изданный в Будапеште «Порядник для эмигрантов, котры эмигруют (выселяются) в Северо-Американски Соединены Державы або в Канаду», который был заполнен неправдоподобными сведениями, изображающими эти страны «обетованной землей» где каждому якобы был открыт путь к обогащению.

⁴⁶¹) В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 413.

⁴⁶²) Указ. соч. А. Васильев, стр. 19.

квалификации, вынуждены были наниматься на самую грязную и тяжелую работу. Галицкий автор А. Будилович, опровергая лживые утверждения реакционной австрийской и венгерской печати, объяснявшей эмиграцию русинов «погоней за легким заработком», указывал: «...В С. Америке они в большинстве занимаются в рудниках, следовательно, самым тяжелым видом промышленного труда, на который... осуждаются каторжники. Можно ли назвать подобный заработок — легкой наживой!»⁴⁶³).

Поденная заработная плата на заводах и железных дорогах Пенсильвании за 10 часовую рабочий день в 80—90-х годах XIX столетия не превышала 1,1—1,5 доллара, а в шахтах — 1,2—2,0 доллара. Шахтеры в зависимости от большего или меньшего спроса на угольном рынке работали в месяц 15—20 дней. Если считать, что шахтер на подземной работе мог заработать в среднем в день 1,2—1,5 доллара, то при 15-дневной занятости в месяц он получал не более 18,0—22,5 доллара. Большинство русинов-эмигрантов, работающих на шахтах, жило в общежитиях артелями по 8—10 человек. Только стол и стирка белья, не считая других расходов, обходилась каждому рабочему до 12 долларов в месяц⁴⁶⁴).

В начале XX столетия в Детройте на автомобильных, сталелитейных и машиностроительных заводах за 54—60 рабочих часов в неделю неквалифицированный рабочий получал в среднем 18 рублей (заработная плата квалифицированного рабочего была на 30% выше). За квартиру из 2 комнат рабочий уплачивал в неделю 2,3 рубля, а расходы на питание семьи из 3 человек, по самым минимальным расчетам⁴⁶⁵), составляли 15 рублей. Недельная заработная плата шахтера в Питсбурге составляла 32 рубля, заработная плата неквалифицированного рабочего на металлургических предприятиях Питсбурга и Кливленда — 20 рублей, а рабочего доменных печей (за 84 рабочих часа в неделю) — 25—30 рублей. Однако цены на квартиры здесь были выше, чем в Детройте⁴⁶⁶). Таким образом, заработная плата неквалифицированных рабочих, а именно к их числу принадлежала масса эмигрантов-русинов, в лучшем случае, при наличии постоянной работы обеспечивала только прожиточный минимум. Рабочий в США, — писал русский дипломатический представитель в Вене.

⁴⁶³) Указ соч А. Будилович, Черноорусская эмиграция, стр. 19.

⁴⁶⁴) «Славянские известия», № 21, 1891, стр. 372.

⁴⁶⁵) Цены на основные продукты питания в Детройте удерживались на таком уровне: мясо (фунт) — от 14 коп. и выше, белый хлеб (фунт) — 10—11 коп., сливочное масло (фунт) — 60 коп., молоко (бутылка) — 18 коп., яйца (десяток) — 35—40 коп. (см СК, стр. 59).

⁴⁶⁶) См СК, стр. 90, 157.

характеризуя положение русинов-эмигрантов, — «должен работать упорно и согласно строжайшим предписаниям, причем вынужден быть чрезвычайно бережливым»⁴⁶⁷).

В условиях кризисов, потрясавших американскую промышленность, рабочий обрекался на безработицу и тяжелую нужду, а многосемейные — на нищету и голод. Обычно получить работу эмигрант мог только через посредника — подрядчика, который присваивал себе значительную часть заработной платы рабочего. «Подрядчики строительных работ пользуются обыкновенно тяжелым положением вновь прибывшего эмигранта для того, чтобы эксплуатировать его за очень низкую плату», — указывали современники⁴⁶⁸). В письмах эмигрантов-русинов из США, опубликованных в закарпатских газетах, подчеркивалось, что горе, которое они переживают, трудно описать. Их закабалили подрядчики, принуждая выполнять самую тяжелую и грязную работу за заработную плату, которая не обеспечивает содержание семьи. Их обсчитывают хозяева и обманывают всякого рода проходимцы⁴⁶⁹).

Жестокая капиталистическая эксплуатация рабочих на промышленных предприятиях США, усилившаяся в эпоху перехода капитализма в империалистическую стадию, варварская потогонная система, тяжелые производственные условия, отсутствие охраны труда неизбежно приводили не только к преждевременной потере трудоспособности рабочими, но и к массовому производственному травматизму и к «несчастным случаям», заканчивавшимся смертью рабочих. Многие эмигранты, говорилось в статье закарпатского автора, «гибнут в нужде среди разнузданной американской индустрии»⁴⁷⁰). Работа на металлургических заводах и угольных шахтах Питсбурга⁴⁷¹) была связана, как указывали современники, с большой опасностью для здоровья и жизни рабочих. Здесь имело место «огромное количество несчастных случаев среди рабочих...»⁴⁷²). Как сообщала закарпатская газета «Неделя», в 1905 году при катастрофе на одной из американских каме-

---

⁴⁶⁷) СКД, вып IV, 1899, стр. 294.

⁴⁶⁸) СК, стр. 203.

⁴⁶⁹) Газета «Magyar Hírlap» (23 декабря 1903 года) в заметке «Обмен денег на улицах Нью-Йорка» описывала, как были обмануты при обмене денег эмигранты-русины, которые в обмен на кроны вместо долларов получили рекламные афиши. Американская полиция, как водится, обманщиков не обнаружила.

⁴⁷⁰) «Славянские известия», № 7, 1889, стр. 163.

⁴⁷¹) В начале XX столетия около 70% неквалифицированных рабочих на металлургических заводах и угольных шахтах Питсбурга составляли эмигранты, преимущественно поляки, русские, украинцы (СК, стр 152)

⁴⁷²) СК, стр 157

ноломен погибло 10 русинов Бережской жупы⁴⁷³), а некоторые эмигранты просто «пропали без вести»⁴⁷⁴).

Американские капиталисты, высосав из рабочих-эмигрантов все жизненные соки, выбрасывали их на овалку искалеченными и непригодными больше к работе. Вот почему многие из переселенцев-русинов возвращались после нескольких лет пребывания в «американском раю» обратно на родину такими же нищими, да еще и неспособными к труду. Закарпатская газета «Свет», сообщая о возвращении из Америки 18 чешских семейств, где они надеялись «взнайти нвое отечество», указывала: «Большая часть из них не токмо в беднейшем состоянии возвратилась, но многие семейства потеряли в американской земле да в море и многих членов из среды себя. Уже Америка не та давняя Америка, где добывались богатства, уже переполненной Европе изобрести бы одной новой Америки, но где»⁴⁷⁵).

Некоторое представление о количестве эмигрантов, возвратившихся на родину, дают следующие статистические сведения, заимствованные из официальных источников. Из 17768 чел., эмигрировавших из Шариша на протяжении 1880—1888 годов, возвратилось на родину 3877 чел., т. е. 21%; в течение 1879—1891 годов возвратилось в Земплинский комитат из 23940 эмигрантов 6718 чел., т. е. 20%; за 1899 год по 6 комитатам, населенным русинами, из 11064 чел., эмигрировавших в Америку, возвратилось в том же году 2139 чел., или 19,3%⁴⁷⁶).

В начале XX столетия количество реэмигрантов из числа закарпатских украинцев заметно возрастает. Так, по официальным данным⁴⁷⁷), на протяжении 1900—1914 годов из Венгрии эмигрировало 55355 закарпатских украинцев, а возвратилось на родину за эти же годы 14254 чел., т. е. около 26% переселенцев; с 1905 по 1914 год из закарпатских областей переселилось в другие страны 40060 чел., а возвратилось на родину за эти же 10 лет 13561 чел., т. е. 33,8%. Особенно значительным поток реэмигрантов был в 1907, 1908 и 1910 годах [в 1907 году переселилось из закарпатских областей 5088 чел., а возвратилось — 2371 (почти 47%); в 1908 г. число реэмигрантов превосходило количество эмигрантов (выехало 1917 чел., а возвратилось — 2408); в 1910 году число реэмигрантов составило 57% переселенцев]⁴⁷⁸). Увеличение числа

⁴⁷³) Газета «Неделя», № 38, Ужгород, 4 сентября 1905 г., стр. 606

⁴⁷⁴) Газета «Наука», Ужгород, 22 сентября 1898 г.

⁴⁷⁵) Газета «Свет», 10 мая 1899 г.

⁴⁷⁶) Указ. Наук збірн. т-ва «Просвіта», річн XIII—XIV, стр. 23—25.

⁴⁷⁷) A magyar szent korona országainak, 1910. évi népszámlálása, I, стр. 235—236.

⁴⁷⁸) См. указ. Наук. збірн. т-ва «Просвіта», річн XIII—XIV, стр. 23—25.

реэмигрантов свидетельствовало об ухудшении условий жизни переселенцев, о том, что «американскому счастью» многие из них предпочитали такое же пекло на своей земле.

**

Массовая эмиграция населения из Закарпатья, Галиции и других областей Габсбургской империи вызвала серьезное беспокойство правящих кругов Венгрии и Австрии. Донесения местных властей конца XIX — начала XX столетия изобилуют указаниями на то, что массовая эмиграция русинов ставит в затруднительное положение землевладельцев, органы лесного управления, предпринимателей, которые испытывают недостаток дешевых рабочих рук*. Вследствие значительных размеров переселения, как говорилось в донесениях жупанов, уменьшилась сумма собранных налогов и сократился контингент лиц призывного возраста. В Ужгородском округе, как сообщал в 1895 году начальник округа, план набора в армию не был выполнен, так как 1/3 рекрутов эмигрировала в Америку⁴⁷⁹). Начальник Свалявского округа М. Болайти в своем отчете за 1897 год указывал: «Нишета приняла такие размеры, что крестьяне находятся в отчаянии. Если им разрешить, то они в течение 4 месяцев все выселятся в Америку. В округе не останется ни одного крестьянина-русина, а только торговцы, ростовщики и священники»⁴⁸⁰).

Поэтому жупаны комитатов, начальники округов, дирекции лесного и горнорудного управлений, податные органы, помещики, высшее духовенство Закарпатья настойчиво требовали ограничения заокеанской эмиграции русинов⁴⁸¹). В ответ на эти представления местных органов власти министр внутренних дел своим циркуляром (от 13 сентября 1889 г., № 802) распорядился установить строгий контроль за эмиграцией населения в Америку, недопуская нелегального переселения⁴⁸²). Председатель административной комиссии Ужгородской жупы в своем представлении министру внутренних дел (от 29 декабря 1899 г., № 743) просил установить

⁴⁷⁹) ГАЗО, ф. 4, л. 43, лл. 3—5

⁴⁸⁰) Там же, ф. 772, оп. 1, 1897 г., д. 4, л. 4.

⁴⁸¹) Униатское духовенство, лишавшееся доходов в связи с массовой эмиграцией русинов, также требовало ограничения переселения. Униатский епископ Ю. Фирцак в своем письме к премьер-министру (1901 г.), указывая на то, что «эмиграционная лихорадка» охватила территорию епархии, настаивал на принятии мер к прекращению эмиграции русинов в другие страны (см. указ соч. П. Перени, стр. 122). С такими же требованиями обращались к правительству и съезд представителей венгерских помещиков задунайских жуп (см. ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1902 г., д. 305, лл. 10—15) и будапештская газета «Köztelek» (№ 65, 16 августа 1902 года) и другие органы печати.

⁴⁸²) ГАЗО, ф. 4, д. 146, л. 41.

следующие ограничения для эмигрантов: паспорта в Америку выдавать только тем лицам мужского пола, которые отбыли воинскую повинность в течение 12 лет (имеется в виду срок действительной службы и пребывания в запасе) и не имеют задолженности по налогам. Девушкам и женщинам выдавать заграничные паспорта только после истечения 22-летнего возраста, а плату за паспорта повысить до 10 форинтов⁴⁸³).

Помимо того, что массовая эмиграция из Венгрии лишала дешевой рабочей силы помещиков и предпринимателей, вела к сокращению поступлений налогов и уменьшению числа молодежи призывных возрастов, побывавшие в других странах эмигранты, «просвещенные» капиталистической эксплуатацией и условиями буржуазной демократии, возвратившись на родину, представлялись господствующим классам Австро-Венгрии опасной социальной силой. Реэмигранты-русины, — указывал депутат венгерского парламента Эдмунд Миклош, — «потеряны для Венгрии совершенно», ибо они «до того пропитаны панславистическими идеями, что представляют существенную опасность для венгерской государственной идеи»⁴⁸⁴). Министр торговли Гегедюш, выступая в венгерском «Политико-экономическом обществе» по поводу эмиграции из северной Венгрии, также подчеркивал, что «возвращенцы» оказывают «чрезвычайно вредное влияние на местную среду» не только пропагандой панславизма, но и тем, что «вливают неблагоприятно на отношения между нанимателями и рабочими»⁴⁸⁵).

Вот почему австро-венгерское правительство вводит ряд ограничений, направленных к сокращению переселения в другие страны. Помимо установленных «правил», затрудняющих выдачу заграничных виз эмигрантам (законы 1872, 1881, 1892 годов), венгерское правительство обратилось к гамбургскому и берлинскому сенатам с представлением, настаивая на запрещении принимать венгерских граждан без паспортов на суда, следующие в США. Когда же германские магистраты дали отрицательный ответ на это представление, то венгерские власти установили специальные жандармские посты на железнодорожных станциях для задержания и отправки этапом по месту жительства крестьян, намеревавшихся эмигрировать за океан.

⁴⁸³) ГАЗО, ф. 4, д. 146, л. 41.

⁴⁸⁴) Цит. по СКД, вып IV, 1899, стр 295

⁴⁸⁵) В меморандуме, составленном на основе донесений главных жупанов комитатов, графом Куно Клеберсбергом указывалось, что «угрозой венгерской государственности надвигается из Америки через возвращающихся оттуда эмигрантов, которые распространяют «антипатриотические, социалистические, панславистские и русофильские идеи» (указ. соч. Й. Перени, стр. 146).

В 1890 году венгерский парламент по предложению депутата Леона Пининского принял закон, в соответствии с которым лица, занимающиеся «возбуждением» к эмиграции, подвергались аресту от 8 дней до 6 месяцев, а за «употребление средств, вводящих простой народ в обман» виновные подвергались тюремному заключению до двух лет и штрафу до 1000 гульденов⁴⁸⁶). Экспозитура горных районов в Закарпатье и местные власти всячески ограничивали выдачу заграничных паспортов эмигрантам или задерживали уже снявшихся с места переселенцев. В 1899 году правительственный комиссар экспозитуры Э. Эган в своем письме к главному жупану Бережского комитата просил воспрепятствовать отъезду в Бразилию 75 семей крестьян из сел Кальник, Герцфалва, Феделешфалва, Доробратово, Залуж и Синяк. В ответном письме главный жупан сообщал экспозитуре, что по его распоряжению начальник Мукачевского округа Пинтер многим крестьянам отказал в выдаче заграничных паспортов⁴⁸⁷). В 1900 году по требованию уполномоченного экспозитуры и главного жупана Марамарошского комитата Э. Роснера в Будапеште были задержаны 200 эмигрантов-русинов из села Кольчавы, направлявшихся в Бразилию. Переселенцы были принудительно возвращены по месту жительства с обещанием предоставить им работу на строительстве дороги⁴⁸⁸).

Как доносил русский консул в Будапеште (1900 год), министерство внутренних дел Венгрии подготавливает проект о создании «поставленного под контроль правительства агентства для эмигрантов преимущественно словаков и русинов, отправляющихся из северной Венгрии в США»⁴⁸⁹). На протяжении 1902—1903 годов венгерским правительством был разработан ряд законопроектов, направленных к ограничению эмиграции. Для того, чтобы ослабить, как выражался премьер-министр Селль, «неудовлетворительное экономическое положение сельского населения в некоторых частях Венгрии»⁴⁹⁰), было ассигновано 200 млн. крон на проведение общественных работ и организацию «внутренней колонизации

---

⁴⁸⁶) «Славянские известия», № 1, 1891, стр. 19. Некоторые агенты пароходных компаний и временно возвратившиеся из Америки переселенцы за «недозволенную агитацию» привлекались венгерскими властями к административной ответственности. Так, крестьянин Л. Пато (село В. Севлюш Угочской жупы) был оштрафован на 200 форинтов и подвергнут аресту на 15 суток за «угоаривание крестьян к выселению за границу» (ГАЗО, ф. 245, д. 797, л. 45).

⁴⁸⁷) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899, д. 64, лл. 11—34

⁴⁸⁸) Там же, 1900—1901 гг., д. 117, лл. 16, 26—30.

⁴⁸⁹) АВПР, ф. Политархив, 1900 г., д. 575, л. 57.

⁴⁹⁰) Там же, 1902 г., д. 577, л. 185.

посредством покупки и парцеллирования крупных помещичьих имений»⁴⁹¹).

Одновременно с этим был принят законопроект о «регулировании переселения», основные положения которого сводились к следующему:

1) запрещение переселения военнообязанных в возрасте от 18 до 26 лет, лиц, находящихся под следствием, малолетних (без письменного согласия родителей или опекунов), родителей, оставляющих на месте постоянного жительства детей до 15-летнего возраста, и лиц, не имеющих необходимых средств для переезда в другие страны. Запрещался также выезд в страны, правительства которых «проводят колонизацию в больших масштабах» или в страны, где обстановка «угрожает жизни, здоровью и нравственности переселенцев»;

2) эмиграционные учреждения и агенты могут действовать только с разрешения венгерских властей на определенной территории. Учреждения, занимающиеся перевозкой эмигрантов, вносят залог в сумме 100 тыс. крон, а агенты — по 10 тыс. крон. Тариф перевозок эмигрантов утверждается министерством внутренних дел Венгрии. Эмиграционным компаниям и пароходным обществам не разрешается распространять «агитационную литературу»; в эмиграционных справочниках указываются только данные о маршруте следования эмигрантов, стоимости перевозки и питания. Эмиграционным агентам (которыми могут быть только венгерские граждане) разрешается распространять свою деятельность в пределах одной жупы; агентам запрещается вербовать эмигрантов для других фирм и учреждений и проводить агитацию среди населения. Между эмиграционным учреждением и переселенцем, имеющим заграничный паспорт, заключается письменный договор, один экземпляр которого вручается последнему;

3) венгерское правительство создает переселенческий фонд для помощи нуждающимся членам семей эмигрантов, оставшимся на родине (средства фонда составляют ассигнования правительства, сборы с заграничных паспортов, налоги с эмиграционных учреждений, проценты с доходов банков, занимающихся переводом денег эмигрантов). Кроме того, правительство создает информационную службу и организует посредничество в центрах венгерской эмиграции за границей и оказывает помощь реэмигрантам;

4) правительство создает переселенческий совет Венгрии, в состав которого входят: представитель министерства внутренних дел (председатель совета), представители других заинтересованных министерств, торгово-промышленных палат,

---

⁴⁹¹) АВПР, ф. Политархив, 1902 г., д. 577, л. 185

сельскохозяйственных обществ. Министерство внутренних дел назначает специальных правительственных комиссаров по делам эмиграции.

Одновременно с законом «о регулировании переселения» был принят закон «о паспортах», ограничивающий выдачу заграничных паспортов и устанавливающий наказания за нелегальную эмиграцию, и закон «о пограничной полиции», предусматривающий усиление контроля полиции за соблюдением правил о паспортах и эмигрантах⁴⁹²).

Как сообщал русский консул в Будапеште, венгерское правительство, имея в виду, что эмигранты «теряют за океаном свою национальность», установило в важнейших центрах венгерской эмиграции в Америке особый надзор за переселенцами «через посредство нарочито отправленных туда духовных лиц⁴⁹³) и специальных агентов, которые будут состоять при тамошних австро-венгерских консульствах»⁴⁹⁴).

В связи с введением указанных ограничений, как подчеркивал А. Хевеши, «официальное число эмигрантов сократилось, но зато возросло число эмигрантов без паспортов, которые не фигурировали в официальной статистике»⁴⁹⁵). В течение 1900—1905 годов из закарпатских областей эмигрировало по паспортам 47298 чел. и без паспортов 10700 чел.⁴⁹⁶), т. е. свыше 18%*. На протяжении 1908—1913 годов из четырех закарпатских комитатов эмигрировало по паспортам 36449 чел.⁴⁹⁷) и около 20% без паспортов. В 1912 году через порт Гамбург выехало из Австро-Венгрии 15624 чел. по паспортам и 13933. (47%) без разрешения властей, а в 1913 году соответственно 14933 и 15016 чел. (75%)⁴⁹⁸).

Несмотря на ограничительные меры, предпринимаемые правительственными органами с той целью, чтобы сократить

---

⁴⁹²) ГАЗО, ф 772, оп I, 1902, д 304, лл 11—62 В 1907 году министерством внутренних дел было издано два распоряжения с целью ограничения эмиграции населения в другие страны (сборы при получении заграничных паспортов были повышены в два раза, а также затруднялся выезд эмигрантов через венгерские порты Адриатического моря). См. газеты «Ung» и «Ungvár», 19 мая 1907 года. В 1909 году был принят новый, еще более строгий закон об эмиграции

⁴⁹³) Униатские епископы (львовский, мукачевский, прешовский) направляли в США своих священников (Н. Зубрицкий, И. Запотоцкий, А. Дзюбай, Н. Стецович, А. Товт и др.), которые должны были воспитывать русинских «верников» в духе «богобоязности» и не допускать распространения среди эмигрантов-русинов «вредного влияния разнузданной заводско-промышленной жизни американцев (см указ соч. А. Васильев, стр. 19).

⁴⁹⁴) АВПР, ф Политархив, 1902 г., д 577, л 186

⁴⁹⁵) Указ. соч. А. Хевеши, стр 15

⁴⁹⁶) Указ. соч. В. І Ілько. З історії селянських рухів стр 23

⁴⁹⁷) Magyar statisztikai közlemények, Vdp, 1918, стр. 118

⁴⁹⁸) Указ. Науковий збірник т-ва «Просвіта», річні XIII—XIV, стр 30.

число переселенцев⁴⁹⁹), массовое бегство обездоленных крестьян из Закарпатья не прекращалось вплоть до начала первой мировой войны, так как продолжали действовать причины, ведущие с неизбежностью к разорению и вытеснению мелкого крестьянства. Чтобы экспроприировать земледельцев, указывал К. Маркс, нет необходимости изгонять их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожать общую собственность посредством указа. «Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям»⁵⁰⁰).

5. «ВЕРХОВИНСКАЯ АКЦИЯ»

Разорение крестьянских масс Закарпатской Украины после буржуазной революции 1848 года, усиливаясь из десятилетия в десятилетие, достигло в 90-х годах XIX века таких размеров, что скрыть или замолчать страшные бедствия сотен тысяч крестьян Закарпатья, доведенных до «полной материальной и духовной нищеты»⁵⁰¹), стало невозможным, тем более, что сведения о тяжелых лишениях и вымирании «угроруссов» стали достоянием европейского общественного мнения благодаря выступлениям славянской и венгерской печати*.

В январе 1897 года венгерским правительством было созвано специальное совещание «о способах восстановления и поддержания духовной и материальной жизни русских в северо-восточных Карпатах». В этом совещании участвовало 17 представителей светских и духовных сановников, депутатов парламента от закарпатских комитатов и высших чиновников министерств — графы Я. Тереки и Г. Стараи, мукачевский униатский епископ Ю. Фирцак, депутаты сейма Е. Сантпали, Э. Барта, М. Соплончаи, В. Негре и другие. Это были чуждые народу, его нуждам и страданиям «знатоки угрорусского вопроса», как их называла официальная печать.

⁴⁹⁹) Политика венгерского правительства в отношении ограничения эмиграции была непоследовательной и противоречивой. Под давлением иностранного капитала оно содействовало монополизации эмиграционного дела в руках наиболее крупных пароходных компаний. В 1904 году венгерское правительство заключило договор с английским пароходным обществом «Cunard» о вывозе через Фиуме не менее 30 тысяч эмигрантов ежегодно и разрешило, вопреки закону «о регулировании переселения», свободную деятельность агентов этой пароходной компании на территории Венгрии (в закарпатских комитатах вербовку переселенцев для этого общества проводили агенты А. Грюн и Э. Вайнфельд). См. газету «Hazarok», № 82, 6 апреля 1904 года.

⁵⁰⁰) См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 685.

⁵⁰¹) АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 108, л. 164.

Анализ выступлений этих аристократов и чиновников на «совещании 17» дает возможность раскрыть подоплеку этой возни вокруг «угрорусского вопроса» и составить представление о путях и средствах оказания «помощи» русинам. Депутат парламента Я. Недичи указывал, что русины должны быть взяты «под защиту правительства» от «еврейской инвазии», в которой он видел главную причину народных бедствий на верховине. Я. Недичи ратовал за развитие кустарных промыслов в деревне (ткачество, изготовление деревянных изделий, плетение корзин и т. п.), а для устранения «земельной тесноты» предлагал переселить часть безземельных крестьян из Закарпатья в Алфёльд⁵⁰²). Другие депутаты А. Лончан, М. Соплончай и финансовый советник В. Сабо высказались за частичное снятие задолженности по государственным налогам, за содействие в развитии скотоводства в верховинских областях и предоставление возможности крестьянам арендовать на доступных условиях луга и пастбища⁵⁰³).

Граф Тереки говорил о необходимости ликвидировать «зараженность русинов пьянством», требовал запретить ростовничество, организовать кредитные товарищества, кооперативные союзы и сельскохозяйственные школы, сдать в аренду крестьянам государственные земли. Депутат парламента В. Негре высказался в том смысле, что сразу устранить все «болезни» русинов невозможно. Он предложил поэтому некоторые мероприятия (списание задолженности) осуществить в возможно короткий срок, а другие (повышение доходности крестьянских хозяйств, развитие ремесел, строительство школ) — проводить постепенно. Э. Барта призывал правительство добиться, чтобы каждый закарпатский крестьянин имел не менее 5 хольдов земли и снизить на время размер налогов. От этой операции, говорил он, государство ничего не потеряет, ибо «плодати и так не поступают». Кроме того, Э. Барта высказался за создание в Закарпатье аграрного банка, развитие виноделия и овощеводства, освободив от налогов виноградники и земли под овощными культурами на 10 лет. Он возражал против создания кредитных товариществ и кооперативных союзов, мотивируя это отсутствием у населения необходимых средств, а также высказался против открытия новых школ, которые, как он считал, ничего, кроме дополнительного отягощения крестьян налогами, не дадут⁵⁰⁴).

Практические предложения, выработанные «комиссией 17», были изложены в документе под названием «Меморандум в деле содействия расцвету духовных и материальных усло-

---

⁵⁰²) Указ. соч D Richard, стр. 45.

⁵⁰³) Там же, стр. 46, 47, 48.

⁵⁰⁴) Там же

вий жизни народа рутенского языка в северо-восточных Карпатах и у их подножья» («Emlékirat az Északkeleti Kárpátok közt és alján lakó ruthén nyelvű nép szellemi és anyagi viszonyainak elősegítése és felvirágoztatása tárgyában»).

Сущность этих предложений, одобренных парламентом 7 марта 1897 года, сводилась к следующему:

1. Создать сеть государственных начальных школ и курсов (в том числе сельскохозяйственных и промышленных) и «урегулировать» заработную плату учителей и священников,

2. Считая, что главной причиной тяжелого экономического положения русинского населения является ограниченная возможность для внеземледельческих заработков, совещание высказалось за расширение строительства дорог, развитие промыслов (корзиночного, ткацкого, прядильного, коврового и т. д.) и более широкое использование труда батраков-русинов в сельском хозяйстве других венгерских областей. Совещание предлагало также содействовать созданию государственных и частных заводов на базе местного топлива и сырья, предоставив с этой целью капиталистам-предпринимателям ряд льгот.

3. В целях ликвидации упадка крестьянского земледелия и скотоводства меморандум предлагал расширить сдачу государством и помещиками пахотных земель и пастбищ в аренду мелкими участками крестьянам, принять меры к разведению племенного скота, снизить размер суммы налогов и долгов по налогам, организовать предоставление крестьянам дешевого кредита.

4. Ограничить переселение в Венгрию и Закарпатье евреев. «Огромный прилив евреев из России через галицийскую границу, имеющий характер настоящего переселения народов и наводняющий за последнее десятилетие все северные жупы, должен строго контролироваться», говорилось в меморандуме. Это требование выражало собой попытку господствующих классов Венгрии взвалить всю вину за бедствия трудящихся Закарпатья на евреев — ростовщиков, торговцев и корчмарей, стремясь, таким образом, направить недовольство народных масс по антисемитскому руслу и отвлечь этим их внимание от борьбы против существующего социально-политического строя.

5. Увеличить количество жандармерии в русинских областях в три раза, чтобы, как говорилось в меморандуме, контролировать иммиграцию, препятствовать контрабандной торговле и ростовщичеству⁵⁰⁵), а на самом деле, чтобы недопустить революционных выступлений трудящихся Закарпатья, доведенных до крайней нищеты и вымирания.

⁵⁰⁵) См. указ. соч. И. Перени, стр. 132, 135.

Нечего доказывать, что намеченные на этом совещании мероприятия при сохранении существующего общественно-экономического строя являлись паллиативом и не могли коренным образом изменить положение масс крестьянства Закарпатья, тем более, что разработанная здесь программа была рассчитана не на оказание действительной помощи разоренным и голодающим русинам, а на обман общественного мнения и успокоение оппозиционных элементов в парламенте показной заботой о «народе рутенского языка».

В чем же заключались подлинные причины, вынудившие венгерское правительство приступить к осуществлению «верховинской акции»? Этот вопрос необходимо рассматривать в органической связи со всей совокупностью социально-экономических, политических и национальных отношений, сложившихся в Венгрии к концу XIX столетия, с общеполитическим курсом, которого придерживались правящие круги Венгрии с целью упрочения дуалистического режима, переживавшего в эпоху перехода капитализма в империалистическую стадию глубокий кризис.

Усиление классовых и национальных противоречий в Венгрии, подъем рабочего и крестьянского революционного движения и национально-освободительной борьбы угнетенных народов в конце XIX — начале XX века создали реальную угрозу господству помещиков и капиталистов и существованию всей социально-политической системы дуалистической монархии. Страх перед надвигающейся опасностью заставил господствующие классы Венгрии принять, так сказать, «новые» тактические установки по отношению к освободительному движению в стране, сочетая традиционную политику «разделяй и властвуй», политику «разыгрывания одной нации против другой», методы жестокого подавления революционного движения с замаскированной политикой «кнута и пряника». Эту идею премьер-министр Селль выразил словами: необходимо «завоевать симпатии немадьярского населения справедливостью»⁵⁰⁶). Это лицемерное заявление премьер-министра о «справедливости» по отношению к поработанным народам не случайно. Оно было продиктовано, как не трудно понять, стремлением правящих кругов Венгрии предотвратить нарастание освободительного движения и разрядить накаленную политическую атмосферу в стране в условиях, когда на очередь встал вопрос о развязывании мировой империалистической войны. Русский генеральный консул в Будапеште Львов, комментируя приведенное заявление Селля, указывал, что «отеческое благоволение и заботливость» правительства о

---

⁵⁰⁶) АВГР, ф Канцелярия, 1899 г., д 108, л 164.

слабых Венгрии преследуют «простой расчет» и выражают «опасение за свою будущность»⁵⁰⁷).

Газработанная программа «помощи» русинам являлась только небольшим звеном этой политики «завоевания симпатии» немадьярских народов, продиктованной страхом перед назревающим революционным кризисом и усиливающимся национально-освободительным движением угнетенных народов. Эта мысль была совершенно отчетливо выражена как в выступлениях государственных деятелей Венгрии, так и в венгерской печати. Депутат парламента Э. Барта, выступая на «совещании 17», подчеркивал, что среди русинов ширятся «анархо-социальные настроения», и поэтому необходимо принять меры, чтобы «опасная агитация» не распространялась, а народ увидел, что правительство о нем заботится⁵⁰⁸). Другой депутат Я. Недичи настаивал на оказании срочной помощи русинам, так как бедственное их положение создает опасность проникновения «заграничной русской пропаганды» и «ганславизма»⁵⁰⁹).

Не случайно также во всех выступлениях участников этого совещания подчеркивался «патриотизм угроруссов» и их «преданность венгерской короне». Мукачевский униатский епископ Ю. Фирцак говорил: «Большой «угрорусский народ всегда был верным венгерской государственной идее», и поэтому он может рассчитывать на то, «чтобы его лечили»⁵¹⁰). Граф Я. Тереки также указывал, что русины всегда являлись «хорошими мадьярскими гражданами», а чиновник венгерского министерства Ф. Халас в подтверждение «верности» русинов «святостефанской идее» ссылаясь на такие известные ему факты: один закарпатский крестьянин, говорил Халас, бережно сохранял стол, за которым сидел Ф. Ракоци, а женщины русинки носили фартуки с вышитым девизом «libertas»...

Эти заявления были предназначены прежде всего для печати в расчете на то, что опубликование их лишней раз продемонстрирует «единство» и «патриотизм» народов Венгрии, ибо среди масс русинов, словаков, румын, сербов, поработенных венгерскими помещиками и капиталистами, во второй половине XIX века назревало огромное социальное недовольство, росло стремление к освобождению от чужеземного гнета, а «венгерская государственная идея», означающая на языке правящих реакционных кругов увековечение этого гнета, не находило у них, естественно, никакой поддержки.

⁵⁰⁷) АВПР, ф. Политархив, 1900 г, д 575, л 4

⁵⁰⁸) Указ. соч. D. Richard, стр. 45.

⁵⁰⁹) Там же.

⁵¹⁰) Там же, стр. 42.

Действительно, русины были «сынами Ракоци», «Gens fidelissima», как Ф. Ракоци называл своих куруцев-русинов. Они вместе с венгерскими крепостными проливали кровь и отдавали свои жизни, борясь против габсбургского деспотизма, за свободу народа. Тогда, в начале XVIII столетия, в период великой венгерской национально-освободительной войны, они были истинными венгерскими патриотами, ибо свободная Венгрия являлась гарантией их освобождения от социального и национального гнета. Теперь же, в условиях дуализма, когда венгерское дворянство и буржуазия кощунственно растоптали знамя Ф. Ракоци, знамя национальной свободы и демократии, разглагольствования о «патриотизме» русинов и других народов Венгрии и лозунг «libertas» служили только ширмой, прикрывающей лицемерие этих апологетов гибнущей двуединой монархии — тюрьмы народов.

Пуще огня боялись господствующие классы Австро-Венгрии распространения «русской пропаганды» и «панславизма», зная, что своего «мессию» поработанные русины ждут из России, что они, как и другие славянские народы Австро-Венгрии, уповают на помощь братского русского народа. Именно в этих условиях расширения «аграрно-социальных» настроений и нарастания движения за воссоединение Закарпатской Руси и Западной Украины со всем украинским и братским русским народами венгерское правительство и вынуждено было заняться «улучшением» положения русинов.

Лучшим подтверждением того, насколько правительство Венгрии было обеспокоено положением в Закарпатье, свидетельствует тот факт, что вскоре после первого совещания «комиссии 17» министерство внутренних дел распорядилось значительно увеличить количество жандармерии в русинских комитетах. По указанию начальника IV жандармского округа в Кошицах, были усилены 12 существующих жандармских постов в Ужгородском, Бережском и Марамарошском комитетах и создано 15 новых постов в селах Ужок, Турья-Бистра, Кострина, Черногорова, В.-Ремета и других в составе 11 рот-миров, 9 начальников постов и 111 жандармов. Кроме того, было открыто 2 новых жандармских отделения в селах Верецкое и В.-Березное⁵¹¹).

Наконец, надо указать, что такие факторы, как резкое сокращение налоговых поступлений из закарпатских областей, массовая трудовая заокеанская эмиграция русинов, лишавшая помещиков и предпринимателей дешевой рабочей силы, а военное ведомство—рекрутов, так же оказали известное влияние на решение правительства по этому вопросу.

---

⁵¹¹) ГАЗО, ф. 4, д. 305, лл 1—2

Официозный журнал «Pesti Hirlap», пытаясь дать своего рода морально-политическое обоснование указанным мероприятиям правительства, писал: «Для этого народа, павшего на низшую ступень духовного и материального уровня, час спасения пробил лишь в тот день, когда безысходная нищета стала вытеснять его за океан, в Америку. Поворотным пунктом в судьбе русского населения была поездка бывшего министра торговли Александра Эрдели в Берг по случаю празднования тысячелетней годовщины (речь идет о праздновании тысячелетия Венгрии.—И. К.) в этой местности, и благодаря этой поездке выяснилось ужасное положение русского населения. Национальная совесть пробудилась, и члены правительства горячо приняли к сердцу участь обездоленных (разрядка наша.—И. К.)⁵¹²⁾».

Это утверждение «Pesti Hirlap» далеко от правды, как небо от земли. Не моральные факторы, не «национальная совесть», носителями которой господствующие эксплуататорские классы никогда не были, а грубокорыстный, политический расчет лежал в основе этой «заботы» о русинах; рассуждения же о том, что члены венгерского правительства «горячо приняли к сердцу участь обездоленных», служили только камуфляжем, прикрывающим подлинные причины, заставившие их организовать «спасительную помощь» населению Закарпатья.

**

Для ознакомления с положением «угроруссов» в качестве правительственного комиссара в Закарпатье в 1897 году был направлен чиновник министерства земледелия, инспектор молочного хозяйства Эдмунд Эган и представитель министерства торговли М. Герштер. В задачи чиновника министерства торговли входило только выяснение возможностей развития в Закарпатье фабричного производства и домашнего промысла⁵¹³⁾. Перед представителем министерства земледелия, возглавившим комиссию, состоявшую из 20 униатских священников и многих чиновников⁵¹⁴⁾, была поставлена более широкая задача — изучить положение населения закарпатских комитатов на месте и представить проект мероприятий по осуществлению «верховинской акции».

Э. Эган после личного обследования закарпатских жуп представил в январе 1898 года «мемориал» министру земледелия Дараньи. В своей памятной записке Э. Эган, принадлежавший сам к числу помещиков, естественно, не мог вскрыть

---

⁵¹²⁾ Цит по АВІР, ф. Канцелярия, 1897 г., д. 108, лл. 167—168

⁵¹³⁾ ГАЗО, ф. 4, д. 341, лл. 1—2

⁵¹⁴⁾ См. указ соч. К. Кадлец, стр. 2.

во всей полноте истинные социально-экономические и политические причины бедствий трудящихся Закарпатья. Правда, он упоминает в своем докладе о недостаточной обеспеченности крестьян землей, высоких ставках арендной платы, отсутствии доступного кредита, засилье ростовщиков и произволе чиновников, но главную причину тяжелого положения крестьянства Закарпатья он видел в ... засилье евреев. Причем, все еврейское население, без различия социального положения, он относил к числу торговцев, ростовщиков, спекулянтов и угнетателей закарпатского крестьянства. Эта антисемитская направленность доклада Э. Эгана, как нетрудно понять, выполняла служебную роль; она была призвана направить ненависть трудящихся против евреев и этим содействовать осуществлению колониальной политики венгерского правительства в Закарпатье. Но при всем этом памятная записка Э. Эгана является и до сих пор одним из весьма важных официальных документов, в котором отражено поистине кошмарное положение масс закарпатского крестьянства на рубеже XIX—XX веков.

Один из прогрессивных венгерских публицистов по поводу доклада Э. Эгана писал следующее: «Скажу по чистой совести, что я за всю свою жизнь не имел в руках сочинения, которое взволновало бы меня сильнее отчета Эгана, хотя оно вполне объективно и холодно по тону. Он перечислял факты, не сгущая красок. Он только рассказывал, а факты говорили сами за себя и обвиняли виновных. Кто прочитал этот отчет, тот плакал и кровь ударяла ему в голову. Его охватывала злоба»⁵¹⁵).

Вопреки намерениям самого Эгана, его «мемориал», предназначенный для узкого круга правительственных чиновников, но вскоре ставший известным широкой общественности, раскрывал многие стороны колониально-эксплуататорской сущности политики господствующих классов Австро-Венгрии в Закарпатье, обрекавшей массы трудящихся русинов на разорение, нищету и голод. «Как в абсолютистской Венгрии... никто не заботился об экономическом положении этих окраин,— указывал Эган,— так и теперь, в конституционную эпоху, наша администрация ограничивается поддержанием кое-какого порядка в комитатах, а к экономическому положению населения она относится безразлично»⁵¹⁶).

Основной вывод, к которому пришел Эган в результате изучения положения русинов, был сформулирован в его докладе такими словами: «Народ, не имеющий ни земли, ни

---

⁵¹⁵) Цит. по указ соч Л. Василевский, стр. 381

⁵¹⁶) Указ. соч. Е. Эган, стр. 48

скота, народ, судьба которого находится в руках ростовщика, народ, который зависит от юмора и самовластия этого ростовщика, народ, споенный нарочно и деморализованный, которому уже ни священник, ни староста не могут помочь, а которого всякий чиновник использует и обижает, народ, которому вообще никто в мире не подает руки помощи,— этот народ будет постепенно падать материально и морально все ниже и ниже, пока не погибнет»⁵¹⁷⁾.

Обращаясь к министру земледелия, Эган указывал, что если правительство думает помочь русинам, наверстать то, что в русинских комитатах было упущено, и исправить содеянное зло, если правительство хочет «в последний час и в крайней опасности подать руку помощи тем, которые борются со смертью, и хотя бы часть их спасти от гибели», то необходимо срочно приняться за «оздоровление всего больного организма»⁵¹⁸⁾.

Программа практических мероприятий, выдвинутая Эганом, сводилась к следующему: 1) предоставить крестьянам Закарпатья долгосрочный земельный кредит с тем, чтобы поднять плодородие крестьянской земли и повысить агротехнический уровень сельского хозяйства; создать из государственных и приобретенных у крупных помещиков земель арендный фонд пахотных земель, пастбищ и сенокосов для сдачи внаем земли мелкими участками крестьянам по «сходной» цене; 2) создать сеть кредитных товариществ, обеспечивающих крестьян краткосрочным кредитом; 3) приобрести за счет государственных средств и раздать крестьянам племенной скот, который до перехода его в собственность крестьян будет являться собственностью государства, но все выгоды от скота будут получать крестьяне; 4) организовать под руководством местных священников сельскохозяйственные союзы (кооперативно-сбытовые и потребительские общества), которые помогут крестьянину освободиться от засилья торговцев и ростовщиков и «приобрести силу и охоту к труду»⁵¹⁹⁾.

Кроме того, представитель министерства торговли предлагал в своем докладе выделить 55 тыс. форинтов государственной ссуды для организации в 15 населенных пунктах Закарпатья мастерских кустарного промысла.

Заканчивал свой «мемориал» Э. Эган такими словами: «Те люди, которые выкорчевали и обработали эту землю, те, что тысячу лет орошали ее своим потом и выполняли добросовестно свои гражданские обязанности..., заслуживают прави-

⁵¹⁷⁾ Указ. соч. Е. Еган, стр. 88.

⁵¹⁸⁾ Там же, стр. 88—89

⁵¹⁹⁾ Там же, стр. 90

тельственой помощи в тяжелые для них минуты; двинуть вперед их развитие соответствует также и государственным интересам»⁵²⁰).

После того, как Эганом было завершено изучение положения закарпатского крестьянства и когда прогрессивная славянская и венгерская печать стала настойчиво требовать оказания помощи вымиравшим русинам верховины, венгерское правительство приступило в 1898 году к проведению «верховинской акции» («hegyvidéki akció»)⁵²¹), которая вначале распространялась только на Бережскую жупу, а позднее и на другие закарпатские комитаты⁵²²).

Какую же цель преследовала «верховинская акция»? Коротко можно сказать, что венгерское правительство ставило перед собой одну цель, а именно: упрочение колониального господства правящих классов Венгрии в Закарпатье. Средства для достижения этой политической цели сводились главным образом к оказанию крестьянам экономической помощи путем предоставления зерновых ссуд, продажи племенного скота, сдачи в аренду земли и т. д. Посредством этих экономических мероприятий венгерское правительство надеялось примирить трудящихся Закарпатья с колониальным режимом угнетения, заглушить революционное и освободительное движение рабочих и крестьян, превратить их в послушных подданных «святостефанской короны», мадьяризовать русинов и убить в их сердцах стремление к воссоединению с украинским и русским народами.

Кроме того, правительство предполагало путем оказания экономической помощи повысить платежную и покупательную способность населения и прекратить бегство русинов со своей земли в другие страны. Одновременно с этим правительство стремилось путем насаждения «образцовых хозяйств», создания «сельскохозяйственных кружков» и т. д. укрепить экономическое положение закарпатского кулачества как своей социальной опоры и усилить идеологическое влияние униатской

---

⁵²⁰) Указ. соч. Е. Еган, стр. 94.

⁵²¹) С этой целью был создан специальный правительственный комитет «Hegyvidéki miniszteri kirendeltség», а в Мукачево экспозитура горных районов министерства земледелия.

⁵²²) В 1900 году, как сообщала газета «Неделя», на совещании чиновников экспозитуры и священников, происходившем в Мукачево, было принято решение о том, что акция, «котра до теперь успешно выпробованна на околицах бережанских, продолжатися буде по целой карпатской линии» [газета «Неделя», № 8, 13 (25) февраля 1900 года! Экспозитура горных районов начала свою деятельность с 1898 года в Свалявском округе Бережской жупы, в 1899 году в сферу «верховинской акции» были включены Бережская и Ужгородская жупы, в 1900 году — Марамарошская жупа, а в 1903 году — Угочская, Земплинская и отчасти Шаринская жупы (см. ГАЗО, ф 4, д 396, л. 8; ф 772, оп. I, 1903 г., д, 460, лл 1—6)

церкви как орудия духовного закабаления трудящихся русинов, привлекая священников к активному участию в проведении «верховинской акции», к руководству кооперативами и промысловыми артелями, обеспечивая их на особо льготных условиях племенным скотом, сельскохозяйственными машинами и денежными ссудами.

Подтверждением высказанных нами соображений о целях и путях осуществления «верховинской акции» могут служить свидетельства современников, выступления печати того времени и архивные данные. Так, русский консул в Будапеште доносил в 1899 году, что венгерские газеты объявили о решении правительства «в возможно короткое время сделать из русских (имеются в виду закарпатские русины.— И. К.) горячих венгерских патриотов посредством подъема сельского хозяйства и учреждения мадьярских правительственных школ»⁵²³). Как выражалась официозная газета «Pester Lloyd», этим путем решено «защелкнуть задвижку охоте выселяться» и «положить предел наклонности (русинов.— И. К.) лнуть к чужой нации...» (под «чужой нацией» газета подразумевала русский народ.— И. К.)⁵²⁴).

Венгерский журнал «Pesti Hirlap», не оставляя никаких сомнений в отношении политических целей «верховинской акции», писал следующее: «В настоящее время в нижнекарпатской области кипит такая полезная деятельность, которая не проявляется ни в одном пункте венгерской территории. В этой области стоит на очереди вопрос о необходимости спасти для отечества (здесь и ниже подчеркнуто нами.— И. К.) народ, выродившийся в духовном отношении, лишившийся земли и скота, истощенный до мозга костей ростовщиками, и закрепить таким образом за Венгрией нижнекарпатскую область, населенную некогда предками мадьяр. Если эта задача удастся, то она прославит нынешний век и создаст надежную мадьярскую полосу, которая будет охранным валом северной части Венгрии»⁵²⁵).

«Pesti Hirlap» ратовал за сочетание «земледельческого возрождения» русинов с «культурным возрождением», подразумеваемая последним полную мадьяризацию русинов через государственные школы, где они будут изучать венгерский язык и при помощи «мадьярских наставников», т. е. венгерских чиновников и униатских священников, «освободятся от пагубного влияния шинкаря-ростовщика...». Так, мол, русины

523) АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 108, л. 164 об.

524) Там же, л. 165.

525) Цит. по АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 108, л. 169.

проникнутся доверием к правительству и их «трудно будет оторвать» от Венгрии⁵²⁶).

Э. Эган в частном письме неизвестному адресату прямо заявлял, что экономическая помощь, оказываемая правительством русинам, «имеет политическое значение». «...Благоволением к русинам, писал он, можно достичь того, что через два поколения они будут в полной мере мадьяризованы и даже само название русинская национальность исчезнет»⁵²⁷).

Все приведенные нами высказывания с несомненностью свидетельствуют о том, что венгерское правительство, проводя «верховинскую акцию», преследовало далеко идущие колониаторские планы в Закарпатье, которым оно придавало особо важное значение в связи с подготовкой мировой империалистической войны. Хотя ассигнования венгерского правительства на осуществление программы «верховинской акции» по сравнению с суммой налогов поступавших из Закарпатья были незначительными, но все же оно пошло на эти расходы, так как «игра, по мнению венгерских правящих кругов, стоила свеч».

Вокруг планов, разработанных правительственными чиновниками во главе с Эганом*, была поднята невероятная шумиха. Официозная венгерская пресса и ее подголоски в Закарпатье расписывали «благородные» и «бескорыстные» побуждения властей, которые, мол, ставят своей задачей покончить с бедствиями русинов, вырвать их из когтей «еврейского спекулятивного капитала» и открыть перед ними путь к «процветанию». Орган министерства земледелия «Неделя», восхваляя деятельность этого министерства, писала: «Подпора, котру держава через скотоводство подае русинам Берега и соседних околиц, не мае пары в целой середьней Европе»⁵²⁸), а «Pesti Hírlap», говоря о «благodeяниях», которые посыпались на русинов как из рога изобилия, указывал: деятельность правительства направлена к «спасению несчастного племени»; она проводится как «энергичная национальная деятельность». Такие меры, как «обуздание ростовщиков, уменьшение налогов, улучшение путей сообщения и т. д., последовали одна за другой»⁵²⁹).

Но реакционные элементы Венгрии не только пытались всячески опорочить закарпатоукраинский народ с тем, чтобы доказать ненужность даже тех полумер, которые предпринимались правительством под видом «верховинской акции», но

⁵²⁶) Цит. по АВПР, ф Канцелярия, 1899 г., д. 108, л. 171.

⁵²⁷) ГАЗО, ф 772, оп I, 1899 г., д. 62, лл. 40—41.

⁵²⁸) Цит. по АВПР, ф. Политархив, 1900 г., д. 575, л. 8 об.

⁵²⁹) Там же, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 108, лл. 166—168.

и мешали осуществлению ее. «В понедельник русин постится, во вторник — в корчме, в среду — идет в город, в четверг — спит, в пятницу — опять постится, в субботу — отдыхает, а в воскресенье — молится»⁵³⁰), — такого рода цинично-лживыми отзывами о русинах они хотели оправдать политику зверской эксплуатации и угнетения закарпатских украинцев и доказать, что якобы «ленивому» и «бесперспективному» народу ничем помочь нельзя.

Э. Эган, опровергая подобного рода клеветнические измышления по адресу русинов, в своем «мемориале» указывал: кое-кто думает, что русский народ (имеются в виду русины. — И. К.) физически, духовно и морально так упал, что «уже неспособен ни к какому труду, ни к трезвой жизни. Кто так думает, тот не знает русского народа»⁵³¹). Русины, — писал Эган, — «добрые, честные, трудолюбивые люди, способные к движению вперед, к прогрессу, «только у них нет энергии, чтобы собственными силами вырваться из теперешнего положения»⁵³²).

О том, какие препятствия встречали начинания Эгана в Закарпатье, свидетельствовали многие современники. Так, депутат венгерского парламента Э. Барта, участник «совещания 17», в своей книге «В земле хазар» указывал, что местные власти тормозили осуществление программы помощи русинам. В частности, жупан верховинского комитата, выступая против мероприятий правительства в этой области, ссылаясь на «убыточность» и «бесполезность» акции⁵³³). Русский автор Л. Василевский по этому же поводу писал следующее: «Торговые посредники, закабалив русинское крестьянство, всеми силами противятся всяким мероприятиям, которые могли бы вырвать его из их рук... Они путем подкупа местных представителей власти парализуют действия существующих предписаний...»⁵³⁴). Сам Эган в одном из докладов министру земледелия указывал на то, что против проводимых им мероприятий выступает большая группа корчмарей, ростовщиков и владельцев спиртных заводов, пользующихся поддержкой жупанов комитатов и министерства финансов⁵³⁵).

⁵³⁰) Указ. соч. D. Richard, стр. 35.

⁵³¹) Указ. соч. Е. Еган, стр. 92.

⁵³²) ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 21, лл. 83—84; указ. соч. Е. Еган, стр. 92.

⁵³³) Указ. соч. D. Richard, стр. 8.

⁵³⁴) Указ. соч. Л. Василевский, стр. 383.

⁵³⁵) Эган приводил, в частности, такой пример, характеризующий приемы, применяемые противниками акции. Ростовщики подкупили за 50 крон одного из работников экспозитуры и получили от него текст стенограммы совещания чиновников экспозитуры и представителей кредитных кооперативов и отпечатали ее в мукачевской типографии Оми, использовав вы-

Заявления мадьярской правительственной печати о том, что с «эгановской акцией» началась «европеизация» земледелия в Закарпатье, не выдерживают никакой критики. Как мы показали выше, в условиях господства крупного помещичьего землевладения, средневековых форм эксплуатации крестьянства и его разорения было бессмысленно говорить о применении агрономической и зооветеринарной науки, о внедрении новой сельскохозяйственной техники в крестьянские хозяйства. В этом отношении «верховинская акция» ничего не дала, да и не могла дать закарпатскому крестьянству; она нисколько не изменила чрезвычайно отсталого крестьянского земледелия и скотоводства, которые до конца капиталистического господства в Закарпатье не выходили из состояния рутинности и деградации.

Министр земледелия И. Дараньи, посетивший в целях саморекламы летом 1899 года Закарпатье, эту область «все-возможных бедствий и нищеты», как выражался журнал «Pesti Hirlap»⁵³⁶), и побывавший на горных пастбищах⁵³⁷), неоднократно заявлял о «блестящих» результатах «верховинской акции», особенно превознося деятельность экспозитур и «странствующих лекторов» в насаждении передовых методов ведения сельского хозяйства. Однако в действительности масштабы деятельности экспозитур в этом направлении были настолько незначительными*, что о них серьезно нельзя было и говорить.

Ничего не дали закарпатскому крестьянину ни ученые трактаты по сельскому хозяйству, изданные на мадьярском языке, которого он не понимал, ни «советы земледельцам», заполнявшие страницы «Недели». Созданные в отдельных селах «газдовские курсы», ставившие своей целью научить крестьянина, «як можно зерно, тенгерлицу (кукурузу.— И. К.)... найдороже продать, а что му треба купувати, то як и где му найтунше (дешевейше) купити»⁵³⁸), не могли привлечь внимания разоренных крестьян, которые не имели продуктов не только для продажи, но даже для голодного существования.

Инструкторы по «научению молочному делу» и «бродячие учителя» по сельскому хозяйству, оплачиваемые за счет сель-

ступление Эгана против ростовщиков, обвиняли его в «подрыве национальных финансов» и требовали назначить другого комиссара экспозитур из числа «магнатов с историческим именем» (см. ГАЗО, ф 772, оп. 1, д. 284, лл. 11—13).

⁵³⁶) Цит. по АВПР, ф Канцелярия, 1899 г., л. 108, л. 169

⁵³⁷) См. ГАЗО, ф 772, оп. 1, 1899 г., л. 73, л. 3

⁵³⁸) «Месяцослов» на 1913 год, Унгвар, 1912, стр. 123—124

ских обществ, также ничего, кроме лишних расходов, крестьянам не приносили. Э. Эган в одном из своих докладов министру земледелия по этому поводу писал: Что пользы рассказывать крестьянам о способах повышения урожайности и улучшения скотоводства, если они «сидят с пустыми желудками и не имеют куска хлеба, а из домашних животных у них только одна кошка...»⁵³⁹). Вряд ли можно было дать более меткую характеристику «эгановской акции» и ее влияния на «европеизацию» крестьянского сельского хозяйства*.

Созданные Э. Эганом в некоторых селах кредитные товарищества и ссудо-сберегательные кассы, располагая незначительным капиталом, не удовлетворяли возрастающей потребности крестьян в денежных ссудах. Попытки же правительственных органов ограничить ростовщический процент не могли ни в какой мере ослабить ростовщическую кабалу, в которой задыхался закарпатский крестьянин**. «Преследование ростовщиков властями приводит только к тому,— указывал Л. Василевский,— что они пускаются на разные уловки не желая попасться. Но это для крестьян хуже явной лихвы»⁵⁴⁰).

Положение в закарпатской деревне подтверждало высказывание Ф. Энгельса по поводу значения законов против ростовщиков. Если мелкий крестьянин попадает в такие условия, «когда услуга ростовщика становится для него меньшим злом,— писал Ф. Энгельс,— то ростовщик всегда найдет средство высосать из него кровь, не попадая под действие закона против ростовщичества. Это мероприятие могло бы в лучшем случае создать успокоение у мелкого крестьянина, пользы же ему оно не принесет; наоборот, оно затруднит ему кредит как раз тогда, когда он будет в нем особенно нуждаться»⁵⁴¹).

Даже там, где начинания Эгана под давлением общественного мнения и парламентской оппозиции и были осуществлены, они не могли заметно улучшить положение масс крестьянства, так как социально-экономические условия, сложившиеся в закарпатской деревне и порождавшие бедствия крестьян, изменены не были. В этой обстановке всякие мероприятия и эксперименты, не затрагивающие основ существующих общественно-экономических отношений, не могли приостановить или даже серьезно ослабить рост нищеты и разорения масс закарпатского крестьянства.

Точные сведения о действительных расходах, произведенных государством в связи с проведением «верховинской ак-

⁵³⁹) ГАЗО, ф. 722, оп. I, 1898 г., д. 22, л. 6.

⁵⁴⁰) Указ. соч. Л. Василевский, стр. 382.

⁵⁴¹) Там же, стр. 474

ции», отсутствуют. По официальным данным⁵⁴²⁾, чрезвычайно завышенным, венгерское правительство ассигновало на помощь русинским областям в течение 20 лет, с 1898 по 1918 год, более 35 млн. крон, из которых якобы было возмещено населением только 1,5 млн. крон. Расход ассигнованных средств по статьям представляется в следующем виде:

аренда земли	1337585	крон
покупка земли	649065	крон
покупка племенного скота	658353	крон
расходы на приобретение посевного зерна	70732	крон
организация кустарных промыслов	207534	крон
расходы по возмещению убытков, причиненных ступлением русских войск в 1915 году	20702249	крон
административные расходы	9000000	крон
содержание государственного молочного хозяйства в селе Н-Верецки	619937	крон.
	<hr/>	
	35245455	крон

Если из этой суммы вычесть расходы на возмещение убытков, причиненных русскими войсками в период первой мировой войны, из которых население непосредственно ничего не получило, административные расходы, содержание государственного молочного хозяйства, расходы на покупку земли, которая осталась в руках государства, и 1,5 млн. крон, внесенных крестьянами на погашение полученных ссуд, то фактически на проведение разрекламированной «верховинской акции», как считает И. Перени, было израсходовано не более 3 млн. крон.

Однако и эта цифра, по нашему мнению, больше действительной. Как можно судить по данным архива, экспозитурой горных районов было израсходовано в 1900 году 92 тыс. крон, а в 1901 году—222 тыс. крон⁵⁴³⁾, из которых $\frac{1}{4}$ поглощали административные расходы*, $\frac{1}{5}$ часть—содержание государственной молочной фермы и «образцовых хозяйств» и только 50—60% средств расходовалось на аренду земли и ссуды крестьянам, погашаемые последними. Невозмещенные производительные расходы правительства, связанные с проведением «верховинской акции», по нашим подсчетам, не превышали 15—20% ассигнованных средств и составляли в начале XX столетия ежегодную сумму в 50—60 тыс. крон, т. е. ничтожную долю ($\frac{1}{40}$ часть) уплачиваемых крестьянством Закарпатья налогов. Все это опровергает измышления венгерской и закарпатской реакционной печати об «огромных жертвах», которые якобы принесло венгерское правительство для «опасения» русинов Закарпатья.

⁵⁴²⁾ Указ соч. И. Перени, стр. 141.

⁵⁴³⁾ См. ГАЗО, ф. 772, оп. 1, 1901—1902 гг., д. 324, лл. 1—50, оп. II, 1906 г., д. 16, лл. 15—20.

Униатская печать, пытаясь нажать политический капитал на народном горе, лживо выставляла греко-католическую церковь как организатора, а ее архипастырей как главных персонажей в лицедействе, именуемом «верховинской акцией». Епископ Юлий Фирцак, писал И. Кондратович, «видя смутный упадок своего народа, в 1996 году начав стараться у правительства, чтобы воздвигнути русина из повного морального и материального упадку»⁵⁴⁴). По его ходатайству, мол, началась «русская акция», во главе которой стоял «наш энергичный народолюбец» Эдмунд Эган. Епископ Фирцак, писал другой униатский автор, «так ясно, так глубоко умствовал... для поднесения доли нашего бедного народа», что «под его мудрым руководством стали мы жити лучшим, сознательным, культурным животом, стали сме ся поднимати духовно и материально». Ю. Фирцак, заканчивал свой панегирик униатский рептильный писака, как епископ и депутат парламента, «непрестанно и отцовски трудився» над «улучшением доли своего народа» и «сказав в парламенте интересанту речь»⁵⁴⁵).

Эти утверждения находятся в кричащем противоречии с исторической правдой, так как «верховинская акция» началась не по инициативе униатской церкви и не в результате верноподданнических ходатайств епископа Фирцака. Верховодам униатской церкви задним числом приписывались несуществующие заслуги, чтобы внушить массам ту мысль, что будто бы греко-католическое духовенство являлось всегда борцом за «народное счастье».

В осуществлении «верховинской акции», как подчеркивала униатская печать, активно участвовали и священники. Действительно, известен ряд циркуляров и обращений епископа Фирцака к духовенству в связи с проведением акции. В одном из своих предписаний епископ предлагал обсудить на окружных собраниях духовенства следующие вопросы: 1) в каких округах и селах существуют домашние промыслы (ткацкий и вышивальный) и есть ли выгода заниматься им; в каких селах можно было бы организовать производство сельскохозяйственного инвентаря и других изделий из дерева; 2) из каких

⁵⁴⁴) И. М. Кондратович, История Подкарпатской Руси для народа, Ужгород, 1925, стр. 106.

⁵⁴⁵) «Месяцослов» на 1913 год, Унгар, 1912, стр. 132, 133, 134. Главный жупан Бережской жупы, как сообщала газета «Неделя», выступая на совещании чиновников экспозитуры и священников, проходившем под руководством епископа, в таких словах изобразил его роль в проведении «верховинской акции»: епископ Фирцак «так заузьял за своих найслабших детей, як каждый добрый отец» (Газета «Неделя», № 8, 13 (25) февраля 1900 года).

сел, где уже существует корзиночный промысел, следует послать по одному мастеру на специальные курсы; 3) в каких округах было бы целесообразно открыть сельскохозяйственные школы и организовать кооперативные союзы и кредитные товарищества⁵⁴⁶).

В другом своем послании от 18 августа 1898 года⁵⁴⁷) епископ требовал от священников разъяснить верующим, какие мероприятия принимаются правительством для оказания помощи русинам. В частности, епископ уведомлял, что правительство решило предоставить крестьянам в аренду за небольшую плату десятки тысяч хольдов пахотной земли и пастбищ, что это, мол, «значительно повысит благосостояние народа», правительство намерено также организовать сельскохозяйственные школы и «обеспечить постоянную работу для сельского населения» путем развития домашних промыслов.

Епископ призывал духовенство оказывать помощь в деятельности Э. Эгана и М. Герштера, ибо «ключ к успеху акции находится в руках приходских священников и дяко-учителей». Он требовал от духовенства не уклоняться от работы, стать «апостолами» акции, осуществляемой «де в интересах народа» и выражавшей «христианскую добродетель» и «любовь к ближнему». Священники должны взять на себя руководство кредитными кооперативами и мастерскими кустарного промысла, так как «все лучшие люди Венгрии, писал епископ, заняты одной мыслью—спасти обреченный на гибель народ».

Действительно, многие из священников по заданию епископата так или иначе были связаны с осуществлением «предначертаний правительства» на верховине. Каноник Е. Бачинский еще до выступления Эгана являлся председателем «семи-членного верховинского благотельного комитета», священники А. Косей, М. Натоя, М. Балог и другие, как выражалась униатская печать, «прилагали труды свои для материального и духовного возрождения народа»⁵⁴⁸). Но, выдвигая этих представителей духовенства как «бескорыстных служителей народа», униатская печать замазывала сущность вопроса, которая состояла в том, что участие духовенства в этой акции преследовало прежде всего ту цель, чтобы, распространив вер-

---

⁵⁴⁶) ГАЗО, ф. 4, д. 314, л. 4.

⁵⁴⁷) Там же, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 24, л. 9, ф. 4, д. 314, л. 4. АВПР, ф. Политархив, 1900 г., д. 575, лл. 8—9.

⁵⁴⁸) Министр земледелия в своей телеграмме от 5 марта 1899 года объявил благодарность униатским священникам, окончившим кооперативные курсы, и выразил уверенность в том, что они «будут также отдавать свои силы на алтарь отечества, как они отдают их на алтарь церкви» (ГАЗО, ф. 262, 1897—1899 ..., д. 2838, л. 1)

сию о «народолюбии» священников, еще больше подчинить влиянию церкви массы крестьянства.

Промадьярские буржуазные авторы, восхвалявшие «освободительные планы» венгерского правительства, утверждали вопреки истине, что якобы акция во многом достигла цели. Эган добился того,—заявлял И. Кондратович,—что «постепенно освободил русинов из рук ростовщиков и научил их жить по-человечески...», а другой автор, потеряв всякое чувство добропорядочности, писал: «Министерство с сильною помощью епископа Ю. Фирцака и нашего народолюбивого духовенства и по смерти Эгана продолжало «рутенску акцию, котра уже и до теперь особливо через учреждение позычных касс и крамниц проуказала красне успехи»⁵⁴⁹).

В этом утверждении, представлявшем собой один из униатских вариантов побасенки о «благодетельном» значении акции, нет и слова правды, так как «верховинская акция», являвшаяся паллиативом, не могла внести и не внесла никаких изменений в социально-экономические отношения, господствовавшие в закарпатской деревне, и несколько не ослабила бедствий неимущего крестьянства и его зависимости от ростовщиков, кулаков и спекулянтов*. Даже те полумеры, которые намечалось провести по плану «помощи русинам», на деле осуществлены не были как вследствие незначительных ассигнований правительства, противодействия акции со стороны местных властей и сопротивления спекулянтов и ростовщиков, так и вследствие того, что, «начиная от старосты и нотариуса и до министерского референта, все были подвержены коррупции»⁵⁵⁰). «Верховинская акция», несомненно, способствовала укреплению экономических позиций закарпатского кулачества и униатского духовенства как социальной опоры венгерских господствующих классов в осуществлении их политики классового и национального угнетения масс закарпатоукраинских трудящихся, она содействовала обеспечению венгерских помещиков дешевой рабочей силой путем контрактации сельскохозяйственных рабочих из числа разорившейся закарпатской деревенской бедноты, а расширение сети кредитных учреждений, снабженческо-сбытовых кооперативов, кустарных артелей и мелких предприятий по использованию местных естественных сырьевых ресурсов открывало более широкие возможности для проникновения в Закарпатье банковского, торгового и промышленного капитала, что сопровождалось усилением эксплуатации и разорением масс крестьянства. «Верховинская акция» не оправдала себя как мероприятие,

---

⁵⁴⁹) «Месяцослов» на 1913 год, Унгвар, 1912, стр 135.

⁵⁵⁰) Указ. соч D Richard, стр. 50.

рассчитанное на упрочение системы колониально-политического господства венгерских помещиков и капиталистов в Закарпатье. Миф о «благодетельном» значении «верховинской акции», «отеческой» заботе венгерского правительства о «рутенских подданных», «народолюбии» униатского духовенства был развеян в прах самим ходом общественно-экономического развития, которое с неумолимой неизбежностью обрекало массы трудящихся на нищету и вымирание.

«Русинская акция» продолжалась недолго. Со смертью Э. Эгана (1901 год) показной интерес к «русинской гекатомбе» падает и, как выразился Й. Перени, «дело затихает и постепенно умирает к началу мировой войны»⁵⁵¹). Тот же И. Кондратович вынужден был признать, что при новых правительственных комиссарах Иосифе Казии и Фридрихе Парисе акция утратила свой «русский характер» и «судьба русинов не интересовала уже либеральные правительственные круги, и наш русин снова начал бедствовать»⁵⁵²). Надо подчеркнуть, что судьба русинов никогда по-настоящему не интересовала правительственные круги Венгрии, и русин «не снова» начал бедствовать, а продолжал бедствовать так же, как и раньше*. Да и чего можно было ожидать от венгерского правительства, выражавшего интересы эксплуататорских классов. Ведь «экономическая политика Угрии», как указывал закарпатский корреспондент «Славянского обозрения», была направлена «не на поддержание простого народа, а на образование крупных капиталов»⁵⁵³). Никакие «спасительные акции» и подачки не могли избавить крестьянство Закарпатья от вечной нищеты и вымирания, ибо в Австро-Венгрии, можно сказать словами В. И. Ленина, «царили и правили общественные классы, бесспоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»⁵⁵⁴).

---

⁵⁵¹) Указ. соч. Й. Перени, стр. 141.

⁵⁵²) Газета «Нова неделя», № 21, 1939 год, стр. 3

⁵⁵³) «Славянское обозрение», т. II, СПб, май-август 1892 года, стр. 162.

⁵⁵⁴) В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 263.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

Стр. 14

* Описание естественно-географических условий Закарпатья содержится в следующих наиболее важных исследованиях: Гильфердинг А. Ф., Венгрия и славяне, М., 1861; Головацкий Я. Ф., Этнографическая карта русского народонаселения в Галичине, северо-восточной Угрии и Буковине, «Славянский сборник», т. 2, СПб., 1877; Де-Воллан, Угорская Русь, М., 1878; Рудницкий С., Короткая география Украины, Харків, 1910; Воейков А. И., Климат Царства Польского, Галиции, Буковины, Северной Венгрии, Чехии, Моравии и восточных областей Пруссии, «Метеорологический вестник», т. 25, Птрж., 1915; Hanslik E., Natur und Volksgrenzen in den Karpathen, Osterreich, Monatschrift für den Orient, XLI, 1915; Григаший М., География Подкарпатской Руси, Ужгород, 1920; Kettner R., Strueny nastin geologických pomeru a nerostneho bohatství Slovenska a Podkarpatske Rusi. Praha, 1923; Klima S., Zeměpisnýobraz Podkarpatske Rusi, 1923, Podkarpatska Rus. Praha, 1923. Kral I., Podkarpatská Rus. Praha, 1924, Економічна географія

України (ред. Воблий К. Г.), К., 1925, Kral I., Vysokohorské salasnictva v Podkarpatske Rusi. Sbornik zeměpisných prací, Praha, 1926; Kаласек I.,

Zemepis Československa Praha, 1934, Zlatník A., Zvorykin I., Přírodní podmínky statních lesů a polonin na Podkarpatske Rusi. Praha, 1935; Andrusov D., Geologické výzomy v Podkarpatske Rusi v letech 1932—1934. Praha, 1936; Евлашева А. Д., Климатическое описание Чехословакии, М.-Л., 1937; Куман А. Г., Чехословакия, М., 1944; Медведев С. Р., Природные ресурсы Закарпатской Украины, «Гидротехническое строительство», № 7—8, 1945, В. А. Анучин, А. И. Спиридонов, Закарпатская область, М., 1947.

Стр. 15

* Естественный прирост населения в Закарпатье в 1894 году колебался в отдельных комитатах в пределах от 0,1 до 1,9%, в 1895 г. — от 1,7 до 2,2%, а в 1909 году в связи с растущим обнищанием трудящихся естественный прирост населения снизился и колебался в пределах 1,4—1,9% (См. Msè, III, 1895, Vdpr., 1896, стр. 61; Msè, VIII, 1900, Vdpr., 1901, стр. 26—27; Kjsè, Vdpr., 1901, стр. 366, 367) На протяжении 1891—1900 годов естественный прирост населения Закарпатья составил 117949 чел., а действительный—только 93084 чел (Kjsè, Vdpr, 1901, стр. 395). Таким об-

разом, действительный прирост по отношению к естественному составлял 78,8%. За эти годы около 25 тыс. населения Закарпатья, составлявшее свыше 21% естественного прироста, эмигрировало в другие страны.

** Изменение плотности населения в закарпатских жупах во второй половине XIX столетия характеризуют следующие данные (к-во чел. на 1 кв км):

Наименование комитата	Г о д ы					
	1880	1890	1893	1894	1895	1900
Бережский	41,2	48,5	50,5	50,8	52,5	54,8
Марамарош- ский	22,0	25,9	27,2	27,5	28,0	31,8
Ужгородский	41,5	44,4	46,4	47,3	48,2	47,0
Угочский	54,9	63,4	65,5	66,6	67,9	68,9

В Венгрии плотность населения в конце XIX столетия составляла свыше 59 чел. на 1 кв. км. (Msé, III, 1895, Bdp., 1896, стр. 20—21, 64—65; Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 11—12; Msé, IX, 1901, Bdp., 1902, стр. 11—12; Kjsé, Bdp., 1901, стр. 366, 367).

Стр. 16

* Основными трудами, содержащими статистические сведения о закарпатоукраинском населении в XIX веке, являются: И. Орлай, О юго-западной Руси, Труды Общества истории и древностей российских, ч. 3,

кн. I, М., 1826, Csaplovics, Gemälde von Ungern, I, 1829, Safarik,

Slowansky Narodopis Praha, 1842; Czoernig, Ethnographie Oesterreichischen Monarchie, т. I, Wien, 1857; Handbuch der Geographie und Statistik des Kaiserthums Oesterreich, Leipzig, 1861—1867, Biederman n J H., Die ruthenische Nationalität und ihre Bedeutung für Oesterreich, Wien, 1863; Gunfálvy A Magyar—osztrák monarchia rövid statisztikája, Bdp., 1864; Schmidt, Statistik des Oesterreichisch—Ungarischen Kaiserstaates, Wien, 1872; Krizek V. Statistika cisarstvi Rakouského, Praha, 1872; Kelety V. Ungarn auf der Wiener Weltausstellung, Bdp., 1873; Я. Головацкий, Карпатская Русь, «Славянский сборник», т. I, СПб., 1875, т. II, 1877; «Известия С.-Петерб. славянского благотворительного общества», № 6—7, 1888; «Славянские известия», № 3—4, СПб., 1889; Филевич И., Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки, «Варшавские университетские известия», 5, 1894; «Славянский век», № 62, Вена, 1903; Пестров А., Статьи об Угорской Руси, «Записки ист.-филолог. факультета С.-Петерб. университета», приложение к LXXXI части, 1906; С. Томашівський, Етнографічна карта Угорської Русі, СПб., 1910, A. Bohacz, Vysledky scitani lidu Uhrach, «Slovansky Przhled», 1913; Василевский Л., Венгерские «руснаки» и их судьба, «Русское богатство», № 3, 1914; «Славянские известия», № 9, СПб., 1914.

** Количество «угрорусского» населения в 1825 году, по подсчетам венгерского автора Чапловича, составляло 512 тыс. чел (в их число Чаплович включил 153 тыс. «ословацких русинов»), а И Орлай определял их число в начале XIX столетия цифрой 800 тыс. чел. Данные Чапловича были более близкими к истине, чем необоснованно завышенные данные И. Орлая. На 1840 год количество русинов в Венгрии мадьярским статистиком Феньешем определялось в 443 тыс чел. Я Головацкий давал на этот же год цифру 471 тыс., а официальная венгерская статистика —

436 тыс., снизив действительное число закарпатоукраинского населения примерно на 60 тыс. Некоторые авторы, основываясь на данных ужгородской газеты «Карпаторусский голос» (от 11 ноября 1933 г.), определяли число русинов в 40-х годах XIX в. цифрой 670 тыс. чел. Сопоставляя эти данные с другими, надо признать их значительно преувеличенными.

В 1851 году перепись дает только 322 тыс «угроруссов», уменьшив их число по сравнению с официальными же данными за 1840 год почти на 115 тыс., а по сравнению с их действительным количеством в 1851 году — почти на 220 тыс. (по данным Чернига, количество русинов в 1851 году достигало 447 тыс. (без армии); по Бидерману, в это время насчитывалось 500 тыс. русинов-униатов; И Срезневский дает цифру 520 тыс. чел.).

Под влиянием революционных событий 1848—1849 годов, а также выступлений демократической венгерской и славянской печати, указывавшей на недобросовестность и тенденциозность венгерской статистики народонаселения, государственные статистические органы вынуждены были несколько смягчить быющую в глаза фальсификацию статистических данных о количестве немадьярских народов в Венгрии. Поэтому официальная перепись за 1857 год дает уже 423 тыс. русинов, т. е. увеличивает их число по сравнению с данными переписи за 1851 год более чем на 100 тыс. чел., признав втихомолку этим недоверительность предшествующей переписи. Но и эти данные были значительно занижены

Данные за 1869 год (приводимые Брахелли и Шмидтом на основе подсчетов венгерских статистиков Келети и Гунфалви), определяющие количество украинского населения в Венгрии в 448 тыс. чел., являлись заниженными Крижек, с которым соглашался и А Будилович, определял количество русинов на 1869 год цифрой 596 тыс. чел. Эти данные были наиболее близкими к действительному числу закарпатских украинцев.

С 70 х годов XIX столетия, в условиях обострения классовых и национальных противоречий и усиления реакции в Австро-Венгрии, официальная статистика становится на путь ничем не прикрытой фальсификации данных о количестве славянского населения. Если по переписи 1851 года мадьяр в Венгрии (по данным Чернига) насчитывалось 4866556 чел., то уже в 1871 году (по Гунфалви) они составляли 6258000 чел., т. е. количество мадьярского населения за это время возросло, по указанным данным, на 28% Закарпатских украинцев в 1851 году (по Чернигу) числилось 447500 чел., а в 1874 году (по данным Гунфалви) их число достигало едва 448 тыс. чел., т. е. прирост украинского населения за эти годы, по данным переписей, составил только 0,11%. Тенденциозность этих данных очевидна.

Материалы переписи 1880 года подверглись особенно грубой подтасовке. Количество закарпатских украинцев, по данным этой переписи, было сведено к 352 тыс. чел. Последующие переписи 1890 и 1900 годов явно выражали, как говорил Л. Василевский, «предупредительно» отношение к представителям господствующей нации и «пронзвол» в определении численного состава славянских народов Венгрии. С. Гурбан-Ваянский, раскрывая фальсификаторскую сущность венгерской статистики на примере снижения количества словацкого населения (П Шафарик в 1842 году насчитывал 2753 тыс словаков, в 60-х годах XIX столетия немецкий статистик Фиккер определял их число цифрой в 2 млн., однако венгерская перепись 1890 года давала 1910 тыс. словаков), писал: «Еще две-три мадьярские статистические олимпиады — и словаки исчезнут с лица земли, словно запах, роса или дым, развеянный ветрами» (См «Славянское обозрение», т II, СПб, 1892, стр. 407).

Стр. 17

* Об удельном весе закарпатоукраинского населения в отдельных комитатах Венгрии и Словакии в конце XIX столетия можно судить по таким данным (в процентах к общему количеству населения):

Берег	58,52	Абуй	8,68
Марамарош	57,81	Торна	5,62
Унг	57,19	Боршод	3,54
Шариш	48,89	Сатмар	1,99
Земплин	45,56	Саболч	1,63
Угоча	38,02	Гемел	0,83
Спиш	12,05	Бихар	0,24

(См. «Известия СПб. славянск. благотворительн. общества», № 6—7, 1888 г., стр. 384—385).

В 1900 году в комитате Земплин насчитывалось приблизительно 150 тыс. закарпатских украинцев, в Шарише—80 тыс., в Спише—20 тыс., в других венгерских комитатах (кроме четырех закарпатских комитатов)—25—30 тыс. чел.

Стр. 46

* Латифундия гр. Шенборна в конце XIX столетия владела 233067 хольдами земли и занимала 37% общей площади Бережской жупы. По угодьям земли, принадлежавшие домини Шенборна, распределялись следующим образом: 18816 хольдов (8,1%) занимали пахотные земли, 185444 хольда (79,6%) — леса, 23454 хольда (10,1%) — пастбища и луга и 5353 хольда (2,2%) — другие угодья (см. Kémény G Jratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában, II, 1892—1900, Vdp., 1956, стр. 533). По другим данным (1892 год), владения графа Шенборна достигали 241 тыс. хольдов, из них пахотные земли занимали 6,2% всей площади, леса — 76,8%, пастбища и луга — 13,3%, другие угодья — 3,7% (см. ГАЗО, ф. 11, оп. I, д. 1148, лл. 50—60). Латифундии графа Телеки (Марамарошский комитат) принадлежало 36790 хольдов земель, из которых лесные площади занимали 83,2%, пастбища и луга — 15,9%, пахотные земли—0,7% (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899, д. 80, лл. 10—17) Владения Ф. Миллера (село Руська Поляна Марамарошского комитата) составляли свыше 11 тыс. хольдов земли, большую часть которой занимали леса (81,4%) и пастбища—18% (ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1899, д. 80, лл. 17—19).

Стр. 54

* Венгерская официальная статистика приводит следующие данные, характеризующие землепользование отдельных категорий хозяйств Закарпатья, сгруппированных по общей земельной площади (Mos, Vdp, 1900, стр. 47—52, 59—64 и сл.).

Категории хозяйств по общей земельной площади (в кадастр. хольдах)	Количество хозяйств	Занимаемая сельскохозяйственная площадь (в кадастровых хольдах)
Менее 1 (без пашни)	9182	2923
Менее 1 (с пашней)	13500	6451
1—5	35593	99826
5—10	24829	179147
10—20	18866	262902
20—50	9704	283792
50—100	1646	109425
100—200	453	62840
200—500	264	81139
500—1000	103	73992
более 1000	128	551718
Итого	114268	1714155

* По мнению венгерского историка И Перени, к группе средних хозяйств в Закарпатье относится (в горных районах) и часть хозяйств с общей земельной площадью до 100 хольдов, если в составе этих земель преобладали пастбища и леса (См. указ. соч. И. Перени, стр. 109). В. И. Ілько в своей статье «До питання розшарування селянства на Закарпатті в другій половині XIX ст.» (Наукові записки Ужгородського державного університету, т. XXX, серія історична, Ужгород, 1957, ст. 27) относит к средней группе хозяйства с общей земельной площадью от 5 до 20 хольдов, а подгруппу от 5 до 10 хольдов к «маломіщним середнякам». По нашему мнению, основную массу хозяйств с общей земельной площадью от 5 до 10 хольдов следует отнести не к средним, а к мелкокрестьянским хозяйствам.

** Венгерский экономист проф. Ж. П. Пах на основе статистических данных о землевлладении и землепользовании за 1895 год выделяет следующие социальные категории крестьянских хозяйств в Венгрии: бедняцкие (с участками земли менее 10 хольдов), которые составляли 72,77% всех хозяйств; средние—с участками земли в 10—20 хольдов (16,4% всех хозяйств) и кулацкие—с владениями от 20 до 200 хольдов (10,53% всех хозяйств) (См. указ. соч. Zs P. Pach, Über einige charakteristische Züge... стр. 1248). В условиях Закарпатья, по нашему мнению, верхняя граница кулацких хозяйств проходила между 100—150 хольдами общей земельной площади.

* Мы располагаем данными за 1900 год о распределении общей площади земли и пашни между крестьянами 50 сел Ужанской верховины, насчитывавших 5327 хозяйств и около 39 тыс. чел. населения (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1901 г., д. 198, лл. 6—18). Анализ этих данных показывает, что на Ужанской верховине безземельные крестьяне составляли 17%, мелкие и средние—76,4% и зажиточные 6,6% их общего числа. В ряде сел абсолютное большинство или даже все без исключения крестьяне являлись малоземельными и безземельными в с. Турья-Поляна из 222 хозяйств было безземельных 73 (32,8%), мелких и средних 147 (66,2%), зажиточных 2 (1%), в с. Турья-Бистра—из 270 хозяйств было безземельных 36, мелких и средних—64%, в с. Порошково—безземельных 42, мелких и средних 57,7 и зажиточных (1 хозяйство) 0,3%; в с. Дубриничи—из 265 хозяйств 263 относились к безземельным и малоземельным. В селах Зарчево (342 хозяйства), Новая Каменница (92 хозяйства), Малая Пастиль (42 хозяйства), Костьова-Пастиль (72 хозяйства), Мокра (140 хозяйств) и других все крестьяне являлись безземельными и малоземельными.

Из всей площади земли, принадлежавшей этим 50 селам, пашня занимала 16,3%, а в некоторых селах доля пашни была еще меньшей (Новая-Каменница—11,7, Турья-Ремета—6,4, Старая Семера—5,6, Ворочево—5,1, Малая Турица—4,3, Липоц—3,7%). 1/4 пахотных земель этих сел находилась под перелогами. Размер посева на одно хозяйство был совершенно незначительным в пролетарской и мелкокрестьянской группе—1 хольд на хозяйство (в среднем на 5—6 чел. семьи), в средней—2,5 хольда (1 хольд на 3—4 чел. семьи), в зажиточной—6—8 хольдов (3—4 хольда на одного члена семьи). При чрезвычайно низких урожаях зерновых и картофеля в этих районах 80% крестьянских хозяйств не могли обеспечить даже самых необходимых своих потребностей в продовольствии за счет своего посева, а частые неурожай вызывали голод среди населения верховины.

* Об обеспеченности крестьян русинов сельскохозяйственными угодьями и лесом в конце XIX столетия можно судить по таким данным, относя-

щимся к Свалявскому округу. Во владении всех категорий крестьян этого округа (60 сел), насчитывавших свыше 4 тыс. крестьянских хозяйств и около 19 тыс. населения, находилось 32800 хольдов земли, т. е. на одно хозяйство в среднем приходилось менее 8 хольдов земли, а в 22 селах долин Дусина и Жденьево (1600 хозяйств) — только по 6—7 хольдов. Лесов крестьяне не имели вовсе. Средний размер пахотной земли на одно хозяйство округа составлял только 3,8 хольда (в 11 селах долины Дусина [1148 хозяйств] — 2,27 хольда, в долине Пине [10 сел, 810 хозяйств] — 1,89 хольда), лугов — 1,9 хольда, пастбищ — 2,2 хольда (данные приводятся по указ. соч. И. Перени, стр. 132). Сопоставление приведенных средних размеров сельскохозяйственных угодий на одно хозяйство с данными по всем закарпатским комитатам дает основание утверждать, что абсолютное большинство крестьянских хозяйств Свалявского округа не могло существовать за счет своего хозяйства и представляло собой массу батраков с наделом.

Стр. 67

* На протяжении второй половины XIX столетия общее количество хозяйств в Закарпатье увеличилось на 2,3%, а в Венгрии за этот же период — на 11,1%. Увеличение общего числа хозяйств в Закарпатье шло за счет дробления крестьянских хозяйств между наследниками, переселения крестьян из других областей, образования новых хозяйств на землях, приобретенных кулаками и капиталистами-предпринимателями у помещиков и у крестьян-эмигрантов. Незначительное увеличение общего количества хозяйств в закарпатских областях по сравнению с Венгрией в целом объяснялось также, в частности, относительно более интенсивным процессом переселения крестьян-русинов в другие страны. Отлив населения из деревни обусловил и замедленные темпы роста общего числа хозяйств в Закарпатье.

Стр. 69

* На основе закона о внутренней колонизации (1874 год) на территории невенгерских областей было создано 21 поселение венгерских колонистов. 1862 венгерских крестьянина (преимущественно из числа кулаков) получили участки земли размером от 15 до 54 хольдов и 165 батраков — размером от 1,5 до 5 хольдов. Земельные участки колонисты получали в собственность, выплачивая стоимость их (от 100 до 400 крон за хольд) долями в течение 50 лет. Колонистам государство оказывало также помощь в приобретении скота, посевного материала и т. д.

Как видно из отчета министерства земледелия Венгрии за 1897 год, правительство расходовало значительные суммы на цели внутренней колонизации. В 1896 году, например, было израсходовано 1 156.828 гульденов. В 1897 году, как говорилось в отчете, министерство не покупало новых земель, так как «уже приобретенные земли недостаточно населены, а старания, приложенные к этой цели в предыдущие годы, не дали ожидаемых результатов. Дело заселения колоний оказывается затруднительным потому, что мелкие землевладельцы едва перебиваются от одного урожая до другого и не могут уплачивать те 10% стоимости земельного участка, которые с них требуются при водворении на новом участке. Кроме того, правительство не хочет привлекать в свои колонии бедные семейства, потому что эти семейства барышничают свою землю вместо того, чтобы обрабатывать ее, а это совершенно противоречит намеченной цели» (Архив внешней политики России (в дальнейшем сокращенно АВПР), фонд Политический архив, 1901 г., д. 576, л. 202).

Помимо ослабления аграрного перенаселения и укрепления венгерского кулачества, эта колонизация, «подобно прусской колонизационной политике, имела в виду также и национальную защиту, покровительство венгерским языковым островам» («Аграрная революция в Европе», Сб статей под

редакцией проф. М. Зеринга, ГИЗ, М.-Л., 1926, стр. 166). Но законодательство о колонизации «не только не могло разрядить ту напряженную атмосферу, которая явилась результатом аграрного строя и гнета всей общественной системы, оно еще обострило до крайности национальный вопрос» (там же, предисловие, стр. XXVI).

Министр земледелия Дараньи в 1899 году внес законопроект об образовании крупного денежного фонда (ежегодные ассигнования по 10 млн. крон) с целью проведения широкой колонизации и скупки земель, принадлежавших представителям невенгерских национальностей, но этот законопроект не был принят сеймом. В 1911 году при участии правительства было основано «Товарищество венгерских земельных кредитных учреждений» («Альтруистический банк») с основным капиталом в 15 млн. крон (8 млн. крон из них вносило правительство), ставившее перед собой задачу проведения колонизации, парцеллирования крупных имений и организации арендных товариществ. Это общество приобрело у крупных помещиков к 1914 году 20 тыс. хольдов земли, проданных в рассрочку колонистам участками до 10 хольдов. Кроме того, общество арендовало 50 тыс. хольдов земли, которые были переданы в пользование мелким арендаторам (там же, стр. 167). В созданном венгерским правительством «Альтруистическом банке» олицетворялся «компромисс, заключенный между финансовым капиталом и крупным землевладением для ростовщического использования земельного голода крестьянства и для раздела ростовщической прибыли между собой» (там же, предисловие, стр. XXVII).

Глава II

Стр. 82

* Особенно значительным было снижение удельного веса паров, переделов и залежей по закарпатским комитатам на протяжении 80—90-х годов, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные (Mos, 1895—1896, Bdp, 1897, стр. 4—5).

Название комитата	Г о д ы			
	1880	1885	1890	1895
	в % к площади пахотной земли			
Бережский	30,1	25,7	21,5	19,2
Марамарошский	54,8	50,7	46,4	32,5
Ужгородский	32,9	26,7	24,3	25,0
Угочский	33,7	29,2	26,9	21,5

Стр. 91

* Официальная статистика приводит следующие данные о распределении лесов по группам хозяйств в Венгрии (конец XIX столетия): хозяйствам с общей земельной площадью до 5 хольдов принадлежало 0,96% лесов, хозяйствам с общей площадью земли от 5 до 100 хольдов — 12,31%, хозяйствам с площадью от 100 до 1000 хольдов — 12,73% и латифундальным хозяйствам — 74,00% (Msé, IX, Bdp, 1902, стр. 70).

Стр. 93

* Венгерская статистика приводит следующие данные, характеризующие изменения площади посева кукурузы в закарпатских комитатах во

второй половине XIX столетия (His, V, I, Pest, 1872, стр. 264—265, Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 12—41; Mos, 1895—1896, II, Bdp., 1897, стр. 4—11, Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 86—87; Kjsé, Bdp., 1901, стр. 420—423).

Годы	Общая площадь (в гектарах)	Площадь посевов кукурузы по комитатам							
		Бережский		Марамарошский		Ужгородский		Угочский	
		площадь	% к пашне	площадь	% к пашне	площадь	% к пашне	площадь	% к пашне
1870	46054	16677	28,8	12766	27,8	6904	12,7	9707	45,5
1885	66356	19304	26,4	22565	40,1	9257	14,0	15230	44,2
1895	71682	21070	23,4	25984	35,9	7937	12,1	16691	40,6
1900	74106	22674	22,7	26617	35,3	7725	11,8	17090	40,0

В Венгрии в начале XX века под кукурузой было занято 23% общей площади посева (См указ. соч. Н. А. Крюков, стр. 275).

Стр 94

* Изменение площади посевов пшеницы по закарпатским комитатам во второй половине XIX столетия дано в следующей таблице, составленной на основе официальных статистических данных (См. His, V, I, Pest, 1872, стр. 264—265, Msé, III, 1885, Bdp., 1886, стр. 12—41; Mos, 1895—1896, II, Bdp., 1897, стр. 4—11, Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 86—87; Kjsé, Bdp., 1901, стр. 420—423).

Годы	Посевы пшеницы по закарпатским комитатам							
	Бережский		Марамарошский		Ужгородский		Угочский	
	площадь (га)	% к площади пашни	площадь (га)	% к площади пашни	площадь (га)	% к площади пашни	площадь (га)	% к площади пашни
1870	7525	13,1	2543	5,5	7048	12,2	2854	13,4
1885	19034	25,0	3117	5,5	15791	23,9	8040	23,3
1895	21233	23,5	3347	4,6	17790	27,1	9430	22,9
1900	25410	25,4	3683	4,9	18879	28,7	10246	24,0

В начале XX столетия в Венгрии пшеница занимала 29% всей площади посевов (см указ. соч. Н. А. Крюков, стр. 273), а в Закарпатье—21%.

Стр 98

* Во второй половине XIX столетия площадь под картофелем особенно значительно возросла в Угочском, Бережском и Марамарошском комитатах (Угочский —на 59,8, Марамарошский —на 48,2, Бережский — на 48,5%). Первое место по площади посадки картофеля занимал Марамарошский комитат (в 1900 году здесь было посажено 10522 гектара картофеля, что составляло 14% площади пашни жупы и 35,6% площади картофеля по Закарпатью в целом); в Бережском комитате было посажено 9644 гектара картофеля, занимавшего 9,6% площади пашни жупы, и 32,3% площади картофеля в закарпатских областях; в Ужгородском комитате посадки картофеля составляли 8097 гектаров (12,3% площади пашни комитата и 27,7% площади под этой культурой в Закарпатье). В Угочском комитате площадь, занятая под культурой картофеля, была со-

вершено незначительной (в 1900 году посадки картофеля занимали только 1368 гектаров, т. е. 3,2% площади пашни жупы и 4,7% всей площади картофеля в Закарпатье).

Стр. 111

* Данные о валовом сборе урожая основных сельскохозяйственных культур по закарпатским комитатам (1900 г.) можно свести в следующую таблицу (Kjse, Vdr., 1901, стр. 428, 429).

Сельскохозяйственные культуры	Валовой сбор урожая (в центнерах)	% к общему сбору урожая	Валовой сбор урожая по комитатам			
			Бережский	Марамо-рошск.	Ужгородск.	Угочск.
			в центнерах			
Пшеница	595105	14,2	285377	29945	193303	86480
Рожь	189350	4,5	66027	18833	80137	24153
Ячмень	80973	1,9	24045	16727	34833	5368
Овес	433536	10,3	125249	175879	80518	51890
Кукуруза	775287	18,5	195401	310173	98367	171346
Картофель	2129161	50,6	660344	727340	647097	94380
Итого	4203412	100,0	1356443	1278897	1134255	433817

Стр. 113

* При определении цен на пшеницу и другие продукты земледелия во второй половине XIX столетия венгерская статистика брала за основу различные единицы меры и веса и денежные единицы: в 60—70-х годах зерновые хлеба исчислялись в так называемых венских или австрийских мерах (62,5 литра), стручковые — в гальбах (2—2,5 кг), а цена их — в крейцерах, начиная с 80-х годов — в центнерах и филлерах. Для сопоставления цен за отдельные периоды автор унифицировал единицы меры и веса и денежные единицы, приняв за основу меру веса — центнер и денежную единицу — филлер. Венская или австрийская мера содержала примерно 60 кг зерна, гальба — 2,5 кг. Основными денежными единицами в этот период являлись: форинт=2 кроны; крона=50 крейцеров, крейцер=2 филлера.

** В течение второй половины XIX столетия, особенно в 80—90-х годах, в связи с общим увеличением производства пшеницы и неблагоприятной конъюнктурой на мировом хлебном рынке (мировой экономический кризис 80—90-х годов XIX столетия), наблюдается не только неустойчивость цен на пшеницу в Венгрии, но и тенденция к понижению их. Так, в 60—70-х годах XIX столетия средняя цена центнера пшеницы на дебренском, бережском, хустском, марамо-рош-сигетском и ужгородском рынках составляла 1600—1800 филлеров, в 80-х годах — 1400—1500 филлеров, а в 90-х годах снизилась до 1300—1200 филлеров. Такая же тенденция была характерна и для будапештского хлебного рынка в 90-х годах

XIX века, о чем можно судить по данным следующей таблицы (Msé, IX, Bdp, 1902, стр. 77):

Годы	Цены (в филлерах за центнер)	Годы	Цены (в филлерах за центнер)	Годы	Цены (в филлерах за центнер)
1891	2021	1895	1371	1899	1827
1892	1821	1896	1459	1900	1508
1893	1595	1897	2069	1901	1547
1894	1411	1898	2347		

*** Динамика цен на рожь показывает те же тенденции, что и движение цен на пшеницу: в 70-х годах XIX столетия средняя цена на рожь на закарпатских рынках составляла 1200—1300 филлеров за центнер, а на дебrecенском рынке—1100 филлеров; в 80-х годах цены удерживались на прежнем уровне, с конца 90-х годов на закарпатских рынках цены на рожь повышаются и достигают в 1900 году 1600—1700 филлеров за центнер. На будапештской хлебной бирже цены на рожь в конце XIX—начале XX столетия имели общую тенденцию к понижению (в 1891 году цена центнера ржи составляла 1742 филлера, в 1894 году — 1062, в 1898 году — 1671, в 1899 году — 1400, в 1900 году — 1324 и в 1901 году — 1414 филлеров) (Msé, IX, Bdp., 1902, стр. 77). В 1900 году на марамарош-сигетском рынке стояли следующие цены на муку: пшеничная (высший сорт) — 33 филлера за килограмм, пшеничная (простой помол) — 20, ржаная — 19, кукурузная — 12 филлеров (Msé, VIII, 1900, Bdp., 1901, стр. 180).

Стр. 114

* Цены на картофель на закарпатских рынках во второй половине XIX столетия удерживались на уровне 500—600 филлеров за центнер, а на стручковые—900—1100 филлеров (Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 346, Deb, 1894, Debreczen, 1895, стр. 18).

Цены на ячмень в 70—80 х годах на закарпатских рынках удерживались на уровне 800—1000 филлеров за центнер, а на дебrecенском рынке на уровне — 700—900 филлеров; в 90-х годах цены на ячмень стабилизировались и составляли на будапештском рынке 1400 филлеров, а на закарпатских рынках—1000—1200 филлеров.

Цены на кукурузу за пятилетие, с 1870 по 1874 год, на закарпатских рынках составляли 1300—1400 филлеров за центнер, по дебrecенскому рынку—900—1000 филлеров. В 80-х годах цены на кукурузу в закарпатских областях повысились до 1500 филлеров, в то время как в Будапеште цены удерживались на уровне 1000—1200 филлеров. В 90-х годах в течение первого пятилетия цены на кукурузу на будапештской бирже повышаются до 1400 филлеров, а во второе пятилетие снижаются до 900—1000 филлеров (в 1895 году цена одного центнера кукурузы составляла 1162 филлера, в 1896 году — 798, в 1897 году — 835, в 1899 году — 992, в 1900 году — 1102, в 1901 году — 1060 филлеров).

Цены на овес на закарпатских рынках составляли 600 филлеров за центнер, а в 90-х годах повышаются до уровня будапештских цен—1000—1200 филлеров (Deb, 1867—1876, Debreczen, 1879, стр. 346—347; Deb, 1894, Debreczen, 1895, стр. 18—19, Msé, IX, Bdp., 1902, стр. 77—78).

Стр. 124

* Низкий уровень воспроизводства домашних животных объясняется как разорением крестьянских хозяйств, плохими условиями содержания и

кормления скота в крестьянских хозяйствах, так и систематически повторяющимися эпидемическими заболеваниями животных. В 1885 году, например, значительная часть конского поголовья была поражена коростой, а также было отмечено массовое заболевание рогатого скота, овец и свиной сибирской язвой (Msé, III, Vdp., 1886, стр. 78—81); в 1896 году, как отмечалось в отчете министерства земледелия, стадо свиней в Венгрии сократилось вследствие большой эпизоотии (АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 576, л 194); в 1899 погибло от эпидемии 3/4 поголовья свиней в Бережской жупе (ГАЗО, ф. 261 (Административная комиссия Бережской жупы), 1899—1900 гг., д. 468, лл 1—2).

Стр 127

* Распределение поголовья скота в Венгрии в 1912 году между социальными группами хозяйств показывает следующая таблица (Msé, XX, 1912, Vdp., 1914, стр. 126, 127, 132—133).

Категории хозяйств по общей земельной площади (в хозяйствах)	Виды скота							
	крупный рогатый скот		лошади		овцы		свиньи	
	колич. (в тыс. голов)	%	колич. (в тыс. голов)	%	колич. (в тыс. голов)	%	колич. (в тыс. голов)	%
до 5	1258	18,4	286	13,3	817	9,9	1217	20,1
5 — 10	1483	21,6	421	19,7	1175	14,3	1083	18,0
10 — 20	1533	22,2	566	26,4	1493	18,1	1305	21,6
20 — 50	1049	15,3	477	22,3	1322	16,1	1074	17,8
50 — 100	271	3,9	124	5,8	415	5,1	282	4,6
100 — 200	148	2,1	51	2,4	271	3,3	125	2,1
200 — 500	226	3,4	51	2,4	450	5,5	149	2,5
500 — 1000	253	3,9	51	2,4	519	6,3	185	3,7
более 1000	626	9,2	112	5,3	1757	12,4	584	9,6

Из данных приведенной таблицы видно, что кулацким и помещичье-капиталистическим хозяйствам Венгрии, составлявшим 16,7% всех хозяйств, принадлежало более 45% поголовья скота, в том числе крупного рогатого скота — 37%, лошадей — 40,5, овец — 57,6, свиней — 40%. На одно пролетарское хозяйство приходилось голов скота крупного рогатого — 1,5, лошадей — 0,4, овец — 1, свиней — 1,5, а на одно латифундиальное хозяйство в среднем крупного рогатого скота — 160, лошадей — 28, овец — 440, свиней — 150. Таким образом, значительная часть лучшего рабочего и продуктивного скота находилась в распоряжении кулацких и помещичье-капиталистических хозяйств, в то время как массы крестьянства не были обеспечены даже в минимальных размерах своей тягловой силой и продуктивным скотом.

По сравнению с закарпатскими областями крестьянские хозяйства Венгрии в целом были более обеспечены сельскохозяйственными животными, о чем свидетельствует табл. 1 (стр. 394).

Приведенное сравнение показывает чрезвычайную обделенность масс крестьянства Закарпатья сельскохозяйственными животными, что обусловило, наряду с другими факторами, отсталость крестьянского земледелия и скотоводства и разорение крестьянских хозяйств.

Таблица 1

Категории хозяйств	Приходится голов скота на одно хозяйство			
	крупный рогатый скот	лошади	мелкий рогатый скот	свиньи
Пролетарские:				
Закарпатье	1,4	0,2	0,4	0,6
Венгрия	1,5	0,4	1,0	1,5
Мелкокрестьянские:				
Закарпатье	2,6	0,4	1,1	1,0
Венгрия	2,7	0,8	2,1	2,0
Средние:				
Закарпатье	3,6	0,6	2,2	1,5
Венгрия	3,6	1,3	3,5	3,1

Стр. 142

* По данным переписи 1895 года, количество пахотной земли, приходящееся на одно орудие обработки земли и на одну телегу в закарпатских жупах, представлялось в следующем виде (Mos, IV, 1900, стр 47—64, 202—237).

Хозяйства по общей земельной площади (в йохах)	Приходится пашни (йохов)		
	на один плуг	на одну борону	на одну телегу
до 5	7,6	8,0	6,3
5—10	8,8	8,8	8,7
10—20	11,9	12,4	12,2
20—50	17,5	18,8	17,8
50—100	31,0	32,7	26,5
5—100	11,2	12,4	11,5
100—200	38,5	45,0	32,9
200—500	47,3	55,3	42,8
500—1000	40,0	61,7	40,0
свыше 1000	39,4	61,2	39,4

Из приведенных данных видно, что эффективность использования орудий обработки земли и повозок в крестьянских хозяйствах была в 5—7 раз ниже, чем в помещичье-капиталистических хозяйствах.

Стр 155

* Государственные расходы в Венгрии на регулирование водного режима рек, защиту от наводнений и создание гидротехнических сооружений

составляли. в 1870 году — 3 млн крон, в 1880 году — 8,5 млн, в 1890 году — 6,2 млн. и в 1900 году — 9,4 млн. крон (Msé, IX, 1902, стр. 71). Из общей суммы этих расходов на долю закарпатских комитатов приходилось 0,1—0,2%.

Стр 156

* Официальная статистика приводит следующие данные о гибели посевов от стихийных бедствий в закарпатских комитатах (Msé, III, 1886, стр. 16—19; Msé, III, 1896, стр. 108—109; Msé, VIII, 1901, стр. 79, Kjsé, 1901, стр. 419; Msé, IX, 1902, стр. 80; Msé, XIII, 1906, стр. 91).

Комитаты	1885 г.		1905 г.	
	уничтожено посевов (в гектарах)	% к засеянной площади	уничтожено посевов (в гектарах)	% к засеянной площади
Бережский	7030	9,61	3766	3,64
Марамарошский	2620	4,66	964	1,28
Ужгородский	3024	4,42	353	0,53
Угочский	2035	5,90	3211	7,81
Итого	14709	6,3	8294	2,8

Стр 157

* Средняя урожайность сельскохозяйственных культур, выведенная нами, является приближенной, так как при определении урожайности злаков венгерская статистика применяла различные меры (до 1895 года — «пожонскую меру» и гектолитры, а позднее — центнеры), перевод же объемных мер в весовые неизбежно приводил к некоторым отклонениям от размеров фактической урожайности в связи с различным удельным весом зерна в отдельные годы.

И. Перени, ссылаясь на «Les négociations de la paix hongroise» (т. III/a, Впр., 1920, стр. 398), приводит следующие данные об урожайности сельскохозяйственных культур по закарпатским комитатам за 1910 год, которые значительно выше средней урожайности (за исключением картофеля), выведенной нами на основе данных официальной венгерской статистики за ряд лет:

Сельскохозяйственные культуры	Урожайность (в центнерах с гольда)		
	Комитаты		
	Ужгородский	Бережский	Марамарошский
Пшеница	6,66	5,63	5,89
Рожь	6,53	5,26	5,55
Ячмень	5,65	4,54	5,50
Овес	4,49	4,17	4,75
Кукуруза	5,43	5,97	7,00
Картофель	34,63	42,83	33,29

(См. указ соч. Й. Перени, стр. 109) Этими же завышенными данными оперирует и словацкий автор П. Гапак (см. указ. соч. П. Гапак, стр. 67).

Данные чехословацкой статистики об урожайности сельскохозяйственных культур в Закарпатье (1912 год) совпадают с выводами, сделанными нами на основе анализа урожайности за ряд лет второй половины XIX столетия (Statistiká prirucka Respubl. Ceskols., т 1, Praha, 1920, стр. 49):

Области	Наименование сельскохозяйственных культур				
	пшеница	ячмень	рожь	картофель	свекла
	(средняя урожайность в центнерах с одного гектара)				
Закарпатские комитаты:					
Бережский	3,7	5,1	4,9	74,3	113,0
Марамарошский	10,3	11,0	9,4	56,0	—
Ужгородский	8,1	8,4	7,8	58,2	175,5
Угочский	3,2	2,9	3,5	52,1	85,5
Закарпатье в целом: (средняя урожайность)	6,3	6,8	6,4	60,1	124,6
Чехия (средняя урожайность)	15,7	18,0	16,4	97,8	269,9

В европейской России урожайность пшеницы с одного гектара в этот период достигала 9,1 центнера, ржи — 8,5, ячменя — 9,9, картофеля — 74,4, свеклы — 174,2 центнера (см. указ. соч. Усеико В., стр. 24) Средний сбор четырех зерновых культур (пшеница, рожь, ячмень, овес) в Австрии накануне первой мировой войны составлял 13,1 центнера с гектара, в Чехии — 15,5, в Буковине — 13,7 центнера и в Восточной Галиции — 12,4 центнера (см. А. Л. Погодин, Зарубежная Русь, Петроград, 1915, стр. 30)

Урожайность в Венгрии на протяжении 1911—1915 годов была значительно выше, чем в Закарпатье (см. В. В. Водовозов, Новая Европа, Прага, 1925, стр. 133)

Сельскохозяйственные культуры	Площадь (в тыс. гектаров)	Сбор урожая (в тыс. тонн)	Средняя урожайность (в центнерах с гектара)
Пшеница	1511	1994	13,2
Рожь	680	803	11,8
Ячмень	525	712	13,5
Овес	345	439	12,7
Кукуруза	859	1505	17,4
Картофель	242	1942	80,0

В 30—40 годах XX столетия по сравнению со второй половиной XIX столетия урожайность сельскохозяйственных культур в Закарпатье несколько повысилась, о чем свидетельствуют следующие данные (см. В. А. Анучин, А. И. Спиридонов, Закарпатская область, Географиздат, 1947, стр. 115):

Наименование сельскохозяйственных культур	Урожайность (центнеров с 1 гектара)	
	в низинной зоне	на верховине
Пшеница озимая	9—11	8—9
Пшеница яровая	8—9	7—8
Рожь озимая	10	8
Овес	10	7,5
Кукуруза	13	9
Фасоль	9	7,5
Льноволокно	4—5	3—4
Льносемена	3	3
Картофель	135	125
Кормовая свекла	170	155
Сахарная свекла	135	125
Клевер (сено)	25	15

Стр. 165

* Об изменении удельного веса постоянных и поденных рабочих в Закарпатье свидетельствуют официальные данные, представленные в следующей таблице (Msé, 1872, стр. 118; Deb, 1879, стр. 74—79, Msé, 1874, стр. 136—140; A Mag. Korona országainak 1900 évi népszámlálása, II rész, Bdp., 1904, стр. 40—45; Mag. statisztikai közlemények, т. 67, Bdp., 1918, стр. 48 и сл.; Statist. prirucka Republ. Ceskoslov., II, 1925, стр. 127, 128 и сл.):

Годы	Всего сельскохозяйственных рабочих	И з н и х			
		постоянных		поденных	
		количество	%	количество	%
1870	100198	44511	44,4	55687	55,6
1900	76290	13144	17,3	63146	82,7
1914	78046	23100	29,6	54946	70,3

Стр. 167

* По сравнению с 40-и годами номинальная поденная заработная плата рабочих в 70—90 х годах повысилась на 10—15%. Так, в энонии Ставна домини Шенборна на протяжении февраля—мая 1849 года рабо-

тало 160 рабочих, которые получали заработную плату в таких размерах: Баник Мария за два дня работы (починка мешков) получила 14 крейцеров, Затько Дм за два дня пахоты — 20 крейц.; Чекан В. (плотник) за 6 дней работы — 1 форинт 12 крейц. и 1125 г водки. В феврале за переборку картофеля наемные рабочие получали в среднем в день 7 крейц., в мае — 10 крейц. Весной мужнина рабочий за 2 дня работы (посев клевера) получал 28 крейц. и 800 г водки; за посадку картофеля — 15 крейц. в день. В августе за сбор слив рабочий получал в день 18 крейц., на уборке ячменя и овса — 18—20 крейц.; за один день кошения сурепицы рабочему Зарецкому И. уплачено 30 крейц. (ГАЗОФ, ф. 87, д. 1119).

Стр. 202

* В 1868 году в Венгрии были отменены последние ограничения в земельной собственности. Крестьянам предоставлялось право свободного отчуждения, раздела и передачи земельных участков по наследству. Мобилизация крестьянских земель сопровождалась углублением процесса обезземления основных масс крестьянства и концентрацией земли в руках кулаков, ростовщиков и спекулянтов. В результате разорения крестьянских хозяйств, разделов земли между наследниками в Закарпатье наблюдалось усиливающееся из десятилетия в десятилетие измельчание крестьянских наделов. К 1867 году количество крестьянских наделов в отдельных комитатах по сравнению с «терезианским урбарием» увеличилось в таких размерах: Шаришский комитат — с 4970 до 5168, Земплинский — с 6158 до 7139, Ужгородский — с 1939 до 3258, Бережско-Угочский — с 1531 до 5038, Марамарошский — с 2187 до 3159 (см. указ. соч. Biedermann I, ч II, тетрадь I, стр. 107).

Стр. 228

* Такой же процесс сокращения числа крупных и латифундиальных хозяйств мы наблюдаем и в Венгрии в целом (Deb, 1879, стр. 113; Msé, 1871, стр. 126—129; Mse, XX, 1914, стр. 126—137):

Периоды	Количество хозяйств по общей земельной площади (в кадастровых хольдах)			
	200—500	500—1000	свыше 1000	всего
70-е годы XIX ст.	9246	4502	5426	19174
Начало XX ст.	6711	3261	3977	13949

Таким образом, общее количество крупных хозяйств за этот период сократилось на 27,3%. Если данные 70-х годов принять за 100, то в начале XX столетия хозяйства с общей площадью от 200 до 500 хольдов составляли 72,5, с площадью 500—1000 хольдов — 72,4 и латифундии — 73,5%.

Глава III

Стр. 255

* Военная служба являлась одной из наиболее тягостных повинностей, ложившейся на плечи трудящегося крестьянства (кулаки и представители имущих классов всегда имели возможность откупиться от этой повинности или другими путями избавиться от службы в армии). Крестьянские хозяйства в связи с призывом в армию рекрутов лишались главного, нередко единственного, работника и неизбежно приходило в упадок. Палочная дисциплина, тяжелая муштра, использование войск для подавления «бунтов», национальная дискриминация солдат-русинов, обворовывание солдат офицерами, урезывавшими и так скудный «жолнирский» паек, — все это

порождало недовольство масс русинов военной службой, вселяло ненависть к «цесарскому» мундиру.

Жалобы на тяжесть военной службы, на «проклятую солдатчину» отражены во многих коломыйках.

Ой дівиці, молодиці скинтеся по грошу.
Та заплатіть цесареві, най мундир не ношу.
Бодай то-ті карабіни од сонця згоріли,
Бо вже в мене молодого плечі заболіли, —

говорилось в одной из них.

С иронией отзывается коломыйка о «могуществе» австро-венгерской армии, сила которой в «палице» и овсяной похлебке:

Ой цесарю, цесареньку, нащо нас вербуєш?
Забрав турок магазини, чим нас вигодуєш?
Ой буду вас годувати вівсяною поливою,
Ой буду вас висилати цесарською дорогою
Як ми будем, цесареньку, поливоньку їсти,
То ми будем дороженькою помаленьку лізити

(см. «Славянское обозр», т III, сентябрь-декабрь 1892 г. СПб, стр. 189).

Словацкая газета «Národné Noviny» в таких словах охарактеризовала значение для трудящихся Венгрии нового закона о воинской повинности, введенного в 80-х годах XIX столетия. «Мороз подирает по коже, когда читаешь военный закон, предложенный угорскому сейму. Страна наша будет постоянным военным лагерем: каждого мужского пола житель Венгрии обязан быть солдатом с 19 до 42 лет., если только целы у него обе ноги и руки.. Люди, власть имеющие и при этой власти живущие за счет мозолей населения, словно забыли, что в их обязанность входит также и забота о материальном и духовном прогрессе страны... Право, наша страна как будто для того и имеет правительство, чтобы было кому брать с нее подати и солдат» (цит по «Известиям СПб славянского благотворительного общества», № 10, 1888, стр. 567).

Стр. 316

* Тяжелый голод, охвативший в конце 1905 года словацкие и закарпатские жупы (см «Ungvári közlöny» от 12 января 1905 г.), заставил венгерское правительство ассигновать для помощи голодающим 600 тыс. крон (см «Munkácsi Hírlap» от 24 декабря 1905 г.). Эти средства, а также стоимость нескольких сот центнеров пшеницы, выделенных для посева в охваченных голодом областях (см. газ. «Váreg» от 8 октября 1905 года), крестьяне должны были покрыть за свой счет. Однако в связи с сельскохозяйственным кризисом 1905 года и падением цен, на хлеб (см «Ungvári közlöny» от 13 апреля 1905 года) крестьяне не смогли реализовать на рынке хлеб нового урожая и погасить хотя бы часть полученной суммы

Стр 325

* Прямым следствием обнищания масс крестьянства являлось, в частности, сокращение числа лиц, состоящих в браке, и рождаемости детей в семьях низших групп крестьянства. По официальным данным, в 1876 году в закарпатских жупах было заключено 5546 браков (His, 1879, стр. 21), а в 1900 году — 5978 (Msé, IX, 1902, стр. 30—31). Таким образом, в течение 25 лет число браков возросло только на 432, или на 7,4%, в то время как общее количество населения за эти годы увеличилось почти на 30%. Во всех закарпатских областях наблюдается снижение числа заключенных браков на 1000 душ населения, о чем свидетельствуют следующие данные (His, 1879, стр. 21; Kjsé, 1901, стр. 366, 367):

В Венгрии на протяжении 1881—1895 годов было заключено на 1000 душ населения 9—9,5 брака (Msé, 1899, II, 1900, стр. 349). По данным Всесо-

юзной переписи населения 1959 года, в СССР на 1000 душ населения заключается более 12 браков («Правда» от 4 февраля 1960 года).

Комитаты	Годы	
	1876	1900
Бережский	9,0	7,5
Марамарошский	9,0	8,0
Ужгородский	9,5	8,2
Угоцкий	11,1	8,8

Стр. 335

* До 60-х годов XIX столетия в США переселялись преимущественно выходцы из Англии, Ирландии и отчасти Германии. В среднем в 50-х годах число иммигрантов в год достигало 100—200 тысяч чел. На протяжении 1865—1875 годов в среднем ежегодно в США прибывало 425 тыс. чел. переселенцев, главным образом, из Англии, Германии, скандинавских стран и России [см. Мицук О., Аграрна політика (гектографированное издание), Прага, 1926, стр. 166].

** В течение 1882—1892 годов усиливается эмиграция из стран Южной и Восточной Европы (Италия, Австро-Венгрия, Россия). В 1901 году страны Северной и Западной Европы давали 24% иммигрантов в США, а Россия и страны Южной Европы — 74%. Особенно значительным был приток иммигрантов в США в течение 1903—1914 годов (в 1914 году — 1218 тыс. чел.); из общего числа иммигрантов этого периода на страны Восточной и Южной Европы (особенно Италии, России, Австро-Венгрии) приходилось 76% переселенцев (см. указ. соч. Мицук О., Аграрна політика, стр. 165).

Когда настоящая работа была уже набрана, автор ознакомился с книгой А. М. Шлепакова, посвященной вопросам украинской трудовой эмиграции в США и Канаду [см. А. М. Шлепаков, Українська трудова еміграція в США і Канаді (кінець XIX — початок XX ст.), К., 1960], но использовать данные этой книги, к сожалению, не представилось возможным.

*** Только в течение июня 1902 года эмигрировало в Америку 1799 русинов (Ужгородская жупа—351, Марамарошская—156, Земплинская—582, Сабольцкая—240, Абауйская—190, Спишская—177, Боршодская—103). («Изв СПб славянск благотворит. общ.», № 2, ноябрь 1902, стр. 33). В начале XX столетия эмигрантский поток из Закарпатья еще более усилился. Число эмигрантов, как сообщила местная печать, измерялось не сотнями, а тысячами (см. «Görög Katholikus Szemle», 25 июня 1905 г.; «Ungvári Közlöny», 13 апреля 1905 года).

Официальная венгерская статистика приводит следующие данные об эмиграции закарпатских украинцев в из Венгрии на протяжении 1900—1914 годов [Mse, XIII, 1906, стр. 40—60; A magyar szent korona országainak, 1910 évi népszámlálása, I, стр. 235—236; указ. соч. П. Гапак («Дукля», № 3, 1958), стр. 54].

Годы	Количество эмигрантов	Годы	Количество эмигрантов	Годы	Количество эмигрантов
1900	3102	1905	7287	1910	3805
1901	3553	1906	4920	1911	2269
1902	3328	1907	5088	1912	3761
1903	2351	1908	1917	1913	3002
1904	2895	1909	5159	1914	2952

Таким образом, на протяжении указанных 15 лет из Венгрии эмигрировало свыше 55 тыс. закарпатских украинцев, в среднем ежегодно переселялось в другие страны 3700 чел. За пятилетие, с 1900 по 1904 год, количество переселенцев составило 15 тыс. чел., за пятилетие, с 1905 по 1909 год, более 24 тыс. За последнее пятилетие перед первой мировой войной в связи с ограничительными мерами австро-венгерского правительства число эмигрантов сократилось до 15689 чел., но это количество превосходило общее число эмигрантов, переселившихся в другие страны на протяжении 1900—1904 годов.

Наибольшее число эмигрантов закарпатских украинцев давали комитаты Шариш, Земплин, Унг и Спиш. Во многих украинских селах Восточной Словакии эмигранты составляли до 25% всего населения [в селе Бехерев (Бардиевский округ) 727 жителей оставались в деревне, а 203 чел. выехало в другие страны; в селе Беловеже (Бардиевский округ) соответственно 573 и 119 чел.; в селе Вишний Одор (Свидникский округ) — 463 и 155 чел.; в селе Тихий Поток (Липанский округ) — 612 и 210 чел.; в селе Калинов (Межилаборский округ) — 579 и 165 чел.].

Стр. 344

* Прямым следствием массовой эмиграции населения и вымирания крестьянства являлся незначительный рост или даже сокращение числа населения в русинских комитатах. Об этом свидетельствуют следующие данные официальной венгерской статистики: в 1869 году в Шаришском комитате насчитывалось 174830 душ населения, а в 1910 году — 174620 чел., в Ужгородском комитате на протяжении 1869—1880 годов общее количество населения уменьшилось на 3 тыс. чел., в Бережском комитате — на 6 тыс. чел., в Угоцком комитате — на 2 тыс. чел. [His, 1879, стр. 56—57; Kjsé, 1901, стр. 351—352; Msé, III, 1896, стр. 30—33; Msé, IX, 1902, стр. 11—12; A magyar szent korona országainak 1910 évi népszámlálása, I, стр. 12, 484, 815—826; указ. соч. П. Гапак («Дукля», № 3, 1958), стр. 55].

** Определяя эту цифру, мы исходили из следующих данных: естественный прирост населения по четырем закарпатским комитатам составлял в 70—80-х годах 1,8—1,9%, а в 90-х годах 1,9—2,0% в год. Если принять, что среднегодовой естественный прирост населения в течение этих 30 лет составлял 1,9%, то в абсолютных данных прирост населения должен был выразиться цифрой 335 тыс. чел., фактически же, как свидетельствуют данные переписей, увеличение населения достигло только 165 тыс. чел. Таким образом, убыль населения составляла около 170 тыс. чел., которая произошла за счет эмиграции.

Стр. 354

* Как указывала газета «Budapesti Hirlap» (22 апреля 1913 года), правительство США требует, чтобы переселенцы-русины «окончательно американизировались» и поэтому затрудняет деятельность русинских религиозных и культурных обществ. Американские власти поддерживали те русинские религиозные и филантропические общества и «братства», те украинские буржуазно-националистические организации, которые служили целям растления классового сознания трудящихся русинов, внедрения религиозного мировоззрения и пропаганды «американского образа жизни». Этим же целям служила и издаваемая при поддержке американского правительства, капиталистов-предпринимателей, парходных обществ и религиозных корпораций периодическая печать на украинском и русском языках («Свет» — газета на украинском языке «для православных русинов в Соединенных Штатах, Канаде и Бразилии», орган «русских православных братств в Америке» (газета издавалась в городе Ольд-Форж (Пенсильвания) под редакцией протоиерея Г. Грушки); «Русский американский вестник» — еженедельный орган «американских греко-униатов русской народности» (издавался с 1888 года); «Перши русско-американский

календарь», издававшийся в городе Cargel (Пенсильвания) под редакцией Н. Дмитрова; «Календарь для американских русинов», выходивший в городе Олифанте и др.). «Русино-американская» печать была широко использована правительственными органами США для того, чтобы «переварить в американском плавильном котле» (the meltingpot) «зеленых» (greeper) русино-эмигрантов и превратить их в «стопроцентных американцев». Развитию же прогрессивной, рабочей, демократической украинской печати американские власти создавали всякого рода препятствия.

Стр. 358

* В связи с массовой эмиграцией крестьян и батраков из Закарпатья лесозаготовительные и промышленные предприятия стали ощущать недостаток дешевой рабочей силы, особенно в начале XX столетия. Так, в истории заводов Бантлина по этому поводу говорилось в 1906 году впервые администрация заводов столкнулась с трудностями при найме лесорубов. Только предложив повышенную оплату, администрации удалось переселить в район лесозаготовок 200 лесорубов из других областей. В связи с этим «лесное ведомство повысило на невиданный до сих пор уровень цену на лес для частных лиц...» (цит. по указ. соч. Я. Перени, стр. 115).

Стр. 362

* В 1900 году по паспортам выехало 5425 чел. и без паспортов — 837; соответственно в 1901 году — 6399 и 1178; в 1902 году — 6482 и 1580; в 1903 году — 10162 и 2606; в 1904 году — 7443 и 2052; в 1905 году — 11387 и 2447. В 1905 году по сравнению с 1900 годом общее количество эмигрантов возросло в 2,2 раза, количество выехавших по паспортам в 2,1 раза, а без паспортов — почти в 3 раза. Особенно значительной была эмиграция из Ужгородского и Бережского комитатов (в течение 1900 — 1906 годов из Ужгородского комитата выехало в другие страны 26860 чел., или 46,3% всех эмигрировавших за этот период), из Бережского комитата — 14166 чел. (24,4%) (указ. соч. В. І. Ілько, 3 історія селянських рухів., стр. 23).

Стр. 363

* Венгерская печать, доносил русский консул в Будапеште, заговорила о «неслыханном бедствии и вырождении 400000 русских, населяющих Венгрию», слагая всю вину за это «на бессердечное отношение к ним предков» (АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 108, л. 164 об.). Венгерский журнал «Pesti Hírlap», характеризуя причины бедствий русинов Закарпатья, писал: «Трудно понять, каким образом народ, некогда сражавшийся под знаменами Ракоци и защищавший последний национальный оплот, мог дойти до столь печального вырождения». Причиной этого, продолжил журнал, являются «продолжительная небрежность к их нуждам и недобросовестный режим землевладельцев. Можно так же прибавить, что тупомие властей, а отчасти их продажность, предали этот несчастный народ в жертву самому гнусному ростовщичеству.. Какой громадный труд предстоит там, где вековая преступная небрежность совершила свое разрушительное дело!» (цит. по АВПР, ф. Канцелярия, 1899, д. 108 лл. 166—167, 169).

Стр. 374

* Заслуги Э. Эгана в осуществлении программы «верховинской акции» официальной венгерской и униатской закарпатской печатью чрезвычайно преувеличивались, а личность его идеализировалась. Газета «Pesti Hírlap» (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 108, л. 168) называет Э. Эгана «твердым и добросовестным королевским комиссаром». У нас нет оснований отрицать его энергичную деятельность как руководителя экспозитуры; можно сказать, что он был душой этой акции. Но он являлся только добросовестным и исполнительным агентом венгерского правительства, проводником его колониальной политики в Закарпатье. Если Эган и отличался от других высших чиновников министерства земледелия, допустим, от его преемников на посту правительственного комисса-

ра, то только более либеральными взглядами и умением облекать свою деятельность оболочкой «гуманности». Все это способствовало созданию ореола «народолюбца» вокруг имени Эгана. Газета «Неделя», характеризуя деятельность Эгана, писала: «Муж сесь велики заслуги мае коло поднятия быту народа нашего, ревню заступяе народ наш, з целою душою змагаеся, чтобы поправити долю русинов» (цит. по АВПР, ф. Политархив, 1900 г., д. 575, л. 8)

Местная и венгерская печать особенно превозносила его «заслуги» в борьбе против ростовщиков, и это было не случайно. Ей импонировала антисемитская направленность, как «мемориала», так и всей деятельности Эгана, особенно ополчавшегося против ростовщиков не потому, что это были представители паразитического капитала, а потому, что в большинстве своем в Закарпатье ростовщики относились к числу еврейской буржуазии. В 1898 году он обратился с письмом к председателю «Международного комитета по переселению евреев» в Париже Зонненфельду с предложением организовать свободное переселение евреев из Закарпатья в Аргентину (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1898 г., д. 24, лл. 5—6). Наконец, надо подчеркнуть, что этот «народолюбец» в соответствии с колонизаторскими планами венгерского правительства использовал «верховинскую акцию» в целях мадьяризации русинов.

Стр 376

* В 1905 году, например, мероприятия экспозитуры по распространению сельскохозяйственных знаний сводились к следующему: при государственной чоточной ферме в Н-Берецках была создана школа, в которой обучалось 12 человек; в программу «повторительной» начальной школы в Сваляве (120 учеников) были включены и уроки по сельскому хозяйству, в Венгрию на различного рода курсы экспозитурой командированы 4 священника, 2 учителя и 4 крестьянина (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1906 г., д. 720, л. 50). В этом же году в Мукачево была организована выставка сельскохозяйственных машин (там же, л. 39 об). В 1911 году в 24 селах существовали краткосрочные сельскохозяйственные курсы, которые посещали 1780 крестьян, главным образом заживочных; «бродячими учителями» проведено несколько лекций по сельскому хозяйству и на «культурно-исторические» темы, на которых присутствовало 420 крестьян; в 11-м Мукачевском пехотном полку солдаты прослушали 44 часа лекций по сельскому хозяйству (см. ГАЗО, ф. 772, оп. III, 1912 г., д. 12, л. 73).

Стр 377

* Приведенные нами выше факты, свидетельствующие о незначительных размерах и тяжелых условиях государственной помощи крестьянским хозяйствам, можно дополнить высказыванием по этому поводу депутата венгерского парламента от Бережской жупы Ф. Бузата. В газете «Алкотлапу» (№ 33, 7 февраля 1904 года) он писал, характеризуя проведение и результаты «верховинской акции»: при распределении племенного скота лучшие телки достаются священникам, чиновникам и кулакам, а похуже — крестьянам, а если они отказываются брать телок, то их приучадают к этому силой через жандармов Министерство земледелия арендовало у графа Шенборна землю в среднем по 4 кроны за хольд, а сдает крестьянам лучшие участки по 12—24 кроны за хольд, таким образом, писал Ф. Бузат, «расходы экспозитуры покрывает русин». Помимо тяжести налогов, крестьянин за ссуду зерном, за племенной скот и другие виды «помощи» уплачивает проценты и становится «рабом государства»

** Рекламируемая закарпатской и венгерской печатью деятельность экспозитуры по оказанию юридической помощи крестьянам, которая якобы ослабила всевластие ростовщиков в судебных учреждениях, не соответствует действительности. Архивы экспозитуры дают не мало фактов, свидетельствующих о том, что «советы» адвокатов при юридических кон-

сультациях, созданных экспозитурой (в 1911 году существовало две та-ких консультации), и «защитники», выступающие по делам крестьян, приносили мало пользы, но дорого им стоили. Из многочисленных примеров подтверждающих это, приведем только один. Крестьянин Я. Касинец (село Кемлер Ужгородской жупы) обратился в суд с жалобой на нотариуса и старосту, которые назначили продажу с торгов его земельного участка за долг ростовщику в 28 крон. Мало того, что суд признал действия властей «законными», но еще возложил на крестьянина судебные издержки в сумме 90 крон, а адвокат Д. Болкани потребовал за выступление в качестве «защитника» 60 крон. Я. Касинец вынужден был взять под залог своей земли новую ссуду в Мукачевской сберегательной кассе, чтобы уплатить 178 крон, включающие долг ростовщику, судебные издержки по проигранному делу и гонорар адвокату (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1904 - 1905 гг., д. 581, л. 15).

Стр. 378

* Помимо огромного распыления ассигнованных на проведение «верховинской акции» средств, значительные суммы были растрачены священниками и чиновниками, возглавлявшими кооперативы и кустарные артели, и израсходованы на административно-управленческие цели. Так, на протяжении 1900—1902 годов на заработную плату чиновникам ежегодно расходовалось 60 тысяч крон и на командировки — 50 тысяч крон, а также много средств уходило на премирование «активных деятелей» этой акции. В 1903 году, например, правительственный комиссар экспозитуры И. Казя получил премии 2400 крон, его помощник Д. Боронкон — 1300 крон, уполномоченные экспозитуры в комитатах — по 800—1000 крон. В 1904 году, помимо высших чиновников экспозитуры, получили премии 50 руководителей кредитных обществ, 24 священника и нотариуса, 32 счетовода кооперативов и другие лица на сумму 25 тысяч крон (см. ГАЗО, ф. 772, оп. I, 1905 г., д. 707, лл. 1—50).

Стр. 381

* Венгерский автор И. Перени, правильно оценивая значение и последствия «верховинской акции», вместе с тем выделяет 1897 год (год начала деятельности «правительственной комиссии горного края») как этап, отделяющий якобы «второй» период развития капитализма в Закарпатье от «третьего» (см. указ. соч. И. Перени, стр. 77). По нашему мнению, для выделения 1897 года как рубежа, отделяющего новый этап в развитии капитализма в Закарпатье, нет должных научных оснований.

Стр. 382

* Мукачевский епископ А. Папп в январе 1918 года в своем секретном донесении премьер-министру Венгрии Ш. Векерле писал о «голоде, свирепствующем среди народа Верховины и о массовых случаях голодного тифа». Он указывал, в частности, что недостаток продуктов питания угрожает населению «голодной смертью» и приводил такие примеры: в селе Сайкофалва 36 крестьян болеют голодным тифом, в селе Хатмер двое детей умерло от голода; в других селах дети «пухнут от голода». Поджупан верховинского комитата, как сообщал епископ, на просьбу крестьян оказать помощь голодающим, цинично ответил: «Когда третья часть этого народа погибнет, то другим больше достанется...» (цит. по соч. Э. Андиш, Венгерское рабочее движение в период первой мировой войны и влияние Великой Октябрьской социалистической революции, «Acta Historica», т. I, Врп., 1952, стр. 255).

Цена в руб. 61 коп.